АКАДЕМИК

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

IV

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
IV

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

IV

РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, НУМИЗМАТИКЕ, ЭПИГРАФИКЕ И ЭТНОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1966

Сканирование и обработка
Bewerr

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников, Б. Г. Гафуров (председатель), *А. Н. Кононов* (зам. председателя), *М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков*

IV том подготовил к изданию
В. М. Массон

Ответственный редактор
М. Е. Массон

Редакторы издательства
О. Г. Большаков и *Н. Г. Михайлова*

1-6-2
подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученый широкого кругозора и необычайной эрудиции, В. В. Бартольд, будучи в первую очередь историком стран Среднего Востока, включал в круг своих научных интересов также вопросы археологии и нумизматики, этнографии и эпиграфики. Внимательно следя за успехами этих отраслей знания в изучении истории народов соответствующих областей, он не только использовал их достижения в своих многочисленных трудах, стремясь воссоздать возможно более полную и всестороннюю картину прошлого, но и сам выступил с рядом исследовательских работ по этой тематике. Свойственные В. В. Бартольду скрупулезность и точность анализа фактического материала, высокая научная требовательность и принципиальность позволили ему и тут достичь значительных результатов. Первое место по объему и значению занимают работы, связанные с археологической проблематикой. Являясь в первую очередь специалистом, работавшим главным образом над письменными источниками, В. В. Бартольд вместе с тем глубоко понимал значение археологических памятников для познания прошлого. Неоднократно в устных выступлениях и в печати он проводил свои взгляды на археологию как на неразрывную часть единой исторической науки. Только дважды ему лично пришлось проводить полевые археологические исследования. Впервые это было в 1893 г., когда он был направлен в Туркестан С.-Петербургским университетом в качестве начальника маршрутной экспедиции. Как писал сам В. В. Бартольд, «исследование памятников искони культурной и оседлой Трансоксианы на этот раз не входило в круг задач экспедиции; я предполагал начать свои изыскания с окрестностей Чимкента, где обыкновенно начинались владения кочевников. Согласно инструкции факультета, я должен был обратить главное внимание на долины Чуйскую и Илийскую» [1].

Экспедиция началась неудачно для ее руководителя. Из-за перелома ноги при падении с лошади он был вынужден остаться в Аулие-Ата (ныне Джамбул), а затем вернуться в Ташкент и лишь в следующем, 1894 г. смог совершить отсюда поездку в долины Таласа, Чу, к озеру Иссык-Куль и далее вдоль реки Или. Сотрудником экспедиции был художник С. М. Дудин, составлявший цитируемые В. В. Бартольдом в своем отчете описа-

[1] *К вопросу об археологических исследованиях*, — ниже, стр. 95.

ния памятников. Раскопок в ходе этих работ не производилось, и полевые исследования ограничились внешним осмотром городищ, курганов и отдельных объектов, точная хронология которых при тогдашнем уровне археологических знаний не могла быть установлена.

Вторично В. В. Бартольд производил археологические работы по заданию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии уже десять лет спустя. На этот раз он выехал в 1904 г. в Самарканд с целью изучения топографии дотимуридского города и производства раскопок на развалинах древнего Самарканда — городище Афрасиаб, опираясь на выбранные им сведения из письменных первоисточников. На месте в ходе работ, в которых в качестве помощника принимал участие археолог В. Л. Вяткин, были сделаны важные историко-топографические наблюдения (определение положения ворот, возможного местонахождения соборной мечети, водопровода). В первом сезоне работ были начаты раскопки на самом городище к западу от цитадели, где действительно удалось обнаружить руины соборной мечети. В 1905 г. эти так успешно начатые раскопки В. В. Бартольд продолжать не стал, а дальнейшее ведение земляных работ на площади соборной мечети было поручено В. Л. Вяткину, в распоряжение которого и позднее для археологического изучения Самарканда поступали небольшие средства, выделяемые упомянутым Русским комитетом, одним из двух секретарей которого был В. В. Бартольд. С тех пор, по-прежнему интересуясь и всячески способствуя производству небольших по масштабу эпизодических археологических работ в Туркестане, он сам уже больше никогда не принимал в них участия, на практике убедившись, что археология — не его призвание. В отличие от своего учителя Н. И. Веселовского В. В. Бартольд до конца жизни оставался кабинетным ученым. Об этом он вполне откровенно писал и сам в своей краткой «Автобиографии»: «Под влиянием Радлова я был командирован Академией наук и университетом в Среднюю Азию для разведочных археологических работ; эта экспедиция не принадлежала к числу удачных. Не вполне успешно была выполнена и более сложная археологическая задача, возложенная на меня в 1904 г. также не без влияния Радлова, — производство раскопок в Самарканде. Каждая новая попытка в этом направлении лишний раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории. Вполне в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками. Из всех моих поездок в Среднюю Азию самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мною не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками».

Это обстоятельство, однако, отнюдь не умаляет значения В. В. Бартольда как разностороннего ученого, всегда стремившегося использовать археологические материалы, хотя бы и не добытые им лично. Именно историческая проблематика является наиболее сильной стороной в его

работах и статьях, посвященных археологии. Взгляды и труды этого крупнейшего историка-ориенталиста долгое время оказывали значительное воздействие на направленность многих археологических работ в Средней Азии [2], хотя его попытка в 1920 г. сформулировать на ближайший отрезок времени задачи туркестанской археологии в широком плане [3] не явилась вполне удачной [4].

С момента учреждения в 1919 г. Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) В. В. Бартольд на протяжении многих лет занимал ответственный пост заместителя председателя этой новой советской организации (позднее ГАИМК), созданной на смену прежней императорской Археологической комиссии, уже с более широкими задачами. Он прекрасно понимал желательность осуществления в Средней Азии систематических раскопок, в том числе крупного масштаба, и вместе с тем ясно отдавал себе отчет в том, что производить их так, почти кустарно, как это делалось до революции, уже нельзя. Играя видную роль в планировании деятельности археологической секции учрежденного при ЦИКе Туркестанской Республики с 1920 г. Туркестанского комитета по делам музеев и по охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, затем Средазкомстарис), В. В. Бартольд положительно расценивал впервые начавшие тогда проводиться археологические исследования у памятников архитектуры перед осуществлением на них каких-либо ремонтно-реставрационных работ, что выгодно отличало их от стиля работ Археологической комиссии. При этом он всегда настойчиво рекомендовал воздерживаться от организации самостоятельных раскопок (особенно по линии музеев) на городищах и других крупных археологических объектах до тех пор, пока не появятся кадры археологов, вооруженных новыми приемами методики ведения земляных работ и фиксации археологических наблюдений. На эту тему ему неоднократно приходилось вступать в спор, между прочим, с В. Л. Вяткиным.

Среди работ В. В. Бартольда, связанных с археологической тематикой, едва ли не первое место занимают статьи о Самарканде. В настоящем томе публикуется одиннадцать статей и заметок, посвященных этому городу и его области. Они включают отчеты о работах, производившихся самим В. В. Бартольдом [5], подборки сведений из письменных источников по отдельным памятникам и объектам [6], а также критические обзоры

---

[2] О влиянии работ В. В. Бартольда на Туркестанский кружок любителей археологии см. Лунин, *Из истории русского востоковедения*, стр. 28 и сл.

[3] Бартольд, *Ближайшие задачи*.

[4] М. Массон, *Краткий очерк*, стр. 18—19.

[5] *Отчет о поездке в Самарканд*, — ниже, стр. 130—133; *Поездка в Самарканд*, — ниже, стр. 139—140.

[6] *По поводу христианского селения*, — ниже, стр. 110; *Мечеть Биби-ханым*, — ниже, стр. 116—118; *Письмо в редакцию*, — ниже, стр. 134; *Новые данные*, — ниже, стр. 238—242.

исследований и публикаций [7]. Самаркандская проблематика была, видимо, особенно дорога и близка В. В. Бартольду, посвятившему средневековью этого города немало страниц в историко-географическом обзоре «Туркестана» [8]. Он даже мечтал написать о нем специальную книгу наподобие известной монографии В. А. Жуковского о Мерве, о чем прямо говорится в отчете о поездке в Самарканд в 1904 г.: «Предполагалось исследовать остатки дотимуровского Самарканда и результатами этого исследования воспользоваться для исторической монографии, которая, по образцу труда В. А. Жуковского о Мерве, заключала бы в себе свод письменных известий о Самарканде до эпохи Тимура, описание современного состояния развалин и сопоставление литературных данных с археологическими для выяснения исторической топографии города» [9].

Однако эта работа им не была выполнена. Нет никаких сомнений, что никто лучше него не смог бы собрать и интерпретировать сведения письменных источников о Самарканде. По-видимому, неуверенность в трактовке археологических наблюдений и вещевых материалов, добывавшихся В. Л. Вяткиным на Афрасиабе, и служила одним из тормозов к созданию задуманного капитального труда. Признаки сожаления о своих несвершившихся замыслах улавливаются между строк в одной из последних работ В. В. Бартольда, опубликованной в 1928 г.: «Монографии о самаркандском городище Афрасиаб можно было ожидать только от В. Л. Вяткина, в течение многих лет производившего там раскопки; только им могли быть выяснены историческая топография Афрасиаба и культурно-историческое значение найденных до сих пор на поверхности этого городища и в его недрах остатков прошлого», но эта новая «работа В. Л. Вяткина, вероятно, вызовет в читателях и некоторое чувство разочарования» [10].

Указанная брошюра В. Л. Вяткина ни в коей мере не отвечала ожиданиям. Последующие работы советских археологов в Самарканде доставили ряд принципиально новых материалов [11]. История развития Самарканда по-иному, чем у В. Л. Вяткина, рассматривается М. Е. Массоном в спецкурсе «Историческая топография Самарканда», читаемом с 1940 г. на историческом факультете Ташкентского университета [12].

---

[7] *Отчет о командировке в Туркестан*, — ниже, стр. 243—261; *Археологические работы в Самарканде*, — ниже, стр. 269—279.

[8] См. наст. изд., т. I, стр. 134—144.

[9] Бартольд, *Поездка в Самарканд*, — ниже, стр. 139.

[10] См. ниже, стр. 290—291.

[11] Тереножкин, *Археологическая разведка*; его же, *Вопросы*; его же, *Раскопки на городище Афрасиабе*; его же, *Согд и Чач*; Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция*; его же, *Полевые работы Узбекской археологической экспедиции*; его же, *Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г.*; М. Массон, *К периодизации*.

[12] См. изложение ряда основных положений этого курса по домонгольскому Самарканду в статье М. Массона *К периодизации*.

Однако книги о дотимуридском Самарканде не появилось и до сих пор [13]. При создании этой безусловно необходимой монографии советским исследователям предстоит опираться как на новейшие археологические наблюдения, так и на выводы и факты, приведенные в статьях и заметках В. В. Бартольда о крупнейшем городе Мавераннахра.

Три работы из публикуемых в данном томе [14] посвящены другому крупнейшему городу Средней Азии — тому самому Мерву, которому посвящена книга В. А. Жуковского, считавшаяся В. В. Бартольдом единственной в своем роде. Такая оценка не помешала ему выступить со специальной статьей, дополняющей эту монографию и вносящей ряд коррективов в истолкование ее автором данных арабских источников. В этой же работе, скромно названной «К истории Мерва», в связи с интерпретацией средневековой терминологии, употреблявшейся для обозначения отдельных частей города, он изложил свою концепцию истории среднеазиатского города, которая оказала большое влияние на последующих исследователей. Можно смело сказать, что обоими названными учеными был собран почти исчерпывающий материал письменных источников о Мерве [15], являющийся до сих пор основной фактической базой при изучении прошлого этого города, хотя сама конкретная история его развития в результате проведенных за последние годы археологических исследований выявляется для ряда эпох иначе, чем это представлялось раньше [16].

Сам В. В. Бартольд с присущей ему скромностью и самокритичностью очень невысоко расценивал результаты своей экспедиции в Среднюю Азию в 1893—1894 гг., однако его работы, связанные с ней [17], представляют большой и важный этап в изучении истории и археологии Киргизии и юга Казахстана. Особенно здесь следует выделить исключительно содержательный «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью», продолжающий оставаться образцовым и сохраняющим свое значение по заключенным в нем многочисленным историческим данным, извлеченным из письменных первоисточников, о районах, по которым проходил

---

[13] Лучше отражено в печати изучение Самарканда времени Тимура и Тимуридов. См.: Якубовский, *Самарканд при Тимуре и Тимуридах*; М. Массон, *Самаркандский Регистан*; его же, *Архитектурно-планировочный облик Самарканда*; его же, *Самарканд времени Улугбека*.

[14] *К статье г-на д-ра Шмидта*, — ниже, стр. 135; *К истории Мерва*, — ниже, стр. 172—195; *По поводу*, — ниже, стр. 282—289.

[15] Отдельные новые детали см. у Булгакова, *Из арабских источников о Мерве*.

[16] С 1950 г. в Мерве систематически проводятся работы ЮТАКЭ. См.: М. Массон, *Новые данные*; его же, *Новое в истории Мерва*; его же, *Краткая хроника*, а также «Труды ЮТАКЭ», т. XI—XII, Ашхабад, 1962—1963.

[17] *К вопросу об археологических исследованиях*, — ниже, стр. 95—109; *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, — ниже, стр. 21—91; *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, — ниже, стр. 111—115. К этим же работам примыкает по существу *Очерк истории Семиречья*, — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 23—106.

маршрут экспедиции. В части приводимых там описаний самих археологических памятников следует иметь в виду общий уровень археологической науки конца XIX в. и то обстоятельство, что по существу В. В. Бартольд был пионером в историко-топографическом охвате этой обширнейшей территории. Тщательная подборка сведений по исторической географии края и их скрупулезный анализ привели к тому, что «Отчет» В. В. Бартольда на долгие годы оставался и в известной мере остается источниковедческой базой всех последующих изысканий в области исторической топографии этих областей для поры средневековья. Весьма показательно, что проведенные уже при советской власти широкие по масштабам работы А. Н. Бернштама, которые А. Ю. Якубовский рассматривал как прямое продолжение экспедиции В. В. Бартольда [18], подтвердили правильность целого ряда сделанных последним отождествлений, опубликованных в его «Отчете» еще в конце прошлого столетия [19].

Исследования подобного типа — как монографии, так и отдельные статьи — получили затем широкое распространение в литературе по археологии Средней Азии. Их авторы, опираясь на новые достижения, шире и полнее используют собственно археологический материал, определяя, в частности, его хронологическое положение, но в своих работах, аналогичных по тематике, они во многом следуют тому направлению и стилю исполнения, которые нашли столь яркое воплощение в бартольдовском «Отчете».

В. В. Бартольд постоянно был в курсе всей новой литературы, посвященной странам Среднего и Ближнего Востока, и быстро откликался на важные труды в этой области. Помимо историко-топографических исследований, учета памятников и раскопок в Самарканде в туркестанской археологии досоветского периода к числу значительных событий принадлежали обнаружение оссуариев и работы американской экспедиции Р. Пампелли в Закаспии. В. В. Бартольд принял живейшее участие в развернувшейся дискуссии по поводу оссуарного способа погребений. В 1900 г. он приводит данные письменных источников о погребальных обрядах [20], а затем в 1908 г. выступает с развернутым обзором сделанных находок и литературы вопроса [21]. С тех пор круг привлеченных письменных источников не был сколько-нибудь существенно увеличен последующими исследователями. Интересно отметить также вывод В. В. Бартольда, сообщенный им в письме Н. П. Остроумову от 13 февраля 1901 г.: «Поклонники Зороастра, воздвигавшие башни, никогда не собирали костей в особые гробы. Загадочный способ погребений, о котором говорят Табари и Нершахи и о котором лишний раз свидетельствует

[18] Предисловие к книге Бернштама *Памятники старины Таласской долины.*

[19] См. работы Бернштама: *К исторической топографии*; *Памятники старины*; *Археологический очерк*; *Памятники старины Алма-Атинской области.*

[20] *Еще о самаркандских оссуариях*, — ниже, стр. 119—123.

[21] *К вопросу об оссуариях*, — ниже, стр. 154—171.

самаркандская находка, показывает, что верования жителей Мавераннахра отличались от верований их персидских современников; если в Мавераннахре был распространен зороастризм, то во всяком случае особая секта, обряды которой существенно отличались от обрядов правоверных последователей Зороастра» [22]. Новые археологические данные полностью подтвердили справедливость подобного заключения [23].

Развернутой рецензией откликнулся В. В. Бартольд и на первую публикацию работ экспедиции Института имени Карнеги, возглавлявшейся Р. Пампелли [24]. Не прошло мимо В. В. Бартольда также начало работ французской экспедиции в Афганистане [25]. В связи с появлением в печати исследований по архитектуре средневекового Хорасана им была написана статья об одном из памятников этого района [26].

При этом особенно следует отметить характерную для В. В. Бартольда высокую научную принципиальность и требовательность. С убийственным сарказмом разоблачает он прикрытое пышными фразами невежество немецкого искусствоведа Э. Кон-Винера, побывавшего в 1924 г. в Средней Азии [27], так же как суровой критикой звучит его отзыв о некоторых археологических работах упомянутой американской экспедиции, проявившей непростительное верхоглядство в знакомстве с научной литературой. «Уже первые страницы книги, — пишет В. В. Бартольд, — вызывают в читателе невольное сомнение в том, в состоянии ли вообще члены экспедиции, в том числе и ее глава, судить о том, в какой мере результаты их изысканий представляют что-либо новое по сравнению с тем, что было известно до них. Среди участников экспедиции, насколько можно судить по их отчетам, не было ни одного знатока истории Средней Азии, вообще ни одного ориенталиста; в отчете самого проф. Р. Пампелли проявляется полное незнакомство как с прошлым Средней Азии, так и с ее современным положением» [28].

Повсюду в своих работах В. В. Бартольд выступает как патриот отечественной науки и отстаивает прогрессивные взгляды на развитие народов Востока. Как отмечалось рядом исследователей, он сумел преодолеть расовую теорию буржуазных ученых и широко распространенное в их среде пренебрежительное отношение к народам Востока [29]. Характерно его резкое возражение против мнения о том, что арабское завоевание положило начало непрерывному упадку персидского народа, и наглядный показ огромных культурных и экономических достижений,

[22] См. Лунин, *Из истории русского востоковедения*, стр. 174—175.

[23] Ср. Ставиский и др., *Пянджикентский некрополь*, стр. 10—11.

[24] См. ниже, стр. 141—153.

[25] См. ниже, стр. 300—305.

[26] *Башня Кабуса*, — ниже, стр. 262—266.

[27] *Археологические работы в Самарканде*, — ниже, стр. 269—279.

[28] См. ниже, стр. 142.

[29] Марр, *Василий Владимирович Бартольд*, стр. 9—10; Якубовский, *Проблема*, стр. 78.

имевших место в средневековую эпоху истории Ирана [30]. Вместе с тем В. В. Бартольд выступает и против тенденции использования памятников древности в интересах местнического национализма. В отзыве о трудах Н. Я. Марра В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов особо отмечают, что «такие результаты достигнуты были Н. Я. Марром только после долгой борьбы с научными, национальными и политическими предрассудками. Недоверие к его работам проявлялось . . . и среди . . . представителей армянского образованного общества, смотревшего на развалины Ани как на свое национальное достояние и неохотно мирившегося с более широкой постановкой научных исследований, при которой изучение Ани и охрана его памятников становится правом и обязанностью русской и мировой науки» [31]. Хотя В. В. Бартольд и испытал в последние годы своей жизни значительное влияние марксизма, но он так и не смог понять, что именно политика коммунистической партии и советской власти обеспечивает правильное решение национального вопроса и подлинно научную координацию усилий ученых всех национальностей в изучении стран Востока. Это непонимание отразилось в ряде его высказываний в отдельных работах, в том числе в одной из статей, публикуемой в настоящем томе.

В. В. Бартольд проявлял постоянное внимание и оказывал содействие в деле развертывания археологических работ и охраны памятников на территории Туркестана. При его помощи осуществлялось финансирование как раскопок В. Л. Вяткина в Самарканде, так и ряда работ, проведенных членами Туркестанского кружка любителей археологии, одним из членов-учредителей которого он был [32]. Заботился В. В. Бартольд о расширении археологических работ в Средней Азии, а также их финансировании и после Великой Октябрьской революции [33]. В ряде своих статей и заметок он ставил вопросы организации охраны памятников [34]. В работах В. В. Бартольда прямо или косвенно поднимались и вопросы истории архитектуры стран Востока.

Выше уже отмечалось, что в круг интересов В. В. Бартольда попадали кроме археологии нумизматика, эпиграфика и этнография, последняя главным образом по палеоэтнографической проблематике. Как совершенно справедливо указала В. А. Крачковская, эпиграфика всегда была в поле его зрения, но и в лапидарных текстах и в надписях на монетах В. В. Бартольд внимание уделял преимущественно их содержа-

---

[30] *Башня Кабуса*, — ниже, стр. 262.

[31] См. ниже, стр. 230.

[32] См. главу «В. В. Бартольд и Туркестанский кружок любителей археологии» в книге Лунина *Из истории русского востоковедения*, стр. 206—239.

[33] Там же, стр. 239.

[34] *Отчет о поездке в Самарканд*, — ниже, стр. 130—133; *Об охране земельных участков*, — ниже, стр. 236—237; *Отчет о командировке в Туркестан*, — ниже, стр. 243 и сл.; *Самовольные раскопки и востоковедение*, — ниже, стр. 267—268; *Бухара*, — ниже, стр. 280—281.

нию [35]. С осени 1896 до 1901 г. он был хранителем минц-кабинета С.-Петербургского университета. В университете же В. В. Бартольд читал специальную лекцию по «Восточной нумизматике» [36]. Ознакомившись с присущей ему обстоятельностью с хранящимися здесь коллекциями, В. В. Бартольд не только занимался дальнейшей их обработкой и систематизацией с составлением каталога, но и опубликовал серию заметок, посвященных наиболее интересным экземплярам этого собрания [37]. В дальнейшем он еще несколько раз публиковал отдельные статьи по вопросам нумизматики, не считая использования нумизматического материала в его многих капитальных исторических трудах. В. В. Бартольд уделял особое внимание правильности чтения легенд, основываясь на тщательном анализе и широких познаниях в области ряда восточных языков. Достаточно сказать, что предложенное им чтение тюркоязычной легенды на монетах Улугбека [38] до настоящего времени является наиболее приемлемым.

Для высокой научной требовательности В. В. Бартольда весьма характерен ход дешифровки тюркоязычной легенды на монетах XIII в. чагатаидского чекана с так называемыми угрожающими надписями. Публикуя один дирхем с такой легендой, он первоначально ограничивается чтением надписи лишь одной стороны монеты, отмечая, что надпись другой стороны «не могла быть прочитана . . . хотя начертание каждой буквы можно восстановить почти с полной точностью» [39]. Продолжая работать над тем же дирхемом, он выступает на заседании Восточного отделения Русского археологического общества с соображениями по поводу чтения легенды и другой стороны монет, дополненными присутствовавшим на заседании П. М. Мелиоранским [40]. Вскоре после этого в печати появляется заметка В. К. Трутовского, предлагающего видеть в надписи не тюркоязычный текст, а дату выпуска монет [41]. Отвечая на критику В. К. Трутовского, В. В. Бартольд дает обстоятельный эпиграфический и лингвистический анализ надписи и лишь на этот раз приводит полное чтение легенды: «Кто не возьмет (т. е. не станет принимать этой монеты) будет преступником» [42]. В основном такое толкование сохраняет свое значение и до настоящего времени [43]. Не проходит В. В. Бартольд и мимо возможной исторической интерпретации монет со столь интересной легендой. В этой связи он замечает, что «мы имеем здесь или

---

[35] Крачковская, *В. В. Бартольд*, стр. 10 и 17.

[36] О ней см. Лунин, *Неопубликованный текст.*

[37] *Из минц-кабинета*, I—IV, — ниже, стр. 343—345, 348—353.

[38] *Монеты Улугбека*, — ниже, стр. 362—364.

[39] *Из минц-кабинета*, I, — ниже, стр. 343—345.

[40] *О некоторых самаркандских дирхемах*, — ниже, стр. 346—347.

[41] Трутовский, *Несколько слов.*

[42] *Из минц-кабинета*, IV, — ниже, стр. 353.

[43] Некоторые возможные добавления см. Альхамова, *Клад*, стр. 72.

запрещение вывоза монеты, предназначенной для местного обращения, или установление принудительного курса» [44]. Работами советских нумизматов было установлено, что правильно именно второе предположение и что перед нами монеты с принудительным курсом (известно даже посеребрение медных дирхемов с подобной легендой), выпущенные в связи с попытками выйти из серебряного кризиса, завершившимися переходом на серебро в 1270 г. [45].

Среди эпиграфических работ В. В. Бартольда, состоящих главным образом из небольших статей и заметок, выделяется обстоятельное исследование «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» [46]. Его можно считать образцом исторической интерпретации эпиграфического памятника. Автор не ограничивается переводом надписи, а широко привлекая данные письменных источников и нумизматический материал, дает углубленное толкование встречаемых в надписи терминов и раскрывает историческое значение памятника.

Столь же большое значение среди работ, связанных с этнографией, имеет его исследование, скромно названное «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» [47]. Здесь с присущей автору основательностью собран и систематизирован огромный фактический материал, извлеченный из письменных источников и остающийся до настоящего времени лучшей сводкой по данному вопросу. Привлекает В. В. Бартольд и археологический материал, бывший в то время еще весьма ограниченным. Выводы, сделанные им на основании скрупулезного анализа, по мнению ряда исследователей, подтверждаются новым археологическим материалом [48]. В ряде рецензий на работы Г. Н. Потанина [49], выдающегося путешественника и исследователя Центральной Азии, В. В. Бартольд выступает за строго научный метод изучения мифологии, против поспешных выводов и заключений. Небольшая заметка, связанная с ролью аиста в народных верованиях [50], примечательна не только внимательным отношением к роли и значению средневековой среднеазиатской литературы [51], но и обстоятельствами своего появления. Опубликованная в 1922 г. в Ташкенте, она впервые была помещена в рукописном студенческом журнале «Муштари», издававшемся в 1915 г. членами тур-

---

[44] *О некоторых самаркандских дирхемах*. — ниже, стр. 346.

[45] Альхамова, *Клад*, стр. 73; М. Массон, *Исторический этюд*.

[46] См. ниже, стр. 313—338.

[47] См. ниже, стр. 377—396.

[48] Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*.

[49] См. ниже, стр. 369—373.

[50] *Из средневековой туркестанской поэзии*, — ниже, стр. 397—398.

[51] В этой статье В. В. Бартольд писал, как бы предвосхищая дискуссии начала 50-х годов: «Уроженцы Туркестана приняли выдающееся участие в созидании персидской лирики, сделавшейся достоянием всего иранского народа, и их произведения в большом числе вошли в антологию персидской поэзии» (ниже, стр. 397).

кестанского землячества в Петербурге. Как отмечал один из старейших туркестановедов Н. М. Архангельский, В. В. Бартольд «часто посещал собрания землячества, происходившие в Нобелевском Народном доме, и выступал на них. Руководил Бартольд и Туркестанским студенческим журналом, выпускавшимся в Петербурге, и предоставил для этого журнала свою статью. . . Василий Владимирович всегда очень радовался присутствию на его лекции туркестанцев и являлся отзывчивым и заботливым воспитателем молодежи» [52]. В библиотеку землячества он сам заносил свои последние печатные работы. Здесь перед нами маститый ученый-востоковед выступает как человек, старающийся не замыкаться в кабинетном мирке, а по мере сил содействовать современному развитию той страны, крупнейшим знатоком прошлого которой он был при жизни признан мировой научной общественностью.

Кратко охарактеризованные выше работы В. В. Бартольда в области археологии, нумизматики, эпиграфики и этнографии являются не только ценным справочным материалом, но и образцом высоких научных традиций русского востоковедения.

* *
*

Из числа работ В. В. Бартольда, близких по тематике материалам, публикуемым в IV томе, в настоящее издание не включены выдержка из его письма научным организациям Туркмении по поводу мечети Анау, как не содержащая сведений научного характера [53], и изданный в Финляндии обзор «Neuere Forschungen in Turkestan» [54], в основном повторяющий другие работы В. В. Бартольда, в частности «Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)». В равной мере при нынешнем состоянии археологической науки было признано нерациональным воспроизведение большинства иллюстраций, приводившихся в работах В. В. Бартольда. Вместе с тем, ввиду того что В. В. Бартольдом так и не был написан развернутый отчет о его работах в Самарканде в 1904 г., публикуются оба его предварительных сообщения об этих исследованиях [55], несмотря на некоторые повторения в текстах. В «Отчете о поездке в Среднюю Азию с научною целью» в настоящем томе не публикуется приложение, содержащее текст и перевод главы о тюрках из сочинения Гардизи; оно будет помещено в VIII томе «Сочинений». Дополнение к статье «К истории Мерва», напечатанное в ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0218, помещено нами в виде сноски к тексту статьи (см. ниже, стр. 174, прим. 12).

---

[52] См. Лунин, *Из истории русского востоковедения*, стр. 235—236.
[53] Бартольд, *Анау*.
[54] JSFOu, t. XL, 1924.
[55] См. ниже, стр. 130 и 139.

Текст IV тома подготовлен к изданию В. М. Массоном под редакцией М. Е. Массона. Переводы с немецкого двух заметок В. В. Бартольда осуществлены О. Г. Большаковым. Примечания (в угловых скобках) в основном составлены В. М. Массоном (особо не отмечены); примечания, сделанные редактором, отмечены инициалами — *М. М.* В работе над подготовкой тома большую помощь оказали О. Ф. Акимушкин, О. Г. Большаков, Ю. Э. Брегель, Г. А. Пугаченкова, которым составитель приносит свою искреннюю благодарность.

В. Массон

РАЗДЕЛ I

АРХЕОЛОГИЯ

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ С НАУЧНОЮ ЦЕЛЬЮ 1893—1894 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мае 1893 г. я был командирован в Среднюю Азию С.-Петербургским университетом для исследования памятников древности, главным образом в долинах Чуйской и Илийской; поручение такого же рода [1] я получил и от Академии наук, которая вместе со мной командировала художника С. М. Дудина, раньше принимавшего участие в Орхонской экспедиции В. В. Радлова. Производство раскопок и вообще каких-либо работ, требующих основательных познаний по археологии (которых не было ни у того, ни у другого из нас), при этом не имелось в виду; наша задача заключалась только в том, чтобы, в дополнение к письменным известиям о прошлом страны [2], собрать на месте сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.

К сожалению, мне в 1893 г. удалось только осмотреть путь от Чимкента до Аулие-Ата и долину Таласа; перелом ноги принудил меня остаться в Аулие-Ата и потом вернуться в Ташкент. Г-н Дудин один совершил поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль. Моя командировка после этого была продолжена С.-Петербургским университетом на один год. В следующем, 1894 г. я решил продолжать свое путешествие, но, не имея возможности ехать верхом, я пригласил в качестве участника экспедиции одного из моих ташкентских знакомых, поручика Е. П. Ковалева, члена Таврической ученой архивной комиссии, уже несколько раз производившего археологические работы на юге России. Г-н Ковалев взялся осмотреть и описать те памятники древности, к которым можно было проникнуть только верхом, и, кроме того, дать

[1] В бумаге, полученной нами от Академии наук, было сказано, что нам поручается исследование «памятников древности в областях Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Семипалатинской и в провинциях западного Китая»; но при этом, конечно, не имелось в виду исследование всех памятников старины на всем этом громадном пространстве, тем более что экспедиция была рассчитана всего на летние месяцы 1893 г. По объяснению В. В. Радлова, этим хотели только обеспечить мне содействие местных властей во всем упомянутом районе, чтобы я мог выбрать для своих работ какую угодно часть его.

[2] Эти известия мне еще раньше, по доступным для меня источникам, пришлось собрать для моей статьи «О христианстве в Средней Азии»; <здесь и дальше в тексте имеется в виду статья В. В. Бартольда *О христианстве в Туркестане*, — наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302>

необходимые рисунки и фотографии. Вместе с г-ном Ковалевым мы осмотрели развалины по Таласу ниже Аулие-Ата, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по северному берегу Иссык-Куля и на Или.

При составлении настоящего отчета я пользовался записками г-на Дудина, любезно предоставленными им в мое полное распоряжение. Относительно памятников древности, виденных нами обоими, мне часто придется дословно приводить описания, сделанные г-ном Дудиным; последний уже раньше принимал участие в подобных работах и потому обладал в этом отношении большей опытностью, чем я; сверх того, значительная часть моих собственных записок по несчастной случайности была утеряна мною на Иссык-Куле. Что касается работ г-на Ковалева, то я принужден довольствоваться его устными рассказами и небольшим числом фотографий, так как письменного отчета о виденных им памятниках древности, равно как и сделанных им рисунков, я, по независящим от меня причинам, не получил.

О тех трудностях, с которыми связано производство подобных исследований, может иметь истинное понятие только тот, кто сам ездил в Среднюю Азию с какой-нибудь научной целью; только ему известно, как трудно бывает иногда получить необходимые сведения как от местных интеллигентов, так и от кочевого населения. Первые опасаются, что приезжий, воспользовавшись их содействием, даже не упомянет о них в своем отчете и отнимет у них плоды их трудов; кочевники совсем не понимают командировок с чисто научной целью и всегда подозревают, что тут скрывается какой-нибудь неприятный для них административный проект. Киргизы [3] почти на всем пути принимали нас за землемеров, приехавших отнимать у них землю в пользу русских переселенцев. Вследствие таких обстоятельств мы не всегда могли своевременно собрать необходимые для нас сведения; иногда мы узнавали о существовании каких-нибудь памятников древности только тогда, когда давно миновали соответствующую местность. Все слышанные нами рассказы, которых мы не могли проверить, вошли в настоящий отчет и, может быть, пригодятся для будущих исследователей. Некоторую пользу при подобных работах принесут, может быть, и те сведения по истории страны, которые были положены в основу работ экспедиции и о которых подробно говорится в отчете. Для удобства читателей прилагаю здесь перечень важнейших источников.

I. Для домонгольского периода.

1) Известия китайских историков (главным образом «Истории династии Тан»), собранные Дегинем (Deguignes, *Histoire des Huns etc.*, Paris, 1756—1758, 4 tt. en 5 vol.), Клапротом (*Tableaux historiques de l'Asie*, Paris, 1826) и о. Иакинфом Бичуриным (*Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, 3 части, СПб., 1851).

[3] «Казахи.»

2) Описание путешествия буддийского паломника Сюань Цзана, посетившего край в VII в.; переведено на французский язык Жюльеном (*Mémoires sur les contrées occidentales*, trad. par M. Stanislas Julien, 2 tt., Paris, 1857—1858). В конце второго тома помещено географическое исследование Вивьен де Сен-Мартена, представляющее попытку определить местоположение упоминаемых Сюань Цзаном городов и областей.

3) Китайская биография Сюань Цзана, переведенная тем же ученым (*Histoire de la vie de Hiouen-Thsang*, trad. par Stan. Julien, Paris, 1853).

4) Известия арабских географов IX и X вв. н. э., собранные в издании де Гуе (de Goeje) «Bibliotheca geographorum arabicorum»; до сих пор вышло 8 томов (первый вышел в 1870 г.). Для нас были особенно важны известия Макдиси (274—275) о долине Таласа и известия Ибн Хордадбеха и Кудамы (текст, 21—22 и 157—160) о пути между Таласом и Чу и о южной части Семиречья.

5) Персидское географическое сочинение «Границы мира» (*Ḥудӯд ал-ʿālам*), написанное в 372/982-83 г. Неизвестный автор имел гораздо более основательные познания по географии Средней Азии, особенно восточной части ее, чем его арабские современники. Единственная до сих пор известная рукопись этого важного сочинения открыта А. Г. Туманским в Бухаре [4]; копия с этой рукописи сделана бароном В. Р. Розеном, благодаря любезности которого я мог ею пользоваться. Цитаты из рукописи помещены с разрешения г-на Туманского.

6) Большой географический словарь Якута на арабском языке (XIII в. н. э.), изданный Вюстенфельдом (Jacuts *Geographisches Wörterbuch*, hrsg. von Ferd. Wüstenfeld, Leipzig, 1866—1870). Якут, как оказывается теперь, заимствовал большую часть своих сведений из словаря Самʿани (XII в.) *Китāб ал-ансāб* («Книга родословий»). Последним сочинением я пользовался в рукописи, принадлежащей Азиатскому музею Имп. Академии наук (№ 543 а).

II. Для монгольского периода.

1) Для географии страны важнее всего известия китайских путешественников, собранные д-ром Бретшнейдером (E. Bretschneider, *Mediaeval researches from eastern asiatic sources*, 2 vols., London, 1888, в Trübner's Oriental Series). Рассказ одного из путешественников, Чан-чуня (1221—1223 гг.), издан также в русском переводе арх. Палладием («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV).

---

[4] Мы надеемся, что г-н Туманский скоро издаст открытый им важный памятник и этим сделает его доступным более обширному кругу читателей. Из ученых трудов рукопись г-на Туманского цитируется только в книге проф. В. А. Жуковского *Развалины Старого Мерва*. Проф. Жуковский в своих ссылках называет это сочинение «Саманидской географией»; в наших ссылках мы будет называть его «рукописью Туманского». ‹Издание факсимиле «рукописи Туманского» было осуществлено В. В. Бартольдом в 1930 г., перевод — В. Ф. Минорским в 1937 г.›

2) Рассказы европейских путешественников, главным образом Рубрука [5], 1253 г. (латинский подлинник в «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839) [6], и Марко Поло (французский подлинник издан Потье в 1865 г.; лучшее критическое издание — английское, сделанное Юлом: *The Book of Ser Marco Polo the Venitian*, newly translated and edited by colonel Henry Yule, 2 vols., second ed., London, 1875; крайне неудовлетворительный русский перевод издан в СПб., 1873 г.; в настоящее время готовится к печати прекрасный русский перевод, сделанный покойным проф. Минаевым [7]). Некоторые данные мы находим также у других путешественников; все эти сведения собраны в книге Юла (*Cathay and the way thither*, 2 vols., London, 1866).

3) Путешествие армянского царя Гайтона 1254—1255 гг., рассказанное историком Киракосом; на русском языке см. Патканов, *История монголов по армянским источникам*, вып. II (СПб., 1874).

4) Мусульманские сочинения по истории монголов, до сих пор большею частью неизданные, которыми пользовался д'Оссон (*Histoire des Mongols*, 4 tt.; новейшее издание — 1852 г.). Из них важнейшие:

a) «История завоевателя мира» (*Та'рӣх-и джахангушай*) Джувейни; автор умер в 681/1282-83 г. Я пользовался двумя рукописями Имп. Публ. библ. (рук. IV, 2, 34 и рук. № 71 Ханыковского собрания).

b) «Сборник летописей» (*Джами' ат-таварӣх*) Рашид ад-дина (написан в начале XIV в.). Начало этого труда (введение и история Чингиз-хана), в тексте и в русском переводе, издано проф. Березиным (*История монголов* Рашид ад-дина, введение, перевод с персидского, СПб., 1858; то же, перс. текст, СПб., 1861 = ТВОРАО, части XIII и XV); часть — в тексте и во французском переводе — Катрмером (Coll. orient., t. I, Paris, 1836). Для неизданных частей Рашид ад-дина я пользовался тремя рукописями Имп. Публ. библ. (рук. V, 3, 1; рук. V, 3, 2; рук. Дорн 289) и одной рукописью Азиатского музея (а 566).

c) *Та'рӣх-и Вассаф*, обширная история монголов, доведенная до 728/1327-28 г. и состоящая из пяти частей, из которых первая, в тексте и в немецком переводе, издана Хаммер-Пургшталем (*Geschichte Wassaf's*, I. Band, Wien, 1856). Я пользовался рукописью Имп. Публ. библ. (V, 3, 24) и рукописью Азиатского музея (567 bis).

5) Географическое сочинение Хамдаллаха Казвини «Отрада сердец» (*Нузхат ал-кулӯб*), XIV в. Три рукописи этого сочинения хранятся в библиотеке СПб. университета (№ 60, 171, 304).

6) «Книга о победе» (*Зафар-наме*) — история походов Тимура, написанная в XV в. Шереф ад-дином Йезди. Французский перевод издан в прошлом столетии Пети де ля Круа (*Histoire de Timour-Bec*, 4 tt., Pa-

[5] О Рубруке существует прекрасная монография Шмидта (*Über Rubruk s Reise*).

[6] ‹Рубрук, изд. Мишеля — Райта.›

[7] ‹Издан в 1902 г. под редакцией В. В. Бартольда.›

ris, 1723), персидский текст — в Калькутте в 1887—1888 гг. (*The Zafarnamah*, by Maulana Sharfuddin Ali of Yazd. Edited by Maulawi Muhammad Ilahdad, 2 vols.).

7) История Тимура, написанная Ибн Арабшахом (XV в.) на арабском языке; текст и латинский перевод изданы еще в прошлом столетии (Ahmedis Arabsiadae. . . *Timuri. . . historia*, ed. Manger, Leovardiae, 1772, 2 tt.).

8) *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* Мухаммед-Хайдера — сочинение, написанное в половине XVI в. В это время прежние города Семиречья и восточной части Сыр-Дарьинской области уже не существовали, но от них, конечно, оставалось больше следов, чем теперь, и описания развалин у Мухаммед-Хайдера представляют много любопытного. Я пользовался тремя рукописями Азиатского музея (aa 568 a, a 568 a и ab 568 a) [8]. Отрывки о развалинах на Таласе и на Чу приведены в известной книге В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (ч. II, стр. 156 и 162—164) [9].

Что касается разработки этого материала, то в этом отношении до сих пор сделано очень мало: Упомянутое сочинение Юла, написанное главным образом на основании рассказов европейских путешественников, теперь значительно устарело, также мнения, высказанные Лерхом в его книге «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.» (СПб., 1870). Мусульманские известия о некоторых городах собраны в статье Катрмера, напечатанной в «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi», t. XIII [10]. Некоторые данные можно найти в ЗВОРАО за последние годы, в статьях Н. Ф. Петровского [11] и моих [12].

---

[8] В самое последнее время вышел английский перевод *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, сделанный г-ном Россом (Ross). Экземпляра этой книги в настоящее время (октябрь 1895 г.) еще нет в Петербурге. ‹См. рец. В. В. Бартольда: ЗВОРАО, т. X, стр. 215—226.›

[9] Настоящий отчет был уже приготовлен к печати, когда я был командирован С.-Петербургским университетом за границу для исследования восточных рукописей в Париже, Лондоне и Оксфорде. В некоторых рукописях я нашел очень важные сведения по географии и истории Средней Азии; эти данные вошли в приложение к отчету. ‹Приложение к «Отчету» В. В. Бартольда, содержащее текст и перевод главы о тюрках из сочинения Гардизи, публикуется в VIII томе настоящего издания.›

[10] ‹Омари, извлеч. в пер. Катрмера.›

[11] *Ответ консула*; *К статье «О христианстве в Туркестане»*; *Башня «Бурана»*.

[12] *О христианстве в Туркестане*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302›; *Отчет о командировке в Среднюю Азию*; ‹см. ниже, стр. 111—115›.

I

ОТ ЧИМКЕНТА ДО АУЛИЕ-АТА

Краткий отчет об этой части нашей поездки был помещен в ЗВОРАО [1]; не повторяя сказанного там, я ограничусь приведением некоторых подробностей в дополнение к названной статье; эти подробности заимствованы главным образом из отчета С. М. Дудина.

1) Холм Илан-бозган, около Сайрама. В нескольких саженях к северу от главного возвышения находятся два небольших холма неправильной формы.

2) Кабал-булак (на речке Аксу, около Беловодской станции). Мы видели здесь кирпичи двух родов, толщиной в 6 и в 3 *см*; первые имеют обыкновенный вид, вторые — плоскую и квадратную форму. Водопроводная труба была сделана из прекрасно обожженной глины и имела в диаметре 6 *см*.

3) Тюлькю-баш. Развалины здания находятся на левом берегу речки Арыс и состоят из невысоких холмов, соединенных между собой; посередине бóльшего холма находится возвышение, имеющее до 25 аршин в диаметре. По мнению г-на Дудина, на месте этого холма «была глинобитная или сырцовая постройка, кирпич же обожженный попал сюда совершенно случайно», так как его находят только на поверхности земли или очень неглубоко под почвой; меньший холм несомненно представляет остатки кирпичного здания и весь изрыт людьми, добывавшими здесь кирпич. Кирпичи принадлежат к тем же двум видам, как в Кабал-булаке.

На вершине горы Тюлькю-баш, около муллушки, есть два камня с надписями; нам говорили, что этих надписей никто не может прочесть; оказалось, однако, что на обоих камнях написан только мусульманский символ веры.

4) Мын-булак. Ключи Чакпак несомненно тожественны с Абарджаджем Ибн Хордадбеха, но в рассказе Сюань Цзана, по-видимому, речь идет о какой-нибудь другой местности, хотя и не о той, на которую указывал Северцов. Сюань Цзан помещает «1000 источников» в 400 ли к за-

[1] Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 339—344; ‹см. ниже, стр. 111—115›.

паду от Чу и в 140—150 ли к востоку от Таласа; в этой местности было множество озер, прудов, высоких и густых деревьев; к югу были снежные горы, с трех других сторон — равнины [2]. Судя по этому описанию, здесь говорится о какой-нибудь местности к востоку от Аулие-Ата.

Верстах в 3 к северо-западу от селения Бурного, расположенного на берегу реки Терс, мы видели три небольших городища, которые, по описанию г-на Дудина, «представляют невысокие четырехугольные валы, ограничивающие местность, слегка приподнятую над уровнем почвы; длина каждой стороны — 50 с лишком аршин. Все они, по-видимому, насыпаны из земли и окружены неглубокими, но широкими рвами. Ни в одном городе не заметно и следа ворот, кирпичей или обломков; черепков также замечено не было. Такие же городки, только меньших размеров, мы встречали и на пути от Чимкента к Сайраму. У среднего городка на N углу расположен небольшой кольцеобразный курган, может быть разрытый, а в самом городке к N и E валам примыкает небольшая возвышенная площадка». По предположению г-на Дудина, это — следы могильников.

Верстах в 4—5 к востоку от Куюкского ущелья, у самой дороги, есть остатки глинобитных и кирпичных сооружений, известные у киргизов под названием Абдуррахман. «Они представляют два отдельных вала, с приподнятым над поверхностью дном, связанных между собой очень низкими перемычками». Они не одинаковы по форме: один приближается к квадрату, другой — длинный и узкий, причем квадратный больше. К меньшему примыкает другой, еще гораздо меньших размеров, четырехугольный вал, «или скорее возвышенная площадка с приподнятыми в виде валов краями, разбитая высокой перемычкой пополам». В этом месте тоже лежат куски жженого кирпича [3].

Уже в статье, напечатанной мною в ЗВОРАО, было указано, что почти все виденные нами развалины Чимкентского уезда находятся восточнее нынешней почтовой дороги и что только от селения Тюлькю-баш развалины и курганы начинают встречаться у самого тракта [4]. Маршрут Ибн Хордадбеха [5], в котором упоминаются «серебряный рудник» и «Железные ворота», прямо указывает на то, что путь из Шаша (Ташкента) в Исфиджаб (Сайрам) также шел в то время восточнее нынешнего почтового тракта и совпадал с горной дорогой через Турбат.

---

[2] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 13—14; *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 58.

[3] Описывать знаменитый мазар Айша-биби, около Головачевки (последней станции до Аулие-Ата), считаю излишним. Заметим только, что мы нашли этот великолепный архитектурный памятник в самом жалком виде; он ежегодно разваливается все больше и больше. ‹О мавзолее Айша-биби см.: Денике, *Архитектурный орнамент*, стр. 98 и сл.; Басенов, *Архитектурные памятники. — М. М.*›

[4] ‹См. ниже, стр. 112.›

[5] Ибн Хордадбех, пер., 20.

Путь от Исфиджаба (Сайрама) до Тараза (Талас, Аулие-Ата) подробнее всего описывается у Ибн Хордадбеха и Кудамы [6]; расстояния, указанные Ибн Хордадбехом, следующие:

Исфиджаб — Шараб [7]	4 фарсаха
Шараб — Будахкет [8]	5 фарсахов
Будахкет — Тамтадж	4 фарсаха
Тамтадж — Абарджадж	4 »
Абарджадж — берег обратно текущей реки (Терс)	6 фарсахов
Берег реки — Джувикат	5 »
Джувикат — Тараз	3 фарсаха

По этому счету выходит, что от Исфиджаба до Тараза 31 фарсах; между тем сам Ибн Хордадбех насчитывает всего 26. По Кудаме, от берега реки до Шавгара (горы, где есть каменоломни) 3 фарсаха, оттуда через пустыню до Джувиката 2 фарсаха и столько же, через пастбища и пашни, от Джувиката до Тараза.

Тот же путь, но с менее точным указанием расстояний, приводится также у Макдиси [9]. Он считает от Абарджаджа до «станции» (منزل) 1 день пути, от станции до Шавгара — полдня, от Шавгара до Тараза — 2 берида (4 фарсаха). По его же словам [10] (только в одной рукописи), от Исфиджаба до Будахкета — 1 день пути и столько же от Будахкета до Тараза; разумеется, это последнее указание не может относиться к караванам. По Истахри [11], между Будахкетом и Таразом 2 дня пути, причем на этом расстоянии нет ни гостиницы, ни вообще постройки (لا رباط بينهما ولا عمارة). Шавгар упоминается и у предшествующих географов; по Истахри [12], Саманид Наср ибн Ахмед (914—943) предпринял поход на этот город.

Упоминаются также другие города и селения, но без указания местоположения, причем трудно восстановить истинное произношение их названий. Заметим, однако, что один из таких пунктов, Джумушлагу [13] (جمشلاغو), существует и теперь под тем же названием верстах, кажется, в 30 от Сайрама.

[6] Там же; Кудама, пер., 157.

[7] По Кудаме, между этими городами степь, по которой текут две большие реки, Мава и Юран.

[8] Такое чтение указано у Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 45) и у следующего ему Якута (*Му'джам*, I, 524). Заметим, однако, что во всех рукописях Ибн Хордадбеха и Кудамы после ك (или ي) стоит еще و, так что произношение названия остается сомнительным; Сам'ани, которому местоположение города не было известно (по Сам'ани, Будахкет — «селение в Исфиджабской или Шашской области»), может быть, знал это название только по книжным источникам.

[9] Макдиси, 341—342.

[10] Там же, 345—346.

[11] Истахри, 337.

[12] Там же, 291.

[13] О нем Макдиси, 273, где Джумушлагу назван «большим и обширным» городом.

Каким именно городам соответствуют виденные нами развалины, мы определить не беремся, тем более что мы, к сожалению, не имеем столь же подробного описания местности, относящегося ко времени после X в. [14], а такой древностью описанные выше развалины едва ли отличаются. По расстояниям Кабал-булак приблизительно соответствует Шарабу Ибн Хордадбеха, Тюлькю-баш — Тамтаджу.

[14] Путешественники монгольского периода не упоминают ни об одном городе между Таласом и Сайрамом. <О возможных отождествлениях см. Бернштам, *Памятники*, стр. 38—44.>

II

БЕРЕГА ТАЛАСА

Результаты наших изысканий в долине Таласа несколько более значительны, особенно благодаря любезному содействию начальника Аулиеатинского уезда В. А. Каллаура. Прожив в крае около 20 лет, В. А. Каллаур отлично знает свой уезд и потому мог сообщить нам самые подробные сведения о находящихся в нем памятниках древности.

Описание развалин, расположенных по Таласу выше Аулие-Ата, вошло в упомянутый отчет за 1893 г.; оттого я и здесь, как в предыдущей главе, могу ограничиться некоторыми дополнениями.

1) Кутумиш. По описанию г-на Дудина, «кирпичи все квадратной формы, обожжены плохо и по общему виду вполне соответствуют современным сартским кирпичам. Цементом для них служила не известь, а глина с песком, так что значительная степень разрушенности строений ничего не говорит в пользу их древности».

2) Садыр-курган. Вал города, по описанию г-на Дудина, «насколько теперь можно судить по остаткам, был сбит из глины, смешанной с галешником; фундамент в некоторых местах был сложен из больших валунов. Средняя высота его не превышает двух аршин и только изредка доходит до сажени; ширина же его равна 3—4 саженям». Что касается вала цитадели, то, по мнению г-на Дудина, «части уцелевших стен на S стороне дают повод думать, что сырцовыми кирпичами были только облицованы выступающие части стен, может быть бойницы и ворота, остальная же часть валов была глинобитная». Сторожевая башня была сбита из глины с галькой. По склонам холмов и в особенности во рвах мы находили много обломков глиняной посуды, матовой и изредка глазированной; глазурь зеленая, бирюзовая, белая и желтая. В одном из рвов я нашел обломок какого-то большого сосуда с грубо сделанным узором формы ⟨⟨; к сожалению, этот предмет потом был мною утерян.

Остатки глинобитных стен и башен заставляют думать, что крепость, вопреки туземному преданию о Кара-баше, не особенно древнего происхождения или, по крайней мере, что ею пользовались и в новейшее время. Очень вероятно, что и здесь, как по дороге от Таласа к Чу, кокандские укрепления возводились на месте старых крепостей.

Дальше к югу от Капкинского ущелья, на правом берегу речки Кумуштаг, есть остатки небольшого четырехугольного укрепления. Такие укрепления очень часто встречаются в Сыр-Дарьинской области и в Семиречье и известны у местных жителей под общим названием турткуль (собственно: 'Четыре озера'; название, вероятно, произошло оттого, что такие укрепления большей частью со всех сторон были окружены болотами, теперь частью высохшими, частью еще сохранившимися). О происхождении таких турткулей у местных жителей существуют различные предания, но большей частью основание их приписывается калмыкам — единственному народу, о котором киргизы еще помнят (в некоторых местах Семиречья в памяти народа сохранился даже титул калмыцких хун-тайчжи). В тех местах, где более проявляется влияние оседлой культуры, предание, кроме калмыков, указывает также на эмира Тимура. К курьезным попыткам примирить кочевые и оседлые предания принадлежит мнение одного киргиза, слышанное нами на берегу Тюпа (к востоку от Иссык-Куля), что турткули, расположенные около дороги, возведены Тимуром, расположенные в сторону от дороги — калмыками.

3) Ак-тепе. Монеты, по определению барона В. Г. Тизенгаузена, принадлежат к чагатайским.

В 1894 г. я решил осмотреть развалины, расположенные от Аулие-Ата к северу. Киргизы много рассказывали нам о развалинах укрепления Окум, расположенных на левом берегу Таласа, верстах в 80 ниже Аулие-Ата. На основании их слов мы ожидали встретить остатки большого города, вроде Садыр-кургана. На самом деле, однако, размеры укрепления невелики; оно занимает всего около 1 кв. версты. Как и многие укрепления меньшего размера, Окум окружен тремя параллельными валами; внутри укрепления нет никаких признаков древних построек. На пути из Аулие-Ата в Окум, верстах в 25 от города, мы видели большой курган Чуль-тепе, около которого лежат куски жженого кирпича.

Недалеко от Окума мы переправились через Талас, чтобы посетить лежащие к юго-востоку от него, на правом берегу реки, развалины Тоймакент, около которых теперь находится деревня Шаповаловка.

Тоймакент упоминается в книге Скайлера [1], но, насколько нам известно, еще никогда не был описан. Г-н Дудин описывает его в следующих словах: «Крепость окружена валом и широким, но неглубоким рвом. Вал сложен из больших сырцовых кирпичей без примеси галешника. Сырец, вероятно, приготовлялся на месте из глины, вынутой из рва (который раньше был несомненно глубже), как это делается и теперь сартами и киргизами при возведении каких бы то ни было глинобитных построек. Очевидно, на месте вала прежде были стены, но от времени они

[1] *Turkistan*, vol. II, p. 121.

осыпались, сделались значительно ниже и приняли наконец ту форму, какую имеют в настоящее время. С N и W сторон в крепость вели ворота, защищенные побочными валами (стенами). По всем четырем сторонам укрепления имеются более возвышенные части валов, вероятно бойницы; таких возвышений с каждой стороны насчитывается, не считая угловых, 7 и 5. На западной стороне одно из этих возвышений отличается особенной высотой и около него помещаются и главные (по величине) ворота. Место, окруженное валом, представляет сильно изрытую и всхолмленную площадь, в северной части которой помещается продолговатый, неправильно четырехугольный холм, сложенный также из больших сырцовых кирпичей. Сторона холма, обращенная к W, более полога, чем остальные; с юга и с севера к холму примыкают, в виде буквы Г, два невысоких (2—2½ арш.) валика, соединяющие холм с западной стеной укрепления. На площадке холма заметны два углубления, отделенные одно от другого невысокой перемычкой. Площадь внутри вала теперь вспахана и изрезана арыками. На валах, холме и около последнего находят обломки глиняной неглазированной посуды и жженого кирпича. На запад и северо-запад от укрепления есть старое мусульманское кладбище; более старые могилы расположены внутри вала, на восток от холма. К югу и юго-востоку от крепости заметны неясные следы когда-то бывших здесь поселений, в виде рвов, холмиков неправильной формы, валиков и т. п.».

К этому описанию мы добавим только, что куски жженого кирпича в Тоймакенте, как почти во всех древних крепостях, большей частью лежат в углублениях; такие углубления обыкновенно находятся посередине крепости.

Тоймакент, судя по его нынешнему виду, значительно древнее Садыр-кургана. Размеры укрепления невелики (не более ½ кв. версты); следы поселений около крепости так мало заметны, что мы не имеем возможности решить, была ли она цитаделью какого-нибудь города или нет. Стратегическое положение крепости (насколько может судить неспециалист) превосходно. О происхождении самого названия Тоймакент мы можем привести только народную легенду, очевидно довольно позднего происхождения, связывающую Тоймакент с Ахыр-Ташем и Джеты-тепе. Постройкой Ахыр-Таша занимались двое богатырей, отец и сын; отец строил, сын приносил камни с окрестных гор. Отец строго запретил сыну оглядываться по сторонам; но, когда прошла прекрасная царица Тойма, сын не утерпел, взглянул на нее, увлекся ею и, бросив работу, пустился ее преследовать. Царица и ее спутницы бросали в преследующего комьями земли, из которых выросли семь холмов (Джеты-тепе); но это не остановило юношу. Наконец царица в изнеможении упала на землю и испустила дух; на этом месте в память ее и был выстроен Тоймакент.

Берега Таласа издавна привлекали к себе как кочевое, так и оседлое население. Город Талас был одним из самых древних в Средней Азии,

так как упоминается уже в VI в. (византийским послом Земархом [2]). Мусульманские писатели домонгольского периода называют город Таразом. Существовало предание, рассказанное в книге «Сокровищницы знаний» Абу-л-Хасана Мухаммеда ан-Нишапури [3], по которому Тараз был основан бухарскими выходцами и сначала носил название Хамукет (или Джамукет); по объяснению Нишапури, это название состояло из слов حموك, что на бухарском наречии значило 'вельможа', 'дворянин' [4] (*хамуком* был начальник переселенцев), и *кет* ('город'). Надо, однако, заметить, что у Макдиси [5] Хамукет (в издании де Гуе جموكت) упоминается отдельно от Тараза.

В VII в., при Сюань Цзане [6], Талас был значительным торговым городом, где жили купцы различных стран. Сюань Цзан прибавляет, что город имел 8—9 ли (4—4½ версты [7]) в окружности.

Арабские завоеватели доходили до долины Таласа, но не присоединили ее к своим владениям. Здесь, по некоторым известиям, при городе Атлахе (о нем см. ниже), в 751 г. произошла битва между арабами и китайцами [8]. Более прочно ислам утвердился здесь только при Саманидах. Первый государь этой династии, Исма'ил, в 280/893-94 г. взял Талас и обратил главную церковь (كليساى بزرك) в мечеть [9]. И при мусульманах Талас (или Тараз) оставался важным торговым пунктом; здесь, по словам Ибн Хаукаля [10], происходила торговля мусульман с тюрками; дальше Таласа мусульмане обыкновенно не заходили, так как страна была занята кочевниками-карлуками. По Истахри [11], от берегов Аму-Дарьи

[2] Рассказ о путешествии Земарха приводился часто, между прочим у Юла (*Cathay*, vol. I, p. CLXV); ‹ср. ниже, стр. 97, прим. 9›.

[3] Рассказ Нишапури приведен переводчиком Нершахи, ал-Кубави. См. Нершахи, изд. Шефера, 5.

[4] Чтобы определить истинное произношение названия города, я справился у некоторых иранистов, известно ли им слово *джамук* или *хамук* в указанном значении, но получил отрицательный ответ. Мнение Томашека (*Sogdiana*, S. 105), по которому جموكت есть искаженное نومجكت (древнее название Бухары), объясняется только тем, что Томашек пользовался «Историей Бухары» Вамбери, где рассказ Нишапури передан совершенно неверно. Джамуки (или хамуки) были также у тюрков, см. Табари, II, 1613.

[5] Макдиси, 275.

[6] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 14. К югу от города Таласа было небольшое китайское поселение.

[7] ‹В древности и средневековье ли равнялось примерно $^1/_3$ *км* (см. наст. изд., т. I, стр. 134, прим. 7); следовательно, окружность Таласа, по Сюань Цзану, — 2,5—3 *км*.›

[8] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 344; Karabacek, *Das arabische Papier*, S. 113.

[9] Нершахи, изд. Шефера, 84. Об этом событии говорит также Табари (III, 2138), не называя города; по его словам, в этом году Исма'ил завоевал город тюркского царя, взял в плен его, его жену и до 10 000 человек. Ценность добычи, доставшейся при этом каждому всаднику, доходила до 1000 дирхемов.

[10] Ибн Хаукаль, 391.

[11] Истахри, 337.

до Тараза считалось 22 дня пути (по Кудаме [12], от Самарканда до Тараза — 65 фарсахов). В конце X в. долина Таласа, вместе с остальными владениями Саманидов, была завоевана тюрками.

К концу саманидского периода относится подробное перечисление городов долины Таласа, которое мы находим у Макдиси [13]. Эти города следующие.

1) Тараз — славный, укрепленный город со многими садами, густо застроенный; имеет ров и четверо ворот; около него есть многолюдное предместье; у ворот города течет большая река; часть города находится по ту сторону реки; через реку проходит дорога; соборная мечеть находится среди базаров.

2) Джикиль — небольшой город на расстоянии ½ мили [14] от Тараза; имеет стены [15] и цитадель; соборная мечеть находится на базаре.

3) Барсхан [16] — город на расстоянии мили к востоку (от предыдущего?), имеет стены, теперь уже разрушенные; соборная мечеть находится среди базаров.

4) Бехлу — город больше Барсхана; лежит влево от Джикиля, на расстоянии ½ фарсаха; имеет 5 волостей [17], цитадель и соборную мечеть среди базаров.

5) Атлах — большой город, по величине [18] приближается к столице (к Таразу или к Исфиджабу); имеет стены. Большую часть города составляют сады; в сельских окрестностях его больше всего возделывается винограда. Соборная мечеть находится внутри города, базары — в предместье.

6) Хамукет (или Джамукет) — большой город, имеет стены; около последних находится соборная мечеть, базары — в предместье.

7) Шельджи [19] — небольшой город, но в нем много иностранцев; говорят, что в нем 10 000 исфаханцев. Имеет цитадель; соборная мечеть находится вне ее. Город расположен среди гор; из последних вытекает река, посреди нее [20] (?) — 7 селений.

8) Сус — большой город и

---

[12] Кудама, пер., 203.

[13] Макдиси, 274—275.

[14] О слове صيحة см. BGA, IV, 283. Фарсах — около 6 верст; миля — $^1/_3$ фарсаха.

[15] Что слово حصن у Макдиси имеет это значение, яснее всего видно из следующего места (стр. 274): و سوران كبيرة عليها حصون سبعة بعضها خلف بعض.

[16] Это так называемый Нижний Барсхан, или Нушджан (см. следующую главу). Расстояние, указанное другими географами, как мы увидим ниже, более значительно.

[17] Слово *рустāк* (мн. ч. *расāтīк*) у арабских географов всегда употребляется в смысле группы деревень.

[18] У де Г'уе في الرقعة; объяснение этого слова см. BGA, IV, 249.

[19] Город упоминается также у Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 248) и у Якута (*Му'джам*, III, 313). Своим торговым значением город, вероятно, был обязан сношениям с Ферганой, может быть, также близости серебряных рудников.

[20] في وسطه; может быть, по среднему течению реки.

9) Куль — меньше его. Оба города имеют стены и расположены на берегу реки (или канала).

10) Текабкет — большой город; половина жителей — неверные. Последние три города расположены вблизи гор, в которых находятся серебряные рудники.

Из слов Макдиси совершенно ясно, что главная часть города Тараза находилась на левом берегу реки; следовательно, город не может быть отожествлен с Тоймакентом. Находился ли он на месте Аулие-Ата или несколько южнее — трудно сказать [21]; во всяком случае его следует поместить к северу от Капкинского ущелья, так как он всегда упоминается на торговом пути из Семиречья в Мавераннахр (в Исфиджаб и дальше); купцам и в особенности другим путешественникам, вроде Сюань Цзана, не было никакого расчета заезжать в долину верхнего Таласа. Из остальных 9 городов один (Барсхан) находился к востоку от Тараза на пути в Семиречье; четыре города — к югу от него, среди гор (Шельджи, Куль, Сус и Текабкет); два города (Джикиль и Бехлу) и, по-видимому, тоже два остальных (Атлах и Хамукет) были расположены к северу от Тараза, в равнине [22].

В 7 фарсахах к северу от Тараза, в местности Кувикат, или Кавакат, было два цветущих, многолюдных селения [23].

В государстве Караханидов Тараз вместе с Исфиджабом составлял особый удел [24] и вместе с остальными владениями Караханидов в XII в. был завоеван кара-китаями. В XIII в., незадолго до монгольского нашествия, при Таразе кара-китайское войско было разбито хорезмшахом Мухаммедом [25].

В монгольский период в долине Таласа упоминаются города Яны, Иныбалык, Кенджек и Талас, отдаленные один от другого на 1 фарсах [26]; у Вассафа в одном месте упоминается также Джикиль [27]. Равнина Таласа была одним из яйлаков (летних кочевьев) монгольских ханов [28]; здесь весной 1269 г. произошел сейм (*курултай*) потомков Чингиз-хана, имев-

---

[21] <О локализации Тараза см. ниже, стр. 115, прим. 12.>

[22] О городе Шельджи, или Шельдж, есть еще известие у Абу-л-Фида (*Таḳвӣм*, изд. Рено—де Слэна, 498; пер. Рено, т. II, ч. 2, 224), взятое из не дошедшего до нас сочинения ал-Азизи, по которому город отстоял от Тараза всего на 4 фарсаха.

[23] Ибн Хордадбех, пер., 20—21; Кудама, пер., 160.

[24] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 211.

[25] Джувейни, рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 132. Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, I, p. 168) пишет: au-delà de Taraz, что не подтверждается текстом Джувейни. В другом месте Джувейни (л. 126) сказано, что битва произошла в равнине Иламиш (ايلامش); ср. наст. изд., т. I, стр. 215>.

[26] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 224 (из географического сочинения XIV в.)

[27] Там же, 225; Вассаф, рук. Публ. б-ки V, 3, 24, л. 357. Джикиль встречается также у упомянутого географа XIV в. Шихаб ад-дина (Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 234).

[28] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 226; *Зайл джāми' ат-тавāрӣх*, л. 475.

ших владения в Средней Азии [29]. По торговому значению города́ долины Таласа в этот период уступали Отрару и Сайраму, которые в торговых маршрутах упоминаются гораздо чаще [30]. Смуты в чагатайских владениях и нашествия узбеков окончательно разорили страну. При Бабуре [31], в начале XVI в., города Таласа уже не существовало. В половине XVI в. все города долины Таласа лежали в развалинах, причем уже тогда было невозможно определить местоположение отдельных городов, как можно судить из следующих слов Мухаммед-Хайдера [32]: «Монголы называют Тараз Яны; . . . в степи, которую они называют этим именем, видны следы нескольких городов; там есть следы и признаки купола, минарета, ханкахов [33] (жилищ отшельников) и медресе; но неизвестно, который из этих древних городов был Яны и как назывались остальные города».

---

[29] Рашид ад-дин, рук. Публ. б-ки Дорн 289, л. 263; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 430.

[30] Из европейских путешественников, насколько мне известно, ни один не проезжал через Талас. Рубрук проехал степью и замечает, что Талас был от него в 6 днях пути, ближе к горам (Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 280; Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 34).

[31] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 2. Вместо طراز следует читать طراز, как показывает сравнение с другими рукописями. См. Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 225.

[32] Это место, в тексте и переводе, приведено у Вельяминова-Зернова (*Исследование о Касимовских царях*, ч. II, стр. 156). В переводе есть некоторые неточности, впрочем несущественные.

[33] В рук. Аз. муз. аа 568а, л. 194, вместо خوانق стоит طاق ('свод').

III

ПУТЬ ОТ ТАЛАСА К ЧУ И ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА

Ближайшие к Аулие-Ата (с восточной стороны) памятники древности, Джеты-тепе и Ахыр-Таш, настолько известны, что подробно останавливаться на них нет надобности; ограничимся ссылкой на книгу Лерха [1], где, между прочим, приводится древнейшее известие об этих памятниках — рассказ китайца Чан-чуня, из которого видно, что Ахыр-Таш уже в 1221 г. лежал в развалинах. Г-ну Дудину и мне удалось видеть некоторые камни с орнаментами, которые не упоминаются в других описаниях и, может быть, прольют некоторый свет на происхождение загадочных развалин. О камнях с надписями, бывших на этом месте, киргизы говорили и г-ну Дудину, и в следующем году мне, но сколько-нибудь точных известий о них нам не удалось добыть. Местные жители усердно растаскивают камни для различных целей, чаще всего на жернова. По плану постройки сходство с Ахыр-Ташем, судя по рассказам очевидцев и по виденному нами плану здания (сделанному г-ном Карнауховым, офицером Нарынского гарнизона), имеет известное каменное здание Таш-рабат, расположенное по дороге из Нарына в Кашгар, на высоте 11 000 футов над уровнем моря, в котором видят христианский или буддийский монастырь [2]. Замечательно, что киргизы рассказывают о Таш-рабате такое же предание, как об Ахыр-Таше; то же говорится о двух строителях, отце и сыне, и приводится та же причина неоконченности постройки (см. выше, стр. 32). Об Ахыр-Таше г-н Дудин слышал еще следующие легенды.

1) Великан Алан-Хазар полюбил одну девушку, которая не хотела выйти за него прежде, чем он построит для нее город и дворец. Для этой цели Алан-Хазар с гор Буттам-Буйнак [3] притащил сюда камни, обтесал их и начал постройку. Закончив ее, он захотел также прорыть горы Буттам-Буйнак и провести реку Талас мимо своего города, так как местность искони была безводной и пустынной. В одну из своих поездок к горам

[1] *Археологическая поездка*, стр. X, 28—29, 34—39.

[2] Зеланд, *Кашгария*, стр. 22—25. Ахыр-Таш Лерх тоже принимал за буддийский монастырь.

[3] У Истахри (328) и последующих географов название Буттем носят горы в верховьях Зеравшана.

он встретил другую красавицу, которая понравилась ему больше и была сговорчивее; Алан-Хазар остался у нее, бросив свою постройку. После смерти великана из его голеней был построен мост через Аму-Дарью за Самаркандом (sic).

2) Ахыр-Таш был построен Манасом [4] и его сыном Симеем (по правописанию г-на Дудина) [5]. Сын с далеких гор бросал камни, отец отесывал их и складывал. Достроив здание, они жили в нем до смерти отца; после этого сын покинул Ахыр-Таш и поселился в Манас-мазаре за Таласом, верстах в 25 от Аулие-Ата. Здесь кочевники напали на Симея и убили его. Его труп долго лежал непогребенным; птицы и звери съели мясо трупа, а люди из бедренных костей построили мост через реку Талас у Тектурмаса (напротив Аулие-Ата). Мост долго был в целости; еще теперь некоторые старики помнят его [6].

В настоящее время около Ахыр-Таша совсем нет воды, но видно еще высохшее русло некогда значительной реки, на правом берегу которой была воздвигнута постройка; река имела несколько притоков. По словам киргизов, ключ, из которого вытекала река, находится в горах и не иссяк и теперь.

Верстах в 15 к юго-западу от Ахыр-Таша, ближе к горам, есть киргизская зимовка Уку-тас; при постройке одного из домов употребили в дело каменную бабу, найденную в окрестностях; но лицо истукана было обращено к наружной стороне, так что г-н Ковалев мог срисовать его. Сколько мне известно, это — самое западное место в Русском Туркестане, где до сих пор были найдены каменные бабы; в восточной части Сыр-Дарьинской области и в Семиречье эти изваяния, как известно, встречаются очень часто. Обычай ставить на могилах такие фигуры, как мне сообщил В. М. Успенский (кульджинский консул), существовал в Китае еще в III в. до н. э.; от китайцев его, по-видимому, заимствовали кочевники. Находки, сделанные во время Орхонской экспедиции, доказали до очевидности, что фигуры с мечом и чашей в руках ставились тюрками в VII и VIII вв. н. э., что эти фигуры назывались *балбалами* и должны были изображать не самих умерших, но лиц, принимавших выдающееся участие в похоронной процессии [7]. К сожалению, мы не имеем могильных памятников с надписями последующих народов, по которым мы могли бы судить о постепенном видоизменении типа фигур у различных кочевых племен. Что обычай ставить каменные бабы су-

[4] Национальный кара-киргизский герой, предания о котором существуют, однако, и у киргиз-казаков. Легенда о Манасе вошла в *Образцы народной литературы* В. В. Радлова, ч. V, стр. 1—368.

[5] В тех преданиях, которые нам пришлось слышать, сына Манаса всегда называли Семетеем. Под тем же именем он упоминается у В. В. Радлова.

[6] Предания о постройке моста через быструю реку из костей великана встречаются в Средней Азии часто.

[7] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 234—235. ‹Ср. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*, — ниже, стр. 378—379, там же новая литература.›

ществовал не только у тюрков VI—VIII вв., но сохранялся еще несколько столетий после этого периода, об этом мы имеем самые определенные известия. Такие фигуры ставились карлуками, владевшими Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области в IX и X вв.; по свидетельству Абу Дулефа [8], путешественника X в., у них был храм, построенный из несгораемого дерева, в стенах которого стояли изображения их прежних царей. Каменные бабы стояли также на том кладбище, где были похоронены Чингиз-хан, его сын Тулуй и сыновья последнего (кроме Хубилая и Хулагу); по свидетельству Рашид ад-дина [9], в этом месте, «сделав изображения их (ханов), постоянно сожигают благовонные вещества». Существовал ли подобный обычай некоторое время у калмыков, мы не знаем; заметим только, что в Верном мы видели каменную бабу с китайской косой, из чего видно, что бабы ставились также народами, более усвоившими себе начала китайской цивилизации [10].

Возвращаясь теперь к прерванному описанию нашего путешествия, мы относительно Джеты-тепе заметим только, что один из холмов несколько лет тому назад был разрыт покойным Е. Ф. Калем; по замечанию г-на Дудина, эти разрезы дают возможность понять внутреннее строение кургана. Внутри Е. Ф. Каль не нашел ничего, кроме пепла, из чего видно, что эти могильные курганы принадлежат народу, у которого был обычай сожжения трупов.

Курганы Джеты-тепе, как известно, находятся у самого почтового тракта, Ахыр-Таш — верстах в 6 к югу от него, около дороги, которая еще теперь носит у местных русских название «караванной»; с почтовой дорогой она соединяется близ Молдабаевской станции, верстах в 75 от Аулие-Ата. Дальше памятники древности опять расположены около самого тракта. Около станций Кум-арык, Тарты и Мерке видны остатки

---

[8] Якут, *Му'джам*, III, 449; Григорьев, *Об арабском путешественнике*, стр. 35. Выражение في حيطانه Григорьев переводит «на стенах», но, кажется, наше толкование более правдоподобно.

[9] Рук. Публ. б-ки V, 3, 1, л. 230; рук. Публ. б-ки Дорн 289, л. 234: صورتهای ایشان ساخته همواره بخورات و غوالی می‌سوزانند.

[10] Интересное предание о кипчакских каменных бабах рассказывается у персидского поэта Низами, умершего в 600/1203-04 г. По его словам (Низами, *Искандер-нāме*, изд. Шармуа, пер., 17—23; текст, 23—31), Александр Македонский убеждал кипчаков ввести у себя обычай, чтобы женщины ходили с закрытыми лицами, но не мог добиться их согласия. Тогда один из мудрецов Александра сделал из камня статую женщины, покрытой чадрою; пример статуи пристыдил женщин, и желание Александра было исполнено. Поэт прибавляет, что такие истуканы и теперь стоят в степи: «Вокруг них целый лес из деревянных стрел, подобно траве на берегу воды. . . Все кипчакские воины, приходящие сюда, кланяются этому изображению; приходит ли с дороги конный или пеший, все с благоговением поклоняются истукану. Всадник, проезжающий мимо, кладет стрелу из своего колчана в его колчан; пастух, прогоняющий здесь стадо, приносит перед ним в жертву барана; слетаются с небес орлы, не оставляют ни одного волоса от этого барана; из страха перед орлами, вооруженными стальными когтями, никто не подходит к этим камням».

старых укреплений и многочисленные курганы. Наиболее значительными размерами отличаются валы около Тарты, описанные у г-на Дудина в следующих словах: «При проезде через деревню нельзя не заметить длинного (около полуверсты), невысокого вала, пересекающего несколько наискось дорогу и заканчивающегося у большого двухъярусного холма. Этот последний имеет эллиптическую форму и окружен неглубоким рвом, образовавшимся, вероятно, от выемки земли для насыпки самого холма. На восток от деревушки и вала, на расстоянии более версты, встречаются следы второго вала, идущего, по-видимому, параллельно первому. Перпендикулярно 2-му валу отходят от него на запад еще два вала, но до 1-го не доходят. Кроме того, там и здесь встречаются остатки валов меньшей величины; это обстоятельство, в связи с волнистым характером местности и сильной сглаженностью валов, лишает нас возможности представить себе общий план сооружений. На довольно значительном расстоянии от северного конца второго вала, на северо-восточном углу терасовидного возвышения, окруженного болотами, находится небольшая четырехугольная насыпь с пологим воронкообразным углублением; насыпь эта несомненно искусственного происхождения, так как в ямах, кое-где вырытых на ней, на глубине 6—7 вершков заметен тонкий слой золы, под которым находится такая же земля, как и покрывающая золу; на поверхности насыпи попадаются осколки битой глиняной посуды. На юг от этой насыпи и на восток от второго вала, у самой дороги, расположен еще один холм куполовидной формы и значительных размеров (высота его до 3 сажен), на котором также находят черепки глиняной посуды».

Такой же характер имеют валы и курганы около Мерке; судя по размерам валов, средневековое селение Мерке, упоминаемое мусульманскими писателями (см. ниже), было значительно обширнее нынешнего.

В Мерке местный пристав, И. Л. Арзамасов, оказал нам такое же любезное содействие, как в Аулие-Ата начальник уезда, и сообщил нам много важных для нас сведений, особенно относительно местности к северу от тракта. Рассказы местных киргизов и русских о находящихся будто бы в горах надписях заставили г-на Ковалева, как годом раньше г-на Дудина, съездить из Мерке в горы, но обе поездки остались без всяких результатов.

Около двух следующих станций, Чалдавара [11] и Карабалты, есть остатки больших сартовских (кокандских) укреплений. Обе крепости имеют вполне аналогичное устройство: крепость окружена валом в виде неправильного четырехугольника; внутри ее, именно в северо-западном углу, находится еще возвышение, окруженное стеной из сырцовых кирпичей; по замечанию г-на Дудина, среди сырца встречаются также целые обожженные кирпичи и их обломки. Вход в крепость один — с восточной

[11] Объяснение слова *Чалдавар* см. в статье Петровского *Еще заметка*, стр. 356.

стороны; кроме этого пространства, крепости со всех сторон были окружены непроходимыми болотами; болото около Карабалты теперь отчасти уже высохло. Карабалтинская крепость носит у местных жителей название Шиш-тепе; основание ее приписывается Соломону. Нет сомнения, что в обеих крепостях цитадели с сырцовыми стенами возведены сартами в самое недавнее время; но самые крепости могут быть гораздо более древнего происхождения [12].

В Чалдаваре и следующих селениях (Николаевке и Карабалты) мы кроме укреплений осматривали также курганы и каменные бабы; при этом, кроме указаний И. Л. Арзамасова, нам было очень полезно содействие чалдаварского сельского учителя Г. Я. Голубева, хорошо знающего местность и ее кочевых обитателей. Курганы почти всегда расположены к югу от дороги, по направлению к ущельям (Меркинскому, Аспаринскому и др.); у самого входа в ущелье почти всегда есть курганы — явление, которое нам потом пришлось встречать во всем Семиречье. Каменные бабы обычного типа находятся около дороги, верстах в 5 от Чалдавара (рядом с зимовкой богатого волостного старшины Кенисары) и около крестьянских домов в Николаевке и Карабалты.

К востоку от селения Карабалты находится еще туркуль (см. выше, стр. 31). По описанию г-на Дудина, он «представляет большой плоский холм с бугристой (изрытой) поверхностью, насыпанный из почвы и ясно разделенный на две половины широкой ложбиной, направляющейся с юга на север и служащей как бы сквозным ходом на холм. Холм окружен рвом в виде болота, сплошь заросшего камышом. В северо-восточном углу видна пологая овальная яма; ямы значительно меньших размеров разбросаны и по всей остальной поверхности холма. В туркуле и около него при раскопках находили золотые и серебряные вещи, удила, обложенные золотом, и т. п.».

Полученные мною известия об обширных развалинах на низовьях Аксу и Сукулука заставили меня свернуть от Беловодской станции (Аксу) влево. Местность эта даже в географическом отношении мало исследована, хотя недалеко оттуда теперь есть русское селение (Степное). На новейшей карте генерального штаба (вообще крайне неудовлетворительной) течение рек Карабалты, Аксу и Сукулук обозначено точками, притом совершенно неверно; на самом деле Карабалты и Сукулук впадают в Аксу, самую многоводную из трех речек, которая сама изливается в Чу. Несколько южнее впадения Сукулука в Аксу находится холм Ак-тепе, повидимому сооруженный целиком из жженого кирпича, куски которого везде видны в большом количестве. Здесь уже были произведены хищнические раскопки (по словам местных жителей, кашгарскими выходцами),

[12] «Это подтверждено позднейшими работами. Бернштам (*Археологический очерк*, стр. 69—70) даже считал возможным видеть в Шиш-тепе развалины Нузкета. Описание Шиш-тепе (Шиш-тюбе) см. Кожемяко, *Раннесредневековые города*, стр. 79—84.»

но особенно ценных вещей не нашли; золотых вещей не было, из серебряных было только одно кольцо. На Сукулуке, недалеко от впадения его в Аксу, находится так называемый Чон-турткуль — огромная крепость, не менее 10 верст в окружности; но так как местность неровна, а следов построек нигде не видно, то трудно составить себе ясное понятие об общем виде укрепления, занимающего такое обширное пространство. Верстах в 8—10 дальше, на левом берегу Аксу, находится турткуль Ак-тепе. По рассказу туземцев, эти три памятника старины (Чон-турткуль и оба Ак-тепе) некогда составляли один большой город; но этот рассказ не имеет значения, так как посредством расспросов я убедился, что он основан не на народном предании, а на словах приезжавшего туда аулиеатинского муллы. Этот факт заставил меня строже относиться к рассказам туземцев и везде стараться отделить народные предания от измышлений книжников; последние обыкновенно обнаруживают свое происхождение уже своей грубо нелепой формой [13], но в некоторых случаях, как в указанном, вполне возможно принять выдумку книжника за народное предание. К северо-западу от Чон-турткуля находится еще курган Чок-тепе, где, по преданию, зарыт белый конь богатыря Ширдак-бека.

Значительно севернее, на правом берегу Чу, недалеко от впадения в нее речки Курагаты, находятся развалины Ит-кичу, около брода того же имени. Этот брод в прежнее время имел некоторое значение для караванных путей; в 1859 г. Венюков с русским отрядом прошел путь от Верного к Ит-кичу; указывая несколько маршрутов в Заилийском крае, он, между прочим, упоминает о пути от Курдая (где теперь проходит почтовый тракт из Пишпека в Верный) к Ит-кичу и о пути от Аулие-Ата, мимо Ит-кичу, к Балхашу [14]. Вследствие этого развалины Ит-кичу были отмечены на карте, и потому исследователи обратили на них гораздо больше внимания, чем на остальные, гораздо более обширные и замечательные развалины в окрестностях Чу; английский ученый Ховорс (Howorth) считает развалины Ит-кичу остатками Баласагуна [15]. Так как, по словам И. Л. Арзамасова, эти развалины не представляют ничего замечательного и состоят только из нескольких курганов, я не счел нужным предпринимать поездку туда, очень трудную для человека, не имеющего возможности ездить верхом (г-н Ковалев в то время осматривал Меркинское и Аспаринское ущелья).

Я вернулся на почтовый тракт около Сукулука, несколько восточнее дунганского поселка. О последнем в отчете г-на Дудина говорится, что

[13] На пространстве от Пишпека до Пржевальска от разных лиц можно слышать рассказы о том, что часть дунган пришла в Среднюю Азию с Александром Македонским, часть — с Тимуром; что христиане жили в Средней Азии еще до Александра Македонского (!); что Александр доходил до Александровского хребта, который от него получил свое название. Мы произвели расследование, по которому оказалось, что первоисточник всех этих рассказов — один мулла, живущий в Пржевальске.

[14] Венюков, *Краткий обзор*, стр. 119—120, 125.

[15] Howorth, *History of the Mongols*, pt I, p. 6.

там «кроме курганов попадаются и городища, вроде городищ у селения Бурного, так что вся долина речки Сукулук по справедливости может быть названа городом мертвых. Курганы расположены то отдельно, то рядами (по 3 и по 7), причем все ряды идут от гор к долине. По одному кургану, недавно разрытому (около деревни Беловодское), можно было видеть их внутреннее устройство. Курган представляется склепом, сложенным из больших сырцовых кирпичей, со сводчатым потолком; склеп снаружи весь засыпался; внутри находят обыкновенно человеческие кости, изредка также лошадиные; из вещей — маленькие железные вещицы, сильно поржавевшие (ножницы, ножи и т. п.), кольца, медные полоски и бляшки, маленькие глиняные кувшинчики, а вблизи курганов — большие кувшины из прекрасно обожженной глины, наполненные обыкновенно небольшим количеством земли». Г-н Дудин срисовал один такой кувшинчик и жерновок из зеленоватого слюдяного сланца.

Верстах в 2—3 к востоку от Сукулука находится большой курган, высотой около 2½ сажен, срисованный г-ном Дудиным.

Верстах в 8 к западу от уездного города Пишпека находятся развалины обширной крепости, напоминающие Чалдавар и Шиш-тепе; по описанию г-на Дудина, крепость была окружена четырехугольным валом, «восточная сторона которого несколько выгнута наружу; высота вала — около сажени. Ближе к западной части вала помещается пятиугольный плоский холм, поднимающийся значительно выше вала; на юго-восточном углу холма устроено особое возвышение. Поверхность холма изрыта ямами. С запада к холму примыкает также изрытая возвышенная двухъярусная площадка и два вала, направляющиеся к западной стене, причем до самой стены доходит только один вал, другой же свертывает к югу и соединяется с первым. У юго-восточной стороны холма находится другой, низкий холм неправильной формы, к которому с северной стороны подходит невысокий пологий валик». По мнению г-на Дудина, этот холм и соседние валики представляют остатки глинобитных построек, а большие валы, вероятно также большой холм, были сложены из сырцовых кирпичей.

Около самого Пишпека, несколько восточнее его, есть остатки укрепления новейшего происхождения — Пишпек-Ата [16].

В Пишпеке мы посетили д-ра Ф. В. Пояркова, известного своими антропологическими и отчасти археологическими работами. Вместе с ним мы посетили знаменитое несторианское кладбище около селения Аламедын, открытое в 1886 г. Раскопки здесь были начаты Н. Н. Пантусовым и покойным А. М. Фетисовым, но прерваны по не зависевшим от них обстоятельствам; камни все увезены в Верный. Кладбище тщательно охраняется и теперь имеет тот же вид, в каком оставил его Н. Н. Пантусов.

[16] «Дальнейшие исследования показали, что это городище, называемое также Чола-казак, в действительности восходит к средним векам (Бернштам, *Археологический очерк*, стр. 72).»

сов; видно, что работы были прекращены именно тогда, когда начали принимать более успешный характер и в близком будущем должны были дать существенные результаты; в одном месте можно различить кладку какой-то стены. Мы осматривали кладбище весной, когда все пространство было покрыто высокой травой, вследствие чего было трудно различить следы древних построек, которые осенью, по словам д-ра Пояркова, гораздо заметнее. Если здесь был город, то цитадель была расположена ниже остальной части города — явление, которое само по себе кажется странным, но в этой местности повторяется несколько раз. Все здешние укрепления, до новейших кокандских включительно, очевидно, были направлены против врага, ожидавшегося со стороны степи, а не со стороны горных ущелий.

На дальнейшем пути по Чуйской долине курганы и другие памятники древности находятся несколько южнее почтовой дороги, ближе к горам. Наиболее замечательно кладбище, находящееся против Исыгатинского ущелья, на берегу речки Исыгаты, верстах в 12 от почтовой станции того же имени. Здесь находится могила богатого киргиза Курчи, отца нынешнего волостного правителя Сулеймана Курчина. Место, очевидно, служило кладбищем самым различным народам, вследствие чего мы имеем здесь могильные камни самых различных родов.

1) Два больших камня (гранит), по виду вполне соответствующие камням на некоторых орхонских могилах; один камень лежит, другой еще стоит, но оба настолько выветрились, что следов надписей не видно никаких.

2) Рядом с ними небольшой камень, в форме усеченного конуса, с отверстием посередине, по виду напоминающий так называемые «друидические камни» в Вогезах.

3) Грубо сделанная фигура женщины; сохранилось одно туловище, без головы [17].

4) Камень с арабской надписью, того же вида, как иссык-кульские и чуйские камни.

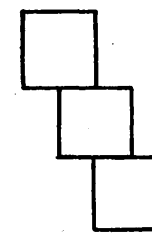
В Токмаке мы по совету д-ра Пояркова познакомились с преподавателем местного городского училища В. П. Ровнягиным, вместе с ним осмотрели некоторые развалины (Бурану, несторианское кладбище и Ак-Пишин) и получили от него много сведений о других.

Знаменитая башня Бурана находится внутри крепости, на берегу речки того же имени, русло которой наполняется водой только во время таяния снега в горах; при нас воды как в Буране, так и в соседних арыках, проведенных из речки Шамси, не было совсем, так что мы могли основательно осмотреть русло речки, иногда вымывающей различные предметы из развалин. Крепость окружена четырехугольным валом; кроме башни внутри укрепления находится еще высокий холм (по опре-

[17] Об этой фигуре упоминает путешественник Лансдель (*Chinese Central Asia*, vol. I, pp. 121—122).

делению г-на Дудина, высота его — до 3 сажен), по-видимому сложенный из сырцовых кирпичей. Около башни видны следы древних могил. О самой башне фотография, сделанная г-ном Дудиным, дает достаточно ясное представление. На вершину башни вела лестница; по бокам, с внутренней стороны, находятся надписи, тоже снятые г-ном Дудиным, но представляющие мало интересного; одна из них имеет некоторый палеографический интерес как образчик того арабско-сирийского шрифта, который встречается в Семиречье также на некоторых могильных камнях. Характер постройки, особенно орнаментика, заставляет предполагать, что башня воздвигнута мусульманами [18].

Верстах в полутора к югу от башни находится известное несторианское кладбище; могильные камни, найденные на поверхности земли, теперь тоже все увезены; но речки и арыки иногда вымывают из земли, вместе с другими предметами, целые надгробные камни (очевидно, глубоко погрузившиеся в землю) с изображением креста. Из других предметов, вымываемых речкой, замечательны обломки посуды и монеты. Жители Токмака, для которых Бурана является целью увеселительных поездок, довольно часто находят в русле речки золотые монеты; наши поиски остались безуспешными, но местные киргизы после долгих отказов, когда мы уверили их, что насильно не отнимем у них ничего, наконец показали нам найденную в этой местности золотую монету с куфическими письменами. Так как подобных монет известно уже значительное число, мы не настаивали на уступке нам этой монеты; у киргизов она не имеет меновой ценности, но служит чем-то вроде амулета и считается лекарством против разных болезней, особенно горловых. Выше кладбища в русле речки и арыков не находят никаких предметов, так что поселение, расположенное около Бураны, не отличалось обширностью.



Как нам сообщил В. П. Ровнягин, от Бураны на северо-запад, почти по прямой линии, идет ряд развалин, располагаясь в трех группах; одна группа, именно развалины Ак-Пишин, находится еще к югу от почтовой дороги, верстах в 5—6 от Бураны; вторая группа — около тракта, между станциями Исыгаты и Токмак; третья — к северу от дороги, но все еще южнее реки Чу. Мы успели осмотреть только Ак-Пишин; остальные группы развалин, судя по рассказу В. П. Ровнягина, представляют только небольшие валы и курганы. Ак-Пишин, судя по его нынешнему виду, представляет остаток обширного города. Замечательно оригинальное устройство цитадели, состоящей из трех частей; такое расположение валов нам не пришлось встретить ни в каком другом укреплении, ни раньше, ни после. В окрестностях цитадели заметны признаки распланировки города или обширного поселения. И здесь враг, очевидно, ожи-

[18] Наш арбакеш при первом взгляде на башню решил, что строителем ее мог быть только эмир Тимур.

дался со стороны степи, так что город лежит ближе к горам и, следовательно, выше, чем цитадель [19].

На правом берегу Чу, около Карабулака, где, по свидетельству китайского путешественника Чан-чуня [20], в XIII в. был небольшой город, еще теперь, как нам рассказывали, заметны курганы и следы водопровода. Вследствие высокой воды (около этого времени началось таяние снега в горах) мы не могли проникнуть в Карабулак. Г-н Дудин, проехавший из Токмака в Верный через Кастек, только на левом берегу Чу видел «небольшое городище, представляющее по обыкновению четырехугольное возвышение с валикообразными краями; в 150 саженях к NW от него возвышается плоский холм неправильной формы, занятый теперь муллушками, а к NE, значительно ближе, — круглый большой курган».

Дальше к югу, как известно, долина Чу постепенно суживается и переходит в Буамское [21] ущелье. У самого входа в ущелье, около станции Джиль-Арык, видны признаки распланировки местности для построек; туземцы, по обыкновению, приписывают эти постройки калмыкам. Около того же места в Чу впадает с правой стороны речка Большой Кебин; в долине Кебина, куда можно было проникнуть только верхом (и то с большими затруднениями), г-н Ковалев видел целое кладбище из каменных баб.

Выше Буамского ущелья долина Чу, которая, как известно, носит здесь название Кочкар, опять расширяется. Долина Кочкара, орошенная быстрой, многоводной речкой, очевидно, имела прежде гораздо более значительное население, чем теперь; повсюду видны следы древних могил. Наиболее интересные могилы находятся в верховьях Кочкара, куда можно было проникнуть только верхом; по рассказу г-на Ковалева, там заметны следы целого города. Теперь местность, вследствие недостатка орошения, имеет безотрадный вид; но нам говорили, что и теперь почва даже при самом умеренном орошении дает обильный урожай.

Таковы результаты наших изысканий в местности между Таласом и Чу и в Чуйской долине. Обратимся теперь к историческим известиям об этой стране.

Самый подробный средневековый маршрут от Таласа к Чу, именно маршрут Ибн Хордадбеха, был приведен в моей статье «О христианстве в Туркестане» [22]. Статья эта вызвала две заметки Н. Ф. Петровского [23]; в первой исправлены некоторые из сделанных мною ошибок (эти поправки не относятся к указанному маршруту), во второй автор делает попытку объяснить местоположение упоминаемых Ибн Хордадбехом городов

---

[19] ‹См. планы и описание городища Ак-Пишин (Ак-Бешим) в работах Кызласова (*Ак-Бешим*, стр. 155—160) и Кожемяко (*Раннесредневековые города*, стр. 71—78).›

[20] Пер. Кафарова, 307; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 72.

[21] ‹На современных русских картах — Боамское.›

[22] ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302›.

[23] *К статье «О христианстве в Туркестане»*; *Еще заметка.*

Касра-Бас, Куль-Шуб, Джуль-Шуб, Кулан и Суяб. Все пять пунктов, вопреки прямому указанию арабских географов, помещаются г-ном Петровским к югу от Александровского хребта. Г-н Петровский предполагает, что «где-то близ теперешнего Аулие-ата таразский путь разделялся на два: один шел вверх по Таласу и далее к югу в восточный Туркестан, другой — на Мирки, Ашпара, Чалдавар (sic) — к столице тюркского хана». Следовательно, Ибн Хордадбех и Кудама на основании двух маршрутов сочинили свой собственный, совершенно фантастический.

Г-н Петровский считает свои выводы совершенно несомненными (иначе, по его выражению [24], «поступить нельзя»); тем не менее мы никак не можем согласиться с ними. Фантастические маршруты действительно встречаются у мусульманских писателей; таково, например, путешествие Абу Дулефа, который, как доказал Григорьев [25], задался целью вставить в свой маршрут все имевшиеся у него сведения о различных странах и народах; но стоит только просмотреть описание Ибн Хордадбеха и Кудамы, чтобы убедиться в том, что они писали если не на основании личного знакомства с краем, то во всяком случае на основании рассказов или письменных донесений бывших там лиц. Выражения Кудамы еще более точны, чем те, которые приведены в моей статье; по его словам [26], от Касра-Баса «вправо находятся горы, влево — пески (*кум*); пески простираются к северу от таразской дороги до Кулана. За [этими] песками находится пустыня, наполненная песком и камнем, где живут змеи, которая простирается до страны кимаков». Кажется, это место достаточно доказывает невозможность отожествления Кулана с Кулябом г-на Петровского. Чтение كولان (не كولاب) тоже, вопреки мнению г-на Петровского, можно считать достаточно установленным (у китайцев Цзюйлань); в этом виде оно довольно часто встречается у мусульманских писателей (у Якута [27] с указанием произношения). Что касается конечного пункта арабского маршрута в Чуйской долине, то и тут мы не можем согласиться с мнением г-на Петровского, который указывает на «местность Суяб с остатками древних развалин из камня и кирпича» близ кургана Эмюрсах, к югу от Нарына. Едва ли можно сомневаться в тожестве Суяба (آب+سوى) арабских географов с китайским «городом на реке Суй-е» (или Суйшэ); Сюань Цзан[28], достигнув юго-восточного берега Иссык-Куля, проехал 500 ли вдоль берега озера и дальше на северо-запад до упомянутого города. Из этого видно, что город, как заставляет предполагать уже его название [29],

---

[24] Петровский, *Еще заметка*, стр. 356.

[25] *Об арабском путешественнике*, стр. 3.

[26] Кудама, пер., 157.

[27] *Му'джам*, IV, 328.

[28] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 12; *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 54—55.

[29] Суй=Чуй; замена звука *ч* звуком *с* встречается в некоторых тюркских диалектах (см. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, S. 153); то же самое фонетическое

следует искать на берегах Чу [30]. Каковы бы ни были неточности китайского маршрута (в «Истории династии Тан») от города на реке Суйшэ (Суяба) к Далосе [31] (Таласу) [32], все-таки то обстоятельство, что и в этом маршруте упоминаются города Осуболай [33] (Ашпара) и Цзюйлань (Кулан), во всяком случае говорит в пользу реальности арабского маршрута.

Путь из Таласа (Аулие-Ата) в Восточный Туркестан по южной стороне Александровского хребта, предполагаемый г-ном Петровским, не упоминается ни в одном из известных мне сочинений; тем не менее вполне возможно, что после упадка оседлости в крае этим путем пользовались караваны в летнее время, когда кочевники все переходят на южную сторону хребта. Сведения о развалинах в этой местности, сообщенные г-ном Петровским, бесспорно крайне интересны. Во время моего пребывания в крае мне тоже много рассказывали о развалинах на Сусамыре; но, так как мы проехали путь от Таласа к Чу ранней весной, поездка на Сусамыр была невозможна даже для г-на Ковалева (колесного пути туда нет, так что для меня лично эта поездка была бы немыслима и летом). В. П. Ровнягин говорил нам, что он видел на Сусамыре один камень с крестом, похожий на токмакские и пишпекские, но других таких камней ему не приходилось встречать, так что эта единственная находка, может быть, основана на каком-нибудь недоразумении. Что касается кирпичных построек, то они едва ли могли быть возведены кочевниками (киргизы иногда строят кирпичные муллушки, но для этого пользуются кирпичом древних построек); с другой стороны, иная жизнь, кроме кочевой, здесь невозможна по самой природе местности. Остается предположить, что кочевники при постройке этих зданий пользовались услугами подчиненных им оседлых народов.

Возвратимся теперь к дороге по северную сторону хребта. Местоположение развалин указывает на то, что в средние века путь шел из Аулие-Ата несколько южнее нынешнего тракта, по так называемой караванной дороге. От Молдабаевской станции почти до Пишпека памятники старины опять встречаются у самого тракта. Мнение Томашека, что Кулан находился на месте Тарты, и теперь кажется мне справедливым [34]. Положение городов Мирки (Мерке) и Ашпара (по киргизскому произношению

явление мы замечаем в названиях некоторых областей и городов Аму-Дарьи (напр., Саганиан и Чаганиан, см. Якут, *Му'джам*, III, 393), что, вероятно, тоже объясняется влиянием тюркских элементов.

[30] ‹О локализации Суяба см. Бернштам, *Археологический очерк*, стр. 76—79. Недавно предложено видеть остатки Суяба в городище Ак-Пишин: Clauson, *Ak Beshim=Suyab.*›

[31] ‹Далосы.›

[32] См. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 4; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 268—269›.

[33] ‹Ашибулай.›

[34] ‹Современное название Тарты—Луговое. Отождествление В. В. Бартольда подтверждено новыми исследованиями. См. Бернштам, *Памятники*, стр. 32.›

Аспара) определяется их названием. Что касается Нузкета, то расстояния, указанные арабскими географами, едва ли позволяют приурочить его к той местности, на которую указывает г-н Петровский [35]. Развалины на пути из Пишпека в Токмак, расположенные у самого тракта, вероятно, принадлежат к новому времени; в средние века дорога, очевидно, шла южнее, мимо Аламедына, исыгатинского кладбища и Бураны. Аламедынские развалины по своему местоположению вполне соответствуют Джулю арабских географов; сюда же выходит путь через перевал Каракол, упоминаемый у Идриси [36]; этим путем еще теперь пользуются наманганские сарты, т. е. именно жители той местности, где некогда находился Ахсикет. Сарыг мог находиться на месте Бураны или каких-нибудь соседних развалин [37]. Оттуда дорога переходила на правый берег Чу, к «столице тюркского хакана» [38], которая, по прямому указанию китайских источников [39], находилась на одной горе (китайцы называют эту гору Цзедань) по северную сторону реки (около Кара-булака или Кара-кунуза). С другой стороны, город Суй-е, или Суйшэ (Суяб), находился к югу от реки [40]; следовательно, от «столицы тюркского хакана» путь, по-видимому, опять переходил на левый берег реки. От городов Невакет и Суяб, по словам Ибн Хордадбеха и Кудамы, вели пути в город Верхний Нушджан, или Барсхан. Относительно последнего города мнение Томашека, несмотря на возражения г-на Петровского и мои, все-таки оказывается справедливым или по крайней мере близким к истине; город несомненно находился на берегу Иссык-Куля, а не в Восточном Туркестане. В рукописи Туманского [41] (см. выше, стр. 23) об озере Иссык-Куль (в этом месте ايسكوك, на л. 18 اسكول) сказано, что «город Барсхан находится на берегу этого озера». По словам Кудамы [42], «Верхний Нушджан состоит из че-

[35] *Еще заметка*, стр. 357. По поводу предложенного Томашеком чтения تومكث и сближения с китайским Дуньцзянь заметим, что в рукописи Туманского (‹*Худуд ал-'алам*›, л. 18) написано تون‌كث.

[36] Г-н Петровский (*Еще заметка*, стр. 355) по ошибке смешивает города Джуль-Шуб и Джуль.

[37] ‹По мнению А. Н. Бернштама (*Археологический очерк*, стр. 72—75), Сарыг соответствует Краснореченскому городищу, расположенному в 32 *км* к востоку от города Фрунзе.›

[38] Ибн Хордадбех (пер., 21) называет этот город «столицей т ю р к е ш с к о г о хакана». Тюркское племя т ю р к е ш, у китайцев ту-цзи-ши, упоминается в орхонских надписях (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 427). По китайской «Истории династии Тан», начальник этого племени в конце VII в. «завоевал Суй-е, перенес сюда орду и назвал Суй-е-чуань городом Гунъюе Большой орды» (Бичурин, *Собрание сведений*, I, 366). У Макдиси (275) упоминается «Орду, небольшой город, где живет туркменский царь; он постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба. Город имеет крепость и ров, наполненный водой; царский дворец находится в цитадели».

[39] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 4; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 269›.

[40] Там же.

[41] *Худуд ал-'алам*, л. 3: و شهر برسخان بر كران اين دریاست

[42] Кудама, пер., 203.

тырех больших городов и пяти малых [43]; гарнизон (тюркский) находится в одном из этих городов, расположенном на берегу озера». Следует ли, как полагал Томашек, читать «Барсхан» и помещать этот город у Барскаунского ущелья, этот вопрос остается спорным; но в пользу этого мнения говорит чтение многих рукописей и существование позднейшей формы برساكن (у писателя XIV в.[44]). Произношение Нушджан приводится в словаре Якута; но очень вероятно, что Якут знал название этого города только из рукописей и сам никогда не слышал его (в словаре Сам'ани его нет). Вопрос еще осложняется тем, что в других местностях мы, в качестве географических названий, встречаем как слово Нушджан [45], так и слово Барсхан [46]. Слова Кудамы показывают, что мы имеем здесь не один город, а целую группу поселений; значительное расстояние этой местности от Суяба (т. е. от верховьев Чу) заставляет нас отожествить ее с восточным побережьем озера. В главе, посвященной Иссык-Кулю, нам придется подробнее говорить об этих поселениях. Из двух дорог, соединявших эту местность с верховьями Чу (путь от Невакета и путь от Суяба), одна, по всей вероятности, шла по южному берегу озера, другая — по северному; первая, вероятно, отделялась от второй около нынешней станции Кок-муйнак (через проход Гаккы).

После X в. сведения мусульманских писателей о Чуйской долине становятся крайне смутными. Из городов упоминается только Баласагун, столица сначала Караханидов (XI в. и первая половина XII в.), потом кара-китайских гурханов (вторая половина XII в.). Несмотря на важное значение этого города, дошедшие до нас известия о его местоположении крайне неопределенны, так что до сих пор об этом высказываются самые противоречивые мнения. Столь же темна история возвышения Караханидов, при которых Баласагун впервые становится известным.

Самым могущественным тюркским народом в Средней Азии арабские географы называют народ تغزغز. Григорьев [47] предложил читать это слово تغزغر (тогузгур) и сблизил этот народ с токуз-уйгурами Рашид ад-дина. Мнение Григорьева было принято всеми учеными, так как, по-види-

---

[43] Ибн ал-Факих в цитате, приведенной Якутом (*Му'джам*, IV, 823; в дошедшем до нас сокращении Ибн ал-Факиха этого места нет), говорит: «из четырех больших и четырех малых».

[44] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 234. См. также приложение к наст. отчету; ‹наст. изд., т. VIII; чтение Барсхан подтверждено словарем Махмуда Кашгарского, III, 308›.

[45] В Фарсе, см. Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 445. Якут при слове Нушджан (*Му'джам*, IV, 823) приводит это место и потом уже присоединяет к нему выписку из Ибн ал-Факиха о Нижнем и Верхнем Нушджане; имена людей, происходивших из этих городов, не приводятся, так что становится очень вероятным, что Якут сблизил название упомянутых городов с названием города в Фарсе только потому, что в бывшей у него под руками рукописи Ибн ал-Факиха стояло نوشجان.

[46] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 50; Якут, *Му'джам*, I, 565.

[47] *Об арабском путешественнике*, стр. 34.

мому, находит себе подтверждение в китайских источниках, по свидетельству которых уйгуры уже в VIII в. разделялись на девять колен [48]. Существовало уйгурское предание, рассказанное у Джувейни [49], что первый хан уйгуров, Буку-хан, переселился с Орхона на запад и основал город Баласагун. Отсюда возникла теория, по которой легендарный Буку-хан тожествен с Богра-ханом арабских историков и, следовательно, Караханиды были токуз-уйгурскими (тогузгурскими) владетелями [50]. Эта теория лежит в основании всех рассуждений г-на Петровского о Баласагуне.

Чтение تغزغز было сильно поколеблено проф. Нёльдеке, который указал на один пехлевийский текст конца IX в. [51], где абсолютно точным пазендским алфавитом написано Tughzghuz [52]. Существование токуз-огузов в Средней Азии теперь доказано орхонскими надписями, вследствие чего чтение токуз-огуз (а не уйгур) становится несомненным [53]. Из надписей ясно видно, что первым народом, называвшим себя тюрками (в китайской транскрипции тукюе [54]), были огузы [55]. По словам арабских историков, токуз-огузы (в конце IX в). оказали помощь китайскому императору против мятежников; в китайских источниках все это рассказывается о народе шато [56], принадлежавшем к тукюе [57] (тюркам, огузам), а не к хой-ху (уйгурам). О народе шато китайцы говорят, что он жил около гор Иншань (Тянь-Шань), где обитали также татары. Все это вполне подходит к тугузгузам арабов; на то, что среди них жили и татары, указывают слова неизвестного персидского географа: «Татары — тоже один род из тугузгузов» [58].

Что касается легенды о Баласагуне, рассказанной у Джувейни, то здесь возможно какое-нибудь недоразумение, тем более что в китайской версии легенды, вошедшей в «Историю династии Юань» (*Юань-ши*) [59],

---

[48] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 383.

[49] Легенда в тексте и немецком переводе приведена К. Г. Залеманом в изд. *Кутадгу билик* В. В. Радлова (I, стр. XLI—XLIX); русский перевод в книге *К вопросу об уйгурах* В. В. Радлова, стр. 56—62.

[50] Такой взгляд на происхождение Караханидов в последний раз изложен В. В. Радловым (*Кутадгу билик*, изд Радлова, I, стр. LXXVIII—LXXIX; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 121).

[51] *Epistles of Mânûskîhar*, p. 329.

[52] BGA, VII, p. VIII.

[53] На это уже было указано в статье проф. Н. И. Веселовского *Орхонские открытия*.

[54] ‹Совр. транскрипция — туцзюе.›

[55] Об этом еще раньше догадывался В. В. Радлов (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXXVII; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 117).

[56] Об этих событиях подробнее всего у Reinaud, *Relation*, t. I, pp. CLIII, CXXXVII—CXXXIX, 64—65.

[57] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 452.

[58] *Худуд ал-'алам*, л. 17: و تاتار هم جنسی از تغزغزاند.

[59] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. L; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 64.

говорится только о переселении уйгуров с Орхона в Турфан и Бишбалык, а Баласагун не упоминается. Можно, однако, предположить, что Караханиды были если не уйгурами, то токуз-огузами и что Баласагун тожествен со столицей арабских تغزغز. Это как будто подтверждается словами Макдиси [60], который в 6 днях к востоку от Верхнего Барсхана (Нушджана) помещает «местопребывание Богра-хакана». Но другие данные опровергают и это предположение.

О расстоянии между Верхним Барсханом и столицей тугузгузов мы находим у арабских географов самые противоречивые известия. Макдиси и Кудама [61] в одном месте говорят: 6 дней; Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих [62] — 3 месяца; Кудама [63] в другом месте — 45 дней; последнее известие кажется де Гуе наиболее вероятным. Первоисточником арабских известий о тугузгузах, по-видимому, следует считать донесение Темима ибн Бахра ал-Мутавви'и, извлечение из которого приведено в словаре Якута [64]; ал-Мутавви'и сам был в столице тугузгузов, совершив путешествие туда на почтовых лошадях, доставленных ему по приказанию хакана. Он ехал (по-видимому, от мусульманской границы) 20 дней по степи, где были пастбища и ключи, но не было ни селений, ни городов, потом еще 20 дней [65] по густонаселенной стране. Название столицы тугузгузов, насколько нам известно, упоминается только в двух сочинениях, у неизвестного персидского географа [66] и у Идриси [67]. Первый называет ее جنيانجكث, второй — تنبع; первый прибавляет, что город находился по соседству с Китаем, около гор طغقان; эти горы помещаются им на границе Китая и страны тугузгузов [68]. Все эти известия показывают, что столицу тугузгузов следует искать около восточного Тянь-Шаня. Мнению г-на Петровского [69], что Баласагун был основан только в конце X в., противоречит рассказ знаменитого сельджукского везира Низам ал-мулька [70] о завоевании Баласагуна «неверными тюрками» незадолго до низложения Саманида Насра (943 г.).

Григорьев [71] считал Баласагун тожественным со «столицей тюркского хакана», упоминаемой Ибн Хордадбехом и Кудамой. Этому несколько

---

[60] Макдиси, 341.

[61] Кудама, пер., 160.

[62] Ибн ал-Факих, 328; Ибн Хордадбех, пер., 22.

[63] Пер., 203.

[64] *Му'джам*, I, 840. Известия ал-Мутавви'и повторяются последующими географами, начиная с Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха, так что его путешествие во всяком случае произошло не позже IX в. ‹См. также Minorsky, *Tamīm.*›

[65] У Кудамы — 25.

[66] *Худуд ал-'алам*, л. 17.

[67] Пер. Жобера, I, 490—491.

[68] *Худуд ал-'алам*, л. 6.

[69] *Ответ консула*, стр. 297.

[70] Изд. Шефера, текст, 189; пер., 277.

[71] *Караханиды*, стр. 21.

противоречит то, что Макдиси упоминает об «Орду, небольшом городе, где живет туркменский царь», отдельно от Баласагуна. Во всяком случае, Макдиси не только не называет «город Богра-хана» Баласагуном, но говорит о Баласагуне отдельно, вместе с городами, расположенными в Чуйской долине и находившимися в зависимости от Исфиджаба. Если бы город находился в Восточном Туркестане, то приводить его в связь с Исфиджабом не было бы, конечно, никакого основания.

В общем списке городов Исфиджабского округа [72] Баласагун у Макдиси упоминается на втором месте после Орду (между ними город نويكث) [73]; при описании отдельных городов [74] после Орду, без указания расстояний, упоминаются только два города, Харран (حرّان) и Баласагун (ولاسكون); последний назван «большим, многолюдным и богатым городом».

Якут дает о Баласагуне два противоречивых известия, приведенных в моей статье «О христианстве в Туркестане» [75]; оба заимствованы им у Сам'ани. О Баласагуне у Сам'ани [76] говорится: «Это — город, пограничный с владениями тюрков за рекой Сихуном, недалеко от Кашгара». О Фарабе у Сам'ани сказано [77]: «Это — город выше Шаша (за Шашем?), недалеко от области Сугур (?)». У Якута в этом месте вместо بلاد سغور стоит بلاساغون; очень вероятно, что его чтение правильно [78] и что ошибка Сам'ани находится в связи с неясными географическими представлениями арабов. Из приведенных противоречивых указаний мы можем вывести только то заключение, что Баласагун не находился ни к западу от Таласа [79] (иначе его не поместили бы недалеко от Кашгара), ни в Восточном Туркестане (иначе его не привели бы в связь с Фарабом и Исфиджабом).

Говоря о принятии ислама западными тюрками в 1043 г., Ибн ал-Асир [80] прибавляет, что эти тюрки кочевали летом по соседству с землей болгар, зимой — около Баласагуна. Вполне вероятно, что кочевники, проводившие лето в нынешних киргизских степях, переходили на зиму

---

[72] Макдиси, 263—264.

[73] نويكث = نواكث (Невакет), см. приложение; ‹наст. изд., т. VIII›.

[74] Макдиси, 275.

[75] *О христианстве в Туркестане*, стр. 21; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 288›.

[76] Рук. Аз. муз., л. 68: هى بلدة من ثغور الترك وراء نهر سيخون (чит.: قريبة من كان شغر (كاشغر.

[77] Там же, л. 314: هى بلدة فوق الشاش قريبة من بلاد سغور.

[78] То же чтение в тексте Абу-л-Фида (*Таḳвӣм*, изд. Рено—де Слэна, 293).

[79] По астрономическим определениям арабов, Баласагун находился к северо-востоку от Таласа: Абу-л-Фида, со слов Бируни и Фарси, помещает Талас под 89°50′ в. д. и 44°25′ или 43°35′ с. ш., Баласагун — под 91°35′ или 91°50′ в. д. и 47°40′ с. ш. (Абу-л-Фида, *Таḳвӣм*, изд. Рено—де Слэна, 496, 500; пер. Рено, ч. 2, 224, 227). Эти определения, по-видимому, точнее позднейших: по Якуту (*Му'джам*, III, 524), долгота Таласа 100½°, по таблицам Улугбека (Sedillot, *Prolégomènes*, II, p. 268) — 99°50′. По Хаджи Халифе (*Джихӣн-нума*; приведено у Григорьева, *Караханиды*, стр. 21), долгота Баласагуна 101°, по Ахмеду-эфенди — 102° (там же).

[80] Изд. Торнберга, IX, 356; Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 22; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 289›.

в западную часть Семиречья; но едва ли возможно, что эти зимовки находились в Восточном Туркестане. Кара-китайские гурханы в XII в. избрали своей столицей тоже Баласагун. В китайских источниках мы этого названия не встречаем. По словам китайского историка [81], первый гурхан, Елюй Да-ши, в прекрасной местности построил город Хусы-орду (первые два слога д-р Бретшнейдер [82] сблизил с маньчжурским *хосун* 'крепкий, сильный'). Что мы действительно имеем здесь город (хотя и не основанный кара-китаями), а не только кочевую ставку, это видно из слов китайца Елюй Чу-цая, посетившего край в 1219 г., следовательно уже после уничтожения кара-китайского владычества; по этому известию, город Хусы-волудо (Хосун-орду), столица западных Ляо, находился к западу от Или и в нескольких сотнях ли к востоку от Таласа; ему были подчинены несколько десятков городов [83].

По так называемой монголо-китайской летописи (монгольскому эпическому сказанию XIII в.), ван-хан кераитский бежал от своих врагов к кара-китайскому гурхану на реку Чу [84].

В 1210 г., после упомянутого (см. стр. 35) поражения кара-китаев при Таласе, в войне с хорезмшахом Мухаммедом, разбитое войско бежало, опустошая свои собственные владения. Баласагунцы, надеясь на скорое прибытие хорезмшаха (очевидно, жители прежней столицы Караханидов сохранили верность исламу), заперли перед кара-китаями ворота своего города; город был осажден и взят штурмом после шестнадцатидневной защиты; при этом, по словам Джувейни, среди убитых баласагунцев насчитывали до 47 000 знатных людей [85] (цифра, конечно, преувеличенная). Если бы Баласагун находился в Восточном Туркестане, то жители едва ли могли бы так скоро ждать к себе хорезмийское войско.

Баласагун не был разрушен монголами, напротив, получил от них название Гобалыка, т. е. 'Хорошего города' [86]; но почему-то это название совсем не упоминается в известных нам маршрутах. Чан-чунь [87] упоминает только об одном «небольшом городе» к югу от Кастекского перевала и к северу от Чу, т. е. приблизительно там же, где некогда находилась «столица тюркского хакана». Из его же слов [88] видно, что к югу от Чу в его время была широко развита земледельческая культура, при искусственном орошении; кроме земледелия, жители занимались шелководством и виноделием. Все путешественники относительно Чуйской долины

[81] Mailla, *Histoire*, vol. VIII, p. 420; Gabelentz, *Geschichte der Grossen Liao*, S. 184.

[82] *Researches*, vol. I, p. 18.

[83] Ibid.

[84] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 76.

[85] Джувейни, рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 132; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 168.

[86] ‹Ср. об этом названии ниже, стр. 102 и прим. 18.›

[87] Пер. Кафарова, 307.

[88] Там же.

ограничиваются несколькими словами, не сообщая никаких подробностей. В китайском маршруте 1259 г. местность по берегу Чу носит название Иду (I-tu); по словам автора, эта местность была населена мирными обитателями, занимавшимися торговлей; равнина была орошена каналами, но уже тогда было много древних валов и других развалин [89].

Некоторые сведения о Чуйской долине мы находим у Рашид ад-дина, к сожалению, только в одной, притом очень плохой рукописи [90], так что установление текста представляет значительные трудности: «Джу есть область, в которой много поселений; там два больших ущелья, Терсакест (?) и Камалык; оттуда до Самарканда — две недели пути [91]; там живет Хутулун, дочь Хайду» [92]. Сам Хайду, один из величайших монгольских властителей, умерший в самом начале XIV в., по тому же известию, был похоронен на одной высокой горе между Чу и Или [93].

В XVI в. в долине Чу, как в долине Таласа, были только развалины, причем даже названия городов всеми были забыты. Об этих развалинах в *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* [94] сказано: «В [стране] Джу в одном месте есть следы большого города; его минареты, куполы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени того города никто не знает, то монголы называют его минаретом (башней). Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком *наск* вырезана надпись: „Это — могила славнейшего имама и непреложного, совершеннейшего шейха, обнимавшего в себе как созерцательные, так и опытные науки, знатока как ветвей, так и основ законоведения, имама Мухаммеда факиха баласагунского; да не перестанет цвести на его могиле древо общения его с богом и да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных. Скончался он в 711 г. Написал это кузнец Омар-ходжа". Джу — одна из местностей Моголистана, простирающаяся на один месяц пути; городов, подобных этому, [там] было много». Приведенное известие любопытно, между прочим, как доказательство, что в начале XIV в. (711/1311-12) слово Баласагун как название города еще было в употреблении. Кроме того, факт, что монголы

---

[89] Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 129—130; Марко Поло, изд. Потье, I, CXXXVI. Ошибка Потье, полагавшего, что автор маршрута принимал участие в походе Хулагу, указана д-ром Бретшнейдером.

[90] Рашид ад-дин, рук. Публ. б-ки V, 3, 2, л. 1045.

[91] Слишком мало для такого расстояния.

[92] Персидский текст: جوی ولایتیست درو دیههای بسیار ودو دره بزرك دارد ترساکست وقامالیق واز انجا تا سمرقند دو هفته راه باشد وقوتولون دختر قایدو آنجا می‌نشینند. <По переводу Ю. П. Верховского (Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. II, 16): «Чу — область, в которой много селений. Она имеет два больших селения Тарса-кент и Кара-Ялык и отсюда до Самарканда будто бы две недели пути. Там живет Хутулун, дочь Кайду».>

[93] Гора в тексте рукописи названа شیولیق.

[94] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568 а, л. 194. Текст и перевод (незначительные неточности в последнем исправлены мною) у В. В. Вельяминова-Зернова, *Исследование о Касимовских царях*, ч. II, стр. 162—163.

называли эти развалины минаретом, т. е. башней («очевидно, по наиболее выдающейся и уцелевшей развалине»), побудил г-на Петровского сблизить их с развалинами, расположенными вокруг Бураны [95]. В подтверждение своей догадки г-н Петровский приводит слова В. П. Ровнягина, что у киргизов *Бурана* значит 'башня' (очевидно, искажение арабского *минāра*, *мунāра*). Догадка г-на Петровского очень любопытна и, вероятно, основательна; но с дальнейшими выводами его трудно согласиться. Он приводит известие также из *Та'рūх-и Рашūдū*, что «по историческим сочинениям, достойным доверия, город Баласагун находился во владении потомков Афросиаба, был отнят у них гурханом кара-китайским, который сделал его своею столицей, что Баласагун назывался Каралыг и что автор прибавлений к Сурах-уль-люгат был из этого города». По мнению г-на Петровского, «столь подробное (?) сообщение автора Тарихи-Рашиди о городе Баласагуне показывает, что местность в долине Чу, с остатками большого города, называвшегося М о н а р а, и г. Баласагун — не были одним и тем же». Нам кажется, что сообщение Мухаммед-Хайдера о Баласагуне никак не может быть названо «подробным» и заключает в себе только самые общие книжные сведения, известные нам гораздо лучше, чем ему. Нет никаких указаний на то, чтобы автор *Та'рūх-и Рашūдū* имел какое-нибудь понятие о местоположении Баласагуна; напротив, он сам замечает, что «теперь нигде не известно название Баласагуна или следы его; о месте, которое бы называлось Каралыг, также ничего не слышно» [96]. Итак, мы имеем два факта: 1) в долине Чу существовали развалины Монара, происхождение которых никому не было известно; 2) о местоположении Баласагуна или следах его Мухаммед-Хайдер ничего не знал. Можно ли после этого из того, что наш автор не сближает развалин Монара с Баласагуном, вывести заключение, что между ними нет ничего общего? [97]

Мнение о тожестве Бураны с Баласагуном было высказано мною (в статье, на которую ссылается г-н Петровский) только в качестве предположения; несостоятельность его нельзя доказать, но сколько-нибудь существенных доказательств в его пользу пока тоже нет. Бурана и ближайшие к ней развалины занимают очень незначительное пространство, гораздо меньшее, чем Ак-Пишин; если Баласагун находился в этой местности, то его с большей степенью вероятности можно отожествить

---

[95] Статья г-на Петровского ‹*Башня «Бурана»*› была напечатана в ТВ за 1894 г. (№ 25) и перепечатана в ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354.

[96] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568 а, л. 194: اين زمان هيچ جا از بلاساقون نام ونشان معلوم نيست وقرالیغ نام موضعی‌نيز شنوده نشده است. Слово قرالیغ у Мухаммед-Хайдера, вероятно, ошибка вм. غوبالیق.

[97] Нам приходилось тоже слышать возражение, что если бы имам Мухаммед умер и был похоронен в Баласагуне, то он бы не носил прозвания «баласагунского», которое имело смысл только в чужом городе. В опровержение этого укажем хотя бы на известную гробницу Термези близ Термеза.

с Ак-Пишином, причем Бурана в таком случае могла составлять какое-нибудь загородное предместье. Приведенный рассказ Мухаммед-Хайдера показывает, что в его время развалины построек были еще очень заметны, тогда как теперь они, за исключением башни, исчезли почти бесследно. Это заставляет думать, что постройки в XVI в. не были особенно древними. Из монгольских ханов, владевших этой страной, более других был склонен к строительной деятельности Хайду, который, по отзыву беспристрастных современников, заботился о благе подданных [98]; в Фергане он вместе с чагатайским ханом Тувой построил город Андижан [99]; очень (вероятно, что и в своих ближайших владениях он воздвиг какие-нибудь постройки.

Современные предания туземцев о Буране, вообще говоря, малоинтересны и, очевидно, довольно позднего происхождения; некоторого внимания, может быть, заслуживает предание, по которому строителем Бураны был Кызыл-Арслан-хан — имя, как будто указывающее на Караханидов [100]. Что это имя не было занесено сюда случайными выходцами из Кашгарии, доказывается крайней популярностью этой личности в степи; киргиз-казаки даже считают Кызыл-Арслана своим национальным героем. По преданию, Кызыл-Арслан владел Семиречьем и Кашгарией (подобно Караханидам); при нем кашгарцы возмутились и отпали от ислама; Кызыл-Арслан послал на них своего богатыря Ямшуда, который первый открыл перевал Шамси, получивший от него свое название; по этой легенде (рассказанной нам около Бураны), слово Шамси есть искажение имени Ямшуд.

Для окончательного решения вопроса о Баласагуне мы не имеем достаточно данных; мы хотели только показать, что, судя по имеющимся теперь сведениям, Баласагун скорее мог находиться в Чуйской долине, чем в Восточном Туркестане. Разумеется, вполне возможно, что открытие новых, более точных известий о Баласагуне приведет нас к совсем другому решению вопроса [101].

---

[98] Рашид ад-дин, рук. Публ. б-ки Дорн 289, лл. 262—263

[99] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 60, л. 245.

[100] По свидетельству г-на Петровского (*Ответ консула*, стр. 294), в Кашгарии «памятники мусульманского времени по большей части связаны с именами Саттук-Богра-хана и Арслан-хана».

[101] ‹Вопрос об отождествлении Баласагуна остается неясным. М. Е. Массон (*Краткий очерк*, стр. 23) и А. Н. Бернштам (*Археологический очерк*, стр. 75—76) поддержали предложенное В. В. Бартольдом отождествление Баласагуна с Ак-Пишином. Копавший Ак-Пишин Л. Р. Кызласов отрицает такое отождествление из-за отсутствия, по его утверждению, слоя XII в. (Кызласов, *Ак-Бешим*, стр. 236). В работе П. Н. Кожемяко (*Раннесредневековые города*, стр. 78), однако, отмечается наличие на городище керамики XII в. Известны находки на городище монет караханидского чекана.›

IV

БАССЕЙН НАРЫНА

Окрестности Нарына не имеют такого исторического значения, как берега Таласа, Чу и Или. Местность расположена на высоте около 7000 футов над уровнем моря, отличается суровым климатом и со всех сторон окружена горами; все эти условия не могли благоприятствовать широкому развитию оседлой жизни. В средние века здесь упоминается только один город, Атбаш, известный уже Ибн Хордадбеху; город существовал и в монгольский период и упоминается даже в XVI в. в *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* [1], причем автор ничего не говорит о том, лежал ли в его время город в развалинах.

Название города заставляет искать его на реке Атбаш, впадающей в Нарын; однако у киргизов, по сообщению г-на Петровского [2], существует предание, по которому «древний Атбаш находился не на теперешнем месте, а к северо-западу от него, на реке Алабуга, где теперь существуют развалины, носящие название Куналяк, т. е. старое место (по киргизскому произношению слова: كونەليك)». Вследствие этого предания г-н Петровский помещает средневековый Атбаш на Алабуге, тем более что, по свидетельству Ибн Хордадбеха и Кудамы, от Узгенда до Атбаша считалось только два дня пути, что для расстояния до нынешнего Атбаша слишком мало.

Несмотря на все это, трудно согласиться с тем, что город Атбаш мог находиться на расстоянии более 80 верст от реки Атбаш — явление, которое, насколько мне известно, до сих пор никогда и нигде не наблюдалось. Нынешнее селение Атбаши [3] находится в долине и потому во всяком случае не может быть тожественно со средневековым Атбашем; но в нескольких верстах от него, на левом берегу реки, около впадения в нее речки Кара-коин, есть курган Чаш-тюбе, где, как мы слышали раньше, находятся значительные развалины. В то время, как мы были в Атбаши, переправа через разлившуюся речку была возможна только для верхового; оттого я не мог лично осмотреть развалины и должен был предоста-

[1] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568 а, лл. 7, 42.

[2] *Еще заметка*, стр. 356.

[3] Арабские географы везде пишут Атбаш; форму Атбаши (как теперь называется селение) мы находим только у Мухаммед-Хайдера.

вить это г-ну Ковалеву; судя по его словам, на Чаш-тюбе и вокруг него видны остатки значительного города. У местных жителей развалины этого укрепления известны под названием Кошой-курган; строитель крепости, богатырь Кошой, находился на службе у Манаса. Крепость должна была служить оплотом против китайцев, которые вторглись в эту местность со стороны Аксу и построили Таш-рабат. Война Кошоя с китайцами продолжалась 29 лет; только благодаря измене жены Кошоя крепость наконец была взята и разрушена.

На наш взгляд, Кошой-курган несомненно находится на месте древнего Атбаша [4]. Положение крепости превосходно как в стратегическом, так и в географическом отношении; как известно, здесь, по долине Каракоина, проходит один из главных торговых путей из Семиречья в Восточный Туркестан. Менее благоприятны климатические условия; болотистый характер местности является причиной злокачественных лихорадок. Вследствие высоты местоположения (более 7000 футов) из хлебных растений постоянно вызревает только ячмень.

Из исторических известий, важных для определения местоположения Атбаша, можно напомнить приведенное в моей статье «О христианстве в Туркестане» [5] известие из *Зафар-нāме*, по которому путь из Атбаша в Узгенд, на перевал Ясы, вел через долину Арпа, что вполне согласно с предполагаемым нами положением Атбаша и совершенно исключает возможность помещения его на Алабуге.

Еще важнее для нас известие автора *Та'рūх-и Рашūдū*. Во время смут, возникших в Моголистане в половине XV в., некоторые эмиры фактически сделались независимыми владетелями и в разных местах построили себе крепости, откуда предпринимали грабительские набеги. Из них один, Мир Мухаммед-шах, поселился в Атбаше (در اتباشی متوطن شد); другой, Мир Керим-Берды, «со стороны Андижана и Ферганы, в пределах Моголистана, в месте Алабуга, на вершине холма построил крепость, следы которой видны до сих пор, и стал совершать набеги на Андижан, против мусульман» [6]. Приведенное известие не оставляет никакого сомнения в том, что, по крайней мере в XV в., Атбаш не находился на Алабуге, и в то же время объясняет происхождение развалин Куналяк.

Предполагаемое нами положение Атбаша, действительно, нельзя согласить с приведенным выше известием Ибн Хордадбеха и Кудамы; но, как уже было указано мною в статье «О христианстве», это известие

---

[4] ‹Это было подтверждено последующими работами. См. описание памятника: Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 100—103.›

[5] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 17; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 284, прим. 129›.

[6] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568 а, л. 43: میر کریم بردی که وی هم از دوغلات بود بطرف اندجان وفرغانه در حد مغولستان در الابوغا نام موضعی در بالای پشته قلعه راست کرد که تااین زمان اثر آن قلعه ظاهر است وبتاخت وباخت اندجان ومسلمانان مشغول شد.

противоречит словам самого Кудамы, что Атбаш находился в одинаковом расстоянии от Ферганы и от Нушджана (или Барсхана). Взгляд на карту показывает нам, что Кошой-курган действительно находится почти в одинаковом расстоянии от Ферганы и от юго-восточного берега Иссык-Куля, чего про Куналяк никак нельзя сказать.

Остается еще киргизское предание, которое, по словам г-на Петровского, помещает древний Атбаш на Алабуге, что, однако, кажется очень неправдоподобным. Мы видели, что в XV в. Атбаш во всяком случае не находился на Алабуге; о городах, существовавших в более ранние века, у нынешних обитателей страны нет никаких преданий, что и вполне понятно, так как киргизы в этой местности упоминаются только в *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* и во всяком случае не были здесь раньше XV в. О существовании средневекового Атбаша киргизы могли узнать только от ученых путешественников. Те киргизы, с которыми мне пришлось говорить, приписывали основание крепости на Алабуге (в урочище Менакельды) богатырю Ширдак-беку [7]; предание об этой личности, как мы видели, существует и у чуйских киргизов (см. стр. 42). В маршруте Каульбарса, помещенном в книге Костенко [8], укрепление на Алабуге названо калмыцким.

От Атбаша, как и от Суяба (см. стр. 49), вел путь к городу Верхнему Барсхану; этот путь, по всей вероятности, приблизительно совпадал с маршрутом Пичугина (приведенным Костенко [9]) от укрепления Нарынского через ущелье Барскаун до Каракола (ныне Пржевальска). По словам арабов, этот путь совершался в 6 дней; такое же число переходов указано Пичугиным для пути от Нарына до северного устья ущелья Барскаун. Странно, что от Суяба до Барсхана (расстояние еще менее значительное) арабы считают 15 караванных переходов.

Кроме развалин на Атбаше (посетить развалины на Алабуге нам не пришлось) мы видели остатки древнего укрепления еще в месте Мынбулак, около впадения Оттука в Он-арчу; кроме древних могил там заметны также следы вала. Из расспросов мы узнали еще о существовании двух укреплений: 1) около впадения Он-арчи в Нарын; 2) около впадения в Нарын речки Ляйли-су (с правой стороны); там находится большой турткуль с черепками.

Около самого Нарына [10] теперь нет никаких памятников древности,

[7] ‹В действительности на Алабуге существует ряд городищ, восходящих в нижних слоях к VII—VIII вв. н. э. См. Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 113—114.›

[8] *Туркестанский край*, т. II, стр. 62.

[9] Там же, стр. 64.

[10] Нарынское укрепление у туземцев называется «Купрюк» ('Мост'); все значение его основано на том, что здесь — одно из немногих мест, где оказалось возможным построить мост через быструю, труднопроходимую речку. Мост существовал еще при китайском владычестве. См. статью Валиханова *О состоянии Алтышара*, стр. 49.

кроме нескольких камней с грубо вырезанными изображениями людей (стрелков) и животных (верблюдов, лошадей и козлов).

Кроме того, можно указать только на древние могилы и стоящие рядом с некоторыми из них каменные бабы. Последних мне не пришлось видеть; г-н Дудин видел две. Первая была найдена им к западу от селения Атбаши; она стояла в двух шагах к западу от уже разрытой могилы; лицо истукана, грубо вытесанного из песчаника, тоже было обращено на запад. Баба была разбита, но г-ну Дудину удалось сложить уцелевшие обломки; оказалось, что это каменная баба обычного типа. Что касается могилы, то она, «по словам разрывавшего ее была четырехугольная, возвышения не имела, а напротив, была слегка вогнута и обложена рядом камней; внутри нее, вокруг трупа, были положены тонкие песчаниковые плитки в два ряда; поверхность могилы была устлана мелким галешником».

Вторая баба находится около ключа Талды-су, или (как его назвали нам) Талды-булак, верстах в 30 от селения Атбаши, вверх по реке Атбаш. Фигура оказалась бабой того же типа, но с некоторыми особенностями: «на правом боку у нее был кисет, по форме напоминавший кисеты кошоцайдамских изваяний на Кокшин-Орхоне [11]; голова по-видимому была украшена шлемом; по спине шел ряд бороздок, имевших вероятно целью передать полосатость материи» [12]. Баба, как и первая, стояла около могилы, на запад от нее; лицо тоже было обращено к западу. Могила имела такой же вид, как первая, и тоже была разрыта.

По словам киргизов, каменные бабы находятся еще в следующих местах:

1) около речки Наут-булак, впадающей в Атбаш против Кара-коина;

2) в месте Тюя-куйрук, верстах в 80—90 от Кошой-кургана, близ перевала Масейли.

Что касается могил, то их, по словам г-на Дудина, больше всего около ущелья Богушты. «Здесь могилы расположены рядами, направляющимися вниз по склону долины, по 7, по 10 и более в ряду; все могилы и здесь и в других местах принадлежат к двум типам: <1)> большие — четырехугольные с сильно закругленными углами, высотою от 2-х до 4-х аршин, в диаметре имеют до 30 шагов; 2) маленькие — круглые, высотою до 2-х аршин, в диаметре имеют до 15 шагов. Все могилы — насыпные; некоторые по поверхности обложены камнями; вершины у них обыкновенно плоские, с легким углублением посередине, причем камни здесь по размерам больше, чем на остальной поверхности, и набросаны гуще. К западу от каждого ряда расположены могилы, не имеющие насыпи и состоящие только из круга камней, величиной от 4—5 шагов в диаметре, или круглые настилки из камней, имеющие до 10 шагов в поперечнике».

[11] Радлов, *Атлас*, табл. XI.

[12] Г-н Дудин замечает, что такую же бабу, только найденную на Кавказе, он видел в Московском историческом музее.

По понятным причинам, бассейн Нарына всегда имел больше значения в жизни кочевников, чем в жизни оседлых народов. На Атбаше во время войны Алгуя с Арик-Букой (в начале 60-х годов XIII в.) было летнее местопребывание «царицы-правительницы», вероятно Эргэнэ-хатун, вдовы Хара-Хулагу [13]. В долине Арпа в начале XIV в. были зимовки некоторых чагатайских царевичей [14]; там же была отпразднована свадьба Тимура [15]. По словам Мухаммед-Хайдера [16], в монгольский период, еще со времени Чагатая, часть Семиречья к югу от Иссык-Куля входила в состав удела, обнимавшего весь Восточный Туркестан и принадлежавшего племени дуглат. Более ранние источники, однако, не упоминают об этом; по словам Рашид ад-дина [17], из племени дуглат «в тот век и ныне никто не известен, кто был бы почтен и славен».

---

[13] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 163. Китайский автор называет эту царицу-правительницу сестрой «шестой императрицы» (p. 160). Под последней, по мнению д-ра Бретшнейдера, следует понимать вдову Гуюка; более вероятно, что имеется в виду жена Арик-Буки, которая действительно была сестрой Эргэнэ-хатун. См. Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 80.

[14] Вассаф, рук. Публ. б-ки V, 3, 24, л. 356.

[15] Шереф ад-дин Йезди, I, 256; пер. Пети де ля Круа, I, 255—256.

[16] Рук. Аз. муз. аа 568 а, л. 7.

[17] Изд. Березина, I, пер., 207.

V

ОЗЕРО ИССЫК-КУЛЬ

Озеро Иссык-Куль издавна привлекало к себе внимание исследователей, главным образом своими подводными развалинами [1]. Волны озера постоянно выбрасывают кирпичи, кости, различные предметы утвари и т. п. Были известия, хотя и не особенно определенные, о существовании под водой нескольких рядов стен. Киргизы твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город; в середине города был колодец, закрывавшийся на ночь; однажды какая-то женщина (по другому варианту, три странника) забыла сделать это; вода вышла из колодца и затопила город.

О подводных иссык-кульских развалинах подробнее всего писал Г. А. Колпаковский [2]. Лично он (более 25 лет тому назад) осмотрел место на северном берегу озера, между устьями речек 2-я и 3-я Койсу, где, по его словам, в одной сажени от берега, на глубине около аршина, видны следы построек из жженого кирпича; стены, однако, не замыкают какого-нибудь пространства, а тянутся тремя параллельными рядами. Некоторые кирпичи вышли из кладки, и место их занято обломками других кирпичей и глиняной посуды. На берег выкидывается волнами преимущественно кирпич сломанный, но в воде есть много цельного кирпича, независимо от сложенного в стены. Кирпичи уже тогда брались киргизами для постройки муллушек. В том же месте, на расстоянии 1½ сажени от берега, Г. А. Колпаковский видел каменную бабу, которая по его распоряжению была вытащена на берег.

Дальше Г. А. Колпаковский говорит о мысе из кирпичей и черепков на юго-восточной [3] оконечности озера, в урочище Койсары, где под водой видно «обширное пространство, как нарочно устланное кирпичами и обломками посуды».

Менее определенные известия были о подводных развалинах при устье реки Тюп; о них писал П. П. Семенов, но только по слухам; сам

---

[1] ‹См.: Иванов, *Материалы*; *Материалы к библиографии.*›

[2] *О древних постройках.*

[3] В тексте (стр. 104) по ошибке сказано: «на юго-западной».

он тщетно искал эти развалины и даже не мог добиться точных сведений о том, в каком именно месте они находились [4].

Существование таких подводных развалин довольно трудно объяснить. Мы не имеем никаких указаний на то, что уровень озера когда-нибудь был ниже, чем теперь; в настоящее время озеро как в западной, так и в восточной своей части сильно мелеет; селение Преображенское, выстроенное в 1871 г. на самом берегу озера, теперь отстоит от него на 300 сажен. Если под водой действительно существуют стены и вообще следы городов, то это можно объяснить только обвалом вследствие землетрясения. Подводные развалины большей частью приписываются древнейшим обитателям страны, усуням (от II в. до н. э. до V в. н. э.); между тем кирпичи, выбрасываемые на берег, едва ли принадлежат к глубокой древности; по виду они вполне соответствуют кирпичу китайских построек в Кульдже и Джаркенте. В Илийской долине среднеазиатский кирпич (отчасти также мусульманский стиль) был вытеснен китайским только в новейшее время, после завоевания китайцами джунгарского государства; никаких сведений о более древних постройках, выстроенных из китайского кирпича, мы не имеем; напротив, единственный более древний памятник (гробница Туклук-Тимура) выстроен из обыкновенного среднеазиатского кирпича. Очень вероятно, что развалины на Иссык-Куле тоже относятся к кратковременному господству китайцев в Семиречье в прошлом столетии и что в китайских источниках еще отыщутся какие-нибудь сведения о землетрясении, бывшем причиной обвала части берега. На мысе Койсары я, кроме того, видел среди предметов, выброшенных на берег, кусок какого-то здания с чисто мусульманскими орнаментами, так что обвал во всяком случае не произошел в домусульманский период.

Дно озера около Койсары было внимательно осмотрено г-ном Дудиным в совершенно тихую погоду; г-н Дудин, благодаря любезному содействию смотрителя таможни А. А. Михайлова и г-на Калюжинского, получил возможность съездить туда на лодке. Он вынес убеждение, что мнимые стены «представляют собой толщи сланцеватой глины, размытые водой; опустившись под озеро, они продолжали размываться, а поверхность их покрывалась (и продолжает покрываться) слоем туфа; в местах, где туф почему-либо держался не особенно прочно, его сорвало сильным волнением, и глина, ничем не защищенная, была вымыта, отчего и образовались ямы и воронки неправильных очертаний и различной глубины». В подтверждение своего мнения г-н Дудин приводит факт, что

[4] Semenow, *Erforschungsreisen in Inner-Asien*, S. 360, цитируется в примечании Григорьева к названной статье Колпаковского (*О древних постройках*, стр. 102). П. П. Семенов говорит об этих развалинах также в своем *Географическо-статистическом словаре*, т. II, стр. 368—369 ‹статья *Иссык-Куль*›. Судя по последней статье, киргизы рассказывали г-ну Семенову, что город «обрушился в озеро вместе с невысоким песчаным яром, на котором был построен».

строение этих рядов далеко не однородное и «представляет ряд тонких слоев глины желтой, зеленоватой, железистой, синеватой с тонкими прослойками песка и даже гравия, т. е. представляет типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в каком случае допустить нельзя».

Для осмотра Койсаринского залива мы с г-ном Ковалевым наняли рыбачью лодку (при этом нам было оказано любезное содействие г-ном Игнатовичем); к сожалению, погода была несколько менее тихая. Рыбаки уже не старались показать нам стены и прямо уверяли, что они теперь занесены песком. Под водой мы видели несколько больших камней, по-видимому жерновов, две целых корчаги и много кирпичей. Черепки и куски кирпича лежат также вдоль берега озера; глубина воды здесь на большое пространство очень незначительна. Существование кирпичей и черепков г-н Дудин старается объяснить «размывом могильников, затонувших в озере во время какого-нибудь землетрясения; могильных курганов и теперь в окрестностях Койсары очень много». Но обилие черепков и кирпичей и виденный нами кусок здания заставляют полагать, что здесь когда-то, притом в сравнительно недавнее время, были более значительные признаки оседлости [5]. Из памятников древности в окрестностях Койсары можно указать на следы небольшого укрепления верстах в 3 к западу от урочища; кусков кирпича там нет. Некоторые признаки древних построек (каменная кладка) видны также к востоку от Койсары, около небольшого пресного озера Кара-куль (местные русские называют его Долгим озером).

Что касается подводных развалин на северном берегу озера, около устья речек Койсу, между станциями Чоктал и Чолпан-Ата, то стены, виденные г-ном Колпаковским, находились всего на расстоянии сажени от берега и на глубине около аршина; итак, они теперь должны бы находиться уже на суше, в некотором расстоянии от берега озера; между тем г-н Ковалев, проехавший верхом вдоль самого берега озера, их не видел. Возможно, что кирпич разобран киргизами для своих построек, но о существовании стен местным старожилам все-таки было бы что-нибудь известно. Мы убедились только, что куски кирпича и в этом месте лежат вдоль всего берега озера.

О подводных развалинах около устья Тюпа крестьяне села Преображенского ничего не знали, но и там, по их словам, по берегу озера и на дне его находят много кирпичей и разные орудия из меди: ножи, пики, стрелы, топоры, серпы. Памятники древности здесь несколько более многочисленны и давно уже обращали на себя внимание исследователей. В начале нашего века китайский путешественник Сюй Сун слышал о существовании здесь, на северном берегу озера, нескольких десят-

[5] ‹Последующие работы подтвердили правоту В. В. Бартольда. См. Иванов, *Материалы*, стр. 70—82.›

ков каменных статуй, но сам не видел их [6]. Голубев [7] в 1859 г. видел при устье Тюпа, на южной стороне, «остатки вала, едва впрочем заметные»; вал виден и теперь; по измерению г-на Дудина длина каждой стороны его — 35 шагов; около него есть обломки жженого кирпича. По Тюпу, несколько выше этого места, Голубев видел много каменных баб, которые показались ему «правильно расставленными»; фигуры начинали попадаться верстах в 3 от берега озера. Нам в Преображенском показали большой медный котел на трех ножках (припаянных), вырытый верстах в 5 от устья Тюпа; нашедший котел запросил за него 30 рублей, чего мы, конечно, не могли заплатить [8]. Я приобрел, однако, медный нож, найденный там же и похожий на древнесибирские медные орудия. В том же месте, по словам крестьян, есть признаки строений и черепки.

Между Тюпом и Джаргаланом видны следы двух больших старых арыков [9], но курганов и древних могил здесь нет.

Из исторических известий для объяснения подводных развалин важны те, в которых говорится о существовании на Иссык-Куле значительного острова. Ибн Арабшах [10] говорит, что на этом острове было «небольшое жилище» (دويرة), куда Тимур отправлял пленников, захваченных им во время своих походов. В XV в., одновременно с упомянутыми крепостями на Атбаше и на Алабуге, эмиром Хакк-Берды Бекичеком была построена крепость в месте Кой-Суй, на острове среди Иссык-Куля, причем эмир поместил там свое семейство, чтобы обезопасить его от калмыков, а сам стал производить набеги на Туркестан и Сайрам [11].

Сколько-нибудь значительных островов, как известно, теперь на Иссык-Куле нет, но есть много мелей, которые в последнее время, ввиду быстрого понижения уровня озера, стали превращаться в острова. Не на таких островах, конечно, были построены упомянутые нами крепости. Исчезновение острова относится к новейшему времени, так как он несомненно существовал еще в XV в., вероятно также в XVI в.;

---

[6] Рассказ Сюй Суна сообщен Захаровым Григорьеву. См. Колпаковский, *О древних постройках*, стр. 102—103.

[7] *Отрывок*, стр. 120; цитируется также Григорьевым в указанном месте.

[8] Приблизительно такой же вид, только более изящный, имеет котел, найденный в 1893 г. близ Верного, на речке Каргалинке. См. *Выставка древностей*, стр. 29.

[9] Там же теперь вырыт новый арык, в который в 1894 г. вода еще не была пущена.

[10] Изд. Мангера, 392—393. О слове دويرة см. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 32; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 301›.

[11] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568а, л. 43: ومير حق بردى بكيجك بود در ايسيغ كول قوى‌سوى نام موضعى است در آنجا قلعه ساخت در جزيرهٔ ايسيغ كول اهل وعيال‌را در آنجا گذاشت كه از تعرض قلماق ايمن باشد وخود بويران ساختن تركستان وسيرام مشغول شد.

Мухаммед-Хайдер, дающий довольно подробное описание Иссык-Куля [12], ничего не говорит об исчезновении острова. Можно сделать два предположения: или остров был поглощен волнами во время какого-нибудь землетрясения, или он находился недалеко от берега и после понижения уровня озера соединился с ним. Название Кой-Суй как будто указывает на развалины, описанные Колпаковским; по словам г-на Ковалева, между станциями Чоктал и Чолпан действительно есть полуостров, который мог в недавнее время быть островом. Очень вероятно, однако, что по крайней мере часть острова обрушилась в воду, чем только и можно объяснить многочисленность выбрасываемых на берег предметов.

Что касается времени китайского владычества, то сведений о местоположении китайских пикетов мне пока не удалось получить; известно только, что китайские отряды, посылавшиеся для собирания дани с киргизов, проходили, между прочим, по северному берегу Иссык-Куля [13].

О характере подводных кирпичей можно судить по нескольким выстроенным из них муллушкам. Г. А. Колпаковский [14] указывает на две таких муллушки: на могилу Бамбая, для которой кирпич был добыт около Койсу, и на могилу Тиль-Ахмета, построенную из койсаринского кирпича. Такая же муллушка находится по дороге из Пржевальска в деревню Сливкину (Покровское). Наконец, таким кирпичом выложен пол на старой Турайгырской станции.

Что касается развалин, расположенных в более значительном расстоянии от берега озера, то я, по упомянутым причинам, мог проехать только по северному берегу; сведения о памятниках древности на южном побережье всецело заимствованы из отчета г-на Дудина.

Северо-западный берег Иссык-Куля в настоящее время, главным образом вследствие недостатка в воде, отличается почти совершенным бесплодием; уже начиная от Буамского ущелья трава встречается только непосредственно около берегов речек и арыков. Прежде условия орошения, очевидно, были иные, на что указывают как следы прежних арыков, так и развалины древних построек.

Около станции Турайгыр (первой после Кутемалды), приблизительно в версте выше ее, находится так называемый «кирпичный завод»; по описанию г-на Дудина, «завод этот представляет едва заметные следы развалин с обломками плоских квадратных кирпичей хорошего обжига, матовых и глазированных бирюзовой глазурью». Почти все кирпичи свезены отсюда на постройки. «Завод» находится около высохшего русла какого-то ручья или арыка, который здесь разделялся на два рукава; вид берега русла в этом месте дает основание полагать, что здесь была мельница.

[12] Там же, л. 195. Если бы волны озера уже в то время в таком количестве выбрасывали кирпичи и т. п., то Мухаммед-Хайдер, по всей вероятности, не умолчал бы об этом.

[13] Валиханов, *О состоянии Алтышара*, стр. 49.

[14] *О древних постройках*, стр. 104.

Другие развалины, по-видимому с тем же характером (они были осмотрены г-ном Ковалевым), находятся к северу от первых, ближе к горам. По рассказам местных жителей, киргизы в горах к северу от Турайгыра нашли медный котел с ручками и золотое блюдечко, но, где эти вещи теперь, я не мог узнать. Среди киргизов существует поверие, что в этих горах зарыт какой-то клад, над которым по ночам горят свечи, пугающие лошадей и верблюдов.

Г-н Дудин ехал по северному берегу озера ближе к горам, в стороне от тракта, заезжая на станции только для покупки съестных припасов и для собирания сведений о дальнейшем пути. Около нескольких ущелий и около станций Чоктал и Чолпан-Ата он видел такие же камни с изображениями козлов и других животных, как на Нарыне. На одном камне он заметил «два изображения козлов, высеченных несомненно очень недавно, но очень похожие на древние фигуры тех же козлов». Изображения, очевидно, были сделаны просто куском твердого камня, без всякого специального инструмента. Это навело г-на Дудина на мысль, что «далеко не все эти изображения отличаются древностью, а только очень немногие». Мнение это, несомненно, справедливо. Нет никакого основания отрицать художественные наклонности у современных киргизов; даже в новейших муллушках мне случалось видеть на стенах изображения лошадей, настолько недавние, что краски еще не успели стереться. Местные русские интеллигенты в подтверждение древности козлов ссылаются на тот факт, что изображения встречаются в таких местах, куда можно забраться только с опасностью жизни, и что, следовательно, они имели символическое, вероятно религиозное, значение, так как никто не решится на такой подвиг из одной прихоти. Но об опасности у кочевников существуют совсем другие представления, чем у нас. Я видел собственными глазами (в Капкинском ущелье), как один киргиз только для того, чтобы поймать рябчика, пустил свою лошадь во всю прыть вниз по крутой, почти отвесной скале. Не раз мне случалось (издали) видеть киргизских всадников на таких вершинах, куда европеец и пешком мог бы взойти только с большим трудом.

На дальнейшем пути вдоль северного берега озера замечательны два обширных мусульманских кладбища; между могильными камнями есть датированные, из которых видно, что кладбища существовали уже в VI в. х. (XII в. н. э.). Первое кладбище расположено влево от почтового тракта, при входе в ущелье Долоноту, на водоразделе между двумя горными речками, носящими то же название. Местность была осмотрена г-ном Дудиным, по описанию которого кладбище «представляет площадь, огражденную с четырех сторон невысоким валом, имеющим по восточной и западной сторонам, параллельно течению двух речек Долоноту, по 300 шагов, а по сторонам перпендикулярным к этим — по 285 шагов. С юга в кладбище ведут три прохода. Пространство между валами все занято могилами и камнями, насыпанными на них; выше и ниже этого

пространства раскинуты такие же могилы обычных двух типов (четырехугольные и круглые плоские). Плиты с надписями, числом девять, все были снесены в соседнюю курганчу».

Другое кладбище, гораздо более обширное, находится на левом берегу речки Аксу, значительно ближе к тракту, так что и я мог осмотреть его. Здесь было более 70 камней с надписями, которые тоже все были снесены в курганчу. Могилы расположены параллельными рядами, причем один ряд отстоит от другого сажени на полторы. Направление рядов — с востока на запад. Между обоими кладбищами г-н Дудин видел много могил «двух типов: 1) плоские, окаймленные одним рядом камней; 2) слегка возвышенные, окаймленные массой камня»; встречаются также курганы. Несколько восточнее аксуйского кладбища есть остатки небольшого укрепления, окруженного четырехугольным валом. Около каждой речки встречаются могильные насыпи из камней, четырехугольные и круглые.

Недалеко от Аксу проходит граница между западным, почти пустынным побережьем озера и восточной частью его, имеющей совсем другой характер. Здесь почти все пространство занято лугами и пашнями и перерезано многочисленными арыками. По берегу озера, начиная от Сазановки, расположен целый ряд цветущих русских селений.

Курганы и могилы встречаются здесь часто. Ряд курганов находится около речки Большой Урюхты (Чон-Урюхты), не доезжая нескольких сажен до моста (на почтовом тракте). Курганы эти, по замечанию г-на Дудина, представляют ту особенность, что «у некоторых из них на вершине, обыкновенно плоской, находится значительное воронкообразное углубление. Очень может быть, что оно сделано после насыпки курганов, т. е. что курганы эти разграблены, но во всяком случае сделано это довольно давно, так как на дне многих воронок успел уже вырасти густой кустарник; бока курганов обложены камнями. На вершине заметно также кольцо из небольших булыжников. На запад от наибольшего кургана, на расстоянии около 35 шагов от его подошвы, расположен четырехугольный низкий вал, скаты которого покрыты могильными насыпями из камня, круглыми и эллиптическими. Около этих курганов много также обыкновенных, невысоких могил, обложенных камнями, от совершенно плоских до могил, достигающих 2 аршин высоты и имеющих от 15 до 18 шагов в диаметре по вершине. Такие курганы иногда имеют даже как бы двухэтажную форму».

Несколько восточнее речки Чон-Урюхты находится речка Малая Урюхта, как ее называют русские, или Орта-Урюхты (Средняя Урюхты), как ее называют киргизы; около этой речки тоже видны курганы и могилы. Еще больше курганов около ущелий; от одного ущелья, по словам г-на Ковалева, ряд курганов, числом 13, тянется до самого берега озера.

Недалеко от станции Уйтал г-н Дудин видел каменную бабу, очень дурно сохранившуюся и, по-видимому, очень грубой работы; на ней тем

не менее можно было различить некоторое подобие руки, опущенной по боку вниз, очевидно к мечу, и руку, держащую чашу. Голова от плеч отделена лишь неглубокой бороздкой. Баба, как сообщили г-ну Дудину, была найдена в земле в области урюхтинских курганов.

Ряды курганов, идущих от гор к озеру, я видел также в других местах на этом пути, особенно около речек Кутурга, Дженаты и Курмекты. На берегу озера, против Курмектинского ущелья, теперь построен русский монастырь; на восток от монастыря мы (в сопровождении монахов) осмотрели развалины значительного укрепления, окруженного четырехугольным валом. По измерению г-на Дудина высота вала теперь 1½ сажени, длина каждой стороны — 200 саженей. Укрепление защищено с запада небольшим затоном озера, с севера — широким рвом; с юга оно граничит с логом, спускающимся к озеру. Главный вход находится с восточной стороны, и вообще дорога, по-видимому, шла с востока на запад. В противоположность обыкновенным турткулям площадь укрепления покрыта множеством небольших возвышений, по-видимому представляющих следы каких-то построек; но кирпича не видно нигде. Около восточной стороны вала находится плоский курган и рядом с ним три каменных бабы обыкновенного типа, с чашей и мечом; это ясно видно на двух бабах; от последней сохранился только бюст. Черты лица можно ясно различить только по одной фигуре; одна из баб совсем без головы. Бабы, очевидно, недавно вырыты из земли; ямы видны еще теперь. В Преображенском мы слышали невероятный рассказ, будто здесь лет 10 тому назад производил раскопки какой-то ученый и будто тогда все бабы были с головами. Известие это невероятно уже потому, что г-н Дудин, описывающий развалины крепости, как и остальные виденные им памятники древности, с величайшей добросовестностью, говорит только об одной бабе, из чего можно заключить, что остальные были вырыты из земли в 1893 или 1894 г.

Памятники древности в окрестностях Пржевальска представляют мало замечательного. От города вверх по речке Каракол, вплоть до ущелья, идет ряд курганов; такие же курганы, по замечанию г-на Дудина, находятся по дороге из Пржевальска в Сливкину (Покровское), особенно около ущелья Джеты-огуз. Верстах в 14 от Сливкиной, вверх по речке Кызыл-су [15], находится несколько каменных баб. Наконец, можно указать на два камня с надписями на берегу речки Эрдек, около дунганского поселка Мариинского, верстах в 8 от Пржевальска. Камни (диорит) покрыты тибетскими письменами, по-видимому новыми; по условиям местоположения эстампирование камней было соединено с большими трудностями, так что мы отказались от этого, тем более что надписи едва ли древнее прошлого столетия. Около камней видны следы могил и построек

[15] Под этим названием, переделанным крестьянами в Козельцы, известно у местных жителей и самое селение. Вообще крестьяне почти везде называют свое селение по имени речки; официальные русские названия в общежитии редко употребляются; так, вместо Преображенского крестьяне всегда говорят Тюп.

(каменная кладка, большей частью имеющая четырехугольную форму). К востоку от Пржевальска, по дороге в селение Джаргес, также встречаются каменные бабы; недалеко от Джаргеса мы видели два ряда курганов, перпендикулярных дороге; в одном ряду было 3 кургана, в другом — 6.

В Покровском крестьяне сообщили г-ну Дудину, что на речках Джууке и Тамге есть по камню с надписями; оказалось, что обе надписи содержат только известную буддийскую формулу *ом-мани-падмэ-хум* (тибетскими буквами). Около джуукинского камня (на правом берегу речки) много могильных насыпей, вероятно калмыцких; могилы представляют «более или менее плоские кучи камней четырехугольной и круглой формы, обведенные четырехугольниками из булыжников и плиток». У южного конца могильника, на больших валунах, много изображений козлов и других фигур; у северного конца «стоит камень в виде призмы (высота — 110 *см*) с выпуклыми сторонами, суживающейся кверху и к основанию; около вершины одного из двугранных углов заметна бороздка в виде круга с маленькой ямкой в центре, а на самой вершине — маленькая неглубокая ямочка».

На речке Чичхан, между Джуукой и Ак-Тереком, г-н Дудин видел каменные бабы; они стоят «на западной стороне четырехугольных, обнесенных камнями могил, и обращены лицом к западу». Бабы находятся только около некоторых могил; «у других их заменяет обыкновенно плоский камень, побольше других размерами, поставленный на одно из коротких ребер. Могильники у баб были разрыты, притом по-видимому недавно, но бабы стояли на своих первоначальных местах».

Дальнейший свой путь по южному берегу озера г-н Дудин описывает в следующих словах: «Налево от нас возвышались обрывы старого берега с замечательными формами размыва. Вы видите ряд фантастических стен с башнями, колоннами, окнами, узкими переулками и воротами. Глина и по сланцеватости и по составу вполне похожа на глину мнимых койсаринских развалин; немудрено поэтому, что в воде эти формы размыва могли быть принимаемы за развалины города. Выехав затем на террасу берега на большой равнине, невдалеке от крутого спуска ее к озеру, я заметил остатки небольшого укрепления, представляющего четырехугольный вал с возвышениями по углам и посередине каждого вала. Кое-где сохранились стены, сложенные из больших сырцовых кирпичей, на всем остальном пространстве стены осыпались и приняли форму валов, как бы насыпанных нарочно. Толщина стен — около 2 сажен, высота — такая же. С востока в крепостцу ведут небольшие ворота, защищенные четырехугольником, образованным четырьмя массивными стенами, такими же как и в крепости, теперь осыпавшимися; в этот четырехугольник с юга приделан вход, защищенный большим плоским холмом. Расположена крепость на небольшом возвышении, так что она господствует над окружающей местностью.

Переезд от Тузара до сухого ручья Гадже (верст 20—22) замечательно пустынен. Дорога проходит то низким берегом, засыпанным галешником, мимо глинистых и конгломератных обрывов (высота их более 25 саженей), совершенно отвесных, с причудливыми формами размывных трещин, то подымается на террасу берега, покрытую выгоревшей, тощей растительностью. Невдалеке от русла Гадже, в нескольких саженях от края террасы, я встретил развалины небольшого укрепления того же типа, как укрепление у Тузара, но почти вдвое меньше. Стены (толщина их — около 2 сажен) снабжены по углам и посередине утолщениями, более высокими, чем самые стены; в восточной стене помещаются узкие ворота, защищенные низеньким замкнутым валиком, у восточной стороны которого, против ворот, находится плоский четырехугольный холм. Место, где расположено укрепление, слегка приподнято над общим уровнем почвы.

Проехав затем несколько верст по размывам глинистых склонов гор, я поднялся в узкую, болотистую (т. е. скорее богато орошенную) долину Тон, огражденную горами и со стороны озера. Версты через 3—4 я встретил глинобитную стену, направляющуюся (приблизительно) с юга на север и таким образом перерезывающую всю долину, от гор на юге до глинистого кряжа на севере, идущего параллельно берегу озера. Во всей стене только одни ворота. Стена сложена из больших сырцовых кирпичей (смесь глины, щебня и гальки); толщина ее доходит до 1½ сажен, высота — приблизительно до тех же пределов; длина ее — около 3-х верст. Между стеной и речкой Тон находится вспаханное поле, по которому там и сям разбросаны полосы из булыжниковых насыпей различной длины и направления, а также несколько круглых могил, представляющих кучи булыжников, имеющих до $^3/_4$ арш. высоты и до 6 шагов в диаметре; около них раскинуты кучки меньших размеров. На двух из них мною найдено 19 надгробных плит с мусульманскими надписями.

В южном углу долины, между горами Улькун-тау и Хан-тюбе, на левой стороне речки, находится турткуль. Он был окружен многоугольной глинобитной стеной около 2-х сажен толщиной, теперь сильно осунувшейся и обратившейся в валы, высотой от 1 до 2½ сажен. К стенам с наружной стороны примыкают более высокие выступы, в 3 с лишком сажени длиной и в 2 сажени шириной; расстояние между отдельными выступами различно — 70, 60, 50 и 40 шагов. С юга в крепость вели узкие ворота, защищенные особым выступом; такие же ворота, но защищенные только насыпью, находились на западной и северной сторонах. Восточная часть пространства, окруженного валами, покрыта массой насыпей и валиков; уследить за порядком их расположения мне, как не-топографу, не представлялось возможности; кроме того все пространство было покрыто высоким, густым чием. Там же возвышается сложенная из больших сырцовых кирпичей цитадель, представляющая квадратный плоский холм с сильно закругленными углами. Разрез на вершине холма показывает, что по-

стройка была скреплена двумя рядами балок, лежавшими крест-накрест, причем один ряд отстоит от другого на ½ аршина (возможно, что балки служили крышей для склепа, помещавшегося внутри цитадели). С севера к холму примыкает невысокий, коротенький валик, соединяющийся с другими валиками и возвышениями. На юг и на север от цитадели там и сям разбросаны плоские, насыпанные из камня, круглые и четырехугольные могилы. С юга, запада и севера крепость была окружена глубоким и широким рвом; с запада к ней кроме того примыкает низкий, но очень длинный вал, направляющийся к горам. С востока к валу крепости подходит аллея из больших камней, ведущая прямо к горке, опоясанной длинным рядом громадных камней.

Одновременно ли построены крепость и стена, перерезывающая долину, трудно сказать; во всяком случае способ постройки и величина кирпичей здесь и там совершенно одинаковы. На стене в некоторых местах заметны следы бывших здесь когда-то балок, в виде четырехугольных дыр, направленных перпендикулярно сторонам стены. На пути от стены до крепости попадается много глинобитных массивных сооружений, то в виде стен, то в виде валиков и холмиков различных размеров (от 37×37 арш. до 50 арш. и более). Вероятно, между ними много развалин глинобитных киргизских муллушек.

От поворота р. Тон с востока на север долина тянется с E на W; эта часть долины сплошь занята множеством могил и курганов, причем разобраться в общем плане их очень трудно. Вы видите аллеи из камней и городки из них же; длина каждой стороны последних — от 20 до 70 шагов, высота их — до 2 аршин. Пять таких городков находятся за стеной, именно к E от нее. Мягкие могилы, круглые и четырехугольные, нельзя и сосчитать. В том месте долины, где она довольно значительно суживается (на E от крепости), я нашел большой могильник с хорошо обтесанными гранитными статуями без голов. Могильник представляет квадратную площадь, обложенную камнями; около южного края ее, лицом на юг, находятся три фигуры мужчин, сидящих по-восточному с мечом и чашей в руках. По-видимому все фигуры выведены из их прежнего положения. От этого квадрата вниз, по скату, на пространство более 100 шагов, тянется обставленная камнями аллея, шириной около 20 шагов, заканчивающаяся небольшим расширением со входом. Другая аллея камней, длиной около 40 шагов, идет от восточной стороны квадрата.

Две таких же статуи найдены мной на левом берегу реки, в версте ниже крепости, на площади под террасой; так как по террасе у этого места я видел такие же аллеи, как и на только что описанном могильнике, то я думаю, что статуи сброшены с какой-нибудь ближайшей аллеи. Одна из статуй представляет сидящую фигуру, другая — стоящую. Сидящая особенно характерна; за поясом на спине у нее заткнуты два ножа, крест-накрест. В руках обеих фигур, по обыкновению, меч и чаша, хотя об этом можно только догадываться по остаткам, так как руки отбиты; у бо-

ков статуй мешочки, как и у статуй первого могильника. У сидящей статуи ноги изображены поджатыми не крест-накрест, а так, как и теперь еще сидят зачастую киргизы, т. е. под седалищные мышцы. На правом берегу реки Тон, несколько выше первого могильника, в одном из боковых ущелий я нашел громадный камень с надписью на одной из верхних плоскостей; надпись я сфотографировал, несмотря на множество затруднений.

Невдалеке от упомянутого поворота реки Тон, на площадке правого берега, я опять встретил громадный камень с углублениями в виде ниш; на дне самой большой из них — надпись, высеченная по-видимому не так давно (киргизы впрочем утверждают противное); я срисовал ее, так как ни фотографировать, ни эстампировать ее не представлялось никакой возможности».

Дальше до реки Аксай г-н Дудин видел только небольшие курганы и могилы. За речкой, вправо от дороги, он встретил «едва заметные следы какого-то глинобитного сооружения». После переправы через Ак-Терек г-н Дудин ехал около 10 верст долиной этой реки; на половине пути, у подошвы гор, он видел «два больших круглых плоских кургана», а на западном конце долины — «два холма, известные под названием Ак-тюбе. Эти высокие, плоские холмы расположены один против другого несколько наискось, по обе стороны сухого ручья (может быть старого арыка); ближайший из них (с востока) оказался четырехугольным (ширина — 30 шагов, длина — 50 шагов, вышина — 2 с лишком сажени); он сложен из больших сырцовых кирпичей; кое-где на нем сохранились даже выступы в виде стен. Непосредственно на юг от него отходят глинобитные валы, едва заметные вследствие значительной степени разрушения, образующие длинный (110 шагов) четырехугольник. Относительно второго Ак-тюбе трудно решить, был ли он насыпан из земли или сложен из сырцовых кирпичей. По высоте второй холм превосходит первый. С восточной стороны в нем имеется прокоп до самой середины; раскапывавшие его киргизы надеялись найти клад, но (так они говорят) ничего не нашли.

Около обоих холмов, главным образом с южной стороны, видны следы многих глинобитных построек небольшой величины, причем у некоторых (может быть, простых киргизских курганчей) сохранились остатки сырцовых стен. У второго холма я нашел две каменные статуи, из которых у одной голова была отбита». Дальше, за речкой Уйтал, г-н Дудин видел «два значительных могильника, отстоящих один от другого на 1—2 версты. Каждый могильник состоит из ряда могил (11—12), насыпанных из камней и песка и идущих от гор к озеру. Могилы имеют до 2½ арш. высоты и около 6 шагов в окружности».

Озеро Иссык-Куль впервые, насколько известно, упоминается в VII в. н. э. в рассказе китайского путешественника Сюань Цзана [16].

[16] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 11—12; *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, 54.

Вода озера в то время, как и теперь, имела черно-зеленый цвет и горько-соленый вкус; бурные волны уже тогда внушали страх местным жителям, которые рассказали нашему путешественнику всякие ужасы о живших в озере чудовищах. Города, помещенные в китайском маршруте VII в. вблизи Иссык-Куля, перечислены в моей статье «О христианстве в Туркестане» [17].

Из мусульманских писателей об озере Иссык-Куль (притом уже под его нынешним названием) впервые упоминает неизвестный персидский географ X в. [18]. Берега озера в то время принадлежали двум кочевым народам, халлухам (карлукам) и джикилям; первые жили к юго-востоку от вторых. В земле халлухов находились следующие поселения: упомянутый уже Барсхан («населенный, богатый город на берегу озера; владетель его из халлухов, но жители держат сторону тугузгузов») [19], Тон и Тальхиза (?) («два селения, расположенные среди гор, на границе между владениями джикилей и халлухов, вблизи озера Иссык-Куль; жители отличаются воинственностью, храбростью и мужеством») [20]. В земле джикилей был город Сикуль («большой город на границе между землями халлухов и джикилей, недалеко от мусульманских владений; населенный, богатый торговый пункт»). Город سيكول, вероятно, тождествен с упоминаемым впоследствии городом Иссык-Куль, название которого еще у географа XIV в. является в форме شيكول. На известной Каталанской карте 1375 г. город Иссык-Куль (Yssicol) отмечен на северном берегу озера и прибавлено, что в нем находится монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и евангелиста Матфея [21].

Город Иссык-Куль несколько раз упоминается в истории походов Тимура, но без указания местоположения; факт, что он находился по дороге из Ташкента в Илийскую долину [22], говорит в пользу свидетельства Каталанской карты, помещающей город на северном берегу. Несмотря на все наши поиски, нам не удалось найти никаких следов христианства на Иссык-Куле. В ташкентском музее есть глиняная ваза (с синей глазурью), найденная на Иссык-Куле, с изображением 12 фигур

[17] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 4, 31; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 268, 301>.

[18] *Худуд ал-'алам*, л. 3.

[19] Там же, л. 18: برسخان شهريست بر كران دريا اباذان وبا نعمت ودهقان او از خلخست ولكن هواء تغزغز خواهند.

[20] Там же: تونك وتالخزه دو دهست اندر ميان كوه نهاذه است بر سرحد ميان جكل وخلخ وبدرياء اسكول نزديكست ومردمانى جنكى وشجاع ودلاور اند.

[21] De Sacy, *Le livre des Perles*, pp. 132—133. По установившейся ошибке, монастырь обыкновенно помещают на южном берегу; ошибка повторена еще у проф. Хвольсона (*Grabinschriften*, S. 127). Указание на армянский надгробный камень в Семиречье и, следовательно, на возможность существования армянского монастыря на Иссык-Куле см. Марр, *Надгробный камень*, стр. 348.

[22] Шереф ад-дин Йезди, I, 494; пер. Пети де ля Круа, II, 66.

(не тюркского типа), которые почему-то считаются изображениями 12 апостолов. Характер изображений отнюдь не говорит в пользу этого предположения; одна из фигур даже изображена с ребенком.

В жизни кочевников берега́ озера, особенно западное побережье, имеют значение главным образом как удобное место для зимовок; снега падает мало, так что скот легко может добывать себе корм. В начале XIV в. здесь была зимовка чагатайского хана Эсен-Буки [23]. В *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* [24] упоминается место Бука-булун (بقابولونك) на берегу Иссык-Куля, где произошло свидание двух монгольских ханов.

---

[23] *Зайл джа̄мис' ат-тава̄рӣх* (продолжение Рашид ад-дина), л. 475.

[24] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568 а, л. 40.

VI

ИЛИЙСКАЯ ДОЛИНА

Осмотрев берега Иссык-Куля, мы через перевал Кызыл-кия и возвышенность Сан-таш проехали в долину Или. Перевал находится еще в бассейне Иссык-Куля, между реками Джаргалан и Тюп; у южного входа в ущелье Кызыл-кия есть небольшой турткуль и древние могилы; другой турткуль находится к северу от перевала, на берегу Тюпа. Между Тюпом и Каркарой, принадлежащей уже к системе Или, подъем и спуск очень отлоги, так что водораздел между бассейнами Иссык-Куля и Или почти незаметен. В стороне от нынешней дороги (приблизительно в 2 верстах от нее), немного севернее Тюпа, находятся известные две груды камней, насыпанные, по преданию, воинами Тимура и давшие название возвышенности Сан-таш. По мнению г-на Ковалева, осмотревшего эти кучи, это скорее могильные курганы; один курган теперь обвалился, что едва ли было бы возможно, если бы он представлял только насыпанную груду камней.

Долина Каркары замечательна по своему красивому местоположению и прекрасным климатическим условиям; летом она представляет одно из любимых кочевий киргизов (казаков) Большой орды. Вследствие этого на Каркаре с начала июня до половины июля устраивается одна из важнейших степных ярмарок. Неофициально ярмарка существовала уже давно; с 1892 г. ей оказывается официальное покровительство; торговля на три года была объявлена беспошлинной (кроме 0,1% в пользу полицейской стражи). Мы приехали на Каркару как раз во время ярмарки; кроме того, там в то время происходили волостные выборы, вследствие чего народу было еще больше, чем обыкновенно; таким образом, мы имели перед собой картину кочевой орды (зрелище теперь довольно редкое), напоминавшую, по всей вероятности, орды монгольского периода. Любезно принятые начальником Джаркентского уезда Н. М. Севериновым, мы имели полную возможность внимательно осмотреть местность. Из памятников древности мы видели только несколько рядов курганов, идущих к горам, и небольшое четырехугольное возвышение. Кроме того, татарский купец Мухаммед-Галий Юсупов сообщил нам, будто на речке Черганак, в 15 верстах от впадения ее в Кеген, находится обширное городище; об этом он еще раньше писал в Археологическую

комиссию, даже послал туда образцы кирпичей и будто бы сделанных из глины изображений рыб и т. п. В существовании городища он был искренне убежден и даже истратил значительную сумму денег на раскопки, остановленные по распоряжению Семиреченского военного губернатора. Оказалось, однако, что он принял за кирпичи естественные пласты каменных пород; никаких признаков искусственных сооружений мы в указанном месте не видели; местоположение мнимого городища (на вершине крутого холма саженей в 100 вышиной, на который можно взобраться только с большим трудом) с самого начала заставило нас усомниться в его существовании.

Переехав по дороге речку Тус, мы достигли берега Кегена, не доезжая которого мы опять встретили ряд курганов; такой же ряд, по рассказу нарынкольского [1] сотника А. Ф. Берникова, находится около Сумбинского поста, на полдороге между берегом Текеса и развалинами калмыцкой *сумбе* (монастыря) [2].

Между Кегеном и Темерликом, во второй половине этого пути, в то время казаком Шайкиным строилась новая дорога, на 16 верст короче прежней, к тому же более удобная. Для устройства дороги были срыты два бугра; в одном из них будто бы были найдены две медных трубы. После переправы через Темирлик мы ехали по довольно крутому подъему, на вершине которого находится киргизское кладбище и рядом с ним старые могилы-курганчики, покрытые кучами камней.

Вопреки обозначенным на карте горным цепям, непосредственно за этим подъемом начинается совершенно ровная местность, с общим характером Илийской долины: почва состоит из песка и гальки, воды мало; трава растет только около колодцев и по руслу высохших арыков (таких мы по дороге до Чунжи видели всего два).

Путь от казачьего селения Чунжи до Борохудзира мы проехали на земской подводе. Осматривать развалины, отмеченные на карте (Узунтам и др.), мы не нашли нужным, так как, по рассказам, все они представляют остатки китайских глинобитных построек, разрушенных во время мусульманского восстания 1864 г.

Вообще мы в Джаркентском уезде не встретили сколько-нибудь замечательных памятников древности и потому обращали больше внимания на современное положение этой крайне интересной местности, на своеобразное сочетание элементов китайской и мусульманской цивилизации, в высшей степени поучительное для лиц, занимающихся историей Средней Азии. Великолепный памятник этой китайско-мусульманской культуры воздвигнут теперь таранчинским богачом Вали-Ахуном Юлдашевым, который дал средства на постройку прекрасной мечети в дунганском стиле,

[1] Селение Нарын-кол, или Охотничий поселок, к югу от Текеса, на русско-китайской границе.

[2] Монастырь существовал еще в 1859 г., когда был осмотрен и довольно подробно описан Голубевым (*Отрывок*, стр. 97—102).

представляющем смешение китайского стиля с мусульманским (во время нашего пребывания в Джаркенте постройка еще не была окончена). Внутренность храма очень мало соответствует устройству мечетей и скорее напоминает устройство христианских церквей; михраб, похожий на алтарь, находится против входа, с которым соединен двумя рядами колонн; по обе стороны расположены хоры, на которые ведут лестницы.

Верстах в 40 от Джаркента, в Тишкане, находится летний лагерь войска; Тишкан служит также дачной местностью для джаркентцев. Д. С. Колычев, офицер гарнизона крепости Хоргос, рассказал нам, что при постройке в Тишкане нового военного собрания был срыт курган, в котором нашли глиняный кувшин, медный нож, кости и череп очень больших размеров.

Несмотря на то, что обстоятельства (особенно личные дела г-на Ковалева) заставляли нас торопиться с окончанием экспедиции, мы все-таки решили посетить, хотя бы только на несколько дней, Кульджинский край, главным образом с целью убедиться, существуют ли там какие-нибудь следы монгольского владычества. Нас особенно интересовали город Алмалык, гробница Туклук-Тимура и орда чагатайских ханов.

Алмалык впервые упоминается незадолго до монгольского владычества, в качестве столицы кочевого владетеля Озара [3], который сначала был разбойником и конокрадом, потом овладел со своей шайкой несколькими городами; после усиления монголов он добровольно подчинился Чингиз-хану; его династия, по крайней мере в течение двух поколений, продолжала владеть Кульджинским краем [4]. Местоположение Алмалыка точнее всего определено в маршруте Чан-чуня [5], который помещает город на расстоянии 1 дня пути к западу от выхода из перевала Талки. При монгольском владычестве через Илийскую долину проходил один из важнейших торговых путей из Западной Азии в Восточную, что должно было способствовать возвышению главного города края, Алмалыка. От Отрара до Алмалыка считалось 45 дней пути [6], от Алмалыка до Бишбалыка (столицы Уйгурии) — 2 недели [7]. В качестве главного города чагатайских владений, в котором часто жили ханы, Алмалык был одним из центров деятельности средневековых европейских миссионеров, распространявших католичество в монгольских владениях; в 30-х годах XIV в., при хане Дженкши, католики имели в Алмалыке епископа и прекрасную церковь. Деятельности католиков положило конец кровавое гонение против христиан, возбужденное в 1339 или 1340 г. Али-Султаном [8].

---

[3] <Об имени этого лица см. ниже, стр. 101, прим. 16.>

[4] Джувейни, рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 26.

[5] Пер. Кафарова, 304.

[6] Yule, *Cathay*, vol. II, p. 288.

[7] Вассаф, изд. Хаммера, пер., 24; текст, 22.

[8] Мосхейм, 116—118, прилож. № LXXVIIII—LXXX; Yule, *Cathay*, vol. I, pp. 186—189.

Смуты, начавшиеся в XIV в. и продолжавшиеся в XV, привели к разорению Илийской долины, как и всего остального Моголистана (см. ниже). Уже при Бабуре Алмалык, как и Тараз, более не существовал. Следы его, однако, в XVI в. были еще видны, судя по описанию Мухаммед-Хайдера: «Другой большой, известный город — Алмалык; местоположение его и теперь можно определить; там находится гробница Туклук-Тимур-хана и следы крайне удивительного города. Купол гробницы отличается большой высотой и великолепием; на нем из мозаики сделана надпись; в моей памяти уцелело [только] одно полустишие: „Этот дворец — работа мастера ша'рбафа [9]“. Из этого видно, что строитель был родом из Ирака, где ткачей называли ша'рбафами. Насколько я помню, на куполе обозначен год 760-й с чем-то» [10].

Туклук-Тимур, умерший в 764/1362-63 г., первый из владетелей восточной части чагатайского улуса сделался мусульманином (в Мавераннахре ханы принимали ислам и раньше). Найти гробницу Туклук-Тимура было важно для нас, между прочим, для того, чтобы иметь возможность с точностью определить местоположение Алмалыка. Насколько гробница Туклук-Тимура была известна еще в прошлом столетии, видно из отчета капитана Унковского, ездившего в 1722 г. послом к хун-тайчжи Цэван-Рабтану. Унковский помещает гробницу в 2 верстах от места своего ночлега на берегу речки Алимту; предание о принятии Туклук-Тимуром ислама приводится у него, очевидно со слов местных жителей, в том же самом виде, в каком оно рассказано в *Та'рīх-и Рашīдī* и у Абулгази [11]. У более новых писателей мне не пришлось встретить известия об этой гробнице; только в географии Реклю [12] говорится, что близ Хоргоса, к востоку (sic) от Кульджи, находится мечеть, построенная в стиле знаменитых самаркандских мечетей.

В Кульдже мы узнали от консула В. М. Успенского, что гробница Туклук-Тимура, или так называемый «хоргосский мазар», существует и теперь и представляет единственное здание в этой местности, построенное не из китайского кирпича. Сведения жителей Кульджи об этом мазаре крайне сбивчивы; сам аксакал (таранчинец) мог нам только сооб-

[9] Из арабского *ша'р* ('волосы') и персидского *бāфтан* ('ткать').

[10] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568а, л. 194 и рук. Аз. муз. а 568а, стр. 324 (текст, к сожалению, сильно искажен): ديكر از شهرهاى كلان مشهور المالیغ است وى (ررورى (перв. рук. اين زمان معين است ومرقد توغلوق تمور خان در انجاست واثار شهر بس (بت (обе рук. عجيب (перв. рук. عجب دران هست كنبذ مرقد در غايت علو ورفعت وتكلف است مغرّق (مغرق (втор. рук. كاشى نوشته اند ويك مصراع از ان كتابها بخاطر مانده ع اين باركاه صنعت استاد شعرباف* وازين معلوم ميشود كه آن استاد عراق بوده است چه در عراق جامه‌باف‌را شعرباف ميكويند وبخاطر چنان ميرسد كه در تاريخ آن كنبذ هفصد وشصت وكسرى نوشته اند

[11] Веселовский, *Посольство Унковского*, стр. 28—29; Мухаммед-Хайдер, 14; Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 168.

[12] *Земля и люди*, т. VI, стр. 424; Reclus, *Géographie*, vol. VI, p. 562.

щить, что «Толук-Темир» был калмыком и что мазар был построен не им, а эмиром Тимуром. Взяв с собой в качестве проводника молодого таранчинца, мы отправились к мазару. Он находится в 1 версте от таранчинского селения Хорин-Мазар, в 8 верстах от Алимту и в 12 верстах от крепости Чинпанцзы. Мазар действительно построен в стиле самаркандских мечетей и далеко оставляет за собой все виденные нами архитектурные памятники Средней Азии, за исключением самаркандских. От старого здания теперь сохранилась только нижняя часть; изразцы на колоннах перед фасадом здания сохранились даже лучше, чем в постройках Тимура. Верхняя часть здания, по словам таранчинцев, была разрушена калмыками и китайцами и реставрирована в 60-х годах нашего века, при таранчинском владычестве; средства на это были пожертвованы частью султаном, частью народом. Новая кладка кирпичей заметно отличается от старой; но вообще реставрация, против обыкновения, произведена умело, в стиле старого здания, без всяких нарушающих гармонию украшений. Надпись (арабская) есть только в верхней, новой части здания; персидской надписи, о которой говорит Мухаммед-Хайдер, теперь, конечно, больше нет. С нижнего этажа на верхний ведет лестница; подземелья, как в самаркандском Гур-эмире, здесь, по-видимому, нет. Рядом с гробницей Туклук-Тимура находится другое здание в том же стиле, но гораздо меньших размеров; по словам туземцев, это гробница сына Туклук-Тимура, Шир-ильхана (имя, не встречающееся в известных мне исторических сочинениях) [13].

Крайне неблагоприятная погода (проливной дождь при сильном ветре), к сожалению, не позволила нам фотографировать мазар. Около мазара восемь лет (писано в 1894 г.) живет один шейх, по происхождению также таранчинец, побывавший в Мекке. Понятия шейха и его ученика (живущего с ним) о Туклук-Тимуре несколько более правильны, чем то, что мы слышали в Кульдже, но все-таки далеки от истины; по их мнению, Туклук-Тимур жил около 600 лет тому назад и был тестем эмира Тимура [14]. Я спросил их, известны ли им какие-нибудь письменные источники о Туклук-Тимуре; они назвали мне книгу «Таварихи-Рашид», но у них самих не было экземпляра ее; вероятно, она тожественна с *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*.

Менее удачны были наши попытки найти орду Чагатаидов. По словам Джувейни [15], Чагатай проводил лето в местности около городов Алмалык и Куяш [16], которая летом была похожа на рай; здесь же были

[13] Может быть, это внук Туклук-Тимура, Шир-Али.

[14] На самом деле тестем Тимура был Хизр-Ходжа, сын Туклук-Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, II, 421).

[15] Рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 97.

[16] В рукописях Джувейни и Рашид ад-дина чаще всего قياس, но в указанном месте Джувейни в рук. Публ. б-ки IV, 2, 34 قرداس, в рук. Публ. б-ки Ханыков 71 قوناس, из чего можно заключить, что в первом слоге во всяком случае был звук *у* или *о*. Вероятно, мы в названии города имеем тюркское слово *куяш* ('солнце').

высокие горы Кök. Для того чтобы собиралось больше птиц (для охоты), Чагатай провел здесь канал; кроме того, он построил селение Кылыг [17]. Зиму он проводил в месте Мераузик-Ила [18] (может быть, Борохудзир). По словам того же Джувейни [19], орда преемников Чагатая называлась Улуг-Иф. Из одного места в описании путешествия Чан-чуня [20] мы можем заключить, что зимовка Чагатая находилась к югу от Или. Когда Чанчунь на обратном пути в Китай 5 мая 1223 г. прибыл в Алмалык, к нему явился один из приближенных Чагатая и передал ему приглашение на торжественное жертвоприношение: «Просим тебя из милости переплыть реку и наставить общество жертвенников». Чисто случайное обстоятельство [21] помешало Чан-чуню принять приглашение и дать нам более подробные сведения об орде Чагатая.

В географии Реклю [22] сказано, что развалины орды Чагатаидов существуют и теперь (в долине Текеса) и известны под названием Ак-курган. Об этих развалинах мы в Кульдже, к сожалению, не могли получить никаких сведений; уже после, в Верном, я узнал от Н. Н. Пантусова, что существуют развалины к югу от Или, в селении Кайнак, местоположение которого могло бы соответствовать орде Чагатая.

В самой Кульдже и ее окрестностях теперь много мазаров, но все они новейшего происхождения и не представляют ничего интересного, как и так называемое «султанское» кладбище. Мазары построены в чисто мусульманском стиле, но из китайского кирпича. Около Кульджи есть большой курган, вокруг которого разбросаны обломки кирпича; по рассказу патера Гиттеманса (главы местной католической миссии), у туземцев есть предание, что здесь был буддийский монастырь, построенный еще до Тимура. Такого рода предания, конечно, заслуживают мало доверия; как известно, нынешние обитатели страны, как таранчинцы, так и дунгане, поселились здесь во всяком случае значительно позже эпохи Тимура.

---

[17] Перс. текст: جهت اجتماع مرغان آبی در حدود آن ساخته ودیهی نیز بنا فرمود نام آن قتلغ. Может быть, надо читать قتلغ (Кутлуг), как в оксфордской рукописи Th. Hyde 31, f. 226 (см. Sachau — Ethé, *Catalogue*, p. 83).

[18] В двух рукописях مراوريك ايلا у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 107) — Mérouzik-ila. По словам Рашид ад-дина (рук. Публ. б-ки V, 3, 1, л. 194), столицей Чагатая был Бишбалык (в Уйгурии).

[19] Рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 190 ادغايف (в рук. Публ. б-ки Ханыков 71 الغانف), л. 191 الغايف, так же в других местах. D'Ohsson (*Histoire des Mongols*, t. III, p. 119) — Ouloug-Iff.

[20] Пер. Кафарова, 336—337.

[21] После долгих отказов Чан-чунь, наконец, согласился исполнить просьбу и на другое утро собрался ехать в орду Чагатая, но лошадь его вдруг побежала на северо-восток и, несмотря на все старания его спутников, не хотела направиться на юг; Чан-чунь решил, что сама судьба велит ему продолжать без задержки свой путь в Китай.

[22] *Земля и люди*, т. VI, стр. 423—424; Reclus, *Géographie*, vol. VI, p. 562.

В. М. Успенский передал нам три медных монеты, найденные около Кульджи; все они, по определению бар. В. Г. Тизенгаузена, оказались чагатайскими монетами, чеканенными в Алмалыке в 657/1259 г.

На пути из Кульджи в Верный мы кроме нескольких курганов (особенно около Бащинской станции, верстах в 26 к востоку от перевала Алтын-Эмель) видели только развалины китайских глинобитных построек, разрушенных во время последнего мусульманского восстания. Таковы развалины города Аккента (около почтовой станции того же имени, между Хоргосом и Джаркентом); теперь видны только глиняные стены и следы построек. Между Джаркентом и Борохудзиром есть развалины китайской глинобитной стены. В Илийском выселке нам показали большой чугунный колокол (буддийский), привезенный из Кульджи, с разными рисунками и узорами; колокол теперь лежит около церкви.

Еще в Ташкенте я от д-ра Н. Л. Зеланда слышал об открытии, по соседству с Верным, развалин какого-то старого города. За более подробными сведениями мы, по указанию д-ра Зеланда, обратились в Верном к городскому архитектору П. В. Гурдэ, который с величайшей готовностью согласился вместе с нами посетить развалины; при осмотре их указания человека, знакомого со строительным искусством, конечно, были нам очень полезны. Развалины находятся к юго-западу от Верного, против ущелья Большой Алматинки. По рассказу П. В. Гурдэ, здесь еще недавно были видны остатки кирпичных строений и направление всех улиц можно было определить с точностью; теперь все цельные кирпичи увезены, и только следы построек, заметные на поверхности, указывают на расположение зданий и комнат. В одном месте находится возвышение в виде подковы, которое, по мнению П. В. Гурдэ, вероятно, указывает на местоположение башни, принадлежавшей к стене цитадели или большой могилы. Кирпич, судя по лежащим в разных местах обломкам, походил на китайский, от которого отличается красным цветом и отсутствием полива; от кирпича мусульманских построек он отличается очень существенно. Несколько обрывов указывают на местоположение мельниц; там же прежде были жернова, которые теперь тоже все увезены. Точно определить пространство, занимаемое городищем, мы не могли, так как вся площадь его засеяна хлебными растениями, которые во время нашего пребывания в Верном (21—23 июня) находились уже в периоде вызревания. Вблизи городища видны курганы; по словам нашего спутника, на одном из них нашли каменную бабу, до половины вросшую в землю [23].

О курганах в окрестностях Верного писали уже многие исследователи; от П. В. Гурдэ мы, кроме того, узнали, что около северного входа почти всех ущелий гор Алатау есть следы небольших укреплений; кроме того, в ущельях попадаются камни с тибетскими надписями. Одну из

[23] ‹Об этом памятнике см. Городецкий, *Остатки древнего поселения.*›

таких надписей П. В. Гурдэ передал нам; как и следовало ожидать, она оказалась буддийской молитвой *ом-мани-падмэ-хум*.

Из Верного мы вернулись в Пишпек по обыкновенной почтовой дороге. Тракт этот проведен в 1871 г., но путь был известен раньше и уже в 1861 г. был описан М. Венюковым [24]. Курганы, расположенные около этой дороги (например, около Отарской станции), и каменные бабы, которые, по рассказам местных жителей, встречаются в горах, показывают, что этой дорогой пользовались и в средние века, наравне с дорогой через Кастек.

Через перевал Кастек в 1893 г. проехал С. М. Дудин, но не встретил на пути никаких древностей, так как ехал по новой дороге, проложенной всего несколько лет тому назад; старая дорога была настолько заброшена, что проезд по ней оказался невозможным.

В селении Узун-Агач киргизы рассказали г-ну Дудину, что в ущелье речки Каргалинки есть писаный камень Казна-тас; но при осмотре оказалось, что киргизы приняли за письмена совершенно естественные неровности на поверхности камня.

В истории Илийская долина приобретает значение только во время монгольского владычества. Река Или под этим названием упоминается уже в китайских известиях о западных тюрках VII и VIII вв.[25], но без указания каких-либо городов или урочищ. Из мусульманских писателей домонгольского периода название реки Или (ايلا) знал только неизвестный персидский географ, но и он имел об этой реке только смутное понятие, так как заставляет ее впадать в Иссык-Куль [26].

Таким образом, мы не знаем, когда началась культура в Илийской долине [27]. Ко времени монгольского завоевания, к которому относятся наши первые сведения об этой культуре, она, по-видимому, достигла уже значительной степени развития. По словам Елюй Чу-цая, сопровождавшего Чингиз-хана в его походе на запад, Алмалыку (о нем см. выше) были подчинены 8—9 других городов; по свидетельству того же путешественника, в Илийской долине «возделывали все пять родов хлеба» [28], что указывает на значительное развитие земледельческой культуры. Чан-чунь говорит также об искусственном орошении [29]. Кроме Алмалыка Чан-чунь упоминает только об одном городе Илийской долины: переехав реку Или в 4 днях пути к западу от Алмалыка, Чан-чунь при-

---

[24] *Краткий обзор*, стр. 118—119.

[25] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 351 и сл.

[26] *Худуд ал-'алам*, л. 9.

[27] ‹См. новые данные: Бернштам, *Прошлое района Алма-Ата.*›

[28] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 17.

[29] Чан-чунь, пер. Кафарова, 304.

был к большой горе (очевидно, Богуты), по северную сторону которой был небольшой город [30]. В китайском маршруте 1259 г. к югу от Алмалыка помещен какой-то город Чжи-му-эр [31].

В маршруте армянского царя Гайтона (1254—1255 гг.) к западу от Алмалыка, но к северу от Или, упоминается город Илан-балех [32]; д-р Бретшнейдер, по-видимому справедливо, отожествляет его с городом Илибали (т. е. Илибалык) позднейших китайских источников (реку Или Гайтон называет Еилан-су), отмеченным на китайской карте 1329—1331 гг. под названием Илабали [33]. С Илибалыком, по всей вероятности, тожествен Equius Рубрука (почему Рубрук дал этому городу такое латинское название, неизвестно) [34]. Переправившись через Или на судне, Рубрук прибыл в долину, где встретил развалины какого-то укрепления с глинобитными стенами; скоро после этого он достиг богатого города Equius, где жили сарацины, говорившие по-персидски; на следующий день он опять перешел горную цепь [35]. Путь Рубрука, как указал Шмидт [36], приблизительно совпадал с нынешним почтовым трактом из Верного в Копал; очевидно, что Equius находился между северным берегом Или и перевалом Алтын-Эмель, вероятно около Чингильдинского поста [37].

Известия об Илийской долине в истории походов Тимура крайне неопределенны. Алмалык помещается к югу от Или, из чего можно заключить, что тут говорится не об Алмалыке китайских источников, а об Алматы, около нынешнего Верного; это подтверждается еще тем фактом, что войско Тимура, двигаясь из Алмалыка и переправившись через Или, пришло на Каратал [38]. Тот же город, по-видимому, имеется в виду у Джу-

---

[30] Там же, 306. Судя по этим указаниям, город мог находиться около нынешнего селения Чилик (Зайцевка). Несколько западнее речки Чилик, недалеко от гор, Голубев в 1859 г. видел развалины; по его описанию, «их несколько, на некотором одна от другой расстоянии; каждая представляет слабые остатки вала, сажень около 100 в стороне, из обожженного кирпича». Киргизы, по обыкновению, приписывали эти развалины калмыкам (Голубев, *Отрывок*, стр. 84).

[31] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 127.

[32] Ibid., p. 169; *История монголов по армянским источникам*, II, 83.

[33] Карта приложена к переводу рассказа Чан-чуня (см. Чан-чунь, пер. Кафарова).

[34] ‹В. Ф. Минорский предложил видеть в Эквиусе название упоминаемого Махмудом Кашгарским города Ики-огуз (Equius ‹ iki (eki) ögüz), см. *Ḥудӯд ал-ʿālам*, пер. Минорского, 277. А. Н. Бернштам (*Памятники старины Алма-Атинской области*, стр. 89) допускал также, что Эквиус может быть испорченным тюркским iki bas.›

[35] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 280—281; Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 42.

[36] *Über Rubruk's Reise*, S. 43.

[37] ‹Это подтверждено последующими работами. А. Н. Бернштам (*Памятники старины Алма-Атинской области*, стр. 88) отождествляет Эквиус с Чингильдинскими развалинами.›

[38] Шереф ад-дин Йезди, I, 494; пер. Пети де ля Круа, II, 67. Это место было указано уже Лерхом (*Археологическая поездка*, стр. 37).

вейни, где говорится, что Батый, на пути к великому хану Гуюку, остановился в Алмалыке, в 7 днях пути от Каялыка, и здесь узнал о смерти Гуюка [39]. Алматы упоминается также у Бабура [40], но в его время город уже не существовал. Мухаммед-Хайдер называет Алматы одним из известных урочищ Моголистана [41].

В XV в. начались нашествия калмыков на Моголистан; главные битвы между монголами и калмыками происходили на Или, вследствие чего, по китайским известиям, Вейс-хан (умерший, по *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, в 832/1428-29 г.) перенес свою главную ставку на запад, в Илибалык [41]. С тех пор под этим названием (Илибали) стала известной у китайцев вся страна. Насколько уже в то время изменилось ее культурное состояние, можно видеть из относящегося к XV в. китайского описания Илибали, по которому в стране не было «ни городов, ни дворцов» и все жители вели исключительно кочевой образ жизни [43].

В *Та'рӣх-и Рашӣдӣ*, кроме упомянутой гробницы Туклук-Тимура, в Моголистане, может быть в Илийской долине, помещены еще две известные гробницы; по словам Мухаммед-Хайдера [44]:

1) «В Моголистане есть известное урочище Тумгал [45] (?); там есть купол, половина которого обвалилась; я видел там надпись: „Шах Халиль ибн Кусам ибн Аббас. . .“ Остальная часть надписи обвалилась, так что неизвестно, могила ли это названного лица или около его имени было написано что-нибудь другое» [46].

2) «Гробница Мауляна Секаки [47], автора книги *Мифтӑх*; она представляет высокий купол на берегу реки Теке [48] (Текес?), вытекающей

---

[39] Джувейни, рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 212. В другом месте (л. 96) Джувейни называет то место, где остановился Батый, الاقماق, у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 246) Alactac, по толкованию Юла (*Cathay*, vol. I, p. CXIII), Aladagh, т. е. Алатау. У Джувейни (рук. Публ. б-ки Ханыков 71) в обоих местах стоит آلاقماق.

[40] *Бӑбур-нӑме*, изд. Ильминского, 2.

[41] Мухаммед-Хайдер, рук. Аз. муз. аа 568а, л. 102: در الماتو که از مواضع مشهورهٔ مغولستان است

[42] Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 241.

[43] Ibid., p. 242.

[44] Рук. Аз. муз. аа 568а, л. 195; рук. Аз. муз. а 568а, стр. 325; рук. Аз. муз. аb 568а, л. 278.

[45] 3 рукописи: تومعان, نومغول, دومعال. Новейшие английские переводчики *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* (365) приняли чтение يومغال (Юмгал) и сближают это слово с названием речки Джумгал; в таком случае известие Мухаммед-Хайдера относится к бассейну Нарына.

[46] Текст: در مغولستان تومغال نام موضعی است مشهور در آنجا کنبذیست نیمی افتاده در کتابهٔ او نوشته دیدم که شاه خلیل ابن قسم ابن عباس دیکر افتاده و معلوم نشد که این قبر ویست یا بقریب نام وی دیکر نوشته باشد.

[47] На полях рук. Публ. б-ки аа 568 а приписано: سراج الملة والدين يعنى ابو يعقوب يوسف السكاكى.

[48] Рукописи: تبکه, دیله, تبکه

из [горы] Бай-Куль. Кроме здания купола, там нет других развалин; или здесь был город, исчезнувший бесследно, или после того, как Чагатай убил шейха, над его головой возвели эту постройку» [49].

Илийская долина сохранила свое значение и при калмыках. Местоположение главной калмыцкой ставки, или *урги*, точнее всего определено в маршруте Унковского. Проехав через перевал Талки, Унковский на дальнейшем пути упоминает речки Чаган-Усун, Алимту, Хоргос и Китим; затем, переправившись через Или, он ночевал верстах в 3 к югу от реки, на другой день проехал еще 6 часов на северо-запад и прибыл в «кошу, от Урги около 3 верст, а при оной выкопаны колодези, а от реки Царима оная коша была в версте» [50]. Следовательно, калмыцкая орда находилась к югу от Или, и притом в Семиречье, а не в Кульджинском крае, подобно орде Чагатаидов.

---

[49] Текст: قبر مولانا سکاکی صاحب مفتاح کنبز عالیست در کنار آب تیکه که از بای قول بدر می‌آید ودر انجا بغیر از بنای کنبذ اثر دیکر نیست یا شهری بوده باشد که از وی اثر نمانده یا وقتی که جغتای خان اورا در انجا کشته باشد بعد از وی بر سر وی عمارت کرده باشند.

[50] Веселовский, *Посольство Унковского*, стр. 28—31.

VII

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНОСТИ В МАВЕРАННАХРЕ

Уже в первом отчете о наших работах [1] было указано, что исследование памятников древности в искони культурной и оседлой Трансоксании не входило в круг задач нашей экспедиции; эти памятники настолько многочисленны, что, если бы я задался целью дать подробное описание их, мне совсем не пришлось бы побывать в землях кочевников, на которых я, согласно поручению факультета, должен был сосредоточить свое внимание. Но по дороге я, конечно, наводил справки о тех развалинах, о которых мне раньше приходилось читать и слышать, и знакомился с людьми, от которых мог ожидать новых сведений. Больше всего нового мне пришлось узнать в Ходженте, Ура-Тюбе и Самарканде.

В «Известиях Русского географического общества» за 1868 г.[2] было помещено сообщение начальника Задарьинского округа Фавицкого о том, что в горах Могол-тау, верстах в 4 от Ходжента, находятся развалины из жженого кирпича и какие-то надписи «на неведомом языке»; автор сообщения хотел «на днях отправиться на место этой находки для собрания более подробных сведений»; но, по-видимому, ему не удалось осуществить свое намерение, так как никаких дальнейших сообщений об упомянутых развалинах мне не пришлось встретить.

Приехав в Ходжент, я обратился за справкой к местному начальнику уезда; он вызвал для меня двух ученых туземцев, но они знали только, что в горах Могол-тау растет священное дерево, на котором есть надпись; из надписи видно, что дерево было посажено лет 150 тому назад. Около того же места, несколько выше, прежде был камень с арабской надписью, висевший так высоко, что снизу трудно было разобрать буквы; теперь камень упал. О каких-либо немусульманских надписях в Ходженте ничего не было известно.

Кроме того, я в 1893 г. слышал от одного туземца рассказ о том, что на одном острове близ Ходжента лет десять тому назад был найден клад.

---

[1] Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 339; ‹см. ниже, стр. 111›.

[2] Я взял это известие из «Туркестанского сборника», т. XVI, стр. 218. ‹В действительности сообщение Фавицкого помещено в ИИРГО за 1867 г. См. *Открытие древних развалин.*›

Рассказ показался мне очень правдоподобным; как известно, во время осады Ходжента монголами (1220 г.) защитник города, Тимур-мелик, удалился на остров и там долгое время успешно отражал нападения осаждавших [3]; было вполне естественно предположить, что найденный на острове клад был зарыт во время этой осады, может быть перед оставлением острова Тимур-меликом и его сподвижниками. К сожалению, мне не удалось в Ходженте получить более подробные сведения о раскопках; я убедился только, что раскопки действительно произошли. Островов на Сыр-Дарье около Ходжента теперь несколько; самый большой из них находится верстах в 12 ниже города, против стеклянного завода; здесь, по слухам, был раскопан клад в то время, когда местным уездным начальником был г-н Чернявский, ныне начальник Самаркандского уезда. Последнему о таких раскопках, впрочем, ничего не было известно; он сам посещал остров только по делам администрации [4].

К Ходженту обыкновенно приурочивают город, выстроенный на Сыр-Дарье Александром Македонским; около этого города произошла его битва со скифами. Еще Григорьев [5] обратил, однако, внимание на то, что некоторые подробности рассказа греческих источников об этой битве едва ли могут быть соглашены с местоположением Ходжента. Кроме того, если бы греки видели Сыр-Дарью около Ходжента, то они едва ли пришли бы к заключению, что река течет с юга на север. С другой стороны, верстах в 27 ниже Ходжента, около кишлака Нау, река действительно имеет такое направление; местоположение Нау вполне благоприятно для города; в то же время здесь кончается цепь Могол-тау, и начиная с этого места правый берег Сыр-Дарьи представляет такую же равнину, как левый, так что те действия скифской конницы, о которых говорит Арриан, гораздо скорее могли произойти здесь, чем около Ходжента. И в мусульманский период Нау прежде был более населен, чем теперь; как я слышал от г-на Чернявского, в Нау теперь есть городище с большими сырцовыми кирпичами, также курганы. В этом месте тоже были произведены самовольные раскопки, давшие, по слухам, некоторые результаты, о которых, конечно, нельзя было получить точные сведения.

В Ура-Тюбе я решил обратить внимание на развалины около селения Шахристан, верстах в 25 к югу от города; о существовании этих развалин я узнал еще в Ташкенте от заведывающего азиатской частью города Н. С. Лыкошина, который направил меня к местному участковому приставу г-ну Степанову. Перед поездкой в Шахристан (поездка была устроена для меня г-ном Степановым) мне пришлось беседовать

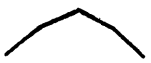
---

[3] Об этой осаде см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 224—225; ‹см. также наст. изд., т. I, стр. 485›.

[4] Об острове, о кладах и о Тимур-мелике говорится также в статье М. С. Андреева *Местности Туркестана*, стр. 19—21. По этой статье, остров находится только в версте ниже Ходжента.

[5] *Поход Александра Великого*, стр. 39.

о развалинах с тремя жителями Ура-Тюбе, аксакалом и двумя казиями; но их сведения оказались крайне сбивчивыми. Шахристан, по их словам, построен около 1300 лет тому назад царем Кахкаха, из народа Муг, огнепоклонников (آتش پرست); слово *кахкаха* значит по-арабски 'рослый' (?). В самом Шахристане я слышал еще другие предания о развалинах; по одному преданию, здание называлось *Чильхуджра* ('40 келий') и было жилищем сорока богатырей халифа Али. По другой легенде, какой-то царь поселил здесь свою больную дочь ради здорового климата местности.

Несмотря на все эти предания, здание едва ли отличается особенной древностью, так как выстроено из сырцовых кирпичей; но оно замечательно по своему оригинальному устройству. Как показали произведенные нами незначительные раскопки[6], все здание имеет форму буквы Т; вход имеет форму арки; за ним идет еще дверь, похожая на шатер  ; за ней по обе стороны тянется коридор длиной в 18 аршин. Признаков комнат или келий нет никаких. Над этим зданием теперь выстроена глинобитная муллушка в честь какого-то неизвестного святого[7].

На той же речке, несколько ниже, на левом берегу, находится крепость Кахкаха, окруженная, подобно многим виденным нами крепостям, тройным валом; остатки глинобитной стены показывают, что этой крепостью пользовались и в новейшее время. На противоположном берегу речки в двух местах (прямо напротив крепости и несколько ниже, около шахристанского базара) при случайных работах были найдены некоторые археологические предметы; из них особенно замечательна стеклянная бутылочка с изображением грифов и горных куропаток, приобретенная местным мировым судьей г-ном Норманом. Там же я приобрел монету, относящуюся, по определению барона В. Г. Тизенгаузена, ко времени Саманида Исма'ила (умершего в 907 г.), и должностной знак какого-то эмира; последний, по мнению барона Тизенгаузена, представляет некоторый интерес, так как других подобных предметов до сих пор найдено не было[8].

В Самарканде я старался (к сожалению, безуспешно) собрать какие-нибудь сведения о следах христианства в этом городе и в его окрестностях; как известно, уже в X в. к югу от Самарканда было христианское селение и кельи христианских отшельников[9]; в самом Самарканде, по

---

[6] Г-н Степанов имел соответствующее разрешение от Археологической комиссии.

[7] ‹О новейших археологических исследованиях Шахристана см. Негматов, *О работах. — М. М.*›

[8] Описание этого предмета см. Тизенгаузен, *«Пайзе» с арабской надписью*, стр. 279.

[9] См. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 13; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 279›.

мусульманским известиям, еще во второй половине XIII в. была христианская церковь [10]. Местоположение христианского селения [11] довольно подробно описано в рассказе Ибн Хаукаля, точный перевод которого был помещен мною в «Туркестанских ведомостях» за 1894 г.[12]. На основании этого описания представители самаркандской интеллигенции приурочивают это селение к Ургуту. Л. С. Барщевский говорил мне, что у самих туземцев есть предание, будто по всей дороге от Самарканда в Ургут некогда жили христиане. По этой дороге, верстах в 5 от Самарканда, около мазара Ходжа Абди-Дарун, есть красивое здание, имеющее форму креста, которое, по преданию, при Тимуре было обращено в увеселительное место; чем оно было прежде, неизвестно. Кругом много могил; по мнению самих мусульман, могилы, расположенные на восток от здания, немусульманские; там же прежде было несколько курганов, из которых теперь остался только один. Около самого мазара много мусульманских могильных камней, из которых некоторые относятся к VI в. х.[13].

---

[10] Джуздджани, изд. Нассау-Лиса, 450; пер. Раверти, II, 1290.

[11] Название селения до сих пор не установлено с точностью. Де Гуе принимает чтение وزكرد (Вазкерд) и, кроме того, приводит чтения وركود и زردكرد. У Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 450) говорится о селении Вазд, или Визд (обе формы приведены с указанием произношения), в Шавдаре, в 4 фарсахах от Самарканда; по-видимому, это селение тожественно с Вазкердом Ибн Хаукаля, хотя о христианах в Вазде у Сам'ани нет ничего.

[12] ‹Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях*, — см. ниже, стр. 98—99.›

[13] Указанием на эти интересные развалины я обязан Л. С. Барщевскому, который вместе со мной посетил их. Фантастические теории некоторых самаркандских обывателей о следах христианства, из которых одна (о никогда не существовавшем храме св. Ильи, о котором будто бы говорит Марко Поло) даже проникла в печать (в самаркандскую «Окраину» за 1893 г.), не заслуживают никакого внимания.

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ТУРКЕСТАНЕ

Автор предлагаемого сообщения в мае текущего (1893) года был командирован С.-Петербургским университетом в Среднюю Азию для исследования памятников древности, т. е. развалин, надписей и т. п. Исследование памятников искони культурной и оседлой Трансоксианы на этот раз не входило в круг задач экспедиции; я предполагал начать свои изыскания с окрестностей Чимкента, где обыкновенно начинались владения кочевников. Согласно инструкции факультета я должен был обратить главное внимание на долины Чуйскую и Илийскую: местность по реке Чу до самого монгольского завоевания оставалась центром последовательно возникавших кочевых государств; Илийская долина приобрела первенствующее значение при господстве потомков Чингиз-хана и сохранила его при калмыках. Несчастный случай не позволил мне, по крайней мере в нынешнем году, проникнуть дальше долины Таласа; отчет об осмотренных нами развалинах отправлен мною в Петербург и, вероятно, будет напечатан в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» [1]. Здесь же мне хотелось бы только вкратце указать те исторические и географические известия, на которых мы основывались при своих изысканиях. Едва ли я буду иметь возможность сделать все то, что входило в первоначальную программу экспедиции. Ввиду этого было бы, конечно, очень желательно, чтобы хоть часть этой программы была осуществлена местными деятелями. Те же соображения заставили меня прибавить некоторые известия, важные для археологии Трансоксианы.

Древнейшие известия о Средней Азии принадлежат греческим писателям, но они почти ничего не говорят о стране к северу от Сыр-Дарьи. Первыми известиями об этой стране мы обязаны китайцам, которые со II в. до н. э. начинают посещать Западный Туркестан. В то время здесь были два кочевых народа: к северо-востоку от Ферганы (в Семиречье) жил народ усунь, к северо-западу (в Сыр-Дарьинской области) — народ кангюй [2]. По китайской транскрипции трудно восстановить истинные названия народов. Название *усунь*, как известно, и теперь принадле-

[1] ‹Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*; см. ниже, стр. 111—115.›

[2] ‹Совр. транскрипция —канцзюй.›

жит одной из трех киргиз-казацких орд, именно Большой орде; возможно, что здесь сохранилось название древнего народа, хотя теперешние усуни отнюдь не походят на древних, которые, судя по китайскому описанию, по крайней мере по типу были чистыми арийцами [3]. Можно предположить, что остатки этого народа, смешавшись с тюрками, передали им свое имя, подобно тому как многие названия монгольских народов сохранились среди узбецких и казацких родов. Мнение о. Иакинфа, разделяемое д-ром Зеландом, что усуни были калмыками, едва ли состоятельно; калмыки проникли в Семиречье только в XV в., и до XII в. мы не встречаем никаких указаний на то, что среди местного населения был монгольский элемент. Кангюйцы, вероятно, соответствуют народу kangha, упоминаемому в Зенд-Авесте; их отожествляют также с тюркским народом канглы, но сомнительно, чтобы тюрки так рано проникли в Западный Туркестан. Как кангюйцы, так и усуни, судя по описанию китайцев, ничем не стояли выше тюркских кочевников; поэтому мнение, приписывающее усуням кирпичные постройки и предметы более высокой культуры, найденные в водах Иссык-Куля и на берегах этого озера, кажется мне совершенно ошибочным [4].

В то время упоминается только об одном пути из Восточного Туркестана в Западный — через Фергану; Семиречье пока оставалось в стороне от движения торговли, а следовательно, и культуры. Путь через Семиречье упоминается не раньше VII в., но движение по нему несомненно началось раньше, так как в VII в. мы находим там уже значительные торговые города. На установление нового пути, вероятно, повлияло образование (в VI в.) обширной тюркской империи, простиравшейся от Великого океана почти до Черного моря; средоточием ее был Алтай. Столицы подобных кочевых государств всегда становились важным торговым пунктом. Когда империя тюрков (в конце VI в.) распалась, ханы западных тюрков большей частью жили в Семиречье, что еще более должно было поднять значение этой страны. Кроме того, в Фергане в VII в. происходили смуты, продолжавшиеся несколько десятилетий, и это обстоятельство могло заставлять купцов предпочитать другой путь. Судя по описанию Сюань Цзана, культура страны в его время (648 г.) стояла уже довольно высоко; половина жителей занималась земледелием, другая половина — торговлей; у них был алфавит, были исторические сочинения. Притом эта культура находилась в зависимости от трансоксианской, не от восточнотуркестанской: по словам Сюань Цзана, «от города

---

[3] ‹В. В. Бартольд пользуется в данном случае устаревшей терминологией. Имеется в виду принадлежность усуней в антропологическом отношении к европеоидам, что в основном подтверждено и новыми археологическими материалами.›

[4] ‹О культуре усуней в связи с новыми археологическими данными см.: Воеводский — Грязнов, *У-суньские могильники*; Бернштам, *Археологический очерк*, стр. 34—44; Акишев — Кушаев, *Древняя культура саков и усуней*.›

на реке Суй-е (Чу) до царства Гешуанна [5] (у мусульман Саганиан, ныне Гиссарская область, в восточной части Бухарского ханства) страна называлась Сули; жители носили то же самое название, которое прилагалось также к их письменам и языку» [6]. Это известие заставляет предполагать культурное единство всей страны между Аму-Дарьей и Чу. Центром этой культуры, по-видимому, был Самарканд, жители которого, по словам китайского путешественника, «относительно правил нравственности и приличия служили образцом для своих соседей». Что касается письмен сули, то это, по всей вероятности, были сирийские письмена (по-сирийски *шури*) [7], но они были впервые принесены не христианскими сирийцами, а последователями различных дуалистических сект (манихеев, маздакитов и др.), бежавшими в Трансоксиану от гонений, которым подвергались в государстве Сасанидов. Ан-Недим, арабский писатель X в., говорит, что жители Трансоксианы и (особенно) Самарканда употребляли в своих духовных книгах манихейские письмена и что это письмо называлось у них письмом религии (*қалам ад-дīн*). Сирийский язык, конечно, мог быть здесь только книжным языком. Сюань Цзан уже не застал в Трансоксиане буддистов, которые, по словам ан-Недима, были здесь предшественниками манихеев.

Между Чу и Таласом Сюань Цзан видел несколько городов; в китайской «Истории династии Тан» мы находим даже их названия, но по китайской транскрипции их нельзя восстановить. Важнейшими торговыми пунктами были Суяб (у китайцев Суй-е), в верховьях реки Чу, и Талас, на реке того же имени, вероятно на месте нынешнего Аулие-Ата [8]. Талас упоминается уже в VI в. греческим послом Земархом [9].

В VIII в. за обладание страной боролись китайцы, тибетцы, тюрки и арабы. Китайцы и тибетцы были вытеснены; арабы доходили до Кашгара и утвердили свою власть в Трансоксиане (известие об их походе через всю Уйгурию до Турфана, перешедшее из английских книг в русские, ни на чем не основано); остальная часть Сыр-Дарьинской области и Семиречье остались в руках тюрков.

История арабского завоевания подробно рассказана мусульманскими историками, у которых мы находим также некоторые сведения о культурном состоянии страны. Судя по громадной добыче, доставшейся арабам, в больших торговых городах (например, в Пейкенде, к юго-западу от Бухары) к тому времени накопились значительные богатства. Устрой-

---

[5] ‹Совр. транскрипция — Цзешуанна.›

[6] ‹Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 12.›

[7] ‹С бóльшим основанием в письменах сули следует видеть согдийское письмо. В последующих работах к этому выводу пришел и В. В. Бартольд (*К вопросу об языках*, стр. 36 и сл.; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 467).›

[8] ‹О локализации Таласа см. ниже, статью *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, стр. 115, прим. 12.›

[9] ‹У Менандра речь идет не о городе, а об округе Талас.›

ство страны было такое же, как в Персии при Сасанидах; мы находим здесь то же господство поземельной аристократии, из которой, как в средневековой Европе, набиралась блестящая рыцарская конница.

Арабы уже в конце IX в. должны были уступить господство прежнему иранскому населению, но принесенный ими ислам, как известно, постепенно вытеснил все другие религии даже в тех странах, которые никогда не подвергались вооруженному нашествию мусульман. Впрочем, сначала распространение ислама даже в арабских владениях шло довольно медленно. В Бухаре (есть основание думать, что то же самое произошло в Самарканде) феодалы, не желавшие принять ислам, выселились вместе со своими приверженцами и основали новый город, который по числу населения превзошел старый; долго спустя в этом новом городе не было ни одного мусульманина. Последнее вооруженное восстание дуалистов было подавлено в 780 г., но дуалистические учения, или по крайней мере обряды, упорно держались среди сельского населения, где сохранялись еще в XII в. Еще труднее было распространение ислама среди тюркских кочевников, которые не были покорены арабами и которым приходилось предлагать ислам мирными посольствами. Как в своих собственных владениях, так и среди кочевников мусульманам приходилось бороться с различными религиями: с зороастризмом, с дуалистическими сектами и с христианством. Средоточием христиан был Самарканд, где в начале VIII в. была основана несторианская митрополия; в Бухаре также была христианская церковь. Эти христиане довольно ревностно распространяли свою религию среди тюрков. Миссионеры различных религий, по всей вероятности, примыкали к торговым караванам; насколько была развита караванная торговля, видно из того, что уже в VIII в. арабы каждые три года отправляли караван с шелком в Кучу и оттуда на верховья Енисея.

Господство арабов сменилось господством персидской династии Саманидов (874—999), при которой страна, по крайней мере в некоторых отношениях, достигла высшей степени благосостояния; по словам арабских географов, население было так густо, что ни один клочок земли не пропадал даром. Саманиды успешно отражали нападения тюрков, даже предпринимали походы в их владения; так, Исма'ил ибн Ахмед взял Талас (280/893-94 г.) и обратил тамошнюю главную церковь (*килīсā-йи бузург*) в соборную мечеть; из этого видно, что в городе в то время было много христиан.

Несмотря на блестящее развитие мусульманской науки и литературы, во владениях Саманидов далеко не все их подданные приняли ислам; население иногда прямо отказывалось строить у себя мечеть. О христианстве мы для этой эпохи имеем несколько известий; для археологов особенно важно следующее место из сочинения географа Ибн Хаукаля (X в.): «К югу от Самарканда есть гора Савдар; нет в окрестностях Самарканда волости с более здоровым воздухом, с более плодородными паш-

нями и с лучшими плодами. Жители ее здоровее всех окрестных жителей по телосложению и по цвету лица. Волость простирается более чем на 10 фарсахов; гора принадлежит к самым здоровым и красивым местностям; обработка полей не прерывается и не встречает препятствия. На горе Савдаре есть христианская церковь; здесь собираются христиане, и здесь находятся их кельи. Я нашел там многих иракских (месопотамских) христиан, удалившихся туда вследствие плодородия места, его уединенного положения и здорового воздуха. Церковь, в которой постоянно обитает много христиан, владеет недвижимой собственностью; место господствует над большей частью Согда и известно под именем Вазгерда. Около Савдара есть ущелья, в каждом из которых протекают отличные реки (или каналы) [10], проведенные на пашни. Много разного рода дичи, и вообще существует полное изобилие во всякого рода благах жизни» [11]. Другое христианское поселение было в окрестностях Ташкента.

Внешняя торговля при Саманидах тоже достигла блестящего развития. Несмотря на то, что пути в Китай находились в руках кочевников, сношения с Китаем были настолько значительны, что восточные ворота Самарканда назывались китайскими. Арабские географы IX и X вв. перечисляют все города, расположенные на пути из Трансоксианы в Восточный Туркестан через Семиречье, хотя, к сожалению, почти ничего не говорят о нравах жителей и о степени культурности страны. Наиболее значительными пунктами были: Талас (Аулие-Ата, у арабов Тараз; звуки *р* и *л* в тюркских языках часто смешиваются), Кулан (около станции Тарты), Мирки (Мерке), Невакет и Суяб; два последних города находились в верховьях Чу. По расстояниям, указанным арабскими географами, Невакет следовало бы поместить около станции Джиль-Арык; но так как от Невакета отделялся прямой путь в Восточный Туркестан, то город, вероятно, был несколько южнее, около станции Кутемалды [12]. Суяб находился в 3 фарсахах (около 18 верст) дальше. Упомянутый прямой путь, вероятно, вел через Нарын и соединялся с путем из Узгенда (в Фергане) через город Атбаш в Восточный Туркестан. Атбаш несомненно находился на реке Атбаш, вытекающей из гор того же имени; не знаю, можно ли его отожествить с нынешним селением Атбаши (45 верст от Нарынского укрепления). Селение, по словам д-ра Зеланда, расположено в высокой (около 7500 футов), но плодородной долине; средневековый город Атбаш находился на высоком холме. Из истории походов Тимура мы знаем, что путь из Узгенда в Атбаш проходил через перевал Ясы

[10] Арабские географы то и другое понятие выражают словом *нахр*, во мн. ч. *анхāр*.

[11] ‹Ибн Хаукаль, 372. Название горы, как позднее указал сам В. В. Бартольд, следует читать Шавдар; см. ниже, стр. 110.›

[12] ‹А. Н. Бернштам (*Археологический очерк*, стр. 80) связывал с Невакетом развалины у с. Орловка.›

и долину Арпа. Первым городом в Восточном Туркестане, где соединялись все указанные дороги, был Верхний Нушджан [13]; вероятно, он находился на месте нынешнего Уч-Турфана. К югу от главного торгового пути, в долине Таласа, тоже упоминаются несколько городов; самым значительным из них был город Шельджи, в котором, будто бы, одних исфаханских купцов было до 10 000 (вероятно, здесь есть некоторое преувеличение). В долине Таласа развалины встречаются в нескольких местах; наиболее обширны развалины Садыр-курган (около 10 верст в окружности), к югу от Капкинского ущелья.

Несмотря на временные победы Саманидов, Трансоксиана наконец все-таки была завоевана тюрками, именно династией илек-ханов, или Караханидов, которые в то же время владели Семиречьем и Кашгарией. Но эта династия уже несколькими поколениями раньше приняла ислам; завоевав Трансоксиану, ханы явились покровителями мусульман и ревностно продолжали священную войну с неверными тюрками. Впрочем, христиане, по-видимому, не подвергались притеснениям, и самаркандская митрополия продолжала существовать. О распространении ислама вне мусульманских владений мы знаем только, что в 1043 г. произошло массовое принятие ислама западными тюрками, которые зимой жили в западной части Семиречья, а летом кочевали по соседству с землей камских болгар, т. е. в северной части киргизских степей [14].

Хотя таким образом господство ислама в Туркестане казалось обеспеченным, но ему еще предстояло выдержать трудную борьбу с новыми врагами. Караханиды, государство которых было ослаблено внутренними междоусобиями, уже в XI в. должны были признать себя в зависимости от сельджукской династии, господствовавшей в Иране, но это не спасло страны от напора восточных кочевников. Северный Китай в то время принадлежал народу, который у китайцев носит название кидань, у мусульман — название кара-китаев; от них Китай и получил то название, которое в разных формах (Китай, Хата, Хитай) распространилось у мусульман, у нас и в средневековой Европе (раньше употреблялось только слово Син или Сина). Кидане в течение более чем двух столетий господствовали в Северном Китае и усвоили себе китайскую цивилизацию; вытесненные оттуда маньчжурами, они удалились на запад, присоединили к себе разных кочевников и основали город Эмиль в Джунгарии (очевидно, на реке того же имени, недалеко от Чугучака; уже в XIII в. от киданьского Эмиля оставались только развалины). Оттуда они вторглись во владения Караханидов, в 1141 г. разбили сельджукского султана Санджара и основали обширное государство, простиравшееся от пустыни Гоби до Аму-Дарьи. Кара-китайские государи носили титул *гурханов*; их столицами были города Кашгар и Баласагун. Местоположение последнего, бывшего

[13] ‹Как было установлено позднее (в том числе самим В. В. Бартольдом), следует читать не Нушджан, а Барсхан; см. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 282—283.›

[14] ‹Имеется в виду северо-западная часть Казахстана.›

раньше столицею Караханидов, трудно определить с точностью, но, во всяком случае, он находился на реке Чу. Есть основание полагать, что знаменитая башня Бурана около Токмака представляет остаток этого города [15].

Трудно сказать, какой религии придерживались кара-китаи и их государи; есть известие, что первый гурхан был манихеем; дочь последнего гурхана была христианкой; мусульманские писатели часто говорят об идолопоклонстве кара-китаев, причем, вероятно, подразумевается буддизм. Гурханы, по-видимому, усвоили себе китайскую политику относительно различных религий и не преследовали ни одной; мусульманские историки хвалят их справедливость, но, во всяком случае, ислам лишился своего господствующего положения, и последователи других религий были в безопасности от мусульманского фанатизма. В эту эпоху, при патриархе Илье III (1176—1190), была учреждена несторианская митрополия в Кашгаре; кашгарский митрополит носил титул «митрополита Кашгара и Невакета»; следовательно, Семиречье тоже входило в состав этой митрополии.

Судя по одному арабскому известию, кара-китаи, несмотря на принятие китайской культуры, до известной степени остались верны кочевой жизни; но их завоевания не имели такого опустошительного характера, как обыкновенные нашествия кочевников. Они не разграбляли городов, но только брали с каждого дома по одному динару; разорять мирных жителей было строго запрещено. Кара-китаи и сами строили новые города; еще теперь им приписываются все развалины в Кашгарии.

В начале XIII в. кара-китаям пришлось одновременно вести войну с сильными врагами на западе и на востоке; эта «война на два фронта» погубила династию гурханов. На западе хорезмшах Мухаммед объявил себя освободителем мусульман от ига неверных и захватил Трансоксиану; на востоке в это время начались завоевания Чингиз-хана; уйгурский владетель Баурчик и карлукский хан Арслан (столица последнего, Каялык, находилась в северной части Семиречья) отложились от кара-китаев и признали над собой власть Чингиза. В Кульджинском крае разбойнику Озару [16] удалось образовать новое владение (здесь впервые упоминается город Алмалык, получивший большую известность при монголах); Озар тоже подчинился монгольскому завоевателю. Кучлук, предводитель монгольского народа найманов, бежал от Чингиз-хана в государство кара-китаев, где был милостиво принят; гурхан даже выдал за него свою дочь. Но Кучлук изменил своему тестю, вступил в союз с хорезмшахом и овладел престолом.

Падение династии гурханов было гибелью для всех их владений. В Трансоксиане хорезмшах, несмотря на роль освободителя, не препят-

[15] ‹О локализации Баласагуна см. выше, стр. 57.›

[16] ‹По Джемалю Карши — Бузар. См. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 54, прим. 29.›

ствовал своим воинам грабить страну; поссорившись с Кучлуком и ожидая его нашествия, он даже сам опустошил свои владения, лежавшие к северу от Сыр-Дарьи, чтобы затруднить движение врагов. Баласагун, тайно бывший на стороне хорезмшаха (очевидно, жители этой прежней столицы Караханидов большею частью были мусульманами), еще до прибытия Кучлука был разграблен кара-китайским войском, причем, по словам мусульманского историка, погибло до 47 000 человек; эта цифра, хотя бы она была несколько преувеличена, во всяком случае свидетельствует о значительной величине города.

К внешним войнам и внутренним смутам прибавились еще религиозные гонения. Кучлук, подобно большей части найманов, был христианином, но одна кара-китайская девушка совратила его в идолопоклонство, вероятно в буддизм. Его законная жена, дочь последнего гурхана, была христианкой. Вероятно вследствие своей ссоры с хорезмшахом, Кучлук открыл гонение против мусульман, требуя от них отказа от своей религии и предоставляя им выбор между христианством и язычеством; с непослушными он поступал так, как Людовик XIV с упорными протестантами, т. е. наказывал их военным постоем и позволял солдатам всячески притеснять их. Тиранство Кучлука облегчило завоевание страны монголами. Джэбэ-нойон, полководец Чингиз-хана, вступив в страну, объявил полную свободу веры; жители перебили солдат Кучлука, размещенных по их домам; сам Кучлук бежал и погиб где-то в горах Бадахшана [17]. Баласагун получил от монголов название Гобалыка, т. е. 'Хорошего города'; такое прозвание монголы вообще давали городам, сдававшимся без сопротивления [18].

Таким образом, Семиречье, Кашгария и восточная часть Сыр-Дарьинской области почти совсем не пострадали от монгольского нашествия, которое ниспровергло столько городов в Трансоксиане. Вообще говоря, монгольское нашествие принесло менее вреда культуре, чем обыкновенно полагают. Завоевания монголов, как почти все азиатские войны, сопровождались страшными опустошениями, но после войны основание обширной империи, простиравшейся от Амура до Дуная, значительно облегчило торговые и всякие иные сношения между народами; ни в какую эпоху, ни раньше, ни после, мы не видим такого тесного сближения между Западной и Восточной Азией, между мусульманской и китайской культурой [19].

[17] ‹По другим сообщениям, Кучлук был убит в Сарыколе. Ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 56.›

[18] ‹О названии Гобалык, которое будто бы было дано монголами Баласагуну, ср. наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 298, прим. 244.›

[19] ‹С подобной оценкой нельзя полностью согласиться. Уже сам В. В. Бартольд отмечает на основании письменных источников упадок городов в послемонгольский период (см. ниже, стр. 107). Еще более заметно этот процесс выступает по археологическим материалам (ср.: Бернштам, *Археологический очерк*, стр. 106—108; Кожемяко, *Раннесредневековые города*, стр. 10, 184). Об ошибках В. В. Бартольда в оценке монгольского завоевания см. Якубовский, *Проблема*, стр. 73—75.›

Рашид ад-дин, персидский историк начала XIV в., дает нам самые подробные и верные сведения о внутреннем устройстве Китая. В постройках монгольской эпохи, сохранившихся в Персии, некоторые путешественники видят следы китайского влияния; очень вероятно, что ближайшее исследование среднеазиатских развалин обнаружило бы то же самое явление.

Чингиз-хан еще при жизни роздал земли своим сыновьям (Туркестан достался Чагатаю); но при нем и его первых трех преемниках все царевичи одинаково подчинялись великому хану, и порядок не был нарушен. Несмотря на свои жестокости во время войны, монголы отнюдь не были бессмысленными разрушителями и отнюдь не имели намерения, приписанного им некоторыми ориенталистами, — обратить все культурные земли в пастбища для кочевок. Напротив, они вполне сознавали необходимость поддерживать благосостояние покоренных жителей и дать оправиться опустошенной стране, чтобы она могла служить источником дохода. Как кочевой народ, монголы, конечно, не могли найти в своей среде человека, которому можно было бы поручить эту задачу; оттого они большею частью назначали правителем оседлых жителей кого-нибудь из них самих. Покоренные туземцы не лишились части своих земель, как это обыкновенно бывает при завоеваниях; в силу повеления Чингиз-хана, монголы не имели права селиться в городах и должны были оставаться кочевниками. В Средней Азии довольно земель, по самой природе своей предназначенных для кочевников и негодных для земледельческой культуры. Поэтому монголы могли свободно кочевать, не стесняя оседлых туземцев; только в северной части Семиречья, как мы увидим дальше, некоторые города были разрушены и земли их обращены в пастбища. Самое полное понятие о степени культурности страны дают нам путешественники, число которых, после облегчения сношений, конечно, значительно увеличилось. Для Туркестана важнее всего путешествия китайца Чан-чуня (1221 г.), еще при Чингиз-хане, и францисканца Рубрука (1253 г.), при Мункэ, его третьем преемнике.

Чан-чунь путешествовал всего через три года после занятия страны монголами; тем не менее уже в то время дороги, благодаря заботам Чагатая, находились в отличном состоянии. Чан-чунь проехал через Урумчи, Манас и Шихо, мимо озера Сайрама, через перевал Талки в Илийскую долину, где находился большой город Алмалык. В перевале Талки приходится переходить то на правый, то на левый берег реки; дорога была проложена монголами, которые, по приказанию Чагатая, пробили скалы и построили из горного леса 48 мостов, настолько широких, что по ним могли проехать рядом две телеги (теперь через реку всего 26 мостов). Алмалык находился на расстоянии одного дневного пути от выхода из ущелья, следовательно около нынешнего Алимту [20]. Из слов китайских

[20] «Существует мнение, что Алмалык соответствует Алма-Ате. См. Бернштам, *Прошлое района Алма-Ата*, стр. 15.»

путешественников прямо следует, что город находился к северу от реки Или; мусульманские историки, напротив, помещают Алмалык южнее реки. Может быть, противоречие объясняется тем, что главная орда Чагатаидов, Улуг-Иф, несомненно находилась к югу от Или; мусульманские историки, незнакомые с местностью, могли смешать эту орду с главным городом края, Алмалыком. Остатки Улуг-Ифа видят в развалинах Ак-курган, в долине Текеса.

Чан-чунь переправился через Или в 4 днях пути от Алмалыка, т. е. несколько восточнее Илийского выселка; переправившись через реку, он ехал по северную сторону большой горы (очевидно, Богуты) и прибыл в небольшой город; оттуда он ехал 12 дней на запад, опять встретил гору, повернул на юго-запад и достиг небольшого города; двигаясь дальше в том же направлении, он переехал реку Чу по дощатому мосту. Итак, между Или и Чу были два города; судя по рассказу Чан-чуня, первый находился около селения Чилик, на реке того же имени, второй — непосредственно к югу от Кастекского перевала; последний, вероятно, тожествен с Баласагуном, или Гобалыком, который после упомянутого погрома мог утратить свое значение и обратиться в небольшой город; путешественники почти не упоминают о нем.

Переехав Чу, Чан-чунь ехал 7—8 дней на запад вдоль горной цепи (Александровского хребта [21]); там, где горы поворачивают на юг, он увидел каменное городище и следы прежнего военного лагеря; камни были красного цвета (очевидно, говорится об Ахыр-Таше); на запад оттуда были видны известные могильные холмы Джеты-тепе; затем упоминается каменный мост (несомненно через Талас); в пяти переездах оттуда находился город Сайрам. Чан-чунь не упоминает о городе Таласе, который, однако, несомненно еще существовал в то время. Между Чу и Таласом Чан-чунь везде встречал обработанные поля; жители занимались земледелием, шелководством и виноделием; созревали те же хлеба и плоды, как в Китае.

Рубрук проехал из Золотой Орды через киргизскую степь к устьям Чу, оттуда вдоль гор до кара-китайской земли; здесь он вступил в горную страну, переправился на судах через реку Или. На другом берегу была равнина, где Рубрук встретил развалины укрепления с глинобитными стенами; здесь были обработанные поля. Дальше, в той же равнине, был город Equius, где жили сарацины, говорившие по-персидски. На следующий день Рубрук прошел другую горную цепь и прибыл в прекраснейшую равнину; по правую руку от него были высокие горы, по левую — какое-то озеро или море, имевшее в окружности 25 дней пути (Балхаш). Здесь был большой город Кайлак, с обширным базаром.

Рубрук переправился через Или, вероятно, недалеко от Илийского выселка; город Equius мог находиться около Чингильдинского поста.

[21] ‹Ныне — Киргизский хребет.›

Неизвестно, почему Рубрук дал городу это латинское название [22]; по местоположению своему Equius соответствует Илибалыку китайских историков, упоминаемому также в путешествии армянского царя Хетума. Слова Рубрука о жителях города показывают, как многочисленны были персидские купцы в Средней Азии. Кайлак несомненно соответствует Каялыку мусульманских историков, столице карлукского хана Арслана, который в начале XIII в. отложился от кара-китаев и подчинился монголам. В городе Копале еще несколько десятилетий тому назад был большой курган, потом срытый при постройке домов; по преданию, здесь была могила древнего владетеля Копала. Курганов в Копале вообще довольно много; в одном из них в 1857 г. был найден золотой перстень с надписью «Арслан». Все-таки описание Рубрука заставляет нас поместить Каялык несколько севернее Копала, в равнине, может быть на реке Биени, где еще теперь видны развалины древней крепостцы с гранитными столбами.

Рубрук пробыл в Каялыке несколько дней и дает нам некоторые сведения о стране. По его словам, страна называлась Orgonum; ему говорили, будто это название дано ей потому, что жители были хорошими органистами. Язык и письмена местных жителей употреблялись несторианами при богослужении и в книгах. Прежде в равнине находилось много городов, но они большею частью были разрушены, чтобы татары могли воспользоваться великолепными пастбищами; незадолго до прибытия Рубрука вся страна была занята туркменами.

Отправившись из Каялыка и проехав три мили [23], Рубрук прибыл в деревню, населенную исключительно несторианами. В первый раз после долгого путешествия францисканцы увидели церковь, вошли в нее и радостно запели «Salve regina». Через три дня наши путешественники достигли главного города провинции, расположенного на берегу бурного озера (Ала-куль); оттуда они проехали через Кантагайскую теснину в Джунгарию.

Относительно названия Оргонум нельзя, конечно, принять толкование Рубрука; ориенталисты обыкновенно сближают его с именем Эргэнэ[24]-хатун, правительницы чагатайского улуса в эту эпоху.

Из городов, упоминаемых в Семиречье арабскими географами, к XIII в. существовал под тем же названием только Атбаш. Кроме того, замечательны следующие города:

1. Пулад, или Фулад, в долине реки Боротала, к северо-востоку от Или; здесь, по словам Рубрука, пленники должны были выделывать оружие и добывать золото. От Пулада до Таласа считался месяц пути.

---

[22] ‹По предположению В. Минорского, Эквиус соответствует Ики-Огузу, помещенному в этом районе на карте Махмуда Кашгарского. См. *Худуд ал-'алам*, пер. Минорского, 277.›

[23] Французская миля (lieu) равняется 4 верстам 84 саженям ‹т. е. 4,446 *км*›.

[24] ‹Так писал это имя В. В. Бартольд; более точная транскрипция — Оркына.›

2. Алматы, около нынешнего Верного; под этим именем город упоминается только в записках Бабура (начала XVI в.); очень вероятно, что он упоминается прежними путешественниками и историками под другими именами. В окрестностях Верного, по словам д-ра Зеланда, недавно открыты следы древнего города, при входе в одну из горных щелей [25].

3. Иссык-Куль, на берегу озера того же имени; он несколько раз упоминается мусульманскими историками, но без указания местоположения. На Каталанской карте 1375 г. город помещен на северном берегу озера, причем сказано, что в нем находился монастырь «армянских братьев»; обыкновенно думают, что это был несторианский монастырь, хотя есть указания на деятельность армянских миссионеров в монгольских владениях. На Иссык-Куле были и другие сооружения. Среди озера, на острове, было небольшое жилище, где Тамерлан помещал своих пленных; у историка Мирзы Хайдера (XVI в.) остров назван Койсу; один из монгольских эмиров XV в. построил здесь крепость. Островов на Иссык-Куле теперь, как известно, нет, но на северо-восточной оконечности озера есть полуостров, который, по мнению геологов, мог в недавнее время быть островом; здесь же впадает в озеро речка Койсу, так что тожество этого полуострова с островом историков едва ли подлежит сомнению. Кирпичи и разные археологические предметы, находимые на берегах озера и на дне его, вероятно, относятся к эпохе Чингизидов или к эпохе кара-китаев.

Таково было положение страны в то время, когда внешний порядок еще был обеспечен, но со смертью Мункэ (1260 г.) кончился период единства империи. Поспешное и неправильное избрание его преемника, Хубилая, породило смуты. Средней Азией после долгой борьбы завладел Хайду, внук Угэдэя и правнук Чингиз-хана; он до самой смерти своей (1301 г.) успешно отражал нападения Хубилая; чагатайские царевичи признали над собой власть Хайду. Историки хвалят Хайду за его заботы о благе подданных, так что его непосредственные владения, т. е. Джунгария, Кульджинский край и Семиречье, при нем, вероятно, процветали. Зато Трансоксиана много страдала от междоусобий в Чагатайском улусе; большие города, как, например, Бухара, несколько раз подвергались разрушению.

После смерти Хайду была сделана попытка восстановить мир и союз между всеми потомками Чингиз-хана; на словах все согласились, но на деле междоусобия скоро были возобновлены и в XIV в. достигли высшего развития. В это столетие в Средней Азии, как в XIII в. в Персии, происходила упорная и часто кровавая борьба между партиями мусульманской и монгольской; к последней примкнули последователи других религий. Как в Западной Азии общая вражда к мусульманам уничтожила рознь между христианскими вероисповеданиями (несторианами и яковитами), так теперь в Средней Азии та же причина иногда сближала христиан

[25] ‹Об этом городище см. выше, стр. 83.›

и буддистов и заставляла их забывать взаимное соперничество. Но дело изменилось с прибытием католиков, которые пользовались некоторым влиянием у ханов Ильчигидая и Дженкши (в 20-х и 30-х годах XIV в.); католические епископы жили сначала в Самарканде, потом в Алмалыке. Несмотря на свою образованность и добрые намерения, католики только повредили делу христианства, так как принесли с собой конфессиональную нетерпимость и сделали невозможной единодушную борьбу с исламом. В 1338 г. мусульмане воздвигли кровавое гонение на христиан, во время которого католические миссионеры погибли мученическою смертью.

Чагатайское ханство, подобно другим монгольским владениям, распадалось на несколько уделов. В Трансоксиане, где монгольский элемент был всего слабее, власть скоро перешла к тюркам, и в половине XIV в. ханы оставались только номинальными властителями; в действительности же вся власть находилась в руках тюркских эмиров. В Джунгарии, Кульджинском крае, Семиречье и Кашгарии монголов было гораздо больше; страна даже получила название Моголистана. Когда Трансоксиана перешла в руки тюркских эмиров, монгольские эмиры на востоке избрали своего хана, 18-летнего Туклук-Тимура, объявили его сыном одного из последних чагатайских ханов и сочинили романическую историю о том, как он спасся от преследований врагов. Туклук-Тимур, принявший ислам, оказался на высоте своей задачи: он восстановил власть монголов в Трансоксиане; даже Тамерлан должен был бежать от него, но с его смертью кончилось преобладание монголов в Средней Азии. Походы Тамерлана, доходившего до Иртыша и Юлдуза, разорили страну; хотя Тамерлан не покорил Моголистана и заключил мир с монгольским ханом, женившись на его дочери, все-таки страна уже не могла оправиться. В то время как Трансоксиана при Тимуридах достигла высшей степени процветания, Моголистан, разоряемый нашествиями калмыков, падал все ниже и ниже. Описания китайских путешественников и мусульманских историков заставляют думать, что в Моголистане почти совсем не было городов и оседлой жизни. Наиболее значительным пунктом был Аксу, который, однако, по выражению историка Мирзы Хайдера, лишь в сравнении с остальными поселениями Моголистана мог считаться городом. Из архитектурных сооружений этой эпохи известна только гробница Туклук-Тимура, которую еще в прошлом веке, по рассказу капитана Унковского (1722 г.), показывали в двух верстах от Алимту; существует ли она теперь, мне неизвестно [26].

Распространение ислама в Моголистане шло медленно. Со времени Туклук-Тимура ханы были мусульманами, но их подданные еще во время походов Тамерлана большею частью оставались неверными. Дочь Хизр-хана, жена Тамерлана, по словам Ибн Арабшаха, была христианкой. В XV в. хан Юнус, получивший воспитание в Персии, ревностно заботился о распространении ислама. Он понимал, что до тех пор, пока его под-

[26] <О ней см. выше, стр. 80.>

данные останутся кочевниками, они всегда будут мусульманами только по имени; поэтому он старался приучить по крайней мере вельмож к городской жизни и сам жил в Кашгаре или в Аксу. Его стремления не имели успеха и возбудили такое неудовольствие среди вельмож, что хан должен был поклясться не жить больше в городах; но все-таки ревность его к исламу имела тот результат, что с тех пор монголы были признаны мусульманами и на монгольских пленных было распространено запрещение продавать правоверных в рабство. Как слабо было влияние Юнуса, видно из того, что его второй сын, Ахмед-хан, еще при жизни отца управлявший восточной частью улуса, остался истым кочевником; его палатка, по словам Бабура, более походила на разбойничий шатер, чем на жилище царя.

О том, когда ислам окончательно вытеснил из Восточного Туркестана буддизм и христианство, мы ничего не знаем. Достоверно известно, что еще в 1420 г. в Турфане был буддийский храм. Память о христианстве долго сохранялась в Средней Азии; еще в 1603 г. владетель города Джалиша (ныне Карашар) в разговоре с миссионером Гоэсом хвалил христианство и сказал, что его предки исповедовали эту религию.

На этом мы и покончим свой краткий очерк. Как мало сделано до сих пор для истории Туркестана, особенно для культурной истории, видно из того, что при археологических открытиях попадаются совершенно неизвестные письмена; в одной рукописи (чагатайский перевод Табари, в С.-Петербургской Публичной библиотеке [27]) мы находим дату, указывающую на совершенно неизвестную нам эру. Географические и естественноисторические исследования русских ученых, особенно исследования Тянь-Шаня, возбудили удивление в Европе, но изучение истории края до сих пор поставлено так, что беззастенчивые путешественники прямо выдумывают исторические факты (чтобы не быть голословным, сошлюсь на книги кн. Ухтомского и г-на Шубинского) [28] или, не имея никаких фактических знаний, обогащают науку новыми теориями и гипотезами. Я думаю, присутствующие [29] согласятся со мной в том, что серьезное изучение истории края еще находится впереди и что главная роль при этой работе должна принадлежать местным деятелям. Не говорим уже о добывании материала, особенно археологического: каждому ясно, что отправление экспедиций из Петербурга требует больших расходов и что местными деятелями те же результаты могут быть добыты с гораздо меньшими издержками. Но и при разработке материала местные деятели находятся в гораздо более выгодных условиях: при непосредственном знакомстве с краем им гораздо легче определить местоположение старых городов, проверить описание торгового пути и т. п. Предоставляю более компетентным лицам решить, при каких условиях возможно осуществле-

[27] ‹Вахиди Балхи, *Та'рӣх*.›

[28] ‹Ухтомский, *От Калмыцкой степи до Бухары*; Шубинский, *Очерки Бухары*.›

[29] ‹Имеются в виду присутствующие на заседании ТКЛА, на котором было зачитано это сообщение.›

ние этих надежд; со своей стороны осмелюсь только указать на первое и главное условие — чтобы единственная в крае публичная библиотека заключала в себе по возможности все печатные издания, важные для изучения географии и истории страны [30]. Наиболее необходимы большие библиографические издания, особенно немецкая «Orientalische Bibliographie», где ежегодно печатается отчет о всех книгах по востоковедению, выходящих на каком-либо европейском языке. Выписывая это издание, заведывающие библиотекой могли бы по крайней мере знать, какие из вновь появившихся книг важны для изучения края; теперь же случается, что библиотека выписывает часть какого-нибудь издания и ничего не знает о выходе его продолжения.

[30] Даже издания Императорских обществ, Археологического и Географического, далеко не все имеются в библиотеке.

ПО ПОВОДУ ХРИСТИАНСКОГО СЕЛЕНИЯ ВАЗКЕРД

В статье «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане» [1] я, между прочим, привел рассказ арабского географа X в. Ибн Хаукаля о христианском селении Вазкерд, расположенном к югу от Самарканда, на горе Савдар. Теперь я убедился, что следует читать Шавдар (буквы *с* и *ш* в арабском алфавите мало отличаются одна от другой и в рукописях часто смешиваются) и что имеется в виду горная цепь, расположенная непосредственно к югу от Самарканда, у подошвы которой находятся города Кара-тюбе и Ургут. Название Шавдар существует и теперь, но прилагается не к горам, а к тюменю, в котором находится самый город Самарканд, и к орошающему этот тюмень арыку. При Бабуре (в начале XVI в.) тюмень, который в это время обнимал все пространство от Зеравшана до гор, уже назывался Шавдаром, но в то же время название это прилагалось и к горной цепи; о крепости Ургут говорится, что она расположена у подошвы горы Шавдар. В переведенном мною отрывке из Ибн Хаукаля местность, в которой находился Вазкерд, описана довольно подробно; среди местной интеллигенции, наверное, найдутся люди, хорошо знакомые с окрестностями Ургута и Кара-тюбе, которые могли бы определить местоположение христианского селения. Было бы интересно произвести осмотр указанной местности; если бы при этом оказались какие-нибудь следы некогда процветавшего здесь христианства, то, конечно, было бы необходимо позаботиться об охране этих древностей [2].

---

[1] ‹См. выше, стр. 98—99.›

[2] ‹Вяткин отождествлял Вазкерд с селением Кингир в районе Ургута (*Материалы*, стр. 37). Позднее около Ургута были найдены сирийские христианские надписи. См. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, — ниже, стр. 258.›

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

В мае 1893 г. я был командирован в Среднюю Азию факультетом восточных языков для исследования памятников древности (развалин, надписей и т. п.), причем я должен был обратить особое внимание на долины Чуйскую (центр различных, сменявших друг друга кочевых государств домонгольского периода) и Илийскую (центр могущества монгольской династии Чагатаидов, сохранивший свое значение при калмыках). Не касаясь издревле культурной и оседлой Трансоксании, я предполагал начать свои исследования с Чимкента, где обыкновенно начинались владения кочевников.

Прежде всего я остановился в Сайраме, который самими туземцами считается древнее прочих окрестных населенных мест и отожествляется с арабским Исфиджабом [1]. В начале периода монгольского владычества Сайрам, по-видимому, был значительным городом; Рашид ад-дин [2] передает со слов видевших его, что от начала до конца города был 1 день пути и что город имел сорок ворот. Особенно древних зданий теперь в Сайраме нет, хотя народ приписывает своим мазарам большую древность; показывают даже могилу богородицы. Туземцы говорили нам, что на холме Чарвак-тепе еще недавно стояла древняя мечеть с красным куполом; здание сильно пострадало от времени, и семь лет тому назад владелец места, некто Кипчак-Хальфа, продал его на слом; теперь от него осталось только несколько кирпичей [3].

Все пространство от Чимкента до Сайрама прорезано высохшими арыками — ясное доказательство, что местность некогда была населена гораздо гуще, чем теперь. К юго-востоку от Сайрама, верстах в 4, есть куча кирпичей, указывающая на развалины. В том же направлении, верст 6 дальше, находится холм Илан-бозган — небольшой курган, 120 шагов

---

[1] Туземная брошюра о Сайраме (*Сайрāм шахрī*) издана Н. П. Остроумовым (Ташкент, 1884); сведения, заключающиеся в ней, имеют почти исключительно легендарный характер и в этом отношении довольно любопытны. Замечательно, что главный распространитель ислама в этих местах, Саманид Исма'ил, в брошюре является предводителем «иранских гяуров» (стр. 21).

[2] Изд. Березина, II, пер., 13.

[3] ‹О древностях Сайрама см.: Иванов, *Сайрам*; М. Массон, *Старый Сайрам*; Бернштам, *Проблемы древней истории*, стр. 73—76. Вопрос об отождествлении Сайрама с Исфиджабом остается открытым.›

длины и 105 ширины; с вершины его открывается великолепный вид на снежные горы; внизу, ближе к горам, расположено селение Сур-Торбат. Теперь на кургане и около него нет никаких следов древнего города, о котором говорит следующая легенда. Однажды в этом городе какая-то старуха доила своих коров на берегу реки; вдруг из реки выползла змея, протянула старухе золотую монету и сказала: «Я каждый день буду приносить тебе столько же, если ты будешь поить меня молоком». Старуха согласилась и скоро разбогатела; узнав об этом, царь спросил ее, откуда взялось ее богатство; она сначала запиралась, потом призналась во всем. Царь не поверил; старуха предложила ему подстеречь появление змеи. Он так и сделал и убедился в истинности слов старухи, но рассердился на нее за ее сношения со змеей [4] и велел обварить их обеих кипящим маслом. После этого змеи преследовали жителей до того, что принудили их выселиться [5]; царь бежал в Самарканд, но погиб там от укушения змеи, которая проникла туда вместе с его стадами, скрывшись в бараньем роге.

Вообще все развалины Чимкентского уезда находятся несколько восточнее нынешней почтовой дороги; только от селения Тюлькю-баш развалины и курганы начинают встречаться у самого тракта. После Сайрама и окрестностей следующим интересным местом были развалины Кабал-булак на реке Аксу, версты $2^1/_2$ выше Беловодской станции. Название Кабал-булак собственно носит ряд ключей, вытекающих из горы близ развалин; судя по вкусу воды, в ней есть некоторые минеральные примеси. Местность представляет ряд естественных холмов, которыми пользовались для искусственных сооружений. Крайний холм, имеющий около 550 шагов в окружности и круто обрывающийся к берегу Аксу, покрыт старыми, хорошо обожженными толстыми кирпичами; если здесь была крепость, то она господствовала над всей долиной реки. Недалеко от холма мы нашли кусок толстой водопроводной трубы; кроме того, в окрестностях много кирпичей. На другом холме видны остатки вала с признаками ворот.

Селение Тюлькю-баш получило свое название от соседней горы, которая служит предметом религиозного культа; на вершине ее киргизки, желающие иметь детей, приносят жертвы какому-то святому, выставляют головы жертвенных животных и вешают куски материи на шесты. Эта гора, по-видимому, принадлежит к тем местам поклонения, которые обязаны своим значением не мусульманским святым, а своему внешнему виду, чем-нибудь действующему на воображение людей. По всей вероятности, эти места почитались еще до ислама, и мусульманские святые были придуманы впоследствии; даже имена святых неизвестны народу, который называет их просто Тюлькю-баш-Ата, Чикпак-Ата, Тек-турмасы-Ата и т. п. Гора Тюлькю-баш, как видно уже из названия, по виду напоминает лисью голову; она состоит из нескольких террас, орошенных арыками. Местные

[4] И теперь еще каждый сарт, поймавший змею, хотя бы самую безвредную, считает своим долгом убить ее; может быть, это — остаток зороастризма.

[5] Отсюда и название кургана — Илан-бозган 'Разрушенный змеями'.

жители говорили мне, что название Тюлькю-баш есть искажение слов تركلرنى باشى 'глава тюрков'; здесь некогда жил тюркский хан. Этимология, конечно, искусственная, но предание во всяком случае любопытно. Недалеко от селения есть холм с кирпичами от какого-то здания, построение которого туземцы приписывают калмыкам; последним, как известно, предание приписывает почти все древние постройки в этих местах. Все здание, по-видимому, имело 200 шагов в окружности; кирпичами местные жители пользуются теперь для своих построек.

Скоро после селения Тюлькю-баш начинается плоскогорье, всегда бывшее любимым местом кочевников и в VII и VIII вв. служившее летней резиденцией тюркским ханам. Название главного кочевья было Мын-булак 'Тысяча ключей'. Северцов [6] на основании рассказа Сюань Цзана приурочил Мын-булак к истокам реки Куюк, на вершине перевала того же имени. Но из арабских известий ясно следует, что Мын-булак находился западнее реки Терс. Мы читаем у Ибн Хордадбеха [7]: «В селении Абарджадж есть холм, вокруг которого бьет из земли 1000 ключей; они образуют реку, текущую на восток и потому называемую рекой, текущей в обратном направлении. Берег реки находится в 6 фарсахах оттуда». Под «рекой, текущей в обратном направлении» можно понимать только Терс, который один из всех местных рек течет на восток; отсюда и его тюркское название (*Терс* 'Обратно'). Мын-булак можно приурочить только к ключам Чакпак, около селения того же имени, хотя расстояние между ними и берегом Терса по нынешней дороге не так значительно. Из ключей Чакпак вытекает не сама река Терс, но один из ее притоков. Около ключей много древних курганов и могил; над селением есть мазар святого Чакпак-Ата; вероятно, религиозный культ вызван здесь причудливыми формами скал из конгломерата.

Прибыв в Аулие-Ата, мы получили некоторые сведения от уездного начальника В. А. Каллаура и на основании их решили осмотреть долину Таласа. Здесь замечательнее всего развалины Садыр-курган, непосредственно к югу от Капкинского ущелья, на левом берегу Таласа, около поселка Александровки. Хорошо сохранились вал города и вал цитадели; первый имеет около 10 верст в окружности, второй — около 3 верст. Местность покрыта холмами, на которые иногда поднимается вал. Цитадель была расположена в северной части города, ближе к ущелью; вал ее начинается почти от берега Таласа и поднимается на довольно высокий холм. На вершине холма вал, конечно, лучше всего сохранился; здесь видны ворота, несколько башен на валу и сторожевая башня внутри крепости, к которой ведет тропинка прямо от ворот. Внутри цитадели, на равнине, есть еще небольшой четырехугольный вал; в середине его находится восьмиугольное искусственное возвышение. Вал был возведен из земли

[6] *Путешествие по Туркестанскому краю*, стр. 41—42.
[7] Ибн Хордадбех, текст, 28; Кудама, текст, 204—205.

и камней, особенно сланца, который вставлен правильными рядами. Вся низменная часть города и некоторые террасы холмов прорезаны арыками, которые заходят далеко за черту города. Внутри огороженного пространства во многих местах лежат кирпичи и черепки; также видны признаки древних могил. Туземцы говорят, что в этом городе жил какой-то царь Кара-баш.

Развалины Кутумиш и Ак-тепе, по словам туземцев, представляют остатки китайских городов. Кутумиш находится у самого Капкинского ущелья, немного к северу от него; на пространстве около одной квадратной версты лежат кирпичи, не представляющие ничего замечательного. Развалины Ак-тепе находятся верстах в 60 от Аулие-Ата, за рекою Ур-мурал (на карте Уюрл-мурал); на самом месте развалин расположен теперь немецкий поселок Орлов, почему вал здесь сохранился гораздо хуже, чем в Садыр-кургане. Вал имеет около 7 верст в окружности; на всем пространстве множество могил; говорят, что почти везде, где бы ни копать, можно наткнуться на кости. Мы видели несколько разрытых могил; они расположены нишами, одна возле другой; небольшие склепы сложены из сырцовых кирпичей и сверху засыпаны землей; могилы обращены с севера на юг. Внутри огороженного пространства находят кирпичи (обыкновенно в земле), монеты, украшения и части сосудов. Немцы дали нам две монеты с арабскими, отчасти куфическими письменами; на одной монете есть даже имя хана; к сожалению, буквы значительно стерлись, так что я не мог разобрать имя (слово خان видно ясно). Старых арыков в Ак-тепе нет, так что здесь, вероятно, был не настоящий город, а только стан кочевников [8].

Трудно сказать, каким именно городам, упоминаемым средневековыми географами, соответствуют осмотренные нами развалины. Особенно важно определить местоположение древнего Таласа, который упоминается уже в VI в. (у Земарха) и уже в следующем столетии (при Сюань Цзане) был значительным торговым пунктом. Его отожествляли то с развалинами Тоймакент [9] (на правом берегу реки Талас, ниже Аулие-Ата, среди песков Муюн-кум), то с нынешним местечком Талас [10] (на реке Кара-буре). Но из слов Макдиси [11] прямо следует, что Талас был расположен на большой реке, притом на левом берегу ее. Едва ли Кара-бура когда-нибудь заслуживала названия большой реки. Так же мало можно отожествить Талас с какими-нибудь из виденных нами развалин; через Талас всегда проезжали путешественники, ехавшие из Западного Туркестана в Восточный (или обратно) по обыкновенному пути, мимо Александровского хребта;

---

[8] ‹В действительности Ак-тепе у Орловского — типичное средневековое городище, отождествляемое исследователями с Кулем. О раскопках Ак-тепе см. Бубнова, *К истории средневековой горной промышленности.*›

[9] Schuyler, *Turkistan*, vol. II, p. 121.

[10] Tomaschek, WZKM, Bd CXI, S. 106.

[11] Макдиси, 274.

им не было никакого основания сворачивать на юг, в долину верхнего Таласа. Приходится прийти к заключению, что Талас находился как раз на месте нынешнего Аулие-Ата [12]. В долине Таласа, судя по описанию Макдиси [13], был значительный город Шельджи, в котором было много иностранных купцов; Макдиси передает по слухам, что одних исфаханцев в нем было до 10 000 (цифра, конечно, преувеличенная). Возможно, что развалины Садыр-курган представляют остатки того города.

Несчастный случай не позволил мне, по крайней мере в нынешнем году, проникнуть дальше долины Таласа. Фотографии и описание развалин, расположенных на пути от Аулие-Ата до Верного и вокруг Иссык-Куля, вероятно, будут скоро изданы С. М. Дудиным, который вместе со мною был командирован Академией наук.

При последней командировке главным образом имелось в виду отыскание различных надписей, преимущественно домусульманских. К сожалению, нам нигде не удалось встретить древние могильные камни с надписями; если они существуют, то находятся в горах и не могут быть отысканы без проводника. Туземцы решительно отказывались проводить нас и рассказывали об этих камнях всякие ужасы. На горе Давдава (16 верст от селения Машат) будто бы есть глубокая пропасть, в которой лежит глиняный могильный камень; несколько сартов отправились туда; один из них спустился в пропасть на аркане в 14 аршин длиной, но аркан оказался коротким; сарт испугался и стал кричать, чтобы его подняли наверх, что и было исполнено (рассказ я слышал от одного из участников этой экспедиции). В селении Тюлькю-баш мне говорили, что в 5 верстах от селения есть пещера и в ней камень с изображением змеи, пожирающей человека; из пещеры постоянно выходит дым. Пятеро русских из какой-то деревни были там, но испугались дыма и вернулись назад. Так нам рассказали сарты; наши справки в окрестных русских деревнях остались тщетными. Нежелание туземцев показывать подобные камни отчасти происходит от того, что они в таких местах всегда подозревают существование клада.

---

[12] ‹В настоящее время отождествление Таласа — Тараза с Джамбулом (бывшее Аулие-Ата) не оставляет сомнений. За советское время крупнейшее средневековое городище в Джамбуле изучалось в историко-археологическом и историко-топографическом отношении в 1925—1927 гг. М. Е. Массоном (см. Умняков, *Археологическая и ремонтно-реставрационная работа*, стр. 268—269), в 1936—1939 гг. — экспедицией А. Н. Бернштама (Бернштам, *Памятники*). Об этом городище см. также Ремпель, *Некрополь*.›

[13] Макдиси, 270.

МЕЧЕТЬ БИБИ-ХАНЫМ

В дополнение к заметке проф. Н. И. Веселовского, помещенной в «Туркестанских ведомостях» [1], мне хотелось сказать несколько слов о постройке знаменитой мечети, которой в нынешнем году исполняется 500 лет. В истории Тимура, написанной Шереф ад-дином Йезди [2], мы находим об этом следующие известия. После своего похода в Индию, во время которого он разрушил множество языческих храмов, Тимур решил совершить еще другое богоугодное дело — построить в своей столице обширную мечеть, которая могла бы вместить всех ее правоверных обитателей. Торжественный въезд Тимура в Самарканд с победоносным войском состоялся во вторник 21 ша'бана 801/29 апреля [3] 1399 г.; для заклада мечети был выбран день воскресенья 4 рамазана/11 мая. В самом здании работали 200 каменщиков из Азербайджана, Фарса, Индии и других областей; в горах были заняты 500 человек, которые должны были добывать камни и отвозить их в город. Для перевозки камней служили 95 слонов [4], вывезенных из Индии; камни перевозились также на телегах, запряженных быками. Целый ряд мастеров и ремесленников, собранных со всех концов света, принимали участие в работах; высший надзор был поручен царевичам и эмирам. Часто при работах присутствовал сам Тимур; большую часть времени он проводил в находившемся недалеко от этого места медресе Ханым [5] и в ханкахе Туман-ага [6]; здесь он производил суд и решал госу-

[1] Веселовский, *Мечеть Биби-ханым*.

[2] Шереф ад-дин Йезди, II, 195—199, 597—598; пер. Пети де ля Круа, III, 178—182; IV, 177—178; Эварницкий (*Путеводитель*, стр. 79—82) мог пользоваться только французским переводом, чем объясняется значительная часть допущенных им неточностей.

[3] Пользуюсь таблицами Вюстенфельда, причем принимаю во внимание также дни недели.

[4] В подлиннике «95 цепей слонов», т. е. 95 слонов, закованных в цепи (см. Zenker, *Wörterbuch*). У г-на Эварницкого ошибочно «95 караванов слонов».

[5] Сарай-Мульк-ханум, старшая из жен Тимура, была дочерью чагатайского султана Казана; Тимур женился на ней в 1370 г., после поражения и смерти ее первого мужа, эмира Хусейна, соперника Тимура. Народное предание, по которому эта царица была дочерью китайского императора, не имеет исторического основания; также неосновательно, что Тимур велел построить мечеть на ее могиле (СКСО, вып. I, 1893, отд. II, стр. 22): царица пережила Тимура.

[6] Туман-ага, племянница Сарай-Мульк-ханум (дочь эмира Мусы), родилась в 1366 г., т. е. была на 30 лет моложе Тимура. Тимур женился на ней в 1378 г. (Шереф

дарственные дела. Вокруг здания было 480 каменных [7] колонн, вышиной в 7 гязов (метров); внизу и вверху их были каменные плиты, так что вышина здания до крыши достигала 9 гязов [8]. «Купол был бы единственным, если бы его соперником не был небесный свод». В каждом из четырех углов мечети был поставлен минарет. Большие бронзовые [9] ворота состояли из семи частей [10]. Стены здания с внешней и внутренней стороны были украшены надписями из Корана.

Время окончания постройки у Шереф ад-дина не указано; из надписи, сохранившейся на самом здании, видно, что оно было окончено в 806/1403-04 г., т. е. в то время, когда Тимур еще находился в Персии. Вернувшись в Самарканд летом 1404 г., Тимур осмотрел мечеть и нашел переднюю стену [11] слишком низкой и короткой; она была заменена новой, более обширной и высокой [12]; ходжа Махмуд-Давуд, один из двух министров [13], управлявших государством в отсутствие Тимура (очевидно, ему было поручено наблюдение за постройкой), был привлечен к ответственности за такое упущение. Снова Тимур для наблюдения за постройкой стал проводить время в медресе Сарай-Мульк-ханум и здесь производить суд и расправу; Махмуд-Давуд и его товарищ Мухаммед-Джельд были обвинены в лихоимстве и по приказанию Тимура повешены в равнине Кан-и гиль [14]. По рассказу испанского посла Клавихо [15], бывшего в Самарканде во время постройки, сам Тимур «в это время был уже болен и не

ад-дин Йезди, I, 292; пер. Пети де ля Круа, I, 298; в книге г-на Эварницкого *Путеводитель*, стр. 66, ошибочно указан 1377 г.).

[7] По словам Хафиз-и Абру (Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 16), колонны были из мрамора,что неверно.

[8] У Хафиз-и Абру — 10.

[9] Слова «бронзовые» нет в подлиннике, по крайней мере в калькуттском издании; но существование таких ворот подтверждается другими известиями. Бронзовые ворота мечети были перелиты бухарским эмиром Хайдером (1800—1826) в медную монету (Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 104).

[10] В подлиннике *джуш* (собств. 'кольцо'). ‹В действительности это место следует понимать в том смысле, что ворота были сделаны из сплава семи металлов. См. ниже, стр. 241.›

[11] В подлиннике *дергах*; это слово обыкновенно означает 'ворота дворца; портик, двор' (в переносном смысле); здесь оно, очевидно, должно обозначать ту часть стен мечети, где находились ворота (или арку). Догадка Н. Н. Щербины-Крамаренко (*По мусульманским святыням*, стр. 57), относившего к мечети Биби-ханым рассказ Клавихо (изд. Срезневского, 319), таким образом вполне подтверждается; *дергах* Шереф ад-дина несомненно есть то же самое, что portada у Клавихо. Французский перевод («tribune», у г-на Эварницкого «трибуна») во всяком случае неверен.

[12] ‹Скорее всего, эта предполагавшаяся перестройка портала не была завершена. См.: Пугаченкова, *К вопросу о реконструкции*, стр. 112—113; Ратия, *Мечеть Биби-ханым*, стр. 29.›

[13] «Архитектором» он назван только во французском переводе (и у г-на Эварницкого).

[14] О местоположении ее см. *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 35—36.

[15] См. выше, прим. 11.

мог двигаться ни пешком, ни верхом, а только в носилках; и он приказывал каждый день носить себя туда на носилках и оставался там часть дня, торопя работою. Потом он приказывал приносить туда вареного мяса и бросать его тем, которые работали в яме, точно как собакам; иногда он сам своими руками бросал мясо и так возбуждал рабочих, что на удивленье; иногда же приказывал бросать в ямы даже деньги. За этой постройкой работали день и ночь; она прекратилась оттого, что начал падать снег».

Гордые слова Хафиз-и Абру, что «до конца мира, несмотря на чередование месяцев и годов, рисунки не могут стереться, и все здание обеспечено от разрушения», теперь звучат как бы иронией; не нашлось людей, которые бы позаботились о поддержании памятников. Насколько нам известно, ремонт построек эпохи Тимура и Тимуридов был произведен только вторым выдающимся «строителем» Средней Азии, бухарским ханом Абдуллой. По словам его историка Хафиз-и Таныша, Абдулла, посетив Самарканд в пятницу 5 зу-л-хиджжа 987/22 января 1580 г., тотчас осмотрел знаменитые здания города; везде, где он замечал признаки разрушения, он приказывал приступить к ремонтным работам [16]. Эти работы, по-видимому, не были еще закончены в то время, когда историк писал свой труд, т. е. в 1587 г., как видно из его слов, что Самарканд теперь достиг высокой степени процветания, что отдан приказ поправить постройки «великого эмира» и его потомков, уже начавшие разрушаться, и что министр Кул-Баба Кукельташ усердно занят этим [17]. Более подробных известий о предпринятых по приказанию Абдуллы ремонтных работах мы не имеем; может быть, ближайшее исследование памятников покажет, какие части зданий должны быть отнесены к концу XVI в.

---

[16] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, л. 277б.

[17] Там же, л. 231б.

ЕЩЕ О САМАРКАНДСКИХ ОССУАРИЯХ

В январе этого года Н. И. Веселовский сделал доклад «О находке глиняных гробов в Самарканде» [1]. Незначительная величина гробов не оставляла сомнения в том, что «гробы предназначались не для целого покойника, а лишь для костей», поэтому докладчик предлагал называть такие сооружения костехранилищами (ossuarium). Докладчик высказал мнение, что тела покойников клались, как в Персии, на дахмы, где мясо трупов пожиралось птицами, а кости потом хоронились в упомянутых гробиках. Против такого предположения высказались некоторые из присутствовавших, но при этом не было обращено внимания на то, что мы вообще не находим вполне однообразного способа погребения у различных ветвей иранского племени; даже политическое объединение иранского мира под властью Ахеменидов не привело к культурному единству.

Насколько восточные иранцы в культурном отношении отличались от западных, видно из слов Страбона, что обычаи согдийцев и бактрийцев в древности (т. е. как видно из дальнейшего, до Александра Великого) мало отличались от обычаев кочевников; нравы бактрийцев были сравнительно мягче, но и о них историки Александра Великого, Онесикрит и другие (οἱ περὶ Ὀνεσίκριτον), рассказывали, что они изнуренных болезнью или старостью бросали еще живыми собакам, которые содержались специально для этой цели; для обозначения этих собак существовал особый туземный термин, имевший на местном языке значение 'могильщики' (ἐνταφιασταί). Окрестности столицы бактрийцев были на вид чисты, но пространство внутри города большей частью было наполнено костями. Только Александр Великий уничтожил этот обычай [2]. Трудно сказать, был ли у бактрийцев действительно тот варварский обычай, о котором здесь говорится [3]; во всяком случае, подробности рассказа заставляют думать, что тела умерших отдавались собакам и что кости не убирались вовсе. О другом варварском народе, о каспийцах, говорится, что они предоставляли голодной смерти стариков, которым было свыше 70 лет, трупы выносили в пустыню и из-

[1] ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. II—IV.

[2] Strabo, XI, 11, 3.

[3] ‹В. В. Струве (*Родина зороастризма*, стр. 32) считает, что в этом сообщении Онесикрита отразились злостные измышления части местного населения, придерживавшейся иного способа захоронения.›

дали наблюдали за ними; если труп стаскивался с носилок (κλίνη) птицами, то это считалось хорошим знаком, если зверями или собаками, то этим были менее довольны, если же никем, то это считалось несчастьем [4]. О том, какой обряд погребения применялся бактрийцами после того, как древний их обычай был уничтожен Александром, у Страбона не говорится; ответ на этот вопрос дают, может быть, слова Юстина [5] о парфянах: «Погребение у них обыкновенно заменяется растерзанием трупов птицами или собаками; голые кости потом засыпают землей» (sepultura vulgo aut avium aut canum laniatus est; nuda demum ossa terra obruunt) [6].

Таким образом, мы пока не имеем основания полагать, что в Средней Азии в домусульманское время вообще воздвигались дахмы [7]. Исходя из тех же основных начал, как и погребальные обряды персов, погребальные обряды в восточной части иранского мира пережили самостоятельную эволюцию; как показывают известия о бактрийцах и парфянах, эта эволюция могла привести к тому способу погребения, о котором свидетельствуют найденные гробики. По-видимому, этот способ представляет уже некоторое дальнейшее развитие по сравнению с описанным у Юстина парфянским обычаем. Слова «terra obruunt» скорее указывают на простое зарывание костей в землю, чем на погребение их в особых гробиках, хотя Укерт [8] при передаче слов Юстина счел возможным употребить глагол bestatten ('хоронить'). Кроме того, приведенный мною, по поводу доклада Н. И. Веселовского, рассказ Табари [9] и Нершахи [10] об убиении бухархудата заставляет полагать, хотя и не говорит этого с полной определенностью, что в Средней Азии в VIII в. очищение костей от мяса уже не предоставлялось животным, но производилось людьми с помощью ножей или других острых орудий немедленно после наступления смерти; на это особенно указывает глагол بشّط в словах Табари: فبشّطوا عنه لحمه. Подобный обычай, насколько мне известно, упоминается только у одного из народов, может быть иранского происхождения, именно у жившего около Дербента народа зирихгеран, т. е. «выделыватели панцирей», потомками которых считают кубачей, живущих в южной части Дагестана, в Дербентском уезде.

О прошлом этого народа и о его обычаях говорится в статьях Френа [11] и Дорна [12], напечатанных в академическом «Bulletin», и в статье

[4] Strabo, XI, 11, 8.

[5] Just., XLI, 3.

[6] ‹О парфянских погребальных обрядах см. М. Массон, *Народы и области*, стр. 55—56.›

[7] ‹С. П. Толстов (*По древним дельтам*, стр. 115) сообщает об обнаружении в Хорезме сооружений, использовавшихся в качестве дахм.›

[8] *Geographie der Griechen und Römer*, T. II, Abt. 2, S. 592.

[9] Табари, II, 1694.

[10] Изд. Шефера, 60.

[11] *Über ein merkwürdiges Volk*, S. 33—45.

[12] *Auszüge*, S. 700 sq.

гр. А. С. Уварова [13]; на последнюю статью уже обратил внимание г-н Комаров по поводу сообщения Н. И. Веселовского. Из этих статей видно, что о зирихгеранах говорят многие арабские писатели, начиная с Балазури и Мас'уди, но что все известия об их погребальных обрядах восходят к автору XII в., к сожалению довольно сомнительному, Абу Хамиду ал-Андалуси, или ал-Гарнати. Рассказ этого писателя приведен на немецком языке в статье Дорна и на русском в статье гр. Уварова [14], который в этом случае не называет своего источника, но несомненно взял этот рассказ у Дорна [15], на которого ссылается в другом месте. Арабский текст до сих пор не был издан [16]. Гр. Уваров неправильно понял слова Френа и потому ошибочно предположил, что о погребальных обрядах зирихгеранов говорит уже Мас'уди; на самом деле эти известия приводятся у Френа только со слов Казвини, с приложением арабского текста, и сводятся к следующему.

Зирихгераны жили в двух селениях, расположенных на высоком холме, выше Дербента; в каждом из селений было два больших подземных помещения, наподобие погребов (سراديب), одно для мужских, другое для женских трупов; в каждом из них находилось несколько мужчин с ножами (سكاكين); когда к ним приносили трупы, они очищали их от мяса и извлекали мозг из костей; кости собирались и сухими и чистыми клались в мешок (كيس), именно кости богатых — в мешок из парчи (ديباج), кости бедных — в мешок из небеленой ткани (كيس خام, у ал-Гарнати اكياس الخام); на мешке писали имена умершего и его родителей, время его рождения и смерти и вешали мешок в том же помещении. Мясо мужских трупов относилось на холм, расположенный вне селения, и отдавалось черным воронам (الغربان السود); других птиц отгоняли от холма стрелами. Мясо женщин на другом холме отдавалось коршунам (الحداة), причем также отгонялись другие птицы.

Для этого рассказа Казвини рассказ ал-Гарнати несомненно является главным, по всей вероятности даже единственным источником.

Дорн отмечает один пункт разногласия между обоими рассказами: ал-Гарнати помещает деревни зирихгеранов «у подошвы высокой горы» [17],

---

[13] *Курганы с расчленением.* ‹В настоящее время погребения, вскрытые А. С. Уваровым, относятся ко II тысячелетию до н. э. (Мунчаев — Смирнов, *Археологические памятники*, стр. 159).›

[14] *Курганы с расчленением*, стр. 73.

[15] Что гр. Уваров переводил с немецкого, особенно ясно видно из неверной передачи фразы «Das ist aber eitel Zauberei» (Dorn, *Auszüge*, S. 703) посредством «все это было только тщеславное колдовство».

[16] ‹Текст *Туҳфат ал-албāб* издан в 1925 г.; см. Гарнати, изд. Феррана.›

[17] Гора, по словам ал-Гарнати (не приведенным у Дорна), находилась к западу от Дербента, что соответствует местоположению нынешних аулов кубачей, как и слова Мас'уди (*Мурӯдж*, II, 40), что страна зирихгеранов находилась по соседству со страной кумыков (غميك).

Казвини — «на высоком холме» [18]. У Казвини есть некоторые подробности, которых нет у ал-Гарнати; так, ал-Гарнати говорит. что на мешке писали имя покойника, Казвини прибавляет, что писали также имена его родителей, время его рождения и смерти. Ал-Гарнати не говорит также, что очищение костей от мяса производилось именно ножами и что мясо трупов для отдачи птицам относилось на холмы. Но все это еще не дает права утверждать, что Казвини кроме ал-Гарнати пользовался еще другими источниками, так как из приведенного в статье Дорна описания рукописи Азиатского музея и сравнения ее с другими рукописями [19] видно, что все дошедшие до нас экземпляры сочинения ал-Гарнати являются только сокращенными редакциями этого труда, тогда как в руках Казвини мог находиться полный экземпляр.

Археологические находки пока не вполне подтверждают рассказ ал-Гарнати; судя по курганам, описанным в статье гр. Уварова, кости не хранились в мешках, а погребались в особо устроенных гробницах, причем клались на камни. Ал-Гарнати, по-видимому, сам не был в стране зирихгеранов, а только слышал рассказы о них в Дербенте. Остается надеяться, что мы когда-нибудь получим возможность проверить рассказ ал-Гарнати на основании более достоверных источников и получим также более подробные известия о погребальных обрядах среднеазиатских арийцев, чем слова Табари и Нершахи.

Пока кроме слов этих историков можно привести только известие китайской «Истории Северных Дворов» [20], перешедшее также в «Историю династии Суй» [21]: здесь о царстве Ши, т. е. о Ташкенте, говорится, что в определенные дни ставили на престол золотую урну с пеплом костей покойных родителей владетеля, потом обходили вокруг престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. По этим словам, по крайней мере в русском переводе, можно заключить, что в Ташкенте в то время был обычай сожжения трупов; возможно, что мы имеем здесь ошибку со стороны китайского автора или русского переводчика, но возможно также, что обряды погребения местных тюркских владетелей отличались от обрядов, господствовавших среди туземного арийского населения [22].

---

[18] Другое разногласие, отмеченное Дорном (*Auszüge*, S. 701, Anm. 35), на самом деле не существует: и ал-Гарнати, и Казвини оба говорят, что для мужских и женских трупов были особые помещения, но что операция расчленения трупов в обоих помещениях производилась мужчинами. Странные слова немецкого перевода, будто птицы, кроме коршунов, отгонялись от женских трупов ножами, также не подтверждаются текстом, где ясно стоит بالنشاب ('стрелами').

[19] Dorn, *Über zwei Arabische Werke*, S. 675—677; idem, *Auszüge*, S. 685—688.

[20] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 184.

[21] Там же, 197.

[22] О тюркском погребении см. Бичурин, *Собрание сведений*, I, 269—270; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 59—60.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст Абу Хамида ал-Андалуси по рукописи Аз. муз. 593а

(л. 145a) وذكر ان بالغرب من دربند جبل عظيم وفى اسفله قريتان فيهما امّة يقال لها زربةكازان [زربهكاران .чит] معناه صنّاع الدروع يتخذون جميع آلات الحرب من الدروع والجواشن والخود والسيوف والرماح والقسى والنشاب والخناجر وانواع آلات النحاس جميع نسآهم واولادهم وعبيدهم وجواريهم يتخذون هذه الصناعة كلها وليس لهم حرث ولا زرع ولا بساتين وهم اكثر الناس خيرا ومالا وتقصدهم جميع الناس بجميع النعم من جميع الآفاق وليس لهم دين ولا يعطون جزية واذا مات لهم ميت ان كان رجلا سلموه للرجال فى بيوت تحت الارض (л. 145б) يقطعون اعضآء الميت وينقون عظامه من اللحم والمخ ويجمعون لحمه ناحية فيطعمونه للغربان السود ويقفون بالقسى والنشاب يمنعون الحديان من لحمه وغيرهم من الطير وان كانت امراة سلموها لرجال اخرين تحت الارض يخرجون لحمها عن عظمها ويطعمونه للحديان دون ساير الطير ويقفون بالنشاب ويمنعون غيرهم ان يدنوا من لحمها ولقد قلت للامير عبد الله ابن ابى بكر الخ

. . . وما ذلك الا سحر منهم الرجال الذين يخرجون عظام الموتى ويجعلون عظامهم فى اكياس الاغنيا والسادة اكياسهم من الديباج (л. 146a) والذهب والعبيد والجوارى فى اكياس الخام ويعلقونها فى البيوت ويكتبون على كل كيس اسم صاحب ذلك العظم وهذا عجب عظيم

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии
Год пятый (11 декабря 1899 года—11 декабря 1900 года)

Ташкент, 1900. 72 стр. 8°

На страницах «Записок Восточного отделения» не раз были отмечены плодотворные труды Туркестанского кружка, который уже в первые годы своей деятельности успел обратить на себя внимание специалистов. В настоящем выпуске помещены протоколы двух заседаний и в приложениях к ним следующие статьи: 1) В. Каллаур, «Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 году» (с приложением плана крепости Саганак, или Сунак, и плана сохранившегося в древнем городе кирпичного здания; 2) «Сведения о гор. Сунаке» (на сартском наречии; имя автора не приведено); 3) Н. Пантусов, «Алтын-Эмельская волость Капальского уезда»; 4) Н. Пантусов, «Ущелье Теректы и р. Коксу близ выселка Джангыз-Агача Капальского уезда»; 5) Н. Джетбысбаев, «Слово „муг", курганы и каменная баба»; 6) «مغ ديكان خلق‌لار خصوصيده» (историческая справка члена кружка Мулла-Алима); 7) В. Лаврентьев, «Краткий перечень бугров (курганов), находящихся в черте г. Аулие-ата» (приложен «план территории г. Аулие-аты с находящимися на ней курганами»); 8) «Кяфир-мури» (из письма Н. Ф. Ситняковского к Н. П. Остроумову; приложен чертеж кяриза Кяфир-мури и пещеры близ него, в окрестностях Самарканда); 9) Н. Ситняковский, «Бухарские святыни» (мазар Беха ад-дина, с планом); 10) Н. Руднев, «Следы древних городов по Сыр-Дарье» (перепечатано из №№ 15, 16 и 17 «Туркестанских ведомостей» за 1900 г.; приложен план развалин Сюткента); 11) «Археологический кружок. Сообщение Асхабадской администрации» (из газеты «Асхабад», 1900 г., № 47); 12) «Археология в Закаспийском крае» (из той же газеты); 13) Н. Маллицкий, «Надпись из Рушана (Inscriptio Ruschanensis nov. reperta)»; 14) Н. Маллицкий, «Таарих андижанского восстания» (перепечатано из № 26 «Туркестанских ведомостей» за 1899 г.).

Из приведенного оглавления видно, насколько разнообразно и ценно в научном отношении содержание нового выпуска «Протоколов». Статьей г-на В. Лаврентьева положено начало удовлетворению одной из потребностей, на которые указал С. Ф. Ольденбург в своей рецензии на один из

прежних выпусков [1]. Кроме этой статьи с особенной благодарностью отмечаем статью г-на Каллаура, впервые давшего нам план интересных развалин Саганака, или Сыгнака [2], и впервые, по-видимому правильно, определившего местоположение города Ашнаса (ныне развалины Асанас в Головачевской волости, на левой стороне Сыр-Дарьи, в низовьях арыка Ак-арык, в 25 верстах от берега реки и в 30 верстах от станции Бер-Казан). В конце статьи упоминаются «развалины древнего города Кыскала (Гыш-кала), т. е. каменный город (?), на левом берегу р. Сыр-Дарьи против г. Перовска, в верстах 25—30, на урочище Тумар-уткуль, в верстах 4 от местности Хан». Автор высказывает предположение, что здесь был город Дженд, и выражает намерение осмотреть и описать развалины [3].

Неудачными кажутся нам соображения г-на Джетбысбаева, уже опровергнутые его сочленами (в протоколе № 1 и в справке Мулла-Алима), и заметка г-на Маллицкого о рушанской надписи. Вопреки мнению г-на Маллицкого едва ли можно утверждать, что «надпись характеризует строй общины рушанских горцев во второй половине XVIII столетия» и что в имени «заведывавшего работами ничтожного перед чертогом (Господним) Ша Гадо» (по справедливому объяснению переводчика «буквально князь-нищий») слово *Ша* не есть часть имени, а обозначает «потомка феодальной аристократии края». Перевод надписи также не вполне удачен; переводчик не понял выражения دل خاك и последнее слово второй строки хронограммы خاکی принял за арабское причастие حاکی (от حکی 'рассказывать'). Весь перевод хронограммы должен быть исправлен следующим образом: «О Али, ты — царь небес; о Али, ты — утешитель сердца, поверженного в прах; о Али, мы разорены и удручены горем; мы схватили рукою полу Али».

---

[1] Ольденбург, ЗВОРАО, т. XII, стр. 027.

[2] Чтение Саганак, принятое г-ном Каллауром, как до него Лерхом (*Археологическая поездка*, стр. 11—12), на основании рассказов туземцев, сомнительно; по законам тюркской фонетики из слова Саганак едва ли могло образоваться нынешнее Сунак. Вокализованные рукописи дают чтение Сыгнак; на подобное же чтение указывает размер персидских и тюркских стихов в справке туземца, причем первые, по-видимому, заимствованы из какого-нибудь средневекового источника. Заметим еще, что, вопреки словам туземца, город не пролежал в развалинах со времени Чингиз-хана. До нас дошло значительное число монет XIV в., чеканенных в этом городе; в конце того же столетия современник Тимура Урус-хан украсил город постройками (Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 233а: نمود عمارتی ترتیب. ‹См. также Якубовский, *Развалины Сыгнака.*›).

[3] Это намерение теперь приведено в исполнение: 11 сентября 1900 г. г-н Каллаур читал в собрании Кружка доклад *О развалинах древнего города Дженда.* (ТВ, № 72 ‹хроника›). Наша рецензия уже была сдана в печать, когда мы получили продолжение «Протоколов» за пятый год (стр. 73—122), где, между прочим, помещена статья г-на Каллаура *О следах древнего города «Дженд»* (стр. 78—89). Описание городища (3 версты в длину, $2^1/_2$ в ширину; здания из жженого кирпича; были найдены кирпичи с изразцами и барельефами) и его положения (у соединения дорог в Бухару и Хорезм), на наш взгляд, подтверждает мнение г-на Каллаура. ‹В настоящее время преобладает точка зрения о соответствии Дженду развалин Джанкала, расположенных в 115 *км* к юго-западу от города Кзыл-Орда. См. *Археологическая карта Казахстана*, стр. 225.›

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ

В статье г-на В. В., помещенной в № 29 «Самарканда» [1], между прочим, затронут любопытный и еще мало выясненный вопрос, насколько в Средней Азии в настоящее время развит промысел изготовления и сбыта поддельных предметов древности. Многое успело измениться с тех пор, как проф. Н. И. Веселовский (в 1887 г.) поместил в специальном органе статью под заглавием «Существует ли в Средней Азии подделка древностей» и ответил на этот вопрос безусловно отрицательно. В то время туземцы еще не знали о существовании людей, покупающих предметы древности по высокой цене, нисколько не соответствующей их металлической стоимости; из находимых в земле предметов ценились только монеты, золотые и серебряные вещи; были известны только самые грубые приемы подделки вроде позолочения серебряной монеты. Теперь слово «антик» вошло в язык местных таджиков и узбеков; приезжий при первом своем появлении на Ригистане, часто еще раньше, в номерах, становится предметом приставаний скупщиков древностей, усвоивших французский язык настолько, чтобы к иностранному туристу обращаться на этом языке с вопросом: «Не угодно ли древностей, господин?». Усвоив понятие об «антиках» и убедившись в их выгодном сбыте, сметливый туземец в искусстве подделывать их едва ли отстанет от греков и итальянцев, и если в настоящее время, по замечанию г-на В. В., в Средней Азии сбываются преимущественно подделки, привезенные из других стран, а не изготовленные на месте, то появление на рынке последних может быть только вопросом весьма близкого будущего.

Г-н В. В. в своей статье говорит о подделке монет и металлических вещей, не касаясь других археологических предметов, находимых преимущественно в городище Афрасиаб. Даже теперь, во время летних жаров, каждый день можно видеть расхаживающих по городищу старьевщиков; во время дождей и таяния снега на Афрасиаб, по словам туземцев, «выходит много народу» (*коп адам чикады*); кроме медных монет, которыми усеяно все городище, ищут предметов из «хорошего камня» (*яхши таш*), например бирюзы, ищут также стеклянных и терракотовых вещей, представляющих исключительно археологический интерес и через посредство маклеров сбываемых иностранным и русским туристам и коллекционерам. Продажа

[1] ‹Вяткин, *Об археологических находках в Самарканде.*›

этих вещей организована превосходно; маклера образуют сплоченный синдикат, и все нити сосредоточиваются в руках одного человека; но по внешности маклера действуют независимо друг от друга. К вам в номера приходит Б, предлагает «антики» и просит покупать их у него, а не у А, неблаговидных приемов которого (вы уже успели в них убедиться) он, Б, не одобряет; между тем на самом деле между А и Б существует полное согласие, и полученные деньги Б приносит все тому же А. При таких условиях естественно является вопрос, не сбываются ли под видом найденных на Афрасиабе вещей также подделки, местные или привозные. Что касается последних, то мне говорили, что терракотовые вещи искусно подделываются в Керчи; два года тому назад я мог убедиться в том, что произведения керченских мастеров выдаются в Самарканде за найденные на Афрасиабе и сбываются по высокой цене (мне предлагали одну подобную вещь за 20 руб. и не отдали за 10 руб.), но, по-видимому, это относится только к сложным групповым изображениям, сравнительно редко появляющимся на рынке. Что касается предлагаемых в большом количестве отдельных статуэток и фигур, большей частью поломанных, то подлинность их (кроме грубых подделок, легко узнаваемых по тяжеловесности глины) как столичными, так и местными знатоками признается несомненной. Недавно мне пришлось слышать, что один из здешних мастеров после долгих трудов дошел до искусства подделывать терракотовые вещи до неузнаваемости; называли даже имя поддельщика; но эти вещи продаются по такой дешевой цене (статуэтки от 50 коп. до 1 руб., фигуры животных по 20 коп. штука и дешевле), что тяжелый труд поддельщика едва ли мог бы окупиться. Во всяком случае вопрос нуждается в дальнейшем выяснении [2].

Нельзя не согласиться с мнением г-на В. В., что Самарканд, несмотря на ежегодный сбыт «антиков», еще долго останется неисчерпаемой сокровищницей для археологов и что как правильные раскопки, так и случайные находки будут способствовать обогащению наших музеев. К этому мне хотелось бы только прибавить, что в настоящее время принятие мер с целью сохранения для науки случайных находок представляется мне еще более необходимым и неотложным, чем производство «правильных» раскопок. «Правильными» раскопками такого городища, как Афрасиаб, можно бы признать только раскопки, которые бы велись систематически, из года в год до исследования всего культурного слоя города, занимавшего пространство в 200 десятин и существовавшего, во всяком случае, не менее 1500 лет (от Александра Македонского до нашествия монголов). Таких раскопок, требующих огромных средств, Афрасиаб дождется еще не скоро; до тех пор все исследования будут носить отрывочный и случайный характер, в зависимости от подготовки и научных интересов ис-

[2] ‹Об антикварном рынке до революции см. также М. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии*, стр. 11.›

следователя. Если исследователь — специалист-историк, добывающий археологический материал с целью дополнения и разъяснения письменных известий, он постарается вскрыть возможно более значительную площадь для выяснения топографии, типа и материала построек исторического города, мало касаясь более глубоких слоев; если целью исследования, как при работах американской экспедиции г-на Пампелли [3], является изучение первобытной, доисторической культуры и выяснение последовательности культурных пластов, исследователь будет рыть возможно более глубокие траншеи и колодцы и постарается дойти до материковой почвы, что возможно только на очень небольшом пространстве; для выяснения топографии города подобные исследования не дадут почти ничего. Раскопки того и другого типа одинаково законны и могут дать ценные результаты, но имеют и вредную сторону. Работы остаются незаконченными; новые исследователи, которые бы систематически продолжали дело своих предшественников, являются не скоро; между тем сметливые туземцы, присутствовавшие при раскопках, научаются добывать предметы древности и получают сведения о том, где можно производить изыскания с наиболее верным расчетом на успех. При отсутствии какой бы то ни было охраны городища они беспрепятственно подбирают материал, оставленный археологами, насколько это возможно без сложных приспособлений, и выгодно сбывают его коллекционерам. Продаются не только мелкие статуэтки и фигуры, но также более громоздкие находки, вроде кусков от мечетей и других зданий с сохранившимися на них отрывками куфических надписей. Разрозненные и отделенные от места своего нахождения, эти куски утрачивают почти всякую научную ценность, тогда как в противном случае они могли бы рассказать нам, где были мечети, может быть даже (благодаря надписям) — когда и кем они были построены.

Таким образом, раскопки, обогащая науку некоторым количеством материала, в то же время содействуют безвозвратной потере, может быть, такого же количества. В интересах науки поэтому настоятельно необходимо организовать наблюдение за случайными находками и подробно изу-

[3] Задачи и намерения экспедиции переданы в № 31 «Самарканда» не вполне правильно. Работы, произведенные американцами в Байрам-Али, показали, что исследование городищ в сколько-нибудь обширных размерах не входит в их задачу; их цель заключается в исследовании доисторического слоя и выяснении последовательности культурных пластов посредством отдельных траншей и колодцев, большей частью даже не требующих больших средств (стоимость отдельного колодца г-н Пампелли определяет в 30 руб.). Производство таких работ на Афрасиабе не отменено, а только отложено, по различным причинам, на один год. На верховья Зеравшана отправляется не глава экспедиции г-н Пампелли, возвращающийся в Америку, а его сын. Поездка предпринимается с целью выяснения состава почвы, размываемой Зеравшаном, его притоками и отведенными из него арыками, и находится в прямой связи с будущими работами экспедиции; не имея в своей среде ни ориенталистов, ни историков, экспедиция в своих археологических изысканиях исходит почти исключительно из геологических и физико-географических данных. ‹См. также рецензию В. В. Бартольда на труды экспедиции Пампелли, ниже, стр. 141—153.›

чать условия добывания и сбыта предметов древности, также признаки их подлинности и фальсификации. Все это, по моему мнению, должно быть возложено на лицо, обладающее необходимой подготовкой, имеющее постоянное местопребывание в Самарканде и не носящее никаких служебных обязанностей, кроме научных. Безразлично, конечно, будет ли этим лицом хранитель местного музея, если последний когда-нибудь получит необходимое помещение и соответствующие средства, или представитель одного из столичных музеев, или ученый корреспондент Академии наук, если когда-нибудь будет учреждена для Средней Азии эта должность, о необходимости которой уже не раз говорилось в печати.

Только при таких условиях можно будет возвратиться к вопросу, тоже не раз поднимавшемуся, о необходимости принятия мер против сбыта предметов древности за границу, с целью сохранения их для русской науки [4]. До тех пор, пока будет продолжаться существующее ныне беспрепятственное и безвозвратное расхищение научного материала, можно будет только радоваться покупкам иностранных туристов, собрания которых обыкновенно рано или поздно попадают в музеи или по желанию владельцев становятся доступными для ученых.

[4] Мне известно, что несколько лет тому назад было издано распоряжение, воспрещавшее вывоз предметов древности из пределов Бухарских владений. Два года тому назад это распоряжение, подписанное и. д. политического агента А. Д. Калмыковым, ныне дипломатическим чиновником при начальнике Закаспийской области, еще было вывешено на железнодорожной станции; не знаю, висит ли оно там же и теперь, но имею достоверные сведения о том, что фактически оно не соблюдается.

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В САМАРКАНД ЛЕТОМ 1904 ГОДА КОМАНДИРОВАННОГО РУССКИМ КОМИТЕТОМ ПРОФ. В. В. БАРТОЛЬДА

Весной 1904 г. я был командирован Комитетом для археологических исследований в Самарканде и его окрестностях с целью выяснения топографии города до эпохи Тимура, когда определились его нынешние размеры и то расположение улиц, какое застали здесь еще русские завоеватели.

Я рассчитывал приступить к своим работам не позже первых чисел мая и употребить на них не менее трех месяцев, предполагая посвятить первый месяц топографическому изучению главного городища, Афрасиаб, второй — пробным раскопкам на месте того же городища, третий — изучению остальных городищ и памятников древности в пределах длинных стен, некогда окружавших город вместе с его пригородами и отчасти сохранившихся до нашего времени. К сожалению, мои рассчеты не вполне осуществились; вследствие болезни я выехал из С.-Петербурга тремя неделями позже, чем было предположено; кроме того, я в середине лета был вынужден по семейным обстоятельствам возвратиться на короткое время в С.-Петербург; на путь туда и обратно, вместе с пребыванием в С.-Петербурге, ушло около месяца. Мои работы в Самарканде продолжались всего неполных два месяца, из которых первый (с 25 мая по 19 июня) был посвящен осмотру и изучению городища Афрасиаб, второй (с 17 июля по 13 августа) — раскопкам на месте того же городища. От выполнения остальной части своей задачи я был вынужден отказаться за недостатком времени; подготовительные работы в этом направлении были выполнены еще в 1903 г., по поручению Комитета, местными силами. Отчета об этих работах Комитет до сих пор не получал, но, как я узнал в Самарканде, этот отчет составляется и будет прислан Комитету в непродолжительном времени.

Для выяснения исторической топографии города требовалось осмотреть местность и сопоставить результаты этого осмотра с показаниями письменных источников. Еще до поездки я был убежден в тожестве Афрасиаба с «внутренним городом», или, по персидской (и местной) терминологии, «шахристаном» Самарканда, описываемого арабскими географами X в. Этот внутренний город был первоначальным городским поселением домусульманского происхождения, вокруг которого уже в мусуль-

манское время образовались пригороды, куда постепенно переходила жизнь из шахристана; однако последний был окончательно покинут жителями только после монгольского погрома 1220 г.

При осмотре Афрасиаба я постарался собрать данные для определения местоположения четырех ворот шахристана, упоминаемых арабскими географами, и для выяснения вопроса о снабжении города водой. По показаниям источников, вода была проведена в шахристан с юга посредством свинцовой водопроводной трубы (или желоба), проложенной по крышам базаров и по верху построенной для этой цели каменной арки. Осмотр Афрасиаба вполне подтвердил, что городище могло снабжаться водой только с южной стороны и только посредством водопровода. Для более точного определения места, где могло находиться это единственное в своем роде сооружение (впоследствии разрушенное монголами), я воспользовался любезным содействием компетентного лица, заведующего ирригацией Самаркандской области Н. П. Петровского. По моей просьбе Н. П. Петровский произвел нивелировку, которая выяснила, что водопроводная труба была проложена, по всей вероятности, из местности близ нынешнего мучного базара к мечети Хазрет-и Хизр на Афрасиабе [1].

Раскопки были произведены в нескольких местах городища, но главным образом в местности к западу от цитадели; здесь, как я убедился из сопоставления данных арабских географов с результатами раскопок проф. Н. И. Веселовского в 1885 г., находилась в X в., вероятно и позже, соборная мечеть города. При раскопках, кроме множества мелких вещей, особенно кусков стеклянной посуды, было найдено большое количество кусков жженого кирпича с синими и белыми изразцами, также кусков здания (из того же материала) с орнаментами, что вполне подтвердило существование в этом месте мечети. Попытки найти и проследить фундамент этого здания остались безуспешными; были обнаружены только глинобитные постройки, не имевшие, по всей вероятности, отношения к мечети и не представлявшие большого интереса [2].

Уже к концу раскопок удалось достигнуть более существенного результата; была обнаружена постройка из плит жженого кирпича необычайных размеров (длина до $45^1/_2$ *см*, ширина $37^1/_2$ *см*, толщина до 7 *см*), на гипсовом цементе. Сооружение имело в основании вид четырехугольника (длина 2 сажени $10^1/_2$ вершков, ширина 2 сажени 6 вершков, вышина 1 сажень 3 вершка); на нем было поставлено еще другое, квадратное сооружение из того же материала (длина и ширина 5 аршин, вышина $15^1/_2$ вершков) и рядом с ним небольшая глинобитная стенка (длина 2 аршина 12 вершков, ширина 1 аршин 5 вершков, вышина 1 аршин 7 вершков); как верхнее кирпичное сооружение, так и глинобитная стенка выступали за пределы

[1] ‹В настоящее время считается возможным относить возникновение этого водопровода к кушанскому времени. См. М. Массон, *К периодизации*, стр. 160.›

[2] ‹О дальнейших раскопках см.: Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе*; Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция*, стр. 41.›

нижней, основной постройки. На отдельных кусках кирпича сохранились печати с куфическими письменами; эти надписи содержали частью собственные имена (Ихшид, Мусейяб и другие), частью названия мест (Иштихан и другие) и, по-видимому, указывали на происхождение кирпича. Особенный интерес представляли кирпичи со словом *ихшид* — титулом домусульманских владетелей Согда, не встречающимся ни в этом значении, ни в качестве личного имени позже первых четырех веков хиджры. На ту же эпоху (не позже X в. н. э.) указывают как характер письмен, так и монеты IX и X вв., найденные в том же месте, на той же глубине. Таким образом, впервые при раскопках в Средней Азии удалось открыть постройку тысячелетней древности.

Что касается назначения постройки, то об этом туземцами и русскими знатоками края были высказаны три различных предположения: по одному мнению, это была дахма (гробница), по другому — основание минарета, по третьему — один из двух устоев входной арки мечети [3]. Вопрос мог бы быть разрешен только посредством подробного обследования всей окружающей местности, для чего у меня уже не оставалось времени. Перед отъездом я обратился к местному начальству с просьбой принять меры для охраны места раскопок или, если это окажется невозможным, приказать вновь засыпать это место землей.

При своих работах я пользовался ценным содействием таких знатоков края, как В. Л. Вяткин и Н. П. Петровский; наблюдение за раскопками значительно облегчалось участием (в течение первых двух недель) окончившего курс Ташкентской учительской семинарии Г. Л. Вяткина. Успеху работ много содействовала помощь некоторых опытных туземцев, принимавших участие в раскопках проф. Н. И. Веселовского и вполне освоившихся с техникой подобных работ. Как топографические, так и археологические результаты произведенных изысканий были иллюстрированы 20 фотографическими снимками, превосходно исполненными по моему заказу местным фотографом г-ном Литвиновым.

Ход и результаты работ я предполагаю изложить более подробно в отдельной книге, в связи с разбором письменных известий о прошлом Самарканда [4].

Кроме вещей, добытых при раскопках, мною также было приобретено некоторое число предметов древности (куски глиняных гробиков, глиняные фигуры людей и животных, предметы утвари из металла, глины и стекла) путем покупки. Я постарался собрать сведения об условиях торговли предметами древности в Самарканде и напечатал об этом статью в местной газете «Самарканд» [5].

---

[3] ‹Скорее всего, в данном случае было открыто основание минарета (Вяткин, *Афрасиаб*, стр. 17), принадлежавшего, по мнению А. Ю. Якубовского (*Из истории археологического изучения Самарканда*, стр. 20), саманидской мечети.›

[4] ‹Эта работа не была осуществлена.›

[5] Бартольд, *К вопросу об археологических находках*; ‹см. выше, стр. 126—129›.

Что касается расходов по поездке, то из суммы в 3000 руб., предоставленной в мое распоряжение постановлением Комитета 31 января 1904 г., мною издержано 1525 руб., остальная сумма в 1475 руб. возвращена мною в кассу Комитета. По отдельным статьям расходы располагаются следующим образом:

Снаряжение	93 р. 30 к.
Проезд туда и обратно	150 „ — „
Рабочий инвентарь[6]	37 „ — „
Раскопки	575 „ 50 „
Фотографии	30 „ — „
Печатание фотографий	10 „ 50 „
Уплачено военно-топографическому отделу Туркестанского округа за карты	127 „ — „
Покупка предметов древности	40 „ — „
Содержание и разъезды	461 „ 70 „
Всего . . .	1525 р. — к.

[6] После окончания раскопок передан на хранение члену-корреспонденту Комитета В. Л. Вяткину.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Милостивый Государь

Господин Редактор!

В № 162 вашей уважаемой газеты помещена, со ссылкой на «Правительственный вестник», заметка о моем докладе, читанном в Восточном отделении Императорского Русского археологического общества. Между прочим, мне приписывается мнение, что в IX—X веках Афрасиаб «имел значение внутреннего города с крепостью, куда спасалось во время войн окрестное население». Мои слова приведены в этом случае не вполне точно. Афрасиаб был, по моему мнению, первоначальным городским поселением домусульманского происхождения, или, по персидской и местной терминологии, *шахристаном* Самарканда. В своем докладе я старался доказать, что эти города не возникали, как полагают некоторые, из укрепленных деревень, но имели первоначально только военное значение, служили населению убежищем во время опасности и покидались им после восстановления мира. С течением времени, притом задолго до ислама, эти временные городские поселения превратились в постоянные. Арабские географы IX—X веков противополагают шахристаны в качестве «внутренних городов» образовавшимся в мусульманское время пригородам, куда постепенно переходила жизнь из первоначального поселения; в Самарканде в X веке пригород, расположенный к югу от шахристана, т. е. на месте нынешнего города, по количеству населения превосходил шахристан.

Примите и проч.

В. Бартольд

К СТАТЬЕ Г-НА Д-РА ШМИДТА [1]

Я считаю возможным добавить к изложению автора следующие замечания. Находки, сделанные в Анау, принадлежат, по-видимому, по большей части к д о и с т о р и ч е с к о м у времени; само собой разумеется, что для более точного хронологического, этнографического и культурно-исторического определения этих находок нет иного способа, кроме «продолжения в бóльшем объеме» начатых работ. Зато я не могу согласиться с утверждением, что «небольшим разведывательным раскопом», проведенным на территории старого Мерва, положена «заслуживающая внимания основа» для будущих «археолого-исторических исследований». По моему мнению, когда речь идет об исследованиях на территории и с т о р и ч е с к о г о города, то такую основу можно получить только путем исчерпывающего исследования исторических источников. Для Мерва такая основа уже создана книгой В. Жуковского «Развалины Старого Мерва». По сведениям источников, особенно по сведениям арабских географов, мы можем определить с достаточной уверенностью отдельные периоды развития города Мерва и особенно хронологическую последовательность отдельных частей города. Само собой разумеется, что раскопочные работы могут дать желанные добавления для критики и дополнения этих сведений; однако нельзя рассматривать историю Мерва как tabula rasa, где для определения возраста части города нужно привлекать даже такой сомнительный признак, как степень потертости выкопанных монет. О том, что Гяур-кала была еще обитаема в X в., пусть даже частично, определенно свидетельствуют арабские источники [2]; как terminus ad quem эти же источники дают, кажется, XII столетие [3]; следовательно, разве только появление уйгурских надписей [4] (относящихся, по-видимому, к монгольскому времени) может быть «объяснено случайностями, которым была подвержена постоянно посещаемая территория Гяур-калы».

---

[1] ‹Имеется в виду работа H. Schmidt, *Expedition Pumpelly in Turkestan.*›

[2] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 115.

[3] Там же.

[4] ‹В действительности лишь одна надпись на кости из раскопок экспедиции Пампелли была предположительно определена как уйгурская. Найдена она в комплексе VI—VIII вв. н. э. и, возможно, является не уйгурской, а согдийской. О находках согдийских надписей на Гяур-кале см. Фрейман, *Согдийская надпись.*›

ОТЧЕТ ОБ ОСМОТРЕ ДРЕВНЕГО МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА В г. БАКУ

Весной 1904 г. Императорская Археологическая комиссия предложила мне на пути в Самарканд, куда я был командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии для археологических раскопок, осмотреть и описать открытое незадолго перед тем древнее мусульманское кладбище в г. Баку.

Осмотру этого кладбища я посвятил два дня, 13 и 14 мая. Открытый в апреле месяце склеп, о котором в Комиссии имеется сообщение местного губернатора, в мае уже не существовал; сведениями об этом открытии любезно поделились со мной присутствовавший при нем губернский архитектор Н. Е. Марченко и директор Кавказского музея А. Н. Казнаков, специально для свидания со мной приезжавший из Тифлиса в Баку и доставивший мне альбом рисунков и две фотографии.

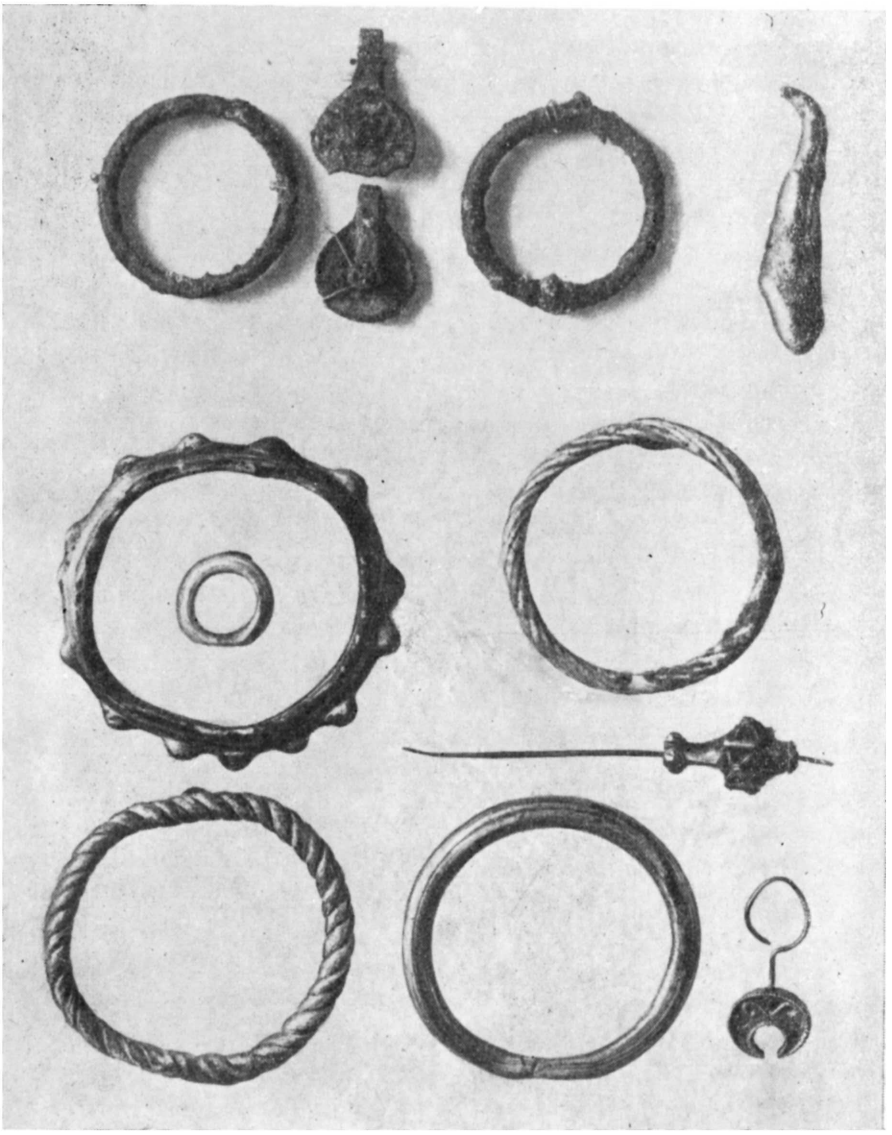
Размеры склепа были следующие: длина 5 *м*, ширина 4 *м*, вышина 1,75 *м*; костяки были положены в деревянные гробы, кроме одного, лежавшего на циновке. Склеп был обнаружен случайно при земляных работах в местности к северо-востоку от собора, где предполагается возведение новых построек, и разрушен при дальнейшем производстве работ. В настоящее время место постройки имеет вид площади, окруженной со всех сторон стенами (образовавшимися при земляных работах). Это место до недавнего времени служило кладбищем; в трех стенах площади — западной, восточной и северной — сохранилось несколько последовательных рядов могил с костями и остатками деревянных гробов. В нижнем слое кладбища, с западной стороны площади, находился упомянутый склеп; на 0,31 *м* выше крыши склепа, в той же стене, но непосредственно над ним, находится основание другого ряда могил, закрытых сверху каменными плитами, над которыми были поставлены саркофаги. Такой же ряд могил, на том же уровне, тянется вдоль северной и восточной стен площади; длина отдельных могил около 1,77 *м*, ширина в головах 0,40—0,44 *м*, в ногах 0,31—0,35 *м*. Из гробов мне могли показать только один полуистлевший, из букового дерева, хранившийся в конторе построек. Каменные саркофаги были сложены у западной стены площади, по направлению к собору; четыре саркофага лежали вне места построек, у самого собора; несколько саркофагов и плит были увезены г-ном Казнаковым в Тифлис и помещены в Кавказском музее. По виду и размерам саркофаги

не отличаются от тех, какие и теперь можно встретить на более новых кладбищах, например в Самарканде около мазара Шах-и зинде. Встречаются саркофаги различных типов:

1) Саркофаги с глубоким верхом, без всяких украшений; размеры плиты под саркофагом: длина 1,77 *м*, ширина 0,44 и 0,35, толщина 0,088; размеры саркофага: длина 1,64 *м*, ширина 0,33, вышина 0,33—0,37.

2) Саркофаги с коническим верхом.

3) Саркофаги с орнаментами на крышке.



Предметы из раскопок средневекового кладбища в Баку

4) Саркофаги с орнаментом на крышке в виде витой колонки. По-видимому, саркофаги этого типа ставились исключительно над детскими могилами.

В саркофагах над головой покойника были сделаны углубления, куда были вставлены плиты, большею частью с арабской надписью «величие [принадлежит] богу»; иногда эти надписи заключали в себе также имя покойника, иногда последнее отмечалось в надписи на самом саркофаге; иногда мы на плитах вместо указанной надписи видим только орнаменты и украшения, среди которых замечательно изображение двух голубей.

Надписи на саркофагах и плитах не заключают в себе дат, по которым можно бы с достоверностью определить, к какой эпохе относится кладбище. В склепе не было найдено никаких надписей; надписи (арабские) ряда могил с саркофагами заключают в себе только имя покойника («Это — могила такого-то») со вступительной формулой «во имя бога» или полнее «во имя бога всемилостивого, всемилосердного» и заключительными «да помилует его бог» (или «да будет над ним милость божия») и «величие [принадлежит] богу». Дата кончины нигде не приводится; судя по характеру письмен, могилы с саркофагами могут быть отнесены к XII—XIII вв. Это определение подтверждается датированными могильными камнями другого ряда, расположенного несколько выше и, следовательно, относящегося к более поздней эпохе; из этих надписей мною была снята эстампажем надпись раджаба 818/сентябрь 1415 г. Письмена были высечены очень глубоко.

При начале земляных работ, когда был открыт склеп, найдены были следующие предметы: 4 глиняных сосуда; 32 янтарные и 4 лигнитовые бусы; золотая булавка филигранной работы; кусок истлевшего шелка; браслеты: 1 серебряный, 11 стеклянных, из них 7 целых и 4 поломанных, и 2 медных; 1 стеклянное колечко; 2 медных кольца; 3 детских серебряных кольца; серебряная привесочка; 2 золотые проволочные сережки с 2 мелкими жемчужинами на каждой; перламутровая подвеска; 12 круглых привесок из смальты с голубой поливой, с 2 отверстиями для шнурка; второе собрание бус из янтаря, стекла, сердолика, цветной глины, ляпис-лазури, смальты, раковины; 4 золотые дутые бусы; 4 серебряные головки от булавок; 1 медный бубенчик; 3 медные и 1 бронзовая монеты (тимуридские и ширваншахские начала XV столетия); золотая серьга с золотой же привеской; 2 пары серебряных серег с напущенными бусами; 2 разломанные железные наручника; 2 медные заклепки от ремней; отдельные бусы сердоликовые (круглые и 1 граненая), смальтовые, глиняные и 1 халцедоновая.

Мною лично на месте кладбища не было произведено никаких работ, кроме измерений. От производства фотографических снимков я отказался как вследствие крайне неблагоприятной погоды (сильный ветер, поднимавший густые облака пыли), так и потому, что не видел в них надобности после фотографий и рисунков г-на Казнакова.

ПОЕЗДКА В САМАРКАНД С АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ ЦЕЛЬЮ

В. В. Бартольд прочел доклад «Поездка в Самарканд с археологической целью».

Поездка была совершена летом 1904 г. по поручению «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» [1]. Предполагалось исследовать остатки дотимуровского Самарканда и результатами этого исследования воспользоваться для исторической монографии, которая, по образцу труда В. А. Жуковского о Мерве, заключила бы в себе свод письменных известий о Самарканде до эпохи Тимура, описание современного состояния развалин и сопоставление литературных данных с археологическими для выяснения исторической топографии города [2].

Докладчик описал городище Афрасиаб, расположенное непосредственно к северу от современного города, и высказал убеждение, что здесь был «внутренний город» арабских географов X в., т. е., по персидской терминологии, *шахристан* — первоначальное городское поселение домусульманского периода, откуда жизнь в мусульманскую эпоху постепенно переходила в пригороды. Для объяснения незначительных размеров города, несмотря на его первенствующее значение в Средней Азии, докладчик привел исторические известия, свидетельствующие о малом развитии городской жизни в домусульманскую эпоху. Топографические условия первоначальных городских поселений в Самарканде и Бухаре привели докладчика к выводу, что эти города не могли возникнуть, как полагал В. Гейгер [3], из укрепленных деревень, но предназначались только для защиты в минуту опасности от внешних врагов, может быть также от наводнений.

Из частных вопросов, касающихся топографии шахристана, докладчиком были рассмотрены вопросы об орошении города и о местоположении четырех упоминаемых арабами городских ворот. Докладчик сослался на нивелировку, произведенную, по его просьбе, заведующим ирригацией Самаркандской области Н. П. Петровским и выяснившую, что вода могла быть проведена из местности около гробницы Биби-ханым в современном

---

[1] ‹См. Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*, — выше, стр. 130—133.›

[2] ‹Эта задуманная монография осталась ненаписанной.›

[3] *Ostīrānische Kultur*, S. 414, sq. ‹См. также Бартольд, *Письмо в редакцию*, — выше, стр. 134.›

городе к мечети Хазрет-и Хизр на Афрасиабе и что в пределах городища остатком главного русла этого канала может быть признана дорога, идущая от упомянутой мечети к гробнице Данияр-Ата. Из ворот города, по мнению докладчика, южные, или Кешские, через которые входила в город вода, были расположены около мечети Хазрет-и Хизр, западные, или Наубехарские, — против старого кладбища Сенгресан, восточные, или Китайские, — к северу от еврейского кладбища, северные, или Бухарские, — непосредственно к востоку от цитадели городища [4]. По вопросу о том, когда опустел Афрасиаб, докладчик привел данные, показывающие, что уже в X в. южный пригород количеством населения превосходил шахристан, что в XII в. город был уже расположен на том же месте, как теперь, но что старый шахристан сохранял значение крепости до монгольского нашествия 1220 г.

Произведенные докладчиком раскопки имели целью выяснить местоположение соборной мечети и по возможности найти фундамент этого здания. На основании письменных известий и результата раскопок Н. И. Веселовского докладчик пришел к выводу, что соборная мечеть находилась непосредственно к западу от цитадели; вследствие этого местом раскопок была избрана расположенная в указанном направлении отдельная возвышенная площадка. При раскопках было найдено значительное число кусков постройки с орнаментами и кусков кирпича с изразцами; найти фундамент этого здания не удалось; были раскопаны только глинобитные сооружения, не имевшие, по всей вероятности, отношения к мечети. В последнюю неделю раскопок в том же месте была обнаружена небольшая постройка оригинальной архитектуры из плит жженого кирпича необыкновенной величины, с куфическими письменами, содержащими в некоторых случаях собственные имена или титулы (между прочим, слово *ихшид* — титул домусульманских правителей Согда), в других — географические названия (напр., Иштихан); надписи того и другого характера, по-видимому, указывают на происхождение кирпича. Как характер письмен, так и найденные на той же глубине монеты показывают, что сооружение было воздвигнуто не позже X в. н. э.; назначение его не могло быть определено.

Собранию были предъявлены: 1) фотографические снимки городища и раскопанных построек, исполненные, по заказу докладчика, местным фотографом г-ном Литвиновым; 2) некоторые из добытых, при раскопках некоторых частей постройки, кусков стеклянной посуды и других предметов [5].

Председатель, приветствуя докладчика по поводу ценных результатов произведенного им расследования, выразил пожелание, чтобы скорее появилось в свет исследование докладчика, посвященное Самарканду.

[4] <Подробнее о воротах см. Вяткин, *Афрасиаб*, стр. 11—12.>

[5] <Хранится в отделении Средней Азии Государственного Эрмитажа. Шифр: Афр. 1—946>.

Explorations in Turkestan. With an account of the Basin of Eastern Persia and Sistan. Expedition of 1903, under the Direction of Raphael Pumpelly

Washington, D. C., published by the Carnegie Institution of Washington. April, 1905. XII, 324 p. 4°

Снаряжение на средства фонда Карнеги американской научной экспедиции в Среднюю Азию было вызвано, по объяснению руководителя экспедиции проф. Р. Пампелли, следующими причинами: 1) тем, что еще существует школа, придерживающаяся взгляда, по которому Средняя Азия есть та страна, где получили начало великие цивилизации Дальнего Востока и Запада; 2) тем, что существует предположение о больших климатических переменах, происшедших в Средней Азии в доисторические времена и вызвавших сначала образование, потом исчезновение обширного внутреннего моря, которого главными остатками являются моря Аральское, Каспийское и Черное. Предполагалось произвести археологические изыскания параллельно с геологическими и физико-географическими в надежде, что будут добыты существенные данные для выяснения «генеалогии великих цивилизаций», что будет доказано некоторое соответствие между «фазисами социальной эволюции и изменением окружающих условий», что окажется возможным привести в согласие данные истории природы и истории человека (physical and human records) и внести большую хронологическую определенность в историю новейшего геологического периода (стр. 3).

Работы экспедиции в 1903 г. носили характер только предварительной разведки; был произведен беглый осмотр обширного района с целью наметить места для будущих детальных изысканий. Экспедицией в полном составе были осмотрены местности, расположенные вдоль Среднеазиатской железной дороги до Ташкента; отдельными членами экспедиции были совершены экскурсии в Ферганскую область, в Кашгарию, на Памир и в Семиречье; наконец, зимой 1903—1904 гг. один из участников экспедиции совершил из Асхабада поездку в Хорасан и Сеистан. Отчет о произведенных работах заключает в себе следующие статьи: 1) общий обзор работ и их результатов, составленный главой экспедиции проф. Р. Пампелли (стр. 3—19); 2) отчет проф. В. М. Дэвиса о ходе изысканий, преимущественно геологических, кроме специальных поездок

(стр. 23—119); 3) отчет г-на Р. В. Пампелли об изысканиях на Памире и в Ферганской области (стр. 123—155); 4) отчет ассистента Э. Хентингтона об изысканиях в южной части Семиречья и в Кашгарии (стр. 159—216); 5) отчет его же о поездке в Восточную Персию и Сеистан (стр. 219—317). К книге приложен алфавитный указатель (стр. 319—324; перечисление собственных имен и предметов без различия).

Таким образом, экспедиция преследовала одновременно геологические и историко-археологические цели. Здесь предметом обсуждения, конечно, могут быть только изыскания последней категории; что касается мнения главы экспедиции, что и в геологической науке добытые экспедицией результаты представляют «некоторый успех» по сравнению с прежними взглядами (стр. 19), то мы предоставляем специалистам-геологам определить, действительно ли оказалось возможным достигнуть такого успеха путем беглого осмотра местности, уже не раз бывшей предметом тщательных геологических исследований, преимущественно производившихся русскими учеными.

Историко-археологические результаты экспедиции, по словам ее главы, следующие: 1) найдены данные, вполне подтверждающие, что постепенное высыхание страны с давних пор «постоянно обращало культурные земли в пустыни и погребало города под песками»; 2) найдены рассыпанные на большом пространстве остатки больших и малых поселений, теперь покинутых, с признаками большой древности; 3) есть основание полагать, что археологические раскопки «бросят свет на происхождение западной и восточной цивилизаций» (стр. 19).

К сожалению, уже первые страницы книги вызывают в читателе невольное сомнение в том, в состоянии ли вообще члены экспедиции, в том числе и ее глава, судить о том, в какой мере результаты их изысканий представляют что-либо новое по сравнению с тем, что было известно до них. Среди участников экспедиции, насколько можно судить по их отчетам, не было ни одного знатока истории Средней Азии, вообще ни одного ориенталиста; в отчете самого проф. Пампелли проявляется полное незнакомство как с прошлым Средней Азии, так и с ее современным положением [1]. О прошлом страны делается общее замечание, что уже по древнейшим историческим известиям страна, как и теперь, была занята «жителями многочисленных городов, окруженных пустынями, в которых жили кочевые народы. Горожане, по-видимому, по крайней мере в значительной степени, принадлежали к арийскому племени, а кочевники — к туранскому» (стр. 7). Очевидно, автору ничего не известно о кочевниках иранского племени, живших некогда в Средней Азии и в восточной

[1] Особенно характерно намерение проф. Пампелли произвести раскопки в Афганистане, на месте древних Бактр; уже во время путешествия выяснилось, что это невозможно вследствие враждебного отношения афганцев «даже к русским» (стр. 5). Из последних слов можно заключить, что автор и теперь считает положение русских в Афганистане все-таки более благоприятным, чем положение остальных европейцев.

Европе, ничего не известно и о споре между учеными по вопросу об азиатском или европейском происхождении [2] этих иранцев; между тем этот вопрос, относящийся именно к доисторическому прошлому Средней Азии, должен был бы представлять для экспедиции специальный интерес. Что касается деления жителей Средней Азии на горожан и кочевников с совершенным игнорированием всего оседлого сельского населения, составляющего огромное большинство общего числа жителей, то это, конечно, может быть объяснено только той крайней небрежностью в выражениях, которая проявляется во всем отчете проф. Пампелли. Так, об Аму-Дарье и Сыр-Дарье говорится, что обе реки «набирают воды только в своих истоках, среди покрытых снегом гор; все остальные притоки (all other streams) поглощаются непосредственным испарением или ирригацией, текут на небольшом протяжении и оканчиваются среди песков пустыни» (стр. 5). Автор, конечно, не хотел сказать, что ни один приток Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи не достигает этих рек; между тем таков буквальный смысл его слов. В другом месте говорится, что вопрос о том, был ли Туркестан родиной металлического производства или нет, остается нерешенным, но что страна во всяком случае «расположена значительно ближе к какой-либо (предполагаемой) дальневосточной родине этого производства, будет ли то Китай, Восточный Туркестан, Индия или Персия» (стр. 16). И в этом случае автору, конечно, известно, что Индия, не говоря уже о Персии, не может быть причислена к Дальнему Востоку.

Мы вполне убеждены в том, что при большем знакомстве с прошлым Средней Азии взгляд членов экспедиции на предстоявшие им задачи подвергся бы существенным изменениям; не исключена, по нашему мнению, даже возможность, что экспедиция, не выезжая из Америки, отказалась бы от обеих гипотез, положенных в основание ее работ, именно от гипотезы о среднеазиатском происхождении западной и восточной культуры и от гипотезы о зависимости исторических судеб страны от физико-географического процесса постепенного высыхания.

Что касается первой гипотезы, то мысль о среднеазиатском происхождении всей человеческой культуры высказывалась не раз, начиная с остроумных и талантливых, но лишенных всякой научной основы «Пи-

[2] О последней теории см.: Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*, S. 720—722; Justi, *Geschichte Irans*, S. 400; Schrader, *Reallexicon*, S. 880. Лично мне все эти доводы представляются неубедительными; вопрос может быть разрешен только тогда, когда удастся точно определить лингвистическое отношение иранской ветви к индийской, историю образования этих двух ветвей, степень лингвистической древности существовавших и существующих диалектов и решить вопрос о их принадлежности к той или другой группе. Если, как можно думать, уже диалект европейских скифов был чисто иранским (Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*: «... iranisch von echtestem Gepräge»), тогда как на границах Индии до настоящего времени сохранились диалекты, находящиеся в более первоначальной стадии лингвистического развития (Klemm, *Indologie*, S. 221, отчет о работах Гриpсона), то теория о европейском происхождении иранцев представляется крайне шаткой.

сем об Атлантиде» Бальи [3]. В исторических известиях о каждом культурном народе Средней Азии, в том числе в известиях об уйгурах [4], думали найти подтверждение этой гипотезы. Труды Абель-Ремюза положили конец этому «espèce d'orientalisme philosophique; . . . oú les expressions mystérieuses de peuple primitif, de plateau de la haute Asie, d'antique religion de la Tartarie, de civilisation antérieure à l'histoire, pompeusement répétées à défaut de notions vraiment historiques, formoient une sorte de système sans preuves et sans liaison, et servoient à battre en ruine les traditions les mieux accréditées dans l'occident» [5]. Едва ли инициаторы американской экспедиции, по крайней мере по отношению к вопросам «доисторической цивилизации», свободны от влияния этого рода «ориентализма», почему-то названного у Абель-Ремюза «философским» (правильнее было бы сказать «fantastique»). Едва ли вообще археология когда-нибудь даст ответ на вопросы, в какой стране человек впервые ознакомился с металлами [6]. Если вообще можно ждать разрешения этого вопроса от какой-нибудь науки, то только от лингвистической палеонтологии. В лингвистическом отношении вопрос в настоящее время тоже еще далеко не выяснен, но делаются попытки указать общие корни семитических и индоевропейских названий металлов в языке древнего культурного населения Месопотамии [7]; теория о родстве этого населения со среднеазиатскими племенами все более и более подвергается сомнению.

Если несостоятельность гипотезы о среднеазиатском происхождении зачатков человеческой культуры не может считаться вполне доказанной [8],

---

[3] *Lettres sur l'Atlantide.*

[4] Например, Langlès, *Notice*, pp. 584—585: «Il seriot bien à désirer que l'on parvint à découvrir l'origine même de l'écriture des Oïghours et de leurs autres sciences. On sait (sic) que les principaux alphabets de l'Asie (outre celui des Moghols), tels que le koufyque ou ancien arabe, le syriaque etc. dérivent du leur».

[5] Abel-Rémusat, *Recherches*, p. 253.

[6] ‹В этом утверждении сказалось некоторое недоверие В. В. Бартольда к археологии. Именно современные археологические данные, подкрепленные датами, полученными радиокарбоновым анализом, показывают, что медь впервые вошла в употребление в Передней Азии по крайней мере в VI тысячелетии до н. э.›

[7] О семитическом названии железа и шумер. *barza* см. Schrader, *Reallexicon*, S. 178; об индоевропейских названиях меди и шумер. *urud* — там же, S. 491. ‹В современном чтении «медь» — акк. *parzillu* (шумер. *an-bar*), «железо» — акк. и шумер. *urudu*. Labat, *Manuel*, p. 49, № 13.› Во время чтения настоящего реферата мне было сделано замечание, что самое существование «сумерийского» языка теперь снова подвергается сомнению и что замечается постепенное возвращение к теории Halévy. Во всяком случае вопрос не может считаться решенным; если будут окончательно отвергнуты попытки сближения «сумерийского» языка с урало-алтайскими, то, кроме возвращения к теории Halévy, возможно также предложение иных, более правдоподобных сближений. ‹Существование шумерского языка в настоящее время не вызывает сомнений, хотя его связи с другими языками остаются предметом дискуссии.›

[8] ‹В свете современных данных можно считать, что Средняя Азия была одним из центров происхождения земледельческих культур Старого Света, но отнюдь не главным и не единственным. Ср. В. Массон, *Историческое место.*›

то гипотеза о зависимости исторических судеб Туркестана от процесса усыхания страны, казалось бы, достигла уже в трудах покойного Фр. Шварца [9] последней стадии своего развития — приведения к абсурду.

Нарисованная в этих трудах картина исторической эволюции страны, будто бы заключавшей в себе некогда «сотни миллионов» населения, постепенно сокращавшегося по мере уменьшения количества воды, вызванной этим эмиграции и истребительных войн за оставшуюся воду, — эта картина находилась в таком противоречии со всеми историческими известиями, что возвращение к этой гипотезе могло казаться невозможным. Факт возвращения к ней в отчете американской экспедиции объясняется только полным незнакомством ее членов с источниками по средневековой истории Туркестана и Персии. Проф. Пампелли замечает, без ссылки на источник, будто «свидетельство арабских географов показывает, что еще в недавние исторические времена в стране было гораздо более многочисленное население, чем она могла бы прокормить теперь, когда использована вся вода, которую только можно использовать» [10] (стр. 6); между тем именно рассказы арабских географов X в., подробно описывающих страну, наглядно свидетельствуют о том, что в течение 1000 лет не произошло сколько-нибудь заметного сокращения культурной площади; другими словами, для процесса постепенного усыхания страны даже период в 1000 лет не имеет никакого значения. Исследование арабских известий о Персии привело исследователя Томашека к тому же выводу; и в этом случае оказалось, что физико-географические процессы совершаются «unendlich langsam, so dass selbst ein Jahrtausend im Leben der Erdoberfläche eine kurze Spanne darstellt» [11]. Знакомство с этим трудом [12], вероятно, удержало бы г-на Хентингтона от попытки доказать, что упадок Персии зависит от изменения климатических условий, а не от причин политического свойства, т. е. разорительных войн и дурного управления. Доказывая прежнюю плодородность страны, сравнительно с ее нынешним состоянием, автор основывается, во-первых, на сведениях о походах Александра Македонского, во-вторых, на описании Кермана

---

[9] *Sintfluth und Völkerwanderungen*; idem, *Turkestan*. См. Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 053 и сл. Вторая книга нередко цитируется в отчете американской экспедиции.

[10] Это утверждение, совершенно неосновательное, тоже заимствовано из книги Фр. Шварца (*Turkestan*, S. 584; in Wirklichkeit ist in Turkestan jeder Fussbreit kulturfähigen Bodens und jeder verfügbare Tropfen Wassers benützt). Ср. вычисление инженера Гельмана, по которому в устье Аму-Дарьи «в настоящее время ежегодно непроизводительно теряется вода, могущая дать жизнь 2 000 000 десятин» (Гельман, *Обводнение старого русла*, стр. 165).

[11] Tomaschek, *Zur historischen Topographie*, S. 562.

[12] Работа Томашека не упомянута в библиографическом обзоре, приложенном к статье г-на Хентингтона, вообще заключающем в себе исключительно сочинения, написанные на английском языке.

у Страбона, в-третьих, на свидетельстве Истахри об обширности озера, в которое впадал Хильменд (стр. 308—315).

В истории войн Александра автор обращает особенное внимание на рассказ о движении Кратера со слонами и тяжелым багажом через области арахотов и зарангов, т. е. через Кандагар и Сеистан, в Керман (Арриан, VI, 17,3 и 27,3). Подробностей об этом движении историки нам не сообщают, но, по мнению автора (стр. 304), характерен самый факт умолчания о трудностях того пути, где теперь никто не решился бы провести военный отряд, особенно со слонами. Однако дошедшие до нас сведения о походах Александра и его полководцев вообще не настолько подробны, чтобы мы имели право выводить заключения из факта отсутствия подробностей в том или другом отдельном случае; вполне возможно, что трудности похода Кратера не были упомянуты историками, как незначительные по сравнению с трудностями, перенесенными самим Александром во время похода по безводной Гедросии. Сверх того, можно усомниться в том, действительно ли и в настоящее время пустынность пространства между Сеистаном и Нармаширом вызывается непреодолимыми климатическими условиями. Несмотря на то что эта местность была пустыней уже в IX в., при Ибн Хордадбехе [13], даже новейший путешественник П. М. Сайкс полагает, что здесь и теперь могли бы быть селения, если бы была восстановлена общественная безопасность; настоящая пустынность объясняется скудостью населения Персии и значительным процентом безработных [14].

Еще менее убедительно сопоставление описаний Кермана у Страбона и у Сайкса [15]. Как известно, сведения древних авторов о Кермане всегда оставались скудными [16]; выражения Страбона показывают, что в этом случае его единственный источник описание плавания Неарха; судя по Арриану, в этом описании было сказано только, что Керман как по качеству деревьев и плодов, так и по качеству воды и травы превосходит «страну ихтиофагов и оритов» [17], т. е. Мекран и южную часть Белуджистана. Отзыв Сайкса в этом случае также следовало дополнить словами того же путешественника в другом месте, где нынешнее печальное состояние Кермана объясняется страшным погромом, которому страна подвергалась в конце XVIII в.[18].

Остаются слова Истахри [19] об обширности озера Зере, простиравшегося на 30 фарсахов. Однако сам Истахри замечает, что и тогда раз-

[13] Ибн Хордадбех, текст, 49: و المفازة سبعون فرسخا الى سجستان.

[14] Sykes, *Ten thousand miles*, pp. 415—416.

[15] Ibid., pp. 44, 48.

[16] Forbiger, *Handbuch*, Bd II, S. 500: «das Land war den Alten nur wenig bekannt».

[17] Arr., Hist. Ind., XXXII, 4: καὶ οὕτω ἡ Καρμανίη τῶν Ἰχθυοφάγων τῆς γῆς καὶ τῶν Ὠρειτέων εὐδενδροτέρη τε καὶ εὐκαρποτέρη ἐστὶ, καὶ ποιώδης μᾶλλόν τι καὶ ἔνυδρος.

[18] Sykes, *Ten thousand miles*, p. 69: «Kerman suffered horrors from which it will not recover for at least another century».

[19] Истахри, 243.

меры озера то увеличивались, то сокращались, в зависимости от количества воды в реке [20], т. е. от большего или меньшего обилия дождей. Очень вероятно, что и тогда, как теперь, Хамун то покрывался водою, то оставался сухим; в пользу этого говорит и признанный всеми исследователями факт полного совпадения пути, описываемого арабскими географами [21], с нынешней дорогой из Нармашира в Сеистан через Хамун, причем о переправе через водное пространство ничего не говорится. Столь же несомненно, что Хильменд не мог, как, по примеру Сайкса [22], полагает автор (стр. 284), нести в то время свои воды непосредственно во впадину Шила и оттуда в озеро Год-и зерре, оставляя в стороне Хамун; тогда река не доходила бы и до Сеистана, между тем у Истахри [23] упоминается мост на Хильменде гораздо севернее, на пространстве между Керкуей (ныне Керкун) и Бештером (ныне развалины Пишаверан), в месте, где и теперь видны арки древнего кирпичного моста, несколько западнее современного русла реки [24].

Еще характернее следующий довод автора в пользу защищаемой им теории об изменении климата Персии в исторический период: кроме слонов Кратера слоны упоминаются в Персии и в других случаях; кроме письменных памятников о том же свидетельствуют и скульптурные; теперь слоны могли бы жить только в Мазандеране, но они упоминаются и в других местах (стр. 305). Если бы автору удалось найти какое-либо достоверное свидетельство о стадах диких слонов в Персии, то это, действительно, было бы неопровержимым доказательством изменения климатических условий. На самом деле слоны, насколько известно, всегда привозились в Персию из Индии, и для них, очевидно, устраивались такие же искусственные условия жизни, как во время Чингиз-хана в Самарканде [25] или в настоящее время в европейских зоологических садах.

Итак, мы ни в Средней Азии, ни в Персии не имеем основания предполагать сколько-нибудь существенного изменения климатических условий в течение исторического периода. Данные относительно Средней Азии недавно были собраны в статье Л. Берга «Высыхает ли Средняя Азия?» [26]. Автор приходит к выводу, что «в историческую эпоху климат Туркестана и соседних стран не подвергся хотя сколько-нибудь заметному изменению в сторону ухудшения (усыхания)»; что «эпоха усыхания бо-

---

[20] Там же: يتّسع الماء فيها و ينقص على قدر زيادة الماء و نقصانه

[21] Ср. особенно описание у Ибн Хордадбеха, текст, 49.

[22] *Ten thousand miles*, p. 365. Определение границ озера у Истахри (от Курина до дороги в Керман) тоже показывает, что под озером Зере он понимает нынешние озера вместе с Нейзаром и частью Хамуна, а не Год-и зерре.

[23] Истахри, 248.

[24] Yate, *Khurasan and Sistan*, p. 118.

[25] См. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 446, прим. 1; ‹наст. изд., т. I, стр. 481, прим. 3›.

[26] ИИРГО, т. XLI, вып. III, 1905.

гатой водой страны, оставшейся после отступления ледникового покрова, давно закончилась и затем наступил период более или менее стационарного положения, в котором мы теперь живем, характеризующийся лишь непродолжительными периодами колебаний атмосферных осадков». Статья г-на Берга представляет возражение на статью кн. П. А. Кропоткина в «Geographical Journal» за 1904 г., где еще высказано убеждение, что вся Средняя Азия «находится в настоящее время в состоянии быстрого высыхания, как высыхала она уже с начала исторической эпохи». Уже из этого видно, что новый взгляд еще не приобрел господства среди натуралистов [27]; но для исследователя истории Средней Азии едва ли подлежит сомнению, что этому взгляду принадлежит будущее. Замечательно, что к такому же выводу приводят, по собранным в статье г-на Берга данным, исторические известия о других странах с сухим климатом, даже о Месопотамии и Египте, где исторические известия обнимают гораздо более обширный период времени, чем в Средней Азии; и в этом случае мы в исторических памятниках не находим основания предполагать изменение климатических условий. Разумеется, мы предоставляем натуралистам решить, действительно ли, как предполагает г-н Берг, процесс высыхания страны закончился до начала исторического периода или он продолжается и теперь, но так медленно, что, например, период в 1000 лет не имеет для него значения. В том и другом случае вывод науки представляет не только академический интерес; с теорией высыхания был связан взгляд на невозможность какого-либо экономического прогресса для страны, будто бы обреченной на смерть приговором самой природы [28]. Этот приговор, некогда произнесенный от имени науки, теперь кассируется той же наукой [29].

[27] Сам г-н Берг пришел к этому взгляду недавно, как видно из сопоставления его последней статьи с его прежними статьями по тому же вопросу. В напечатанной в 1899 г. статье *О соленых озерах*, написанной совместно с Елпатьевским и покойным Игнатовым, говорится, что «прибыль озера Теке явление случайное, оно несомненно усыхает, о чем свидетельствуют обширные береговые отмели, и, конечно, ряд сухих годов со временем, при ничтожной глубине озера, превратит его в солончак» ‹Берг — Елпатьевский — Игнатов, *О соленых озерах*, стр. 198›. В статье Берга и Игнатова *О колебаниях уровня озер*, напечатанной в 1900 г., факт прибыли целого ряда озер уже не объясняется случайностью, но все-таки авторы не отвергают «мнения о постепенном усыхании озер Средней Азии и Западной Сибири» и только замечают, что «время от времени усыхание приостанавливается благодаря вспыхивающим мимолетным проблескам жизни, какими оказываются отмеченные нами повышения уровня, чтобы затем пойти опять той же колеей» (Берг — Игнатов, *О колебаниях уровня озер*, стр. 111 и 125).

[28] Приговор особенно резко формулирован в заключительных словах книги Шварца (*Turkestan*): «Turkestan hat wirtschaftlich keine Zukunft und ist unrettbar dem Untergange geweiht».

[29] ‹Работы советских историков и археологов убедительно показали тесную связь запустения ранее орошаемых областей с социальными и политическими кризисами. См. особенно Толстов, *Древний Хорезм*. Ряд новых фактов и соображений приведен в работе М. Массона *О колебании климата*.›

Г-н Хентингтон не ограничивается приведением доводов в пользу защищаемой им теории, но приводит также доводы в опровержение противоположного мнения, объясняющего упадок Персии причинами политического свойства; неосновательность такого объяснения доказывается примером таких областей, как Азербайджан и северная часть Хорасана, чаще других подвергавшихся разорительным набегам и все-таки находящихся, сравнительно с другими областями, в цветущем положении (стр. 310). Этот пример показывает только, что стремление объяснить все перемены в жизни Персии и ее отдельных областей событиями военной истории было бы столь же ошибочным, как теория о зависимости всех этих перемен от процесса высыхания; другими словами, для объяснения истории Персии, как и всякой другой страны, нельзя довольствоваться какой-либо одной категорией явлений. Воды в Хорасане теперь если не меньше, то во всяком случае не больше, чем было в древности; между тем Хорасан теперь считается одной из лучших областей Персии, тогда как при Ахеменидах соответствующая область, Парфия, принадлежала к числу самых бедных [30]. При современном состоянии науки такой факт не может быть вполне объяснен; по всей вероятности, на Хорасане должен был отразиться тот быстрый экономический прогресс, который замечается в среднеазиатских областях в первые века распространения ислама, впервые прочно присоединившего эти области к переднеазиатскому культурному миру [31]. Что касается Азербайджана, то в этом случае эволюция в экономической жизни области может быть установлена с большею ясностью. Еще в первые века ислама Азербайджан принадлежал к числу самых бедных областей [32]; развитие этой области в последующие века, по всей вероятности, находилось в связи с развитием торговых сношений с Византией [33], под влиянием упадка, вследствие политического неустрой-

[30] Ср. Forbiger, *Handbuch*, Bd II, S. 546—547 (ссылка на слова Страбона).

[31] Ср. сведения о состоянии страны в эпоху арабского завоевания (*Туркестан*, ч. II, стр. 182—184; ‹наст изд., т. I, стр. 238—239›) и при Саманидах (там же, стр. 244—250; ‹наст. изд., т. I, стр. 294—300›). Экономический прогресс может быть иллюстрирован также цифровыми данными; так, Фергана в IX в. платила в казну всего 280 000 дирхемов (Ибн Хордадбех, текст, 38, $_{11-12}$), в X в. — 1 миллион (Ибн Хаукаль, 343, $_{5}$). В настоящее время доход с этой области, как известно, значительно больше. Вообще замечательно, что абсолютные цифры бюджета среднеазиатских областей не только в настоящее время, но и в эпоху узбецкого владычества (о бюджете Кокандского ханства ср. Маллицкий, *Несколько страниц*, стр. 176—177) не стояли ниже цифр эпохи Саманидов (т. е. периода наибольшего процветания края), тогда как бюджет Персии в эпоху ее наибольшего процветания, при Сасанидах (Ибн Хордадбех, текст, 15), превосходил нынешний бюджет по крайней мере в 10 раз (ср. цифры у Риттиха, *Политико-статистический очерк*, стр. 132 и 138), хотя пространство государства уменьшилось не более чем вдвое.

[32] С Азербайджана получилось, по Ибн Хордадбеху, всего 2 миллиона дирхемов (Ибн Хордадбех, текст, 121,$_{14}$), по Кудаме — 4,5 миллиона (Кудама, текст, 250,$_{14}$), т. е. меньше, чем с Кермана (6 миллионов; там же, 250, $_{1}$).

[33] О том, какое значение эта торговля (через Трапезунд) имела для мусульманского мира еще в X в., см. Истахри, 246,$_{3-4}$.

ства, промышленности во внутренних областях Персии. После монгольского нашествия процветание области еще увеличивается; монгольские владетели Персии переносят сюда свое местопребывание и на долгое время делают Тебриз столичным городом [34]; после перенесения столицы в Исфахан и Тегеран Тебриз мог сохранить свое экономическое значение вследствие увеличения ввоза товаров из России и Западной Европы по мере упадка собственной промышленности Персии.

Таким образом, приходится отметить отсталость основной точки зрения экспедиции и полное отсутствие фактических сведений о прошлом страны. При таких условиях вполне понятно, что замечания членов экспедиции об осмотренных ими памятниках старины не находятся в соответствии с результатами, уже достигнутыми наукой, не говоря уже о дальнейшем развитии этих результатов. Так, по поводу отсутствия следов каналов и развалин на Узбое проф. Дэвис ставит вопрос, было ли вообще вдоль берега Узбоя в то время, когда по его руслу текла вода, человеческое население, умеющее «строить дома и рыть каналы» (стр. 39). Вопрос не мог бы быть поставлен, если бы автору был известен рассказ о переправе через Узбой военных отрядов на судах в XV в.[35]. О прошлом города Пейкенда проф. Пампелли знает только то, что он «еще в первые века нашей эры» был «крупным центром богатства и торговли» между Китаем, западными и южными странами (стр. 10); между тем сведения о торговом значении города относятся не к «первым векам», а к VIII в. н.э.; попытка восстановить город упоминается еще в XII в.[36]. Проф. Пампелли объясняет оставление города «постепенным отступлением низовьев Зеравшана», но на чем основано такое мнение, неизвестно; Зеравшан уже при Александре Македонском не доходил до Аму-Дарьи (Arriani Anab., IV, 6, 6), так что река, по всей вероятности, и тогда оканчивалась той котловиной, в которую теперь впадают отдельные протоки. Песчаная пустыня и в средние века простиралась от Фараба до самого Пейкенда [37], так что сколько-нибудь значительного передвижения сыпучих песков [38] здесь за последние 1000 лет не было.

О развалинах Мерва в отчете проф. Дэвиса кратко сказано, что «некоторые из этих развалин насчитывают всего несколько веков су-

[34] Ср. мой труд *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 145—148.

[35] Рассказ Хондемира, тегеран. изд., III, 244—246; ср. Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*, стр. 026 и сл.; ‹наст. изд., т. III, стр. 248—251›.

[36] Нершахи, изд. Шефера, 16—17 и 43.

[37] Макдиси, 281—282: وبيكند من نحو جيحون على حدّ ارمال; также Нершахи, изд. Шефера, 16—17: واز فرب تا بيكند بيابانيست دوازده فرسنك وريك دارد آن بيابان.

[38] По мнению Л. Берга, и этот враг не опасен для человеческой культуры; мало того: «если бы не деятельность человека, то в Туркестане совсем не было бы сыпучих песков»; даже теперь «подавляющее большинство» песков «закреплено растительностью и лишь благодаря безрассудному истреблению степных кустарников они приходят в движение» (Берг, *Высыхает ли Средняя Азия?*, стр. 512—513).

ществования; города, остатком которых они являются, известны истории. Другие производят впечатление гораздо большей древности, так как представляют большую степень разрушения; из этих развалин самые обширные — (городище) Гяур-кала» (стр. 55—56). Таким образом городище Гяур-кала, остаток того города, который подробно описан географами X в. и был окончательно оставлен только в XII в. [39], исключено из числа развалин городов, «известных истории».

Представление членов экспедиции о самаркандских древностях не отличается бóльшей отчетливостью; знаменитые мечети города все признаются постройками Тимура (стр. 12), тогда как они большею частью, в том числе и изображенная в книге мечеть Ширдар, относятся к более позднему периоду. О городище Афрасиаб сказано, что «предание» помещает здесь Мараканду Александра Великого (стр. 11); между тем туземцы никаких преданий об Александре с Афрасиабом не связывают.

В конце отчета проф. Дэвиса упоминаются подводные развалины на дне Иссык-Куля (стр. 116); автору осталось неизвестным, что существование подводных стен более чем сомнительно [40]; что факт выбрасывания волнами кусков кирпича от построек еще не заставляет предполагать период «низкого уровня воды», так как постройки могли находиться на острове, упоминаемом еще в XV в. и исчезнувшем, вероятно, вследствие землетрясения. К сожалению, члены экспедиции не только не знали этих исторических данных, но и не имели возможности сравнить «подводный кирпич» (из него выстроено несколько надгробных зданий на берегу и выложен пол на старой Турайгырской почтовой станции) с кирпичом китайских зданий в Кульдже и Джаркенте, от которого он ничем не отличается; уже этот факт не позволяет относить загадочные «подводные» постройки к далекому прошлому.

Если бы члены экспедиции, не будучи в состоянии объяснить виденные ими развалины городов, сообщили нам о них фактические сведения, которых мы раньше не имели, то эти сведения, конечно, были бы приняты с благодарностью. Однако, несмотря на упомянутое выше (стр. 142) заявление об «открытии» (we have found) остатков больших поселений, мы, по крайней мере в опубликованном отчете, таких сведений не находим. Не говоря уже об открытии новых развалин, мы находим в отчете только самые краткие сведения о давно известных развалинах Анау, Мерва, Пейкенда и Самарканда; о развалинах других городов в бассейнах Зеравшана и Сыр-Дарьи, в том числе и об осмотренных экспедицией (стр. 5) развалинах Ахсикета в Фергане, не сообщается никаких фактических данных. Приходится признать, что о «больших поселениях» во всей книге нет н и о д н о г о ценного замечания. Справедливость

[39] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 114 и сл.

[40] См. сведения об иссык-кульских древностях в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 46; <см. выше, стр. 64 и сл.; см. также Иванов, *Материалы*>.

требует отметить, что сведения о «малых поселениях», под которыми, вероятно, следует понимать курганы, обнаруживают более внимательное отношение к предмету и не лишены интереса. Так не лишено интереса замечание, что экспедиция к востоку от Каспийского моря впервые встретила курганы на высоте 250 футов над уровнем моря (стр. 7). Едва ли, однако, вопреки мнению главы экспедиции (стр. 18), этот факт может дать материал для определения времени происхождения курганов в связи с определением периода, когда уровень моря достигал этой высоты; для этого следовало бы сначала доказать, что курганы должны были находиться и в прибрежной местности. Столь же важно указание проф. Дэвиса на курган небольших размеров на берегу Иссык-Куля, в 14 англ. милях к востоку от деревни Сазановки, на краю обрыва, часть которого размыта водой, вдоль старой береговой линии, возвышающейся в данном месте на 30, дальше к западу на 25 футов над нынешним уровнем озера; на этом основании курган относится к этой эпохе, когда уровень озера достигал этой высоты (стр. 115). Если курган действительно мог быть разрушен только водой озера, а не дождями и не рукой человека, то, конечно, пришлось бы приписать ему большую древность, особенно если справедливо соображение, высказанное автором в другом месте (стр. 113), по которому понижение уровня озера находится в связи с изменением направления реки Чу, некогда впадавшей в озеро и вытекавшей из него. Как известно, Иссык-Куль уже в ту эпоху, к которой относятся древнейшие письменные известия о нем (VII в. н. э.), не имел истока [41]. От более точного хронологического и этнографического определения курганов члены экспедиции благоразумно воздержались; проф. Дэвис решается только заметить, что «никаких подобных курганов не было видно около киргизских [42] летних ставок» и что потому они должны быть приписаны «какому-нибудь более раннему народу» (стр. 114). Это соображение, конечно, справедливо, хотя и не ново.

Экспедицией в 1903 г. был намечен ряд пунктов для будущих детальных изысканий, в том числе развалины городов Мерва, Пейкенда, Самарканда (городище Афрасиаб) и Ахсикета; сверх того, предполагалось исследовать ряд курганов, в том числе два больших кургана около селения Анау в Закаспийской области. Заранее можно было сказать, что раскопки на месте исторических городов, предпринятые без знания истории страны, не приведут к существенным результатам; с другой стороны, исследование курганов доисторической эпохи, при условии поручения этих работ руководству специалиста-археолога, могло, ввиду специального интереса членов экспедиции к вопросам доисторической археологии, привести к важным открытиям. Раскопки, произведенные экспедицией в 1904 г. под руководством археолога д-ра Г. Шмидта, вполне

[41] Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV, стр. 057.
[42] ‹Казахских.›

оправдали эти ожидания [43]. Археологические изыскания в Гяур-кала, древнейшем городище Старого Мерва, не дали почти ничего для выяснения исторической топографии города и быта его населения и привели исследователей к совершенно ошибочным выводам о прошлом городища; с другой стороны, исследование упомянутых двух больших курганов привело к установлению, по характеру керамики, четырех культурных эпох, из которых первые три относятся к медному и бронзовому и только последняя к железному векам. Раскопки остались незаконченными, так что выводы цюрихского ученого д-ра Дюрста о том, какие животные были известны обитателям курганов, может быть, несколько преждевременны. Проф. Пампелли выражает надежду, что дальнейшие изыскания создадут почву для хронологического определения указанных эпох, хотя бы приблизительного. Надо надеяться, что будет найден материал для более точного определения, чем то, которое в 1903 г. мог дать г-н Хентингтон относительно развалин селения в той же местности: по характеру архитектуры и керамики эти развалины могли быть отнесены «к любой эпохе в течение последних 2000 лет» (стр. 307).

В заключение позволяем себе выразить пожелание, чтобы экспедиция проф. Пампелли, если ей суждено продолжать свои работы в Туркестане [44], оставила в стороне места исторической жизни и ограничилась изучением курганов и других памятников доисторической эпохи. Эти изыскания, если будут производиться под руководством такого опытного археолога, как д-р Г. Шмидт, могут дать науке ценный материал для изучения быта доисторического населения Средней Азии, хотя едва ли могут пролить свет на «генеалогию великих цивилизаций», на связь между культурами Востока и Запада и на зависимость исторической эволюции от физико-географических условий.

---

[43] Краткий отчет о них: Pumpelly, *The Pumpelly Explorations*; H. Schmidt, *Expedition Pumpelly in Turkestan.*

[44] Экспедиция в 1903 г. встретила полное содействие со стороны русскнх властей и ученых как в столицах, так и в Туркестане. Об этом отчасти говорится и в отчете, хотя не вполне точно; фамилии многих лиц искажены до неузнаваемости; так, упомянут (стр. 4) «Colonel Zaitza, governor of Osch» (уездный начальник полк. Зайцев); фамилия академика Ф. Н. Чернышева пишется Tchernachef (стр. 4) и Chernichef (стр. 64). Упоминается об Академии наук, «which passed a resolution asking the Minister of the Interior to facilitate our journey» (стр. 4); в действительности это содействие было оказано экспедиции не Академией наук, а Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии (см. ИРКСА, № 2, стр. 2—3). Как секретарь Комитета могу засвидетельствовать, что содействию председателя Комитета В. В. Радлова, о котором в отчете не упоминается, экспедиция действительно была многим обязана.

К ВОПРОСУ ОБ ОССУАРИЯХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

За последние два десятилетия во многих местностях Туркестанского края, при полевых и земляных работах, были находимы небольшие глиняные сосуды или ящики, сначала пустые и разбитые, вследствие чего вопрос о их назначении оставался спорным, потом и в нетронутом виде, с человеческими костями. Вопросу об этих «оссуариях» (костехранилищах) посвящен уже целый ряд статей в изданиях Императорской Археологической комиссии, Императорского Русского археологического общества и Туркестанского кружка любителей археологии [1]; в изданиях Комитета оссуарии были упомянуты только один раз, когда пишущий эти строки, входя с предложением назначить пособие Туркестанскому кружку (в заседании 26 апреля 1903 г.), отметил среди заслуг кружка «открытие в Самарканде глиняных гробиков домусульманской эпохи» [2]. Одним из ученых, писавших об оссуариях, К. А. Иностранцевым [3], эти слова были поняты в том смысле, будто внесший это предложение член Комитета и согласившееся с ним собрание [4] хотели установить в пользу кружка приоритет в деле изучения оссуариев; К. А. Иностранцев видит противоречие между таким «мнением» Комитета и недавним «указанием» Н. И. Веселовского, «что он первый обратил внимание на оссуарии Западного Туркестана» [5]. Едва ли употребленное в протоколе заседания слово «открытие» давало повод к такому толкованию [6], тем более что то же

---

[1] ‹В числе новой литературы можно назвать: Ставиский и др., *Пянджикентский некрополь*; М. Массон, *Ахангеран*, стр. 28—31; Ремпель, *Некрополь*; Толстов, *По древним дельтам*, стр. 113—117; Ершов, *Некоторые итоги*; Толстов — Лившиц, *Датированные надписи*; Раппопорт, *Хорезмийские астоданы*; Козенкова, *К вопросу о хумах с захоронениями*; Гудкова, *Ток-кала.*›

[2] ИРКСА, 1903, № 1, стр. 19.

[3] *К изучению оссуариев*, стр. 066, прим. 2.

[4] Такой смысл, очевидно, имеет ссылка г-на Иностранцева, кроме стр. 19 № 1 «Известий» ‹ИРКСА›, на стр. 21 того же номера, где нет ни слова об оссуариях, а говорится только, что «все внесенные предложения» (в том числе и мое) были приняты единогласно.

[5] Имеется в виду статья Н. И. Веселовского *Еще об оссуариях*, стр. 0179.

[6] Мы не касаемся вопроса, насколько могло дать повод к этому соответствующее место в BAR (№ 2, 1903, p. 4), на которое также ссылается г-н Иностранцев, особенно слово «découverte» в сопоставлении с употребленными строкой выше словами «confir-

самое слово, по отношению к той же счастливой находке 1899 г., неоднократно употребляется в рефератах и статьях самого Н. И. Веселовского [7]. Благодаря деятельности кружка было сделано научное открытие, составившее эпоху в деле изучения археологии края; только после этого открытия, существенно отличавшегося, по своим размерам и своей обстановке, от прежних находок таких же предметов, вопрос об оссуариях был поставлен на очередь в ученой литературе. Упоминая о такой заслуге кружка, автор предложения не видел никакого основания касаться вопроса, когда впервые были найдены подобные предметы и когда были сделаны первые попытки к их объяснению; еще меньше, по всей вероятности, имелся в виду этот вопрос членами Комитета, одобрившими внесенное предложение. Своего «мнения» о том, кто «первый обратил внимание на оссуарии Западного Туркестана», Комитет никогда и нигде не высказывал и не имел к этому никаких оснований.

В археологической науке разрешение вопроса о приоритете часто бывает связано с бóльшими трудностями, чем в других отраслях знания. Обстоятельства, при которых были сделаны археологические находки, не всегда могут быть точно установлены; самые находки не всегда своевременно становятся известны ученому миру; первые попытки к объяснению таких находок обыкновенно предлагаются в виде недостаточно обоснованных догадок, на которых сами предлагающие не решаются настаивать, и входят в научный обиход долгое время спустя, если находят себе подтверждение в новых находках; при этом нередко забывается, кем впервые было предложено данное объяснение, в свое время отвергнутое учеными в качестве догадки, не подкрепленной достаточным числом фактов.

Первый оссуарий в Туркестанском крае, насколько может быть установлено в настоящее время, был найден в 1871 г. при работах в саду подполковника Раевского в Ташкенте. В печать, по-видимому, не проникло никаких известий ни о факте находки, ни о самом предмете до 1906 г., когда об этом вспомнил Н. Ф. Петровский по поводу обсуждения в печати вопроса об оссуариях [8].

Следующие находки относятся к 1885 г. и были сделаны проф. Н. И. Веселовским во время раскопок на месте городища Афрасиаб (около Самарканда), произведенных по поручению Археологической комиссии. При раскопках было обнаружено значительное число глиняных

---

mation de l'existence». Неудачные выражения французского перевода, за которые, конечно, ответственна редакция (в том числе и пишущий эти строки), едва ли могут вводить в заблуждение тех, кому доступен подлинник.

[7] ЗВОРАО, т. XIII, стр. III: «Этим объясняется важность сделанного открытия в археологическом отношении, так как другие предшествовавшие этому открытию находки не вошли в научный оборот». Веселовский, *Еще об оссуариях*, стр. 0180: «. . .после открытия в Самарканде в 1899 г. шести оссуариев».

[8] ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 33, прим. (из газеты ТВ, 1906, № 176).

черепков с головками людей и животных; аналогия с головами медуз на саркофагах, найденных в курганах южной России, привела проф. Веселовского к заключению, что черепки принадлежат к глиняным гробам домусульманского периода. Некоторые черепки оказались настолько подходящими один к другому, что из них составился почти целый ящик, который и был демонстрирован проф. Веселовским в заседании Археологического общества 11 февраля 1886 г., во время чтения доклада о раскопках; изображение лицевой стороны ящика (с интересными фигурами людей и животных) было издано проф. Веселовским только в 1907 г.[9]. Отчет о раскопках Н. И. Веселовского вошел в доклад о действиях Археологической комиссии за 1885 г. В печати протокол заседания Археологического общества появился в 1887 г.[10], доклад о действиях Археологической комиссии — в 1891 г.[11].

Ни в протоколе, ни в докладе Комиссии нет отголоска тех прений, которые, как мы знаем теперь [12], происходили в заседании. Говорится о «глиняных гробах домусульманского периода»; указывается на аналогию с глиняными гробами, найденными на Кавказе [13]; но не приводятся размеры сложенного проф. Веселовским ящика [14]; не сказано даже, что ящик по своим размерам мог быть только костехранилищем, вследствие чего нет и попытки объяснить обычай очищения костей трупа от мяса.

В том же 1885 г., как теперь засвидетельствовано проф. Веселовским [15], был найден при земляных работах в Самарканде и приобретен купцом мирзой Бухариным «полный оссуарий». Ни в протоколе заседания, ни в докладе Комиссии не говорится ни об этой находке, ни о приобретенной Комиссией в 1886 г., от того же Бухарина, крышке от овального оссуария [16] (самого оссуария при крышке не было). В протоколе заседания упоминается о двух глиняных гробах, найденных на даче Джура-бека в Ташкенте [17]; но об этой находке проф. Веселовский не мог сообщить «ничего обстоятельного» [18]. Н. П. Остроумов в 1890 г. видел

[9] Веселовский, *Еще об оссуариях*, табл. VII, № 5. В статье проф. Веселовского (там же, стр. 0178) это изображение отнесено к оссуарию, «приобретенному» им в Самарканде в 1885 г.; но из протокола заседания 11 февраля 1886 г. видно, что такие фигуры были на ящике, сложенном из обломков, добытых при раскопках, и демонстрированном в заседании.

[10] ЗРАО, н. с., т. II, 1887, стр. CII—CIII.

[11] ОАК за 1882—1888 гг., стр. LXXIX.

[12] ЗВОРАО, т. XIII, 1900, стр. III; Веселовский, *Еще об оссуариях*, стр. 0179.

[13] Впоследствии эта аналогия была отвергнута самим Н. И. Веселовским, как основанная на недостаточно проверенных данных (ЗВОРАО, т. XIII, 1900, стр. XLVIII).

[14] См. теперь Веселовский, *Еще об оссуариях*, стр. 0178, прим.

[15] Там же, стр. 0177.

[16] Изображение в ЗВОРАО, т. XVII, 1907, табл. VI, № 2а и 2б.

[17] Н. П. Остроумов относит эту находку к 1889 г. (*Новые данные*, стр. 34), что, конечно, опровергается словами протокола, напечатанного в 1887 г.

[18] По словам рабочих, нашедших оссуарий, рядом с ним «в земле находились другие такие же ящики» (Остроумов, *Новые данные*, стр. 34).

один из этих оссуариев у Д. М. Граменицкого; где этот предмет находится в настоящее время, не удалось установить.

Находки 1885 г. не только не вошли в научный обиход, но были впоследствии [19] забыты в самом Туркестане, где первыми по времени признавались [20] находки 1886 г.

В этом году в 22 верстах от Ташкента, близ почтовой станции Ниазбаш, на земле отставного рядового Ваулина, был найден глиняный гробик овальной формы с крышкой, оканчивавшейся наверху грубым изваянием человеческой головы [21]. Командированный губернатором Н. И. Гродековым в Ниазбаш Е. Т. Смирнов мог только приобрести найденный предмет [22] и препроводить его в Археологическую комиссию, где он находится и в настоящее время; получить от Ваулина подробные сведения об обстоятельствах, при которых был найден гробик, не удалось. Вопрос о сделанной находке тогда же обсуждался на страницах «Туркестанских ведомостей», гробик был признан погребальной урной с костями, оставшимися после сожжения трупа; только впоследствии было установлено, что на костях не было никаких следов огня [23].

В том же 1886 г. около Ташкента, по дороге в село Никольское, при работах, производившихся на земле Н. М. Никифорова, было обнаружено целое кладбище подобных гробиков; по словам рабочих, их было более сотни [24]. Для науки такое открытие, после этого не повторявшееся, конечно, было бы неоценимым, если бы оно было сделано при правильных раскопках или если бы своевременно были приняты меры для сохра-

---

[19] В туркестанской печати за 1885 г., по-видимому, были приведены даже преувеличенные сведения об этих находках; в статье Н. С. Лыкошина, основанной на этих сведениях, говорится об открытии «глиняных саркофагов с рельефными украшениями и надписями» (Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, I, стр. 33). Таковых не найдено в Средней Азии и до сих пор. <В настоящее время в Хорезме открыты оссуарии с надписями, в которых упоминается имя умершего и дата смерти.>

[20] Так еще в статье Н. П. Остроумова (*Новые данные*, стр. 33).

[21] См. изображение этого предмета в ЗВОРАО, т. XVII, 1907, табл. VI, № 1. Н. П. Остроумов (*Новые данные*, стр. 33) ошибочно относит к этому оссуарию другое изображение; и по статье Н. С. Лыкошина, на «урне», добытой Ваулиным, было изображение человеческой головы (Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, II, стр. 9). Описание Н. П. Остроумова, по-видимому, относится к урне, добытой в местности Абдуджалиль-баб (о ней у Н. С. Лыкошина, *Очерк археологических изысканий*, II, стр. 9, по статье в ТВ, 1887, № 17).

[22] В этом смысле, очевидно, должны быть поняты слова самого Е. Т. Смирнова (*Древности*, стр. 119; отд. отт., стр. 9): «Первый экземпляр такой урны в Ташкентском районе добыт мною в 1886 г. близ почтовой станции Ниазбаш». Что урны были добыты на участке Ваулина до приезда Смирнова, видно уже из тщетных попыток получить от Ваулина более подробные сведения об этой находке.

[23] Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, II, стр. 9—10, со ссылкой на ТВ, 1886, № 17.

[24] Наиболее подробное описание этой находки помещено в статье Е. Т. Смирнова (*Древности*, стр. 120; отд. отт., стр. 10).

нения в целости найденных предметов и для точного описания самого кладбища. Ни то, ни другое не оказалось возможным; гробики были разрушены рабочими, о их содержимом можно было судить только по рассказам тех же рабочих; только один обломок «с рельефным изображением богатыря с поднятой палицей в руке» поступил в ташкентский музей [25]. При правильных раскопках, произведенных на земле Н. М. Никифорова в 1887 г. Н. П. Остроумовым по распоряжению Археологической комиссии, было открыто другое кладбище, с иным способом погребения (в земляных могилах с камышовой настилкой), но оссуариев найдено не было [26].

В таком положении, если не ошибаемся [27], оставался вопрос об оссуариях до открытия действий Туркестанского кружка любителей археологии. Мысль о необходимости образовать такой кружок впервые была высказана в заседании Туркестанского отдела Имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 11 декабря 1893 г. В этом заседании Н. П. Остроумовым был сделан доклад о раскопках, произведенных в крае до того времени, и были предъявлены собранию некоторые из предметов, добытых при этих раскопках. Среди них, как я помню (в печатном отчете о заседании [28] об этом не упоминается), были и глиняные гробы, которыми продолжали интересоваться туркестанские археологи. Некоторые из них сомневались в возможности такого обычая, как отделение мяса от костей умершего, и находили более правдоподобным, что мясо было отделено от костей трупа уже после погребения, ради перенесения на родину останков человека, умершего и первоначально похороненного в чужой земле. Мои собеседники уже тогда указывали мне на тот киргизский [29] обычай, о котором впоследствии, также по поводу оссуариев, Н. И. Веселовский привел рассказ купца Афросимова [30].

Кружок открыл свои действия 11 декабря 1895 г. В первый же год его существования, в заседании 3 июня 1896 г., в моем докладе «Несколько

---

[25] Остроумов, *Новые данные*, стр. 34. В статье Е. Т. Смирнова (*Древности*, стр. 10) говорится еще о других обломках с другими изображениями, но не рельефными, а в виде рисунков, вычерченных на сырой глине.

[26] О раскопках см. статью Н. С. Лыкошина (*Очерк археологических изысканий*, II, стр. 6—8 и 10—14) и ОАК за 1882—1888 гг., стр. CXCIII—CXCIX (на стр. CXCIII говорится и о находке 1886 г., причем упоминаются «погребальные урны, в виде овальных ящиков, украшенных рельефными фигурами»).

[27] В статье Н. П. Остроумова (*Новые данные*, стр. 34) упоминается, без определения времени, еще одна находка, не имевшая никаких последствий, именно «глиняный гроб с человеческими костями», найденный в Ташкенте «во время устройства Александровского сквера близ зимнего театра». Когда был устроен сквер, мне неизвестно. Гроб «был разбит рабочими, и обломки его в музей не доставлены».

[28] Кроме отчета, тогда же помещенного в ТВ, 1893, № 91, сведения о заседании 11 декабря 1893 г. можно найти в отдельной брошюре *Открытие Туркестанского кружка* и в статье Н. С. Лыкошина *Очерк археологических изысканий*, II, стр. 24 и сл.

[29] ‹Казахский.›

[30] ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. III—IV.

слов об арийской культуре в Средней Азии» [31] было приведено, для объяснения размера глиняных гробиков, известие Табари (такое же известие, как потом оказалось, находится еще у Нершахи; источник обоих авторов, вероятно, один и тот же) об убиении в 121/739 г. бухар-худата (владетеля Бухары) Тугшаде, причем «от него (убитого) отделили мясо, а кости отвезли в Бухару» [32]. Это известие остается и до настоящего времени единственным до сих пор найденным письменным известием о погребальных обычаях в Туркестане в эпоху арабского завоевания. Для столичных ученых кругов моя статья, по-видимому, прошла бесследно; в Туркестане на известие Табари, с моих слов, было обращено внимание в статье Н. С. Лыкошина, напечатанной в том же году в том же журнале «Средне-Азиатский вестник» [33]. Редактор журнала Е. Т. Смирнов в примечании к этому месту указал, что найденные в гробиках кости «имели следы гниения, предшествовавшего укладке их в урны», т. е. что они едва ли могли быть очищены от мяса тотчас после наступления смерти, как можно бы заключить по выражениям арабского рассказа [34].

Во второй год деятельности кружка впервые удалось найти глиняные гробики непосредственно в земле, в присутствии самих археологов. 18 апреля 1897 г., при вице-председателе (Н. П. Остроумове) и двух членах кружка, на земле сарта Акбар-хана в Ташкенте, на границе русского города (в сторону Самарканда) «были извлечены из-под земли, с глубины до двух аршин, два глиняных костехранилища с крышками, наполненные человеческими костями, пересыпанными сухой землей». По словам Н. П. Остроумова, у местных археологов «только тогда не осталось сомнения в том, что находимые доселе глиняные ящики с такими же крышками представляли собою дотоле неизвестные науке погребальные урны, в которые складывались кости умершего, по очищении их от мяса, но не подвергавшиеся сжиганию» [35]. Об этом открытии было доложено кружку 5 мая 1897 г.; к печатному протоколу этого заседания была приложена заметка Н. С. Лыкошина, в которой снова указывалось на открытое мною известие Табари и Нершахи. Для ученого мира и это открытие прошло совершенно бесследно, несмотря на то что краткая заметка о нем

[31] Напечатан в «Средне-Азиатском вестнике», 1896, июнь; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 322—332›.

[32] Табари, II, 1964; Нершахи, изд. Шефера, 60; ср. ЗВОРАО, XIII, 1901, стр. IV.

[33] Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, II, стр. 10.

[34] К 1896 г. относится еще приобретение ташкентским музеем двух оссуариев (одного целого, другого разбитого пополам), найденных еще в 1894 г. в 6 верстах от Ташкента, по дороге в Самарканд, на земле сарта Рахматуллы Латыфбаева. О самой находке Латыфбаев мог только сообщить, что всех оссуариев было пять, из которых три разбились на мелкие куски, и что в них «были сложены человеческие кости, смешанные с землей» (Остроумов, *Новые данные*, стр. 35); более кратко о той же находке говорится в ПТКЛА, год I, 1896, протокол от 26 августа 1896 г., стр. 35, где приложено изображение гробиков с указанием размеров (протокол напечатан отдельной брошюрой и в приложении к «Средне-Азиатскому вестнику», октябрь).

[35] Остроумов, *Новые данные*, стр. 35—36.

была напечатана мною в «Mittheilungen des Seminars für Orientalische Sprachen» [36].

Внешний вид гробиков, изображение которых было опубликовано кружком в 1896 г. (овал с выпуклой крышкой), и характер орнамента на одном из них заставил меня тогда же прийти к заключению, что гробики представляют подражание юртам и, следовательно, принадлежат кочевому или полукочевому народу (на основании общераспространенного обычая — устраивать жилища мертвых по образцу жилищ живых); форма гробиков напоминает не столько современный киргизский тип юрт, сколько так называемый калмыцкий, представляющий, по исследованию Н. Н. Харузина [37], более ранний тип юрты, чем киргизский. Это мнение тогда же было высказано мною в частном письме к Н. П. Остроумову [38]; впоследствии я не раз возвращался к нему на лекциях, показывая студентам изображение гробиков, но в печати его не высказывал [39]; теперь такое же мнение высказано в статье Н. П. Остроумова [40].

Совершенно иначе сложилась судьба открытия, сделанного кружком осенью 1899 г. Около 15 сентября во время работ в доме еврея Баба-Максума Фузаилова (предполагалось вырыть колодезь в одном из помещений дома) был обнаружен глиняный ящик с костями «на глубине 3 аршин 3 вершков от поверхности пола сакли». К сожалению, первые два ящика были извлечены из земли только в присутствии полицейских чинов, командированных по распоряжению губернатора В. Ю. Мединского; один ящик удалось извлечь почти целым, другой — только в обломках. 17 и 18 октября в доме Фузаилова по поводу этой находки были произведены раскопки (по собственному почину) членом кружка А. А. Половцовым и его секретарем М. С. Андреевым; о результате раскопок было доложено кружку в заседании 9 ноября другим его членом, М. М. Вирским, статья которого потом была напечатана в «Протоколах» кружка [41]. По статье Вирского, раскопки обнаружили еще четыре гробика; дальше в статье, однако, говорится только о трех, из которых один «оказался раз-

[36] Barthold, *Russische Arbeiten [1898]*, S. 168.

[37] *История развития жилища.*

[38] Сохранившееся у меня ответное письмо Н. П. Остроумова имеет дату 26 декабря 1896 г.

[39] Среднеазиатские гробики не упомянуты мною даже в статье, где по поводу известного труда А. Мейцена (*Siedelung*) говорится о сходстве с юртами погребальных урн древних германцев (*Об одном историческом вопросе*, стр. 59).

[40] *Новые данные*, стр. 41. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Н. П. Остроумов давно забыл о моем письме и пришел к своему выводу совершенно самостоятельно. ‹Ряд исследователей поддерживает мнение В. В. Бартольда о сопоставлении овальных оссуариев с юртами. См.: Потапов, *Рельефы древней Согдианы*, стр. 128; Бернштам, *Археологический очерк*, стр. 58. Вместе с тем было высказано мнение, что овальные оссуарии восходят по форме к курганообразным погребальным сооружениям (Пугаченкова, *Элементы согдийской архитектуры*, стр. 44). Овальные оссуарии сейчас в большом числе найдены в Согде, а прямоугольные известны в Семиречье.›

[41] Вирский, *Древние глиняные гробы.*

давленным», два других «также представляли развалину, но их удалось с большими затруднениями и предосторожностями вынести наружу»; о шестом гробике сведений нет [42]. Все шесть гробиков были расположены «в одну правильную линию», на расстоянии 3—4 вершков один от другого. В статье М. М. Вирского приведены размеры [43] трех гробиков, извлеченных из земли без разрушения; из них один (обнаруженный еще 15 сентября) был отправлен в Париж на Всемирную выставку, другой — передан в местный музей со всем содержимым; третий, после снятия с него фотографии, был освобожден от костей и земли, после чего «распался на мелкие части»; однако удалось сложить без повреждений лицевую стенку гроба, с орнаментом и четырьмя головками, распавшуюся на три части. В настоящее время в самаркандском музее, как установлено К. А. Иностранцевым по письму В. Л. Вяткина от 8 мая 1907 г.[44], хранятся из находки в доме Фузаилова три оссуария, из которых кости в одном «не потревожены», в другом частью утрачены, третий — пустой [45].

Эта счастливая находка была предметом реферата Н. И. Веселовского в заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества 27 января 1900 г.; в печатном протоколе заседания впервые на страницах ученого журнала были указаны приблизительные размеры гробиков, впервые был предложен термин «костехранилище» (ossuarium) вместо употреблявшихся прежде терминов «гроб», «гробик» и «урна», в отчете о прениях по поводу реферата отмечено приведенное выше известие Табари и Нершахи [46]. С того времени вопрос об оссуариях был предметом целого ряда рефератов и статей как со стороны петербургских, так и со стороны туркестанских археологов [47]. Вопрос рассматривался с различных точек зрения; кроме выводов, основанных на внешнем виде оссуариев и хранившихся в них костей, делались попытки идти к выясне-

[42] В статье Н. П. Остроумова (*Новые данные*, стр. 36) также говорится только о находке пяти гробиков (двух первых — в сентябре, трех последних — 17 и 18 октября).

[43] Вирский, *Древние глиняные гробы*, стр. 157. В тексте благодаря опечаткам есть некоторая неясность и некоторое противоречие с подписью под изображением гроба, приложенным к стр. 156. Очевидно, следует читать: гроб № 2 (отправленный на выставку): при основании длина $13^5/_8$ вершка, ширина $7^7/_9$ вершка, по вершине длина $12^2/_9$ вершка, ширина $7^1/_9$ вершка, высота $5^5/_9$ вершка; гроб № 4 (передан в музей): длина $13^1/_2$ вершка, ширина 7 вершков, высота $5^1/_4$ вершка; гроб № 5 (освобожден от костей и распался): длина 14 вершков, ширина $8^1/_4$ вершка, высота $4^3/_4$ вершка. Изображение относится к № 4.

[44] Иностранцев, *К изучению оссуариев*, стр. 066.

[45] Первый, очевидно, № 4 статьи М. М. Вирского ‹*Древние глиняные гробы*›, второй — № 2 (поступивший в музей, по-видимому, после возвращения со Всемирной выставки), третий — или № 5 (вновь сложенный после распадения «на мелкие части»), или тот шестой гробик, о котором в статье нет сведений.

[46] ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. II—IV.

[47] Наиболее подробный библиографический обзор этих работ принадлежит К. А. Иностранцеву (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0166, прим. 2, и *К изучению оссуариев*, стр. 064). Страницы статей в «Средне-Азиатском вестнике» и в сборнике «Средняя Азия» цитуются им по отдельным оттискам.

нию вопроса путем привлечения «сравнительного материала» из других стран (такова, по словам самого автора [48], главная цель статей К. А. Иностранцева) или путем сопоставления письменных известий о погребальных обычаях восточноиранских народностей, к числу которых, конечно до вторжения турецких элементов, принадлежало население Туркестана.

Последнюю цель имел в виду пишущий эти строки, прочитавший в заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества 21 декабря 1900 г. доклад «Еще о самаркандских оссуариях» [49] и напечатавший статью под этим заглавием в «Записках» отделения [50]. Статья заключает в себе существенный пропуск, впоследствии отмеченный мною на страницах тех же «Записок» [51]: обычай содержать собак для уничтожения мяса трупов существовал не только в Бактриане, по рассказу Онесикрита, но и в Самарканде, по рассказу китайских источников [52], восходящему, как теперь доказано, к отчету посла Вэй Цзе, бывшего в Самарканде в начале VII в. н. э.[53]. Такое совпадение известий двух рассказов, безусловно независимых один от другого и отделенных друг от друга периодом более девяти веков, представляет, конечно, большой интерес; естественно было ожидать, что существование обычая, так долго господствовавшего в стране, будет подтверждено и археологическими находками. Самаркандские оссуарии, по-видимому, не оправдывают этих ожиданий; по словам М. М. Вирского, «ни на одной из тщательно осмотренных костей, принадлежавших, видимо, взрослому человеку, каких-либо следов зубов хищных зверей не замечено» [54], все письменные и устные сообщения, до сих пор полученные мною от туркестанских археологов, также говорят о полном отсутствии таких следов. Замечательно, однако, свидетельство Е. Т. Смирнова о ташкентских оссуариях, добытых в 1886 г.: «Я разбирал содержимое урн очень внимательно, и меня поражало то, что многие мелкие кости рук и ног были как бы обгрызены, а от больших встречались осколки и обломки» [55]. Эти слова заслуживают внимания тем более, что автор их не имел сведений ни о рассказе Онесикрита, ни о рассказе Вэй Цзе.

В рассказе Вэй Цзе есть еще одна любопытная подробность: после уничтожения мяса кости зарывались в землю с соблюдением некоторых

---

[48] Иностранцев, *К изучению оссуариев*, стр. 067.

[49] ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. XLVIII.

[50] ‹См. выше, стр. 119—123.›

[51] Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0167.

[52] Европейскими учеными этот рассказ сначала был извлечен из компиляции Ма Дуань-линя (XIII в.); ср.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, t. I, p. 230, и Tomaschek, *Sogdiana*, S. 7. На этот рассказ обратил мое внимание К. А. Иностранцев.

[53] Chavannes, *Documents*, pp. 133, 312. О посольстве Вэй Цзе еще Hirth, *Nachworte*, S. 38.

[54] Вирский, *Древние глиняные гробы*, стр. 159.

[55] Смирнов, *Древности*, стр. 121, прим.; отд. отт., стр. 11.

обрядов, но не клались в гробы [56]. Едва ли можно предположить, что народ от обычая хоронить кости в особых ящиках перешел к обычаю зарывать их прямо в землю; следовательно, если бы можно было вполне полагаться на точность наблюдений китайского посла, то для самаркандских оссуариев был бы установлен terminus post quem — начало VII в. н. э.[57]. Еще менее поддается точному установлению terminus ante quem. Обычное выражение «домусульманский период» могло считаться достаточно точным, пока еще не был опровергнут предрассудок о распространении ислама «огнем и мечом» и о немедленном принятии всем покоренным населением новой веры со всеми ее требованиями, без всяких пережитков прежних обычаев. Влияние этого предрассудка проявлялось еще при оценке последних археологических находок не только в Западном, но и в Восточном Туркестане; открытые в последней стране буддийские рукописи и предметы буддийского культа смело относились к «домусульманскому периоду» [58], пока не было приведено свидетельство письменного источника, по которому в Турфане еще в 1420 г. н. э. были «вновь сделанные» буддийские идолы [59].

О Западном Туркестане мы теперь знаем, что в Самарканде еще в эпоху Саманидов (в X в. н. э.) была община огнепоклонников, на которых в виде натуральной повинности, заменявшей денежную подать, была возложена обязанность содержать в исправности знаменитый водопровод, снабжавший водой шахристан, т. е. первоначальное городское поселение (ныне городище Афрасиаб) [60]. В доказательство домусульманского происхождения оссуариев ссылались на приделанные к ним фигуры людей и животных, что будто бы не могло иметь место в эпоху господства в стране правоверного (суннитского) ислама [61]. Между тем до нас дошел следующий рассказ Нершахи [62]: «В Бухаре был базар, который называли базаром Махруз [63]. Два раза в год, каждый раз по одному дню, устраивали базар;

[56] По переводу Шаванна (*Documents*, p. 133): «... après cela on recueille tous les ossements qu'on enterre en leur faisant un convoi funèbre; on ne les met dans aucun cercueil».

[57] ‹Сейчас установлено существование в Самаркандском Согде оссуарных погребений и более раннего времени.›

[58] Ср. мнение Св. Гедина (*В сердце Азии*, т. II, стр. 98). Мнение Гедина неправильно уже потому, что Восточный Туркестан (хотя часто утверждалось противное) вообще не подвергался арабскому завоеванию.

[59] Ольденбург, *Отрывки*, стр. 52; по: Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 310, 389; Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 27.

[60] См. мою книгу *Туркестан*, ч. II, стр. 88; ‹наст. изд., т. I, стр. 136›; по Истахри, 317; Ибн Хаукаль, 336, 11—13. О водопроводе см. Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*, стр. 22; ‹см. выше́, стр. 131›.

[61] Так Н. И. Веселовский в ЗРАО, н. с., т. II, 1887, стр. CIV, и еще Hartmann, *Archäologisches aus Russisch-Turkistan*, I, Sp. 559 («es ist sehr unwahrscheinlich, dass solche Industrie etwa heimlich noch nach dem Jahre 93/712, dem Jahre der Eroberung, geübt worden ist»).

[62] Изд. Шефера, 18—19.

[63] Т. е. «базаром в день Маха»; дальше рассказывается легенда о царе этого имени. У Хартманна (*Archäologisches aus Russisch-Turkistan*) делается ссылка на не

каждый раз, когда был базар, продавали идолов; каждый день был торг более чем на 50 000 дирхемов. Мухаммед б. Джа'фар (Нершахи) в [своей] книге рассказал: этот базар был [и] в наше время; я крайне удивлялся, зачем это установили. Я спросил у стариков и шейхов Бухары, какая была этому причина; они сказали, что жители Бухары в древности были идолопоклонниками и с того времени был установлен этот базар; на нем продавали идолов [64], теперь также остался подобный [обычай]». Текст Нершахи, кажется, может быть понят только в том смысле, что продажа «идолов», т. е. фигурных изображений, открыто производилась, в качестве пережитка прежних верований, еще в мусульманской Бухаре. Слова «этот базар был в наше время», по-видимому, показывают, что такой обычай существовал еще в дни молодости Нершахи (родившегося в 286 [65]/899 г.), но успел исчезнуть ко времени написания его сочинения, т. е. к 332/943-44 г. Этот факт, по-видимому, указывает на первую половину X в. как на время исчезновения среди мусульманского населения Бухары пережитков домусульманских религиозных верований. Для окончательного решения вопроса требуется, конечно, еще приведение других фактов, из других областей религиозной жизни народа.

При пользовании письменными известиями, однако, необходимо остерегаться методологической ошибки, в которую часто впадают историки и еще чаще археологи: на основании некоторых признаков сходства сближают между собой факты, в действительности принадлежащие, по многим другим признакам, к совершенно различным категориям, что происходит от недостаточного изучения каждой категории в отдельности. По поводу отделения мяса от костей трупа барон В. Р. Розен [66] вполне основательно заметил, что «следует отличать в данном случае религиозный обычай от приема, употребляемого только для удобств перевозки останков». Если мы для объяснения оссуариев будем привлекать и факты последней категории, то пределы нашего исследования расширятся до бесконечности, с несомненным ущербом для ясности постановки вопроса. Достаточно указать, что, когда Фридрих Барбаросса в 1190 г. утонул в восточной части Малой Азии, мясо, отделенное от костей трупа, было погребено в Антиохии, а кости отвезены в Палестину [67]. При таком приеме ис-

---

лишенное вероятности мнение Кристенсена (*Die Moschee Māḥ*, Sp. 49 sq.; и о том же M. Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 327), по которому в действительности слово ماخ есть только диалектическое произношение перс. ماه (*māh 'луна'*) и весь обычай связывается с культом месяца. «Днем луны» было по персидскому календарю 12-е число каждого месяца. В своем новейшем труде Кристенсен (*L'empire des Sassanides*, p. 17) уже приписывает известие о культе луны самому Нершахи.

[64] О местоположении «ворот мечети Маха», где, вероятно, производился этот торг, ср. мою книгу *Туркестан*, ч. II, стр. 106 и 110; ‹наст. изд., т. I, стр. 154—159›.

[65] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 68 (по Сам'ани).

[66] ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. IV.

[67] Lindner, *Weltgeschichte*, Bd II, S. 224. Ср. еще указание Н. П. Остроумова на обычай «освобождать кости покойников (через два или три года после похорон) от

следования мы бы вышли далеко за пределы тех географических, этнографических, хронологических и религиозно-исторических рамок, среди которых, во всяком случае, надо искать разрешения вопроса об оссуариях.

Более правильным представляется, по-видимому, другой путь исследования — рассматривать погребение костей отдельно от мяса, как религиозный обычай, вытекающий из требований той религии, которой придерживалось большинство населения страны до распространения ислама, т. е. религии Зороастра; исследователь при этом старается выяснить, насколько данный обычай соответствует как теоретическим требованиям религии, так и практическому применению этих требований в других местностях, где жили огнепоклонники. К сожалению, мы и на этом пути встречаем множество затруднений. Насколько мы можем судить по письменным известиям [68], погребальные обычаи, в разное время и в разных местностях применявшиеся последователями Зороастра, существенно отличались от обычаев, предписываемых священными книгами в дошедшей до нас редакции и соблюдаемых современными огнепоклонниками везде, где еще сохранились их общины. Даже так называемые «башни молчания» (*дахмы*), вопреки общему мнению [69], едва ли могут быть признаны характерными для последователей Зороастра во все времена и во всех местностях иранского мира. Жители Бактр при Онесикрите и жители Самарканда при Вэй Цзе, содержавшие собак для уничтожения мяса трупов, несомненно, были огнепоклонниками, но дахмы ими, очевидно, не воздвигались [70]. Единственное пока арабское известие об отделении мяса от костей трупа в Средней Азии, именно рассказ Табари и Нершахи, даже независимо от своей неопределенности, трудно поддается толкованию с точки зрения требований Авесты. Если вообще, как полагает К. Г. Залеман [71], «обряд очищения костей от мяса (человеческими руками) и погребения первых не находится в противоречии с Авестой», то выполнение этого обряда, с точки зрения требований религии, могло бы быть возложено только на особый класс людей, на который постоянное соприкосновение с нечистыми (по учению веры) трупами кладет некоторую печать отвержения [72]. Между

мясных покровов», сохранившийся на Афоне, и указание покойного ген.-губ. Н. А. Иванова на «подобный же обычай извлечения костей, отделившихся от мясных покровов после погребения в пещерах, образовавшихся в наносной лаве близ Неаполя» (ПТКЛА, год VIII, 1903, стр. 9).

[68] Ср. мою статью *Еще о самаркандских оссуариях*; ‹см. выше, стр. 119—123›.

[69] Это мнение недавно вновь выражено К. А. Иностранцевым (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0171): «. . . при существовании огнепоклонического населения они (дахмы) и сходные с ними сооружения должны были существовать в Средней Азии».

[70] ‹Иностранцев в 1909 г. (*О древнеиранских погребальных обычаях*, стр. 114—115) отмечал, что указание на дахму содержится уже в сообщении Вэй Цзе о постройке под Самаркандом в уединенном месте «особого сооружения». Сейчас остатки дахм, по сообщению С. П. Толстова (*По древним дельтам*, стр. 115), обнаружены.›

[71] ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. XLVIII.

[72] Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 272 sq.; Jackson, *Persia Past and Present*, p. 392.

тем у Нершахи в палатку убитого бухар-худата входят для выполнения такого обряда собственные чакиры убитого, т. е. его слуги или телохранители, по всей вероятности благородного происхождения [73]. Независимо от этих недоумений рассказом Табари и Нершахи (на что мною в свое время не было обращено достаточно внимания) приходится пользоваться с осторожностью уже потому, что в нем говорится не об обычном погребении умершего в месте его кончины, а о перенесении в родной город костей убитого в чужом, хотя и не очень отдаленном городе. Между Самаркандом, где был убит бухар-худат, и Бухарой арабы считали шесть или семь дней пути [74], так как событие произошло в жаркое время года [75], то и такое число дней могло иметь значение. Известий о том, как совершалось в эту эпоху погребение туземцев Туркестана при обыкновенных обстоятельствах, мы до сих пор, к сожалению, не имеем. Столь же разнообразны, как способы уничтожения мяса трупов, были, по-видимому, способы хранения очищенных от мяса костей. Религия предписывает после очищения костей от мяса помещать кости в особые *астоданы* (костехранилища), где бы они были безопасны от «собаки, лисицы, волка и дождевой воды» и в то же время доступны для лучей солнца; поэтому астоданы должны иметь отверстия для пропуска света [76]. По толкованию ученого парса Моди, «сохранение костей необходимо для воскресения тела» [77]. В настоящее время астоданом обыкновенно служит отверстие внутри дахмы, куда два раза в год, при очищении башни, сбрасываются кости растерзанных трупов [78]; но еще прежние исследователи полагали [79], что в древности астоданы могли быть особыми сооружениями. К. А. Иностранцев [80] считает астоданами так называемые *наусы* (от греч. ναός), часто упоминаемые в эпоху Сасанидов и в первые времена мусульманского владычества вместе с дахмами, но, по-видимому [81], отличаемые от них. Такие наусы были и в Туркестане,

[73] О чакирах см. мою книгу *Туркестан*, ч. II, стр. 182, 185; ‹наст. изд., т. I, стр. 238, 241›.

[74] Там же, стр. 99; ‹наст. изд., т. I, стр. 148›.

[75] По Нершахи (изд. Шефера, 59), в месяц рамазан, который в 121/739 г. начинался 11 августа и оканчивался 9 сентября.

[76] Ср. о прорезах на туркестанских оссуариях замечания И. Т. Пославского (*К вопросу о глиняных гробах*, стр. 38), Н. И. Веселовского (*Еще об оссуариях*, стр. 0178) и Н. П. Остроумова (*Новые данные*, стр. 42).

[77] Приведено К. А. Иностранцевым (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0168—0169), со ссылкой на исследование Modi *Astôdân* и некоторые другие статьи того же автора. Моди основывался на тексте книги Вендидад, VI, 49—51.

[78] Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 270; ср. Jackson, *Persia Past and Present*, p. 440.

[79] Таково мнение Гейгера (*Ostīrānische Kultur*).

[80] *Туркестанские оссуарии*, стр. 0171.

[81] Противоположное мнение у Ф. Юсти (*Geschichte Irans*, S. 547, Anm. 3). К. А. Иностранцев (*Туркестанские оссуарии*) ошибочно приписывает такое мнение Нёльдеке (ср. Табари, пер. Нёльдеке, 130, прим. 2: «. . . wenn auch nicht gerade in förmlichen Dachma's»). В рассказе Ибн ал-Факиха (255—256) о каменном «наусе газели», находившемся в 3 фарсахах от Хамадана и в $^1/_2$ фарсаха от замка Бехрама Гура, наус рассматривается как мавзолей, воздвигнутый над могилой.

как показывает приведенное К. А. Иностранцевым известие Табари [82], что в 104/722-23 г. в городе Ребинджане [83] (около нынешнего Катта-Кургана) один из самаркандских вельмож по приказанию арабского наместника был распят «на наусе». Это известие, как и сопоставление наусов с дахмами, показывает, что наусы были сооружением значительных размеров. Рядом с этим, однако, высказывается мнение, что астоданами могли служить каменные и глиняные ящики с костями, находимые в различных местностях Персии [84]. Эти ящики отличаются почти такими же размерами, как туркестанские оссуарии, и таким же беспорядочным расположением костей, но на них почти отсутствует «орнамент, богато представленный и заслуживающий изучения в туркестанских оссуариях»[85]. Это отличие показывает, что кости трупов были окружены в Туркестане большей заботливостью, тем более что искусство в Туркестане едва ли в какую бы ни было эпоху (всего меньше в эпоху Сасанидов) могло стоять на более высокой ступени развития, чем в Персии [86]. Кроме того, если признать наус астоданом [87], то трудно примирить такое мнение с обстановкой, при которой обыкновенно находились оссуарии. Насколько показывают сделанные до сих пор находки, ящики с костями зарывались непосредственно в землю, а не хранились в особых зданиях и постройках на поверхности земли, хотя высказывалось и такое мнение [88]. Правда, у арабских авторов встречаются рассказы о хранении «гроба» (по очень правдоподобной догадке К. А. Иностранцева — оссуария) в царской сокровищнице [89], есть и рассказы о помещении таких «гробов» в наусы: в наус, по рассказу Табари, был помещен гроб с останками последнего сасанидского царя, перевезен-

[82] Табари, I, 1448, 5.

[83] Ср. об этом городе мой *Туркестан*, ч. II, стр. 99 и 245; ‹наст. изд., т. I, стр. 148 и 294›.

[84] К. А. Иностранцеву (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0168) были известны только находки в Месопотамии и в южной Персии; в книге Джексона (*Persia Past and Present*, pp. 96—97) упоминается о таких находках близ озера Урмии. Для хронологического определения этих ящиков пока нет данных; Джексон (*Die iranische Religion*, S. 694), по-видимому без доказательств, относит их к парфянской эпохе.

[85] Слова К. А. Иностранцева (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0170).

[86] Изображения, приложенные к последней статье К. А. Иностранцева (*К изучению оссуариев*), не оставляют сомнения в том, что по внешнему виду найденные около Бушира оссуарии, как каменный, так и глиняный, нисколько не похожи на туркестанские.

[87] ‹По заключению А. Я. Борисова (*О значении слова «наус»*, стр. 310), наус у арабских авторов заменяет оба исконно зороастрийских термина — *наус* и *астодан* — и означает гробницу вообще, а отнюдь не особый вид погребальных сооружений зороастризма.›

[88] Пославский, *К вопросу о глиняных гробах*, стр.38 и сл.; ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 30. ‹В настоящее время известны находки оссуариев в обособленных постройках, именуемых археологами наусами (Ставиский и др., *Пянджикентский некрополь*), или в специальных подземных камерах (М. Массон, *Ахангеран*, стр. 29), а также в помещениях внутри домов.›

[89] Иностранцев, *Туркестанские оссуарии*, стр. 0171, прим. 1.

ный из Мерва в Истахр [90]. Конечно, вполне возможно, что в одно и то же время в стране могли применяться различные способы хранения костей, в зависимости от имущественного и социального положения отдельных классов, степени их образования и более или менее тесного общения с жителями более культурных стран [91]. Едва ли можно сомневаться в том, что после арабского завоевания, когда Туркестан впервые был вполне приобщен к переднеазиатскому культурному миру, туркестанские огнепоклонники должны были подчиниться влиянию своих более культурных персидских единоверцев и перенять их обычаи, в том числе и обычай строить дахмы (если таковых в Туркестане раньше не было) [92]. Но и это предположение, как ни вероятно оно само по себе, пока не может быть подкреплено документальными данными.

При таких условиях привлечение «сравнительного материала» из других стран, как нам кажется, не оправдывает ожиданий. Н. И. Веселовским [93] уже была указана (по другому поводу) опасная сторона этого приема в археологии; нередко он сводится к привлечению «постороннего элемента, который затемняет существо дела и потому является вредным»; вред его, как нам кажется, проявляется еще в том, что он отвлекает исследователей от наиболее необходимой работы, от сопоставления отдельных экземпляров предмета, подлежащего исследованию, установления отдельных разновидностей и выяснения их зависимости от географических, этнографических и иных условий. Кроме оссуариев, найденных в Персии, туркестанские оссуарии сближались также с оссуариями евреев (факт находки оссуариев в еврейском квартале Самарканда вызвал даже предположение, что и эти оссуарии могут принадлежать евреям [94]) и с погре-

[90] Табари, I, 2874, внизу. Не невозможно, что упомянутая в рассказе *Бэй-ши* и *Суй-шу* о Ташкенте «золотая урна с пеплом покойников» (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 184 и 197—198; ср.: Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0103; ‹см. выше, стр. 122› и Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0167) в действительности была оссуарием.

[91] ‹В байрамалинском некрополе сосуществуют трупоположения в ямах, гробницах из кирпича, керамических гробах, захоронения костей в оссуариях и сосудах и просто кучи костей. См. Ершов, *Некоторые итоги*, стр. 171.›

[92] ‹См. выше, стр. 165, прим. 70.›

[93] *Мнимые «каменные бабы»*, стр. 4.

[94] Коковцов, *Об еврейских оссуариях* и ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. XLVIII. В первом месте высказывается (П. К. Коковцовым) вполне справедливое предположение, что «самаркандским костникам» может быть приписано еврейское происхождение, если они «по размерам и декоративным украшениям подходят к найденным в Иерусалиме, Лидде, Александрии и Алжире еврейским костникам». Во втором месте вывод, что «еврейское происхождение самаркандских оссуариев представляется наиболее вероятным», делается только на основании совпадения размеров; вопрос о степени сходства «декоративных украшений» более не затрагивается, и не выясняется степень возможности появления на еврейских оссуариях фигур людей и животных. Как и следовало ожидать, мы на несомненно еврейских оссуариях находим только орнамент «в форме двух симметрично расположенных в длину розеток, между которыми и вокруг разбросаны такие же резные, другие украшения в форме цветков, кружков, полукругов

бальными урнами, находимыми «в Германии, на некоторых островах Эгейского моря и в Италии» [95]. Между тем мы до сих пор не имеем ни полного перечня местностей Туркестана, где были найдены оссуарии, ни точного определения отдельных типов с указанием географических границ их распространения.

Сопоставляя сведения отдельных авторов [96], мы видим, что самое большое число оссуариев было найдено в Ташкенте и Самарканде с окрестностями этих городов [97]; кроме того, в городе Аулие-Ата (по-видимому, этот город пока должен считаться крайним пределом распространения оссуариев на северо-востоке [98]), в долине Ангрена, у селения Шахристан [99] (к югу от Ура-Тюбе), в Шахрисябзе и в Закаспийской области (в Анау и Ашхабаде) [100]. Главных типов, в свою очередь распадающихся на отдельные разновидности, два, которые в газетном отчете [101] о последнем реферате И. Т. Поспавского в Туркестанском кружке (12 декабря 1907 г.) определены следующим образом: «Корзинообразные овальной формы и четырехугольные, в форме ящика». Выражения И. Т. Поспавского [102] заставляют полагать, что четырехугольные оссуарии были находимы преимущественно в Самарканде и окрестностях, овальные — в Ташкенте

и т. п.» (Коковцов, *Об еврейских оссуариях*, стр. XXII). Возражая против принадлежности туркестанских оссуариев евреям, К. А. Иностранцев (*Туркестанские оссуарии*, стр. 0167) указывает не на фигуры людей и животных, а только на «значительное количество и широкое географическое распространение» оссуариев в Туркестане. Этот довод едва ли вполне убедителен; из слов Макдиси (323), что в Мавераннахре «евреев много, а христиан мало», можно заключить, что число евреев в Туркестане при Саманидах было довольно велико (в стране тогда еще были отдельные христианские поселения).

[95] Остроумов, *Новые данные*, стр. 40. Ср. по этому поводу замечание К. А. Иностранцева (*К изучению оссуариев*, стр. 067): «. . .сопоставление с западноевропейским археологическим материалом слишком расширяет в данном случае вопрос».

[96] Главным образом И. Т. Поспавского (*К вопросу о глиняных гробах*, стр. 41), Н. П. Остроумова (*Новые данные*, стр. 33 и сл.) и К. А. Иностранцева (*К изучению оссуариев*, стр. 066).

[97] Статья была уже сдана в печать, когда мне сделалось известным, что инженером г-ном Кастальским недавно в окрестностях Катта-Кургана было найдено значительное число черепков от оссуариев с интересными фигурными изображениями. Сведения об этой находке, вероятно, будут обнародованы в скором времени в местной печати.

[98] ‹В настоящее время известен также ряд находок на территории Киргизии. См. *Чуйская долина*, стр. 30—32; 110. Первая такая находка стала известной уже В. В. Бартольду (см. ниже, стр. 257).›

[99] Об интересных развалинах у этого селения см. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 75 и сл. ‹см. выше, стр. 89—90› и статью П. С. Скварского *Несколько слов*.

[100] Так по замечанию А. А. Семенова (ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 28). Приводимое К. А. Иностранцевым (*К изучению оссуариев*, стр. 066) сообщение С. О. Билькевича, будто «сосуды эти (sic) находят в курганах по всей области», возбуждает большие сомнения; насколько нам известно, случаев находки оссуариев в курганах не было. Ср. также Поспавский, *К вопросу о глиняных гробах*, стр. 40.

[101] ТВ, 1907, № 223 (14/27.XII).

[102] *К вопросу о глиняных гробах*, стр. 36.

и соседних местностях до Аулие-Ата, хотя были отдельные случаи находки овальных оссуариев в Самарканде (оссуарий, приобретенный в 1885 г. купцом Бухариным)[103] и четырехугольных в Ташкентском уезде (два «целых гроба прямоугольной формы» [104], найденные у селения Зенги-Ата). Такое различие в географическом распространении обоих типов, если бы оно нашло себе подтверждение в дальнейших находках, говорило бы в пользу предположения о принадлежности овальных оссуариев кочевому или полукочевому народу [105]. Замечательна еще одна особенность овальных оссуариев, пока не поддающаяся объяснению: далеко уступая четырехугольным оссуариям по художественной отделке, только в редких случаях украшенные кроме орнамента также рельефными фигурами [106], овальные оссуарии более соответствуют своей цели в том отношении, что плотно закрыты крышками особого типа, очевидно нарочно для них приготовленными. Были ли такие же крышки у четырехугольных оссуариев, пока не может быть доказано. Несмотря на убедительные доводы Н. И. Веселовского [107] в пользу такого предположения, остается факт, что мы имеем уже целый ряд овальных оссуариев с крышками и целый ряд отдельных крышек, очевидно, закрывавших овальные оссуарии; в то же время ни на одном из до сих пор найденных четырехугольных оссуариев не было крышки; ни одной отдельной крышки, которая по своей форме могла бы быть признана принадлежностью четырехугольного оссуария, также не было найдено [108]. Что кости и в четырехугольных оссуариях не могли лежать открытыми, это признается всеми исследователями. А. А. Половцов [109] полагал, что «покрышкою гробикам», найденным им осенью 1899 г., служили найденные при них «плитки из обожженной глины, тонкие, совершенно плоские, больших размеров, с немного неправильными краями» и что эти плитки, неплотно закрывавшие гробики, «были взяты погребавшими как наиболее подходящие из имевшихся под рукою черепков» — очевидно, вследствие отсутствия крышек, приготовленных нарочно для гробиков. И. Т. Пославский, прежде полагавший, что гробики «хранили *на виду и притом открытыми*» (курсив в подлиннике) [110], теперь, судя

[103] Иностранцев, *Туркестанские оссуарии*, стр. 0177.

[104] Пославский, *К вопросу о глиняных гробах*, стр. 37.

[105] <Вопрос этот остается до сих пор не решенным, хотя высказывалось мнение, что овальные оссуарии в Согде связаны с тюркским влиянием (Пугаченкова, *Элементы согдийской архитектуры*, стр. 43).>

[106] Ср. выше, стр. 158, об обломке одного из оссуариев, найденных в 1886 г. Наиболее грубой формой (нет ни орнамента, ни других украшений) отличается, как и следовало ожидать, оссуарий, найденный в местности, наиболее отдаленной от центров культуры, в Аулие-Ата. Ср. его изображение в ПТКЛА, год XI, 1907, к стр. 37.

[107] *Еще об оссуариях*, стр. 0178.

[108] Ввиду этого трудно согласиться с мнением Н. И. Веселовского (там же, стр. 0177), что «форма (овальная или четырехугольная) в данном случае не имеет значения».

[109] ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. III.

[110] Пославский, *К вопросу о глиняных гробах*, стр. 38.

по газетному отчету о его реферате, высказывает мнение, что кости в оссуариях «покрывались тканью или каким-либо другим материалом» [111]. Все эти вопросы, конечно, могут быть разрешены только дальнейшими находками [112].

Для изучения отдельных разновидностей обоих типов и для выяснения их зависимости от географических, этнографических и иных условий, конечно, необходимо прежде всего тщательное сопоставление фактического материала. Начало этой работы уже положено; Н. И. Веселовский [113] сообщил сведения о некоторых оссуариях, принадлежащих Имп. Археологической комиссии, Н. П. Остроумов [114] — о находящихся в ташкентском музее; К. А. Иностранцев [115] (по письмам В. Л. Вяткина и С. О. Билькевича) привел данные о музеях самаркандском и ашхабадском и установил, что археологическая часть собрания А. В. Комарова (с фрагментами оссуариев) поступила в музей г-на Щукина в Москве. К этому остается прибавить, что в Музее антропологии и этнографии при Академии наук находятся фрагменты оссуариев, добытые в 1904 г. экспедицией Пампелли (в Закаспийской области; только один фрагмент грубой работы) и мною [116] (в Самарканде); кроме того, много таких фрагментов заключают в себе ценные коллекции, приобретенные тем же музеем у г-на Столярова (живущего в Самарканде). К сожалению, многие оссуарии поступили в общественные и частные собрания без установления места находки. Позволяем себе выразить надежду, чтобы местными деятелями, особенно членами Туркестанского кружка любителей археологии, были приняты меры к подробной и своевременной регистрации случайных находок, которые, ввиду полного отсутствия признаков, в каких местах следует искать оссуарии, несомненно всегда будут гораздо многочисленнее, чем находки, сделанные при правильных раскопках.

---

[111] ТВ, 1907, № 223 (14/27.XII).

[112] ‹В настоящее время вопрос о наличии у прямоугольных оссуариев крышек не вызывает сомнений.›

[113] *Еще об оссуариях*, стр. 0177—0178 и табл. VI—VII.

[114] *Новые данные*, стр. 32 и сл.

[115] *К изучению оссуариев*, стр. 064—066.

[116] Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*, стр. 24; ‹см. выше, стр. 132›.

К ИСТОРИИ МЕРВА

Из всех городов Средней Азии и Персии до настоящего времени только один Мерв был предметом подробного историко-географического исследования, основанного на сопоставлении сохранившихся остатков прошлого с письменными известиями об этом прошлом. Можно сказать с уверенностью, что во всякой другой отрасли исторической науки появление такого труда, как книга В. А. Жуковского о Мерве, вызвало бы целый ряд других исследований как о том же городе, так и о других городах той же эпохи и того же края; во всяком случае, казалось бы немыслимым говорить о прошлом города, которому посвящен такой обстоятельный труд, и не пользоваться этим трудом [1]. Между тем труд В. А. Жуковского, вышедший в свет еще в 1894 г.[2], прошел почти бесследно как для русской, так и для западноевропейской науки. В отчете о работах, произведенных среди развалин Мерва в 1904 г. американской экспедицией, археолог экспедиции, д-р Г. Шмидт, обсуждает вопрос о прошлом городища Гяуркала исключительно на основании найденных при раскопках монет [3], совершенно обходя молчанием факт, что в книге В. А. Жуковского тот же вопрос, на основании известий арабских географов, рассмотрен гораздо подробнее. Ле Стрэндж в книге о «странах Восточного Халифата», изданной в 1905 г.[4], приводит слова Якута о мервских библиотеках и при переводе арабского текста повторяет ту же ошибку, которая в свое время была сделана Барбье де Менаром и исправлена в труде В. А. Жуковского [5]. В русской литературе при обсуждении вопроса об условиях орошения в Закаспийской области были оставлены без внимания подробные известия арабских авторов об условиях орошения в Мерве, доступные благодаря труду В. А. Жуковского и для неориенталистов; исследователи пришли к выводу, что «воды Мургаба не в состоянии были создать большой

[1] ‹Советскими археологами проведена большая работа по изучению Мерва. См.: М. Массон, *Новые данные*; его же, *Краткая хроника*, а также «Труды ЮТАКЭ», т. XI, 1962 и т. XII, 1963.›

[2] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*. Ср. об этом труде: Туманский, ЗВОРАО, т. IX, и Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI.

[3] H. Schmidt, *Expedition Pumpelly in Turkestan*, p. 23; ‹ср. Бартольд, *К статье г-на д-ра Шмидта*, — выше, стр. 135›.

[4] Le Strange, *The Lands*, p. 402.

[5] *Развалины Старого Мерва*, стр. 34, прим.

оазис» и что «к Мерву была проведена вода Аму-Дарьи или ее рукава, келифского Узбоя» [6]. Такой взгляд еще в недавнее время был приведен в статье А. И. Воейкова в качестве несомненного научного вывода, достигнутого исследованиями нескольких лет [7].

Настоящая статья имеет целью подвергнуть новому рассмотрению некоторые вопросы исторической топографии Мерва, не вполне правильно, как мне кажется, разрешенные В. А. Жуковским. Вполне убедительными доводами В. А. Жуковский доказал, что городище Гяур-кала есть «внутренний город» географов X в., унаследованный арабами от эпохи Сасанидов, и что городище Султан-кала соответствует городу Сельджукидов и хорезмшахов, окруженному стеной при Меликшахе (1072—1092); но мне представляется столь же несомненным, что многие известия арабских географов, отнесенные В. А. Жуковским к «внутреннему городу», на самом деле должны быть отнесены к западному предместью, где впоследствии возник новый город, но где уже в первые века ислама сосредоточивалась жизнь и куда уже при Омейядах были перенесены базары и соборная мечеть. С другой стороны, известия Якута, Джувейни, Хафиз-и Абру и Тартуси о воротах города всецело должны быть отнесены к городищу Султан-кала, тогда как В. А. Жуковский был склонен относить некоторые из этих известий к городищу Гяур-кала.

В. А. Жуковским, по моему мнению, не вполне ясно и последовательно передается вполне отчетливая, строго выдержанная терминология арабских географов X в. Термины, имеющие значение для нас, следующие: 1) مدينة *медина* (перс. *шахристан*) — внутренний город, т. е. первоначальное городское поселение, большею частью домусульманского периода; 2) قهندز *кухендиз* (по-перс. 'старая крепость'; редко заменяется арабским словом *кал'а* [8]) — цитадель, находившаяся иногда внутри медины (как в Мерве), иногда вне ее; 3) ربض *рабад* — арабское слово, служившее для обозначения как стены, окружавшей город вместе с пригородами [9], так и самих пригородов, в противоположность «внутреннему городу»;

[6] Последний исследователь так называемого «Келифского Узбоя», А. А. Любченко, пришел к иному выводу; в своем докладе, читанном в заседании ИРГО 29 апреля 1909 г., он старался доказать, что «Келифского Узбоя» как рукава Аму-Дарьи никогда не существовало. Этот последний вывод кажется нам совершенно правильным и совершенно согласным с данными письменных источников. ‹Вопрос этот до сих пор остается дискуссионным. — *М. М.*›

[7] Воейков, *Орошение*, стр. 132.

[8] Напр., у Истахри (305) при описании Бухары. Впоследствии под словом قلعه нередко понимали не цитадель, а городские стены. Так, в романе Тартуси городские стены обозначаются словом قلعه, цитадель — словом حصار; ср., напр., о Балхе (Тартуси, рук. Аз. муз. 280ае, л. 503б): شهر معظّم است وقلعهٔ محكم دارد و حصار هندوان هم در برابر شهريست.

[9] Так у Нершахи в главе ذكر ربض بخارا (Нершахи, изд. Шефера, 33); вероятно, так же у Макдиси (311, 6) о Мерве: و ربض ثلثه مهدّم. У В. А. Жуковского на стр. 25 — «треть пригорода», на стр. 115 — «треть внутреннего города».

4) بلد *белед* — город в обширном смысле, т. е. внутренний город вместе с пригородами; 5) رستاق *рустак* — группа селений в окрестностях города; все рустаки вместе образуют культурную полосу, прилегающую к данному городу и большею частью отделенную от культурной полосы следующего города степным пространством [10].

В. А. Жуковским при толковании текста Истахри было оставлено без внимания различие в употреблении слов *белед* и *медина*, вследствие чего он при толковании слов Макдиси (или Мукаддаси) был вынужден допустить невероятное предположение, что Макдиси употребляет слово «ربض в значении обыкновенного مدينة» [11]. Если признать, что Истахри и Макдиси употребляют термин بلد в более обширном значении, чем термин مدينة, то слова Макдиси и без такого предположения оказываются в полном согласии со словами Истахри [12].

---

[10] Ср., напр., у Истахри перечисление бухарских и самаркандских *рустаков* (309 и сл., 321 и сл.).

[11] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 23, прим. 1. В этом случае В. А. Жуковский дает рядом со своим толкованием буквальный перевод слов Макдиси; но в прим. 3 на той же странице он без оговорки передает слова وسط الربض (ср. Макдиси, 311, прим. *s*) словами «посредине города».

[12] Значение терминов مدينة و بلد и ربض у географов X в. яснее всего видно из слов Макдиси (392, 6–7) при описании Хамадана: و المدينة وسط البلد خربة يدور الربض حولها «Внутренний город (*медина*) расположен посредине города в обширном смысле (*белед*) и [теперь] разрушен; его (т. е. внутренний город) со всех сторон окружает пригород (*рабад*)».

В противоположность этому географы XII и XIII вв., т. е. той эпохи, когда «город» в тесном смысле уже не соответствовал домусульманскому шахристану, употребляют слово بلد в смысле собственно города, в противоположность пригороду. Ср. у Ибн Джубейра (282—283) о Дамаске: والارباض كبار و البلد ليس بمفرط الكبر («пригороды велики, а самый город не очень велик»), у Сам'ани (Бартольд, Туркестан, ч. I, стр. 63 — о квартале Гатфер) выражение في نفس البلد («в самом городе»; ср. Бартольд, там же, стр. 66: من حائط سمرقند), у Якута (*Му'джам*, II, 590, 7–8) о Дамаске: و لها ربض دون السور محيط باكثر البلد يكون في مقدار البلد نفسه («у него есть пригород по сю сторону стены, окружающий бо́льшую часть самого города и по величине равный последнему»).

По поводу термина ربع можно привести слова Абу-л-Хасана Бейхаки, автора VI в. х. (*Та'рӣх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., л. 20а). Упомянув о делении округа Бейхака на 12 ربع, автор продолжает: بس مراد بدين ربع جهاريك نيست مراد آنست كه در كتاب مجمل اللغة ابن فارس بيارد كه الربع محلّة القوم بس هر كجا كه قومى آنجا نزديك بيكديكر جمع شوند و بنا و عمارت سازند انرا ربع خوانند در عرب اما در عجم هرجه در شهر منزلكاه خلق بود بريك سمت انرا محلّه خوانند آنجه در صحرا و كوه بود انرا ربع خوانند (л. 20б) «Но это [слово] *руб'* не имеет значения «четверти»; оно имеет то значение, которое приводит Ибн Фарис в книге *Муджмал ал-луға*: *руб'* — квартал людей. И так везде, где люди селятся близко один от другого и воздвигают постройки, такое место называют *руб'* у арабов; но у персов поселение людей в городе, состоящее из [непрерывного] ряда [домов], называют *маҳалла*, а поселение в степи и горах называют *руб'*». Об Ибн Фарисе см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 130; умер в 395 или 396/1004 или 1006 г.; правильное заглавие его книги *ал-Муджмал фӣ-л-луға* («Сборник по лексикографии»).

Слова Истахри: «Четверти, на которые делится город, имеют определенные границы [13]; у этих четвертей есть известные каналы» — относятся к «городу» в обширном смысле (بلد), а не к внутреннему городу. Слово بلد, а не مدينة употреблено также в том месте, где говорится о «городских постройках» на канале Хурмузферра, как и в заключительной фразе: «Вот каналы, на которых расположены городские кварталы и постройки» [14]. То же самое выражение بلد употребляет Макдиси, когда говорит о канале Маджан, который пересекал «город», выходил к началу «города» и на котором были мосты в «городе» [15]. Из четырех каналов, как по Истахри, так и по Макдиси, к «внутреннему городу» имел отношение только один канал — Разик; как тот, так и другой автор только при описании этого канала употребляют слово مدينة.

По мнению В. А. Жуковского, Истахри перечисляет каналы «внутреннего города», притом в порядке с севера на юг [16], по мнению Ле Стрэнджа — каналы, орошавшие город вместе с его пригородами, притом в порядке с запада на восток (о первом канале, Хурмузферра, говорится, что он протекал «в направлении Серахса, в месте, в которое прямо вступает входящий от Серахса»). Последнее мнение представляется более основательным. Тожество названия канала Хурмузферра с названием селения, расположенного по дороге в Хорезм, т. е. к северо-западу от Мерва, по-видимому, должно быть объяснено так, как объясняет его Ле Стрэндж [17]: до этого места мог доходить излишек воды канала.

Таким образом, слова Истахри о стене, окружавшей пространство, орошенное четырьмя каналами, должны быть отнесены не к стене внутреннего города, но к стене, окружавшей город вместе с его пригородами. Ту же стену, по-видимому, имеет в виду Хафиз-и Абру, когда говорит о *рабаде*, окружавшем пространство величиной в квадратный фарсах [18].

---

[13] В. А. Жуковский, как видно из его толкования [*Развалины Старого Мерва*, стр. 116—117: «они (каналы) шли не в одном направлении с известными стенами города и не были между собою параллельны, потому что в таком случае разделили бы город на пять частей, а не на четверти»], понимал слова Истахри в том смысле, что каналы составляли границу между «четвертями» города; но арабские географы этого не говорят. По моему мнению, арабский текст допускает только одно толкование: каждому из четырех каналов соответствовала «четверть» города, пользовавшаяся водою этого канала, т. е. лежавшая по обе стороны его. Возможно, что слово ربع здесь употреблено не в смысле «четверть», а в смысле культурной полосы определенного канала, подобно выражениям ربع خرقان и ربع السقادم у Табари (II, 1953, $_{19}$; 1957, $_{6, 7, 9}$).

[14] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 18 и сл.; ср. Истахри, 259 и сл.

[15] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 24; ср. Макдиси, 331, $_{11-12}$.

[16] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 117.

[17] *The Lands*, p. 399.

[18] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 62. В. А. Жуковский и в этом случае (там же, стр. 64) без оговорки передает слово ربض словами «самый город». Хафиз-и Абру приписывает Александру Македонскому постройку мервского рабада, географы X в. — постройку «внутреннего города» (там же, стр. 18). Вопреки мнению

Остатком мервского *рабада* (в смысле стены, окружавшей город вместе с его пригородами), кажется, можно признать вал Гилякин-Чильбурч; площадь внутри этого вала равнялась, по вычислению В. А. Жуковского [19], приблизительно 40 кв. верстам, что вполне соответствует квадратному фарсаху. В. А. Жуковский полагал, что вал Гилякин-Чильбурч соответствовал стене ар-Рай, окружавшей, по Истахри, город Мерв вместе со всеми его рустаками [20]; но употребление слова *рустак* заставляет полагать, что стена ар-Рай окружала не пригороды Мерва, но всю культурную полосу, прилегавшую к городу. Возможно, что эту стену, от которой при Истахри были видны только «следы», следует отожествить со стеной, построенной, по словам Страбона, при Антиохе Сотере (280—261) вокруг культурной полосы Мерва и имевшей 1500 стадий (более 260 верст) в окружности [21]. Анонимный сирийский автор VII в. н. э. определяет пространство, окруженное этими стенами, в 12 фарсахов [22]. Остатками той же стены были, по всей вероятности, те «следы стен и построек» на границе «песков Хорезма», которые в XV в., при Хафиз-и Абру, носили название «Старого Мерва» [23].

Перенесение соборной мечети и базаров сначала на канал Разик, потом на канал Маджан, очевидно, находилось в связи с постепенным оставлением старого, домусульманского Мерва [24]. В. А. Жуковский [25] несомненно прав, отожествляя канал Разик со старым руслом канала между городищами Гяур-кала и Султан-кала. По Якуту [26], канал Разик протe-

---

В. А. Жуковского (там же, 118), мне кажется несомненным, что Истахри и Макдиси под «старым городом» понимают тот же «внутренний город», а не «старый Мерв» Хафиз-и Абру.

[19] Там же, стр. 115.

[20] Там же, стр. 19; ср. Истахри, 260. В. А. Жуковский передает слово رساتيق посредством слов «пригороды» и «городские поселки».

[21] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 4. Ср. Strabo, XI, 10, 2. ‹См. также описание остатков этой стены: Вязигин, *Стена Антиоха Сотера.*›

[22] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 8, по немецкому переводу Нёльдеке (*Syrische Chronik*, S. 39). О той же анонимной хронике еще Райт, *Краткий очерк*, стр. 129. Выражение «12 фарсахов» едва ли должно быть понимаемо буквально; то же самое выражение повторяется и при описании других больших городов края, что заставляет предполагать влияние литературной традиции или местных преданий. О Бухаре у Истахри (305) говорится, что длина и ширина пространства внутри стен равнялась 12 фарсахам; о Самарканде у Ибн ал-Факиха (325, $_{18}$), что стены имели 12 фарсахов в окружности; о Балхе у Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 288, $_{2-3}$), что от каждых ворот стены до противоположных ворот было 12 фарсахов. В моем труде *Туркестан* (ч. II, стр. 116) ошибочно сказано о Бухаре, что «длина стен не определяется»; ‹во втором издании эта неточность была В. В. Бартольдом выправлена; см. наст. изд., т. I, стр. 164›.

[23] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 67.

[24] ‹Это подтверждается новыми археологическими исследованиями. См.: М. Массон, *Краткая хроника*, стр. 216; его же, *К изучению прошлого Старого Мерва*, стр. 14.›

[25] *Развалины Старого Мерва*, стр. 117.

[26] Там же, стр. 44.

кал мимо гробницы сподвижника и знаменосца пророка, Бурейды ал-Аслами; так как эта гробница находилась в восточной части южного обвода городища Султан-кала [27], то Разик, очевидно, мог подходить к городищу Гяур-кала только с западной стороны. От этого канала жители внутреннего города, по Истахри, провели воду в свои *хаузы* (бассейны); по Макдиси, Разик протекал мимо «городских ворот» (ворот внутреннего города) со стороны пригорода, входил в город и расходился по немногочисленным, но глубоким хаузам. Выражения Макдиси [28] заставляют полагать, что канал входил в город ниже, т. е. севернее, «городских ворот». Насколько мне известно, ни для городища Гяур-кала, ни для других мервских городищ еще не было произведено нивелировки с целью решения вопроса, из каких источников и с которой стороны была проведена в эти городища вода. По данным о городище Гяур-кала, сообщенным в книге В. А. Жуковского [29], наиболее правдоподобно, что канал протекал посередине городища с запада на восток, хотя возможно также, что он входил в город не в одном месте, а в двух [30]; во всяком случае, «городские ворота» находились, как и полагал В. А. Жуковский, в южной части западной стены. Вода была проведена во все концы «внутреннего города»; между прочим, посредством подземного канала, даже в цитадель, несмотря на ее высокое местоположение. По руслу этого подземного канала, как рассказывает [31] историк Мадаини, бежал в шаввале 126/июле — августе 744 г. предводитель йеменской партии Кермани, заключенный в мервскую цитадель. Перед этим один из приверженцев Кермани «пришел к месту цитадели, где протекала вода, и расширил его», т. е. увеличил ширину того места, где начинался подземный канал, проведенный в цитадель. Во время бегства спутники Кермани (на ногах заключенного были кандалы) вели его под руки; вокруг его живота обвилась змея, но не причинила ему вреда; в тесном месте его пришлось протащить по земле, причем была содрана кожа с его плеча и бока. Ближайшее исследование цитадели Гяур-кала, может быть, позволило бы точно установить направление этого канала.

В то время, когда произошло арабское завоевание, «внутренний город» еще не был оставлен; первая соборная мечеть была построена, по Истахри, «внутри города», по Макдиси—даже «в середине города». Впо-

[27] Там же, стр. 133 и 134.

[28] Там же, стр. 24; ср. Макдиси, 331, $_8$.

[29] В городище Гяур-кала «бесхолменная полоса, довольно широкая, тянется от средины восточного вала на запад, образуя как бы дорогу или большую улицу» (*Развалины Старого Мерва*, стр. 113).

[30] В. А. Жуковский (там же) замечает, что через вал «в двух местах внутрь городища сделаны отводы от канала, идущего как раз у подножия вала». По направлению бугров, вероятно, можно определить, были ли эти отводы современными городищу или относятся к более поздней эпохе.

[31] Табари, II, 1860 и сл.

следствии эта мечеть называлась мечетью Бену-Махан [32]. Имя того же рода или племени носил квартал в восточном предместье, в местности, орошенной каналом Ас'ади ал-Хорасани; на том же канале было жилище «мервского марзбана» [33]. Предместье прилегало к воротам Синджан, очевидно находившимся в восточной стене Гяур-калы, вероятно в середине ее [34]. Так как в южной стене Гяур-калы ворот, по-видимому, не было [35], то те же ворота Синджан должны были выходить на дорогу в Мерверруд и Балх, т. е. упоминаемые у Табари [36] «Мерверрудские ворота» должны быть отожествлены с воротами Синджан, если только они находились в стене «внутреннего города», а не в стене «рабада». Около Мерверрудских ворот было место, называвшееся «Пятью мостами» [37], что свидетельствует об обильном орошении.

Другое место в окрестностях города, с которым были связаны предания домусульманского происхождения, находилось, по-видимому, в северном предместье. Бар. В. Г. Тизенгаузен [38] в рецензии на труд В. А. Жуковского обратил внимание на слова Хамзы Исфаханского [39] о «постройке, воздвигнутой Афрасиабом, на пространстве, окруженном внешней стеной Мерва, между цитаделью и спуском от ворот Ник». В арабской географической литературе «ворота Ник» (نيق, произношение сомнительно) совершенно не упоминаются, но о них, кроме Хамзы, говорит и Табари в рассказе о событиях, вызвавших переход власти от Омейядов к Аббасидам. В конце марта 746 г. (джумада II 128 ‹г. х.›) в северной и северо-западной частях Мерва происходили военные действия между войсками наместника Насра ибн Сейяра и мятежниками, во главе которых стоял Харис ибн Сурейдж. Из рассказа об этих битвах, между прочим, выясняется, что ворота, выходившие на дорогу в Бухару, находились не в восточном валу,

[32] Так у Истахри, 259 (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 18). ‹Остатки этой мечети обнаружены. См. М. Массон, *Краткая хроника*, стр. 217.›

[33] Это последнее обстоятельство вызывает предположение, не были ли بنو ماهان тем владетельным родом Мерва, представители которого носили титул ماهويه (Ибн Хордадбех, текст, 39, 11). Племя بنو ماهان не упоминается среди арабских племен; слово ماهان встречается на иранской почве в качестве географического названия (известный город в Кермане) и личного имени (ср. указатель к изданию Табари, s. v. ماهان; также ماهان بن بهرام у Истахри, 147). Мервский квартал у Макдиси (331, 10) носит название ماهان مير.

[34] Ср. описание этого места восточного вала у В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 113): «Глубокая сравнительно впадина в нем, наибольшая толщина его в этом месте внутрь и наружу, нахождение осколков кирпича — все дозволяет предполагать здесь сооружение, выступавшее за вал по обе стороны».

[35] ‹По мнению археологов, изучавших городища старого Мерва, ворота в южной стене Гяур-калы были. Они отождествлены с воротами Балин. См. Пугаченкова, *Пути развития*, стр. 191, план Мерва XI—XII вв.›

[36] Табари, II, 1863, 3, 5.

[37] Там же القناطر الخمس.

[38] ЗВОРАО, т. XI, стр. 332 (المنعوج — опечатка вм. المنعرج).

[39] Хамза Исфахани, текст, 34; пер., 24.

как полагали В. А. Жуковский и Ле Стрэндж, а в северном, рядом с цитаделью [40], по всей вероятности, в том месте «как раз вправо от кремля», где вид вала, по словам самого В. А. Жуковского [41], указывает на местоположение ворот. Около тех же ворот впоследствии был дворец Мамуна [42]. Ворота Ник помещались, по всей вероятности, в северо-западной части Мерва, между воротами Балин и цитаделью; на это указывает порядок событий в изложении историка [43]. Харис, которому один из жителей Мерва указал на брешь в стене, через эту брешь вторгается в город со стороны ворот Балин [44], приходит к воротам Ник, через эти ворота выходит из города и производит ночное нападение на лагерь Сельма ибн Ахваза (одного из правительственных военачальников). Утром Сельм выступает к воротам Ник, велит своим воинам там окопаться, вступает в битву с Харисом, разбивает его и (по-видимому, не преследуя бежавших в город врагов) идет к Насру, стоявшему на канале Разик; по настоянию Насра возобновляется нападение на город; Сельм вторгается в город через ворота, находившиеся рядом с цитаделью, доходит до ворот Ник, открывает их и предает смерти того жителя Мерва, который указал Харису на брешь.

Впоследствии как восточное, так и северное предместья утратили, по-видимому, всякое значение и жизнь всецело перешла в западное предместье. Слова Макдиси о канале Разик, протекавшем мимо «города» со стороны рабада, и о соборной мечети в середине рабада показывают, что под «пригородом» (рабадом) понимали в то время главным образом западный пригород. В этом пригороде находились, по словам Макдиси [45], не только соборная мечеть, построенная Абу Муслимом, но и более старая соборная мечеть, построенная в то время, когда «увеличилось число мусульман» [46], покинутая при Абу Муслиме, при Мамуне (в Мерве от 808 до 817 г.) отстроенная и переданная шафиитам, но в XII в. снова лежавшая в развалинах. Истахри помещает эту «старую мечеть» у «городских ворот» на канале Разик, где до Абу Муслима были также городские базары, тогда как мечеть Бену-Махан находилась «внутри города». Эти слова ясно показывают, что старую мечеть надо искать вне «города», хотя и рядом с «городскими воротами», на берегу канала, протекавшего мимо западного вала. Что касается базара, то он, по-видимому, начинался уже в черте города;

---

[40] По-видимому, только в таком смысле можно понимать слова (Табари, II, 1923, 4): باب در متيكان وهو القهندز. Издатель, де Гуе, вполне основательно признал в этих воротах те же самые, название которых при издании сочинения Истахри было прочитано им در مشكان, но едва ли удачно решил заменить это чтение чтением در سنكان по Якуту (*Му'джам*, III, 160, 13), где несомненно имеются в виду не эти ворота, а ворота سنجان.

[41] *Развалины Старого Мерва*, стр. 113.

[42] Там же, стр. 23 (по Макдиси, 312, 3–4).

[43] Табари, II, 1921—1923.

[44] <О положении ворот Балин см. выше, стр. 178, прим. 35.>

[45] Ср. Макдиси, 311, 13.

[46] Слова Истахри (259, 1).

на это указывает порядок изложения у Макдиси: в середине «города» — мечеть, в древности бывшая соборной; у ворот пригорода — постройки и небольшой базар; в пригороде — две соборных мечети, из них одна — у «городских ворот». В последнем случае, несомненно, имеются в виду те же самые ворота, которые названы выше «воротами пригорода». Вполне естественно, что при описании «города» эти ворота рассматриваются как ведущие в «пригород», при описании «пригорода» — как ведущие в «город», из чего, конечно, не следует, что «город» и «пригород» — одно и то же.

Канал Разик также упоминается неоднократно в рассказах Табари о событиях 746 и 747 гг. н. э.; недалеко от базара на канале был мост [47]. Соборная мечеть на Разике, очевидно, была той мечетью, где предводитель йеменцев Кермани после бегства Насра обратился с речью к арабам [48]. Абу Муслим построил новую соборную мечеть, по Истахри, на канале Маджан, по Макдиси — в середине пригорода; туда же были перенесены базары; соборная мечеть находилась «в ряду менял». Сопоставление слов обоих авторов приводит к заключению, что канал Маджан, который, по словам Макдиси, прорезывал «город» (в обширном смысле), протекал через середину «пригорода». Рассказы авторов XII в. заставляют полагать, что соборная мечеть и в то время оставалась в том же месте, как в X в. В соборной мечети «в ряду менял», по словам Сам'ани, читал лекции по фикху на персидском языке и произносил проповеди факих Абу Бекр ибн Абд ар-Рахим Андагани, погибший в 1153 г. при взятии Мерва гузами [49]. Эпитоматор Ибн Хаукаля, писавший в 580/1184 г., слышал от мервских стариков, что они не видели в Мерве другой соборной мечети, кроме построенной Абу Муслимом [50]. В конце XII в., между 1193 [51] и 1199 г.[52], везир хорезмшаха Текеша Низам ал-мульк Мас'уд ибн Али выстроил для шафиитов новую соборную мечеть, превосходившую по высоте здания (старую) ханифитскую; эта мечеть вскоре после постройки была сожжена восставшей чернью [53].

В начале XIII в. соборная мечеть, как видно из слов Якута, находилась в середине городища Султан-кала: в сохранившемся до нашего времени

---

[47] Табари, II, 1928, 2: على قنطرة النهر; ниже (строка 8) упоминается السوق.

[48] Там же, 1930, 19.

[49] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 31а: ابو بكر بن عبد الرحيم الاندغنى فقيه فاضل مناظر تفقّه على منصور السرخسى و كان يدرس الفقه بالعجميّة بالجامع براس الصيارفة و يعظ قتل فى رجب سنة ثمان و اربعين و خمسماية فى وقعة الغز. Ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 23, прим. 2.

[50] Ибн Хаукаль, 314; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 115, прим. 1.

[51] Год занятия Мерва Текешем; ср.: Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 31 и мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 371; ‹наст. изд., т. I, стр. 410›.

[52] Год смерти везира; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 33.

[53] Там же.

мавзолее султана Санджара было «решетчатое окно», выходившее на соборную мечеть; рядом с ханифитской мечетью, в одной и той же ограде, находилась шафиитская, очевидно вновь отстроенная после пожарища [54]. Сопоставление слов Якута с рассказом Макдиси («в середине пригорода») и последнего с известиями авторов XII в. неизбежно приводит к заключению, что свидетельством Якута определяется местоположение не только соборной мечети его времени, но и мечети Абу Муслима. Вполне возможно, хотя известий об этом нет, что в промежуток времени от VIII до XIII в. здание несколько раз было перестроено и что его внешний вид и внутреннее устройство при Якуте столь же мало напоминали эпоху Абу Муслима, как сохранившаяся до нашего времени мечеть Амра в Ширазе — эпоху Саффаридов или старая мечеть в Исфахане — эпоху арабского владычества [55]. Шафиитская мечеть, очевидно, была выстроена в конце XII в. на новом месте, рядом с ханифитской, и не имела ничего общего со «старой мечетью», предоставленной шафиитам при Мамуне.

Если соборная мечеть Абу Муслима находилась в середине городища Султан-кала, то там же должен был протекать канал Маджан; общее направление каналов в этой местности показывает, что канал мог прорезывать городище только в направлении с юга на север. Это вполне подтверждается словами Хафиз-и Абру, что вода подходила к городу со стороны «ворот знаменосца», около могилы Бурейды, протекала через середину города и выходила наружу через Кушмейхенские, т. е., очевидно, северные, ворота [56]. Что через город протекал именно Маджан, подтверждается тем, что в Мерве были «ворота у головы Маджана» [57] (دروازهٔ سر ماجان), упоминаемые у Джувейни, и «ворота у конца Маджана» (دروازهٔ پای ماجان), упоминаемые у романиста Тартуси [58]. В таком случае «ворота у головы Маджана» должны быть отожествлены с «воротами знаменосца», «ворота у конца Маджана» — с Кушмейхенскими, что, по-видимому, подтверждается словами как Джувейни, так и Тартуси. Джувейни рядом с «воротами у головы Маджана» помещает сад Махиабад; по Сам'ани и Якуту [59],

[54] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 34; Якут, *Му'джам*, IV, 509, 6–9.

[55] Ср. мой труд *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 106 и 115.

[56] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 66 и 67.

[57] Там же, стр. 49, где дан не совсем точный перевод: «ворота, выходившие на канал Маджан». При издании текста Джувейни Шефер (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 154) принял чтение دروازهٔ سرّاجان ('Ворота седельников'); такое же чтение дает одна из трех петербургских рукописей (рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 53а); две другие рукописи (рук. Публ. б-ки Ханыков 71 и рук. ун-та № 172) дают чтение دروازهٔ سر ماجان, по-видимому, более правильное.

[58] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 162, прим. В рукописи Тартуси (Аз. муз. 280ае) мы находим не только чтение دروازهٔ پای ماخان, как можно заключить из слов В. А. Жуковского, но и чтение دروازهٔ پای ماجان (лл. 186б, 188а, 190б и др.).

[59] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 42. Якут, *Му'джам*, IV, 407. Выражение «отделявшийся от восточной стены» (букв у Якута: «. . .отделявшийся

так назывался большой квартал, расположенный в «верхней», т. е. южной части области, у ворот города, и отделявшийся от восточной стены, т. е., очевидно, находившийся к юго-востоку от городища Султан-кала. В романе Тартуси, как мы увидим ниже, упоминаются, кроме «ворот у конца Маджана», «ворота знаменосца» (южные), «ворота Фирузи» (западные) и «ворота шахристана» (восточные), что указывает на местоположение «ворот у конца Маджана» в северной стене. Якут [60] говорит о Маджане, что он «прежде пересекал город Мерв», причем употребляет слово مدينة, а не بلد, но, очевидно, имеет в виду не «внутренний город» X в., а виденный им город, разрушенный монголами. Что Якут знал о Маджане не только по книгам, но и сам видел его, доказывается его стихами об этом канале [61], сочиненными во время пребывания в Мерве. Выражение «прежде пересекал город» объясняется тем, что город Мерв, как было известно Якуту, после нашествия монголов перестал существовать.

Местность по берегу Маджана имела значение для города еще до Абу Муслима; здесь находилось жилище хорасанского наместника Насра ибн Сейяра [62]. Около соборной мечети задолго до постройки гробницы султана Санджара было другое куполообразное здание, шириной в 55 локтей, также из обожженного кирпича, о котором говорит Истахри [63]; в другом куполообразном здании, связанном с соборной мечетью или с медресе [64], был погребен в 1072 г. Алп-Арслан. Судя по карте персидского инженера, еще в половине XIX в. в городище Султан-кала, по-видимому непосредственно к северу от мавзолея Санджара, были видны остатки здания, которые принимали за медресе; во время работ В. А. Жуковского (в 1890 г.) в указанном месте оставались только «кучи кирпича, засыпанные наносной землей» [65]. На то, что вокруг мавзолея некогда были высокие постройки, указывают также, по словам В. А. Жуковского, окружающие мавзолей «осевшие, убитые бугры внушительных размеров» [66].

Истахри упоминает об одной попытке, сделанной во второй половине IX в., — перенести местопребывание правителя и базары (о соборной ме-

---

от стены города с восточной стороны его»), по-видимому, надо понимать в том смысле, что квартал на юге составлял продолжение восточной стены, а не в том смысле, что он был расположен за восточной стеной.

[60] *Му'джам*, IV, 378 и 395; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 42 и 43.

[61] Якут, *Му'джам*, IV, 378 и сл.

[62] Табари, II, 1921, 1.

[63] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 18—19. Не совсем ясно, тожественно ли это «куполообразное здание», в котором заседал Абу Муслим и в котором заседали правители Мерва при Истахри, с упомянутым у того же Истахри в другом месте зданием, тоже куполообразным, «в котором приверженцы Аббасидов красили в черный цвет платья» и которое находилось на том же канале Маджан.

[64] Там же, стр. 27, прим. 4.

[65] Там же, стр. 135.

[66] Там же, стр. 134.

чети не говорится) еще дальше на запад, на канал Хурмузферра; но господство в Мерве Хусейна ибн Тахира [67], которому принадлежал этот план, было настолько непродолжительно, что эта попытка не имела результатов. В X в. на канале Хурмузферра был квартал Рас аш-Шабай ('Голова Шабая'), несколько восточнее, между каналами Хурмузферра и Маджан, квартал Рас ал-Мейдан ('Голова площади'), где в четырехугольной ограде [68] (مربّعة) Абу Джахма находилось «праздничное место молитвы», т. е. место, где совершалось богослужение в дни двух больших годовых праздников мусульман.

Рассказы Табари о действиях Абу Муслима и о других военных событиях, происходивших в окрестностях Мерва, показывают, что местом борьбы за обладание городом преимущественно были западные пригороды. Вполне естественно, что мы находим в этих рассказах некоторый материал для изучения топографии города; но пользование этим материалом значительно затрудняется тем, что географические термины, в том числе и слово *медина*, употребляются историками далеко не всегда в том значении, которое присвоено им в географической литературе. Подобное разногласие между языком летописцев, несомненно передающим в этом отношении неопределенность и непоследовательность живой речи, и языком специалистов-теоретиков замечается, как известно, и по отношению к терминам государственного хозяйства, как خراج и جزية [69], فَيْء и غنيمة [70], и т. п.

Кроме рассказов о борьбе наместника Насра с Кермани, Харисом и Абу Муслимом можно привести еще рассказ о более раннем событии, относящемся к концу VII в.[71]. В 77/696-97 г. Мерв очутился во власти мятежника Букейра ибн Вишаха; наместник Умейя ибн Абдаллах узнал об этом во время похода на Мавераннахр и вернулся в Хорасан; на пути из Кушмейхена в Мерв Умейя разбил Букейра, который должен был отступить за мервскую «ограду» (الحائط) и расположился лагерем у «старого базара» (السوق العتيق). Умейя шел из Кушмейхена не прямо на юг, а на юго-запад, так как его лагерь после Кушмейхена был в селении Пашан (по Истахри) [72], в 4 фарсахах от Мерва по дороге в Хорезм. Местом новой битвы была «площадь Йезида»; Букейр во время бегства был ранен у моста и унесен своими воинами в «город» (медина). Осада «города» закончилась

---

[67] О нем см. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 226; ‹наст. изд., т. I, стр. 278›

[68] По переводу В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 18) в «околотке».

[69] Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 299, со ссылкой на Табари, II, 1507 и сл; ср. особенно 1507, $_{13}$.

[70] M. Hartmann, *Zur Wirtschaftsgeschichte*, Sp. 423.

[71] Табари, II, 1022—1028.

[72] Истахри, 284; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 21. На произношение «Пашан» указывает колебание звуков *б* и *ф* в арабской транскрипции; ср. *Развалины Старого Мерва*, стр. 36 и 46. ‹Башан отождествляется с городищем Куурт-лы-депе. См. М. Массон, *Краткая хроника*, стр. 231.›

мирным договором; у ворот Синджан Умейя написал мятежникам грамоту о помиловании и после этого (очевидно, через те же ворота) вошел в город.

Термин الحائط ('ограда') употребляется в географической литературе для обозначения длинных стен, защищавших культурную область от нашествия кочевников [73]. Здесь под этим словом, вероятно, надо понимать не стену ар-Рай, едва ли имевшую в то время военное значение, но рабад Мерва. Упоминание «старого базара» показывает, что мост, у которого был ранен Букейр, был на Разике и что местом битвы был западный пригород. Возможно, что от «площади Йезида» получил свое название упоминаемый у Истахри квартал «Голова площади». Упоминание «ворот площади Йезида» в рассказе о событиях 746 г.[74] (здесь произошла одна из битв между Кермани и приверженцами Насра) говорит в пользу предположения, что «площадь Йезида» находилась на окраине города (в обширном смысле).

В рассказах о действиях Хариса и Абу Муслима часто встречаются ермины الحائط и المدينة, но сопоставление одних мест с другими ясно показывает, что при этом не имеется в виду специальное значение этих терминов. Из некоторых мест можно заключить, что под «оградой» надо понимать стену внутреннего города; так, Харис и его спутники, воспользовавшись проломом в «ограде» (الحائط), вступили в «город» (المدينة) со стороны ворот Балин [75]. С другой стороны, Харис, когда, разбитый в сражении с Кермани, должен был спешиться по желанию своих спутников (после чего был настигнут врагами и убит), находился «между оградой Мерва (حائط مرو) и городом (المدينة)» [76], из чего ясно видно, что в данном случае термином (الحائط) обозначается стена города в обширном смысле (рабад), а не стена внутреннего города.

Ввиду такого противоречия трудно определить, какие из топографических названий, встречающихся в рассказах о событиях 746 и 747 гг., должны быть отнесены к внутреннему городу и какие к пригородам. Абу Муслим в 747 г. подходил к Мерву с западной стороны; деревни, из которых к нему присоединились отряды восставших против омейядского правительства, находились частью к западу и к северо-западу [77] и частью к югу [78] от Мерва. С обеих сторон Абу Муслимом предпринимались действия против города, причем с запада он действовал сам, на юг послал одного из своих приверженцев, который должен был укрепиться у селения Гиренг (у арабов Джирендж) на Мургабе (по одному известию в 6, по другому — в 10

[73] Истахри, 310—313; Ибн Хордадбех, текст, 25, 12.

[74] Табари, II, 1925, 10–11.

[75] Там же, 1921, 12–13.

[76] Там же, 1934, 18.

[77] Ср. упоминание селения Хурмузферра у Табари (II, 1955, 2).

[78] Среди деревень ربع السقادم названа, между прочим, деревня جوبان (Табари, II, 1957, 10–11), находящаяся около Джиренджа (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 40).

фарсахах выше Мерва [79]) и этим отрезать Насра от Мерверруда и Балха [80]. Лагери самого Абу Муслима находились в местности по каналу Харекан, протекавшему, очевидно, в западных или северо-западных окрестностях города. На этом канале [81] находились селение Сикадендж [82] и, несколько ниже, т. е. севернее, селение Алин [83], по-видимому то же самое, которое в другом источнике Табари упоминается под названием Балин [84]; последнее название носили, как известно, также одни из ворот внутреннего города; очевидно, ворота получили свое название от селения и потому должны быть помещены в северной части западной стены городища Гяур-кала [85]. Селение Махан, или Махуван, где был последний лагерь Абу Муслима, находилось в 3 фарсахах от Мерва, очевидно в той же стороне, но не на Харекане [86].

Источники не говорят, через какие ворота Абу Муслим вступил в город. Передовой отряд, отправленный Абу Муслимом из Махана в Мерв во время битвы между Насром и сыном убитого Кермани, остановился в замке бухар-худата [87], т. е. туземного владетеля Бухары; по-видимому, этот замок находился в распоряжении Насра, так как в 745 г. Наср поместил в этом замке Хариса, который в то время примирился с омейядским правительством и вернулся в Мерв из страны турков [88]. Возможно, что «замок бухар-худата» находился в том же месте, где в X в. были замки потомков арабского эмира Бухары, Халида ибн Ахмеда (IX в.) [89], т. е. по нижнему течению Разика.

---

[79] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 21, 25 и 39. ‹Более верной следует, видимо, считать цифру в 10 фарсахов. См. Булгаков, *Из арабских источников о Мерве*, стр. 221. О развалинах Джиренджа см. Адыков, *Дорога из Мерва на Мерверуд*, стр. 54—56.›

[80] Табари, II, 1956, $_{15-17}$ [81] Там же, 1953, $_{19}$.

[82] О вариантах см.: Табари, II, 1952, прим. *e*, и Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 45. Мы приняли чтение Сам'ани, которому, как уроженцу Мерва, лучше всего были известны названия мервских селений. J. Wellhausen (*Das Arabische Reich*, S. 325) также принял чтение سيقدنج.

[83] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 35, и Табари, II, 1969, $_{17-18}$.

[84] Ср. доводы в пользу тожества обоих названий у Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 329, со ссылкой на слова Табари (II, 1952, $_{10}$), что селение Балин называлось и просто Лин (اللين).

[85] ‹М. Е. Массон помещает ворота Балин в южной стене Гяур-калы (см. выше, стр. 178, прим. 35).›

[86] Абу Муслим временно отступил из Махувана в Алин потому, что в Махуване Наср мог отрезать его от воды. В Алине ему эта опасность не угрожала, очевидно, потому, что Сикадендж оставался в его руках (Табари, II, 1969, $_{11-18}$). В романе Тартуси (рук. Аз. муз. 280 ае, л. 28а) Абу Муслим в Махане вечером встречает людей, спешивших в Гиренг, где на следующий день должен был быть базар; всю ночь они шли, утром подошли к سرپل كيرنك.

[87] Табари, II, 1987, $_{7}$ и 1992, $_{16}$.

[88] Там же, 1888, $_{14}$.

[89] Истахри, 260; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 19. Из нумизматических данных видно, что этот Халид был современником Мухаммеда ибн Та-

В рассказе о событиях 746 г. упоминаются, между прочим, «ворота Масерджесан», на расстоянии фарсаха от города (медина) Мерва, где некоторое время был лагерь Кермани [90]. Возможно, что выражение «ворота» употреблено здесь только в смысле ворот большого здания, подобно тому как в другом месте говорится о чтении прокламации Хариса перед «воротами Насра на Маджане» [91], т. е. перед воротами дворца наместника. Издатель полагал, что Масерджесан был христианским монастырем имени св. Сергия (по-сирийски Саргис). Масерджесан упоминается также в стихах Абу Нуваса как одна из главных христианских святынь [92]; если здесь жили епископы и впоследствии митрополиты (католикосы) Мерва, то местоположение этого христианского монастыря несколько точнее определяется рассказами о погребении христианами в 651 г. убитого сасанидского царя Йездигерда. По одной версии, мервский епископ, положив в гроб тело убитого царя, перенес его в место Па-и Бабан, «у низовьев Маджана» [93], поместил его в свод (عقد), где прежде у епископа происходили собрания, и заколотил двери свода. По другой версии, для погребения царя был построен наус в глубине «сада митрополитов в Мерве» [94]; христиане, во главе с митрополитом Илией [95], перенесли туда тело на своих плечах и после погребения заколотили дверь науса. Выражение «у низовьев Маджана» заставляет полагать, что место Па-и Бабан, где жили епископы, находилось к северу от городища Султан-кала. Па-и Бабан упоминается также у Сам'ани и Якута как большой квартал в нижней, т. е. северной, части Мерва [96].

Мы видели, что уже в VII в. жизнь сосредоточивалась не столько в старом «внутреннем городе», сколько в западном пригороде. Постепенно этот «пригород» все более должен был становиться настоящим «городом», и этим фактом должна была определяться строительная деятельность местных правителей, в том числе и забота о защите города посредством стен.

хира (862—873). Бухарские фельсы с именами Мухаммеда и Халида имеются и в собрании СПб. университета.

[90] Табари, II, 1925, $_{13}$.

[91] Там же, 1921, $_{1}$.

[92] Якут, *Му'джам*, II, 684, $_{11}$. Ср. также слова Балазури (190) о перенесении ворот этого монастыря в Васит при Хаджжадже.

[93] Табари, I, 2881, $_{9}$.

[94] Там же, 2883, $_{15}$.

[95] Один из наиболее прославленных несторианских иерархов в Средней Азии; см. о нем: Райт, *Краткий очерк*, стр. 126, и Nöldeke, *Syrische Chronik*, S. 39 sq.

[96] Якут, *Му'джам*, I, 437, $_{3}$; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 36. Ср. еще: Якут, *Му'джам*, II, 570, $_{16-17}$; Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 39; по этому известию, около селения دروازة ماسرجسان стояло мусульманское войско «в первое время по прибытии в Мерв для его завоевания». Эта последняя подробность заставляет сомневаться в том, действительно ли Масерджесан может быть отождествлен с местом Па-и Бабан. Мусульманские войска, по другому известию, подошли к Мерву со стороны ворот Синджан (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 45, по Сам'ани). По Табари (II, 1957, $_{14}$), Абу Муслим после взятия Мерва, намереваясь идти на Нишапур, стоял лагерем в ماسرجس, т. е. ماسرجسان.

О том, когда произошла постройка стен, окончательно обратившая «пригород» в «город», мы имеем только одно свидетельство, именно слова Хамдаллаха Казвини, что стены были возведены султаном Меликшахом (1072—1092) [97]. С тех пор до монгольского нашествия городом Мервом, как доказал В. А. Жуковский, было городище Султан-кала. Судя по словам Джувейни [98] и Тартуси [99], сырцовые стены, окружающие это городище, считались в то время выдающейся твердыней. Несомненно, что в промежуток времени между концом XI в. и монгольским нашествием 1221 г. стены перестраивались несколько раз [100]; первые известия о разрушении стен Мерва относятся уже к последним годам XI в., когда происходила борьба за престолонаследие между сыновьями Меликшаха [101].

Топографические известия о Мерве этой эпохи крайне скудны, что объясняется вообще упадком мусульманской географической литературы после X в. Географы последующих веков, до XVII в. включительно, были почти исключительно компиляторами и описывали области и города словами авторов IX и X вв., не обращая внимания на то, что эти описания давно стали анахронизмом. Даже те из компиляторов, которые, как Хамдаллах Казвини, дополняли книжные сведения некоторыми новыми данными, по устным рассказам и по личным наблюдениям, не были в состоянии отнестись критически к своим письменным источникам и выделить те книжные известия, которые данной эпохе уже не соответствовали. Из путешественников эпохи XI—XIII вв. известен только Насир-и Хусрау, не сообщающий никаких сведений о Мерве. Официальное описание государства Сельджукидов, составленное при Меликшахе, под названием رسالهٔ ملکشاهی и бывшее в руках Хамдаллаха Казвини [102], к сожалению, не дошло до нас.

Словари Сам'ани и Якута заключают в себе ценные сведения о кварталах и деревнях Мерва (местоположение тех и других, однако, большею частью не указывается), но и эти сведения большею частью заимствованы

---

[97] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 55.

[98] Там же, стр. 51.

[99] Тартуси, рук. Аз. муз. 280ае, л. 457б: قلعهٔ بمحکمیٔ قلعهٔ مرو کم می‌باشد.

[100] <Археологические следы таких ремонтов крепостных стен Султан-калы обнаружены. См. Пугаченкова, *Пути развития*, стр. 192.>

[101] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 28 (по Хафиз-и Абру).

[102] О رسالهٔ ملکشاهی ср. Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 239а: ودر رسالهٔ ملکشاهی آمده که سلطان در کمیّت مسافت فراسخ بیش وکم استماع میکرده اکثر اطراف ایران ودیکر ولایات که اورا بدان عبور بوده به پیمودن فراسخ خوارزم کما بیش وپانزده هزار کام است ودر آذربایجان و ارمن وحدود نجا دوازده هزار کام بر می‌آمده ودر ولایات روم وکرجستان وآران وموغان وشیروان خود فرسنكرا اعتبار نمیکرده اند ومنازل واوقات نشانده اند واو در تمامت مملکت خود بنیاد فرسنك بر ششهزار کام معتدل نهاده است وکمیّت مسافت طرق که اورا بران عبور بوده منزل بمنزل در آن رساله کفته است.

из письменных источников; только в редких случаях авторы словарей прибавляют, что сами были в том или другом месте, и передают свои впечатления о нем. Для Сам'ани, отожествлявшего «цитадель» с «внутренним городом» [103], даже терминология авторов X в. была не вполне ясна. Якут, проживший в Мерве три года (1216—1219), не дал нам, однако, топографического описания города этой эпохи, даже не перечислил ворот города.

Рассказов о военных событиях, происходивших в течение этих веков около Мерва, мы также не имеем, кроме рассказа Джувейни о монгольском нашествии 1221 г. Монголы подошли к Мерву после покорения Неса и Абиверда, т. е. с запада, и прежде всего пришли к воротам Фирузи, откуда начали обход города с целью выбрать место для нападения. На 7-й день они начали военные действия со стороны «шахристанских ворот» (دروازهٔ شهرستان); жители из двух разных ворот произвели вылазки с незначительными силами и после отражения этих вылазок тотчас сдались. Стены и крепость были разрушены монголами, максура ханифитской соборной мечети — сожжена [104].

Из этих данных можно заключить, что ворота Фирузи были в западной стене Султан-калы. Ворота Фирузи, под названием درب الفيروزية, упоминаются и у Якута; за этими воротами был «внешний квартал» Сасан; Сам'ани помещает этот квартал у «места молитвы» (مصلّى) [105]. Из этого можно заключить, что праздничное место молитвы, как и соборная мечеть, оставалось в XII в. там же, где было в X в. Праздничное богослужение совершалось, следовательно, в местности непосредственно к западу от городища Султан-кала.

В. А. Жуковский склонен относить «шахристанские ворота» «к древнейшему мервскому городищу, Гяур-кале, если руководиться названием, сохраненным арабскими путешественниками» [106], т. е. путешественниками X в. Другими словами, В. А. Жуковский полагает, что «шахристанские ворота» Джувейни могут быть отожествлены с «воротами внутреннего города» Истахри. Едва ли можно признать такое мнение правдоподобным. Если бы городище Гяур-кала еще имело в то время значение крепости и если бы там стоял гарнизон, то нападение на это городище со стороны монголов было бы вполне вероятно, но, конечно, было бы произведено не с западной стороны, где в X в. были «ворота внутреннего города», так как нападающие в таком случае очутились бы в узком проходе между двумя враждебными крепостями.

Гораздо правдоподобнее, что «шахристанскими» назывались в XIII в. ворота в восточной стене нового города (Султан-кала), выходившие на ста-

---

[103] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 354б: о قهندز مرو يقال لها المدينة الداخلة Выше (л. 354а) о قهندز вообще: (sic) وهى المدينة الداخلة المصورة.

[104] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 50—51.

[105] Там же, стр. 44.

[106] Там же, стр. 132.

рый шахристан (Гяур-кала). По словам Сам'ани, старый «внутренний город» уже в половине XII в. был совершенно покинут жителями [107]; так как Сам'ани не отличает «внутреннего города» от цитадели, то трудно решить, относятся ли его слова ко всему городищу Гяур-кала или только к цитадели в его северной части. Если городище Гяур-кала действительно было пусто и никем не защищалось, оно со своим высоким валом являлось превосходным опорным пунктом для осаждающих. При крайней небрежности, с которой велась оборона Мерва, вполне вероятно, что это обстоятельство было упущено защитниками города; столь же вероятно, что Тулуй, более других сыновей Чингиз-хана унаследовавший военные таланты отца, сумел воспользоваться ошибкой врагов [108]. В течение тех шести дней, которые прошли между прибытием монголов и началом военных действий, монголы, изучив окрестности Мерва, могли прийти к решению занять городище Гяур-кала и с этой стороны начать свои действия против города.

Другое мнение было высказано бар. Тизенгаузеном в отзыве о труде В. А. Жуковского: по этому мнению [109], «шахристанские» ворота получили свое название не от мервского «шахристана», т. е. внутреннего города, но от города Шахристана в нынешнем Ахалтекинском оазисе, в небольшом расстоянии к северу от Ашхабада [110]. В таком случае «шахристанские» ворота находились в западной стене городища Султан-кала. Сведения исторических и географических источников, находящиеся в нашем распоряжении, не опровергают этого предположения, хотя мало вероятно, чтобы ворота города Мерва получили название не по Серахсу или Абиверду, а по отдаленному Шахристану, тем более что нет никаких известий о каком-либо особом значении этого города.

Мы можем, однако, получить более точный ответ на этот вопрос и на ряд других вопросов, касающихся топографии Мерва XI—XIII вв., если обратимся к источнику иной категории, именно к роману Тартуси об Абу Муслиме. Уже В. А. Жуковский признал топографические данные этого романа «не безынтересными, хотя бы при этом и оказались неизбежные в романе топографические, так сказать, анахронизмы» [111]. Но, во-первых, эти топографические данные полнее и подробнее, чем можно бы было заключить из слов В. А. Жуковского: неоднократно упоминаются не только «ворота знаменосца» и «ворота у конца Маджана», но и двое других ворот Мерва XI—XIII вв., ворота Фирузи и шахристанские. Во-вто-

---

[107] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 354б: و هى باقية الى الساعة و كأنّها غير معمورة و لا مسكونة.

[108] Если принять такое объяснение действий монголов, то, конечно, отпадает предположение В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 173), что лагерь монголов мог быть на месте городища Шаим-кала.

[109] Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI, стр. 329.

[110] О местоположении шахристана ср. Якут, *Му'джам*, III, 343_{2-3}.

[111] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 162, прим.

рых, романист в своих топографических указаниях несомненно имел в виду не эпоху Абу Муслима, а свое время, и с этой стороны его роман является сплошным анахронизмом; зато в нем нет, как в географических компиляциях, смешения данных, относящихся к различным эпохам; вообще влияние географической литературы IX—X вв., насколько я мог заметить, нигде не проявляется.

Роман об Абу Муслиме пользовался большей популярностью в Средней Азии [112] и в Турции, чем в Персии. Автор очерка истории персидской литературы, Эте, говоря о Тартуси, упоминает только о его романе из домусульманской жизни Персии [113], роман об Абу Муслиме остался ему неизвестен. Как время, к которому относится роман, так и место, где он возник, до сих пор не определены. Известие, что Тартуси написал свое произведение по просьбе газневидского султана Махмуда [114], ничем не подтверждается. В том виде, как он изложен в рукописи Азиатского Музея 280ae, роман несомненно относится к эпохе после монгольского нашествия; на это указывают такие выражения, как «черкесская рабыня» (كنيز جركسى) [115], и в особенности употребление чисто монгольских терминов قورچى [116] и داروغه [117]. В рукописи, как видно из заглавия всего сочинения и отдельных частей (دفتر) его, роман изложен «по рассказу» Тартуси, т. е. является позднейшей обработкой первоначального произведения.

---

[112] В Средней Азии разрабатывались, по-видимому, и отдельные эпизоды романа; ср. упоминание В. Л. Вяткина (Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 290) о *Замчинāме*, в котором несомненно говорилось о богатыре Ахмеде Замчи (ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 161 и сл.). При издании текста *Кандии* (*Туркестан*, ч. I, стр. 49, прим. 4) я не воспользовался романом Тартуси, вследствие чего сведения *Кандии* об Абу Муслиме, заимствованные из этого романа, остались для меня непонятными. Самаркандский царь بادیلدای и туркестанский хан ملکزاد упоминаются в романе постоянно.

[113] Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 318; о романе Тартуси об Абу Муслиме, однако, упоминает в том же GIPh (S. 558) П. Хорн. Рукопись персидского романа об Абу Муслиме (рукописи турецкого романа встречаются чаще), без имени автора, была приобретена Ханыковым в 1842 г. в Бухаре и находится в Имп. Публичной библиотеке (Ханыков, 43; ср. Dorn, *Chanykov'sche Sammlung*, S. 240); содержание ее было изложено Ханыковым в *Mémoire sur les inscriptions*, pp. 93—97; из этого изложения видно, что рукопись представляет совершенно иную версию романа, чем рукопись Аз. муз. 280 ae. В Азиатском музее имеется еще другая рукопись романа (280ae[1]=Salemann, 25; ср. ИАН, VII, 1898, № 1, стр. XIII), по-видимому, представляющая экземпляр той же версии, как рук. Ханыков 43.

[114] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 160, прим. 1.

[115] Тартуси, рук. Аз. муз. 280 ae, л. 467б.

[116] Там же, л. 256а.

[117] Там же, л. 287а. Ввиду этого нет необходимости рассматривать вопрос, могли ли многочисленные турецкие слова, встречающиеся в романе, войти в персидский язык еще в домонгольскую эпоху. Таково, напр., слово ارابه (л. 464а), насколько мне известно, не встречающееся в литературе до монголов.

Автор романа хорошо знал Мерв, Балх, Герат и местности между этими тремя городами [118]; даже западная часть Хорасана была известна ему гораздо менее; так, река Ибришем по ошибке помещена между Себзеваром и Нишапуром [119]. О Мерве даются гораздо более подробные сведения, чем о других городах, но трудно решить, объясняется ли это тем, что Мерв был местом возникновения романа, или тем, что в Мерве преимущественно происходила борьба между Абу Муслимом и Насром.

Топографические данные о Мерве, приведенные в романе, относятся к эпохе между концом XI и началом XIII в., причем скорее к первой, чем ко второй половине этого периода. Уже существовали стены и ворота нового города, находившегося на месте городища Султан-кала, но старый шахристан еще не был окончательно покинут жителями, и цитадель его еще имела некоторое значение [120]. Такому определению эпохи романа не противоречит и представление автора о политическом состоянии различных стран; так, в Мавераннахре господствовал «дом Афрасиаба», т. е. Караханиды [121]. К хорезмшаху [122] и хорезмийцам автор относится с явной симпатией [123].

«Ворота шахристана» упоминаются несколько раз; выйдя из этих ворот, приходили в «квартал Шахристан» [124]. Упоминается также мечеть этого квартала [125]. Шахристан считался постройкой мифического Каюмарса и обладал необыкновенно крепкой цитаделью, в которой было до

---

[118] Любопытно упоминание شار غلچه (л. 507а) и вообще употребление слова غلچه (мн. ч. غلچكان) в том смысле, в каком другие авторы употребляют слово غرچه. Этим окончательно устанавливается тожество обоих слов (ср. мой *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 27).

[119] Л. 240б: سرپل ابريشم كه ميان سبزوار و نيشابورست. Столь же смутно представление автора о географии Мавераннахра; битва между владетелем этой области и «хазарским тарханом» происходит, по одному известию (л. 397б) в Сиинджабе (т. е. Исфиджабе), по другому (л. 497а) — на берегу ходжентской реки, т. е. Сыр-Дарьи.

[120] ‹По письменным источникам, цитадель была разрушена уже во второй половине VIII в. (Булгаков, *Из арабских источников о Мерве*, стр. 219—220). На развалинах цитадели, ныне носящих имя Эрк-кала, нет керамики позднее первой половины IX в. (Усманова, *Эрк-кала*, стр. 89). Быть может, у Тартуси имеется в виду цитадель Султан-калы, руины которой известны под именем Шахрияр-арк.›

[121] Л. 157а: پادشاه ماوراءالنهر بود از اولاد افراسياب. Там же приводится полное имя этого государя: ملكزاد بن محمد بن حسين بن قزل ارسلان خاقان. Последнее имя явно указывает на влияние эпохи Караханидов.

[122] В романе здесь некоторое противоречие; на л. 157б хорезмшахом назван ابو الحسن كويانى (селение كويان находилось на пути из Джаджерма в Нишапур, л. 240а); на л. 281а и ниже سلطان محمد بن داود بن قيصر بن مامون بن اسمعيل بن اسحق بن الياس.

[123] Напр., л. 274б.

[124] Л. 58а: از دروازه برآمد وقدم در محلهٔ شهرستان نهاد. На обратном пути из квартала в город Абу Муслим снова прошел через دروازهٔ شهرستان (л. 61б).

[125] Л. 63б: مسجد محلهٔ شهرستان.

4000 человек гарнизона [126]. По-видимому, та же цитадель упоминается под названием حصار كهندز, так как в حصار كهندز жил и «начальник шахристана» (رئيس شهرستان). Цитадель со всех сторон была окружена рвом, через который вели мосты, один со стороны города, другой со стороны селения باسناباد [127]; к стене подходили только после переправы через ров; стена имела 260 башен [128]. Со стороны города перед цитаделью были мечеть и бассейн с водой [129]. Между северной стороной цитадели и северными воротами города Мерва (т. е. Султан-кала) было кладбище [130]. Когда Наср потерпел поражение в битве с Абу Муслимом и должен был отступить к городу, он, ввиду ненадежного настроения жителей, не решился войти в самый город и расположился у шахристанских ворот, т. е. в шахристане [131].

Стены самого города также были окружены широким рвом; чтобы засыпать его, Абу Муслим велел привезти ветвей и листьев на пятидесяти арбах [132]. Нападениям Абу Муслима преимущественно подвергались «ворота у конца Маджана» и «ворота Фирузи». Около «ворот у конца Маджана» был мост через овраг [133]; около «ворот Фирузи» — намазгах (праздничное место молитвы); здесь произошла одна из битв между Абу Муслимом и отрядами Насра [134]. «Ворота знаменосца» упоминаются только один раз [135], без каких-либо топографических подробностей и без отношения к военным действиям.

Внутри пространства, окруженного городскими стенами, также были стены и ворота между отдельными улицами и кварталами [136]. По-видимому, в связи с оставлением старых шахристанов в Средней Азии и Персии установился тот тип городов, который с тех пор не подвергался существенным изменениям. Прежде базары были расположены главным образом за стенами шахристанов, в пригородах; теперь в месте пересечения главных улиц, проведенных от ворот к центру города, был центральный купол базаров — *чарсу*. Мервский чарсу помещался у начала («головы») базара

---

[126] Л. 372б: و كويند بناى شهرستان كيومرث كرده بود و حصارى بغايت محكم بود و چهار هزار كس بودند كه ضبط آن حصار ميكردند.

[127] Ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 162, прим. В рукописи слово باسناباد, даже при описании цитадели, встречается, однако, и с диакритическими точками (напр., л. 215б).

[128] Тартуси, рук. Аз. муз. 280ае, л. 215б.

[129] Там же, л. 378б.

[130] Там же, л. 215а.

[131] Там же, л. 369б.

[132] Там же, л. 464а: پنجاه ارابه شاخ وبرك آوردند ودر خندق انداختند. Ров упоминается также при описании действий у ворот Фирузи (л. 185б).

[133] Там же, л. 186б: سرپل نهيب.

[134] Там же, л. 188б: در بيرون آن دروازه نمازكاهى بود و جنك آنجا بود.

[135] Там же, л. 375а.

[136] Ср. выражения دروازهٔ اين كوى и دروازهٔ آن محله (там же, л. 197б).

менял [137]. Здесь, как в самом людном месте города, происходили публичные казни [138]. Соборная мечеть, тюрьма и зáмок Насра находились в некотором, хотя, по-видимому, в небольшом, расстоянии от этого места. Судя по некоторым топографическим подробностям, автор помещает соборную мечеть и тюрьму к северу от чарсу, замок Насра — к югу. При одном из набегов [139] Абу Муслим проник в город через ворота Фирузи, его сподвижник Сулейман ибн Кесир — через «ворота у конца Маджана»; Сулейман ждал известий об Абу Муслиме сначала около улицы Сельма (کوی سلم) [140], потом у начала улицы кожевников (سر کوچهٔ چرم‌کران) [141]; узнав об успехе Абу Муслима, он пошел вперед на соединение с ним; после соединения обоих отрядов враги бежали к замку Насра [142]. Другой раз пять богатырей Абу Муслима прибыли в Мерв переодетыми и остановились в доме золотых дел мастера Насра, «вблизи соборной мечети» [143]. Из этого дома был подземный ход до квартала кожевников (محلهٔ چرم‌کران); этот ход давал возможность неожиданно проникнуть в мечеть и появиться у самого минбара (кафедры имама) [144]. Через «улицу кожевников» (کوی چرم‌کران) вела также дорога от дома золотых дел мастера Насра в улицу کوی سردوزان, где находилась тюрьма. На обратном пути от тюрьмы к дому мастера Насра богатыри прошли через чарсу [145]. Также прошел через чарсу Абу Муслим на пути от зáмка Насра (уже после занятия города) к соборной мечети [146].

Около мечети был минарет (منار), составлявший украшение города [147]. Абу Муслим велел разрушить в мечети минбар и построить новый, очень высокий и красивый; вообще велел обновить как минбар, так и место, где совершались молитвы [148].

От замка (قصر или کوشك) Насра, по-видимому, необходимо отличать как дом мервского коменданта (کوتوال), находившийся всего на расстоянии 11 *м* (کز) от соборной мечети, к которому вел подземный ход из цитадели шахристана [149], так и зáмок (کوشك) Тахира, сына Насра, считавшийся

---

[137] Там же, л. 121а: این چارسو بر سر بازار صرّافان بود.

[138] Там же, лл. 158б, 177б, 184а и многие другие.

[139] Там же, л. 183б и сл.

[140] Там же, л. 188а.

[141] Там же, л. 189б.

[142] Там же, л. 190б.

[143] Там же, л. 196а: نزدیك بمسجد جامع.

[144] Там же, л. 199б.

[145] Там же, лл. 198б—199б.

[146] Там же, л. 468б.

[147] Там же, л. 59а: زینتی بود شهر مرورا.

[148] Там же, л. 468а: فرمود که آن منبر قدیمرا بر داشتند ومنبری بغایت بلند ولطیف ساختند وپوشش منبر وجای نمازها نو وتازه ساختند.

[149] Там же, л. 216а-б. По представлению автора, между городом Мервом и его окрестностями были подземные ходы длиною до 1 фарсаха (л. 168а).

самой сильной крепостью в Хорасане [150]. Около замка был разрушенный бассейн, которым воспользовались приверженцы Абу Муслима, чтобы проникнуть в зáмок при помощи подземного хода. По-видимому, автор помещает этот зáмок также к югу от чарсу; при вторжении Сулеймана через «ворота у конца Маджана» Тахир бежал сначала к ряду менял и уже оттуда в свой замок [151]. С какими из позднейших построек автор сближал зáмки Насра и Тахира и дом мервского коменданта, из романа, конечно, не видно.

Шахристанские ворота находились, во всяком случае, в другой стороне города, чем ворота Фирузи и «ворота у конца Маджана». Во время вторжения Абу Муслима и Сулеймана эмир Нишапура, стоявший со своим отрядом у шахристанских ворот, долгое время не знал ничего о том, что произошло; только увидя дым пожара (приверженцами Абу Муслима был зажжен квартал, прилегавший к «воротам у конца Маджана»), он двинулся к «началу ряда менял», там получил известие о вторжении и направился к воротам Фирузи на помощь отряду, вступившему в битву с Абу Муслимом [152]. Шахристанские ворота упоминаются также в рассказе о подвигах пяти богатырей; после столкновения с толпой у «начала ряда менял» (т. е. около чарсу) богатыри направились к шахристанским воротам, чтобы через эти ворота выйти из города, но были настигнуты врагами у «начала базара кетменщиков» (بر سر بازار کلندکران) [153].

Топографическими подробностями романа вполне подтверждается заключение, к которому мы пришли на основании других источников: «ворота у конца Маджана» были в северной стене, ворота Фирузи — в западной, ворота шахристанские — в восточной. Опорными пунктами Абу Муслима были, по роману, селения к северу [154] и к западу [155] от Мерва; при таких условиях вполне естественно, что северные и западные ворота города преимущественно подвергались нападениям восставших. Базары тянулись от центрального купола к северным и восточным воротам, по всей вероятности также к воротам двух других стен.

---

[150] Там же, л. 201а: روشك طاهر نصر سيّار از همه حصارهای خراسان محكم‌ترست

[151] Там же, л. 188а.

[152] Там же, л 188б.

[153] Там же, лл. 196б—197а.

[154] Роман (вопреки летописным известиям) приписывает особенное значение в деятельности Абу Муслима местности около Кушмейхена. Кушмейхенская равнина (صحرای كشميهن) отличалась цветущей растительностью, обильным орошением, тенистыми деревьями и множеством дичи (л. 215а: بغايت سبز وخورم وآبهای روان وسايهای درختان وشكاری فراوان).

[155] Большую роль играет в романе не упоминаемый в географической литературе проток Замч (رودبار زمچ, лл. 191б, 327а), где была родина богатыря Ахмеда Замчи. Заросли тамарикса (كزستان) этой местности долго служили убежищем Абу Муслиму и его приверженцам. Здесь же была крепость چاردولاب, защищенная с одной стороны водой, с другой — зарослями; чтобы идти оттуда к Мерву, надо было переправиться через Мургаб (л. 193а-б).

Таков был тот Мерв, в библиотеках которого Якут непосредственно перед монгольским погромом собрал почти весь материал для составления своего обширного словаря. В дополнение к словам Якута о мервских библиотеках можно привести еще интересное известие историка IX в. Ахмеда ибн Абу Тахира Тайфура, автора истории Багдада, о значительном собрании пехлевийских рукописей, прибывшем в Мерв вместе с Йездигердом и сохранявшемся в Мерве еще в начале IX в. при Мамуне [156]. Находились ли эти рукописи в мервских библиотеках еще в эпоху Якута или успели исчезнуть задолго до монгольского нашествия, остается неизвестным.

---

[156] Ибн Тайфур, изд. Келлера, I, 157. В виде курьеза можно отметить факт, что издатель вместо مع بزدجرد читал (вопреки грамматике) مع بردجرد, вследствие чего рукописи по его переводу (там же, II, 71) попали в Мерв «mit alten Mänteln aus gestreiftem Stoff»! Теперь эта ошибка указана также в рецензии Брокельмана (LZ, 1909, Sp. 1111).

Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии.
Год четырнадцатый (1 января 1909 г. — 1 января 1910 г.)

Ташкент, 1910. 136 стр. 8°

В настоящем выпуске органа Туркестанского кружка любителей археологии кроме протоколов трех заседаний, состоявшихся в 1909 г., и перепечатанной из «Журнала Министерства народного просвещения» (декабрь 1908 г.) статьи К. Ф. Тиандера, напечатаны следующие доклады, прочитанные на заседаниях кружка: 1) «О восстановлении библейской реки Гихон» И. Т. Пославского; 2) «Два старинных медных сосуда из Бухары» А. А. Семенова; 3) «К истории наших сношений с Хивой» А. И. Добросмыслова; 4) «Основные вопросы среднеазиатской археологии» А. Д. Калмыкова; 5) «Астролябия-планисфера или персидско-арабская астролябия» М. П. Осипова.

Первый доклад посвящен брошюре г-на А. Чайковского «Важная нивелировка Туркестана». Собранный в брошюре исторический материал вызвал со стороны докладчика вполне справедливый приговор: «Нельзя сказать, что он имел большую ценность и давал нам какие-либо достоверные факты» (стр. 10); столь же справедливо, что «восстановление этой реки по проекту г-на Чайковского» (путем спуска озера Иссык-Куль в реку Чу) «недопустимо и рискованно до безрассудности» (стр. 16). Труднее согласиться с мнением докладчика, что все же «чутье истины не обмануло г-на Чайковского в его предположениях» и что действительно «когда-то по руслам Яны-дарьи и Узбоя текла грандиозная река, для которой Сыр и Аму были только притоками» (там же). Как известно, все предположения, к которым уже в третий раз возвращается г-н Чайковский, основаны на совершенно фантастическом толковании Библии и древних авторов и не подтверждаются ни историческими [1], ни физико-географическими [2] исследованиями. Производство рекомендуемых И. Т. Пославским изысканий на Яны-Дарье и Узбое крайне желательно не потому, что там можно бы было найти «следы тех Ассуров, что создали потом, после переселения, новую культуру на берегах Тигра и Евфрата», но потому, что в исследо-

[1] Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 3; ‹наст. изд., т. III, стр. 23›.
[2] Ср. слова Коншина о широте Узбоя и глубине его русла, приведенные в книге Берга *Аральское море*, стр. 523.

вании нуждаются сохранившиеся там памятники гораздо более позднего периода, например развалины Талайхан-Ата на Узбое (с мусульманскими надгробными надписями) [3].

А. А. Семенов знакомит нас с двумя предметами неизвестного происхождения, приобретенными им в Ташкенте: медным сосудом и вложенной в него, но, по мнению докладчика, не имеющей к нему отношения медной чашечкой. На обоих предметах находятся фигурные изображения, отчасти воспроизведенные на приложенных к статье снимках. Арабская надпись, которая, по словам докладчика, находится вокруг шейки, окаймляющей отверстие сосуда, на снимках не видна; докладчик предлагает чтение اسلم الظالم العالم «самый непорочный тиран — всеведущий бог» (стр. 63), но такие слова, не говоря уже о грамматической неправильности получающейся таким образом фразы (слово الظالم должно бы быть поставлено во множественном числе), едва ли возможны в устах мусульманина. Вопрос о том, к какому времени и к какой местности должны быть отнесены оба предмета, оставляется нерешенным.

Доклад А. И. Добросмыслова касается известного эпизода[4] из истории сношений с Хивинским ханством — пребывания в Хиве переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова в 1753—1754 гг. с русским караваном, старшиной которого был Даниил Рукавкин, составивший краткое описание ханства. Докладчиком обнародованы, без всяких объяснительных примечаний, три документа: 1) донесение Гуляева и Чучалова в канцелярию Оренбургского губернатора из Хивы от 9 марта 1754 г.; 2) ответный указ канцелярии от 3 мая; 3) донесение Неплюева и Тевкелева в коллегию иностранных дел от 5 мая. При чтении доклада, вероятно, было сказано, из какого архива извлечены документы; но этих сведений нет ни в протоколе заседания (стр. 60), ни в печатном докладе. Донесение Гуляева и Чучалова уже было один раз издано полностью (В. В. Вельяминовым-Зерновым) [5]; этот текст в некоторых местах отличается от текста, изданного теперь в «Протоколах» кружка, причем кроме чисто редакционных различий есть и более существенные [6]; для выяснения вопроса, который из двух текстов более надежен, было бы важно знать, представляет ли текст, изданный А. И. Добросмысловым, точную копию с подлинного документа или копию с копии. Донесением Неплюева и Тевкелева пользовались В. В. Вельяминов-Зернов [7] и В. Н. Витевский [8]; был ли этот документ когда-нибудь издан полностью, мне неизвестно. Об указе канцелярии от 3 мая и об отправлении в Хиву с этим указом киргиза Кутлу-

[3] ‹Такие работы в настоящее время проведены. См. Толстов, *По древним дельтам*.›

[4] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 222—225.

[5] *Исторические известия о киргиз-кайсаках*, т. I, прилож., стр. 32—48.

[6] Ср. о нападении на Бухару афганского народа у Вельяминова-Зернова (там же, стр. 47): «...которого сказывают человек до двести тысяч»; у Добросмыслова (*К истории сношений*, стр. 80): «... которого сказывают есть более ста тысяч».

[7] *Исторические известия о киргиз-кайсаках*, т. I, стр. 163.

[8] *Неплюев и Оренбургский край*, вып. IV, стр. 809.

бая не было до сих пор, насколько мне известно, никаких сведений, так что этот документ дает нам, по-видимому, совершенно новый материал.

А. Д. Калмыков рассматривает вопрос о типах местных построек, связанных с мусульманским религиозным культом (мечетей, медресе и мавзолеев), и старается установить в этом отношении точную терминологию. К сожалению, печатный доклад кроме многочисленных опечаток заключает в себе такое количество lapsus calami, что ими иногда затрудняется понимание взглядов докладчика; в списке опечаток указаны некоторые из этих недосмотров, но далеко не все [9]. К статье приложены снимки некоторых зданий; указываются памятники, требующие, по мнению докладчика, скорейшего изучения. Эти фактические сведения и указания являются, по нашему мнению, наиболее ценной частью доклада; особенно справедливо указание на необходимость топографического изучения бухарской цитадели (стр. 93 и 94). Из всех городов и крепостей Средней Азии, по-видимому, только о Бухаре можно сказать с уверенностью, что город и цитадель не изменили своего положения с первых веков ислама; кроме того, топография средневековой Бухары благодаря труду Нершахи известна нам лучше, чем топография других среднеазиатских городов. Пример Самарканда, где в топографии города, в направлении улиц и т. п. не произошло никаких существенных изменений от эпохи Тимуридов до русского завоевания, заставляет полагать, что и в Бухаре многие улицы и теперь сохраняют то же направление, как при Нершахи. Выяснение этого вопроса кем-нибудь из местных исследователей, знакомых с трудом Нершахи и с рассказами арабских географов (хотя бы по моему труду «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»), не потребовало бы ни больших денежных средств, ни большого количества времени.

Что касается взглядов автора, то едва ли можно признать, что они опираются на достаточное количество фактического материала. Совершенно справедливо, что «у нас нет пока данных о существовании куполов к северу от Аму-Дарьи в эпоху до ислама» (стр. 107); но едва ли этот факт имеет значение, пока вообще нет никаких данных, ни литературных, ни археологических, о типах построек в стране к северу от Аму-Дарьи в домусульманский период [10]. Упоминаются *наусы*, т. е. гробницы, но ни один из них не описывается; упоминаются «Наубехарские ворота» в западной

---

[9] Из оставшихся неисправленными можно отметить следующие. На стр. 94 едва ли основательно отожествляются персидские слова جا ('место') и جاه ('павильон, дворец'). На стр. 96 говорится о *Фихристе* вместо гораздо более позднего сочинения *Китāб-и Муллā-зāде*. На стр. 99 царствование «Насыр-хана Шамс-уль-мулька» отнесено к 862—873 гг.; между тем, как ясно видно из слов Нершахи (изд. Шефера, 27), речь идет об известном хане из династии Караханидов, правившем с 1068 по 1080 г. (ср. о нем мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 335—337; ‹наст. изд., т. I, стр. 377—378›).

[10] ‹В настоящее время купольные здания в этих областях открыты при раскопках.›

стене Самарканда (городища Афрасиаб) и в восточной стене Бухары [11], из чего можно заключить, что около этих городов тоже были некогда буддийские монастыри (*вихары*), но отличались ли бухарские и самаркандские вихары чем-нибудь от балхской, неизвестно. Единственными известными нам остатками человеческих жилищ в Туркестане, которые с некоторым [12] основанием можно отнести к домусульманскому периоду, можно признать так называемые «жилые курганы» [13]; докладчик склонен видеть в них «замки прежних дихканов» (там же) — взгляд, по-видимому, справедливый, но еще раньше высказанный на страницах тех же «Протоколов» Е. Т. Смирновым [14]. Мнение автора, что в Туркестане, в противоположность местности к югу от Аму-Дарьи, до Тамерлана не пользовались жженым кирпичом и что в этом можно видеть отражение греческого влияния в противоположность сасанидскому (стр. 98), едва ли вполне соответствует фактам. Несомненно, что еще в X в. в Средней Азии жженым кирпичом пользовались очень мало, но ни литературные, ни археологические данные не заставляют полагать, что в этом отношении было различие между городами к югу и к северу от Аму-Дарьи, хотя бы между Мервом [15] и Самаркандом. Находимые на Афрасиабе (т. е. в городище домонгольского происхождения) плиты жженого кирпича типа *санджари* вполне соответствуют мервским; многочисленные куски здания с изразцами, найденные на Афрасиабе в верхнем слое, показывают, что если не соборная мечеть эпохи Саманидов, то соборная мечеть хорезмшаха Мухаммеда (XIII в.) во всяком случае была из жженого кирпича. В бухарской цитадели, по свидетельству Нершахи, из жженого кирпича был не только фундамент стен, но и башни; этим материалом воспользовались в 560/1164-65 г. для возведения из жженого кирпича фундамента городских стен [16]. В бухарской области еще в XI в. было выстроено из жженого кирпича такое грандиозное здание, как караван-сарай Рабат-и Мелик, развалины которого существуют и теперь [17]. Мнение автора, что «царство жженого кирпича в Туркестане к северу от Аму-Дарьи начинается с Тамерлана», справедливо, по-видимому, только по отношению к современному (послемонгольскому) Самарканду. Об этом городе мы, действительно, имеем вполне оп-

---

[11] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 87 и 105; ‹наст. изд., т. I, стр. 136—137, 153—155›. Любопытно, что в Бухаре Наубехарские ворота по местоположению соответствовали нынешним Мазарским, ведущим к главной из современных мусульманских святынь в окрестностях города — могиле Беха ад-дина Накшбенда.

[12] Безусловно утверждать этого нельзя, так как «замки дихканов», как известно, упоминаются в Средней Азии еще в X в.

[13] Ср. о них Веселовский, *Заметка о курганах*, стр. 222 и сл.

[14] *Город Канка*, стр. 178.

[15] Ср. сопоставление городищ Гяур-кала и Султан-кала в книге Жуковского *Развалины Старого Мерва*, стр. 114 и 119.

[16] Нершахи, изд. Шефера, 23.

[17] ‹Как показал А. А. Семенов (*К вопросу о датировке Рабат-и Малика*), сведения источников о постройке рабата в XI в. не относятся к Рабат-и Мелику.›

ределенное свидетельство младшего современника Тимура, Хафиз-и Абру, по которому «прежде все здания Самарканда были из глины и дерева; в дни этой державы (т. е. при Тимуре и его преемниках) построили много зданий из жженого кирпича» [18].

М. П. Осипов описывает «старинный астрономический и геодезический инструмент», еще раньше предъявленный кружку И. Т. Пославским, приобревшим его за 97 руб. у одного бухарца (стр. 60). На приборе указано имя мастера (Мухаммед-Заман, сын ходжи Шереф ад-дина Хасана), время и место выполнения работы: 1088/1677-78 г., город Балх, в царствование Субхан-Кули-хана (правившего в то время в Балхе, впоследствии в Бухаре). Персидские стихи с именем хана (размер خفیف) не вполне правильно переданы (стр. 114) местными ориенталистами (И. Д. Ягелло и А. А. Семеновым):

این سطرلاب آفتاب منیر * شد بعهد سر[19] سپهر سریر
شاه سبحانقلی بهادرخان * باد چون افتاب عالم کیر

«Эта астролябия [для наблюдения за] светлым солнцем изготовлена в эпоху главы, престол которого подобен небу, шаха Субхан-Кули Бахадур-хана — да будет он, подобно солнцу, охватывающим мир» [20].

Кроме того, переводчиками не отмечено (стр. 131), что при перечислении городов на лицевой стороне коробочки (фиг. 1) упоминается Мешхед, а не средневековый Тус, как на соответствующей планисфере (фиг. 11). Некоторые из надписей остались необъяснимыми вследствие «трудности понимания старинных астрономических слов и выражений». В вопросах геодезии и астрономии докладчик, занимающий должность начальника Туркестанского военно-топографического отдела, конечно, вполне компетентен; предложенные им объяснения могли бы быть проверены и дополнены только лицом, знакомым как с этими науками, так и с арабской астрономической литературой.

В «Протоколах» заседаний кружка кроме напечатанных докладов упоминаются еще два других: доклад А. Д. Калмыкова об оссуариях [21] (31 марта 1909 г.) и доклад М. Д. Юдина о мавзолее Кесенэкуль (14 октября 1909 г.); последний доклад был предназначен к напечатанию в журнале «Исторический вестник». По-видимому, имеется в виду мавзолей из жженого кирпича, о котором уже неоднократно упоминалось на заседаниях кружка и в его печатном органе [22], под названием «Кок-Кесене»

[18] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 15, 17.

[19] Переводчики, очевидно, читали سه, но такое чтение не соответствует размеру.

[20] Игра слов: عالم‌کیر в применении к солнцу — «охватывающее мир», в применении к хану — «завоеватель мира».

[21] О том же предмете тем же исследователем был сделан доклад еще в предшествующем заседании 17 декабря 1908 г., напечатанный в «Протоколах» кружка за XIII год (стр. 49—54).

[22] ПТКЛА, год V, 1900, стр. 12; Каллаур, *Мавзолей Кок-Кесене*; Диваев, *Мавзолей Кок-Кесене*; Каллаур, *По поводу сообщений А. А. Диваева*, стр. 32; Диваев, *О значении названия «Кок-Кесене»*.

(в Перовском уезде, в 5 верстах к северу от станции Тюмень-арык и в 8 верстах к югу от развалин крепости Сунак-курган). Кружок еще в заседании 23 января 1908 г. признал желательным «иметь снимки или списки надписей» на стенах мавзолея, но исполнено ли это пожелание, неизвестно. М. Д. Юдиным была сообщена «легенда, записанная со слов киргиз»; на основании сопоставления этой легенды с «историческими данными» им было высказано предположение, что здание «построено Тимуром по желанию одной русской пленницы, очень любимой им и похороненной под этим мавзолеем» (стр. 61). Едва ли в пользу такого предположения можно привести какие-либо исторические известия или хотя бы легенды, существовавшие до русского завоевания.

Список членов кружка, помещенный в конце «Протоколов», к сожалению, указывает на значительное уменьшение числа членов по сравнению с предшествующим годом, не говоря уже о первых годах его деятельности. Можно только выразить пожелание, чтобы лица, посвящающие часы своего досуга изучению памятников прошлого Туркестана, и при таких неблагоприятных условиях нашли в себе достаточно сил и энергии, чтобы продолжать свою малозаметную и часто неблагодарную, но крайне важную для науки работу и чтобы кружку удалось сохранить свое существование до наступления лучших времен. Намечая план своих дальнейших работ, кружок руководился несомненно правильным убеждением, «что важнее изучение имеющихся и намеченных остатков и древностей, чем разыскивание их и раскопки» и что прежде всего необходимо, чтобы в кружке сосредоточивались сведения «о всяких случайных археологических находках» (стр. 112). Все это вполне достижимо и при тех недостаточных средствах, которыми в настоящее время располагает кружок, и вполне достаточно для обеспечения кружку благодарности всех лиц и учреждений, интересующихся прошлым Туркестанского края.

ОТЗЫВ О ТРУДАХ Н. Я. МАРРА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ АНИ[1]

1) XI-я Анийская археологическая кампания. Н. Марр. Приложение к труду: Книжная история Ани и раскопки на месте городища. С 2 таблицами и 60 рисунками в тексте. (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XIII). С.-Петербург, 1913.

2) Памятники армянского искусства. — Ани. Дворцовая церковь. Под редакцией академика Н. Я. Марра, по обмерам и чертежам архитектора-художника Н. Г. Буниатова. — Выпуск первый. Издание Анийского Музея древностей. Петроград, 1915.

Около сорока лет тому назад, 31 июля 1877 г., граф Алексей Сергеевич Уваров (ум. 29 декабря 1884 г.), памяти которого посвящено настоящее собрание нашего Общества, открывая IV Археологический съезд в Казани, характеризовал этот город «как преддверие Востока, коего судьбы издавна связаны с нашей отечественной историей». «Проследить эту связь, — говорил он, — можно не только во времена почти первобытные, но и теперь еще эта связь не прервана. Одно только можно заметить, что взаимные отношения изменились: в старину Восток влиял на древнюю Русь, а теперь Россия распространяет просвещенное влияние на дальние страны Востока».

Речь графа Уварова [2] кончалась тогда следующими словами, которые волею судеб оказываются mutatis mutandis уместными и теперь: «Сегодня вечером начнется разрешение разных ученых вопросов о Востоке, и в те же дни, когда мы будем здесь обсуждать эти вопросы, иной вопрос о Востоке будет разрешаться на Балканах, на низовьях Дуная, в верховьях Евфрата. Мы здесь разрешением научных вопросов внесем новый свет в историю Востока, — там наши братья будут разрешать иным орудием вековой Восточный вопрос, чтобы внести в среду единоплеменных нам народов свободу и образованность».

Закрывая Казанский съезд, гр. Уваров сообщил о принятом тогда

---

[1] На основании этого отзыва в чрезвычайном общем собрании Императорского Русского археологического общества 29 декабря 1915 г. Н. Я. Марру была присуждена большая золотая медаль имени гр. А. С. Уварова. ⟨Отзыв составлен В. В. Бартольдом и Я. И. Смирновым.⟩

[2] «Труды IV Археологического съезда», т. I, стр. XXV и сл.; Уваров, *Сборник мелких трудов*, т. III, стр. 155.

решении устроить следующий съезд в Тифлисе, и на организацию там V Археологического съезда ушли четыре последующих и предпоследних года жизни графа А. С. Уварова.

Всем вам известно, сколь существенное значение для археологического изучения Кавказа имел этот Съезд, подготовительные к нему работы и непосредственные его результаты: ряд экспедиций и раскопок осуществлен был самим графом Уваровым и привлеченными им сотрудниками, блестяще прошедший Съезд расширил и углубил внимание к древностям местного общества, наша археологическая литература обогатилась «Сборником греческих и латинских надписей Кавказа», составленным нашим покойным сочленом И. В. Помяловским, и двумя объемистыми томами трудов Подготовительного комитета и самого Съезда, вослед за которыми начали появляться томы — теперь их уже двенадцать — «Материалов по археологии Кавказа», содержащие драгоценные данные для познания памятников древности на Кавказе и в сопредельных странах.

Слова графа А. С. Уварова о просветительном движении России на Восток подтвердились, в области отвлеченного научного изучения древностей Кавказа, делами его самого, его сподвижников и его преемников как по Московскому археологическому обществу, так и по Кавказскому отделению последнего. Сбылись, хотя и со значительными урезками, и политические мечты, о которых говорил граф А. С. Уваров: в частности, в Закавказье «Арпачайская струя» перестала быть порубежной и величественные развалины столицы Армении эпохи Багратидов, на которые целые полвека смотрели через реку казаки Анийского пограничного поста, вошли в пределы Российской империи, а с развалинами этими пришли к нам и задача их изучения и обязанность их сохранения.

Раньше, когда «Тысяча одна церковь» — как называли турки развалины Ани — находились на окраине империи Османской, истинными хозяевами этой местности были курдские беки, сидевшие в замке Магазберда и мало считавшиеся с ближайшими представителями государственной власти, с пашами Карса, а потому место это представлялось одним из опаснейших для европейских путешественников [3], да и они сами односторонне увлекались сначала памятниками классической древности, а потом памятниками древнего Востока. В 1701 г. Жозеф де-Турнефор узнал о существовании развалин Ани лишь тогда, когда проехал уже мимо, но утешился предположением, что там нет ничего интересного для путешественника, так как смотреть, по его мнению, стоило развалины лишь греческих городов: «il n'y a que les débris de villes grecques qui méritent d'être veûs», — писал он [4].

---

[3] Monteith, *Journal of a Tour*, p. 45; Ker-Porter, *Travels*, vol. I, p. 175; Texier, *Description*, pt. I, pp. 118—119; Hamilton, *Researches in Asia Minor*, vol. I, p. 103.

[4] Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant*, vol. II, p. 153. Тот именно мотив, который он приводил как преимущество городов греческих: «. . . parce qu'on y trouve toujours quelques restes d'inscriptions lesquelles bien souvent sont d'un grand

Первое в европейской литературе подробное описание развалин дал английский художник Роберт Кер-Портер, спешно объехавший их осенью 1817 г. с полученным от Ермолова конвоем из десяти туземных всадников, которые своим отчаянным видом произвели на него впечатление наибольших головорезов, каких он видел на Кавказе; к сожалению, зимняя стужа и ранние сумерки не позволили ему зарисовать ни одного здания; развалины же были тогда, по-видимому, в лучшей сохранности, чем позднее, когда явились первые русские их описатели: Кер-Портер ясно видел еще направление улиц и устройство домов [5]. Другой англичанин, тщетно искавший в Азербайджане и Армении греческих и латинских надписей, видел в 1825 г. на одной из анийских церквей несуществующую теперь надпись греческими буквами, но не на греческом, по его мнению, языке [6].

Первым европейцем, который скопировал в 1838 г. несколько армянских надписей со стен анийских развалин, был француз Боре, но копии его пропали [7].

---

secours pour débrouiller l'ancienne géographie», приложим был бы к развалинам Ани, пожалуй, более чем к каким-либо иным, если бы история и география средневекового Востока считались столь же достойными внимания европейца.

[5] Ker-Porter, *Travels*, vol. I, pp. 160—176.

[6] Имеем в виду свидетельство полковника (позднее генерала) индийской армии W. Monteith [*Journal of a Tour*, p. 44: «. . . on one (church) I remarked a inscription in the Greek character, but imagine it must have been in some other language, as I have never been able to get it decyphered (The Armenians at one time used the Greek character)] о какой-то непонятной надписи греческими буквами, в которой он склонен был видеть надпись на армянском языке до изобретения армянского алфавита. Недопустимость такого предположения относительно надписи на одной из анийских, относительно поздних, церквей не подлежит сомнению. Утверждение же — быть может, конечно, также ошибочное, — что надпись греческими буквами была не греческая, напоминает загадочную надпись, ныне исчезнувшую, срисованную в 1850 г. Кестнером с церкви св. Григория (1215 г.), т. е. с так называемой «Греческой церкви», упоминаемую Броссе (*Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 14) и изданную И. В. Помяловским (*Сборник*, стр. 75, № 144); в греческой ее части перед 8-м стихом XXV псалма стоят, отделенные от него крестом, около двадцати букв, оставшихся непонятными издателям; Н. П. Сычев в докладе о росписи этой церкви, читанном в заседании нашего Общества 17 декабря 1911 г. (см. ЗКОРАО, т. VII, стр. 198, и Прибавление к 44 вып. ИАК, стр. 2—3), указывал на возможность усмотреть там славянские слова: «. . . Флорови си церкве пишуще». Столь неожиданная и маловероятная сама по себе, но крайне интересная для нас возможность делает желательными поиски копии с той надписи, о которой упоминал Monteith и которую можно, по-видимому, отожествить с вышеуказанной славяно(??)-греко-грузинской якобы «на западных дверях храма», где теперь не усматривается свободного места, где она могла бы находиться; местом ее могла бы быть одна из рухнувших аркад притвора; но о. Нерсес Саркисян (*Топография*, стр. 128, по сообщению нам И. А. Орбели) отмечает эту же греко-грузинскую надпись краской как идущую «дуговидно над дверью», т. е. вероятно, дверью в самую церковь. Год посещения Monteith Ани определяем по стр. 33 его статьи, а о поисках им греческих и латинских надписей заключаем [по стр. 4—6, 10, 14, 23, 32—33, 37, 42, 47, 49.

[7] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 5, со ссылкой на Boré, *Correspondance*, t. II, p. 2.

Французской же экспедиции в Персию архитектора Шарля Тексье, пробывшего со своими двумя помощниками, живописцем и топографом, осенью 1839 г. на развалинах Ани целых три дня, — пока всадники Магазбердского бека, въехав на лошадях в церковь, где работал Тексье, не предложили ему немедленно покинуть развалины — Европа обязана первыми [8], прекрасными для своего времени, но не удовлетворяющими современным требованиям, рисунками анийских памятников [9]; не удивительно, конечно, если в одиннадцати таблицах Тексье, посвященных развалинам Ани и вырисованных по спешным наброскам и промерам, оказывается теперь при проверке их по оригиналам столько ошибок и неточностей, но подлинные рисунки, завещанные Тексье Британскому обществу архитекторов в Лондоне, должны быть использованы при изучении анийских памятников как незаменимые свидетельства о разрушившихся с тех пор частях зданий.

Тексье, как и его предшественники, причину запустения обширного города представлял себе во взятии и разгроме его мусульманами; именем завоевателя вне всяких сомнений являлось для Тексье громкое имя Тимура; следы воображаемой осады и приступа усматривал он на самых стенах города, а сопровождавший его турецкий пристав, «корсар в отставке» Магомед, — который из всего множества посещенных развалин древних городов заинтересовался лишь анийскими — развивал en homme du métier подробности воображаемой осады; одно смущало его: это добрососедское, так сказать, сосуществование в Ани двух мечетей наряду с церквами, не обращенными в мечети, как бывало обыкновенно; самого же Тексье этот факт приводил к заключению, что «ислам вошел в Ани по договору» [10].

Разъяснить возникавшие таким образом из осмотра развалин неразрешимые для проезжих путешественников исторические вопросы могли помимо кабинетных книжных исследований лишь долговременные и систематические работы на месте над самими памятниками и над множеством надписей, покрывавших стены зданий.

Начало собиранию исторических и эпиграфических данных об Ани положили те европейские «армяне рассеяния», в глазах которых Ани

---

[8] В Императорском Эрмитаже хранится акварель Михаила Матвеевича Иванова, исполненная около 1791 г. и носящая надпись: «Вид церквей в Великой Армении при реке Арпачае с гробницами знатнейших особ, вдали же развалины древнего города святыя Анны» (Отделение гравюр и рисунков, шк. 74, полка 3, № 5, рис. 15, старый инвентарный № 9945); на заднем плане рисунка изображены, однако, не развалины Ани, а монастырь Хошаванк, около которого и находятся две изображенные на первом плане церкви, считаемые усыпальницами Багратидов (Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 61 sq.). В списке библиотеки Анийского музея («Анийская серия», № 2, 1908, стр. 54, № 28) фотография с этой акварели, входящей в состав одного из альбомов рисунков М. М. Иванова, неточно названа фотографией «картины Иванова».

[9] Texier, *Description*, pt. I, pp. 89—117, 147—150; pl. XIV—XXIV.

[10] Ibid., p. 96.

представлялось центром, откуда предки их разошлись по их западным колониям: в начале XIX в. о. Минас Бжишкян составил пространную историю Ани, включенную им в его «Путешествие в Лехистан (т. е. Польшу) и другие страны, обитаемые армянами, выселившимися некогда из Ани» [11], а в 1847 г. о. Нерсес Саркисян [12] списал 42 армянские надписи на городище Ани и около сотни в соседнем монастыре Хошаванке.

Первые более надежные, механические, копии с некоторых анийских надписей привез профессор Дерптского университета, геолог Г. В. Абих, посетивший в 1844 или 1845 г. городище Ани и давший обстоятельное его описание с планом и набросками некоторых зданий [13]; хорошие описания городища, хотя после кратких лишь обозрений его, дали красноречивый описатель Грузии и Армении А. Н. Муравьев (1846 г.[14]) и ученый ориенталист и географ Н. В. Ханыков (1848 г.[15]). Научное изучение Ани особенно обязано последнему: помимо описания развалин и издания мусульманских надписей самим Ханыковым [16], князь М. С. Воронцов по его представлению послал на Анийский пост лейтенанта Юлия Кестнера, который в 1850 г. в течение полутора месяцев ежедневно ездил рисовать, хотя и по-любительски, развалины Ани и копировать надписи.

Результаты трудов Кестнера и легли в основание появившегося через десять лет специального издания Броссе: *Les ruines d'Ani* (St.-Pétersbourg, Ière partie: *Description*, 1860; IIème partie: *Histoire*, 1861; *Atlas*: 45 planches, 1860—1861); если в рисунках и заглазных описаниях памятников — сам Броссе не воспользовался в 1848 г. представлявшейся ему возможностью посетить Ани — и оказывается немало неточностей и ошибок, если попытки Броссе согласить разноречивые показания очевидцев и не всегда удачны, то история и эпиграфика Ани получили в этом издании обработку, соответствовавшую современному уровню европейской науки.

---

[11] Венеция, 1830; история Ани переведена с некоторыми сокращениями и многочисленными примечаниями Броссе в его *Les ruines d'Ani*, pt. II, pp. 93—142.

[12] *Топография.*

[13] Abich, *Sur les ruines d'Ani* (извлечение из письма Абиха из Тифлиса от 30 января, 1845 г.); Brosset, *Rapport sur la lettre.* Немецкий оригинал описания Ани доставлен был из Тифлиса в Московский Подготовительный Комитет V Археологического съезда и напечатан в русском переводе с примечаниями Н. О. Эмина в *Протоколах Подготовительного Комитета*, стр. 271—296 с 11 рис. Письма Абиха с Кавказа изданы были в 1896 г. особой книгой: Abich, *Aus Kaukasischen Landern.* О вывезенной Абихом надписи 1206 г. см. Марр, *Камень с армянской надписью.*

[14] Муравьев, *Грузия и Армения*, ч. II, стр. 257—288.

[15] *Excursion à Ani, en 1848*, напечатана у Brosset, *Rapports*, 3ème rapport, pp. 121—150=Khanukoi, *Voyage à Ani.*

[16] *Quelques inscriptions* pp. 70—73=«Bulletin», t. VI, 1849, col. 193—197; Khanykov, *Note sur le yarligh* =«Bulletin», t. X, 1853, col. 81—86, и у Броссе, *Les ruines d'Ani*, pt. I, pp. 30—32. Персидскую надпись Абу Са'ида см. теперь в «Анийской серии», № 5: Бартольд, *Персидская надпись*; ‹см. ниже, стр. 313—338›.

В России же явились около того же времени на смену рисунков Тексье более точные воспроизведения некоторых анийских зданий в издании Д. И. Гримма, который работал в Ани в 1849 или 1850 г.[17].

Таким образом, близость развалин Ани к нашей границе оказалась на пользу их изучению; ко времени перехода их в наши пределы образовалась уже некоторая научная литература об Ани и архитектурные памятники города по рисункам Тексье, Кестнера и Гримма разбирались уже и в общих сочинениях по истории искусства.

Можно было бы думать, что после 1878 г. изучение развалин Ани пойдет еще более успешно; но на деле этого не произошло.

Правда, с превращением Магазбердского замка в безлюдную развалину Анийское городище стали усердно посещать любопытствующие туристы, преимущественно армяне, и стены виднейших развалин покрылись тысячами разноязычных новейших надписей, нередко в явный ущерб надписям древним, а тем более остаткам росписей. Полезнее было появление в продаже многочисленных фотографических снимков развалин, нередко, конечно, с самыми фантастическими подписями; появление же в печати путевых впечатлений и кратких описаний Ани туристами разных национальностей научного изучения анийских памятников вперед, конечно, не двигало. Интерес к Ани армянского общества удовлетворялся помимо журнальных статей обстоятельным компилятивным описанием развалин в книге о. Л. Алишана «Ширак» [18]. В общеевропейской литературе наличность изданий Тексье, Гримма и Броссе давала видимость того, что памятники Ани уже достаточно изучены; да и вообще, как прежде искали на Востоке преимущественно памятников и надписей греческих и римских, так теперь, во второй половине XIX в., после открытия ключа к чтению клинообразных надписей, на первую очередь был поставлен вопрос о происхождении и распространении культуры Вавилона и Ассирии, и этой задачей определялось направление большей части археологических работ на Кавказе и в Персии. Один из современных ориенталистов, — и притом из тех немногих среди них, которые занимаются и памятниками вещественными, — Макс ван Бершем, справедливо доказывает, что вследствие чрезмерного увлечения такими задачами и вообще раскопками остаются невыполненными более неотложные работы по изучению памятников персидской архитектуры в Персии, в настоящее время еще доступных для исследования без раскопок, но быстро приходящих в разрушение [19]. Так было и с развалинами Ани. Защищенное величественными

[17] Grimm, *Monuments d'architecture*. Анийским памятникам (собор, две церкви св. Григория и детали других зданий) посвящены таблицы: B. 4_{1-4}, 5_{1-4} (=37—44).

[18] Венеция, 1881.

[19] Van Berchem, *L'architecture musulmane de la Perse* (по поводу издания Sarre, *Denkmäler*), p. 69: «Mais les monuments qui meurent échappent aux fouilleurs et aux voyageurs pressés. Relevons-les avant que leur ruine complète les livres à la pioche; c'est une question d'opportunité. Nous ferons oeuvre aussi utile et il nous en coûtera moins cher qu'à nos petits enfants d'en exhumer un jour les débris».

стенами городище было в глазах прежних турецких властей «крепостью» и в качестве таковой перешло сперва в собственность нашего военно-инженерного ведомства, а потом сдавалось как оброчная статья Министерства государственных имуществ под выпас скота жителям соседних деревень. Возрастание старых и постройка новых селений естественно делали из пустынного, никем не охраняемого городища род даровой каменоломни, где втуне лежало столько готового тесаного камня разных сортов.

Правда, патриотическое паломничество армян на развалины их былой столицы имело результатом и поселение там эчмиадзинского архимандрита, но он заботился преимущественно лишь о приюте и пище для посетителей да изредка совершал богослужение в развалинах собора.

Таковы были ближайшие последствия включения городища Ани в пределы нашего отечества.

Хотя при обсуждении программы занятий V Археологического съезда имя Ани упоминалось, конечно, неоднократно, хотя в Протоколах Подготовительного комитета помещен был русский перевод описания Ани Абихом, хотя, наконец, в одном из заседаний этого Комитета (20 декабря 1879 г., в Москве [20]) было даже намечено производство в Ани «раскопок и исследований», но на деле съезд ничего не сделал для дальнейшего изучения вновь приобретенной Россией сокровищницы восточных средневековых древностей, так как предполагавшиеся там раскопки были вскоре (в заседании 7 и 8 января 1880 г. [21]), по предложению самого графа А. С. Уварова, перенесены, как выражается протокол, «на другой более древний пункт», каковым избран был холм Блура, предполагаемый древний Армавир; за это предпочтение Армавира Ани отомстила справедливая ирония судьбы: производившие эти раскопки пришли к неверному заключению, якобы «поселение на холме Блуре не древнее IV века после Р. Х.» и «что развалины Армавира надо искать совершенно в другом месте» [22].

Целых десять лет прошло со времени Тифлисского археологического съезда, прежде чем на городище Ани начались научные исследования: летом 1891 г. развалины Ани посетил глава того государственного учреждения, на обязанности которого лежит охрана и изучение древностей всей необъятной Российской империи, председатель императорской Археологической комиссии граф А. А. Бобринский, и на следующий же (1892) год Археологическая комиссия командировала для изучения древностей Русской Армении молодого приват-доцента С.-Петербургского университета Н. Я. Марра, который знаком был с развалинами Ани по осмотру их еще в 1890 г.[23].

[20] См. *Протоколы Подготовительного Комитета*, стр. 97.

[21] Там же, стр. 142.

[22] Там же, стр. 447 (=Уваров, *Сборник мелких трудов*, т. II, стр. 147).

[23] ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. VII; Марр, *Из летней поездки*, стр. 211.

За ту четверть века, которая отделяет нас от первого знакомства Николая Яковлевича Марра с развалинами Ани, имя его связалось с ними вечной и неразрывной цепью, скованной из пятнадцатикратного пребывания там, из четырнадцати кампаний раскопок, из ряда научных докладов и лекций, посвященных Ани, из целой серии печатных трудов, из непрерывных археологических и исторических разысканий, из учреждения на самом городище двух музеев, из установления действительной охраны развалин, из предохранения многих памятников от грозившего им разрушения и, наконец, из создания если еще и не de jure, то de facto научного института специально для изучения древностей Ани и окрестной области древнего Ширака.

Несколько звеньев этой длинной цепи падают и на тот условный период трехлетия — 1913—1915 гг., о важнейших археологических трудах опубликованных в течение которого должна иметь суждение наша Комиссия по присуждению медалей имени графа Алексея Сергеевича Уварова.

В 1913 г., как XIII том «Текстов и разысканий по армяно-грузинской филологии», вышла книга: XI-я Анийская археологическая кампания. Н. Марр. Приложение к труду «Книжная история Ани и раскопки на месте городища» (СПб., 1913. 8°. 61 стр., с 2 таблицами и 60 рисунками в тексте).

Из предисловия (стр. 1—2) узнаем, что названный в подзаголовке общий труд Н. Я. Марра о результатах его десятилетних раскопок на месте древнего Ани, «сложившийся из публичных лекций (1907—1908 гг.) и из отчетов о последующих раскопках», не мог быть закончен печатанием до лета того (1913) года, почему отчет об XI археологической кампании в Ани и печатался «в качестве как бы дополнения к не появившейся еще книге» (стр. 1). К сожалению, таковым же остается «предварительный отчет» этот и доныне [24].

Отчет о раскопках 1912 г. далеко не ограничивается подробным описанием открытых раскопками развалин и отдельных в них находок и воспроизведением важнейшего в планах и многочисленных рисунках; к фактическому описанию найденного присоединяется ряд пояснительных экскурсов, аналогий и сопоставлений, иногда лишь вопросов, которые в общем делают содержание этой книги гораздо более важным и широким, чем его определяет заглавие ее.

Раскопки велись в 1912 г. в двух пунктах городища, в южной части города, между вышгородом и древней городской стеной, построенной в 964 г. царем Ашотом III: разрыты были два бугра развалин, которые значились на составленном в 1908—1909 гг. плане городища под № 100 и 101.

В первом, меньшем, находящемся близ западного края террасы, на которой стоит город, оказались развалины небольшой церковки про-

[24] ‹Книга Н. Я. Марра *Ани* вышла в свет в 1934 г.›

долговатой формы, крытой первоначально коробовым сводом, но затем перестроенной в купольную; перестроенным же оказалось и алтарное возвышение. Среди обломков надписей нашлась дата 1042 г. н. э. из надписи до перестройки церкви; переделку церковки из базиличной в купольную исследователь относит к XIII в. (стр. 12): наличник нового алтарного возвышения датируется разноцветными, поставленными на угол в шашечном порядке, камнями «в стиле декоровки гражданской архитектуры XII—XIII века», как выражается автор (стр. 6).

Краткое описание (стр. 6 и 12) этой раскопки щедро иллюстрировано планом церковки (рис. 4), видом холмика до раскопок (рис. 2), видами раскопанной церкви (рис. 3, 5, 6 и 9) и изображениями ее орнаментальных деталей (рис. 7 и 8), изображен (рис. 11) и найденный здесь же крестный камень XIII в.

Второй бугор, поднимавшийся между большой улицей и обрывом ущелья Арпачая, оказался развалинами церкви продолговатой формы (см. план, рис. 16) с одной лишь дверью в южной стене и с оригинальным, не имеющим себе аналогий широким выступом западной стены, которому внутри соответствуют три небольших полукруглых ниши; покрыта церковь была куполом, опиравшимся на четыре устоя; лицевая сторона алтарного возвышения (рис. 19) выложена квадратными камнями с узорами в виде свастики, креста, розетки, ланцеток и т. п., определяемыми Н. Я. Марром как «западные или древне-армянские церковные» (стр. 19); алтарное возвышение оказалось позднейшим, так как базы пилястр и нижний профиль стен в алтаре приходились ниже даже сохранившегося пола церкви, над которым на аршин еще возвышался пол алтарной части; детали орнаментации наружных стен и барабана купола сходны с анийскими орнаментами X в.; многогранная крыша купола украшена была рельефными изображениями виноградных гроздьев и гранатовых яблок на стилизованных стеблях, чему в Ани имелся дотоле лишь один пример в церкви Апостолов, X в., к которому относится и вновь открытая церковь. Однако Н. Я. Марр полагает возможным и здесь предполагать в X в. лишь перестройку более древней базиличной церкви в купольную с заменой обычной западной двери тремя нишами (стр. 17, 19, 20, 23—25, 29—31); к сожалению, в настоящем отчете предположение это остается не вполне доказанным, так как реальные основания его излагаются недостаточно подробно. Несомненны зато дальнейшие судьбы церкви: устройство кладбища к югу от нее на дворе, когда уровень его значительно вырос и закрыл обычные в армянской архитектуре три ступени в основании внешних стен церкви, и пристройка к юго-восточному углу церкви большого пьедестала, назначение которого исследователь определил как основание колокольни, что и доказывается, помимо обломков небольшого колокола, надписью о построении колокольни; один из кусков ее найден был заложенным в очаг, принадлежавший позднейшим обитателям Ани, которые гнездились в развалинах лучших времен жизни города. Имена

строителей колокольни оказались известными исследователю из других надписей 1270-х годов (стр. 37). Вокруг этой церкви раскопана была часть прилегавшего квартала, где оказалось несколько комнат выдающейся величины и отделки; так, в одном большом покое сохранилась возвышенная терраса с нишами для снимаемой обуви в лицевой стенке ее и остатки большой декоративной ниши в противоположной стене с богатым обрамлением ее резными узорами (см. рис. 58 и 59) и с шахматной выкладкой черными и красными камнями задней стенки ее. Было бы слишком долго излагать сообщаемые отчетом подробности о прочих многочисленных, до тридцати, комнатах, иногда с подпольными помещениями под ними, о крестных камнях (рис. 35, 37, 38, 54, 55), о комнатах и нишах в стенах жилых покоев, о различных мелких обломках утвари, найденных в этих домах, начиная от обломков стеклянных расписных сосудов и пестрых фаянсов (образцы которых воспроизведены в красках на табл. II), привозных, вероятно, из Сирии и Персии, и кусков местных глиняных сосудов: больших корчаг, так называемых «карасов», украшенных поясками рельефных фигур, и глиняной поливной посуды с прочерченными до обжига на белой обмазке узорами [25], и кончая куском какого-то деревянного резного украшения (рис. 60).

В пояснение отчета приложен (табл. I) точный план всего раскопанного участка и многочисленные виды раскопанных зданий (рис. 30, 40—44, 52, 56—57) и их деталей (рис. 10, 45—53, 58—60).

Такова описательная часть отчета, но ею Н. Я. Марр не ограничился: он касается попутно и тех разнообразных вопросов, которые затрагивались ближайшим образом раскопками отчетного года. Таков, например, вопрос о столь часто наблюдаемых перестройках церквей базиличного типа в купольные, относительно которого Н. Я. Марру приходилось говорить в нашем Обществе и ранее, например, при докладе статьи Тораманяна о перестройках Эчмиадзинского собора [26]; тот же архитектор рассматривал аналогичный пример в своей армянской книге о столь известном в истории архитектуры еще со времен Тексье храме в Текоре [27], а кн. И. А. Джавахов разбирал недавно подобный же факт на территории Грузии, в так называемом «сионе» Атенском [28]. В рассматриваемом отчете о раскопках 1912 г. Н. Я. Марр не только констатирует переделку

[25] Особенно интересна находка обломка чаши подобного рода с частью армянской надписи, сохранившей лишь собственное имя Хоцадеѣ, известное исследователю по нескольким надписям XIII в. и справедливо относимое им скорее к заказчику чаши, нежели к ее изготовителю (стр. 59—60).

[26] Тораманян, *О древнейших формах Эчмиадзинского храма*; Марр, *По поводу работы архитектора Тораманяна.*

[27] Texier, *Description*, pt. I, pl. XXV—XXIX; pp. 120, 150—151; Тораманян, *История армянской архитектуры.* Перестройку Текорской церкви признает и Н. Я. Марр; см.: Марр, *Новые археологические данные*, стр. 065, и его же статью *К датировке ктиторской надписи*, стр. 66, 68—69.

[28] Джавахов, *К вопросу.*

в XIII в. малой церкви, но предполагает таковую же и для большой церкви в X в.; если второе предположение и не кажется нам пока вполне доказанным, так как среди изданных орнаментальных деталей ее (см. рис. 23—27, 29) не видно таких, которые требовали бы более древней даты, то весьма важно отнесение наличного вида «Анийского собора, законченного постройкой в 1001 году, по деталям его орнаментации к памятникам анийского церковного строительства XII—XIII века» (стр. 43): «каждое древнее здание времени царей, — пишет Н. Я. Марр, — не успевшее раньше разрушиться, в Ани в той или иной мере перестраивалось в XII—XIII веках» (стр. 43); и против этих положений возражать, конечно, не приходится; ведь иначе и быть не могло в богатом, торговом, вольном городе, каковым был Ани и в эти века чужеземного, номинального более или менее, владычества. Сколь противоречат эти положения традиционным представлениям о золотом веке города лишь под властью самостоятельных армянских царей, столь же оригинальны и новы и заключения Н. Я. Марра о сильном влиянии на анийское церковное искусство армян-халкедонитов, которые соответственно религиозной близости их к православным церквам Грузии и Византии являлись приверженцами и проводниками и западных, т. е. византийских, архитектурных и орнаментальных форм (стр. 29, 37—40, 42, 60); особенно интересны указания, как в этой, так и в других статьях Н. Я. Марра, что едва ли не все известные в Армении остатки церковных росписей обязаны исполнением своим именно халкедонитам (стр. 29, 41, 42), к вопросу о былой роли которых в истории Армении Н. Я. Марр возвращался неоднократно [29].

С запада же, через халкедонитов, явились в Ани и колокольни с колоколами, как доказывает Н. Я. Марр в экскурсе о них, связанном с вышеупомянутым открытием остатков колокольни при раскопках 1912 г. (см. стр. 35—39) и являющемся ценным дополнением статьи И. А. Орбели «Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века»[30]; собранный в этой статье ряд изображений анийских крестных камней дополняется новой серией их в рассматриваемом отчете Н. Я. Марра (рис. 7, 11, 24, 26, 35, 37, 38, 54, 55) и замечаниями его об их орнаментации (стр. 39—40). В орнаментации их, как и в узорах лицевых стенок алтарных возвышений — которым также посвящен особый этюд (стр. 17—19, 23—24, рис. 18, 19), — как и вообще в армянской орнаментике XI—XIV вв., Н. Я. Марр различает два элемента, называемых им один «традиционным», или «церковным», а другой — «гражданским», или «светским»: первым термином обозначает он ту оригинальную, хотя и связывающуюся некоторыми элементами с чужеземными — сирийскими, византийскими,

---

[29] Марр, *Аркаун*; его же, *Иоанн Петрицкий*; его же, *Об армянской иллюстрированной рукописи* и во многих других работах его.

[30] ЗВОРАО, т. XX, 1912.

даже классическими — мотивами, орнаментацию, которую находим мы на древнейших церквах Армении и которая господствует в церковном зодчестве до X—XI вв. Конечно, Н. Я. Марр далек от того, чтобы рыть непроходимую пропасть между орнаментацией «церковной» и «светской» даже в этот древний период: так, признавая «веревчатую кайму», или плетушку (рис. 25), орнаментом «церковным», он, не находя ее в древнейших церквах, допускает «гражданское» ее происхождение, но раннего, до XI в. (стр. 51), времени. Тем более в течение позднейшего периода — XII—XIII вв. — орнаментация и гражданских сооружений, и крестных камней, и самих церквей насыщается новыми элементами, привходящими к традиционно церковной орнаментике извне, из светского искусства того времени (стр. 6, 19, 39, 52). Называя эти новые элементы (плетения, арабески, растительные и животные изображения) «гражданскими», а иногда, например в академической речи, сказанной четыре года тому назад [31], и более ясно: «так называемой мусульманской орнаментацией», Н. Я. Марр не желает, очевидно, следовать общепринятому взгляду, что большинство мотивов этой орнаментации является действительно общеисламскими мотивами и формами, которые господствовали на всем средневековом Востоке, оставляя более или менее одинаковые памятники и в каирских дворцах Фатимидов [32], и в мечетях Сельджукидов Рума, и на дверях мавзолея Махмуда Газневида [33], и что этой господствующей, модной так сказать, общеисламской орнаментикой того времени покорено было в значительной мере и церковное искусство восточных христиан: коптов, сирийцев, армян. Явление это в полной мере наблюдается и в Ани даже в специально церковной, халкедонитской, живописи: если в халкедонитской, построенной Тиграном Хоненцем церкви св. Григория воспроизведение восточной шелковой ткани, украшенной кругами с характерными крылатыми чудовищами, известными нам еще по сасанидским оригиналам [34], и возможно было бы как-либо связывать непосредственно с доисламским источником, хотя мы знаем и исламские воспроизведения того же чудовища [35], то не чем иным, как повторением характерной арабско-исламской полупальметки, нельзя объяснить непонятные на первый

[31] Марр, *Кавказ*, стр. 76.

[32] Herz-Pacha, *Boiseries fatimites*, Taf. XXVII—XXIX.

[33] Richardson, *Gates of Somnath*; Марко Поло, изд. Юла — Кордье, II, 399—401.

[34] Эта часть росписи церкви св. Григория, построенной халкедонитом Тиграном Хоненцем в 1215 г., издана в красках на табл. XV отчета Н. Я. Марра *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.*

[35] Например, на древнеарабской печати VII якобы века (*Papyrus Erzherzog Rainer*, S. 136, 142), на форме для амулета начала X в. (van Berchem, *Arabische Inschriften*, S. 147—148, Abb. 23—24.: чудовище названо птицей); на глиняной поливной чаше X в. (Сизов, *Курганы Смоленской губернии*, табл. VIII, рис. 1), на серебряных сосудах с арабской надписью X—XI вв. (Я. Смирнов, *Восточное серебро*, № 128; ср. № 126; van Berchem, *Inscriptions arabes*, p. 403).

взгляд красные пятна на фоне полувыцветшей росписи пещерной усыпальницы того же самого Тиграна Хоненца [36].

Такую же, чрезмерную быть может, осторожность, как бы не умалить культурной роли христиан средневекового Востока в пользу мусульман, проявлял Н. Я. Марр постоянно, говоря о находимых в Ани произведениях различных отраслей художественной промышленности: так, еще в отчете за 1906 г. он издал (табл. XIV) два бронзовых кувшина, один даже с арабской надписью, признал, что оба принадлежали мусульманину, но резко возражал против обычного признания их и им подобных «мусульманскими на том основании, что с известной поры они готовились несомненно для мусульман». «Это походит на то, — писал он (стр. 50), — как если бы антропологические вопросы решали на основании церковно-конфессиональных или национально-культурных данных». Так и в рассматриваемом отчете за 1912 г. — когда найден был, как мы говорили уже выше, обломок глиняного поливного сосуда с армянской надписью — Н. Я. Марр выражает надежду, что в будущем изучение анийской керамики приведет нас (стр. 59) к умению различать привозные изделия от местных, причем к последним «надо относить не одни экземпляры с армянскими надписями».

«Выяснение этой стороны дела, — продолжает он (стр. 58), — важно не для одной истории Ани, но и для весьма трудной проблемы громадного значения о правильной расценке вкладов христианского и мусульманского Востока в общечеловеческую культуру: до последнего времени исследователи не отдают себе отчета об опасности того пути, на который они вступают, огульно признавая мусульманским, арабским или сельджукским, по художественной работе или техническому производству все то, что снабжено арабской надписью или чем пользовались те или иные политически господствовавшие в последние эпохи народы. Этот примитивный прием исследования напоминает то, как по одним именам лиц определяют их религию или происхождение, а иногда и этнический состав народа, главарями которого известны династы с такими именами. Сколько христиан, армян или грузин, на этом основании можно было бы признать или персами или арабами или турками, что весьма часто и делается» (стр. 59). Эти соображения Н. Я. Марра получили в раскопках 1912 г. яркое подтверждение: имена строителей вышеупомянутой колокольни были — Керим ад-дин, Фахр ад-дин и Даптахатуна! (стр. 36)

Эти попутные соображения, экскурсы, сравнения, примеры, иногда даже одни лишь вопросы делают отчет об анийских раскопках 1912 г. — как и прочие, появившиеся полностью или в сокращенном изложении, отчеты Н. Я. Марра — книгой весьма важной для изучения не только памятников Ани, но и многого выходящего далеко за пределы Армении

[36] В воспроизведении части этих росписей у Brosset (*Les ruines d'Ani*, pt. II, pl. XXXV, 6, ср. pt. I, pp. 35—36) орнаментация фона опущена; ср. Орбели, *Краткий путеводитель*, стр. 37.

и являющегося объектом изучения историков общеисламской и восточно-христианской культуры.

Помимо этих общенаучных вопросов и помимо отчета о раскопках мы находим в этой же книге и указания на ту сторону деятельности Н. Я. Марра в Ани, которая лежит, строго говоря, на обязанности не отдельного ученого, а всего государства, а именно указания на меры, принятые к поддержанию самих памятников, грозящих разрушением.

В 1912 г. подведены были подпорные каменные кладки под западную стену древнейшей из церквей Ани — Дворцовой, под восточную стену так называемой Грузинской церкви, под стены круглой церкви Спасителя и под некоторые, наиболее опасные, части церкви Апостолов, чем и обеспечена сохранность этих зданий, вероятно, еще на несколько столетий. На меньший срок ограждением проволочными сетками обеспечены лицевая стенка алтарного возвышения бóльшей церкви и орнаментальная ниша в соседнем с церковью покое, открытые в 1912 г., а равно и стоящие перед новым музеем надписи персидская (начало XIV в.) и грузинская 1218 г. (стр. 3 и 4) [37].

Но обширность Анийского городища, многочисленность и величина развалин таковы, что о полной и своевременной поддержке всех стоящих еще остатков былого великолепия города нельзя и мечтать. В действительности сохранить можно и должно хотя бы важнейшее, что же касается прочего, то хорошо, если оно будет сохранено для отдаленного потомства хотя бы на бумаге.

Н. Я. Марр, который присутствовал однажды при падении от порыва ветра стены одной развалины около собора, носившей громкое, хотя, может быть, и легендарное, имя гробницы царицы Катраниды, строительницы собора, лучше чем кто-либо сознает, вероятно, эту печальную неизбежность медленного, но неотвратимого исчезновения развалин Ани, и потому он систематически ведет увековечение их наличного вида в фотографических снимках, акварельных копиях и кальках и в точных архитектурных чертежах.

Отчет за 1912 г. сообщает о воспроизведении художником А. Я. Андрияновым в натуральную величину красками той фрески из церкви св. Григория, которая была уже издана Н. Я. Марром в его Анийском отчете за 1906 г. (табл. XVI) и которая представляет армянского царя Тиридата вместе с царями грузинским, абхазским и аланским, причем на предпоследнем изображена шапка, напоминающая древнерусские, что и находит себе объяснение в некоторых редакциях жития св. Григория, где вместо абхазского царя является царь россов [38].

---

[37] См. о них: Бартольд, *Персидская надпись*; <см. ниже стр. 313—338>; Марр, *Надпись Епифания, католикоса Грузии.*

[38] Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.*, стр. 54—55.

Архитектор П. Е. Княгницкий исполнил точный план башен у Карсских ворот [39] и княжеского дворца, задняя стена которого наклонилась уже над краем ущелья, а также план и разрез Дворцовой церкви (стр. 4).

С этой именно церкви Н. Я. Марр и начал дело монументального, так сказать, издания Анийских развалин; и это специальное издание Дворцовой церкви появилось в текущем, 1915 г. в виде альбома большого формата из 8 цинкографических (на желтоватом фоне) и 12 фототипических таблиц. Предлагаемое ныне вашему вниманию «издание Анийского музея древностей» носит заглавие: «Памятники армянского искусства. Выпуск первый. Ани. Дворцовая церковь. Под редакцией академика Н. Я. Марра, по обмерам и чертежам архитектора-художника Н. Г. Буниатова. Петроград, 1915» (in fol.°, 11 страниц с 2 рисунками и XX таблиц).

Мысль, которая руководила Н. Я. Марром, очевидна: издание явно стремится быть возможной заменой оригинала на случай, если землетрясение или иная напасть обратит древнейшую в Ани церковь в груду развалин, как то произошло недавно, в 1912 г., со знаменитым храмом Текора, немного не дожившим до подобного же воспроизведения, так как упомянутая выше [40] специальная книга о нем Тораманяна нимало заменить памятника не может.

Иное дело — издание, лежащее перед вами, которое дает возможность изучать по нему Дворцовую церковь почти так же, как если бы вы стояли перед оригиналом. Ввиду того что это издание является первым в новой, начатой энергией Н. Я. Марра серии, будем надеяться, многочисленных подобных же воспроизведений памятников армянской архитектуры, мы позволяем себе отнестись к нему со всевозможной строгостью, дабы те из наших замечаний, которые будут признаны правильными, могли быть приняты во внимание при продолжении новой, монументальной на сей раз, Анийской серии.

Издание дает не только план (табл. VIII) и архитектурные, т. е. в геометрической проекции на плоскость, чертежи здания (табл. I—V) и его деталей (табл. VI—VII), но и фотографические с него снимки (табл. XV—XX); мало того, оно воспроизводит еще фототипически же и факсимиле (табл. IX—XIV) тех черновых промеров, которые легли в основание чертежей чистовых. Такая, кажущаяся на первый взгляд излишней, щедрость в репродукциях дважды в сущности одного и того же находит, однако, себе полное оправдание, если смотреть на издание с вышеизложенной точки зрения как на замену оригинала, насколько таковая замена, конечно, возможна: воспроизведение черновиков дает возможность не только проверять точность чистовых чертежей, но даже вычертить их вновь тем, кого не удовлетворит с эстетической точки зрения рисунок Н. Г. Буниатова.

---

[39] Марр, *Одиннадцатая Анийская археологическая кампания*, рис. 1.

[40] Тораманян, *История армянской архитектуры*. См. выше, стр. 211, прим. 27.

Нам же, с археологической точки зрения, должно требовать от издания возможной полноты и безукоризненной точности.

Чистовые чертежи, кроме плана церкви и позднейшей пристройки к северной стене ее (табл. VIII), дают три фасада (западный — табл. I, южный — табл. II, и северный — табл. III) и два разреза (продольный, вид на север, табл. IV, и поперечный, вид на восток, табл. V), нишу южного фасада (табл. VI, 1), одну из двух пилястр южной стены (табл. VII, 2), одну из двух пилястр восточной стены (табл. VII, 1) и некоторые мелкие детали: карнизы, наличники, кресты (табл. VI, 2, 3). Не останавливаясь на последних, мы замечаем, что воспроизведения черновых промеров не содержат в себе материалов для продольного разреза церкви (табл. V) и для пилястры южной стены (табл. VII, 2), но зато мы находим недостающие среди чистовых чертежей другой продольный разрез церкви (вид на юг [41] — табл. X, 2) и один (вместо двух) продольный разрез пристройки (табл. XI, 1, вид на север), а также пилястру, вернее просто угол, ниши северного фасада (табл. XII, 2), вторую (южную) пилястру восточной стены (табл. XIII, 2), вторую пилястру южной стены (табл. XIV, 1) и обе пилястры у западной стены (табл. XIV, 2).

Таким образом, вовсе не воспроизведенными в чертежах — ни в черновых, ни в чистовых — остаются один (восточный) фасад здания, один поперечный разрез церкви (вид на запад), один продольный разрез пристройки (вид на юг) и две пилястры северной стены церкви, не говоря о почти неисполнимых по трудности обмеров чертежах всего здания сверху и сводов его снизу. Из указанных же, недостающих и легко могущих быть восполненными, чертежей чертеж восточного фасада не был сделан, вероятно, потому, что, судя по фотографии (табл. XVII, 7), он представлял бы не столько остатки архитектурных форм, сколько внутреннюю бутовую кладку рухнувших стен, но тем не менее чертеж этот был бы весьма желателен как для изображения восточного вида пристройки, так и для передачи недостаточно понятной на изданных таблицах (см. табл. IV и XIX, 13) внутренней ниши в северной стене абсиды, так, наконец, и для возмещения одного недостающего поперечного разреза церкви (вид на запад).

Указанный недостаток в числе чертежей восполняют, правда, в значительной мере фотографические снимки, но вполне заменить его не могут, и три лишних, вдобавок к восьми изданным, цинкографических таблицы могли бы довести издание до желательной полноты.

При рассмотрении чертежей мы заметили следующие пропуски: на плане церкви (табл. VIII) не обозначено, что средняя пилястра пристройки лишь приложена к северной стене церкви, а не составляет общей с ней кладки; на чертеже западного фасада (табл. I) почти не видна верх-

[41] В «Содержании», стр. 3, эти обмеры ошибочно отнесены к разрезу по линии CD, т. е. к виду на север, хотя на табл. X разрез правильно обозначен теми же буквами, но в ином порядке, т. е. «по линии D=C».

няя часть арки, идущей внутри церкви с южной пилястры на северную, и вовсе не показан перед контуром северной пилястры рисунок северо-восточной пилястры абсиды, который должен был быть виден, как в том легко убедиться, наложив табл. V на I.

А при сравнении черновых промеров с чистовыми чертежами мы видим, что чертежи изображают все три фасада церкви (табл. I, II и III) в том виде, какой церковь имела до реставрационных работ 1912 г., тогда как на соответственных черновиках (табл. IX, 1; X, 1 и IX, 2) обозначены уже вновь подведенные части стен: это странное явление, при котором чистовики оказываются исполненными как бы ранее черновиков, нуждалось бы в каком-либо объяснении.

Равным образом и в фотографическом воспроизведении церкви мы находим некоторые снимки (табл. XVII, 6, 8 и 9), сделанные уже после реставрационных работ; не отрицая пользы вида церкви в современном ее состоянии, мы полагали бы, однако, более целесообразным воспроизвести ее полностью в том состоянии руины, до которого она дожила. Эти многочисленные фотографии передают памятник, конечно, вполне точно, хотя и с неизбежными перспективными искажениями, понятными каждому; все же желательно было бы заменить одну из фотографий (табл. XVII 9), где пилястры южной стены оказались слишком расходящимися книзу, другою — с меньшей деформацией; равным образом кривизна арки между пилястрами северной стены вышла на фотографии (табл. XIX, 13) эллиптической, тогда как на чертеже (табл. IV) она оказывается почти полуциркульной. Если в этом случае мы должны отдавать предпочтение чертежу, то в другом — фотография (табл. XVIII, 12) обнаруживает некоторую неточность чертежа (табл. X), который не передает ясно видимой на фотографии, и тем более в натуре, характерной конструктивной подробности в перекрытии южной двери церкви: над камнем, ее перекрывающим, лежат не два камня, как представлено на чертеже, а три, причем узенький средний клинообразен и является замком горизонтального свода, нижняя плоскость которого благодаря узкой горизонтальной же выемке в ней вовсе не давит на дверную перекладину.

На этом примере можно убедиться, сколь разумным оказывается чрезмерно щедрое, казалось бы, воспроизведение памятника в двоякого рода чертежах и, сверх того, в фотографиях: по атласу этому оказывается возможным самостоятельно изучать церковь. А потому мы сожалеем об отсутствии в атласе еще некоторых фотографий, а именно: снимков всех трех делений коробового свода церкви, на которых были бы видны слабые остатки росписи, существование которой для не бывших на месте остается, по неясным выражениям предисловия (стр. 10), сомнительным, снимков с остатков росписи на стенах пристройки и с ниши на северном фасаде церкви, равно как и некоторых деталей, например жалкого остатка рельефа, находившегося над северной дверью и известного лишь по рисунку Кестнера, который видел рельеф этот, представлявший

двух святых всадников, еще целым [42], а равно и валяющегося ныне внутри церкви обломка большого камня со сбитыми изображениями розетки и двух крестов, который находился первоначально, надо думать, над южной дверью церкви снаружи, и еще некоторых декоративных частей, обнаруженных при раскопках 1914 г. к востоку от церкви; один из них, правда, изображен цинкографически на рис. 2 в предисловии.

Отсутствие в атласе указанных воспроизведений объясняется, надо думать, тем, что они войдут в «имеющее скоро появиться особое „Описание Дворцовой церкви“», о котором, как о прибавлении, упоминает предисловие (стр. 11) к рассматриваемому атласу; но нам казалось бы более целесообразным сосредоточить в атласе всю иллюстративную часть полностью, оставив для «Описания» лишь рисунки вспомогательные, как реставрации здания, конструктивные детали, привлекаемые описанием аналогии из других памятников и т. п., тогда атлас являлся бы полным и окончательным воспроизведением церкви, как бы заменой ее.

Поэтому же мы желали бы видеть в этом атласе и «скрупулезно точную в размерах и в красках копию с натуры северной стены той же церкви внутри», об исполнении которой П. Е. Княгницким говорил «Отчет о кампании 1912 года» [43]: «. . . в настоящем прекрасном издании памятника не хватает для полного о нем представления только красок, и некоторое удорожание издания несомненно окупилось бы этой полнотой».

Но и в данном виде и составе полнота и обстоятельность воспроизведения памятника таковы, что, как вы изволили видеть, они дают возможность по самому атласу делать мелкие исправления чертежей. Нечего и говорить о той пропасти, которая отделяет рассматриваемое издание Дворцовой церкви от старого воспроизведения ее в издании Броссе, который не мог даже определить церковного назначения здания [44], а на капителях двух пилястр южной стены находил, основываясь на рисунке Кестнера (pl. XIV), «de têtes des diables, à longues oreilles» [45] там, где не только в оригинале, но и в издании Анийского музея ясно различаются (см. табл. VII, 2; XIV, 1; XVIII, 10, 12; XX, 15) головы быка, льва, человека и повторенная дважды фигура орла, т. е., быть может, символы четырех евангелистов!

Издание же, ныне появившееся и являющееся первым в предпринятой серии публикаций «Памятников армянского искусства», может считаться, несмотря на наши мелкие замечания и пожелания, поистине образцовым

---

[42] См. Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. II, pl. XXXVII; pt. I, pp. 33—34.

[43] Марр, *Одиннадцатая Анийская археологическая кампания*, стр. 4.

[44] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 32. Орбели (*Армянское искусство*, стлб. 665) считает Дворцовую церковь «переделанной из светского здания», но доказательств этого не приводит; не находим их, как и самого утверждения этого, и в его *Кратком путеводителе*, стр. 14—16; это же, едва ли правильное, предположение Н. Я. Марром упоминается как его собственное (см. Марр, *К датировке ктиторской надписи*, стр. 58).

[45] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 32.

для изданий подобного рода, стремящихся сохранить потомству, хотя бы на бумаге, памятник, сохранить который в натуре мы не имеем ни сил, ни надежды.

Краткое предисловие Н. Я. Марра (стр. 9—11) к рассмотренному атласу, повторяемое, как и «Содержание» (стр. 3, 5 и 7), в переводах армянском Н. Г. Адонца и французском г-на А. Ляронда [46], является до некоторой степени временной заменой ожидаемого особого «Описания Дворцовой церкви в Ани». При всей краткости (2½ столбца) предисловие весьма содержательно: из него узнаем мы не только историю самого издания, но и мнение издателя об истории издаваемой церкви.

Издание осуществлено на средства армянских церквей Петрограда, «совет которых систематически поддерживал анийское археологическое дело и поистине является его меценатом» (стр. 11). Материалы для иллюстративной части издания подготовлялись три года: в 1912 г. П. Е. Княгницким, в 1913 г. О. А. Кяндарянцем и в 1914 г. Н. Г. Буниатовым при помощи Б. В. Данчича (стр. 11). Для получения же ясного представления о памятнике в нем и около него велись раскопки начиная с 1907 г., особенно же в 1914 г., когда до скалы раскопан был скат холма к востоку от церкви, куда обрушилась ее абсида (стр. 9).

Но до конца раскопки еще не доведены: «. . . очень близко подходят к памятнику с юга и севера участки, еще не тронутые киркой» (стр. 11), на которых могут, следовательно, найтись еще отдельные части церкви и ее пристройки. К сожалению, невозвратно, вероятно, утрачен упоминавшийся уже нами рельеф над северной дверью церкви, который известен, за исключением ничтожной части, оставшейся на месте, лишь по весьма несовершенному рисунку Кестнера [47]. Утрата эта тем печальнее, что по рисунку нельзя с достаточной уверенностью разобрать ни орнаментальных деталей дерева, растущего между двумя святыми всадниками, ни фигуры, пронзаемой одним из них (левым; правый поражает змею). Первое не позволяет уверенно судить о времени рельефа, второе — о значении всадников.

Н. Я. Марр считает их изображениями тех двух святых воинов, во имя которых построена была Дворцовая церковь, и полагает, что, «по всей видимости, этими патронами церкви являлись св. Саргис (Сергий), пользующийся у армян особой славой, и св. Феодор или, быть может, св. Георгий» (стр. 9).

[46] Заглавный лист и надписи на таблицах набраны только по-русски; принятой, таким образом, системы господства русского языка не нарушила бы прибавка армянской и французской подписей к исключительно русским подписям под двумя рисунками в тексте. Во французском переводе русское слово «алтарь» передается через «autel», что, как известно, обозначает по-французски лишь престол, mensa, но не ту часть церкви, где престол находится и которую алтарем называем лишь мы; следовало бы написать: sanctuaire, presbyterium или béma. О точности армянского перевода судить не можем.

[47] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. II, pl. XXXVII.

Последняя возможность кажется нам, однако, неприемлемой, так как несомненных изображений св. Георгия в виде всадника, поражающего змия, которые восходили бы ко временам ранее XI—XII вв., доселе неизвестно [48]; на рельефе Ахтамарского храма (первой трети X в.) именем св. Георгия обозначен всадник, поражающий не змия, а скованного человека, который на некоторых позднейших грузинских изображениях определяется подписями, как «царь, мучивший Георгия» [49]. Броссе [50] на основании именно этого, сообщенного ему А. А. Куником, факта позднего относительно появления изображений св. Георгия в типе змиеборца относил рельеф ко временам позднее XI в.; теперь же, когда Дворцовая церковь и даже ее, предполагаемая Н. Я. Марром (стр. 10), капитальная переделка относятся ко временам ранее XI в., приходится отказаться от имени св. Георгия для всадника, поражающего змия.

Предпочтительнее поэтому первое предположение Н. Я. Марра о св. Феодоре, сказания о змиеборстве которого — как Феодора Тирона, так и Феодора Стратилата и Феодора Вафириакита [51] безразлично — хронологически предваряют появление сказания «о чуде св. Георгия о змии». Но если считать одного всадника св. Феодором, то хотя более или менее случайное сопоставление его со св. Сергием и будет возможно, но все же более естественным представлялось бы видеть здесь двух таких святых, которые сопоставляются обычно. Имя одного св. Феодора естественно вызывает предположение, что другой всадник представляет другого св. Феодора, а имя св. Сергия естественным товарищем ему делает св. Вакха.

Для сопоставления двух первых мы имеем свидетельства и литературные и вещественные [52], но эти святые изображаются обыкновенно бородатыми, тогда как на анийском рельефе оба святых были, судя по рисунку Кестнера, без бород. А таковыми именно и изображены св. Сер-

---

[48] См. указания на обширную литературу о св. Георгии: Я. Смирнов, *Устюжское изваяние*, стр. 144, прим. 1; 146, 147, прим. 1; 155, прим. 1; 168, прим. 1; 170, прим. 2 и 3; 188, прим. 3; 216, прим. 1; 235, прим. 1.

[49] Рыстенко, *Легенда о св. Георгии и драконе*, стр. 464; Марр, *Болгарский ли царь Асень?*

[50] *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 34.

[51] См. статью Хенгстенберга *Der Drachenkampf des heiligen Theodor* (S. 78 sq., 241 sq.) и о св. Феодоре Вафириаките заметку Б. А. Панченко (*Inschriftliches*).

[52] Дигенис Акрит получил в подарок от тестя δύο εἰκόνας χυμευτὰς [al. μάλαγμα] ἁγίων Θεοδώρων (Дигенис Акрит, стих 1402; Рыстенко, *Легенда о св. Георгии и драконе*, стр. 414). Чтобы не указывать на позднюю итало-критскую икону в Ватикане с изображением двух едущих рядом и обнявшись святых Феодоров (см. Уваров, *Сборник мелких трудов*, т. I, табл. XCVIII, рис. 144), обратимся к древней византийской иконе из Синайского монастыря, где изображены стоящие на молитве в симметричных позах справа и слева от их щитов и копий два пеших святых Феодора (*Иконы Синайской и Афонской коллекций*, табл. VI; Петров, *Альбом достопримечательностей*, табл. VIII), или к Афонской иконе, где оба св. Феодора изображены рядом погрудно (*Христианские древности*, табл. 2).

гий и св. Вакх на древнейшей энкаустической иконе с Синая [53]; хотя на ней мы имеем лишь погрудные изображения святых, но вполне возможно предполагать существование древних изображений Сергия и Вакха, по аналогии с изображениями иных святых, и конными; из позднейших времен примером такого изображения Сергия и Вакха являются росписи сирийской, яковитской, церкви св. Сергия в Сададе, близ Хомса (Эмесы), где святые эти изображены скачущими друг другу навстречу и пронзающими копьями сплетшихся дьявола и змия [54]. Итак, если признавать одного из всадников на рельефе Дворцовой церкви, как то делает Н. Я. Марр, св. Сергием, то другого следует назвать скорее св. Вакхом, нежели Феодором или, тем менее, Георгием; тех же двух святых, Сергия и Вакха, можно предполагать и в двух всадниках, попирающих человека и змия, сопоставленных на известном рельефе из имения Воронова близ р. Цебельды в Абхазии [55]. Последняя аналогия тем интереснее, что на другом рельефе того же происхождения и времени, определяемого Д. В. Айналовым как VII—VIII век, в сцене жертвоприношения Авраама баран представлен также не стоящим, как обыкновенно, а висящим на дереве [56], как то видим и на изображении этой же сцены на капители наличника ниши на южном фасаде Дворцовой церкви (см. табл. VI, 1; XVI, 3; XVI, 4). Абхазские рельефы являются, таким образом, одним из критериев в вопросе о времени построения Дворцовой церкви.

Вопрос этот имеет свою историю, а история эта ясно свидетельствует о научном беспристрастии Н. Я. Марра и об отсутствии у него столь обычной, человеческой и особенно академической, слабости упорствовать в однажды высказанном мнении: еще в 1906 г. он издал [57] надпись на южной стороне Дворцовой церкви, говорящую о построении этой церкви, но с недописанной датой; надпись сохранилась довольно плохо и имя вардапета (т. е. ученого монаха или мастера) строителя Н. Я. Марр читал тогда Авраам. Позднее, в 1909 г. [58], то, что казалось началом недописанного слова и что «по роковой случайности» (стр. 10) можно читать

[53] Айналов, *Синайские иконы*, стр. 352 и сл., табл. III; Кондаков, *Памятники христианского искусства*, рис. 52; Лихачев, *Материалы*, табл. 2; Петров, *Альбом достопримечательностей*, табл. III.

[54] Успенский, *Археологические памятники Сирии*, стр. 134, табл. № 11 и 12; 136, табл. № 19.

[55] Рельеф этот, точнее обломки двух рельефов, изданы были гр. П. С. Уваровой (*Христианские памятники*, табл. VII и VIII) и Д. В. Айналовым (*Некоторые христианские памятники*); как в датировке, так и в определении сюжетов на этих рельефах следует руководиться вторым изданием; но репродукции полнее в первом.

[56] Эта особенность объясняется еврейским и сирийским текстом Библии и находит себе аналогию на одном саркофаге в Арле (см. le Blant, *Étude sur les sarcophages*, p. 35, pl. XXI; ср.: idem, *Le sarcophage chrêtien*, pp. 130—131, и Leclercq, *Abraham*, I, col. 111); цитируемое там слово Василия Селевкийского приписывается теперь Несторию.

[57] Марр, *Раскопки в Ани в 1904 году*, стр. 91—92, рис. 11.

[58] В статье Марра *Новые археологические данные*, стр. 065.

как число 71, было признано датой, соответствующей (551+71=) 622 г.н.э. Дворцовая церковь, в относительной древности которой помимо ее форм убеждало Н. Я. Марра и ее положение во дворце Багратидов, пристроенном к ней, как к зданию, стоявшему на вышгороде еще ранее [59], получила таким образом точную дату, не противоречившую ее архаическим, в сравнении с прочими анийскими зданиями, формам. Эта дата повторялась и в «Путеводителе по Ани» И. А. Орбели [60], и в статье его же об армянском искусстве в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона [61], и в статьях Н. Я. Марра, например в рассмотренном выше отчете за 1912 г. [62], но теперь в предисловии к изданию этой церкви он возвращается к прежнему своему мнению об отсутствии в надписи точной даты, причем изменяет прежнее чтение имени строителя, читает его «Авессалом» и понимает под постройкой церкви капитальную ее перестройку около IX—X вв. (стр. 10). Основанием для этого явилась найденная при раскопках 1914 г. плита «с текстом того же почти содержания», как и эта надпись, и «сравнительное палеографическое изучение [63] двух почти тождественных списков одного документа» (стр. 10).

Таким образом, теперь определять время начального построения церкви и ее перестроек приходится лишь по данным археологическим, для чего рассматриваемое издание дает достаточно материала, — вернее давало бы, если бы история армянской архитектуры и орнаментики была уже достаточным образом разработана. Подробное рассмотрение этого вопроса мы найдем, вероятно, в ожидаемом «Описании Дворцовой церкви»; теперь же в предисловии к атласу Н. Я. Марр устанавливает связь ее с древнейшими армянскими базиличными церквами, в частности Ереруйской и Текорской, которые можно, по его мнению, «датировать V—VI веком» (стр. 9), и относит ее «в основе. . . к эпохе. . . армянских князей Камсараканов», уделом которых Ширакская область была до конца VIII в. (стр. 9). Этой древней основой церкви он признает всю нижнюю часть ее с орнаментацией ниш и пилястр, тогда как вся верхняя часть, начиная с капителей, признается им перестройкой «приблизительно в IX—X веке» (стр. 10), указываются и еще некоторые перестройки (стр. 10); пристройка маленькой двухэтажной церковки к северной стене церкви относится к XIII в. (стр. 9). Пока это положение о капитальной перестройке церкви, которое, впрочем, называется лишь «вероятием», обосновывается (стр. 10) только указанием на разницу материала: «верх-

[59] Там же.

[60] *Краткий путеводитель*, стр. 16.

[61] Орбели, *Армянское искусство*, стлб. 665.

[62] Марр, *Одиннадцатая Анийская археологическая кампания*, стр. 4.

[63] Обе эти надписи с подробным разбором изданы в 1914 г. И. А. Орбели (*Шесть армянских надписей*, стр. 81—87 и табл. VI и VII), который еще ранее (Орбели, *Багаванская надпись*, стр. 116, прим. 2) признал надпись на южной стене Дворцовой церкви позднейшей копией. Н. Я. Марр о датировке Дворцовой церкви говорит и в статье *К датировке ктиторской надписи*, стр. 58.

няя часть... выстроена из одного материала — красноватого камня, тогда как нижняя выведена целиком из черного» (стр. 10). Категоричность этого утверждения не вполне, однако, подтверждается просмотром фотографических воспроизведений церкви (табл. XV—XX); так, например, капитель с изображением Авраама и Исаака, несомненно относящаяся к древнейшим частям церкви, оказывается вырезанной не из черного камня, как внутренние пилястры того же, по-видимому, времени, а из желтоватого.

Если вопрос о капитальной перестройке верхней части церкви в IX—X вв. остается пока, до более подробного рассмотрения и разбора его в ожидаемом «Описании Дворцовой церкви», для нас несколько сомнительным, то возведение несомненно древних частей церкви ко времени не позднее VIII в. никаких возражений возбуждать, по-видимому, не может. Если к той же древнейшей основе церкви относить, как это вполне естественно, и исчезнувший рельеф со святыми всадниками, то и формы дерева, представленные на рисунке Кестнера, и аналогия указанных абхазских рельефов склоняли бы нас к заключению, что Дворцовая церковь выстроена едва ли ранее VIII в. [64].

Впрочем решать вопросы о датировке армянских древнейших памятников по одним орнаментальным формам, пожалуй, еще преждевременно. Лишь тогда, когда значительное число их предстанет перед нами в таких же подробных и тщательных воспроизведениях, какие для древнейшей церкви Ани дает предлагаемое ныне вниманию вашему издание, лишь тогда можно будет уверенно и основательно судить о них, сравнивая их друг с другом и с памятниками иных стран; словом, лишь тогда станут они, как говорится, достоянием науки, которая всегда остается более или менее кабинетной, а потому и нуждающейся в таких именно изданиях, как это, которое в значительной мере может заменить не всем доступное и всегда более или менее мимолетное личное знакомство с самим памятником на месте.

Рассмотренное издание анийской Дворцовой церкви является бесспорно крупным явлением в деле изучения того «Кавказского культурного мира и (в частности) Армении», блестящий общий очерк которого появился из-под пера Н. Я. Марра в текущем же году на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» [65].

Эта обширная (54 страницы) статья, явившаяся в тот же определяемый задачами нашего сегодняшнего собрания трехлетний срок (1912—1915), трактует о многом, далеко выходящем за узкие пределы собравшей

---

[64] Минас Бжишкян (Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. II, p. 94) дает 763 г. н. э. как год возобновления и заселения Ани Ашотом Багратидом. Но эта дата, с которой можно было бы связывать и построение Дворцовой церкви, — которая окажется тогда не камсаракановской, — ненадежна: теперь появление в Ани Багратидов относят лишь к концу VIII в.

[65] Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*.

нас сюда археологии, а потому мы здесь подробно разбирать ее не будем; отметим лишь, что и в ней, как и в прочих работах Н. Я. Марра, явившихся в течение этого же трехлетия, много новых и поучительных для себя фактов и частностей найдет и археолог и историк искусства или культуры.

Но если здесь нам нет нужды исчислять все эти многочисленные работы Н. Я. Марра, то, с другой стороны, нельзя и оторвать те два труда его, которые мы разобрали, от всей его специально археологической деятельности на городище древнего Ани, непосредственными результатами которой и явились рассмотренные работы.

Если мы лишены возможности представить вам не явившуюся еще книгу Н. Я. Марра «Книжная история Ани и раскопки на месте городища»[66], то и теперь мы можем приблизительно, и даже довольно точно, судить о ее содержании по тем многочисленным печатным работам и устным докладам, которые делал он о своих исследованиях анийских памятников в нашем обществе и в иных собраниях.

Считаем поэтому уместным напомнить вам здесь вкратце важнейшие результаты, достигнутые Н. Я. Марром изучением городища Ани и научной разработкой добытых материалов.

В 1892 г. открыты были развалины маленькой церкви, расписанной фресками византийского характера внутри и роскошно украшенной снаружи скульптурной орнаментацией, преисполненной мотивами современного искусства исламского — что обычно и в орнаментации других церквей и зданий Ани той же эпохи XII—XIII вв., — и лишь с одним, не считая крестов, рельефом, так называемом Деисусом, над дверью христианского содержания [67].

В 1893 г. важнейшим открытием была находка городской стены, построенной в 964 г. царем Ашотом Милостивым в самом узком месте того мыса, между двумя ущельями, на котором стоит древний город; открытие этой давно известной из исторических свидетельств, но не замечавшейся дотоле описателями городища стены сразу разъяснило многие казавшиеся неясными дотоле вопросы по топографии города [68].

После этих, столь удачных, первых научных раскопок на городище древнего Ани пред Н. Я. Марром естественно встал вопрос об охране развалин и сохранении добываемых раскопками памятников.

В 1892 г. удобоперевозимая часть находок отправлена была в Археологическую комиссию. В 1893 г. Н. Я. Марром возбужден был вопрос об охране развалин и о хранении добываемых раскопками древностей на месте: проектировалось учредить в Эчмиадзине музей для выкапывае-

[66] <См. выше, стр. 209, прим. 24.>

[67] См.: ОАК за 1892 г., стр. 76—80, рис. 42—47; Сычев, *Анийская церковь*. Рельеф этот издан Н. Я. Марром в *Кратком каталоге*, табл. III, а кресты — И. А. Орбели в статье *Колокол*, рис. 2, 3, 8, 11.

[68] См. ОАК за 1893 г., стр. 34—35.

мых в пределах исторической Армении древностей. Но когда «мысль эта не встретила должного сочувствия в Эчмиадзине, быть может, даже не была достаточно понята» [69], то Н. Я. Марр временно прекратил раскопки, вполне сознавая, что раскопки без возможности обеспечить сохранность раскопанных памятников только ускорят разрушение остатков города и принесут науке больше вреда, чем пользы.

Раскопки возобновились только в 1904 г., когда Бакинское армянское общество пожертвовало сумму для устройства музея на месте; для этой цели приспособлено было сравнительно хорошо сохранившееся среди развалин здание мечети Мануче XI в.

Отчет Н. Я. Марра о раскопках этого года [70] начинается мартирологом разрушений, происшедших и произведенных в Ани за одиннадцать лет перерыва археологических работ на городище.

В 1904 г. раскопан был, помимо отдельных разведок, холм около северного конца Ашотовой стены и под ним открылся «уголок бедного квартала», давший наглядное представление о быте «будничного повседневного Ани» и простых смертных, живших там наряду с «родовитыми князьями и именитыми горожанами».

Раскопки 1905 и 1906 гг. сосредоточились преимущественно на огромном холме, образовавшемся из развалин и величественных еще и теперь остатков большого круглого храма, воздвигнутого в Ани в 1001—1015 гг. Багратидом царем Гагиком I точно по образцу известного храма Бдящих Сил (Звартноц), который построен был близ Эчмиадзина католикосом Нерсесом Строителем в VII еще веке. Оригинальные планы этих двух круглых храмов, равно как и другой копии Эчмиадзинского храма, в Бане, в Грузии, IX в., дали, как известно, материал для весьма существенных для истории средневековой архитектуры Азии и Европы рассуждений проф. И. Стржиговского и других; сознавая широкий интерес, представляемый этим Анийским храмом, около которого нашлась и статуя его строителя, Н. Я. Марр не замедлил опубликовать результаты раскопок 1906 г. особой книгой [71].

1907 и 1908 годы посвящены были преимущественно еще более крупным и трудным раскопкам царского дворца Багратидов, развалины которого венчают Анийский вышгород; к сожалению, об этих раскопках издан пока только краткий отчет в протоколах нашего Общества [72], и общий план дворца появился лишь теперь, в рассмотренном выше издании Дворцовой церкви (рис. 1); зато многочисленные мелкие бытовые предметы, найденные при этих раскопках, вошли уже в напечатанные

---

[69] Орбели, *Каталог Анийского музея*, стр. V.

[70] Марр, *Раскопки в Ани в 1904 году*.

[71] Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.* См. рецензию проф. Д. В. Айналова, ВВ, т. XIV.

[72] ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XXXVI—XXXVIII.

каталоги Анийского музея [73], а монументальная греческая надпись 1059 г., украшавшая одну из стен дворца, будет скоро издана в «Анийской серии» В. Н. Бенешевичем [74].

Здесь, в обиталище царей, с особой яркостью и с особым блеском выясняется тесная культурная связь — мы бы сказали даже зависимость — между христианской Арменией и мусульманским Востоком: остатки резных и расписных деревянных балок потолка находят себе аналогии в остатках фатимидских дворцов Каира, лепные гипсовые украшения стен тождественны с найденными в Диарбекире [75], ничтожные сами по себе остатки стенописи достаточны, однако, для того, чтобы источники их искать в росписях домов, выстроенных в IX в. багдадскими халифами для своей турецкой гвардии в Самарре [76], а не в светской византийской живописи, о которой нам, по странной иронии судьбы, единственное доселе наглядное представление дают росписи охотничьего дворца дамасского халифа, так называемого замка Кусейр Амра (VIII в.).

В 1907—1908 гг. Н. Я. Марром изучена древнейшая базилика Ереруя, близ железнодорожной станции Ани, но тогда же задуманная монография о ней [77] еще не появилась.

В 1908 же году раскопаны были развалины караван-сарая, одного из тех пристанищ для разноплеменных торговцев и иных странников, которые облегчали торговые и культурные сношения между отдаленными странами средневекового Востока. Караван-сарай этот при его небольших размерах сходен, однако, по типу с монументальными сооружениями Сельджукидов Рума на больших торговых путях Малой Азии; своим порталом, украшенным орнаментальными и фигурными рельефами сельджукидского характера, он выходил на большую улицу города.

Эта улица с идущим под нею водопроводом и явилась главным местом раскопок последующих 1909 и 1910 гг. [78], хотя производились отдельные исследования и в других частях городища, например у храма Апостолов расчищен был проход Карсских ворот; найдена вышеупомянутая [79] грузинская надпись католикоса Епифания, и хотя Н. Я. Марр отвлекаем был от Ани большими раскопками, произведенными им по поручению Классического отделения нашего Общества в Гарни, в развалинах храма классических форм, известного под именем дворца, или престола, Тиридатова.

---

[73] Марр, *Реестр предметов древности*. Предметы из раскопок вышгорода перечислены на стр. 1—25, 34—35 и сл.; рис. 1—9. Орбели, *Каталог Анийского музея*, стр. 6—17, 29—31, 39 и сл., рис. 2—11, 22.

[74] Ср. ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. III.

[75] Sarre, *Erzeugnisse islamischer Kunst*, T. II, S. 21—23, Taf. III—V.

[76] См. Herzfeld, *Erster vorläufiger Bericht*, S. 24, Taf. XIII, 1, XIV. 2.

[77] Марр, *Ереруйская базилика*.

[78] См.: Марр. *Восьмая анийская кампания*; его же, *Девятая анийская кампания*.

[79] ‹См. выше, стр. 215.›

В следующем, 1911 г. Н. Я. Марр снова ездил в этот район ради памятников гораздо более древних, каменных *вишапов* и стел, открытых на Гехамских горах, но большая часть лета была посвящена X Анийской кампании, давшей помимо продолжения большой улицы еще остатки весьма оригинальной, отличной от прочих церкви, примыкающей многими деталями к церквам древнейшим; в том же году фотографировались и изучались при помощи специалистов по церковным росписям Новгорода Н. Л. Окунева и Н. П. Сычева [80] росписи церкви св. Григория 1215 г. [81] и жалкие остатки фресок в некоторых других церквах Ани, а равно исследованы развалины одной из мечетей.

Отчет Н. Я. Марра о раскопках 1912 г., напечатанный в 1913 г. отдельной книгой, рассмотрен выше [82].

В 1913 г. работы велись отчасти уже воспитанной за предыдущие годы «анийской школой» учеников Н. Я. Марра; главной задачей было отыскание известного из письменных источников дворца князя Абулгариба, X в., но среди открытых на соответственном месте остатков зданий следов дворца, вероятно совершенно разобранного в позднейшую пору жизни города, не оказалось [83]. В этом же году намечены были и работы для следующего: поиски дворца древнеармянских феодалов близ церкви в сел. Баш-Шурагел.

Раскопки 1914 г. там по преимуществу и сосредоточились; вел их также ученик Н. Я. Марра; искомого дворца не оказалось, но разрыт был ряд могил языческого еще периода близ церкви, построенной царем Смбатом II в X в. В самом Ани произведены были значительные раскопки к востоку от Дворцовой церкви, о результатах которых мы упоминали уже выше.

Наконец, даже истекающий, 1915 год, наименее удобный для каких-либо научных работ, тяжелый год войны, навсегда отнявший у «анийской школы» одного из наиболее ревностных и полезных членов ее, Николая Николаевича Тихонова [84], и сокративший число рабочих до одного эрзерумского беженца, и этот год не заставил Н. Я. Марра спустить русский флаг, который развевается над развалинами Ани в течение каждой археологической кампании: в музеях по-прежнему велись работы над разбором и упорядочением добычи прежних лет; систематически обозревались сотни пещер, высеченных в стенах соседних с Ани ущелий; архитектором Н. Г. Буниатовым с помощником обмерены были круглая церковь Григория Абугамренца и столь драгоценная для истории древне-

---

[80] Марр, *Десятая археологическая кампания*; ЗКОРАО, т. VII, 1913, стр. 198; Прибавление к 44 вып. ИАК, стр. 2—3.

[81] См. выше, стр. 213, прим. 35.

[82] См. выше, стр. 209; ср. Марр, *Одиннадцатая археологическая кампания.*

[83] Марр, *Двенадцатая археологическая кампания.*

[84] См. некролог его, напечатанный Н. Я. Марром в тифлисской газете «Кавказское слово», № 149 (3. VII. 1915).

христианской архитектуры Передней Азии базилика Ереруя, чем и подготовлены материалы еще для двух выпусков «Памятников армянской архитектуры».

Таковы вкратце и в главнейшем археологические работы Н. Я. Марра и созданной им анийской археологической школы на городище былой столицы Великой Армении, единственные научные работы, которые велись там со времени включения городища в пределы Российской империи.

Теперь городище это стараниями Н. Я. Марра, перестав быть «оброчной статьей» государства, перешло в собственность Императорской Археологической комиссии, которая дала средства для двух первых археологических кампаний в Ани и поддерживала археологические работы там в первые четыре года по возобновлении раскопок в 1904 г. [85]; главную же часть материальных расходов на изучение и поддержание развалин Ани давали армянские общества и частные лица и добывал сам Н. Я. Марр публичными чтениями, изданиями и т. п.

Помимо тех двух трудов его, которые мы разбирали сегодня подробно, памятники Ани и его области разрабатывались им и его сотрудниками в ряде работ, разбирать которые не входит в нашу сегодняшнюю задачу и которые многим из вас хорошо известны; часть их (шесть книжек) образуют даже особую «Анийскую серию»; в числе их имеется и «Краткий путеводитель по городищу Ани», составленный И. А. Орбели, и три каталога хранимых в музеях Ани разнообразных древностей, составленные отчасти Н. Я. Марром, отчасти И. А. Орбели.

Знакомство с музеями этими необходимо в настоящее время для всякого, кто хочет научно изучать древности средневекового Востока.

Музей, устроенный в 1904 г. в мечети Мануче, содержит в себе разнородные вещи, начиная с находок в могилах языческого периода, разрытых близ деревни Ени-Ани, и кончая монументальным изображением царя Гагика и модели церкви, которую держал в руках он и, надо думать, какая-то другая подобная же фигура; прочие же скульптурные изделия из камня, орнаментальные части и надписи хранятся в другом музее, построенном в 1908 г. на средства, предоставленные Советом по управлению имуществами петроградских армянских церквей и двумя частными лицами (П. О. Гукасовым и А. И. Манташевым) [86].

При музее существует специальная библиотека. Для работающего в Ани персонала выстроен особый дом со специальной фотографической комнатой. Имеется обильный запас необходимых для ведения раскопок инструментов и приспособлений. Словом, на городище Ани de facto существует уже тот Анийский археологический институт, получить юридическую организацию которого помешало лишь начало войны. И действительно, богатыми и разнообразными результатами анийских раско-

---

[85] Марр, *Об учреждении*, стр. 442.

[86] Орбели, *Каталог Анийского музея*, стр. V.

пок поставлены ныне на очередь научные задачи, выходящие, по замечанию Н. Я. Марра, «за пределы подготовки каждого отдельно взятого ученого» и требующие, кроме прочного обеспечения продолжения раскопок, устройства «специальной лаборатории с обширным музеем на месте», т. е. археологического института [87]. Мысль Н. Я. Марра не осуществлена еще в полном объеме, но в настоящее время Ани по средствам, назначаемым для его изучения, и по мерам, принимаемым для его охраны, занимает совершенно исключительное место среди памятников средневековой культуры Востока, находящихся в пределах России да, пожалуй, и вне ее. Такие результаты достигнуты были Н. Я. Марром только после долгой борьбы с научными, национальными и политическими предрассудками. Недоверие к его работам проявлялось некоторое время даже и среди главных жертвователей — представителей армянского образованного общества, смотревшего на развалины Ани как на свое национальное достояние [88] и неохотно мирившегося с более широкой постановкой научных исследований, при которой изучение Ани и охрана его памятников становятся правом и обязанностью русской и мировой науки. Нужен был научный энтузиазм Н. Я. Марра, его горячая вера если не в свои личные силы, то в свое дело, чтобы постепенно устранить все подозрения и сомнения и поставить дело изучения Ани на ту высоту, на которой оно стоит теперь.

Таким образом, только трудами Н. Я. Марра, его энергией и организаторскими способностями Россия исполнила те обязанности перед ученым миром, которые принесло с собой включение Анийского городища в наши пределы при окончании прошлой русско-турецкой войны.

Мало того, результаты трудов Н. Я. Марра позволяют думать, что если и текущая война расширит пределы России в Передней Азии, то теперь, благодаря существованию анийской школы, мы явимся более подготовленными для археологического изучения новых областей, чем то было четверть века тому назад, до начала работ Н. Я. Марра на Анийском городище.

Результаты этих археологических работ в Ани, которые могут отныне продолжаться и впредь в исключительно благоприятных условиях, созданных на месте Н. Я. Марром, уже совершенно изменили и установившиеся в исторической науке взгляды на прошлое не только Ани, но и всей культурной жизни армянского народа.

До работ Н. Я. Марра наиболее авторитетными историческо-археологическими трудами об Ани являлись издание Броссе «Les ruines d'Ani» с некоторыми отдельными статьями его же и труд мхитариста Али-

---

[87] См.: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. XXV, и особенно его же записку *Об учреждении Анийского Археологического Института*. Напомним, что наше Общество присоединяло свой голос к ходатайствам об осуществлении этого проекта.

[88] См. послесловие Н. Я. Марра к *Реестру предметов древности*, стр. 56 и сл.

шана [89]. Не только армянским ученым, но и европейцем-академиком усвоено было то понимание армянской истории, которое было выработано национальными армянскими историками и для критики которого тогда еще не было данных.

В глазах армян город Ани имел значение только как столица армянских Багратидов, хотя город существовал и позднее, до 1319 г., когда будто бы был разрушен землетрясением [90]. Броссе различал в истории Ани четыре эпохи: армянскую, греческую, грузинскую и монгольскую, к которой впоследствии присоединил еще пятую, мусульманскую (между греческой и грузинской) [91], но и Броссе эпохой блеска Ани считал эпоху Багратидов и был склонен к этой эпохе относить все лучшие здания Ани. В одном из этих зданий, носившем у местных турецких крестьян сказочное имя чертогов Нушрвана, армяне видели «дворец Багратидов»: против такого определения высказался еще А. Н. Муравьев [92], отчасти по тем же соображениям, как впоследствии Н. Я. Марр и его сотрудники (местоположение, особенно близость к стенам города). Соглашаясь с этим, Броссе полагал, что этот «нижний дворец», как его тогда называли в науке, есть «дворец Пахлавидов, могущественных вассалов Багратидов» [93].

Для Н. Я. Марра уже раскопки 1892—1893 гг. выяснили, что «падение багратидского царства и потеря анийскими армянами самостоятельности отнюдь не знаменовали падения армянского искусства в Ани»[94], что «в эпоху политической зависимости, с половины XI-го по XIV-ый век, Ани не перестает цвести и развиваться, как армянский город» [95].

Выяснилась, с другой стороны, и история возникновения города в X в.: раскопками обнаружена была первоначальная стена города, построенная в 964 г. царем Ашотом III и ограждавшая далеко менее половины пространства, отмежеванного для города при постройке новых стен следующим царем Смбатом II (977—989); но эти стены багратидской постройки скрыты были позднее возведенными на них и перед ними в эпоху уже мусульманского владычества теми величественными стенами, которые представляют собой крупнейшую из анийских развалин.

Исследованиями этих развалин и раскопками городища окончательно было опровергнуто мнение об Ани как о памятнике исключительно эпохи

---

[89] *Ширак.*

[90] Самый факт землетрясения пока не подтверждается свидетельствами современников: землетрясение в Ани такой силы, что им был разрушен город, вероятно, было бы замечено в некоторых областях Персии. 1319 год принадлежит к эпохе, о которой персидские летописцы сообщают довольно подробные сведения, но в рассказах о событиях 1319 г. нет ни слова о землетрясении.

[91] Об этих двух делениях см. L. Brosset, *Bibliographie analitique*, col. 296, 317.

[92] *Грузия и Армения*, ч. II, стр. 285.

[93] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 47; ср. ibid., pt. II, p. 138, о постепенном выселении жителей после греческого завоевания.

[94] Марр, *История Ани*, стр. XXVI.

[95] В статье Н. Я. Марра *Ани, столица древней Армении*, стр. 207.

Багратидов и национально армянской культуры. С одной стороны, изучение древнейших церквей в Ани (церковь Дворцовая и открытая в 1911 г.) и в его окрестностях (Ереруйская базилика) [96] обнаружило в них памятники более ранней эпохи сирийского культурного влияния на Армению V—VI вв.; а с другой — даже самый блестящий памятник эпохи Багратидов, громадный круглый храм, построенный царем Гагиком I в 1001 г., обнаружил следы мусульманского культурного влияния: изваянный в размерах более натурального роста царь-строитель носит на груди большой крест-складень, но на голове — огромную мусульманскую чалму с тиразом; в такой же чалме представлен и брат его Смбат II на барельефе в Агбатском монастыре [97].

Это влияние иноземной культуры должно было проявляться еще сильнее после разрушения Багратидского царства, когда город Ани, после кратковременного господства византийцев, вошел в состав сначала мусульманского владения, а потом грузинского царства. Когда Грузия и Армения стали частями государства персидских монголов, то Ани причислялся к Грузии, а не к Великой Армении, центром которой был город Ахлат на берегу Ванского озера [98]. Но теперь Ани как город переживал под иноземной властью более блестящую эпоху своего развития, чем при Багратидах. По замечанию Н. Я. Марра [99], «в Ани все росло, развивалось и перестраивалось вплоть до второй половины XIII века», и мнимый дворец Багратидов с его великолепным, разделанным мусульманскими звездчатыми узорами порталом оказался домом какого-либо «князя или парона» XII—XIII вв.[100].

Не вполне выясненным остается, насколько развитие города прервано было разрушением его в 1064 г., при взятии его сельджукским султаном Алп-Арсланом. В одной из своих последних статей Н. Я. Марр пишет, что «после разгрома сельджуками не осталось камня на камне» [101]. Едва ли, однако, эти слова должны быть понимаемы буквально; установленные путем раскопок факты едва ли могут приводить к заключению,

---

[96] О базилике этой писал еще Абих, давший неточный план ее; лучше план Тораманяна (*История армянской архитектуры*, рис. 18). Н. Я. Марр определил ее значение в докладе *Ереруйская базилика* и в статье *Новые археологические данные*; см. Марр, *Материалы*.

[97] Подробно исследование о чалме дал Н. Я. Марр в книге *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.*, стр. 21 и сл., 19—30; на стр. 19 вместо «с красной полосой надо лбом» следовало бы сказать «с красными арабскими буквами», т. е. с тиразом, о значении которого не упоминается. К изданной (на рис. 16) плетенной, как корзина, чалме на армянском царе Смбате мы можем указать интересную, хотя и позднейшую аналогию в чалме персидского шаха Исма'ила I Сефевида на портрете его у Павла Иовия (*Elogia*, 254).

[98] См. Бартольд, *Персидская надпись*, стр. 23 и сл.; ‹см. ниже, стр. 326›.

[99] *Одиннадцатая археологическая кампания*, стр. LXX.

[100] Орбели, *Краткий путеводитель*, стр. 54.

[101] Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, стр. 318; отд. отт., стр. 41

что в Ани во второй половине XI в. были разрушены до основания все здания более ранней эпохи, в том числе огромный собор; изложенная выше история Дворцовой церкви явно тому противоречит. Во всяком случае большой торговый и промышленный город быстро возродился к новой жизни, что было связано с общими условиями исторического развития того культурного мира, в котором Ани и вся Армения были только небольшим уголком. Один из учеников Н. Я. Марра, И. А. Орбели, справедливо связывает расцвет Ани с «общим развитием городской жизни в мусульманских странах Переднего Востока» [102].

Но если раскопками вскрыто было это процветание Ани в эпоху его предполагаемого упадка, то, с другой стороны, раскопки же освещают и темную эпоху постепенного упадка и запустения города; они открывают убогие жилища, прилепленные к Ашотовым стенам или кое-как сложенные из растащенных камней пышных зданий внутри развалин былых дворцов и церквей, они показывают, как церкви служили позднее конюшнями, как в высокой насыпи мусора над прежними мощенными камнем полами эти последние обитатели Ани устраивали свои очаги и *тондиры*; но они же не дают пока никаких оснований предполагать какой-либо катастрофический конец города, который утверждался армянской исторической традицией и поверхностными впечатлениями путешественников. Город умер естественной смертью в силу каких-либо сложных общеисторических причин и, постепенно хирея, превратился в жалкое деревенское поселение среди величественных развалин. Н. Я. Марру и его сотрудникам осталось, по-видимому, неизвестным, что время существования последнего армянского поселения на месте Ани может быть определено довольно точно. В 1647 г. турецкий путешественник Эвлия Челеби нашел под цитаделью, т. е. именно близ Ашотовых стен, деревню, населенную армянскими крестьянами [103], а в 1694 г., когда здесь проезжал Джемелли-Каррери, деревни уже не было и путешественник видел только пастухов-курдов [104].

Для Н. Я. Марра изучение Ани является только одной из научных задач, поставленных им на очередь, и притом далеко не главной. Круг научных интересов его, очерченный им самим в речах: «К вопросу о задачах арменоведения» [105], «Кавказ и памятники духовной культуры» [106] и «Кавказский культурный мир и Армения» [107], обнимает всю жизнь

---

[102] Орбели, *Развалины Ани*, стр. 19. Армянский перевод, принадлежащий еп. Иусику, с приложением перевода надписей Епифания и Абу Са'ида, напечатан в эчмиадзинском журнале «Арарат», 1911, № 4—8; отд. отт., Эчмиадзин, 1911.

[103] Эвлия Челеби, *Сийāхат-нāме*, II, 330.

[104] *Collection de tous les voyages*, p. 94. Теперешняя турецкая деревня Ени-Ани (Новое Ани), упоминаемая путешественниками и в начале XIX в., причем Тексье среди ее жителей называет и армян, стоит вне стен древнего города.

[105] ЖМНП, 1909, июль.

[106] ИАН, 1912.

[107] ЖМНП, н. с., ч. LVII, 1915, июль.

кавказского культурного мира и «яфетической», по терминологии Н. Я. Марра, семьи народов, насколько жизнь эта отразилась в языке, верованиях, быте, письменных и вещественных памятниках, от эпохи более ранней, чем клинообразные надписи, до наших дней.

От древнейших, не укладывающихся в какие-либо доступные нашему пониманию хронологические рамки эпох лингвистического единства народов яфетических с семитическими, от немых, не поддающихся пока никаким археологическим сопоставлениям [108] монолитных рыб Гехамских гор, от автохтонной, своеобразной культуры давно утративших природный язык свой курдов, самое имя которых и для азиатских сожителей и для европейских исследователей представляется отрицанием всякой культуры, научная нива, на которой более четверти века трудится Н. Я. Марр, простирается до современных нам этнографических и лингвистических загадок, которые представляют собой различные мелкие народности, загнанные историей в теснины Кавказа, и до сохраняющих на месте свой жизненный интерес и подчас остроту исторических вопросов о взаимоотношении православных церквей Иверской и Российской.

Созданная Н. Я. Марром «яфетическая теория» станет, вероятно, со временем незыблемым «яфетидским элементом» при будущих построениях истории и лингвистики Передней Азии и Месопотамии и заполнит собою ту пустоту, которая уже чувствовалась многими.

Приведем один лишь мелкий пример из области археологии, как ближайшим образом нас сегодня и здесь касающейся. Покойный В. В. Стасов одновременно с Броссе и Лонперье писал в изданиях нашей Академии [109], лет сорок пять тому назад, об одной бронзовой фигурке птицы с человеческой головой и руками, найденной в Ване. Подобного рода фигурок, служивших ручками бронзовым котлам архаического периода, известно теперь много и из раскопок в древнейших греческих святилищах, и из гробниц Этрурии, и из Армении; о них создалась на Западе некоторая литература с довольно противоречивыми, конечно, мнениями: одни считали фигурки эти египетскими, другие — ассирийскими или вавилонскими, третьи — финикийскими; покойный Ад. Фуртвенглер несколько

---

[108] Кроме разве полуфантастических и разноречивых показаний арабских географов о каких-то талисманах в виде изваяний рыбы и быка, находившихся на горе у Нехавенда и обеспечивавших неиссякаемость стекавших оттуда в город источников; см. Barbier de Meynard, *Dictionnaire géographique*, p. 575; арабские тексты: Ибн ал-Факих, 259 (рыба и бык из снега, не тающего ни зимой, ни летом); Абу Дулеф — у Якута, *Му'джам*, IV, 828 (из камня). О *вишапах* Гехамских гор сам Н. Я. Марр печатно упоминает пока лишь кратко: Марр, *Кавказ*, стр. 77; его же, *Кавказский культурный мир и Армения*, стр. 288; ‹см. также: Марр—Смирнов, *Вишапы*; Пиотровский, *Вишапы*›. Это неожиданное открытие произвело, однако, и в армянском обществе такое впечатление, что один из современных армянских писателей, Атрпет, выпустил в 1911 г. в Александрополе иллюстрированную (но по фантазии, а не по памятникам) легенду Вишапамайр (т. е. «Мать вишапов»).

[109] Brosset, *Études*, pp. 493—523; 488—490.

раз мимоходом говорил о них, отлагая специальное исследование до будущего, каковым оказалась, увы, его смерть; последним его определением этим фигуркам было «экспорт из Синопа», за чем скрывалось, очевидно, признание ванского их происхождения. Во всей этой литературе находим мы ссылки на краткую и довольно бессодержательную заметку о них Броссе, и редко кто упоминает об обстоятельной, напечатанной там же и по-французски же статье В. В. Стасова. А в этой прекрасной для своего времени работе В. В. Стасов пришел к категорическому заключению, что рассматриваемая им фигурка переднеазиатского происхождения не принадлежит к произведениям ни семитического, ни арийского искусства; он замечал в ней «третий элемент, чуждый и семитическому и арийскому», но не мог тогда «определить, какой национальности элемент этот принадлежит»; в науке того времени не существовало нужного ему слова, и слово это — «яфетический» — произнесено в наши дни Н. Я. Марром.

Его работы, посвященные языку, письменности и древнейшим вещественным памятникам «яфетических» народов, открыли науке несравненно более широкие горизонты, чем какие могло дать изучение одного небольшого армянского города, носившего древнейшее «яфетическое» имя Ани, но расцветшего лишь на краткое сравнительно время трех—четырех столетий: X—XIII вв. Если работы по изучению этого города и занимают лишь второстепенное место в широкой научной деятельности Н. Я. Марра, то сами по себе они таковы, что им должно быть отведено одно из первых мест среди работ по изучению вещественных памятников прошлого, находящихся в России, и в особенности памятников, относящихся к средневековому Востоку.

Вот почему мы и полагаем справедливым представить Императорскому Русскому археологическому обществу к награждению золотой медалью имени гр. А. С. Уварова труды Николая Яковлевича Марра по научному исследованию Ани, явившиеся в период 1912—1915 гг. и стоящие в столь тесной связи с его предыдущими многолетними работами.

ОБ ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ С ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ [1]

На Туркестанский край, по сообщению Временного правительства, не предполагается распространить закон о передаче всей земли трудящемуся народу; тем не менее и в Туркестане необходимо принять меры для охраны участков земли, представляющих археологическую и историческую ценность. Необходимо позаботиться о том, чтобы политические перемены не отразились на судьбе тех памятников прошлого, охрана которых была признана необходимой при прежнем строе после ряда ходатайств со стороны ученых учреждений [2]. Едва ли не самый ценный из таких памятников — городище Афрасиаб к северу от Самарканда. Как показали раскопки, городище соответствует домусульманскому Самарканду, окончательно покинутому только после монгольского нашествия 1220 г. Самарканд был если не всегда политическим, то экономическим и культурным центром жизни всего края как в домусульманское время, так и в средние века. Археологические изыскания на месте такого города представляли исключительный интерес и облегчались тем, что площадь городища после XII в. была лишена орошения и не имела хозяйственной ценности; для науки была потеряна только южная часть Афрасиаба, еще до русского завоевания занятая кладбищами, мусульманским и еврейским. При русском владычестве интересы науки потерпели дальнейший ущерб; кладбище беспрепятственно подвигалось к северу внутри городища; в северной части Афрасиаба частный предприниматель получил возможность устроить мельницу и сад. Несколько раз потребовалось вмешательство ученых учреждений, чтобы спасти для науки, что было возможно. В 1883 г. по ходатайству Императорской Археологической комиссии были приостановлены хищнические раскопки, производившиеся по распоряжению генерал-губернатора Черняева. В 1904 г.

[1] ‹В сентябре 1917 г. на заседании Комиссии по вопросу об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими, созданной Академией наук, были заслушаны четыре доклада о состоянии дела охраны памятников. По постановлению Комиссии эти доклады были изданы отдельной брошюрой. В настоящем издании публикуется раздел этой брошюры, составленный В. В. Бартольдом.›.

[2] ‹Дело охраны памятников старины в Средней Азии было налажено лишь после установления Советской власти. Ср.: Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, — см. ниже, стр. 243 и сл.; Умняков, *Архитектурные памятники*; М. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии*, стр. 14—22.›

протестом Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии был остановлен проект обращения городища в свалочное место. В 1914 г. тем же Комитетом было выяснено, что кладбищем занята уже четвертая часть городища и что остальная часть теперь распахивается туземцами, тогда как прежде на Афрасиабе земледелия не было. По ходатайству того же Комитета в 1916 г. было постановлено обнести стеной кладбище, чтобы приостановить его расширение, и остальную часть городища оградить от захватов и самовольных раскопок, для чего нанять сторожа с назначением ему содержания из сумм генерал-губернатора. Необходимо принять меры к тому, чтобы достигнутое с таким трудом при прежнем строе не было уничтожено при новом.

Афрасиаб представляет самый яркий, но далеко не единственный в Туркестане пример земельной площади, требующей охраны от захватов ради интересов исторической науки. Помимо значительного числа городищ на всем пространстве Туркестана сюда относится, например, несторианское кладбище близ города Пишпека в Семиреченской области, охранявшееся в конце восьмидесятых и начале девяностых годов; о дальнейшей судьбе его сведений не имеется. Необходимо объявить все такие площади государственной собственностью и поручить охрану их хотя бы местным научным организациям, подобно тому как охрана площади города Болгара на Волге поручена Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Насколько возможно, необходимо распространить то же самое на курганы, земля которых, отдыхавшая в течение многих столетий, считается превосходным удобрением и потому свозится на пашни. Это касается не только курганов-могильников, но и так называемых жилых курганов, остатков укрепленных жилищ местной земельной аристократии домусульманского периода и первых веков ислама.

Меньшей опасности подвергаются, по-видимому, городища и другие памятники прошлого в Сибири. Русские завоеватели не застали там, как в Туркестане, многовековой исторической культуры; предметом исследования были, главным образом, курганы, писаницы и другие памятники доисторического прошлого. Из городищ, имеющих научный интерес и требующих охраны, можно указать на Искер близ Тобольска, главный город Сибирского царства. Случаев возбуждения ходатайства об охране тех или других памятников, насколько известно, не было, хотя, несомненно, и в Сибири интересы исторической науки иногда сталкиваются с интересами современной земледельческой культуры; один из плодороднейших уездов Сибири, Минусинский, в то же время является, по выражению местного исследователя, «классическим в мире местом археологических памятников по обилию, разнообразию и внутреннему богатству». С расширением площади земледелия, вероятно, придется принять меры для защиты памятников прошлого как в этом уезде, так и в некоторых других местностях, например на Байкале, где в 1912 г. на западном берегу озера была открыта неолитическая стоянка.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О САМАРКАНДСКИХ ПАМЯТНИКАХ

В сочинении о Самарканде и его святынях [1], составленном, повидимому, в 60-х годах XIX в.[2] местным мусульманским ученым Абу Тахир-ходжою, между прочим, упоминается об исчезновении «в дни опустошения области» бронзовых ворот построенной Тимуром соборной мечети, известной под названием мечети Биби-ханым. Русский переводчик труда Абу Тахира замечает по этому поводу: «На поле имеющейся у меня „Тухфат-уль-хани" против того места, где говорится о возвращении персидского войска вскоре после смерти Надира из Самарканда, между прочим, сказано, что вместе с другим добром были им увезены и ворота самаркандской соборной мечети Биби-ханым. Трудно пока сказать, насколько это соответствует правде. Существующее же мнение о том, что двери эти употреблены были эмиром Хайдером на чеканку денег, кажется, до сего времени не подтвердилось писаными источниками» [3]. Предание о поступке эмира Хайдера (1800—1826) слышал в Бухаре в 1841 г. Н. В. Ханыков, рассказывающий также, что «Надир-шах при взятии Самарканда велел привезти к себе» известный нефритовый надгробный камень Тимура, «и при этом случае его раскололи надвое» [4]. Проф. Веселовским было установлено, что, вопреки этому преданию, нефритовое надгробие Тимура не было монолитом, но состояло из двух отдельных кусков нефрита [5]; мнение проф. Веселовского вполне подтверждается рассказом Мирхонда о двух камнях, привезенных в 1425 г. в Самарканд из

[1] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского; пер. Вяткина.

[2] В. Л. Вяткин писал (1899 г.), что *Самарийа* написана около 65 лет тому назад (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 154), Н. И. Веселовский — что автор «составил свое описание в 30-х годах XIX столетия» (Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, стр. III); но, как было отмечено мною (Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0123, прим. 2), в тексте говорится о постройке здания в царствование эмира Музаффара, вступившего на престол в 1860 г. (Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, текст, 13; пер., 11; пер. Вяткина, 167). Об авторе *Самарии*, что также не было отмечено ни издателем, ни переводчиком, упоминает автор труда о шейхах селения Дахбид (о нем Веселовский, *Дагбид*, стр. 85 и сл.) как о «муфтии дервишского ордена» (Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*, стр. 133, $_{14}$).

[3] Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 234.

[4] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 102 и 104.

[5] ‹См. об этом также М. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника*, стр. 71—73.›

Семиречья Улугбеком [6]. В подтверждение предания об увозе Надир-шахом нефритового надгробия и бронзовых ворот проф. Веселовский ссылается на приписку на полях рукописи *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, принадлежащей Сер-Али Лапину, где сказано, что «Надир-шах поручил одному из своих военачальников взять в Самарканде литые из бронзы ворота от медресе Тимура и камень с его могилы и доставить в Мешхед, что и было исполнено. Когда Надир-шах прибыл из хивинского похода в Мешхед и там ему были представлены привезенные памятники, он раскаялся в своем поступке и приказал отправить их обратно». Кроме того, проф. Веселовский приводит сообщение проф. Жуковского, что приписка того же содержания и тоже на полях имеется также в рукописи *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, принадлежащей Азиатскому музею Академии наук [7].

Об участи самаркандских памятников при Надир-шахе говорится, таким образом, в трех рукописях одного и того же исторического труда, автор которого по времени и месту был близок к рассказываемым им событиям [8], но везде в приписке на полях, неизвестно кому принадлежащей, причем, судя по переводам В. Л. Вяткина и Н. И. Веселовского, текст соответствующей приписки в различных рукописях не вполне тождественен. Из персидских историков о действиях персов в Самарканде говорит находившийся в то время у Надира индиец Абд ал-Керим Кашмири (на этот источник не обратили внимания ни В. Л. Вяткин, ни Н. И. Веселовский). По его рассказу [9], в Самарканд был послан отряд под начальством Лутф-Али-хана [10], которому и было дано поручение вывезти камень и ворота; при этом камень разбился на четыре куска, из которых один достался автору (лично знавшему человека, бравшего камень по поручению шаха) и был привезен им в Индию [11]. Впоследствии Надир, вернувшись в Мешхед, велел отправить камень и ворота обратно; перевозка из Самарканда в Мешхед и оттуда обратно в Самарканд стоила больших денег.

Подробнее говорит об этих действиях Надира автор обширного труда, о котором до сих пор не было, по-видимому, никаких сведений, Мухаммед-

[6] Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 31; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 453›. Ср. текст: Бартольд, *Улугбек*, прилож., стр. 21; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 194›.

[7] ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XII. Речь идет о рукописи Азиатского музея с 581b ‹ИНА С 523›. Этого списка, как и других академических рукописей, в настоящее время ‹1921 г.› нет в Петрограде.

[8] *Туҳфат ал-ҳāнӣ* — произведение бухарского историка Мухаммед-Вефа Керминеги; автор начал писать свой труд в 1746 г. и довел его до смерти Мухаммед-Рахим-хана, последовавшей в 1759 г.

[9] Абд ал-Керим Кашмири, 44 и 74.

[10] Автор называет его племянником Надир-шаха; по словам Мухаммед-Казима (II, л. 266a), он был сыном Баба-Али-бека из племени كوسه احمدلو; также Ибн Мухаммед-Эмин, изд. Манна, I, 3, дающий сведения о дальнейшей судьбе Лутф-Али-хана.

[11] Из этой подробности видно, что речь идет о небольших отколовшихся кусках, а не о больших частях расколовшегося камня.

Казим, везир города Мерва. В Азиатском музее Российской Академии наук в настоящее время находится экземпляр 2-го (327 листов [12] fol.) и 3-го (251 лист [13] fol.) томов этой обширной истории Надир-шаха; 2-й том обнимает события от вступления Надира на престол (1736 г.) до начала войны с Турцией (1743 г.), 3-й том — события последних лет царствования, причем рассказывается и об отступлении персидского войска после получения известия о смерти шаха из Туркестана. Как должностное лицо, жившее в Мерве, автор особенно подробно останавливается на событиях, происходивших в этом городе и вообще в Средней Азии (в походах на Бухару и Хиву он принимал участие), но его рассказы о военных действиях в Индии и на Кавказе также очень подробны. В одном месте он ссылается на слова своего отца, служившего в Дербенте и ездившего оттуда в Кандагар, из Кандагара в Туркестан, из Туркестана в Мерв, из Мерва в Багдад, из Багдада в Тебриз [14]. Конец сочинения принадлежит не везиру Мухаммед-Казиму, но его сыну [15], принимавшему участие в отступлении персидского войска из Туркестана после смерти шаха. Рукопись, находящаяся в Азиатском музее, представляет копию, сделанную по всем правилам каллиграфического искусства, четким и крупным почерком, с шаблонными иллюстрациями (преимущественно картины битв). Встречаются поправки и приписки на полях, сделанные другой рукой, может быть рукой автора [16].

Победы Надир-шаха над Абу-л-Фейз-ханом бухарским и Ильбарс-ханом хивинским были одержаны в 1740 г.; кроме рассказа нашего автора и других (менее подробных) персидских источников мы имеем об этих событиях рассказы историков бухарского (Мухаммед-Вефа Керминеги) и хивинского (Муниса) [17], также еще не изданные. По словам Мухаммед-Казима, действительный правитель Бухары (власть хана была в то время только номинальной) Хаким-аталык доложил шаху перед его уходом о мятежном настроении узбецкого рода юз, занимавшего Самарканд; Надир-шах послал туда Лутф-Али-хана во главе отряда в 20 000 человек; тому же отряду было поручено взять и привезти в Персию «камень гроб-

[12] Из них первый и последний белые. На белом листе заглавие: كتاب نادری.

[13] Из них 1-й белый, на нем заглавие: نادر نامه.

[14] III, л. 126а: محرّر ومؤلّفرا والدی بود در دمیرقابیٔ دربند خدمتی بدان رجوع شده بود وازانجا به تنهائی بقندهار واز قندهار بترکستان وازانجا وارد مرو واز مرو به بغداد رفته واز بغداد وارد تبریز شد.

[15] Начало: III, л. 195а: مسوّد این اوراق ولید نر محمد کاظم وزیر معروض میدارد.

[16] ‹Об этом сочинении см. также Бартольд, *О некоторых восточных рукописях.* Позднее был обнаружен также первый том, и советские востоковеды посвятили Мухаммед-Казиму и публикации его сочинения ряд работ: Миклухо-Маклай, *Рукопись*; его же, *О первом томе*; Мухаммед-Казим, факс.; Мухаммед-Казим, *Поход Надир-шаха.*›

[17] О хивинской истории см.: Salemann, *Das Asiatische Museum*, S. 278; Бартольд, *События перед Хивинским походом*, стр. 3; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 401 и сл.›.

ницы эмира Тимура гургана, состоявший из одного куска нефрита, вместе с двойными воротами из сплава семи металлов [18], находившимися в мечети Ханым».

(II, 266б) وسنك قبر امير تيمور كوركانرا كه از يكپارچهٔ يشم است با يك زوج در هفت جوش كه در مسجد خانم وهمشيرهٔ [19] (sic) مرحوم مغفور نصب كرده‌اند بر داشته در حيّن آمدن بارض فيض مدار بياورند

Лутф-Али-хан нашел Самарканд пустым, кроме небольшого числа жителей (около 1000 семейств), поселившихся в цитадели [20]; военные силы узбеков находились на Сыр-Дарье, куда и двинулись персы и в короткое время привели врагов к покорности. После окончания военных действий Лутф-Али-хан вернулся в Самарканд. «Так как государем мира было дано такое повеление, чтобы взять камень надгробия эмира Тимура гургана, состоявший из одного куска нефрита, и двойные литые ворота, находившиеся в мечети Ханым, жены этого государя, нагрузить их на пушечные лафеты и привезти в священный Мешхед, то согласно этому приказу, требовавшему исполнения, рабы шаханшаха, по своему высокому положению подобные плеядам, нагрузили на пушечные лафеты тот камень вместе с воротами и увезли в землю средоточия милости [божией]».

(II, 282a) چون حسب الامر دارای جهان چنان بنفاذ پيوسته بود كه سنك مرقد امير تيمور كوركانى كه از يكپارچهٔ يشم است ويكزوج در قاپى ريخته كه در مسجد خانم حرام [21] خاقان مرحوم مذكور نصب است انتزاع داده ودر بارعرّاده كرده بمشهد مقدّس بياورند نظر بفرمان واجب الاذعان بندكان ثريّامكان شهنشاهى سنك مذكوررا مع در دربار عرّادكان كرده نقل بارض فيض‌مدار ساختند

Лутф-Али-хан через Мерв, Хауз-и Хан и Серахс достиг Мешхеда, где стал ждать шаха. Надир прибыл в Мешхед [22] после довольно продолжительных остановок в Мерве (днем его отъезда из этого города было 16 шавваля 1153/4 января 1741 г.), Абиверде, Дерегезе и Келате. В Мешхеде ему показали привезенные предметы. «Когда обладатель счастливого созвездия, завоеватель мира, осмотрел тот камень и ворота, он на некоторое время задумался, прочитал *Фатиху* для успокоения души эмира Тимура, обладателя счастливого созвездия, и сказал: „Ныне мир, подобно шару,

---

[18] Металлы перечислены в словаре Вуллерса при слове هفت (Vullers, *Lexicon*, II, 1457b).

[19] В рукописи слово همشيره зачеркнуто и над ним другой рукой написано جامع كه شهرت بمدرسه. Очевидно, по мысли автора должно было стоять: مسجد جامع كه شهرت بمدرسهٔ خانم دارد

[20] II, л. 281a: چون آبادى وجمعيّت در آن مملكت نبود در ميان ارك آن حصار بقدر يكهزار خانه‌وار از جماعهٔ فقرا ورعايا ساكن بودند

[21] Слово حرام в рукописи вписано другой рукой вместо выскобленного слова, вероятно همشيره.

[22] По Махди-хану (*Ta'rīx-и Нādирī*, 135), в конце шавваля (до 18 янв. н. ст. 1741 г.); по Абд ал-Кериму Кашмири, 73: 19 зу-л-ка'да (5 февраля).

вертится в моей руке. Он сделал камень своей гробницы из нефрита; мы выделываем одну кольчугу из стали, другую из красного золота, осыпанного драгоценными камнями, и сделаем из нефрита пол и облицовку нижней части стены куполообразного здания". Тотчас он поручил правителям и начальникам областей увезти тот камень и ворота из священной земли и везти их, от станции до станции, до славного города Бухары, оттуда, согласно приказанию Абу-л-Фейз-хана, привезти в столичный город Самарканд и поместить на своем месте так, как было раньше».

(II, 286б) چون صاحبقران کیتی‌ستان ملاحظهٔ آن سنك ودررا نمود ساعتی تامّل کرده فاتحه بروح امیر تیمور صاحبقران خوانده فرمود که امروز جهان چون کوی در دست ما در گردش است واو سنك قبر خودرا از یشم نموده ما زرهی از پولاد وزرهی از زر سرخ مرصّع میسازیم وفرش وازارهٔ کنبذرا یشم خواهیم نمود در ساعت بعهدهٔ حکّام وضابطین ولایات مقرّر داشت که آن سنك ودررا منزل بمنزل از ارض اقدس حرکت داده به بلدهٔ فاخرهٔ بخارا برند واز انجا حسب الفرمودهٔ ابو الفیض خان بدار السلطنة ثمرقند برده بر نهج اوّل در جا ومکان خود قرار دهند

Рассказ нашего автора не дает нам прямого ответа на вопрос о причинах, побудивших Надир-шаха вывезти из Самарканда нефрит и ворота и потом отправить то и другое обратно. Из слов, приписанных автором шаху, можно вывести заключение, что Надир хотел воспользоваться нефритом и воротами для своих построек, потом отказался от этой мысли. Постройки воздвигались им в Дерегезе, в месте его рождения (у Мухаммеда-Казима مولدخانهٔ نادری, у Абд ал-Керима مولودگاه) [23], в Келате и в Мешхеде. В Келате [24], по словам Мухаммед-Казима, шах готовил себе гробницу из черного камня (سنك سیاه); туда же по его приказанию был привезен мрамор из Азербайджана и было перевезено некоторое число людей (3000 семейств) из города Мераги той же области [25]. По поводу слов о кольчугах интересно сообщение нашего автора, что среди подарков, поднесенных Надир-шаху в 1740 г. в Бухаре, были меч и железный нагрудник Тимура, шлем и кольчуга Чингиз-хана [26]; едва ли, конечно, эти предметы вооружения были подлинными. Меч Тимура видел в 1903 г. Джексон в тегеранском дворцовом музее [27].

---

[23] По Абд ал-Кериму Кашмири (64 и 72), именно это место получило название Хиваабад (или Хивакабад) вследствие поселения там вывезенных из Хивы персидских пленных. Наш автор тоже рассказывает об основании Хивакабада (Мухаммед-Казим, II, л. 285а), но не отожествляет его с местом рождения Надира.

[24] По Абд ал-Кериму Кашмири (71 и сл.), шах строил для себя гробницу в Мешхеде. «Куполообразное здание» воздвигалось им в месте его рождения, причем там были поставлены три золотых сосуда, один над другим, и над ними была помещена сабля.

[25] Мухаммед-Казим, II, л. 285а.

[26] Там же, II, л. 262а: ازان جمله یکی شمشیر ویکی چهار آینهٔ امیر تیمور کورکان ومغفر وزره جنکیز خان بود.

[27] Jackson, *Persia Past and Present*, p. 422.

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ В ТУРКЕСТАН

При командировании меня в Туркестан летом 1920 г. Академия истории материальной культуры поручила мне ознакомиться на месте с состоянием памятников прошлого и условиями научной работы для составления, по соглашению с местными деятелями, плана дальнейших исследований, который должен был быть представлен на утверждение Академии.

Еще на пути в Ташкент я получил от научного сотрудника Академии А. А. Семенова некоторые сведения о предполагавшихся в Туркестане археологических работах, руководство которыми взяли в свои руки Цуардел (Центральное управление архивным делом) Туркестанской республики и его главноуправляющий Д. И. Нечкин. Цуардел надеялся сплотить вокруг себя местные силы, сосредоточившиеся в двух ташкентских научных обществах, Туркестанском отделе Русского географического общества и Туркестанском кружке любителей археологии.

В Ташкенте я узнал, что мысль использовать в таком направлении оба прежних научных общества [1] явилась уже у предшественника Д. И. Нечкина, В. Н. Кучербаева, ныне заведующего в Туркестане финансовою частью [2]. Тогда же на необходимость образования в Ташкенте ячейки для изучения памятников прошлого было обращено внимание туркестанских властей из центра; В. Н. Кучербаев показывал мне бумагу, полученную им из Всероссийской (московской) коллегии по охране памятников старины и искусства, за подписью Н. И. Троцкой, в которой говорилось о памятниках, «щедрой рукой рассыпанных по Туркестану», и указывалось на необходимость участия в их исследовании ученых из центра ввиду недостаточности научных сил в самом Туркестане.

Попытка вдохнуть новую жизнь в прежние научные общества, утратившие в годы смут своих главных деятелей, потерпела неудачу; тем не менее Цуарделу удалось объединить некоторые из местных сил во имя опре-

[1] Известно, что еще раньше, осенью 1916 г., предполагалось созвать соединенное заседание обоих обществ и выработать программу работ для регистрации сохранившихся в Туркестане памятников прошлого. Это намерение не могло быть осуществлено вследствие происходивших в Туркестане в 1916 г. волнений. Ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край*, стр. 1240.

[2] Во время печатания настоящего отчета — уполномоченного Туркестанской республики в Москве.

деленной научной задачи — ремонта и реставрации самаркандских архитектурных памятников — и привлечь к участию в этих работах представителей той же Всероссийской коллегии. Так была создана «Комиссия по охране памятников старины и искусства» при Цуарделе, разделившаяся потом на три секции: техническо-строительную, художественную и археологическую. Первые две секции работали под руководством представителей Всероссийской коллегии, архитектора-художника Д. М. Иофана и художника Д. К. Степанова; последняя секция, самая важная, состояла только из двух местных деятелей, В. Л. Вяткина и И. А. Кастанье, причем руководящая роль принадлежала первому, как единственному из туркестанских деятелей, изучившему по первоисточникам историю Туркестана, в том числе и сведения о самаркандских постройках. Вяткин, насколько мне известно, продолжает работать в Туркестане и теперь, тогда как Кастанье уехал на свою родину, во Францию. Протоколы заседаний Комиссии и ее секций были переданы мне при моем отъезде из Ташкента для доклада Академии истории материальной культуры, о существовании которой в Ташкенте и Самарканде впервые узнали только от меня.

Из протокола археологической секции № 3 видно, что охрана самаркандских памятников, некогда организованная Вяткиным по поручению бывшей Императорской Археологической комиссии, в годы революции «ослабла до степени, близкой к полному отсутствию таковой». Однако, помимо каких-либо научных соображений, состояние одного из памятников указало на необходимость принятия спешных мер; минарет при одном из медресе, прилегающих к площади Ригистан, именно медресе Улугбека, наклонился настолько, что угрожал падением, что было соединено с опасностью для других прилегающих к Ригистану построек и для жизни обитателей этой части города. В протоколе техническо-строительной секции № 4 упоминается о работах по восстановлению минарета, начатых еще в 1918 г. и приостановленных за неотпуском требуемых средств; в том же протоколе, относящемся к июню 1920 г., говорится, что «деревянные якоря, к коим прикреплены стальные канаты-оттяжки, находящиеся частью в земле, частью над землею, за эти полтора года настолько погнили и ослабли, что едва ли выдержат еще более полугодия» [3]. Из этого можно видеть, что меры для укрепления угрожавшего падением минарета относятся к концу 1918 г. Принятие этих мер и составление дальнейших смет-

[3] ‹Закрепленный минарет простоял до 1932 г., когда был выпрямлен. См. М. Массон, *Краткая справка о минаретах*, стр. 8—10. О работах в 1918 г. комиссии по поддержанию северо-восточного «падающего» минарета медресе Улугбека, в 1919 г. — комиссии по охране памятников при Самаркандском областном комиссариате народного образования, об учреждении с 1 июля 1919 г. Самаркандской комиссии по охране памятников при Цуарделе и о создании при Среднеазиатском отделе Русского географического общества секции археологии и этнографии, активно работавшей с 1924 по 1929 г., см. М. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии*, стр. 15—18. — *М. М.*›

ных предположений были делом комиссии, названной в протоколе № 1 «Самаркандской археологической комиссией», в протоколе № 4 «Комиссией по исправлению минарета Улугбека»; председателем ее был неизвестный мне художник А. К. Татевосянц, или Татевосьян, впоследствии приглашавшийся также к участию в заседаниях комиссии, образованной в 1920 г. Цуарделом; в ту же комиссию вошли члены Самаркандской археологической комиссии Вяткин, знаток истории Туркестана, и Б. Н. Кастальский, архитектор, также принимавший участие в археологических исследованиях, обогативший науку еще в 1908 г. таким открытием, как оссуарии, найденные в селении Бия-Найман Катта-Курганского уезда [4], самые любопытные экземпляры тех глинобитных погребальных урн, которые до сих пор составляют археологическую особенность Туркестана, во многих отношениях загадочную. Сколько времени прошло между прекращением деятельности первой комиссии и открытием действий второй, из протоколов не видно.

Комиссией Цуардела прежде всего было осмотрено медресе Улугбека; потом, при составлении плана работ, на первую очередь, как и при работах бывшей Императорской Археологической комиссии, был поставлен мавзолей Гур-эмир. Значительное место в этом плане было отведено производству раскопок для выяснения первоначального характера зданий, что должно было быть главным отличием новых работ от прежних, производившихся на средства Археологической комиссии, когда раскопки были произведены только около мечети Биби-ханым [5]; теперь раскопки должны были предшествовать если не всяким ремонтным работам, то осуществлению всяких более сложных реставрационных проектов. Самые спешные ремонтные работы предполагалось закончить для всех зданий еще в 1920 г.; комиссией было одобрено предложение Кастальского: «поставить на первую очередь закрепление всех крыш разрушающихся памятников» (протокол № 9). Этого постановления не удалось осуществить; тот же Кастальский докладывал комиссии 7 октября (протокол № 21), что в строительный сезон 1920 г. удастся только закончить ремонт (конечно, поверхностный) трех медресе на Ригистане и, вероятно, приступить к ремонту Гур-эмира; работы обходились до 3 млн. руб. в месяц. Протоколы комиссии заключают в себе много характерных для переживаемого времени фактов, как члены комиссии приостанавливали работы за неполучением обещанных средств, назначали самим себе аванс в счет вознаграждения за неполучением соответствующих указаний и разрешений, за неполучением материала для работ прибегали к таким средствам, как использование сосновых досок тротуара с заменой их тополевыми.

---

[4] Кастальский, *Бия-Найманские оссуарии.*

[5] Наиболее подробные печатные сведения об этих раскопках см. Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням*, стр. 59. ‹Библиографию об исследовании Биби-ханым и новые данные см.: Ратия, *Мечеть Биби-ханым*; Пугаченкова, *К вопросу о реконструкции.*›

Раскопки для выяснения плана здания были произведены исключительно у медресе Улугбека; для хранения найденных при раскопках предметов в помещении медресе был устроен временный музей. Была найдена исключительно посуда не ранее эпохи последних Чингизидов, т. е. конца XIV в., из чего Вяткиным был сделан вывод, что Ригистан был заселен только в эту эпоху. Едва ли этот вывод, основанный на раскопках только в одном месте Ригистана, может считаться доказанным. Из показаний географов X в. видно, что уже тогда самый населенный квартал находился вне первоначального городского поселения, или шахристана, которому соответствует городище Афрасиаб, у южных ворот его; из рассказа о монгольском погроме 1220 г. столь же ясно видно, что старый шахристан был уже в то время только крепостью, хотя в нем оставалась соборная мечеть, а самый город находился в том же месте, где теперь [6]. При таких условиях трудно допустить, чтобы в XIII в. оставалась незаселенной такая местность, как Ригистан, откуда, вследствие ее высокого местоположения, расходятся каналы по городу. В общем плане работ, составленном Вяткиным (протокол № 2 археологической секции подписан Вяткиным и Кастанье, но иногда употребляется местоимение первого лица в единственном числе), также высказывается ошибочное предположение, что город только после монгольского нашествия «перекочевал с Афрасиаба» на юг, так что результаты предполагавшихся раскопок у мечети Биби-ханым могли бы быть положены «в основу разграничения монгольской эпохи от последующей тимуридской».

Раскопками у медресе Улугбека были обнаружены первоначальный цоколь медресе, на 2½ аршина ниже нынешнего, и фундамент падающего минарета, на глубине около 11½ аршин; последний оказался крайне массивным, его площадь в несколько раз превосходит площадь нижнего сечения самого минарета. Нивелировкой было установлено, что северо-западный край был на 15 *см* выше юго-восточного, так что минарет имел уклон противоположный теперешнему. Этот факт был объяснен небрежностью при закладке фундамента; дальше, однако (в протоколе № 21), говорится, что, как обнаружилось при исследовании самого минарета, кирпичные ряды укладывались в наклонном положении, так что уклон был преднамеренный. Во всяком случае предположение об осадке фундамента как причине наклонного положения минарета должно было отпасть.

Вопросу об исправлении или восстановлении падающего минарета придавалось комиссией не только научно-техническое и художественное значение; очевидно, надеялись дать удовлетворение национальному чувству туземцев и поднять в их глазах престиж современной власти; по не совсем удачным выражениям протокола № 4 технически-строительной секции, «общие политическо-этические соображения» заставляли торопиться с доведением до конца в текущий строительный сезон «этой, нашумевшей

[6] Ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 106 и сл.; <наст. изд., т. III, стр. 188 и сл.>.

в Средней Азии, работы». Из протокола № 12 видно, что существовало смелое намерение «приступить к планомерной разборке минарета и перекладке его с основания»; художник И. С. Казаков в заседании 7 октября (протокол № 21) доложил комиссии, что «падающий минарет имеется на рисунках во всех подробностях и в случае падения может быть детально реставрирован». В том же заседании, однако, комиссия, несмотря на слова протокола технически-строительной секции о «недопустимости» современного положения дел и невозможности отложить перекладку минарета, приняла благоразумное решение воздержаться от всяких мер по разборке минарета «впредь до приглашения авторитетных технических консультантов из Ташкента и центра».

Судьбу проекта о перекладке минарета в значительной степени разделили и другие реставрационные проекты, составлявшие главное отличие работ комиссии Цуардела от работ, производившихся бывшей Императорской Археологической комиссией и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии [7]. Для исследователя-археолога, не преследующего других целей, кроме научных, с представлением о реставрации неразрывно связано представление о порче исторического памятника; иначе смотрела на этот вопрос комиссия, имевшая в виду, как мне сказал Кастальский, также политические цели; с этой точки зрения казалось необходимым, не ограничиваясь изучением и, по возможности, поддержанием разрушающегося, заменять его чем-нибудь более прочным, хотя, по возможности, в духе старого. Из реставрационных проектов комиссии до некоторой степени был осуществлен предпринятый Кастальским «опыт частичной реставрации наружного пилона» медресе Улугбека, хотя окончательным постановлением комиссии эти реставрационные работы были несколько сокращены. При осмотре здания 25 мая (протокол № 2) было обращено внимание на образование трещины в одной полуколонне; тогда же было решено «огородить место вокруг полуколонны во избежание могущих быть несчастных случаев во время легко возможного обвала полуколонны». Очевидно, во избежание такого случая полуколонна была разобрана; в протоколе № 15 говорится уже о «восстановлении разобранной нижней части полуколонки». Постановлением комиссии тогда же было решено «форму базиса разобранной полуколонки не воспроизводить, а сделать таковой (базис) цилиндрической формы со штукатурной поверхностью». Кастальский еще в заседании 7 октября (протокол № 21) настаивал на необходимости воспроизвести полуколонку по образцу медресе Ширдар, вообще построенного по образцу медресе Улугбека, а не заменять базис «простым штукатурным цилиндром, что будет весьма некрасиво»; комиссия, однако, «после оживленных прений» вновь постановила устроить базис для полуколонки «в виде штукатурного цилиндра, продолжив его

[7] О работах Археологической комиссии ср. Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII, 0181—0184; о работах Комитета: Веселовский, *Экспедиция*; Дудин, *Отчет о работах*; его же, *Отчет о поездке*.

до того места, где начинается майолика». Реставрационные работы в медресе Улугбека производились средствами туземной техники. В протоколе № 11[II] упоминается о кирпичном заводе Абдукадыра Бакиева, в то время не работавшем, и высказывается предположение, что этот завод «будет возможно приспособить к обжиганию изразцов»; комиссия постановила «осмотреть завод Абдукадыра Бакиева для выяснения пригодности к предлагаемым работам». Состоялся ли осмотр и каковы были его результаты, из протоколов не видно; но во время посещения мною Ригистана Абдукадыр Бакиев лично руководил работами по укладке кирпичей и изразцов в реставрируемой части здания.

Остальные реставрационные проекты комиссии остались в 1920 г. в области предположений. В составлении таких проектов принимал выдающееся участие член Всероссийской коллегии Иофан; им был составлен доклад об общих «технических условиях по реставрации памятников старины»; комиссия (протокол № 11[II]) поручила техническо-строительной секции на основе этого доклада выработать более детальные положения. Тем же Иофаном была составлена смета предположенных работ по ремонту мечети Биби-ханым, осмотренной им и Кастальским 11 июня (протокол техническо-строительной секции № 5). В протоколе осмотра сказано, что полный ремонт мечети, не говоря уже о реставрации, невозможен без разборки всего здания до основания фундаментов и перекладки его заново [8], но до некоторой степени остановить дальнейший процесс разрушения можно было бы, «если укрепить фундаменты, расчистить, расшить и залить цементным раствором щели, укрепить их железными скобами и анкерами, разобрать и переложить грандиозный клин в уцелевшей части наружного купола, укрепить оставшуюся облицовку майолики и витые колонны и прочее» [9]. Смета на эти работы была исчислена в 105 миллионов, но тут же говорится о необходимости «колоссальной суммы» от 200 до 300 миллионов, кроме того, о необходимости доставления из центра не только материала, но и высококвалифицированных мастеров. При таких условиях маловероятно, чтобы надо было ожидать или опасаться осуществления проекта в близком будущем. По поводу цифры 300 миллионов

[8] К Биби-ханым в особенности могут быть отнесены слова Н. И. Веселовского, что из самаркандских зданий «некоторые пришли в такое состояние разрушения, что легче их разобрать и выстроить вновь, чем ремонтировать на уцелевших остатках» (Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0181 и сл.).

[9] Некоторые мысли о способах остановить разрушение Биби-ханым и других самаркандских мечетей были высказаны Веселовским (*Мечеть Биби-ханым*; *Письмо в редакцию*). Во второй заметке указывается на необходимость «пополнить обвалившиеся купола, пробрать крупные трещины, а мелкие залить жидким цементом (образуется сплошной монолит). Из цемента же надо сделать верхние покрытия с отливами для дождевой воды». Для изразцовой облицовки предлагается «подвести снизу кирпичные стенки, сплошные или в виде арок, а там, где облицовка отстала, притянуть ее к стенам железными скрепами». В то время признавалось возможным выполнять такие работы «даже одними местными средствами, без отягощения государственного казначейства».

комиссия в заседании 19 июня (протокол № 11[II]) по предложению Д. И. Нечкина постановила предложить технически-строительной секции переработать проект сметы, так как в задачи комиссии входит только «охрана памятников от дальнейшего разрушения, но не постройка новых зданий». Последние слова, вероятно, относятся к проекту разобрать и переложить клин в уцелевшей части наружного купола.

В других случаях Иофан сам возражал против слишком решительных проектов «перекладки»; так, комиссия под влиянием принципиальных возражений Иофана отказалась от предположенной «перекладки с основания» одного из мавзолеев Шах-и зинде (гробница шейха Ахмеда) и согласилась заменить ее простым «укреплением» (протоколы № 6 и 9 и протокол художественной секции № 6). Столь же действительным оказался протест членов Всероссийской коллегии Иофана и Степанова вместе с председателем прежней самаркандской комиссии Татевосьяном против другого постановления комиссии (протокол № 8): снять и передать в местный музей остатки изразцов с постройки Чиль-Духтеран (усыпальницы Шейбанидов). В протесте справедливо указывалось, что «окончательная разборка этого памятника противоречит задаче комиссии охранять исторические памятники».

В заседании 7 октября (протокол № 21), по моему настоянию, было принято постановление «всякую реставрацию совершать предварительно на бумаге». Не вполне соответствует моему предложению дальнейший текст постановления: «результаты ее (реставрации) сообщать всем членам комиссии для обсуждения, а в случае разногласия и в центр»; но и в таком виде постановление комиссии, если оно будет последовательно применяться, может считаться достаточной гарантией против радикальных реставрационных проектов.

Недостаток материальных и технических средств отражался, конечно, и на тех средствах, которыми располагали художники для приготовления рисунков, калек и т. п.; в протоколе № 19 говорится о приобретении за 15 000 руб. 11 карандашей, из коих три цветных, два химических и шесть штук Koh-i-noor. Из протокола № 21 видно, что результатом работ художников, зарисовывавших детали медресе Улугбека, будет скромный альбом, который предполагается изготовить в пять месяцев при четырех сотрудниках. Такой альбом, конечно, не мог бы выдержать никакого сравнения с альбомом «Самаркандские мечети», издание которого было предпринято Императорской Археологической комиссией и остановилось за неимением средств на первом выпуске. О продолжении такого издания в Ташкенте или в Самарканде не могло бы быть речи даже при нормальных, тем более при современных условиях; тем более удивительно, что Туркестанская комиссия, постановив приобрести для своих нужд экземпляр единственного вышедшего в свет выпуска альбома «Самаркандские мечети» (протокол № 12), в то же время делала попытки получить в свои руки весь неизданный материал (протоколы № 9 и 11[II]). Из протоколов не видно, что

после разговора со мной Д. И. Нечкин вполне согласился, что петроградский материал должен остаться в распоряжении Академии истории материальной культуры и что в Туркестан может быть послана только опись имеющихся фотографий, рисунков, калек и т. п.; со своей стороны Академия имела бы право на получение таких же сведений о туркестанских работах.

Вообще в Туркестане о существовании Академии истории материальной культуры, о ее правах и обязанностях впервые узнали только от меня, когда Цуардел уже предпринял своею властью обширные работы и мог ссылаться на авторитет Всероссийской коллегии, представители которой принимали участие в этих работах, также, как я узнал уже после возвращения в Петроград, на присланное Главным архивным управлением разрешение временно сосредоточить при Цуарделе «охрану и ремонт памятников древности и археологические изыскания». Тем не менее права Академии были признаны. В занесенных в протоколы постановлениях, где говорится о самаркандских постройках и их дальнейшем изучении, об Академии не упоминается, но решающее значение имеет самый факт передачи мне копий протоколов для доклада Академии. В письме ко мне Д. И. Нечкин выражает надежду, что «вообще все работы, намеченные комиссией, будут одобрены Академией истории материальной культуры и поддержаны ее высоконаучным авторитетом», и прибавляет, что «Цуардел и комиссия приложат все усилия, чтобы не терять связи с Академией». В том же письме сообщается, что в настоящее время утверждено «Положение об Отделе по делам музеев и охране памятников старины в Туркестане», что это положение будет выслано в Академию отдельно и что в нем предусмотрено участие в Отделе представителя Академии [10]. Таковым, конечно, мог бы быть научный сотрудник Академии, имеющий постоянное местопребывание в Ташкенте; кроме того, Академии, чтобы сосредоточить в своих руках руководство туркестанскими работами, следовало бы, по моему мнению, образовать в своей среде Туркестанскую комиссию и, если окажется возможным, временно командировать в Самарканд некоторых из своих членов, принимавших участие в работах бывшей Археологической комиссии и потому хорошо знакомых с планом этих работ.

Если в предположениях Цуардела, касающихся самаркандских построек, нет прямого упоминания об Академии истории материальной культуры, то вполне определенно говорится о необходимости участия

---

[10] Ко времени печатания настоящего отчета Академией был получен из Туркестана экземпляр «Положения об Отделе по делам музеев и охраны памятников старины и искусства в Туркестанской республике», утвержденного комиссариатом народного просвещения Туркестанской республики 2 ноября и одобренного Советом народных комиссаров 27 ноября 1920 г. По § 11 Положения, «при согласии центра», в состав Отдела входит, между прочим, «представитель Академии истории материальной культуры Российской Федерации».

представителя Академии в предположенных раскопках на городище Афрасиаб, представляющем собой остаток более раннего, домонгольского и домусульманского, Самарканда. Афрасиаб давно обратил на себя внимание исследователей; неоднократно производились и раскопки, в том числе Археологической комиссией [11] и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии [12] при участии местного деятеля Вяткина; принимались также меры для охраны городища от посягательств. Комитет в 1904 г. успешно протестовал против устройства на Афрасиабе свалочного места, в 1914 г. — против проведения через Афрасиаб железной дороги из Самарканда в Пенджикент; тогда же Комитетом было возбуждено ходатайство о запрещении запашек на площади городища, о назначении сторожа для его охраны и о перенесении с Афрасиаба на другое место городских кладбищ, мусульманского и еврейского. В 1916 г. Комитет был извещен о назначении сторожа, с платой 240 руб в год, и о согласии жителей не расширять кладбища на счет свободной площади городища и существующее кладбище оградить стеной. Все это было уничтожено революционными событиями, и весной 1920 г. городище находилось в таком же беспризорном состоянии, как памятники прошлого, сохранившиеся на поверхности земли. Единственным действием местных научных учреждений, имевшим отношение к Афрасиабу, было перенесение в августе 1919 г. с Афрасиаба в местный музей, по постановлению выставочного комитета, древней гипсовой панели. Панель была осмотрена мною в музее 6 октября; при моем отъезде из Самарканда заведующий музеем М. Е. Массон передал мне фотографическое изображение этого предмета; по надписи на фотографии, панель находилась в большом здании (в комнате 19×9 аршин), открытом в 1912 г. Вяткиным; самое здание, как мне говорили, при перевозке панели несколько пострадало. Здание оказалось тем же самым, где в 1913 г. была найдена буддийская фреска и которое упоминается в моем академическом отчете о командировке в 1916 г.[13]. В этом отчете выражено предположение, что оно было буддийской или манихейской обителью; в одном из протоколов комиссии (№ 8) оно без достаточного основания названо дворцом Тамгач-хана. По единственному источнику, в котором упоминается этот дворец (сочинение Ауфи, XIII в.), он находился в квартале Гурджмин, или Керджумин [14]; но где был этот квартал, совершенно

---

[11] Ср. ОАК за 1882—1888, СПб., 1891, стр. LXXIV—LXXIX.

[12] Ср.: Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*; ‹см. выше, стр. 131›; Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе.*

[13] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край*, стр. 1241 и сл.

[14] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 87; ч. II, стр. 93; ‹наст. изд., т. I, стр. 141›. Если бы даже было доказано, что панель принадлежала к дворцовому зданию, то и тогда не было бы надобности считать его дворцом Тамгач-хана Ибрагима, т. е. относить его к концу XII в. В шахристане, т. е. на Афрасиабе, по словам Ибн Хаукаля, были дворцы Саманидов в месте Асфизар, отдельно от дворца, находившегося в цитадели (Ибн Хаукаль, 366, $_{14}$; ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 92; ‹наст. изд., т. I, стр. 141›).

неизвестно, и никаких данных отожествлять этот дворец со зданием, найденным на Афрасиабе, мы пока не имеем [15].

В протоколах комиссии говорится не столько об охране Афрасиаба, сколько об исследовании его путем раскопок, хотя и признавалось, что «решение вопроса о раскопках на Афрасиабе не подлежит компетенции данной комиссии» (протокол № 9). Было постановлено ограничиться только производством небольших разведочных раскопок, для которых первоначально были намечены три места: здание с панелью, место «с южной стороны цитадели, где были найдены следы бани» и площадка с северной (или северо-восточной) стороны соборной мечети «ввиду предположения, что на этом месте находился базар города» (протокол № 8). В таком виде это мнение ошибочно; из слов арабских географов видно, что главный базар был не в шахристане, а вне его, у южных ворот; в шахристане мог быть только отдельный небольшой базар. Когда комиссия получила в свое распоряжение некоторые средства (10 миллионов) для производства раскопок, то было решено ограничиться двумя местами, первым и третьим, и только, если позволят средства, произвести пробные раскопки и в других местах. Раскопки, по-видимому, предполагалось произвести еще в 1920 г., что по времени года было возможно; но были ли средства на этот раз действительно получены и использованы, был ли сделан предполагавшийся опыт привлечения к раскопкам арестантского труда (протокол археологической секции № 2), мне неизвестно [16]; не знаю также, было ли фактически возбуждено и с каким результатом ходатайство об издании декрета, который бы остановил расширение кладбища и запретил пользование площадью Афрасиаба для каких-либо целей, кроме научных (протокол № 21). Возбуждение такого ходатайства было необходимо уже потому, что революцией, как мне пришлось убедиться при осмотре Афрасиаба 7 октября, были уничтожены все обязательства прежних местных властей. На площади городища мне пришлось увидеть и свалочное место, в его северо-западной части, и пашни, последние в значительно большем количестве, чем прежде, притом и в той местности, у западных ворот городища, где предполагалось произвести раскопки. Увеличились и кладбища, мусульманское и еврейское; не мусульманским, как ошибочно сказано в протоколе, а еврейским кладбищем было захвачено под будущие могилы пространство, равное существующему кладбищу, и этот захват был закреплен постройкой стены.

Система охраны наемными караульщиками была принята комиссией не только для Афрасиаба, но и для самаркандских построек вместо прежней бесплатной охраны мутеваллиями. Предполагалось организовать

[15] «Существует мнение, что это здание является остатками дворца, располагавшегося в квартале Асфизар. См.: М. Массон, *К периодизации*, стр. 163; его же, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии*, стр. 15.»

[16] В протоколе последних заседаний комиссии о раскопках не упоминается, из чего можно заключить, что до 25 октября к ним приступлено не было.

охрану из одного инструктора и одиннадцати караульщиков — двух для Афрасиаба и по одному для следующих зданий: Гур-эмир, медресе Улугбека, медресе Ширдар, медресе Тилля-кари, мечеть Биби-ханым, мавзолей Шах-и зинде, медресе Ходжа-Ахрар, развалины Ишрат-хана, обсерватория Улугбека. Караульщик Гур-эмира должен был охранять также мавзолей Ак-сарай, караульщик медресе Улугбека — усыпальницы Чиль-Духтеран, караульщик Ишрат-ханы — мавзолей Ходжа Абди Дарун. Каждому караульщику предполагалось обеспечить помещение при охраняемом им памятнике, жалованье по ставкам и красноармейский паек. Эти соображения Вяткина (протокол археологической секции № 3) были одобрены комиссией (протокол № 11[II]), но во время моего пребывания в Самарканде, как и другие предположения комиссии, требовавшие содействия местных властей, еще не получили осуществления. Оставался невыясненным и вопрос о найме караульщиков для Афрасиаба. На основании постановления, что караульщик должен жить при охраняемом им памятнике, можно было бы ожидать, что караульщики Афрасиаба будут жить в пределах городища; Вяткин, однако, сказал мне, что это невозможно, так как никто не согласится оставаться ночью на Афрасиабе. Вяткин находил возможным примириться с тем, что караульщики будут жить в городе и наблюдать за Афрасиабом только днем.

В протоколах перечислены те ремонтные работы, которые считались необходимыми для Гур-эмира и других самаркандских построек. Около Гур-эмира, кроме того, предполагалось произвести раскопки для выяснения обсуждавшегося в печати вопроса о первоначальном назначении этого здания и расположенного рядом с ним мавзолея Ак-сарай [17]. В Гур-эмире пол был подвергнут в 1916 г. капитальному ремонту, для чего все гробницы были сдвинуты с мест; теперь все они вновь тщательно поставлены на прежнее место. Осмотрев вновь Гур-эмир вместе с Вяткиным, я признаю очень вероятным мнение этого исследователя, что тело Мираншаха было перенесено из Шахрисябза в Гур-эмир уже после смерти Улугбека, вероятно в царствование Абу Са'ида, потомка Мираншаха.

Сосредоточив все свое внимание на Самарканде, Цуардел и организованная им комиссия не приняли никаких мер, чтобы взять в свои руки дело охраны памятников прошлого на всем пространстве Туркестанской республики и получать отовсюду сведения о состоянии этих памятников. Никаких сведений об этом не дошло и до меня, за исключением башни Бураны около Токмака [18], единственного в своем роде памятника в Семиреченской области. А. А. Диваев, хранитель отделов этнографического и археологического в Туркестанском народном музее, показал мне письмо на татарском языке, полученное им от некоего Иль-Чуры, где говори-

[17] Ср. мою статью *О погребении Тимура*, стр. 1 и сл.; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423 и сл.›.

[18] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 26 и сл.; ‹см. выше стр. 44›.

лось, что башня теперь никем не охраняется и всякий, кому нужен кирпич, выламывает его из Бураны. Несомненно преувеличивая опасность, автор письма полагал, что, если так будет продолжаться, года через три от башни ничего не останется; упомянув о своих неудачных попытках получить нужные указания из Верного, он выражал надежду, что башню возьмет под свою защиту Туркестанское археологическое общество, т. е. Туркестанский кружок любителей археологии, в действительности прекративший свои действия. Уже в 1885 г. писали, что башня «частью от времени разрушена, а частью разобрана жителями окрестными на постройку печей и проч.» и «что она скоро совсем разрушится» [19]. По описанию 1896 г. [20], башня в то время охранялась караулом; по тому же описанию, высота ее — 11 сажен; едва ли такая постройка может быть уничтожена в такое короткое время. Несомненно, что Бурана — не единственный памятник, нуждающийся в спешных мерах со стороны того из туркестанских учреждений, к которому перейдет забота об охране памятников старины.

Политические события 1920 г. заставили обратить внимание на местность, исторически тесно связанную с Туркестаном, хотя находящуюся вне границ Туркестанской республики, именно на Бухару и Бухарское ханство. С помощью присланных из Туркестанской республики военных сил произошел переворот, окончившийся низложением эмира и установлением в Бухаре Советской власти; полученные в Ташкенте тревожные известия о состоянии города после военных действий побудили Цуардел организовать междуведомственную комиссию для содействия Бухарскому революционному комитету в деле охраны архивных документов, рукописей, памятников старины и искусства. В комиссию, кроме членов Цуардела с Д. И. Нечкиным во главе и меня, вошли представители университета (А. Э. Шмидт), Восточного института (П. Е. Кузнецов) и Государственной библиотеки (Е. К. Бетгер и А. А. Гаррицкий); комиссия выехала из Ташкента 24 сентября и вернулась туда 9 октября, пробыв в Бухаре с 26 сентября до 5 октября. Для доклада Академии истории материальной культуры Д. И. Нечкин передал мне копии протоколов четырех заседаний комиссии (вопреки протоколу № 4, комиссия выехала из Бухары уже 5 октября и 6-го утром была в Самарканде) с приложением семи сделанных им фотографических снимков.

Как видно из протокола № 3, еще до прибытия комиссии были приняты некоторые меры как для охраны рукописей и документов, так и для исправления пострадавших зданий Вяткиным, вызванным в Бухару в порядке боевого приказа телеграммой уполномоченного Чусоснабарма, т. е. Чрезвычайной учетной комиссии по снабжению боевой армии, при-

---

[19] *Археологические открытия*, стр. 33.

[20] Ровнягин, *Описание башни «Бурана»*, стр. 42. Ср. также у Бартольда *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 26; <см. выше, стр. 44>.

знавшей возможным распространить свои действия на учет археологических ценностей. Вяткиным были приняты исчерпывающие меры, к которым комиссии осталось только присоединиться, для сосредоточения в одном месте и регистрации рукописных памятников, преимущественно из собраний бывших эмирских сановников. Им же был возбужден вопрос о ремонте пострадавших исторических зданий и в этом смысле было подано заявление бухарскому назиру (т. е. комиссару) народного просвещения Кары-Юлдашеву, еще молодому человеку, относившемуся с полным вниманием к интересам науки; но работы по современным ценам потребовали бы не менее двадцати миллионов [21] рублей; для молодой Бухарской республики, переживавшей тогда большие финансовые затруднения, этот расход был непосилен. Наконец, Вяткин, как отличный знаток Бухары, был для комиссии незаменимым руководителем при осмотре как города в целом, так и отдельных его построек.

О степени повреждений отчасти можно судить по данным мне фотографическим снимкам. Цитадель (арк) с внешней стороны сохранилась в прежнем виде, не исключая и ворот, но внутри почти все здания разрушены или сгорели; во многих местах огонь продолжал еще тлеть при нас. Столь же велики разрушения на площади Ригистан, примыкающей к цитадели с запада; помимо разрушений, произведенных военными действиями, здесь утром 27 сентября произошел взрыв нескольких арб с порохом, причем пострадало около ста человек. Из других построек особенно пострадало самое высокое сооружение в городе, большой минарет (*минāра-йи калāн* по-персидски, *катта-мунар* по-турецки), вышиной в 52 *м*, построенный в первой половине XII в. Арслан-ханом Мухаммедом ибн Сулейманом и представляющий особенный интерес как один из немногих сохранившихся в Туркестане памятников домонгольского периода. Минарет, известный у русских под названием «башни смерти» (с вершины минарета, по преданию, сбрасывали на мостовую преступников), простоял 800 лет, не требуя ремонта; многочисленные более новые минареты того же типа меньшей величины свидетельствуют о том значении, которое имел и сохранил до сих пор в глазах бухарцев минарет Арслан-хана. Действиями артиллерии в нем было пробито несколько брешей и снесена половина его верхушки. Вяткин считает возможным производство ремонта изнутри, без устройства лесов. Столько же пострадал от пушечных выстрелов синий купол (*Кок-гумбаз*) соборной мечети; на крыше аркады той же мечети, кроме того, заметны следы разрушения от снарядов, сброшенных аэропланами, впервые получившими применение в среднеазиатской войне. Сильно пострадал также весь квартал около большого минарета.

В своем заявлении Бухарскому революционному комитету комиссия указала на необходимость использовать еще настоящий строительный сезон для ремонта наиболее пострадавших зданий — большого минарета,

[21] Так по моим записям; 2 миллиона в протоколе № 3, по-видимому, ошибочно.

купола Кök-гумбез, медресе Абдулла-хана и его матери (Мадер-и хан); оба здания относятся к XVI в.[22]. Было ли приступлено к этим работам, мне неизвестно. В цитадели на Ригистане, по-видимому, предстоит только убрать развалины; комиссия выразила пожелание, чтобы эти места ввиду их исторического значения не застраивались вновь, пока не будут произведены некоторые раскопки.

Из зданий, оставшихся неповрежденными, комиссия обратила особенное внимание на мавзолей, в котором, по преданию, похоронен умерший в 907 г. н. э. Исма'ил саманидский, основатель могущества этой династии. Никаких надписей, которые бы подтверждали это предание, не сохранилось, но по архитектурным подробностям, особенно по характеру орнамента, постройка, по-видимому, действительно относится к более ранней эпохе, чем большой минарет и другие бухарские здания. Имеются фотографические снимки этого мавзолея, но ни обмеров, ни других работ по его изучению, насколько мне известно, не производилось. Комиссия постановила обратить внимание Академии истории материальной культуры и Цуардела на необходимость всестороннего изучения этого памятника.

Наконец, было обращено внимание на необходимость скорейшего топографического изучения Бухары как исторического города, всегда находившегося на том же месте, где теперь, меньше других туркестанских городов подвергавшегося погромам и потому, несомненно, сохранившего в расположении кварталов, улиц и т. п. многие черты отдаленной эпохи. Вяткиным и мною был произведен подробный осмотр города, к сожалению без фотографического аппарата. Особенное внимание было обращено на определение границ первоначального поселения, шахристана, резко выделяющегося от остальной части города своим возвышенным местоположением. В некоторых местах эта возвышенность поднимается террасообразно, в других — подъем более крутой и граница определяется резче, особенно с северной и восточной стороны. Была обойдена и внешняя стена города с ее воротами, из которых военными действиями совершенно разрушены Каршинские, через которые произошло вторжение нападавших. В том же месте вообще сильно повреждены стены; некоторые из других ворот, как ворота Мазарские, Имамские и Салляхане, оказались совершенно неповрежденными. Было обращено внимание и на особенный характер северо-восточной части города, более походящей на село, с пашнями, огородами и пустырями. При осмотре города с нами не было плана; потом в распоряжении Д. И. Нечкина оказался план Бухары в масштабе 30 сажен в дюйме. Комиссия признала необходимым составление нового плана, с производством нивелировки и нанесением горизонталей, при участии лица, знакомого с историей города, чтобы могли быть отмечены все места, имеющие историческое значение. Для целей исторической топографии

---

[22] Сведения об этих зданиях сообщены покойным Л. А. Зиминым; см. его *Отчет о двух поездках по Бухаре*, стр. 123 и сл.

признано необходимым использовать вакуфные документы, как в работах Вяткина о Самарканде и Самаркандской области. Комиссия обратила также внимание Бухарского революционного комитета на необходимость установить охрану исторических построек в пределах Бухарской республики вне столицы, из которых одна, Рабат-и Мелик, относится к XI в., т. е. принадлежит к числу самых ранних туркестанских памятников.

Определенных научных проектов, которые бы были связаны с другими местностями, кроме Самарканда и Бухары, во время моего пребывания в Туркестане не было. Цуарделу было известно, что Вяткин интересуется местностью около Катта-Кургана, где он надеется найти остатки древнейшего Самарканда. Это выражение было не совсем удачно; города в местности около Катта-Кургана, который бы назывался Самаркандом, насколько известно, никогда не было; но сопоставление греческих известий с китайскими, действительно, приводит к заключению, что после Александра Македонского, разрушившего Мараканды, т. е. Самарканд, центром политической и культурной жизни долины Зеравшана была местность около Катта-Кургана [23], где в первые века ислама были города Кушания к северу и Ребинджан к югу от реки, ныне селение Кашан-Ата и городище Рамджен с большим насыпным курганом. Случайные находки, вроде бия-найманских оссуариев [24], дают полное основание надеяться, что систематические разыскания в этой местности привели бы к интересным результатам.

Вопрос о туркестанских оссуариях, по которому уже существует некоторая литература, может быть, получит новое освещение благодаря интересной находке, сделанной в последнее время. В Туркестанском музее находится выкопанный в Семиреченской области, на Аламедынской гидроэлектрической станции, в 12 верстах от города Пишпека, на глубине около аршина, четырехугольный оссуарий обычных размеров, но с несколько необычными и крайне грубыми изображениями. В первый раз был найден четырехугольный оссуарий с крышкой, чем, если только самый предмет не возбуждает сомнений в подлинности, окончательно разрешается обсуждавшийся в научной печати [25] вопрос, имели ли такие оссуарии крышку или нет. По моей просьбе мне были сообщены точные измерения пишпекского оссуария в сантиметрах [26]; уже в Петрограде мною были получены фотографические снимки при письме хранителя музея Аугста;

[23] ‹Это мнение, разделявшееся Вяткиным (*Афрасиаб*, стр. 19), недавно было поддержано Тереножкиным (*Согд и Чач*, стр. 160). Однако, учитывая многочисленные находки на Афрасиабе вещей кушанского времени, можно считать, что Самарканд оставался центром Согда III в. до н. э. — III в. н. э. Ср. М. Массон, *К периодизации*, стр. 158—160.›

[24] О них см. статью Кастальского *Бия-Найманские оссуарии*.

[25] Бартольд, *К вопросу об оссуариях*, стр. 67 и сл.; ‹см. выше, стр. 170 и сл.›; Иностранцев, *О древнеиранских погребальных обычаях*, стр. 109.

[26] Длина внизу 55 *см*, наверху 52 *см*; ширина внизу 32 *см*, наверху 30 *см*; высота 27 и 28 *см*; длина ребра крышки 32, 33 и 34 *см*.

в письме было обращено внимание на факт, что все четыре боковые стенки сделаны с одной формы, причем короткие оказываются половинами длинных. Несколько неожиданна такая находка в Чуйской долине, так как до сих пор не было найдено оссуариев восточнее долины Таласа, притом четырехугольные оссуарии находили преимущественно в Самаркандской области, вообще в южной части Туркестана; оссуарии, найденные в Ташкентском уезде и дальше к северу, почти все овальной формы. Пишпекской находкой, по-видимому, подтверждаются известия письменных источников о согдийских колониях в Семиречье, хотя по грубости изображений он резко отличается от оссуариев настоящего Согда, т. е. самаркандских и катта-курганских.

Из других случайных открытий последних лет обращает на себя внимание открытие христианских сирийских надписей в местности около Ургута, где, по письменным источникам, был еще в X в. несторианский монастырь [27]. О существовании надписей мне говорили в Туркестане еще в 1916 г., но тогда не могли представить фактического подтверждения в виде снимков или эстампажей; теперь мне в Туркестанской государственной библиотеке показали семь оттисков на воске, сделанных летом 1920 г. Буровым, заведующим в библиотеке общенаучным отделом, и Ясевичем, слушателем Восточного института. Судя по оттискам и рассказам очевидцев, надписи, в отличие от найденных до сих пор, не надгробные, а grafitti, подобно синайским. Надписями покрыта скала в местности к юго-западу от Ургута, против общества Суфиян, в ущелье Гульбог, притом не в главном ущелье, где протекает речка, а в одном из поперечных. Всех надписей до 25; они идут вдоль скалы от высоты выше человеческого роста до самого низа. При некоторых надписях находится изображение креста, но только простое линейное †, чем ургутские надписи также отличаются от семиреченских. Перед скалой небольшая площадка, где под верхним каменным слоем, на глубине аршина, был обнаружен мягкий грунт и найдены уголь и другие небольшие предметы. Судя по этим данным, раскопки в этом месте могли бы привести к некоторым результатам.

Надо надеяться, что Туркестанский отдел по делам музеев и охране памятников старины примет меры для своевременной регистрации и обнародования таких случайных находок и что они не останутся без влияния на ход научных исследований. Общего плана таких исследований, как видно из приведенных выше данных, до сих пор не выработано; намечены только некоторые научные задачи, заслуживающие полного сочувствия. Работы 1921 г., если они вообще окажутся возможными, будут сосредоточены, по-видимому, в долине Зеравшана; есть полное основание надеяться, что по вопросам, касающимся этих работ, будет достигнуто пол-

[27] Ср.: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 96; ‹наст. изд., т. I, стр. 45› и статью Вяткина *Где искать Визд?*, стр. 159 и сл.

Оссуарий, найденный при строительстве Аламедынской гидроэлектростанции

ное согласие между Академией истории материальной культуры и Туркестанским отделом по делам музеев и охране памятников старины; если работы в 1921, как в 1920 г., будут происходить под руководством Вяткина, специалисты, вероятно, будут следить за ними с тем интересом, какой всегда вызывали труды этого исследователя. На будущее время, однако, помимо составления плана работ определенным государственным учре-

ждением, с назначением необходимых средств и привлечением отдельных специалистов, необходимо создание общественных организаций, которые могли бы объединить в себе местные научные силы. Можно ожидать, что такому объединению будет способствовать открытый в настоящее время Туркестанский государственный университет; при социально-экономическом и историко-филологическом факультетах университета уже образовалось научное общество, открывшее свои действия публичным собранием 14 ноября 1920 г., на котором мною был прочитан доклад «Ближайшие задачи изучения Туркестана» [28]. В области археологии мною в этом докладе были намечены следующие главные задачи: регистрация и охрана памятников прошлого в пределах республик Бухарской и Хивинской в отличие от прежних работ, касавшихся почти исключительно территории прежнего генерал-губернаторства; издание археологической карты Туркестана и подготовка материала для издания исторического атласа; издание альбома построек, сохранившихся на поверхности земли, в хронологическом порядке начиная с мавзолея Исма'ила саманидского в Бухаре; окончание начатых американской экспедицией в 1903—1904 гг. раскопок двух курганов, остатков доисторической эпохи, близ станции Анау Закаспийской области; раскопки в Мерве, подготовленные изучением относящихся к этому городу письменных источников; раскопки на Афрасиабе; изучение самаркандских архитектурных памятников; топографическое изучение Бухары; подробное исследование нескольких так называемых жилых курганов, т. е. укрепленных замков дворян-землевладельцев домусульманского периода и первых веков ислама [29]. Для выполнения этих задач необходимо сотрудничество между Обществом и государственными учреждениями, взявшими в свои руки дело охраны памятников старины и искусства, для чего должны быть преодолены затруднения, до сих пор препятствующие, притом не в одном только Туркестане, правильному сотрудничеству государственных и общественных учреждений. В некоторых отношениях условия научной работы в Туркестане теперь более благоприятны, чем в дореволюционное время; нет больше близорукой обрусительной политики, не приходится считаться с опасениями, что изучение прошлого Туркестана и памятников этого прошлого может оживить среди туземцев исторические воспоминания и содействовать укреплению сепаратических тенденций; библиотека и музей уже не служат для создания синекур, но поручаются преданным своему делу специалистам; легче могут производиться научные работы на территории прежних ханств, Бухарского и Хивинского. С другой стороны, революцией созданы в Туркестане препятствия для научной и вообще для культурной работы, которых не было раньше. Политика «мусульманизации» края, т. е. покровительства туземному населению, его языку и куль-

[28] «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2.>

[29] Ср. о них Бартольд, ЗВОРАО, т. XX, стр. 070; <см. выше, стр. 199>.

туре, проводится иногда столь же близоруко, как прежде обрусительная политика. Создаются неблагоприятные условия жизни для русского культурного меньшинства; замечается стремление создавать литературу, даже научную, исключительно на языках местного мусульманского населения; деятели русской культуры подвергаются высылке из пределов Туркестана только за то, что при прежнем строе занимали должности по туркестанской администрации [30]. При таких условиях забота об интересах культуры может вызвать у научных учреждений, в ущерб их прямым задачам, стремление взять в свои руки административные функции, которые по существу должны быть делом государства; сюда относится, например, мысль о подчинении Туркестанскому университету Народного, т. е. центрального краевого, музея. Наконец, как было мною указано в заключительных словах доклада в присутствии некоторых представителей власти, ни в области науки, ни в других областях не может быть правильной и последовательной деятельности, пока не будут восстановлены или вновь созданы, на новых началах, необходимые хозяйственные и правовые гарантии. В этом отношении деятелям науки остается только терпеливо ждать, как разрешатся поднятые ходом истории вопросы, не входящие в сферу их компетенции [31].

---

[30] ‹Здесь проявилось неправильное понимание В. В. Бартольдом национальной политики Советской власти.›

[31] Корректура настоящего отчета читалась осенью 1921 г.; к этому времени произошли некоторые перемены. Отдел по делам музеев и охране памятников старины весной 1921 г. был заменен «Туркестанским комитетом по делам музеев и охране памятников старины» (Туркомстарис); в состав членов его по § 6 Положения входит представитель от Академии истории материальной культуры. Вместо историко-филологического факультета Туркестанского университета (выше, стр. 260) учрежден педагогический. Работы в Самарканде в 1921 г. производились экспедицией, снаряженной Главмузеем и Академией истории материальной культуры под руководством А. П. Удаленкова.

БАШНЯ КАБУСА КАК ПЕРВЫЙ ДАТИРОВАННЫЙ ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОЙ ПЕРСИДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Вопросы, касающиеся истории мусульманской культуры, и в частности мусульманского искусства, в Персии, принадлежат к наименее разработанным. На изучении Персии еще в большей степени, чем на изучении других стран Передней Азии, отразилось пристрастие к древнему Востоку в ущерб Востоку средневековому; часто высказывалось мнение, будто распространение ислама положило начало непрерывному упадку персидского народа во всех отношениях [1], тогда как в действительности ислам, сокрушив политическое могущество Персии, в то же время в культурном отношении установил более тесную связь между Ираном и другими областями Передней Азии и этим способствовал успехам как материальной, так и духовной культуры в пределах бывшего персидского царства. Факты показывают, что только при исламе в Иране образовались большие города, которые могли соперничать с городами Вавилонии, Сирии и Египта, и вообще господство рыцарской землевладельческой аристократии сменилось развитием городской жизни, промышленности и торговли [2]. Равным образом персидским народом только в мусульманский период были созданы литература и искусство, имевшие влияние на другие народы, тогда как в более раннюю эпоху можно отметить только некоторое влияние персидской архитектуры на византийскую в последние века до арабского завоевания. Художественная и литературная деятельность была проникнута официальной тенденцией и мертвой схоластикой, исключавшими возможность свободного, прогрессивного развития [3].

К немногочисленным специалистам по истории мусульманской культуры, указывающим на необходимость изучения памятников мусульман-

---

[1] Напр., Christensen, *L'empire des Sassanides*, p. 110: «Leur force morale et politique était rompue avec la chute de l'empire sassanide».

[2] Об этом моя статья *Šu'ūbīja*; ср. изложение тех же выводов по-русски: Бартольд, *Рыцарство и городская жизнь*, стр. XXX и сл. ‹Правильно отстаивая прогрессивный характер исторического развития, В. В. Бартольд в данном случае исходит из ошибочной теории об извечности феодализма в Иране.›

[3] ‹Исследование культуры ахеменидского, парфянского и сасанидского Ирана не подтверждает подобного взгляда. Ср. Дьяконов, *Очерк*. Это, разумеется, не снимает правильности выводов В. В. Бартольда о культурном прогрессе послесасанидского Ирана.›

ской Персии, принадлежит М. ван Бершему [4]. Этот ученый в своей статье о мусульманской архитектуре, помещенной в международной «Энциклопедии ислама» [5], говорит исключительно о произведениях так называемой сирийско-египетской школы, но после выхода в свет в 1910 г. труда Fr. Sarre «Denkmäler persischer Baukunst» в рецензии на этот труд, в «Journal des savants» за февраль 1911 г.[6], он сделал попытку проследить развитие некоторых архитектурных типов в мусульманской Персии [7]. В этой статье, между прочим, говорится о типе мавзолея с конической или пирамидальной вершиной, распространенном в северной Персии, причем этот тип связывается с памятниками христианской архитектуры Армении и Кавказа; упоминается и тот памятник начала XI в., которому посвящена настоящая статья.

Башня Кабуса вошла в число «хорасанских построек», исследованных в 1913 г. экспедицией, снаряженной Художественно-историческим институтом при Венском университете; из отчета этой экспедиции [8] заимствован приложенный к настоящей статье рисунок. До тех пор лучшее описание этого памятника принадлежало русскому исследователю — покойному И. Т. Пославскому [9]. Пославским башня Кабуса описана гораздо точнее и подробнее, чем английскими путешественниками Фрезером [10] и Йетом [11]. Как мало была известна башня Кабуса западной науке, видно хотя бы из того, что специалист по арабской палеографии Б. Мориц говорит, как об установленном факте, об отсутствии в Персии памятников с куфическими надписями более ранних эпох, чем XII в.[12]; между тем на башне Кабуса великолепно сохранилась куфическая надпись начала XI в.; копия, сделанная от руки исследователем, не знавшим по-арабски, тем не менее позволяет установить текст надписи с полной достоверностью, и это чтение вполне подтверждается словами арабского путешественника Сам'ани [13], видевшего башню Кабуса в половине XII в. По-видимому, XII в. был только временем более широкого распространения датирован-

[4] В настоящее время (осень 1921 г.) уже не находится в живых.

[5] Van Berchem, *Architektur.*

[6] Van Berchem, *L'architecture musulmane de la Perse.*

[7] ‹За последние годы изучение средневековой архитектуры Ирана достигло значительных успехов. См.: SPA, II; «Athar-é Iran»; Wilber, *The architecture of islamic Iran*; Godard, *L'art de l'Iran.*›

[8] Diez, *Churasanische Baudenkmäler.*

[9] *Из поездки*, стр. 184—190. Французский перевод теперь в *Churasanische Baudenkmäler*, S. 41 sq.

[10] *Khorasān*, pp. 612—614.

[11] *Khurasan and Sistan*, pp. 240—242. Только со ссылкой на Йета упоминается башня Кабуса у Le Strange, *The Lands*, p. 378. Ср. еще статью: R. Hartmann, *Djurdjān*, S. 1112 sq.

[12] Moritz, *Arabische Schrift*, S. 407: «Ueber Persien lässt sich wenig sagen, da bekanntlich (sic!) ältere muhammedanische Monumente dort nicht existieren. . . Die bisher als ältest bekannten Bauten, das Grab des Yusuf b. Kuthaiyir von 557 (1162)» etc.

[13] Изд. Марголиуса, 436б и в моем труде *Туркестан*, ч. I, стр. 63.

ных надгробных надписей, притом едва ли не во всем мусульманском мире. В Туркестане в настоящее время сохранилось очень небольшое число надписей более раннего периода, тогда как надписи XII в. и более позднего времени встречаются часто; равным образом в Мекке, как было установлено в 1814 г. Буркгардтом [14], нет надгробных камней древнее XII в.

Башня Кабуса находится в северной Персии, в небольшом расстоянии от русской границы, на берегу впадающей в Каспийское море реки Гюргеи, близ развалин города Джурджана, столицы правившей в X и в начале XI в. династии Зияридов [15], из которой происходил и строитель башни Кабус, сын Вашмгира. По словам Пославского, высота башни около 25 саженей, наружный диаметр около 8 саженей, внутренний более 4½ саженей (около 14 аршин), так что толщина стен с ребрами — более 5 аршин; предполагая высоту ребра в 1 аршин, приходится допустить толщину сплошных стен башни около 4 аршин [16]. Оттого у исследователя явилось предположение, что кладка стен не сплошная и что в толще их есть внутренний ход на верх башни; но около ворот оказалось место, где часть стены была разобрана и разбита [17]; обнаружилось, что стена представляет сплошную кладку прекрасно обожженного кирпича, квадратного, размером от 5½ до 5¾ вершка, при толщине от 1¼ до 1½ вершков [18]. Такое расточительное употребление материала объясняется тем, что из жженого кирпича тогда воздвигались только немногие постройки; впоследствии, по мере более широкого применения жженого кирпича, и на Востоке, как в Европе, наблюдается постепенное ухудшение строительного материала ради дешевизны.

Здание несколько сужается кверху, т. е. имеет вид усеченной пирамиды, десятигранной, с коническим верхом, внутри которого находится купольный свод; по мнению М. ван Бершема, коническая или пирамидальная крыша, обычная в северной Персии, строилась для защиты купола от дождя и ветра [19]. По десяти граням распределена надпись, в два ряда, причем надписи верхнего и нижнего ряда тожественны; начало надписи

---

[14] *Travels in Arabia*, vol. I, p. 316.

[15] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 112 и сл. В помещенной там генеалогии Кабус ошибочно назван братом Вашмгира.

[16] Пославский, *Из поездки*, 186 и сл. По Фрезеру, высота не менее 150 футов, по Йету и Дицу (Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 39 sq.) — равна окружности, которую Диц определяет в 49 *м*. Наружный диаметр, по Дицу, — 15,64 *м*, внутренний — 9, 64.

[17] Бларамберг (*Статистическое обозрение Персии*, стр. 313) и Боде (*Очерки Туркменской земли*, I, стр. 432) говорят, что к разрушению башни было приступлено по приказу Надир-шаха.

[18] По Дицу, кирпичи «von 25 cm. Seitenlänge und 65 cm. Dicke, die in ca. 2 cm. dicke Mörtelschichten gebettet sind».

[19] ‹Е. Диц (*Die Kunst*, S. 73) был склонен связывать форму подобных «погребальных башен» с подражанием юртам кочевников-тюрок, Саладен (*Manuel*, p. 342) возводит их к зороастрийским погребальным постройкам, Г. А. Пугаченкова (*К проблеме возникновения*) — к намогильным сооружениям кочевых племен.›

находится не над входом, как естественно предположил исследователь, а в грани непосредственно вправо от входа. Надпись арабская и в переводе гласит: «Во имя бога всемилостивого, всемилосердого. Это — высокий замок, принадлежащий эмиру, солнцу высоких качеств, эмиру, сыну эмира, Кабусу, сыну Вашмгира [20]: он велел построить его при своей жизни в 397 г. по лунному летосчислению и в 375 г. по солнечному летосчислению». Под лунным летосчислением, конечно, следует понимать общемусульманскую эру хиджры; 397 г. этой эры начинался 27 сентября 1006 г. и оканчивался 16 сентября 1007 г. Йет и, по его примеру, путешественник и историк Сайкс [21] ошибочно полагали, что счет по солнечному летосчислению также ведется от бегства Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г.), вследствие чего у них получилась более ранняя дата — 997 г.; в действительности, имеется в виду особая солнечная эра — персидская эра Йездигерда, начинавшаяся 16 июня 632 г.; 375 г. по этой эре, следовательно, также соответствует 1006-07 г. Кабус правил с 976 по 1012 г., т. е. здание, действительно, было построено при его жизни. Подчеркивание этого факта в надписи и весь характер памятника показывают, что башня должна была служить надгробным мавзолеем, хотя внутри в настоящее время нет следов гробницы [22]. Такие мавзолеи чаще всего обозначаются по-персидски словом *гумбез* 'купол', как и называется башня Кабуса современным населением (Гумбез-и Кабус) [23]. Персидскому *гумбез* соответствует арабское слово *кубба*, которое и употреблено у Сам'ани. В надписи употреблено слово *каср* 'зáмок', заимствованное арабами еще в домусульманскую эпоху у римлян (греч. κάστρον, лат. castrum). Об употреблении слова *каср* в смысле «мавзолей» не говорится, насколько мне известно, ни в словарях, ни в специальных статьях по мусульманской архитектуре; примеры такого употребления, однако, встречаются в литературе; так, автор XII в. Имад ад-дин Исфахани говорит о «высоких замках, построенных над могилами знатных людей» на берегу речки Зендеруд близ Исфахана [24]. Из существующих зданий более всего походит на башню Кабуса башня близ города Радкана, также в северной Персии, на пути из Мешхеда в Кучан, с остатками куфических надписей. Здание описано и изображено, между прочим, в капитальном географическом

---

[20] В подлиннике рифмуются и предшествующие строки.

[21] *A history of Persia*, vol. II, p. 93. См. мою рецензию на этот труд в ИИРГО, т. LIII, к сожалению, напечатанную без моей корректуры и искаженную в некоторых местах до неузнаваемости.

[22] Dorn (*Caspia*, S. 91) приводит фантастический рассказ автора XVI в. Дженнаби, по которому тело Кабуса было положено в стеклянный гроб, наполненный алоем и привязанный цепями к куполу мавзолея. Тот же Дженнаби приводит, в несколько искаженном виде, надпись, будто бы находившуюся «над воротами».

[23] «Гумбети Каус» у бар. Боде (*Очерки Туркменской земли*, I, стр. 431 и сл.); «Гумбет-Кобуз» у Пославского (*Из поездки*).

[24] Бундари, изд. Хаутсма, 180 и сл.

и археологическом труде персидского министра Сани' ад-дауля [25], причем он отнес это здание к X или XI в. и признал в нем гробницу одного из вельмож или сановников того времени. Английский путешественник О'Донован полагает, что радканская башня безусловно не могла быть гробницей, равно как она не могла служить и жилищем. Он же отмечает сходство со зданиями, в которых видят мавзолеи (в Карсе, Эрзеруме и других местностях), но, по его словам, эти здания по крайней мере втрое ниже, не имеют отверстия на верхушке и снабжены только одним входом (в радканской башне их два). В последнем отношении башня Кабуса тоже отличается от радканской, в которой имеется один вход, но высота ее еще больше, и в ней также устроено отверстие у верхушки [26]. Аналогия с башней Кабуса показывает, однако, что назначение башни было определено Сани' ад-дауля правильно и что возражения О'Донована лишены основания. Что касается времени радканской башни, то она, несмотря на сходство по внешнему виду с башней Кабуса, должна быть отнесена к началу XIII в. [27], как показывает сохранившийся остаток надписи. Это выяснено теперь в «Churasanische Baudenkmäler», вышедших в свет в 1918 г. как седьмой том «Трудов Художественно-исторического института Венского университета» (кафедра И. Стржиговского) [28], откуда нами и заимствованы воспроизведенные в этой статье рисунки [29].

---

[25] *Маṭла' аш-шамс*, I, 172; Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан*, стр. 189. Немецкий перевод: Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 44 sq.

[26] O'Donovan, *The Merv Oasis*, vol. II, pp. 22—24; Curzon (*Persia*, vol. I, p. 120) не вполне справедливо замечает: «Why not the latter he does not state». Об отверстии у вершины башни Кабуса говорят Боде (*Очерки Туркменской земли*, I, стр. 431) и Пославский (*Из поездки*, стр. 187).

[27] ‹По надписи, прочитанной Э. Херцфельдом, радканская «башня» относится к 680/1281 г. См. Schroeder, *The Seljūq Period*, p. 1022.›

[28] Статьи Дица ‹*Churasanische Baudenkmäler*, S. 43 sq.› и ван Бершема ‹*Die Inschriften der Grabtürme*, S. 107 sq.›. Там же ‹Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 39› отмечена ошибка В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 167), смешавшего хорасанский Радкан с другим Радканом, на юго-запад от Астрабада, где находится надгробная башня несколько иного вида (цилиндрическая, с пехлевийскими и куфическими надписями XI в.). Это здание также описано ‹Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 36 sq.; van Berchem, *Die Inschriften der Grabtürme*, S. 87 sq.› и изображено в «Churasanische Baudenkmäler», где указана и литература. Надписи были разобраны Дорном (*Caspia*, S. 266 sq.) ‹О башне Кабуса см. также специальную статью: Godard, *Gunbad-i-Qābūs*.›

[29] ‹В настоящем издании, как не оригинальные, не воспроизводятся.›

САМОВОЛЬНЫЕ РАСКОПКИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Вместе с падением прежнего государственного строя России автоматически перестал действовать закон, которым на всем пространстве России устанавливался один и тот же порядок выдачи разрешений на право производства раскопок, по крайней мере на казенных землях. После революции в ученых кругах было распространено ожидание, что будет объявлена национализация недр земли; вместо этого декрета было узаконено свободное производство изысканий в земельных недрах вместо требовавшейся прежде заявки. Это относится, конечно, к добыванию минеральных богатств, но может отразиться и на археологическом кладоискательстве [1].

И прежде закон, по которому все дело производства раскопок в России было в ведении находившейся в Петербурге Императорской Археологической комиссии, далеко не всегда соблюдался. Было почти невозможно, особенно в местностях с редким и полукультурным населением, своевременно предупредить производство самовольных раскопок; известия о таковых обыкновенно доходили до Комиссии тогда, когда науке был причинен труднопоправимый вред. По отношению к азиатским владениям России наиболее известный пример — производившиеся в 1883 г. по распоряжению туркестанского генерал-губернатора Черняева раскопки писателя Крестовского на месте городища Афрасиаб, к северу от Самарканда. Это городище соответствует Самарканду домусульманского периода и первых веков ислама, когда этот город был главным культурным центром всей Средней Азии; по научному значению с Афрасиабом, таким образом, не может сравниться ни одно из других городищ в пределах Туркестана. Раскопки, начатые по распоряжению властей, но без участия представителей науки, могли причинить городищу, конечно, еще больше вреда, чем производившиеся прежде и после самовольные поиски частных лиц. По настоянию Археологической комиссии раскопки были скоро приостановлены, однако уже в несколько дней было найдено «много орнаментов, бронзовых, стеклянных и глиняных вещей, мозаик, монет»; вещи были размещены в одной из комнат местного музея, причем уже в 1884 г. точно не знали, какие предметы происходят из раскопок Крестовского и какие присланы из других мест. Для систематических раскопок, произведенных

[1] ‹В данном случае В. В. Бартольд неправильно освещает положение вещей. Еще в 1918 г. за подписью Ленина был принят декрет, объявлявший все археологические памятники собственностью государства.›

в 1885 г. по поручению Комиссии проф. Веселовским, почва уже была несколько испорчена [2].

Много вреда было причинено в 1884 г. самовольными раскопками в Фергане на месте города Ахсикета, когда-то главного города Ферганской области, окончательно прекратившего свое существование не раньше XVII в. И здесь систематические раскопки были впервые произведены в 1885 г. проф. Веселовским, по словам которого эти развалины не обращали на себя внимания до 1884 г., когда случайно был открыт клад золотых вещей; после этого «народ повалил в Ахсы искать клады, приходили из мест, расположенных оттуда верст за 100, и прежде, чем русское начальство успело принять меры к охранению развалин, хищники изрыли всю местность и снова заровняли ее, чтобы скрыть свои поиски». Таким образом, заранее была изрыта площадь, где потом производились изыскания Веселовского, что не могло не отразиться на результатах этих изысканий.

К самовольным раскопкам до некоторой степени могут быть приравнены случайные находки, если место, где они сделаны, не оставляется нетронутым до прихода компетентных исследователей и если найденные вещи не извлекаются из земли с должной осторожностью. Один из самых характерных примеров — утрата для науки единственной в своем роде находки: буддийской фрески, найденной на Афрасиабе в 1913 г. и рассыпавшейся почти тотчас же после ее извлечения из земли.

К числу археологических особенностей Туркестана принадлежат так называемые оссуарии — глиняные погребальные урны, украшенные орнаментами и рельефами, небольшие по размерам, с костями, отделенными от мяса. Уже было несколько случаев находки таких оссуариев, иногда в большом количестве, но всегда ко времени прихода исследователей урны и находившиеся в них кости уже были потревожены, вследствие чего обряд погребения и способ хранения урн остаются невыясненными [3].

Каким опасностям подвергаются и теперь памятники прошлого, даже если они связаны с великими именами, показывает невероятный случай, имевший место в июле 1923 г. в Азербайджанской республике, в городе Гяндже (Елисаветполе). Несколько местных интеллигентов, «не войдя в сношения с Комиссией по охране памятников старины в Баку», раскопали могилу великого персидского поэта Низами(XIII в.), находящуюся верстах в пяти от Гянджи, где нашли останки мужчины (по их мнению, Низами) и женщины (по преданию, поэтессы, современницы Низами); в могиле Низами, кроме того, были «остатки сильно истлевшего деревянного гроба и шелковой материи», после раскопки кости были «небрежно сложены и даже перепутаны». По распоряжению Азербайджанского археологического комитета кости были вновь зарыты в прежнем месте; но ясно, что восстановить все так, как оно было до раскопки, было невозможно.

[2] ‹О раскопках Крестовского на Афрасиабе см. Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда*, стр. 287—289.›

[3] ‹См. Бартольд, *К вопросу об оссуариях*, — выше, стр. 154 и сл.›

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В САМАРКАНДЕ ЛЕТОМ 1924 г.

Летом 1924 г. для изучения памятников древности в Туркестане был приглашен германский ученый, специалист по истории стилей Эрнст Кон-Винер. Приглашение состоялось без ведома научных учреждений, как центральных, так и местных, путем сношений между заместителем начальника валютного управления в Москве М. А. Лазерсоном и уполномоченным народного комиссара финансов Туркестанской Республики тов. Гольдбергом. По инициативе последнего согласие на приглашение Кон-Винера было дано Совнаркомом Туркестанской Республики. Уже после этого местным научным учреждением, Туркомстарисом [1], был заключен с Кон-Винером договор, после приезда Кон-Винера и представления им слишком обширной, явно невыполнимой программы работ измененный в том смысле, что эти работы были ограничены одним Самаркандом. Кон-Винером были представлены в Туркомстарис на немецком языке несколько отчетов. Туркомстарисом эти отчеты были препровождены в Ленинград, в Академию. В июне была совершена поездка в Анау и Мерв для осмотра местных развалин, о которой также был представлен отчет, причем эта поездка рассматривалась только как «важное дополнение» (wichtige Ergänzung) к самаркандским работам. Самаркандские работы, в соответствии со специальностью Кон-Винера, касались исключительно стилистических особенностей как построек, так и других остатков прежних культур, в особенности керамических.

Таким образом, в 1924 г. вновь была предметом археологических изысканий, хотя и без раскопок, историческая столица мусульманской Средней Азии, центр местной культурной жизни как в домусульманский период, так и при исламе, почти до новейшего времени. Самый факт возобновления этих изысканий, с попыткой новой постановки вопросов, имеет несомненное научное значение, хотя бы непосредственные результаты работ были не таковы, какими они могли бы быть при более рациональной постановке и при участии специалистов по местной истории, культурной и политической. В этом отношении Кон-Винер, как показывают его отчеты, совершенно незнаком ни с первоисточниками, ни с литературой предмета. Его попытки разобраться в истории памятников и определить археологические

[1] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, стр. 22; <см. выше, стр. 261>.

находки лишний раз показывают, что без привлечения письменных источников, на основании только внешних признаков самих предметов, такие вопросы решаться не могут.

В моем распоряжении находятся отчеты Кон-Винера от 8, 20 и 31 мая и от 22 июня. Первый отчет заключает в себе только постановку вопросов и потому не может считаться отчетом о произведенных работах; так на него смотрел и автор, называющий свой отчет от 31 мая вторым, а не третьим, отчет от 22 июня — третьим, а не четвертым. Но самая постановка вопроса имеет, конечно, большое значение и представляет удобную схему для рассмотрения дальнейших выводов исследователя. Вопросов всего шесть, и они распределяются по эпохам: 1) домусульманский период: вопрос о месте Самарканда и вообще Средней Азии в истории влияния эллинизма на восточное искусство; 2) раннемусульманский период: вопрос об отношении Туркестана к Месопотамии и Сирии; 3) время непосредственно до Тимура: вопрос о стиле XIII—XIV вв.; 4) постройки Тимура: можно ли говорить о стиле тимуровской эпохи или только об отдельных произведениях уведенных Тимуром из различных стран мастеров; 5) постройки Улугбека, их отношение к тимуровским; 6) постройки XVII в.: вопрос о влиянии на них образовавшегося в то время в Персии нового стиля.

По первому вопросу исследователь приходит к выводу, что Самарканд до ислама находился вдали от главных культурных центров и потому мог создать только смешанное искусство, изучение которого представляет некоторый интерес, но о существовании в Самарканде значительной греческой культуры (griechische Kultur von Rang) найденные в Самарканде терракотовые статуэтки не свидетельствуют, и потому должны быть признаны невероятными все «гипотезы», «die gerade Gräko-Baktrien als den Vermittler griechischer Elemente nach China und vielleicht als die Wurzel der griechischen Kultur in Indien, einer Kultur von eminenter Höhe, angesehen haben». Между тем уже по географическим причинам другого источника влияния греческого искусства на Индию и Китай, кроме греко-бактрийского государства, не могло быть. Дошедшие до нас памятники греческого искусства в Средней Азии относятся к эпохе новых завоевателей, так называемых индо-скифов, уничтоживших греко-бактрийское государство; но едва ли это искусство можно понять иначе, чем как наследие искусства греко-бактрийцев. При греках, как и в эпоху Ахеменидов, центром политической и культурной жизни была местность не к северу, а к югу от Аму-Дарьи. Кроме того, как по письменным известиям, греческим и китайским, так и по археологическим данным можно установить, что в долине Зеравшана жизнь сосредоточивалась не на месте разрушенных Александром Македонским Мараканд, а ниже по течению реки, в пределах нынешнего Катта-Курганского уезда [2]. Город Самарканд

[2] Ср. мой труд *Орошение*, стр. 117; ‹наст. изд., т. III, стр. 198›.

после Александра не упоминается до V в.[3]. Вполне естественно, что в Катта-Курганском уезде были найдены лучшие в художественном отношении из так называемых оссуариев [4] — наиболее интересного и своеобразного памятника художественной промышленности Средней Азии [5], о котором Кон-Винер совершенно не упоминает.

Значительно больше интереса представляют суждения исследователя о культуре первых веков ислама. В этом отношении немецкий ученый находится в более благоприятных условиях, чем ученые других стран: благодаря немецким археологическим работам в Месопотамии и Персии в музеях Германии собран большой материал, еще далеко не полностью обнародованный. Для изучения мусульманской архитектуры, в особенности внутреннего устройства зданий, особенное значение имеют, как известно, развалины Самарры; с другой стороны, развалины главного города северной Персии, Рея, не сохранили ни одного здания домонгольского периода, но зато дали обильный материал для изучения мусульманской керамики и внешней, преимущественно изразцовой, декоровки зданий. Вполне естественно, что Кон-Винером изучение самаркандской культуры производилось путем сравнения самаркандских находок с находками в Самарре и в Рее.

Из самаркандских находок особенное значение придается упомянутой уже в отчете о моей командировке 1920 г.[6] гипсовой панели из здания, открытого в 1912 г. В. Л. Вяткиным на Афрасиабе; с 1919 г. панель находится в Самаркандском музее. В том же здании в 1913 г. была найдена буддийская фреска. Последнее обстоятельство осталось Кон-Винеру неизвестным; следовало бы, конечно, принять его в расчет, хотя, разумеется, им еще не опровергаются соображения Кон-Винера о месте самаркандской панели среди памятников мусульманской культуры; вполне возможно, что одно и то же здание существовало и в домусульманский период и в первые века ислама. По замечанию исследователя, такие же «Stuckfriesen», каким является самаркандская панель, встречаются в Самарре во всех комнатах, но в Самарре мы в таких фризах видим несколько различных стилей, еще не слившихся в одно целое, тогда как в Самарканде эти стили уже «zu einer Einheit verschmolzen, die man als «islamisch» im eigensten Sinne bezeichnen muß, und es finden sich in ihm (dem Stil) schon fast alle Formelemente der reifen islamischen Kunst mehr oder weniger vorgebildet». Таким образом, самаркандская находка представляет шаг вперед по сравнению с отделкой комнат в Самарре.

---

[3] ‹Новые археологические материалы как будто этой точки зрения В. В. Бартольда не подтверждают. См. выше, стр. 257, прим. 23.›

[4] Кастальский, *Бия-Найманские оссуарии*, особенно стр. 27: «. . . способ выделки описываемых оссуариев значительно совершеннее самаркандских».

[5] Ср. мою статью *К вопросу об оссуариях*, стр. 47—69; ‹см. выше, стр. 154—171›.

[6] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, стр. 11; ‹см. выше, стр. 251›.

С находками в Самарре сравниваются также предметы самой ранней, по мнению исследователя, мусульманской керамики в Самарканде; таковыми признаются «die schönen Platten mit Ritzzeichnungen (Sgrafitto) und grünen, gelben und schwärzlichen geflossenen Glasuren». Этот стиль был до сих пор известен по немногим образцам в Египте и очень многим в Самарре; существование такой же техники в Самарканде свидетельствует о ее общемусульманском характере, причем источник ее скорее всего следует искать в культуре сасанидской эпохи. Такая же керамика встречается в Китае, и до сих пор ей были склонны приписывать китайское происхождение, считая мусульманские произведения подражанием; в действительности китайская керамическая культура значительно моложе, чем переднеазиатская и среднеазиатская, так что необходимо предполагать перенесение этого стиля с запада на восток. Лучшие образцы китайской керамики находятся, по замечанию Кон-Винера, в японской императорской сокровищнице (Сёсойн) в городе Наре; по-видимому, на этих же предметах было основано мнение о первенстве китайской керамики, хотя «gerade in dieser Zeit und besonders in Shosoin in Nara sich eine Unzahl Objekte befinden, deren Formstammbaum auf West- und Mittelasien hinweist». Это замечание едва ли ново; влияние сасанидской художественной промышленности на китайскую, на основании предметов японской сокровищницы, отмечается уже в книге, вышедшей в 1912 г. [7].

В следующие века Самарканд обнаруживает, по мнению исследователя, большую художественную самостоятельность. Самаркандская керамика этого периода почти неизвестна вне пределов России и в то же время представляет большой интерес; ее украшения состоят почти исключительно «in Schriftfriesen, die mit wundervoller violettbrauner bis tiefschwarzer Schmelzglasur aufgetragen sind». В мусульманском мире эта керамика стоит совершенно одиноко; характерная черта персидской керамики, известной нам по рейским находкам, — «miniaturenhafte Figurenmalerei». Возможна связь самаркандской керамики с китайской керамикой эпохи династии Сун; характерная черта этой последней — «einfarbige, sehr zarte Glasuren fast ohne figürlichen Dekor». Насколько это сближение основательно с точки зрения историка искусства, об этом я не могу судить; исторически оно правдоподобно, так как именно в эпоху династии Сун Самарканд был завоеван турецкой династией, раньше подвергавшейся влиянию Китая; в XI в. самаркандские ханы называли себя «царями Китая». Общий вывод, к которому приходит исследователь: что, в противоположность домусульманскому периоду, в первые века ислама в Туркестане была культура, «die Samarkand neben die islamischen Zentren in Syrien und Mesopotamien als absolut gleichbedeutend stellt». В такой категорической форме это мнение едва ли может быть принято; не подлежит сомнению, что Багдад и Самарра еще долго после распадения

[7] Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, особенно Bd II, S. 383.

халифата были образцом для всего мусульманского мира от Кордовы до Бухары и Самарканда. Но, по-видимому, и в области истории искусств подтверждается вывод, к которому я пришел в своих исторических исследованиях: что первые века ислама были для Туркестана временем быстрого прогресса, в зависимости от быстрого развития городской жизни.

Как уже было замечено при рассмотрении отчета в Туркомстарисе, исследователь почти совсем не касается архитектурных памятников дотимуровского периода. Самарканд в этом отношении, действительно, почти ничего не дает: необходимо было бы обратиться к постройкам XII в., сохранившимся в Мерве, Бухаре и Узгенде. В Узгенде Кон-Винер не был, в Мерве пробыл 5 дней, в Бухаре всего 2 дня, причем этот город «nur zum Vergleich herangezogen werden sollte». Поэтому главный метод, которого он придерживается в своем исследовании, — при рассмотрении памятников более поздней эпохи выделять элементы, которым можно приписывать более древнее происхождение. Для правильного применения этого метода одно из главных условий — возможно точное установление хронологии памятников, что невозможно без некоторых познаний в области истории. К сожалению, в отчетах Кон-Винера мы несколько раз встречаем ошибочные хронологические определения, что не могло не отразиться на достоверности его выводов.

При рассмотрении построек Тимура прежде всего ставится и решается в отрицательном смысле вопрос о возможности китайского влияния. В Китае при воцарившейся во второй половине XIV в. династии Мин появился в керамике новый стиль, для которого характерна «figürliche Porzellanmalerei», тогда как в керамике Сунского периода почти не было фигурных изображений. Но между китайским и мусульманским фигурным стилем нет ничего общего, они «bis zum Gegensatz verschieden»; что касается окраски, то китайский термин «мусульманская синяя краска» (Muhammedanerblau) указывает на влияние мусульманского мира на Китай, а не наоборот. Вообще расцвет китайской керамики начинается не раньше XVI в.

Признаки влияния дальневосточного искусства до сих пор видели в некоторых изразцах на мавзолеях Шах-и зинде с изображением птиц [8]. Кон-Винер из отдельных зданий Самарканда останавливается подробно только на Биби-ханым и посвящает Шах-и зинде только небольшой «экскурс», но все-таки упоминает о нескольких типах изразцов на мавзолеях, в том числе об изразцах рейского типа; упоминается и «Blaumalerei unter der Glasur in derselben Technik wie die blaue chinesische Mingware, die aber später ist». Только по поводу мавзолея султана Санджара в Мерве

[8] Покойным художником Н. Н. Щербина-Крамаренко даже было высказано мнение (конечно, ошибочное), что изображения птиц «могут быть отнесены только к искусству японскому» и что ко двору Тимура «стекались для украшения его столицы, Самарканда, мастера из отдаленнейших стран, даже из Японии» (Щербина-Крамаренко, *О результатах работ*, стр. 3).

Кон-Винер замечает, что ту же самую декоровку стен (Mauerdekoration) мы встречаем «in dem „chinesierenden" Mausoleum von Shah Sindah». Только в этих словах содержится намек на наличность китайского влияния в постройках Шах-и зинде.

Вопрос о китайском влиянии возбуждается и по поводу Биби-ханым, именно по поводу геометрического орнамента из букв, походящего на стилизованный китайский иероглиф. По мнению Кон-Винера, этот орнамент не возник при Тимуре, но встречается уже в XII в.; как пример приводится гробница шейха Сафи в Ардебиле. Это один из примеров тех хронологических недоразумений, в которые впадает исследователь; известно, что шейх Сафи умер в 1334 г.[9], а здание над его могилой построено значительно позже. Указывая на употребление того же орнамента в Конии и на отсутствие примеров его употребления до XII в., Кон-Винер высказывает мнение, «daß es sich um ein Element handelt, das mit der ersten großen Mongolenbewegung, der sog. seldschukischen, aus Innerasien vorgedrungen ist». Характеристика сельджукского завоевания как «Mongolenbewegung» была бы совершенно непонятна, если бы не было теории И. Маркварта [10], сблизившего название туркменского рода Кайи, из которого происходили османцы, с названием упоминаемого у Бируни и у Ауфи народа кай, в котором Маркварт видит монголов, вследствие чего он приписывает монгольское происхождение и османцам. В действительности, как мы знаем теперь из сочинения Махмуда Кашгарского, древняя форма названия *кайи — кайиг*; сближать это название с названием народа кай, также упоминаемого у Махмуда Кашгарского, нет никакого основания. Мнение Маркварта о монгольском происхождении османцев, по-видимому, столь же неосновательно, как мнение того же ученого, что чаган в названии области Чаганиан есть «das erste mit S i c h e r h e i t belegte m o n g o l i s c h e (разрядка автора) Wort im Westen».

Не видя примеров влияния китайского искусства на мусульманское в эпоху Тимура, исследователь отмечает такой пример в эпоху Тимуридов. По его словам, стиль драконов на мечети в Анау «ist ausgesprochen von bizarren chinesischen Vorbildern abgeleitet, was gegenüber der Timuridentradition das Eindringen eines neuen Elementes bedeutet, das im späteren islamischen Stil große Bedeutung bekam». На мечети в Анау в первый раз промежутки над стрельчатой аркой заполнены фигурными изображениями, чему потом подражали строители медресе Ширдар в Самарканде.

Подобно всем своим предшественникам, автор отводит главное место в постройках Тимура персидскому влиянию. В то же время им ставится вопрос, мог ли Тимур примкнуть к какой-нибудь местной традиции. На этот вопрос можно, по его словам, если не с полной достоверностью,

---

[9] Horn, *Geschichte Irans*, S. 587.

[10] Ср. его труд *Komanen* и мою рецензию в РИЖ, 1921 ‹*Новый труд о половцах*›.

то «ziemlich sicher» дать положительный ответ, на что указывают относящиеся к эпохе непосредственно до Тимура мавзолеи Ходжа-Ахмед и Эмир-Хусейн.

В действительности, эмир Хусейн, как видно из надписи на его мавзолее, умер в месяце зу-л-ка'да 777 г. х., т. е. в марте или апреле 1376 г.; следовательно, его мавзолей не может быть отнесен к эпохе до Тимура. Мавзолей ходжи Ахмеда не имеет даты, и о самом святом, кроме его имени, ничего не известно; судя по архитектурным особенностям этой постройки, возможно, что она относится к более раннему времени. Рядом с ней, о чем Кон-Винер не упоминает, находится безымянный мавзолей 762 г. х., т. е. 1360-61 г., следовательно, относящийся ко времени молодости Тимура. Слова туземного автора XIX в.[11], что здесь похоронена жена Тимура Кутлуг-ага, возбуждают сомнение; в истории Тимура о жене с таким именем ничего не говорится.

Подробно останавливаясь на здании Биби-ханым, исследователь с письменными известиями об этом здании, очевидно, незнаком; этим объясняется его мнение, что эта постройка «als Grundriβbildung den Typus der Medresse zuerst formiert hat». В свое время подобное мнение было высказано В. В. Радловым[12], которому казалось несомненным, что «Medresse-i-Chanym» было образцом для трех медресе Ригистана. Но с тех пор давно доказано[13], что Тимур строил соборную мечеть, а не медресе; медресе было раньше построено его женой, имя которой было потом перенесено на соборную мечеть, и от этой постройки ничего, кроме гробницы строительницы, не осталось.

По мнению исследователя, постройки Тимура, в особенности Биби-ханым, своими художественными достоинствами превосходят другие мусульманские постройки того времени, хотя для сравнения приводятся только постройки египетские и испанские, с их «Überschwang des islamischen Ornaments», тогда как в Биби-ханым, посредством «Unterordnung des Ornaments unter die Funktion der Bauform», достигается «несравненная гармония». Дальше еще раз говорится о «zügellose Ornamentfülle» испанских построек, тогда как в Биби-ханым мудрое распределение орнамента только «unterstützt die bauliche Gliederung». В противоположность этому сопоставлению, в очерке И. А. Орбели «Мусульманские изразцы», составленном по случаю выставки изразцов в Государственном Эрмитаже, Средняя Азия вместе с Персией причисляется к тем странам, где «изразцовой декоровке принадлежит первое место», тогда как более ограниченное применение изразцов отмечается «в мусульманском искус-

[11] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 24; пер. Вяткина, 177. Абу Тахир ошибочно отнес дату к мавзолею жены Тимура — Туман-ага, умершей в XV в., вследствие чего переводчик заменил дату 762 датой 862.

[12] *Aus Sibirien*, Bd II, S. 440.

[13] Рассказ о постройке из *Зафар-наме* приведен, между прочим, Вяткиным: Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 231 и сл.

стве, развивавшемся на территории Армении, в сельджукском искусстве, в памятниках восточной части Малой Азии», так как там к услугам строителя имелся «благодарный строительный материал, способный по иным своим высоким качествам соперничать с достоинствами изразца» [14]. В Биби-ханым, как отмечает и Кон-Винер, в противоположность другим самаркандским постройкам, широкое применение получил камень; об этом, как и о крытой колоннаде вокруг двора, подробно говорится в рассказе первоисточника о постройке [15], так что Кон-Винеру не было надобности ограничиться в этом случае предположением (es scheint).

В керамической декоровке Биби-ханым отмечаются четыре элемента: 1) простой глазурованный кирпич; 2) многоцветная изразцовая выкладка (Fayencefliesen in mehreren Farben); 3) изразцовая мозаика (Fayence-Mosaik); 4) вдавленные формованные плитки (gepreβte Formziegel), обыкновенно соединяющиеся в звездный орнамент. По поводу второго элемента отмечаются главные виды изразцовой техники (Fliesentechniken) в постройках Тимура: 1) персидские изразцы рейского стиля; 2) синяя окраска под глазурью (Blaumalerei unter der Glasur); 3) эмалевая окраска (Schmelzmalerei). В последнем случае отмечаются различные типы орнаментов, в том числе «stark naturalistische tulpenartige Blumen in allen Farben, sogar rot und gelb». Этот тип признается предшественником османского стиля, но происхождение его остается загадочным; считается возможным происхождение из Средней Азии, ввиду аналогичных явлений на фресках и рукописях, открытых Ольденбургом, Грюнведелем и Ле Коком, но ввиду отсутствия промежуточных звеньев вопрос остается крайне неясным. Изразцовая мозаика (Fayence-Mosaik), по мнению Кон-Винера, явно персидского происхождения; ту же технику, хотя только в начальной стадии, мы встречаем на гробнице Худабенде в Султании; в эпоху Улугбека она получила полное господство. Это едва ли не единственное место в отчетах, где постройки Улугбека сопоставляются с тимуровскими; вообще из поставленных исследователем вопросов два последних, об отношении построек Улугбека к тимуровским и построек XVII в. к современным им персидским, остаются пока без ответа [16].

В том же очерке Орбели отмечаются два главных приема декоровки здания: 1) составление больших орнаментальных полей из крупных отрезков и целых архитектурных деталей; 2) выкладка обширных площадей из мелких частей, отдельных кирпичей и небольших плиток. Первый прием, по мнению Орбели, возник в армяно-персидской среде, второй — в собственно Персии; одновременное существование обоих приемов в Самарканде есть «лишний пример скрещенности и смешанности культурной среды, из которой происходили украсившие великолепными

[14] Орбели, *Мусульманские изразцы*, стр. 5.

[15] См. выше, стр. 275, прим. 13.

[16] Эти вопросы затронуты в последнем отчете исследователя, представленном только летом 1925 г.

памятниками столицу Тимура искусные мастера»[17]. Кон-Винер также находит, что постройками эпохи Тимура подтверждается свидетельство источников о «Zusammenwirken von Künstlern verschiedener Länder»; но доказательств этого мы, в сущности, в его отчетах не находим.

Кроме Биби-ханым исследователь подробно останавливается только на постройке, известной под названием Ишрат-хана 'Дом увеселения'. Под влиянием этого названия Кон-Винер уже в первом своем отчете говорит об этой постройке как о «Schloßruine» и при таком мнении он остался и после подробного изучения Ишрат-хана. Среди тимуровских построек он придает этой «Schloßanlage vor der Stadt» особенное значение как единственному сохранившемуся до наших времен «Palastbau» из цветущего периода восточномусульманской культуры. В его глазах Ишрат-хана по своему историко-художественному значению не уступает Альгамбре, в эстетическом отношении даже превосходит ее «durch seine Klarheit». О том, что в Шахрисябзе сохранились остатки уже, несомненно, построенного при Тимуре дворца Ак-сарай, не упоминается.

Совершенно противоположное отношение проявила к Ишрат-хана в 1905 г. Археологическая комиссия, когда местной властью был поднят вопрос об использовании кирпича почти совершенно разрушенного здания для новых построек[18]. Комиссия нашла, что в том виде, в каком теперь находится Ишрат-хана, охранять его не имело бы смысла, и дала свое согласие на использование кирпича[19]. Несомненно, что это была ошибка, и нужно радоваться, что она фактически не привела к уничтожению развалин, представляющих интерес и теперь, хотя отнюдь не имеющих того значения, которое им приписывает Кон-Винер. Ученый туземец XIX в. называет Ишрат-хана мавзолеем одной царевны из династии Тимуридов[20], и его слова вполне подтверждаются вакуфным документом 1464 г.[21]. Мавзолей был построен близ мазара святого Абди-Даруна (существующего и теперь), в западном углу сада, известного под названием Баг-и Фируза. Сад, по-видимому, получил свое название от восточных «бирюзовых» ворот Самарканда; несомненно, что вблизи тех же ворот был один из загородных дворцов Тимура, Баг-и болды, но, судя по вакуфным документам, он находился несколько дальше к востоку[22]. Строить дворец близ могилы святого, вокруг которой, как всегда, находилось кладбище, было бы совершенно необычно. К тому же архитектурные подробности отнюдь не указывают на дворцовый характер здания. Централь-

[17] Орбели, *Мусульманские изразцы*, стр. 8 и сл.

[18] Отношение Туркестанского генерал-губернатора в Археологическую комиссию [от] 25 августа 1905 г., № 8346 (ДАК, 69, 1905, ч. II).

[19] Ответное отношение Археологической комиссии [от] 24 ноября 1905 г., № 1552 (там же).

[20] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 50; пер. Вяткина, 204.

[21] Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, стр. 257. ‹В настоящее время этот документ полностью опубликован; см. Вяткин, *Вакуфный документ Ишратханы.*›

[22] Вяткин, *Материалы*, стр. 32.

ное помещение, принимаемое Кон-Винером за тронный зал (по его мнению, этот зал походит на сасанидский, но «ausgesprochen ins Elegante gewandelt»), по размерам не превосходит обычной внутренности мавзолеев; над ним был сохранившийся на фотографиях купол на высоком барабане; так строились мавзолеи, и едва ли так строились дворцы. Боковые комнаты, по местным источникам, были назначены для чтецов Корана, хотя Кон-Винер нашел в них «Reste von sehr eleganter Dekoration» [23].

Из других построек Тимура только мимоходом упоминается Гур-эмир в связи с мавзолеем Санджара в Мерве; высказывается предположение, что при этом последнем мавзолее были минареты «wie bei dem gleichzeitigen Grabmal des Chodabende Chan in Sultanieh oder dem späteren Gur i Mir». Известно, что, вопреки этим словам, гробница Худабенде в Султании отделена от гробницы султана Санджара в Мерве с лишком в 1½ раза большим промежутком времени, чем от Гур-эмира. Таким же образом, мимоходом, упоминаются бухарские здания — мавзолей Исма'ила, соборная мечеть и минарет Арслан-хана, причем в последнем случае обращается внимание на орнаментировку этой постройки. Типу мавзолея приписывается не персидское, а переднеазиатское происхождение. Мавзолей Санджара причисляется к тем немногим постройкам, которые сами являются источником новых стилистических форм, подобно самаркандским постройкам. Орнаментировка мавзолея Санджара представляет значительный шаг вперед по сравнению с орнаментировкой построек в Самарре. В Самарре отдельные части орнаментировки ставятся рядом, не сливаясь в одно целое; в мавзолее Санджара «ist an die Stelle der Reihung bereits die Verflechtung getreten».

Отчеты Кон-Винера почти всецело посвящены отдельным зданиям; о городищах, за исключением керамики, высказываются только отдельные замечания. По мнению Кон-Винера, раскопки на Афрасиабе должны прежде всего преследовать цель добыть материал для изучения керамики последних веков домонгольского периода. В действительности задачи археологического исследования города, существовавшего по меньшей мере от V до XIII в., гораздо обширнее, и вообще производство раскопок с заранее поставленной целью найти предметы именно той или иной определенной категории нежелательно.

Несколько подробнее говорится о развалинах Анау и Мерва. Об Анау до сих пор в средневековых письменных источниках не найдено никаких известий; мы не знаем даже, как назывался город в XV в., когда он, по замечанию Кон-Винера, занимал огромное пространство и когда в нем была построена великолепная мечеть [24]. С другой стороны, историческая

[23] ‹Новые данные об Ишрат-хане см. в сб. *Мавзолей Ишратхана.*›

[24] Ср. теперь сообщение А. А. Семенова со слов туркменского книжника о названии Аб-и нау (Семенов, *Некоторые данные*, стр. 212). ‹Позднее было предложено отождествление городища Анау с Багабадом (Марущенко, *Существенные поправки*, стр. 14—15; Левина, *Позднее городище Анау*).›

топография Мерва выясняется по письменным истóчникам почти во всех своих подробностях. На замечаниях Кон-Винера почти совсем не отразились ни отсутствие исторических сведений в первом случае, ни обилие их во втором. В Ашхабадском музее он ознакомился с книгами Пампелли и находит, что керамика анауских курганов доказывает «die Ausbreitung der vorderasiatischen Stilformen des 2. Jahrh. v. Chr. („Jahrh", конечно, описка вместо Jahrtausend) bis weit nach Zentralasien». Не принимается в расчет существование мнения, по которому ануская культура древнее переднеазиатских [25]. О средневековом Анау только высказывается мнение, что здесь, как в исследованных американцами курганах, остатки одной культуры расположены над остатками другой, так что раскопки могли бы дать существенные результаты. Среди мервских городищ все еще упоминается, вопреки совершенно ясным доводам В. А. Жуковского [26], Искандер-кала, как особое городище и как «die vermutliche Stätte des hellenistishen Merw»; в Гяур-кале признается только «Мерв несториан и арабов», несмотря на найденные при раскопках 1904 г. монеты III в.[27]; в Султан-кале — только «Seldschuken-Hauptstadt». Эта столица, по словам Кон-Винера, захватила и часть Искандер-калы; там найдена керамика «derjenigen Gattungen, die man in Samarkand samanidisch nennt, die aber hier seldschukisch genannt werden müssen». В действительности центр жизни Мерва и при Саманидах был на месте Султан-калы, где находилась соборная мечеть еще со времени Абу Муслима [28]. По поводу керамики делается замечание, что «Merw und Samarkand trotz der verschiedenen Herrscherdynastien keine Stilunterschiede in der Keramik zeigen, also zu einem Kunstgebiet gehören». Известно, что при Саманидах Мерв и Самарканд находились под властью одной династии, столица которой была приблизительно посередине, в Бухаре, издавна тесно связанной с Мервом [29]; при Сельджукидах Самарканд находился под верховной властью Меликшаха и Санджара. Вполне естественно, что влияние сельджукидской государственности отразилось в Туркестане как на монетном деле, так и на строительном искусстве.

В заключение можно только пожелать, чтобы опыт 1924 г. не прошел бесследно и способствовал успеху дальнейших работ по археологическому изучению Туркестана, способствовал и тому, чтобы эти работы были организованы при деятельном участии русских научных сил, центральных и местных, и в тесной связи с результатами, уже достигнутыми русской наукой.

---

[25] Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, стр. 363; его же, *Научная поездка*, стр. 8.

[26] *Развалины Старого Мерва*, стр. 133.

[27] Pumpelly, *Explorations*, vol. I, p. 197. ‹В свете новых данных эта точка зрения должна считаться устаревшей. См. В. Массон, *Историческое место.*›

[28] Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 123 и сл.; ‹см. выше, стр. 180 и сл.›.

[29] Там же, стр. 128 (о замке бухар-худата в Мерве); ‹см. выше, стр. 185; теперь связи Мерва и Согда подтверждены обнаружением в Мерве согдийских надписей (см. Фрейман, *Согдийская надпись*)›.

БУХАРА. ЕЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ СУДЬБА

(От нашего корреспондента)

От других больших городов Средней Азии Бухара отличается тем, что она находится и теперь на том же месте, как и в эпоху вторжения мусульман. Цитадель была там, где и арк бухарских эмиров XIX и XX вв.: к западу от цитадели и тогда находилась площадь Ригистана; к востоку, на особом возвышении, — первоначальное городское поселение, шахристан. В первые века ислама в состав города вошли и другие кварталы, и уже в IX в. город, как теперь, был окружен стеной с 11 воротами.

В топографии города могли сохраняться и другие следы отдаленного прошлого, тем более что город за последние века не подвергался опустошительным погромам, избежал и военного занятия в эпоху русского завоевания и в первый раз был захвачен русскими войсками во время революции 1920 г.

Гробница одного из правителей X в., минарет, построенный одним из ханов XII в.,— вот все, что осталось от Бухары домонгольского периода [1]. Мы знаем из письменных источников, что в первое время монгольского владычества, в XIII в., Бухара была местом оживленной строительной деятельности; но все эти постройки исчезли бесследно. Немного сохранилось от построек XIV и XV вв.

Таким образом, почти все, что осталось в Бухаре теперь, относится ко времени узбекского владычества, утвердившегося в XVI в.[2], Как сравнительно цельный памятник этой эпохи, закончившейся русским завоеванием, не подвергавшийся в отличие, например, от Ташкента, Коканда и Самарканда никаким переделкам со стороны русской власти, Бухара представляла особый интерес для исследования прошлого Туркестана. Последними эмирами воздвигались для себя и для русских постройки европейского и полуевропейского типа, но преимущественно на окраине города (так называемый «посольский дом») или в его окрестностях.

---

[1] ‹Кроме того, к домонгольскому периоду относятся мечеть Магоки-Аттари и часть построек в загородной мечети Намазгах. См. Денике, *Архитектурный орнамент*, стр. 102—107.›

[2] ‹Новые исследования значительно расширили наши знания о Бухаре до XVI в. Ср.: Шишкин, *Архитектурные памятники*; Пугаченкова—Ремпель, *Бухара*›.

В настоящее время все это изменилось. При взятии города в 1920 г. больше всего пострадал центр исторической Бухары, где арк и Ригистан; в научных кругах признавалось необходимым не застраивать вновь этой площади, но после уборки развалин сохранить ее неприкосновенной для археологических исследований, как для таких же целей отведена определенная местность в Риме.

Жизнь опровергла эти предположения; в Бухару неудержимо вторгается новая жизнь и располагается в центре города, перед арком и на Ригистане, не останавливаясь перед порчей впечатления от памятников древности [3].

Старина не находила себе защиты там, откуда могла бы ее ожидать; приезжавший из Москвы представитель Научной ассоциации востоковедения, в свое время ратовавший за бережное отношение к восточным культурам и писавший об угрожающей Востоку «белой опасности», теперь пишет о необходимости уничтожить без остатка такие восточные города, как старый Ташкент и Бухара, и заменить их городами европейского типа.

Выполнение этой задачи, очевидно, представляется ему более простым, легким и, главное, быстрым, чем оно является на самом деле. Европеизация внешнего вида городов Туркестана потребует, конечно, очень продолжительного времени; при этом нет никакой надобности, чтобы на всем пространстве культурного мира установился один и тот же тип городских построек, без всякого внимания к климатическим и бытовым особенностям [4].

Русские завоеватели поступали весьма целесообразно, когда строили свои города рядом с туземными, причем выработали особый тип «города-сада», имеющий мало общего с городами Европейской России и даже Сибири.

И в настоящее время цели новой жизни были бы, может быть, вернее достигнуты, если бы, вместо уродливого смешения старого с новым, рядом со старыми городами или внутри их, на свободных площадях (обширные пустыри есть и в Бухаре, особенно в ее восточной части), строились показательные города нового типа. Вообще интересы новой жизни и интересы охраны памятников прошлого едва ли так непримиримы, как представляется поверхностному наблюдателю.

---

[3] ‹В действительности территория арка сохранена незастроенной до настоящего времени и принадлежит расположенному здесь музею.›

[4] ‹Именно исходя из этих особенностей ведется застройка городов Советской Средней Азии с широким использованием местных архитектурных традиций в создании социалистического города.›

ПО ПОВОДУ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ТУРКЕСТАНЕ В 1924 г.[1]

В т. IV «Известий ГАИМК» мною были рассмотрены письменные отчеты, представленные в Туркомстарис (ныне Средазкомстарис) д-ром Кон-Винером, работавшим в 1924 г. над изучением туркестанских, преимущественно самаркандских, памятников; в моей статье упоминаются и некоторые соображения, высказанные исследователем о развалинах Мерва, куда он ездил на короткое время для сопоставления мервских памятников с самаркандскими [2]. С тех пор Кон-Винер напечатал в специальном художественном журнале статью о мервских развалинах, преимущественно о городище Султан-кала, и о находящемся в середине этого городища мавзолее султана Санджара (XII в.) [3]. В своей статье автор обнаруживает несколько большее знакомство с литературой предмета, чем в своих письменных отчетах. Использована, хотя, как мы увидим, не всегда внимательно, известная книга покойного проф. В. А. Жуковского [4]; упоминается и о результатах раскопок, произведенных в 1904 г. американской экспедицией, хотя эти результаты передаются не вполне точно. Из первоисточников использован географический словарь Якута (XIII в.) по извлечениям, сделанным Барбье де-Менаром; по книге Жуковского приводится, хотя и в искаженном виде («der Ishtakri»), имя географа X в. Истахри, автора первого подробного описания Мерва и его окрестностей; есть ссылка, вероятно также по книге Жуковского [5], на путешествие Ибн Баттуты (XIV в.; автор, как было принято прежде, пишет «Ibn Batutah»).

Перечисление мервских городищ опять начинается с «Iskander Kala, mit seinem Namen die Erinnerung an Alexander den Großen festhaltend», хотя и признается, что пребывание Александра в Мерве «nicht so sicher verbürgt ist, wie in Samarkand». Жуковским, по-видимому основательно, отвергались не только известия о пребывании в Мерве Александ-

---

[1] См. Бартольд, *Археологические работы в Самарканде*, стр. 119 и сл.; ‹см. выше, стр. 269 и сл.›.

[2] Там же, стр. 124 и 131; ‹см. выше, стр. 273 и 279›.

[3] Cohn-Wiener, *Die Ruinen.*

[4] *Развалины Старого Мерва.*

[5] Там же, стр. 55.

ра [6], но и самое существование городища под названием Искандер-кала, которого он на месте ни от кого не слышал [7]. По книге Жуковского и по приложенной к книге карте так назывались обводы, примыкающие к городищу Султан-кала как с севера, так и с юга, окруженные особыми «стенами формы неправильных полукружий, из которых северное несколько более южного». Кон-Винер, как и писавший о Мерве в 1882 г. О'Донован, понимает под Искандер-калой только северный обвод [8]. На основании сообщений туркмен О'Донован считал древнейшим Мервом городище Гяур-кала; в Искандер-кале он видел не город, а только лагерь Александра. Вообще, по О'Доновану, было только три города, в разное время носивших название Мерв: Гяур-кала, Султан-Санджар (у Жуковского Султан-кала) и Байрам-Али [9]. Кон-Винер и теперь различает «fünf umwallte Stadtplätze, die sich nacheinander abgelöst haben», причем на первом месте ставится Искандер-кала, потом Гяур-кала и Султан-кала. Два других, очевидно,— городища послемонгольского периода, названные у Жуковского «Абдулла-ханы» и «Байрам-Али». В статье Кон-Винера об этих городищах ничего не говорится и названия их не приводятся.

Городище Гяур-кала помещается к юго-востоку от Искандер-калы; между ними будто бы сельджукские султаны построили свою столицу, которая еще теперь называется Султан-кала. Никаких доводов против мнения Жуковского, по которому никакого городища Искандер-кала до постройки Султан-калы не было, мы в статье Кон-Винера, однако, не находим, и это мнение остается неопровергнутым [10].

В Гяур-кале автор теперь уже не видит только «Мерв несториан и арабов»; ему известно, что «Pumpelly hat hier bei einer Versuchsgrabung die sassanidische Besiedelung festgestellt». Для большей точности следовало бы сказать, что при раскопках (произведенных участником экспедиции Пампелли, Губертом Шмидтом) были найдены преимущественно монеты первых Сасанидов (III в. н. э.) вместе с некоторыми более ранними парфянскими, вследствие чего исследователи признавали возможным установить terminus post quem для всех найденных на Гяур-кале остатков керамики — III в. н. э.[11].

---

[6] Там же, стр. 6. ‹Можно считать, что сообщение Квинта Курция (VII, 11, 15) о походе Александра в Маргиану отражает какие-то реальные события зимы 329 г. или весны 328 г. до н. э., хотя, быть может, поход был совершен не самим Александром, а кем-либо из его полководцев. См. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I, p. 76; vol II, pp. 234—235.›

[7] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 119, 133.

[8] Там же, стр. 106. O'Donovan, *The Merv Oasis*, vol. II, p. 250. О'Донован осматривал развалины Мерва в мае 1881 г. (ibid., pp. 220, 270).

[9] O'Donovan, *The Merv Oasis*, vol. II, p. 239 sq.

[10] ‹Новые данные подтверждают справедливость мнения Жуковского.›

[11] Pumpelly, *Explorations*, vol. I, p. 197. ‹Новыми исследованиями установлено, что городское поселение на территории Гяур-калы складывается еще в ахеменидский

Об исторической топографии того Мерва, остатком которого является Гяур-кала, говорится только, что «Ishtakri» дает подробное описание этого города и что на основании этого описания Жуковским был составлен схематический план. Автору осталось совершенно неизвестным описание Мерва в книге Ле Стрэнджа об областях восточного халифата [12], где известия Истахри толкуются иначе, чем в книге Жуковского, и относятся ко всему городу Мерву вместе с пригородами, а не только к внутреннему городу, шахристану, с которым Жуковский правильно отожествил городище Гяур-кала. Данные в пользу толкования Ле Стрэнджа были приведены мною в статье, напечатанной в 1909 г.[13] и остающейся до сих пор, к сожалению, последним словом по исторической топографии домонгольского Мерва. Эта статья также осталась неизвестной Кон-Винеру, вследствие чего он и теперь, как в своих отчетах 1924 г., видит в городище Султан-кала только город, построенный сельджукскими султанами. По-прежнему не принимается в расчет едва ли подлежащий сомнению факт, что посередине Султан-калы, рядом с гробницей султана Санджара, находилась соборная мечеть не только в XIII в., при сельджукских султанах, но уже в половине VIII в. Сельджукскими султанами не был построен новый город на новом месте, но только был закреплен, посредством постройки стен Султан-калы, начавшийся еще в первые века ислама переход жизни из старого «внутреннего города» в западное предместье.

Этот историко-топографический вопрос тесно связан с другим: где был канал Маджан, на котором была построена соборная мечеть при Абу Муслиме, т. е. около 750 г.? В своей статье я постарался доказать, что канал Маджан протекал через середину Султан-калы от южных ворот, или «ворот головы Маджана», до северных, или «ворот низовьев Маджана». Я основывался в этом случае исключительно на письменных известиях; впоследствии, в книге об орошении Туркестана, мною был поставлен вопрос, «подтверждается ли этот вывод каким-либо следом русла внутри городища» [14]. Теперь статья Кон-Винера дает на этот вопрос, по-видимому, утвердительный ответ. Кон-Винер подошел к городищу Султан-кала с юга и сначала описывает стену южного обвода; эта стена посередине прорезана дорогой; первоначальные ворота в виде арок (die ursprünglich gewölbten Durchlässe) находятся по сторонам этого отверстия в стене. Дальше дорога прорезывает, также посередине, южную стену собственно городища. Дорогами на площади старых городищ, по-видимому, чаще всего служат высохшие русла старых каналов; так, «бесхолменная полоса», образующая «как бы дорогу или большую улицу» на городище Гяур-

период (В. Массон, *Маргиана*, стр. 49—50, 155), а в парфянское время была обжита вся территория городища, являвшегося центральной частью Антиохии Маргианской (М. Массон, *Новые данные*).›

[12] Le Strange, *The Lands*, p. 398 sq.

[13] Бартольд, *К истории Мерва*; ‹см. выше, стр. 172—195›.

[14] Бартольд, *Орошение*, стр. 50; ‹наст. изд., т. III, стр. 139›.

кала [15], по-видимому, была дном канала Разик. Покойный инженер Н. П. Петровский, производивший по моей просьбе нивелировку Афрасиаба близ Самарканда [16], тогда же высказал мнение, что направление каналов на Афрасиабе (т. е. в самаркандском шахристане) определяется направлением нынешних дорог. На первой из фотографий, приложенных к статье Кон-Винера, изображен «вид через ворота внешней южной стены на внутреннюю»; изображенная на этой фотографии дорога, прорезывающая стену, вполне походит на дно высохшего канала [17].

Кон-Винер этого вывода не делает; вообще нельзя сказать, чтобы его соображения о сельджукском Мерве, особенно в тех случаях, когда они расходятся с мнениями Жуковского, были в достаточной степени подтверждены историческими известиями и внешним видом развалин. В противоположность Жуковскому, Кон-Винер причисляет внешнюю стену, т. е. стену южного обвода, к первоначальным стенам сельджукского Мерва; параллельная ей внутренняя стена могла быть построена, по его мнению, при восстановлении Мерва Шахрухом; в пользу этого будто бы говорит существование на пространстве между двумя стенами несомненно тимуридской постройки — гробницы так называемых «знаменосцев пророка». Дальше, однако, оказывается, что Кон-Винер нашел остатки тимуридской керамики и к северу от южного обвода, вплоть до мавзолея султана Санджара; только к северу от мавзолея их не было, из чего делается вывод, что эта часть города не была снова заселена при Шахрухе. Площадь городища Султан-кала, следовательно, не получила при Шахрухе прежнего значения; южная внутренняя стена не была ни южной, ни северной границей той части городища, которая вновь была заселена при Тимуридах; при таких условиях трудно было бы объяснить, с какой целью Шахрух мог бы ее построить. Ничего не говорится о приведенных в книге Жуковского [18] известиях авторов XII и XIII вв., Сам'ани и Якута, по которым могилы сподвижников пророка находились в квартале Джассин (у Якута приводится также чтение Джиссин), причем этот квартал пришел в упадок и превратился в кладбище, носившее также название *танургерон*, т. е. 'мастера печей'. Словом *танур* собственно обозначаются печи для печения хлеба, но возможно, что здесь имеются в виду печи для обжигания кирпичей, часто устраивавшиеся среди развалин старых городов; такие печи всегда находят при раскопках. Из этого видно, что южный обвод уже в то время не входил в состав населенного города, хотя, по-видимому, прежде составлял часть его. В таком случае

[15] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 113; Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 120; ‹см. выше, стр. 177›.

[16] Бартольд, *Поездка в Самарканд*, стр. XXXIV; ‹см. выше, стр. 139›; его же, *Орошение*, стр. 107; ‹наст. изд., т. III, стр. 189›.

[17] ‹Мнение Бартольда подтверждено новыми исследованиями. См. Пугаченкова, *Пути развития*, стр. 191, план Мерва XI—XII вв.›

[18] *Развалины Старого Мерва*, стр. 39.

Кон-Винер прав в том отношении, что внутренняя южная стена, вопреки Жуковскому, была построена позже внешней, т. е., вероятно, тогда, когда пришел в упадок и сделался (загородным) кладбищем квартал Джассин.

Кон-Винер ничего не говорит также о факте, выясненном в книге Жуковского [19], что восстановленный Шахрухом Мерв был не на месте Султан-калы, а несколько южнее, где теперь городище Абдулла-ханы. Современник Шахруха, Хафиз-и Абру, подробно описывает течение выведенного из Мерва канала, последний участок которого доходил до «ворот знаменосца», где уже были городские стены (*шехрбенд*) Мерва, т. е. до южной стены Султан-калы; дальше от города (*шехр*) до «местности, где река терялась в песках», некогда была культура, но при Хафиз-и Абру она еще не была восстановлена [20]. Из этих слов не вполне ясно, причисляет ли Хафиз-и Абру площадь городища Султан-кала к местности, где культура была восстановлена, или к находившейся дальше к северу пустынной местности; более вероятно второе, т. е. что крайним пределом восстановления орошения в то время были «ворота знаменосца». Так полагал и Жуковский [21]. Конечно, оросительные работы в Мерве и в его окрестностях продолжались и после Шахруха; особенные заслуги в этом деле приписывались другому Тимуриду, мирзе Санджару, владевшему Мервом только три года (1454—1457). В одном из стихотворений поэта того же XV в. Мир Али-Шира даже говорится, что «строитель старого Мерва — Санджар, и нового — также Санджар» [22].

В этом стихе, несомненно, преувеличиваются заслуги не только «нового», но и «старого» Санджара. Под впечатлением величественного мавзолея сельджукского султана предание иногда связывало исключительно с его именем если не возникновение, то процветание старого Мерва. Такими преданиями был введен в заблуждение и Кон-Винер, по словам которого Санджар «посредством новой плотины на Мургабе увеличил плодородие оазиса». Предание, приписывающее султану Санджару постройку плотины, теперь носящей название Султан-бенд [23], не находит себе никакого подтверждения ни в исторической, ни в географической литературе; описание Мерва в трудах арабских географов X в., особенно Истахри, ясно показывает, что уже тогда действовала та же оросительная система, как и впоследствии, т. е. что плотина Султан-бенд существовала.

---

[19] Там же, стр. 133.

[20] Ср. текст у Жуковского, там же, стр. 63 внизу.

[21] Там же, стр. 69.

[22] Там же, стр. 72. Постройки в Мерве были и во второй половине XV в. при Султан-Хусейне. Ср. рассказ автора XVIII в. (Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, стр. 928), где говорится о восстановлении при Султан-Хусейне постройки, находившейся в южной части Султан-калы (о ней еще: Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 137); ‹см. выше, стр. 194; теперь о тимуридском Мерве см. Обельченко, *Городища Старого Мерва*›.

[23] Однако автор XVIII в. называет ее плотиной султана Меликшаха.

Кон-Винер не упоминает и о том, что царствование Санджара не оставалось до конца временем благополучия ни для него самого, ни для его столицы; с процветанием Мерва при султане Санджаре для Кон-Винера тесно связывается то блестящее состояние, в котором нашел Мерв в XIII в. (1216—1219) Якут. Между тем Мерв в 1153 г., когда Санджар был разбит и потом взят в плен гузами (туркменами), дважды подвергался страшному разграблению, в первый раз в конце июля или в начале августа, во второй раз в первых числах октября [24]. Подробнее всего говорит об этом историк XIII в. Ибн ал-Асир [25] со слов какого-то хорасанца, по-видимому современника события. В первый раз гузы подошли к Мерву, в то время покинутому султаном и войском, разграбили город «самым постыдным и отвратительным образом», убили многих из жителей и вельмож, в том числе главного казия Хасана, сына Ибн Мухаммеда Арсабенди. Когда гузы пришли вторично, султан уже был у них в плену; жители оказали сопротивление, потом были вынуждены сдаться; гузы «разграбили город еще более постыдным образом, чем в первый раз, и не оставили в нем ничего». О первом разграблении другие источники, кроме Ибн ал-Асира, не упоминают; замечательно, что современник события, житель Мерва — Сам'ани, не упоминает и об убиении казия Хасана Арсабенди, хотя в его сочинении назван и прославляется казий Мухаммед ибн Хусейн Арсабенди, вероятно отец Хасана; Сам'ани помнил, что этот казий умер в дни его детства, в 1118 г.[26]. Зато о втором разграблении говорят в нескольких местах как Сам'ани и пишущий с его слов, но иногда дополняющий их Якут, так и другие источники. Сам'ани и Якут называют двух богословов и проповедников, убитых во время этого разграбления, Абу Бекра Андагани [27] и Абу Насра Харджирди [28]. Второго Сам'ани знал лично, познакомившись с ним в «медресе темимитов»; во время нашествия гузов он сгорел на минарете в нижней части Маджана, т. е. в северной части Султан-калы или еще ниже по течению канала. Якут прибавляет к этому, что Абу Наср поднялся на минарет вместе с толпой людей; гузы развели перед минаретом огонь, и Абу Наср сгорел вместе со своим сыном Абд ар-Раззаком; это произошло 12 раджаба/3 октября. По словам историка Равенди [29], писавшего в самом начале XIII в. (служившее ему источником *Сельджук-наме* Захир ад-дина Нишапури было написано еще в конце XII в.) [30], грабеж продолжался три дня: в первый день уносили вещи из золота, серебра и шелка, во второй — из бронзы и меди, в третий — из глины и дерева; жителей после грабежа подвергали пыткам, чтобы

[24] Бартольд, *Султан Синджар*, стр. 047; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 415›.

[25] Изд. Торнберга, XI, 117 и сл.

[26] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 25б и сл.; ср. Якут, *Му'джам*, I, 207.

[27] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 50б; Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 123; ‹см. выше, стр. 180›.

[28] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 193б; Якут, Му'*джам*, II, 421.

[29] Извлеч. в изд. Шефера, пер., 26; текст, 43; изд. Икбаля, 180.

[30] Равенди, изд. Икбаля, предисл., XXIX.

заставить их обнаружить спрятанное; грабители «не оставили ничего ни над землей, ни под землей».

Султан оставался в плену у гузов почти три года; весной 1156 г.[31] ему удалось на берегу Аму-Дарьи бежать в Термез и там укрепиться; с собранными в Термезе силами он осенью того же года вернулся в Мерв, где умер и был похоронен весной 1157 г. После его смерти Мерв снова перешел во власть гузов, не признававших ни одного претендента на наследие султана и не выставивших претендента из своей среды; по пятницам в мечетях произносилось, как имя государя, имя умершего Санджара. Около 1180 г. Мервом овладел Султан-шах, брат и соперник хорезмшаха Текеша; после его смерти (1193 г.) Мерв был присоединен к владениям хорезмшаха и в 1221 г. (не в 1219 г., как ошибочно сказано в книге Жуковского и в статье Кон-Винера) был взят и разорен монголами. Время господства гузов было для города временем дальнейшего упадка. Хафиз-и Абру рассказывает [32], что в 1163 г.[33] плотина Султанбенд была разрушена водой Мургаба; попытки восстановить ее не имели успеха; три года в Мерве воды не было совсем, и жители большею частью ушли из города; наконец плотина была восстановлена людьми, присланными хорезмшахом. Эти известия, может быть, преувеличены и, во всяком случае, не совсем точны, так как хорезмшах, правивший в 1160-х годах (Иль-Арслан, отец Текеша и Султан-шаха), Мервом не владел. Но, во всяком случае, промежуток времени (не трехлетний, а приблизительно тридцатилетний) между поражением Санджара (1153 г.) и установлением власти хорезмшахов был для Мерва временем тяжелых бедствий.

Несомненно, что в мусульманской исторической литературе найдутся еще известия, важные для установления исторической топографии Мерва и до сих пор не принятые во внимание [34]. Так, мною до сих пор не был отмечен факт, что уже в рассказе Табари о событии 140/757-58 г. упоминаются Кушмейхенские ворота [35]. До сих пор было установлено только, что так назывались северные ворота сельджукского Мерва (Султан-кала), через которые выходил из города канал Маджан (те же ворота назывались «воротами низовьев Маджана»). Северные ворота мервского шахристана (Гяур-кала), насколько было известно по описаниям географов, не носили такого названия, хотя дорога из Мерва через Амуль (впоследствии Чарджуй, ныне Ленинск [36]) в Бухару всегда вела через северные ворота и селение Кушмейхен (ныне Кишман). Из подробностей рас-

[31] Известия об этом и дальнейших событиях приведены (со ссылками на источники) в моей книге *Туркестан*, ч. II, стр. 353 и сл.; ‹наст. изд., т. I, стр. 393 и сл.›.

[32] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 64 (текст), 68 (перевод).

[33] По переводу Жуковского в 1162 г., но указанный у Хафиз-и Абру 558 г. х. начинался только 10 декабря 1162 г., и маловероятно, чтобы разлив произошел в декабре.

[34] ‹См. Булгаков, *Из арабских источников о Мерве*.›

[35] Табари, III, 128.

[36] ‹С 1940 г. — Чарджоу.›

сказа Табари не видно, имеются ли в виду ворота в шахристане или в стене, окружавшей когда-то город вместе с пригородами (Гилякин-Чильбурч).

При незнакомстве с письменными известиями выводы исследователя находятся в слишком большой зависимости от случайного факта — сохранения или исчезновения памятников. По мнению Кон-Винера, гробница Санджара представляет «классический тип монументального мавзолея», заимствованный из Передней Азии; «in Innerasien scheint er überhaupt nicht bekannt». Между тем из письменных известий [37] мы знаем, что в Кашгаре было здание 'каганов купол' (по-арабски *ал-джунбаза ал-хакānийа*), где был погребен один кашгарский хан в 1032 г., другой — в 1205 г., из чего можно заключить, что мавзолей служил местом погребения ханов в течение всего периода от XI до начала XIII в. Насколько мне известно, других примеров такого династического мавзолея в истории мусульманского мира в домонгольский период нет.

Самым ценным в статье Кон-Винера, как и в его отчетах 1924 г., по-видимому, должно быть признано подробное изучение орнамента среднеазиатских построек (в статье, кроме гробницы Санджара, рассматриваются некоторые другие хорасанские постройки того же периода, исследованные немецкими экспедициями последних десятилетий) и сопоставление его с результатами раскопок в Самарре. Как и прежде, автор старается доказать, что орнаментальный стиль хорасанских построек вообще и гробницы Санджара в особенности представляет дальнейшее развитие стиля, обнаруженного исследователями Самарры. При этом, конечно, лишний раз обнаруживается, как недостаточен материал, которым приходится довольствоваться исследователям. Постройки XII в. сравниваются с постройками Самарры (IX в.) потому, что эти последние представляют «der Zeit nach die nächst älteste Ornamentgruppe, zugleich die einzige, die über den entsprechenden Motivreichtum verfügt». При таких условиях, конечно, приходится признать вполне правильным замечание автора по поводу одной из самаркандских находок, что «keine Hypothese kann über die Tatsache hinweghelfen, daß wir außerhalb Samarras eben nur dieses eine Denkmal haben, sonst nichts, und daß die Möglichkeit nicht ausgeschlossen werden kann, durch Ausgrabungen ganz andere Quellen zu erhalten». Но для перехода от гипотез к точным выводам, кроме обнаружения новых источников путем раскопок, необходимо также привлечение в более обширных размерах письменных источников, до сих пор остающихся неизвестными или не исследованными; еще более необходимо тщательное привлечение всех письменных известий, которые уже обнародованы [38].

[37] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 132 (источник начала XIV в.). ‹Известны также другие мавзолеи правителей домонгольского времени в Средней Азии, например мавзолеи в Узгенде.›

[38] ‹Результаты поездки Э. Кон-Винера без учета строгой критики В. В. Бартольда, изложенной в настоящей и предшествующей статьях, вошли в его последующие публикации. См., напр., Cohn-Wiener, *Turan*. — *М. М.*›

В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб [1]

Издание Главнауки Наркомпроса УзССР. 65 стр. 8° maj.

Выход в свет новой работы В. Л. Вяткина, несмотря на ее небольшой объем, является крупным событием в научной жизни. Как почти все работы этого исследователя, она посвящена предмету, которого никто не знает так, как он. Монографии о самаркандском городище Афрасиаб можно было ожидать только от В. Л. Вяткина, в течение многих лет производившего там раскопки; только им могли быть выяснены историческая топография Афрасиаба и культурно-историческое значение найденных до сих пор на поверхности этого городища и в его недрах остатков прошлого.

До некоторой степени эти ожидания теперь осуществились. Мы получили монографию об Афрасиабе, представляющую значительный шаг вперед по сравнению с тем, что было написано об этом городище до сих пор, в том числе и с прежними мнениями самого автора. В настоящее время он доказывает (стр. 14), что находящиеся на Афрасиабе «разной величины котловины-ямы» представляют «не что иное, как общественные [хаузы»; в 1906 г. это предположение им решительно отвергалось [2].

Едва ли не впервые ставится вопрос (стр. 6 и сл.) об отношении сохранившихся на Афрасиабе внутренних стен прежнего Самарканда к внешней стене. Доказывается, что этими внутренними стенами определяется прежнее протяжение города, постепенно расширявшегося в сторону востока и в особенности в сторону юга. Первоначальное поселение, в северо-западном углу городища, вокруг цитадели, занимало площадь всего в 11 десятин; после этого, до образования города, пространство которого определяется наружной стеной, существовали еще два поселения (в состав каждого входили и предыдущие), одно в 48, другое в 67 десятин [3].

Возникновение поселения на территории Афрасиаба автор склонен

[1] Так на обложке; на стр. 1 иначе: *Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк.* Год издания не обозначен; место и время составления (стр. 65): «г. Самарканд. 1 ноября 1926 года». Брошюра вышла в январе 1928 г.

[2] Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 285.

[3] ‹О динамике роста городища Афрасиаб и о его стенах см.: М. Массон, *К периодизации*, стр. 160—162; Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция*, стр. 41—42; его же, *Полевые работы Узбекской археологической экспедиции*, стр. 9—10; его же, *Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г.*, стр. 11—13.›

относить к IV в. н. э. (стр. 19 и 64); в VIII в., во время прихода арабов, в состав города входило уже все пространство Афрасиаба [4]; при исламе жизнь постепенно переходила из этого первоначального поселения, *шахристана*, в пригороды; окончательное оставление шахристана произошло в XIII в. после монгольского нашествия, причем в первые десятилетия монгольского владычества еще оставалось население в южной части Афрасиаба. В главе о топографии приводятся также интересные соображения о том, какой вид могли иметь в эпоху процветания города улицы и дома (стр. 16 и сл.). Последующие главы (Терракотовые статуэтки; Оссуарии; Глиняная неполивная посуда; Поливная посуда; Терракотовые плиты; Конические сосуды; Стеклянное производство) посвящены отдельным категориям находок, сделанных при обследовании городища и при раскопках главным образом самим В. Л. Вяткиным. Все эти главы написаны с исключительным знанием дела и содержат много подробностей, которых не мог бы сообщить никто другой.

При всем том работа В. Л. Вяткина, вероятно, вызовет в читателях и некоторое чувство разочарования — не потому, конечно, что многое до сих пор и для лучшего знатока Самарканда и Афрасиаба остается сомнительным, напротив, в этом отношении вызывает полное сочувствие беспристрастие автора, сознающего недостаточность достигнутых до сих пор, главным образом им самим, результатов и возлагающего все надежды на будущие систематические (стр. 18) и обширные (стр. 19) раскопки. Никто также не обвинил бы В. Л. Вяткина в недостаточном знании литературы предмета; им, по-видимому, тщательно собиралось из книг все, что могло содействовать выяснению затронутых им вопросов; об этом свидетельствуют его слова о «состоянии современной науки о согдийцах» (стр. 25; выражение, конечно, не вполне удачное), о танагрских статуэтках (стр. 26), о трипольской культуре (стр. 39). Но читатель был бы вправе ожидать более отчетливого изложения доступного автору литературного материала, со ссылками хотя бы на некоторые источники, и более отчетливых сведений о том, что и как было найдено при раскопках, с приведением хотя бы некоторых данных о ходе археологических работ.

Ссылки на источники значительно увеличили бы научную ценность работы и, вероятно, содействовали бы исправлению вкравшихся неточностей. На стр. 5 помещен снимок, в уменьшенном масштабе, плана Афрасиаба, сделанного в 1885 г. На плане (на снимке этого не видно) точно определено пространство городища: 1 кв. верста 96 десятин 430 кв. саженей; между тем автор утверждает, что «городище Афрасиаб занимает площадь около 175 десятин» (в другом месте, на стр. 13, сказано, что площадь Афрасиаба «не превосходит 175 десятин»). На стр. 3 говорится, что «городище это долгое время, по-видимому, не имело особого названия;

[4] Ср. особенно рассказ Я'куби (*Ta'pūx*, II, 344) о взятии Самарканда Кутейбой в 712 г., причем Кутейба вошел через Кешские ворота (южные) и вышел через ворота Син (восточные).

его именовали просто „Верхнее укрепление (*хисари боло*[5])". Но по крайней мере две сотни лет тому назад оно уже носило теперешнее свое наименование „Афрасиаб"». Во-первых, можно было бы сказать, что название بالاحصار встречается уже у автора начала XV в. (Хафиз-и Абру); во-вторых, автор в своем главном историко-географическом труде о Самаркандской области[6] говорит, что «так называемое Афрасиабово городище, как видно по некоторым документам, в старое время известно просто под именем Хисари-кухна, Калаи-кухна — старая крепость, а современное его наименование встречается лишь при мангытах». Из указателя видно, что имеется в виду документ времени эмира Хайдера (1800—1826); во всяком случае со времени воцарения Мангытов «двух сотен лет» еще не прошло. Совершенно непонятно, почему взятие Самарканда монголами отнесено к 1219 г. (стр. 19), тогда как вполне установлено, что оно произошло в 1220 г., вероятно в марте[7]. Можно было бы также отметить интересный факт, совершенно ясный из рассказа Джувейни[8], о падении Самарканда, что шахристан X в. в то время считался только крепостью (حصار), хотя в нем оставалась (что подтверждено и раскопками) соборная мечеть. О последней не сообщается почти никаких сведений (ср. стр. 11 и 17), хотя в этом случае раскопки, как хорошо известно автору[9], дали вполне ясные результаты. Ничего не говорится и о многих других интересных находках: о буддийской фреске, о панели, перенесенной в самаркандский музей[10], и т. п. О раскопках автора мы узнаём только (стр. 16), что они производились еще в дореволюционное время в течение более десятка лет, имели лишь ориентировочный характер и в общем далеко не достаточны.

Работы снабжены значительным числом снимков (9 таблиц и 80 отдельных номеров, причем цифрами отмечены снимки только от № 12, со стр. 22). К сожалению, эти снимки вышли до такой степени неотчетливыми, что не имеют почти никакого научного значения. Это тем более досадно, что в некоторых других туркестанских изданиях, особенно в изданиях «Общества для изучения Таджикистана», воспроизведение снимков стоит вполне на уровне современной техники.

Вполне признавая право как автора, так и издавшей его труд Главнауки Наркомпроса УзССР на благодарность читателей, позволяем себе выразить надежду, что В. Л. Вяткин когда-нибудь даст нам об Афрасиабе и те сведения, которых мы в настоящей работе не нашли и которыми никто, кроме него, не обладает[11].

---

[5] Вероятно, опечатка вместо *боло*.

[6] Вяткин, *Материалы*, стр. 43.

[7] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 444; ‹наст. изд., т. I, стр. 480›.

[8] Изд. Казвини, I, 94 и сл.

[9] Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе*.

[10] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, стр. 11; ‹см. выше, стр. 251›.

[11] ‹Такая работа В. Л. Вяткиным выполнена не была, хотя, возможно, и подготовлялась. См. Шишкин, *Василий Лаврентьевич Вяткин*, стр. 149—150.›

Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан [1] (с 318 фотографиями, таблицами и 6 картами)

Составлено по материалам экспедиции Государственного института опытной агрономии и Всесоюзного института прикладной ботаники в Афганистан. Ленинград, 1929 (=Приложение 33-е к «Трудам по прикладной ботанике, генетике и селекции»). 533 + XXXII стр. 8° maj.

Экспедиция состоялась в 1924 г. после 1½ лет хлопот. Кроме областей, пограничных с СССР, и Кабульского района исследователи проехали по главным дорогам Афганистана [2], соединяющим Кабул с Кандагаром и Кандагар с Гератом. Часть экспедиции, кроме того, проехала из Герата в Кабул по горной, так называемой Хазарийской дороге (в английской литературе Hazarahjat) через «наиболее возвышенные районы центрального Афганистана». Экспедиции удалось посетить также труднодоступный северо-восточный горный район, пограничный с СССР и Британской империей; на обратном пути оттуда экспедиции представился редкий случай проехать через Кафиристан.

Цель экспедиции была, конечно, агрономическая, как в смысле изучения современного земледельческого хозяйства Афганистана, так и в смысле собирания материала для решения вопроса о происхождении культурных растений. В этом отношении результаты экспедиции, несомненно, будут оценены специалистами. На страницах «Ирана» могут быть рассмотрены только те наблюдения экспедиции, которые относятся к современным этническим и культурным условиям жизни Афганистана и к памятникам его исторического прошлого.

Как было упомянуто мною в другом месте [3], Афганистан остается до сих пор почти совершенно не изученным ни в лингвистическом,

---

[1] На обратной стороне книги заглавие по-персидски: كتاب زراعت و فلاحت افغانستان; имя второго автора здесь по ошибке بوكيچ вместо بوكينيچ; год — 1928.

[2] Так пишут авторы, и такое правописание преобладает в литературе, русской и западноевропейской, и, по-видимому, на Востоке. Аристов (*Об Авганистане*, отд. отт., стр. 25 и сл.) настаивал на чтении «Авганистан», ссылаясь на пример Ханыкова и на факт отсутствия в афганском языке звука *ф* (ср. Geiger, *Die Sprache der Afghānen*, S. 206). В настоящей рецензии сохраняем правописание авторов.

[3] Бартольд, *История изучения Востока*, 2-е изд., стр. 142.

ни в этнографическом, ни в археологическом отношениях [4]. Археологов особенно привлекала Бактрия, как вследствие легенд о древней культуре этой страны, так и вследствие сохранившихся там памятников буддизма, несомненно более древних, чем вызвавшие целый ряд экспедиций произведения буддийского искусства в Китайском Туркестане. Исследователь древностей Китайского Туркестана сэр А. Стейн сознавал, что без работ в Бактрии не может быть выяснена история буддийского искусства, и тщетно добивался от афганского правительства разрешения производить такие работы. В новейшее время исключительное право на производство археологических работ в Афганистане (договор 1922 г.), как прежде в Персии (договор 1900 г.), было дано французским ученым; вполне естественно, что эти работы начались с Бактрии; во главе был поставлен проф. Фуше, один из лучших знатоков греко-буддийского искусства. Казалось бы, что науке вполне обеспечены результаты, которые дадут полное удовлетворение самому исследователю. Если эти надежды не вполне оправдались, то это объясняется тем, что к экспедиции были предъявлены требования, не имеющие ничего общего с научными задачами. Капиталисты, давшие деньги на производство работ, не могли довольствоваться такими результатами, которые представляют ценность только для науки; нужны были громкие открытия, которые бы поставили работы в Бактрии на один уровень с открытиями в Египте и Месопотамии или хотя бы с работами французских археологов в Сузах. В этих ожиданиях пришлось быстро разочароваться. В полном согласии с результатами работ Фуше [5] наши исследователи на основании агрономических данных приходят к заключению, что не только не удалось, но «никогда и не удастся» найти в Бактрии следы «интенсивной оседлой высокой культуры, равноценной или хотя бы сходной с великими цивилизациями древности» (стр. 82; разрядка в подлиннике). На основании письменных источников к этому заключению можно было прийти, не покидая Парижа и Ленинграда. Культурная отсталость Бактрии по сравнению с областями западного Ирана была отмечена еще спутниками Александра Македонского, которые нашли там нравы, мало отличавшиеся от нравов кочевников [6].

[4] ‹В настоящее время в области археологии это положение существенно изменилось благодаря работам французской экспедиции (ее публикации см. MDAFA), а также итальянских, американских, немецких и японских археологов. См. обзоры: Мандельштам, *О некоторых результатах работ*; В. Массон, *Древнейший Афганистан*. Был проведен также ряд этнографических и лингвистических исследований.›

[5] Пессимистическим настроением в этом смысле проникнуты отчеты экспедиции: Foucher, *Rapport sur les travaux*; idem, *La délégation archéologique*.

[6] Страбон, XI, 11, 3; ср.: Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, стр. 0100; ‹см. выше, стр. 119›; Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 4. ‹Работы советских археологов и историков не подтверждают вывода о значительной отсталости Бактрии. Ср. Дьяконов, *Древняя Бактрия*.›

Даже слова авторов (стр. 81) о значении для «древней Бактрианы» местоположения «на великом торговом пути из Индии в Месопотамию» [7], причем «сюда же приходили караваны из Китая», совершенно не относятся к догреческой Бактрии [8]; торговля с Индией получила значительное развитие только после Александра, караваны из Китая стали приходить только со II в. до н. э., уже после разрушения греко-бактрийского царства.

Отказ от ненаучного сближения с «великими цивилизациями древности» едва ли может нас заставить присоединиться без оговорок к мнению авторов, что в Бактрии вообще не было «географических элементов, необходимых для создания крупной о с е д л о й (разрядка авторов) земледельческой культуры» (стр. 80). Давно установлено [9], что в Бактрии всегда рядом с орошенными местностями были пустынные, пригодные только для кочевой жизни. Но, по-видимому, в одном Балхабе было достаточно воды для создания обширного оазиса. В мусульманский период есть известие, что балхский округ считался самым хлебородным округом в Хорасане и мог прокормить не только местное население; хлеб вывозился из Балха во все другие хорасанские округа и в Хорезм [10]. Канал, отведенный к городу Балху, снабжал водой к югу от города десять мельниц [11]. Как почти все путешественники, авторы с чрезмерной решительностью говорят о прошлом на основании настоящего; по их мнению, «современный естественноисторический и сельскохозяйственный облик районов. . . с очевидностью свидетельствует о том», каково было положение в прошлом. Английские исследователи, наоборот, находили, что воды для орошения пустующих теперь районов, например в Балхабе, более чем достаточно; она не может быть использована только потому, что страна обезлюдела после опустошений и избиений XIX в., связанных с установлением афганского владычества [12]. По-видимому, это относится и к местностям, орошаемым реками меньшей величины; на это указывает и помещенный в книге маршрут от Меймене до Мазари-Шерифа, где упоминаются обширные развалины (стр. 503).

Более высокую и более прочную земледельческую культуру авторы нашли в долине Герата, причем и здесь подчеркивается, что таково было

---

[7] В другом месте (стр. 490) сказано, что «Бактрианское царство» возникло «на половине пути из Индии в Месопотамию». По карте от Месопотамии до Бактрии много дальше, чем от Бактрии до Индии. Несмотря на высокие горные перевалы, экспедиция прошла из Мазари-Шерифа в Кабул в 13 дней (стр. 507 и сл.); из Кабула в Пешавер идут 9 дней (ср., напр., Yate, *Northern Afghanistan*, p. 369). Из Багдада караван в 22 дня едва ли может пройти дальше, чем до Тегерана.

[8] <Не вполне точное утверждение. Ктесий Книдский сообщает о дороге, шедшей при Ахеменидах через Бактрию в Индию.>

[9] См. хотя бы часто приводившиеся слова Бернса о Квинте Курции (напр., Forbiger, *Handbuch*, Bd II, S. 555; Минаев, *Сведения*, стр. 56).

[10] Якут, *Му'джам*, I, 713.

[11] Истахри, 278.

[12] Напр. Yate, *Northern Afghanistan*, p. 255.

положение, «несомненно, с глубокой древности» (стр. 92). На этот раз мнение авторов находится, по-видимому, в полном согласии с источниками [13], но тут же высокая земледельческая культура этой долины сопоставляется с низким уровнем городской жизни, о котором свидетельствует представляющий «чудовищную картину антисанитарии» Герат, и высказывается общий афоризм: «Высокий уровень земледельческой культуры не служит мерилом соответствующей городской культуры и, обратно, высоко развитая городская культура может быть в дисгармонии с культурой поля за чертой городской стены» (стр. 98 и сл.). В обстановку восточной страны, во многом живущей средневековыми традициями [14], переносятся, таким образом, взгляды современного европейца, притом северного европейца [15]. С этой точки зрения столь же «чудовищно антисанитарным», как современный Герат [16], был, по всей вероятности, и Герат XV в., центр утонченной городской культуры того времени [17], город, которому, по мнению современников, не было равного во всем мире. Такого же отрицательного отзыва, вероятно, заслужили бы и Флоренция Медичи и Феррара герцогов д'Эсте, не говоря уже о Венеции и Генуе.

И в других местах, несмотря на обширные путешествия авторов, в их взглядах преобладает узкоевропейская точка зрения. «До открытия Васко-да-Гама обходного пути в Индию мимо южной Африки, Афганистан был главной дорогой в Индию» (стр. 485). Можно думать, что до португальцев не было никакого мореплавания, что индийские товары не привозились морем в Персию и Египет и что европейцы ездили за ними не в эти страны, а в Афганистан.

Еще более удивят востоковедов слова о «тысячелетней оторванности» Афганистана от «западных цивилизаций» (стр. 83). Тысячелетие [18] во вся-

---

[13] О древнем Haraiva см. Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 72; о Герате IX—X вв. н. э. см. Ибн Русте, 173: 400 больших и малых селений, кроме того, 47 хуторов с населением от 10 до 20 душ в каждом; 324 мельницы.

[14] Достаточно упомянуть о таком характерном явлении, как рабаты, «построенные около 30—40 лет тому назад» (стр. 497).

[15] Что и в Европе на юге мирятся с более примитивными санитарными условиями, едва ли требует доказательств. В 1914 г. я имел возможность убедиться, что нечистоты выливались прямо на улицу и в городе более многолюдном, чем Герат, итальянском Бари. В то время это было запрещено особым приказом, но провести такую реформу сразу было признано невозможным и был назначен срок, когда приказ должен был вступить в действие.

[16] Авторы (стр. 79) совершенно ошибочно полагают, что «современный Герат мало изменился (sic) с 10-го века после Р. Хр.».

[17] О нем Бартольд, *Мир-Али-Шир*, особенно стр. 132 и 159—163; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 231 и 256—259; см. также: Беленицкий, *Историческая топография Герата*; М. Массон, *К исторической топографии Герата*>.

[18] «Тысячелетиями» авторы вообще несколько злоупотребляют. «Самые древние памятники» в Афганистане относятся к первым векам нашей эры (стр. 78); не раньше, конечно, поставлены и бамианские статуи, впервые упоминающиеся в VII в.; между

ком случае было неполным, так как культурное значение Афганистана в начале XI в. авторами даже преувеличивается: город Газна, столица Махмуда Газневидского, будто бы «сделался интеллектуальной столицей Ислама» [19], в нем был построен «университет» [20] (стр. 79). И после не было периода, когда бы Афганистан был оторван от западных областей мусульманской культуры. Если под «западными цивилизациями» надо понимать западноевропейскую культуру, то, во-первых, и это неточно (франкские караваны приходили в Герат в XV в. [21], в Кабул в XVII в.), во-вторых, первенство западноевропейской культуры далеко еще не пережило своего первого тысячелетия.

Этнические наблюдения и маршрутные записи авторов в малоисследованной стране представляют, конечно, огромный интерес. Важен установленный авторами факт, что на том пути, по которому экспедиция проехала через Кафиристан, селение Тли на севере (35°50′ с. ш.) еще чисто таджицкое (стр. 115), селение Гуссалик на юге (35°) уже чисто афганское (стр. 127) и что территория, населенная кафирами, на этом пути занимает гораздо менее значительное пространство, чем полагал Робертсон, проезжавший восточнее. Экспедиция вступила в Кафиристан 20 октября, покинула его 23-го; сколько-нибудь значительных этнографических наблюдений за это время не могло быть сделано; но, вероятно, с благодарностью будут приняты и сообщаемые краткие сведения, в особенности фотографии [22]. Вообще многочисленные фотографии этнического и бытового содержания (в последнем случае для сравнения иногда помещаются фотографии, относящиеся к другим странам), вероятно, будут признаны самой ценной частью сообщаемого в книге этнографического материала. Сведения и фотографии экспедиции, кроме афганцев и кафиров, относятся к туркам (туркменам и узбекам) и иранцам (со включением сюда иранизованных хазарийцев; к сожалению, фотографий, которые бы относились к этой народности и вообще к Хазарийской дороге, очень мало). Очевидно, экспедиции не пришлось встречать малочисленных, но интересных для этнографа и лингвиста «моголов», сохранивших монгольский язык [23].

тем они стоят, «как и две тысячи лет тому назад» (стр. 486), и свидетельствуют «о тысячелетиях, протекших со времени заселения Бамианской долины пещерными жителями» (стр. 91).

[19] Такой результат, конечно, не мог бы быть достигнут приглашением ко двору государя некоторого числа поэтов и ученых. Багдад и Каир в этом отношении занимали и в XI в. несравненно более высокое место, чем города восточных областей ислама.

[20] Так называть устроенное Махмудом медресе нет никакого основания.

[21] Бартольд, *Мир-Али-Шир*, стр. 143, 150; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 242, 248›.

[22] На рис. 98 изображена «старуха-кафиристанка». Если не ошибаюсь, до сих пор не было попыток образования этнических слов от географических названий такого типа, как Афганистан, Курдистан и т. п.

[23] Ср. исследование Рамстедта (*Mogholica*). Dr. Emil Trinkler, знавший о моголах только старую (1838 г.) работу Лича (о ней: Бартольд, *Историко-географиче-*

Бытовые сведения и фотографии интересны, конечно, и в тех случаях, когда экспедицией посещались местности, о которых уже имеется обширная литература. Интересующиеся жизнью современного Востока найдут в них материал для суждения о том, насколько изменились условия сравнительно с недавним прошлым. Не говоря уже о реформах последнего царствования, еще со времени эмира Абдуррахмана принимались энергичные меры для усиления власти центрального правительства, уничтожения разбоев, проведения дорог, военных и других. Не всегда результаты этих мер были прочны; Хазарийская дорога, судя по маршруту экспедиции (стр. 504—507), теперь в худшем состоянии, чем была в 1885 г., когда по ней возили на верблюдах ружья и амуницию для войск и когда она считалась проходимой для всего, кроме конной артиллерии [24]. В Кафиристане, где, насколько известно, тоже были разработаны дороги для движения афганских войск в 1896 г., экспедиции пришлось преодолеть в этом отношении наибольшие трудности, в особенности при спуске (стр. 126 и сл.). Зато по пути из Мазари-Шерифа в Кабул перевал Данданшикан ('Зуболом'), по-видимому еще оправдывавший свое название в 1878 г. [25], теперь оказался «сравнительно нетрудным» (стр. 509).

Медленнее поддаются влиянию правительственных мер люди и их бытовые условия. На авторов произвела сильное впечатление картина передвижения огромных масс кочевников [26], которую в сравнительно недавнее время можно было наблюдать в более обширных размерах в пределах России. Нередко разрушаются «встречные оседлые поселки. Бесконечны жалобы о разорении кочевниками. Не случайно хлебороб Афганистана стремится вооружиться с ног до головы» (стр. 86). Авторы употребляют термин номадизм еще в другом значении и одинаково связывают «с инстинктом номадизма» передвижения кочевников с их стадами и движение купеческих караванов «по самым неприступным дорогам» между Афганистаном и Индией (стр. 499). Конечно, между этими двумя явлениями нет ничего общего.

Для дальнейших экономических успехов Афганистана необходимо, по мнению авторов, более тесное советско-афганское сближение; этому сближению, по их мнению, содействует и «этническая дифференциация»: по обе стороны границы живут таджики, узбеки и туркмены (стр. 491).

ский обзор Ирана, стр. 55), несмотря на свои поиски не нашел в Афганистане признаков распространения монгольских диалектов (Trinkler, *Afghanistan*, S. 53 sq.). ‹Новые работы о моголах см.: Schurmann, *The Mongols of Afghanistan*; Ferdinand, *Ethnographical Notes*; в лингвистическом отношении: Ligeti, *Recherches.*›

[24] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 52.

[25] Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 183.

[26] Авторы (стр. 86) не знают «другой страны, в которой периодические переселения номадов захватывали бы столь огромную часть населения и ее территории». Dr. Trinkler (*Afghanistan*, S. 57) вынес совершенно другое впечатление: «Ausgesprochenes Nomadentum treffen wir in Afghanistan kaum an».

Известно, что такие факты не всегда содействуют сближению государств и иногда возбуждают подозрительность правительств.

Несколько слов (стр. 176 и сл.) посвящается тем местностям, где реки Афганистана входят в пределы СССР и где оросительные работы, произведенные в одном государстве, могут отразиться на экономических интересах другого. Лет десять тому назад был создан проект (насколько может судить неспециалист, совершенно нереальный; авторы о нем не упоминают) проведения магистрального канала из Аму-Дарьи общими силами России и Афганистана; говорили, что «аму-дарьинская проблема может быть разрешена в международном масштабе или совсем не будет разрешена» [27]. Теперь о международных проектах нет и речи; говорится только «о зависимости наших среднеазиатских республик от Афганистана в случае расширения орошаемой площади в пределах Афганистана, в частности в долине Герируда». По мнению авторов, «особенной опасности» тут нет; тут же прибавляется, что для Мургаба такая опасность «совершенно отсутствует», для Аму-Дарьи она «еще менее имеет место». Самые обширные оросительные работы на Мургабе, известные в истории, были произведены в конце XIV в., причем тогда оазисы, расположенные теперь по обе стороны границы, составляли в ирригационном отношении одно целое [28]. На невозможность точного разграничения оросительных систем при той искусственной границе, которая была установлена в 1885 г. по настоянию русских, тогда же обращали внимание англичане [29]. В настоящее время этот факт не имеет большого значения вследствие крайне ничтожного числа возделанных земель на верхнем Мургабе в пределах Афганистана (если не ошибаюсь, также в пределах СССР). Местность по верхнему Мургабу и Кушке — одна из немногих местностей в Средней Азии, где несколько раз в истории богарное земледелие сменялось поливным и наоборот; в этом отношении она представляла бы некоторый интерес для агрономов.

Книга Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, несмотря на ее недочеты [30], с точки зрения востоковеда и историка, имеет полное право на внимание не только тех исследователей, кто по примеру авторов (стр. 82) пытается «проникнуть вглубь за пределы сроков истории Афганистана, определяемых археологическими документами», но и тех, для которых историческая жизнь представляет больший интерес, чем так называемая доисторическая.

---

[27] Ризенкампф, *Закаспийская проблема*, стр. 165 (доклад Г. К. Ризенкампфа в Московском государственном университете 8 сентября 1919 г.).

[28] Бартольд, *Орошение*, стр. 64 и сл.; <наст. изд., т. III, стр. 151 и сл.>; его же, *О некоторых восточных рукописях*, стр. 928.

[29] Yate, *Northern Afghanistan*, pp. 111 sq., 382.

[30] Корректурным недосмотром объясняется, вероятно, «Александрия Азии» (стр. 78 и 486) вместо «Арии».

A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān

Avec des notes additionneles de M. Paul Pelliot, Membre de l'Institut. Paris et Bruxelles, 1928 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Tome II). 119 pp. 4° maj. (30 изображений в тексте, 48 таблиц вне текста)

В сентябре 1922 г. французскому правительству удалось заключить с Афганистаном договор на тех же основаниях, как в 1900 г. с Персией, и получить исключительное право на производство археологических работ в Афганистане в течение 30 лет. Первым главой французской археологической миссии в Афганистане был Альфред Фуше (Foucher), известный знаток греко-буддийского искусства. Вполне естественно, что внимание французских ученых прежде всего привлекла Бактрия, где уже были приведены в известность, но еще не были осмотрены специалистами памятники буддийской культуры и куда тщетно пытался проникнуть английский исследователь среднеазиатской буддийской культуры сэр Орэл Стейн. Работы Фуше были, однако, не так плодотворны, как можно было ожидать. Оказалось, что греко-бактрийское царство, «страна тысячи городов», не оставило нам никаких памятников; все, что могло быть найдено на поверхности земли, относится к более поздним эпохам; никаких произведений греческого искусства, которые бы были древнее гандхарских памятников, обнаружить не удалось. Еще более неосуществимой оказалась надежда добыть путем раскопок следы догреческой, древнеиранской бактрийской культуры [1]. По-видимому, эти отрицательные результаты работ в глазах самого исследователя несколько заслонили положительные; в 1925 г. он уехал в Японию, успев напечатать только несколько небольших статей о своих работах в Афганистане. Как отметил в предисловии к настоящему тому Э. Сенар (ныне покойный), этот второй том по времени выхода в свет является первым; предполагавшийся первый том, который должен был быть составлен Фуше и заключать в себе отчет о первых шагах делегации, не вышел, если не ошибаемся, и до сих пор [2].

[1] ‹В ходе работ в Бактрии были открыты слои середины I тысячелетия до н. э. См.: Дьяконов, *Сложение классового общества*; Gardin, *Céramiques de Bactres.*›

[2] ‹Отчет издан в 1942 г.: Foucher, *La vieille route de l'Inde de Bactres a Taxila.*›

Еще в ноябре 1922 г. в Бамиане провел несколько дней на пути из Кабула в Балх Фуше, напечатавший о бамианских памятниках статью [3], отчасти перепечатанную в настоящей книге (стр. 3—6). В 1923 г. 1½ месяца (с 25 августа до 10 октября) работали в Бамиане A. Godard и его жена; документы их работы, переданные в Musée Guimet, составляют основной результат произведенных до настоящего времени исследований. Третий автор, J. Hackin, работал в Бамиане в 1924 г., в два приема, в течение очень короткого времени (18—19 июня и 24—26 ноября) над изучением сохранившейся в пещерах живописи. Авторы не считают результаты своих исследований окончательными; для этого, по их словам, требуется более продолжительная работа; цель настоящей книги только «de faire connaître les résultats acquis au cours de cette première prospection» (стр. 11).

Книга, однако, заключает в себе гораздо больше. Помимо подробного описания изученных памятников скульптуры и живописи и определения их места среди памятников буддийского искусства, авторами собраны исторические сведения о Бамиане и о ходе изучения его памятников; в приложении помещены относящиеся к Бамиану тексты, английские, китайские (в переводе проф. Пельо), один немецкий из статьи Херцфельда «Der Thron des Khosrô» [4] и один персидский, во французском переводе, из Джувейни о взятии и разрушении Бамиана монголами [5]. В указателе имен авторов (стр. 105—108) мы находим подробную библиографию предмета; из русских работ привлечена только книга (на стр. 10 не вполне правильно названная брошюрой; в ней 204 страницы) «Афганистан» — сборник статей, изданный в Москве Научной ассоциацией востоковедения; для авторов имела значение только статья М. Г. Вечеслова «Археологические памятники в Афганистане», но названы имена всех авторов, принимавших участие в сборнике (дважды, на стр. 10 и 105, повторена опечатка Amoutchin вместо Anoutchin); кроме того, упоминается немецкий перевод книги д-ра Яворского «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—79 гг.», СПб., 1882—1883. Помимо описания памятников Бамиана, особая глава (стр. 65—74) посвящена памятникам сасанидской живописи в верхней части долины реки Хульм, в месте Духтер-и Нушырван, где авторы работали в июне и ноябре 1924 г.

[3] JA, t. CCII, 1923, pp. 354—368.

[4] «Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen», 1920.

[5] В этом переводе (стр. 99) вместо Nao-baligh должно быть Mao-baligh. Кроме того, неверно замечание, будто издатель труда Джувейни, Мухаммед Казвини, «доказал» (a établi) неверность приведенной у Джувейни даты и будто вместо 618/1221 надо читать 619/1222. Самого поверхностного изучения хода монгольских завоеваний (хотя бы по *Histoire des Mongols* д'Оссона) достаточно, чтобы убедиться в том, что Мухаммед Казвини был введен в заблуждение неверными датами Рашид ад-дина и что завоевание Бамиана несомненно произошло в 1221 г., во всяком случае до поражения Джелаль ад-дина на Инде 24 ноября 1221 г. (ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 481; <наст. изд., т. I, стр. 511>).

Ничего добуддийского найдено не было (стр. 31); история Бамианской долины начинается для нас со времени распространителя буддизма, кушанского царя Канишки (конец I в. н. э.); при нем или немного позже (в начале II в.) возникли древнейшие памятники (стр. 33 и 34). В книге перепечатаны красноречивые страницы Фуше об эпохе Канишки, когда проходы через Гиндукуш соединяли две половины, индийскую и скифскую, его обширной империи, когда Балх был центром международной торговли, местом встречи путей на запад — в Римскую империю, на северо-восток — в Китай, на юго-восток — в Индию. «Никогда Бамиан не видел большего числа богатых караванов; никогда греко-буддийское искусство, уже достигшее полного расцвета в долине Кабула и в Гандхаре, не распространялось более активно, от этапа к этапу, по направлению к Бактрии и Центральной Азии» (стр. 5 и сл.). Тем более обращает на себя внимание, хотя и не объясняется в книге, факт почти полного отсутствия в Бамиане следов влияния греческого искусства. О Гандхаре в свое время писали под влиянием трудов Фуше: «Когда смотришь на эти колонны, фризы, вообще на скульптуру Гандхары, то сперва почти не верится, что это не произведения чисто греческого искусства» [6]. И в это же время в том же государстве сооружались такие далекие от традиций греческого искусства статуи, как бамианские колоссы. В бамианском искусстве соединились «types physiques empruntés à l'Inde, facture cursive d'une virtuosité toute chinoise, éléments décoratifs iraniens» (стр. 19). Разумеется, отмечается и присутствие эллинистических элементов (стр. 22), и влияние гандхарской школы (там же и стр. 16); но больше всего значения придается влиянию на буддийских монахов художественных традиций Ирана; одному из ранних исследователей, Мессону (Ch. Masson), ставится в особую заслугу, что им было отмечено это влияние в такое время, когда еще почти не было материалов для сравнения (стр. 25). Усвоением персидского купола Бамиан опередил Индию, даже буддийскую Индию Гандхары (стр. 56).

Сближение буддизма с иранской культурой в Бамиане не ограничивалось областью искусства. Если в долине Кабула уже начиналась Индия, то Бамиан, подобно Балху, принадлежал к иранскому миру; современное название есть видоизменение среднеперсидского Bāmīkān [7] (о более древних названиях известий нет). Авторы доказывают, что при Сасанидах установилась и тесная политическая связь буддийского Ирана с зороастрийским; сасанидские царевичи были правителями Бактрии (стр. 71); бамианские художники, которым принадлежат памятники живописи в Духтер-и Нушырван, были буддийскими подданными зороастрийского

---

[6] Ольденбург, ЗВОРАО, т. XIII, стр. 062.

[7] ‹Перевод› P. Pelliot ‹в кн. Godard — Hackin, *Les antiquités bouddhiques*›, p. 75, по Маркварту, *Ērānšahr*, S. 92. О корне см. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, S. 954 sq.

монарха [8]; в этих памятниках мы имеем «следы памятной встречи двух великих цивилизаций» (стр. 74).

В книге, конечно, ставится вопрос, когда и как произошло уничтожение в Бамиане буддийской культуры; но этот вопрос как Фуше, так и авторами книги решается на основании заранее составленных представлений, даже без попыток найти точные сведения в источниках. В 632 г., в год смерти Мухаммеда, Сюань Цзан нашел в Бамиане процветание буддизма (стр. 6 и 12); в самом начале следующего столетия арабские завоеватели дошли до пределов нынешнего Афганистана. По мнению Фуше (стр. 6), достаточно было первого появления арабов, чтобы «буддийские монахи были перебиты, прогнаны или обращены в ислам; с тех пор их монастыри остались разрушенными или покинутыми, их идолы более или менее изувеченными». Авторы также связывают появление арабов с гибелью или обращением в ислам «жителей мирной долины» (стр. 35).

Все это связано со старым взглядом, давно уже не существующим для специалистов по истории ислама, но сохраняющим господство среди неспециалистов, о религиозном фанатизме арабских завоевателей и распространении ими ислама «огнем и мечом». В данном случае даже не было необходимости обращаться к арабским первоисточникам, чтобы убедиться в несостоятельности этого взгляда. Из приведенных в книге Маркварта [9] известий Я'куби можно видеть, что бамианский князь принял ислам только при халифе Мансуре (754—775), по-видимому, добровольно, и выдал свою дочь за сына одного из соседних мусульманских правителей, бывшего в то время, по-видимому, наместником Тохаристана [10]; рожденный от этого брака сын унаследовал титул своего деда. Принятие ислама владетельным домом не было связано с искоренением буддизма; пишущий эти строки дважды [11] имел случай приводить, в статьях на немецком языке, известия, по которым большой буддийский монастырь в Бамиане просуществовал до 870 г. н. э. В этом году Балх был взят Я'кубом ибн Лейсом; еще в это время в нем был большой дом, где жили отшельники и подвижники, т. е. монастырь; унесенные оттуда усыпанные драгоценными камнями золотые идолы, великолепие которых превосходило всякое описание [12], были отправлены в Багдад, куда прибыли в месяце раби' II 257 [13]/26 февраля—26 марта 871 г.

---

[8] Все это говорится без доказательств и цитат. По-видимому, решающее значение имели факты, приведенные Херцфельдом, особенно нумизматические; уже первый по времени из правивших в Хорасане сасанидских царевичей — Пероз, сын Ардашира I, — является на своих монетах зороастрийцем и в то же время почитателем Будды (Herzfeld, *Paikuli*, vol. I, p. 45).

[9] *Ērānšahr*, S. 92. [10] Ibid., S. 231 sq.

[11] *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, S. 187; *Bāmiyān*; <наст. изд., т. III, стр. 364>.

[12] Эти сведения извлечены из *Фихриста*, I, 346.

[13] Дата у Табари, III, 1841 (в статье *Bāmiyān* опечатка — 1851, в *Zur Geschichte der Ṣaffāriden* верно). Из сопоставления с *Фихристом* видно, что рассказ относится к Бамиану, а не к Кабулу, как сказано у Табари.

Другого мусульманского разгрома Бамиана, кроме разгрома 870 г., источники не знают [14]; если с этим разгромом, как полагает Фуше, было связано перемещение города, то оно произошло во второй половине IX в. Вместо города, который видел Сюань Цзан непосредственно к юго-западу от больших истуканов, к юго-востоку от тех же истуканов возник новый город, развалины которого носят теперь название Шахр-и Гольгола (у русских путешественников Гульгуля). Этот город был взят и разрушен Чингиз-ханом в 1221 г.; так как при осаде погиб один из внуков Чингиз-хана, в городе было истреблено все живое, не только люди, но и животные; Бамиан, как «дурной город» (*мо-балык*), был предан проклятию, и запрещено было в нем селиться. Тогда же, по мнению Фуше, был разрушен другой город, развалины которого теперь называются Шахр-и Зохак, у восточного входа в Бамианскую долину (по словам Вечеслова [15], у слияния речек Бамиан и Калу). Как назывался этот город в эпоху своего процветания, остается неизвестным; ничего не говорится в источниках и о разрушении в Бамианской долине другого города, кроме самого Бамиана.

Поступок Чингиз-хана, вероятно, был вызван не столько жаждой мести, сколько шаманским верованием, что все убитое будет служить на том свете тому, ради которого оно было убито [16]. Обстоятельства сложились так, что проклятие, наложенное на Бамиан в 1221 г., оказалось действительным. Около Бамиана селились и продолжают селиться; люди живут в пещерах, даже из мест буддийского культа некоторые, чего не говорят авторы, обращены в мусульманские святыни [17]; но города на месте Бамиана после 1221 г. больше не было.

Несмотря на богатое содержание книги, можно только присоединиться к мнению авторов, что изучение древностей долины Бамиана не закончено и что продолжение исследований может дать ценные результаты [18]. В некоторых оговорках, может быть, нуждается мнение Фуше, что буддийские и мусульманские развалины должны изучаться отдельно (demandent une étude séparée). Если не совместное, то параллельное изучение тех и других, может быть, даст новый материал для установления факта, что и у подножия Гиндукуша, как в других местах, люди даже при враждебных столкновениях между народами и культурными мирами больше заимствовали друг у друга, чем истребляли друг друга.

---

[14] Медленный ход подчинения исламу и мусульманской власти горных или защищенных горами областей Афганистана связан с трудностями, которые представляла для арабов горная война (ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 185; ‹наст. изд., т. I, стр. 240›).

[15] *Археологические памятники в Афганистане*, стр. 196.

[16] Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*, стр. 64; ‹см. ниже, стр. 385›.

[17] Вечеслов (*Археологические памятники в Афганистане*, стр. 194) сообщает о двух зияретах, из которых один находится к западу от колоссов, в долине речки Фулади, другой — к востоку, по дороге от рабата Бамиан в Топчи.

[18] ‹О последующих работах в Бамиане см.: Hackin, *Nouvelles recherches*; idem, *Recherches.*›

РАЗДЕЛ II

ЭПИГРАФИКА

«О ДВУХ АРАБСКИХ НАДПИСЯХ АУЛИЕАТИНСКОГО УЕЗДА»

В. В. Бартольд предъявил собранию две арабских надписи и одну персидскую рукопись, полученные им от В. А. Каллаура, бывшего начальника Аулиеатинского уезда, ныне начальника Перовского уезда.

Одна из надписей снята с надгробного памятника в мазаре Кишка-Аулие, в самом городе Аулие-Ата; присланная копия, по-видимому, сделана тщательно и заключает в себе только две ошибки, которые легко было исправить. Из текста надписи видно, что памятник поставлен на могиле местного правителя, носившего титул Улуг-Бильгя Икбал-хана и умершего в 660/1262 г. Это был, очевидно, один из подчиненных монголам мелких туркестанских владетелей; писатель той же эпохи Джемаль Карши приводит имена нескольких подобных владетелей в Фергане и Шаше (Ташкенте). Текст надписи гласит:

هذه روضة الملك الكبير والقرم الخطير العالم العادل الباذل صاحب السيف والقلم معدن الجود والكرم معزّ الحقّ معين الخلق مربّى العلماء مقوّى الضعفاء جلال الحقّ والدين ظهير الاسلام والمسلمين حضرة مجتبى الخواقين مختار ربّ العالمين مجمع الفضل والنعم منبع البذل والكرم الصادع بامر الله القائم بحجة خاتم الزمان منشأ الجود والاحسان ابو المكارم والشمايل بلغ بولكا الغ بيلكا اقبال خان داود بيك اسفهسلار بن الياس اوغول بيك الشهنشاه الا انّ اولياء الله لا خوف عليهم ولا هم يحزنون ووفاته فى ليلة الجمعة الثامن من جماد الاولى سنة ستّين وستماية

«Это — сад великого царя и знатного начальника, знающего, справедливого, щедрого, владетеля меча и пера, рудника щедрости и благородства, прославляющего истину, помогающего людям, дающего пропитание ученым, укрепляющего слабых, славы истины и веры, покровителя ислама и правоверных, избранника хаканов, выбранного Господом миров, места соединения доблести и счастливых качеств, источника щедрости и благородства, выступающего по повелению бога, опирающегося на свидетельство бога, заключения эпохи, родины щедрости и благотворительности, отца благородных и хороших качеств, Балыг-Булга Улуг-Бильгя Икбал-хана Давуд-бека Исфехсалара, сына Ильяс-огул-бека шаханшаха. „На друзьях божиих нет страха, и они не будут огорчены“ [1]. Смерть его [последовала] в ночь на пятницу 8 джумада I 660 г. (31 марта 1262 г.)».

[1] Коран, X 63.

Вторая надпись находится на дверях куполообразного здания Манас-гумбез, верстах в 10 от селения Дмитриевского, на речке Калбе, впадающей в Талас выше селения. Надпись хуже сохранилась и читается с большим трудом; из нее видно, что памятник представляет гробницу женщины كرك خاتون (Керик или Кезик-хатун), дочери какого-то эмира. Время постройки памятника нельзя определить, так как из даты сохранилось только первое слово اربع ('четыре') [2].

Персидская рукопись принадлежала Джагды-ходже, жителю селения Ширкент в Наманганском уезде. Заглавие — *Джāми' ат-тавāрīх* («Сборник летописей»); автор — мулла Сейф ад-дин Ахсикенти, сын *дамуллы* Шах-Аббаса. Автор умер до окончания книги, которая была окончена его сыном Науруз-Мухаммедом в X в. х. Книга заключает в себе главным образом историю шейхов города Касана (в Фергане); жизнь шейхов рассказывается в фантастическом освещении, со множеством анахронизмов, так что книга не имеет исторического значения.

---

[2] ‹В 1938 г. полный перевод сохранившейся части надписи был сделан А. М. Беленицким, в 1945 г. — с рядом изменений М. Е. Массоном. См. М. Массон — Пугаченкова, *Гумбез Манаса*, стр. 34—35; там же подробное исследование надписи, на основании которого представляется возможным восстановление даты как 734/1334 г.›

ТЕКСТ ПЕРВОЙ НАДПИСИ В ВАРУХСКОМ УЩЕЛЬЕ[1]

1 كتابت يوم الثلثا من ايّام شهر جمادى الاولى سنه ثلث و ثلثين واربعماية امر بها تشريفا

2 التكين الاجلّ السيّد العالم العادل معزّ الدولة ارسلان تكين ابو الفضل العباس بن مويّد العدل

3 ايلك ابن الامير نصر بن على شعيد (سعيد?) خان مولى امير المومنين — والى اسفره رودبار رم (?)

4 اعزّ الله شرفه و غفر له و لوالديه

5 و الحقة برسوله محمد صلى الله عليه و آله و اصحابه و اهل بية[2]

6 فى دى ماه الفرسى سنه عشر و اربعماية فى كانون الاوّل الرومية

Конец строки написан, по-видимому, уйгурскими письменами; он не мог быть разобран.

Перевод

1) Написано это во вторник, [в один] из дней месяца джумада I 433 г. Приказал [написать] это для оказания почета

2) Славнейший тегин [князь], мудрый, справедливый начальник Му'изз ад-дауля Арслан-тегин Абу-л-Фазл Аббас, сын Муайид ал-адла

3) Илека, сына эмира Насра, сына Али-хана мученика, клиент повелителя правоверных — правитель Исфары[3]

4) . . . да возвеличит бог его почет и да простит [прегрешения] ему и родителям его. . .

5) . . . и да воссоединит его со своим пророком Мухаммедом, — да благословит бог его [пророка], семью его, спутников его и людей его дома. . .

6) . . . в [месяц] дай-мāх 410 года [по эре] персов, в [месяц] канун I [по эре] греков. . .

---

[1] При разборе надписи я пользовался товарищеской помощью прив.-доц. А. Э. Шмидта.

[2] ‹Так в тексте. Следовало бы بيت или بيته.›

[3] Последние слова этой строки для меня непонятны, хотя в надписи они читаются совершенно ясно. ‹К. А. Иностранцев (*К толкованию*, стр. 555) предложил перевести رودبار رم как «речная долина для пастбищ», в данном случае в значении «(заповедного) пастбищного заливного луга».›

Начало персидской эры (эры Йездигерда) — 16 июня 632 г., так что 410 г. по этой эре соответствует 1041-42 г. н. э. Дай-мāх персидского, как и канун I сирийского календаря соответствуют декабрю. Начало месяца джумада I 433 г. по мусульманской эре соответствует 27 декабря 1041 г.; вторником был день 29 декабря. Следовательно, точная дата надписи — 29 декабря 1041 г.[4].

[4] ‹Сейчас эту надпись именуют не нижней, а северной. О ее историческом значении см. Литвинский, *Северная надпись*.›

ПЕРЕВОД НАДПИСЕЙ НА ГРОБНИЦЕ ТЕРМЕЗА, СОСТАВЛЕННЫЙ ПРОФ. В. В. БАРТОЛЬДОМ

Изображение памятника было помещено в брошюре «Протокол заседания общего собрания членов Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшегося 29 августа 1897 года»; там же [1] с большими пропусками и неточностями напечатан арабский текст надписей.

Перевод. По верхнему карнизу и в пяти средних строках: «Во имя его, которому хвала. Это — место погребения шейха, имама, знающего, святого, Абу Абдаллаха Мухаммеда, сына Али ал-Хакима термезского, да помилует его бог. Он был из великих главарей и из главных шейхов, обладателем высокого красноречия и автором известных книг и ссылался на высокие авторитеты; он разделял с Абу Абдаллахом бухарским, автором [книги] „Сахих“ [2], некоторых из его шейхов (учителей) и учился фикху (законоведению) у некоторых ханифитских [3] факихов (законоведов), да помилует их бог. Скончался он, да помилует его бог, в 255 году (869 г. н. э.)» [4].

В боковых сегментах (начиная справа):

«Он был из познавших бога, великого и славного, и его повеления, из понимавших непосредственным созерцанием смысл того, что ими передавалось, поддерживавших взгляд, что истина у бога, которому хвала. Он тот, который говорил: „Я не сочинил ни одной буквы по [заранее принятому] намерению, но, когда для меня наступало бедственное и тяжелое время, я находил утешение в своих сочинениях“».

Надпись на цоколе на фотографиях почти не видна; начало надписи (по тексту, напечатанному в «Протоколе Туркестанского кружка»): «Сказал пророк — да благословит его бог и да приветствует: „Когда вы

---

[1] ПТКЛА от 27. VIII. 1897, стр. 17.

[2] Абу Абдаллах Мухаммед, сын Исма'ила, бухарский, автор сборника изречений, приписанных пророку, под заглавием *ал-Джами' ас-Сахих* («Достоверный сборник»). Умер в 256/870 г.

[3] Т. е. последователей Абу Ханифы, главы одного из четырех правоверных мусульманских толков.

[4] <Вариант перевода, предложенного А. А. Семеновым, см. Кастальский, *Историко-географический обзор*, II, стр. 5—6.>

будете смущены обстоятельствами [жизни], ищите помощи у лежащих в могилах“» [5].

[5] ‹Сооружение намогильника с рассмотренными надписями В. В. Бартольд относил ко времени не раньше XIV в. (Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 126). М. Е. Массон относит намогильник к началу XV в. См.: М. Массон, *Городища Старого Термеза*, стр. 58; его же, *Надписи на штуке*, стр. 74. В последней работе см. литературу вопроса.›

ПЕРСИДСКАЯ НАДПИСЬ НА СТЕНЕ АНИЙСКОЙ МЕЧЕТИ МАНУЧЕ

К числу надписей, открытых при изучении развалин Ани, принадлежит текст ярлыка (указа) Абу Са'ида Бахадур-хана, монгольского правителя Персии (1316—1335). Указ был издан для защиты населения от незаконных и разорительных поборов. Надпись, содержащая текст указа (не совсем полный, недостает конца), была выбита на видном месте, на стене мечети, очевидно, для того, чтобы указ сделался известен как можно большему числу жителей, т. е. чтобы население было осведомлено о своих правах и о мерах, принятых для их защиты. С той же целью, по словам Рашид ад-дина [1], еще Газан-хан (1295—1304) в своем указе о податях, изданном в половине раджаба 703/22 февраля 1304 г., предписал в каждой деревне и каждом местечке принять меры к широкому распространению сведений о том, сколько должны платить данная деревня или данное местечко; эти сведения должны были быть записаны «на [деревянной] доске, на камне, на листе из меди или железа, как хотят; пусть вырежут [надпись]; если хотят, пусть выбьют на плите из гипса, пусть [выставят ее] на воротах деревни, мечети, минарета или других мест, какие выберут; у евреев и христиан на воротах деревни, мест поклонения или других мест, где захотят; у кочевников пусть ставят столбы [с надписью], где будет признано удобным» [2].

و شرطنامها در دست ارباب ورعایا نهاده فرمودیم تا بموجب[3] معیّن هر دیهی
و موضعی بر تختهٔ[4] یا سنگی یا صحیفهٔ مس واهن هر کدام که ایشان خواهند
بنویسند وبر آن نقش کنند و اکر خواهند بکچ کرده کنده‌کری بنویسند[5] و بر[6] در
دیه ومسجد ومناره ودیکر مواضع که ایشانرا اختیار باشد واز ان یهوده[7] ونصاری بر

[1] Цитаты из *Джами' ат-таварих* Рашид ад-дина приводятся ниже по двум рукописям: рукописи Азиатского музея а 566 ‹ИНА D66› и рукописи Императорской Публичной библиотеки Дорн 289.

[2] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 410б (по первоначальной, восточной пагинации); рук. Публ. б-ки, л. 370. Ср. об этом d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 384.

[3] Рук. Аз. муз. بموجبهی.

[4] Рук. Аз. муз. بریخت.

[5] Рук. Публ. б-ки om.

[6] Рук. Аз. муз. om. بر; рук. Публ. б-ки tantum: و بر در مسجد.

[7] Рук. Публ. б-ки یهود.

در دیه ودر معابد[8] ومواضعی که خواهند واز ان صحرانشینان میل بسازند بموضعی که صلاح دانند.

В царствование Абу Са'ида, по сообщению Даулетшаха [9], в разные области государства были отправлены указы о мерах веса, мерах длины, и т. п.; в некоторых местностях эти указы были вырезаны на дереве или камне и выставлены в мечетях. Даулетшах прибавляет, что еще в его время, т. е. во второй половине XV в., в Хорасане и Ираке сохранялись некоторые из этих надписей.

Надпись, открытая в 1848 г. Н. В. Ханыковым, с тех пор издавалась два раза: в первый раз (текст и французский перевод) самим Ханыковым [10], во второй — Броссе [11] (только французский перевод) по дополнительным сведениям, полученным от Ханыкова. Перевод Броссе заключает в себе, по сравнению с изданием Ханыкова, только одну существенную поправку; правильно прочитано слово كذخدايان, хотя в переводе оно ошибочно передано словом «commandants». Поправки основывались главным образом на сообщениях турецкого полковника Осман-Али, члена русско-турецкой разграничительной комиссии, с которым Ханыков в 1857 г.[12] вновь посетил развалины города. Предполагалось, что ярлык будет исследован более подробно В. В. Вельяминовым-Зерновым [13], который, однако, не осуществил своего намерения [14]. Перевод Броссе наглядно показывает, что по существовавшим в то время копиям, сделанным от руки, мог быть установлен только общий смысл ярлыка, но не подлинные слова его. На основании этого текста вопрос о том, какие термины употребляются в ярлыке и каково значение этих терминов, не мог бы быть выяснен.

В моем распоряжении находились два фотографических снимка; первый (см. рис. 3) снят со стены, на которой находилась надпись и которая впоследствии (в 90-х годах прошлого века) обвалилась, второй (см. рис. 4) — с фрагментов надписи, собранных полностью в 1908 г.[15] при расчистке груды мусора, образовавшейся вследствие этого обвала

---

[8] Рук. Аз. муз. معاند.

[9] Даулетшах, изд. Брауна, 228.

[10] *Note sur le yarligh.* Тремя годами раньше в «Bulletin» Академии было помещено только краткое сообщение Ханыкова о списанной им надписи, но текст не был приведен (Khanykof, *Quelques inscriptions*, p. 73).

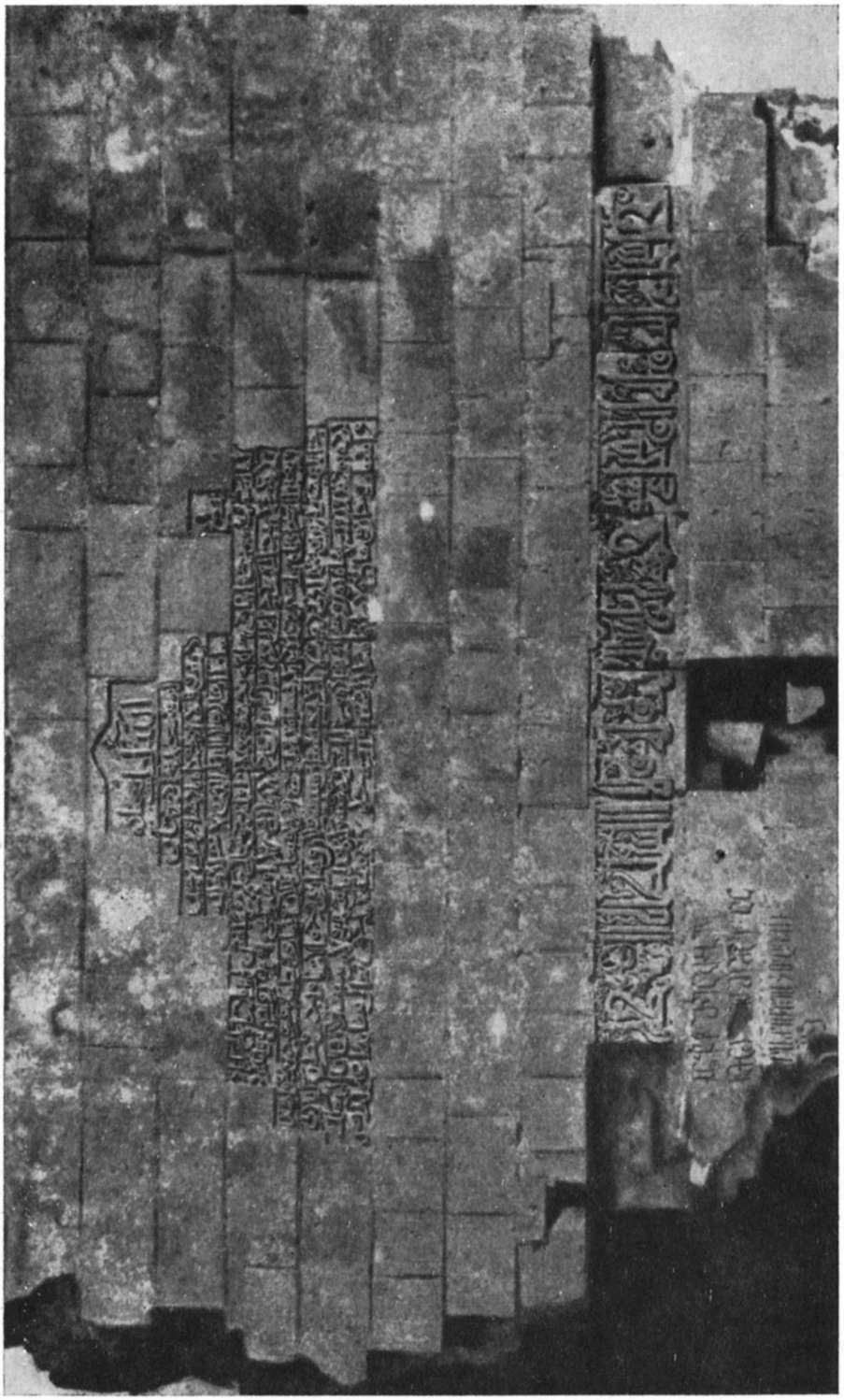
[11] *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 30. ‹Алишан (*Ширак*, стр. 56) воспроизводит надпись уже по печатным изданиям. — *Прим. Н. Марра.*›

[12] По Броссе, в 1856 г.; 1857 г. — L. Brosset, *Bibliographie analytique*, col. 321 et 381.

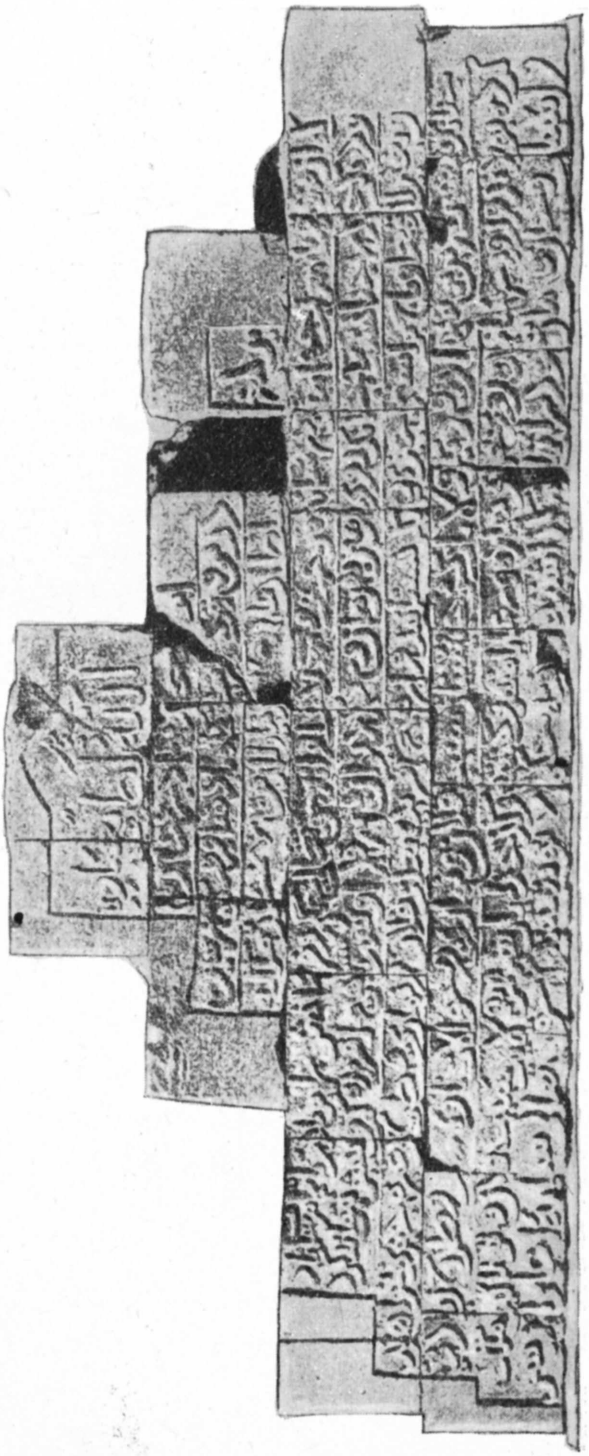
[13] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 30.

[14] Вельяминов-Зернов именно в это время приступил к своему труду о касимовских царях и царевичах; см. Веселовский, *Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов*, стр. 12.

[15] Марр, *Раскопки в Ани*, стр. XXXVI.



Надписи на мечети Мануче (вид до разрушения стены)



Персидская надпись с мечети Мануче, собранная в 1909 г.

(самый снимок относится к 1909 г.). На этих снимках все буквы надписи читаются совершенно ясно, и текст ярлыка не вызывает никаких сомнений.

ТЕКСТ

1 الله لطيف بعباده

2 ابو سعيد بهادر خان

3 يرليغ درين وقت كه از تختگاه بادشاه روی زمين

4 سلطان عالم علاء الدنيا و الدين خلّد ملكه

5 كه از مشرق تا مغرب جهانيان در سايهٔ مرحمت و معدلت او اند حق تعالى حكم و فرمانش‌را بزيادت باتمام رساناد

6 وديكر حكم جنانست كه جنانك روی زمين بفرمان وحكم ديوان بسر قلم واست تا هيچ افريده كم وبيشی نتواند كرد

7 و بغير از تمغا و باج براستی جيزی ديكر نستانند و از هيچ افريده بعلّت قلان و نماری وطرح و غيره جيزی نخواهند

8 جنانك بيشتر ازين بر شهر انی وديكر ولايات كرجيستان[16] سبب قلان و نماری و حوالات ناواجب و طرح زيادتی

9 كرده بودند و زور رسانيده روی بخرابی نهاده و رعايا متفرّق كشته و كدخدايان شهر ولايت[17] سبب قلان و ترناكير ملك

10 و اسباب و خان ومان خودرا كذاشته ورفته حكم نوشتند كه حقّ تعالى سايهٔ اعلى از سر

1. Бог проникает[18] [в тайны] своих рабов.
2. Абу Са'ид-Бахадур-хан
3. Ярлык. — В настоящее время[19] из столицы царя земной поверхности,
4. султана мира, возвышения земного мира и веры[20] — да сделает [бог] вечным его царствование! —

---

[16] Так ясно в надписи вместо правильного كرجستان.

[17] Очевидно, перед словом ولايت пропущено و.

[18] Ханыков (*Note sur le yarligh*, p. 65) полагает, по-видимому справедливо, что слово لطيف здесь не имеет значения «милостивый», но употреблено в том же смысле, как в стихе Корана (XXXI, 15), оканчивающемся словами انّ الله لطيف خبير ‹Ср. *Коран*, пер. Крачковского, стр. 327.›

[19] Построение фраз в ярлыке не отличается грамматической стройностью и последовательностью; придаточным предложениям, которыми начинается фраза, не всегда соответствуют главные, причастным формам — формы с личными окончаниями. В переводе не переданы такие особенности персидского стиля, как плеонастическое употребление слова كه и слов و ديكر в начале шестой строки.

[20] Насколько мне известно, титула علاء الدنيا و الدين нет на монетах Абу Са'ида; в исторических сочинениях, по-видимому, также нет сведений о принятии им такого титула. Знак, находящийся в надписи и после этого титула и после слова حكم, в тех случаях, когда оно относится к распоряжениям хана (в выражении حكم ديوان› этого знака нет), по-видимому, заменяет имя или титул государя. Встречается

5. когда с востока до запада обитатели мира находятся под сенью его милосердия и справедливости, — да сделает Всевышний бог его распоряжение и приказ еще более действительными! —
6. распоряжение таково. Так как земная поверхность подчинена его приказу и распоряжение дивана зависит от начертания его пера, пусть никто не будет в состоянии убавить или прибавить [что-либо],
7. пусть, кроме *тамги* и справедливой пошлины, ничего другого не взимают и ни с какого человека под предлогом [податей] *калан*, *немери*, *тарх* и других [21] ничего не требуют,
8. как перед этим в городе Ани и других областях Грузии по причине [податей] *калан*, *немери*, незаконных ассигнований и [подати] *тарх* поборы
9. производили и применяли насилие. [Местность] стала приходить в запустение, люди из простого народа рассеялись, старосты города и области по причине [податей] *калан* и *тернагир* имущество недвижимое,
10. движимое и семьи свои покинули и ушли. Написали распоряжение [22] [такого содержания]: «Всевышний бог высочайшую тень (т. е. тень высочайшей защиты) от головы [подданных не удаляет?]. . .»

Конец ярлыка, в котором, вероятно, была указана точная дата его издания, в надписи не приводится [23], вследствие чего время издания ярлыка может быть определено только приблизительно. Terminus ante quem, конечно, день смерти Абу Са'ида — 13 раби'II 736/30 ноября 1335 г.[24]. Terminus post quem, как заметил еще Ханыков[25], определяется титулом *бахадур*; по рассказу Хамдаллаха Казвини и продолжателя Рашид ад-дина, Абу Са'ид принял этот титул в раби'II 719/мае—июне 1319 г., после усмирения восстания Курмиши (наместника Грузии) и его единомышленников [26]. Слова историков в этом слу-

---

ли этот знак в каких-нибудь других грамотах, мне неизвестно; его нет ни в золотоордынских грамотах, ни в письмах Аргуна и Улджэйту, насколько можно судить по приложенным к изданию Абель-Ремюза копиям (Abel-Rémusat, *Memoires*).

[21] О названиях податей см. ниже.

[22] Присутствие отмеченного выше знака (стр. 317, прим. 20) заставляет полагать, что словом حكم и здесь обозначается распоряжение хана.

[23] Броссе объяснял неполноту надписи недостатком места; но снимок с изображением стены показывает, что места было довольно. Слова Броссе: «. . . l'espace ayant manqué pour l'entier développement de la pensée souveraine» ‹*Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 31› — заставляют полагать, что, по его мнению, «мысль государя» с самого начала была воспроизведена на стене мечети. Между тем едва ли подлежит сомнению, что надпись представляет только копию, может быть, только пересказ текста официальной грамоты, причем на стене мечети была воспроизведена только та часть ярлыка, на которую преимущественно хотели обратить внимание жителей.

[24] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 716.

[25] *Note sur le yarligh*, p. 67.

[26] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 640. Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ун-та № 153, л. 336; *Зайл-и джами' ат-таварӣх*, л. 502б.

чае, как указал еще Френ [27], подтверждаются нумизматическими данными; на монетах первых лет царствования Абу Са'ида титула *бахадур* нет. Ярлык, следовательно, относится ко времени между 1319 и 1335 гг., по-видимому скорее ко второй, чем к первой половине этого периода. Из слов ярлыка видно, что ко времени его издания жители были совершенно разорены непосильными поборами и большей частью покинули свое имущество. Об упадке города вследствие непосильных податей говорится уже в надписи одного из представителей местной династии (Захаридов), Акбуги, брата Шаханшаха II; надпись относится к 1303 или 1304 г. Акбуга, «от имени ильхана, ради долголетия и благополучия своего брата Шаханшаха и своего собственного», отменил три категории податей [28]. В надписи 1320 г., от имени вдовы другого Захарида, Шаханшаха III, снова говорится об освобождении жителей Ани от некоторых податей [29]. Из этого видно, что процесс обеднения города начался задолго до 1319 г., но еще в 1320 г. город продолжал составлять доходную статью не только для монгольских ильханов, но и для местных правителей. В том же 1320 г. анийский сборщик городской подати (*бадж*) освободил от уплаты этой подати один из местных монастырей [30]. Очевидно, нужно было некоторое время, чтобы город дошел до того состояния, о котором говорится в ярлыке; в 1320 г. этот процесс еще далеко не был закончен.

Едва ли можно сомневаться в том, что в надписи не воспроизведен подлинный текст ярлыка, изданного Абу Са'идом, но только передано его содержание. В дошедших до нас подлинных грамотах монгольских правителей [31] о государе, как и следовало ожидать, говорится в первом лице, а не в третьем, как в анийской надписи.

Надпись представляет большой интерес как источник для выяснения истории не только города Ани, но и того государства, в состав которого город в то время входил. По справедливому мнению Ханыкова, этой надписью безусловно опровергается армянское историческое предание

---

[27] *De Il-Chanorum seu Chulaguidarum Numis*, p. 518.

[28] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 52.

[29] Ibid., p. 50.

[30] Ibid., p. 12.

[31] Ср. текст ярлыков, приведенных у Рашид ад-дина, например упомянутый выше ярлык 22 февраля 1304 г. (начало его — рук. Аз. муз., л. 409а); кроме того, до нас дошел под заглавием *Дастӯр ал-кāтиб фӣ та'йӣн ал-марāтиб* сборник образцов грамот династии Джалаиров, во всем подражавшей своим предшественникам Хулагидам (лейденская рукопись № 574; об этом сборнике см. статью П. М. Мелиоранского *О Кудатку Билике*, стр. 015 и сл.). ‹В настоящее время издан критический текст этого сочинения: Нахчивани.›

о гибели города вследствие землетрясения 1319 г.[32]. Город опустел постепенно по тем же причинам, по которым постепенно падало благосостояние большей части областей, завоеванных монголами.

Часто утверждали, что монгольское завоевание имело для Передней Азии еще более гибельные последствия, чем для Западной Европы великое переселение народов [33]. Несомненно, что монголы XIII в., совершавшие при погребении своих государей человеческие жертвоприношения [34], находились на гораздо более низкой степени культуры, чем германцы V в.; тем не менее мы в Передней Азии после монгольского нашествия не видим такого полного и продолжительного упадка культуры, как в Европе после падения Римской империи, с возвращением от денежного хозяйства к натуральному, от развития городской жизни к господству землевладельческой аристократии. Общий уровень благосостояния страны не мог не понизиться под влиянием господства дикарей; но система управления в общем оставалась та же. Монгольские правители быстрее, чем можно было ожидать, усвоили местную культуру; уже через 40 лет после основания монгольского государства в Персии были приняты меры для упорядочения денежной системы. В ту же эпоху в Персии возникла новая столица. Город Тебриз, избранный для этой цели Газан-ханом, сделался большим и богатым городом, нисколько не уступавшим столицам домонгольской эпохи; в начале XIV в. была построена новая столица—Султания, причем место для постройки города было выбрано настолько удачно, что он мог сохранить свое торговое значение даже после того, как перестал быть местопребыванием государей [35]. Таких примеров мы тщетно стали бы искать в Европе в начале средних веков [36]. Различие, вероятно, объясняется тем, что монгольское завоевание не имело характера «переселения народа», как германское движение. По всем признакам главная масса монгольского народа по-

---

[32] Насколько мне известно, персидские историки этой эпохи совершенно не упоминают о таком землетрясении. Это тем более замечательно, что военные действия 1319 г., о которых историки говорят очень подробно (усмирение восстания Курмиши), происходили в местности, близкой к Ани, в северо-западной Персии; после усмирения восстания султан отправился на зимовку в Карабаг.

[33] Lindner, *Weltgeschichte*, Bd II, S. 98: «Die gräßliche Verwüstung, die diese entmenschten Horden anrichteten, ist weder mit denen der Völkerwanderung, noch mit den Leiden einzelner Völker, wie der Deutschen im Dreißigjährigen Kriege, zu vergleichen».

[34] Ср. о похоронах Хулагу d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 407. ‹Отдельно взятые религиозные ритуалы сами по себе, разумеется, не могут служить показателем общего уровня культурного развития.›

[35] Ср. мою книгу *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 140 и сл., 146 и сл.

[36] Ср. Lindner, *Weltgeschichte*, Bd I, S. 265 о Галлии при франках: «Der Handel hörte auf, die Lebensfristung war auf den Landbau angewiesen und die Städte verloren immer mehr ihre Bedeutung. . . Eine niedere Wirtschaftsform, die natural wirtschaftliche, schlug durch».

прежнему оставалась в Монголии, где не произошло никаких этнографических изменений, как в Германии после выселения части германцев.

Представители монгольской династии еще на своей родине подверглись влиянию культурных советников [37]; представители монгольского народа были слишком малочисленны, чтобы изменить общий характер условий жизни. Если были случаи принятия мусульманами монгольской одежды, то это делалось добровольно, из желания угодить государям [38]. Языком делопроизводства, по крайней мере в делах внутреннего управления, оставался язык покоренных. Еще при дворе Мункэ-хана (1251—1259) были чиновники из персов, уйгуров, китайцев, тибетцев, тангутов и др., чтобы каждый народ мог получать указы на своем языке [39]. Эти указы, по словам Рашид ад-дина, составлялись образцово, лучше чем при царях домонгольской эпохи, так что последние, если бы были живы, наверное, подражали бы созданным при монголах образцам [40]. Документы монгольской эпохи, однако, существенно отличаются от более ранних документов как по своей внешней форме, так и в особенности по официальной терминологии. Монголами были перенесены в Переднюю Азию многие термины, усвоенные ими еще до завоевания мусульманских стран от уйгуров; некоторые из этих терминов, относящиеся к области финансового управления, встречаются и в нашей надписи.

О состоянии Передней Азии при монголах, о мерах, принятых монгольскими государями, и о результатах этих мер мы имеем довольно подробные сведения. Персидские историки этой эпохи [41] подробно говорят не только о внешних событиях, но и о внутреннем состоянии страны в каждое царствование. В этом отношении наиболее важен рассказ Рашид

---

[37] Ср. об этом Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 112.

[38] Фахри, изд. Альвардта, 31.

[39] Слова Джувейни (по рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 231 и рук. Публ. б-ки Ханыков 71): واز همه نوع کتبه ملازم اند از کتّاب بارسی و ایغوری و خطائی و تبّتی و تنکوتی و غیر آن تا هر گه که بموضعی مثال نویسند بزبان وخطّ آن جماعه اصدار افتد. На тот же принцип, чтобы каждому народу посылались указы на его языке, ссылается автор *Дастӯр ал-кāтиб* (л. 179а): یکی از صنایع آن داشتیم که بهر طایفه احکام بزبان ایشان انفاذ و اصدار یابد تا مضمون انها [Cod. اانذا] بسهولت فهم کنند از آن جمله بمدینة السلام بغداد و سایر بلاد عراق عرب احکام بزبان عربی صدور می‌یافت و بر طوایف اعاجم وبلاد جبال وبقاع فرس بزبان فارسی واجب آمد بطوایف مغولان واتراك نیز بالسنه وخطوط ایشان احکام ارسال کردن تا فهم باسانی کنند با او بزبان او سخن باید کفت; ср. перевод этого места у Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 470.

[40] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 236а; рук. Публ. б-ки, л. 206: ودر ایّام (?) ملوك باستان و عهود سلاطین ماضیه چنین ترتیب وآیین تمام نبوده یقین که اکر زنده بودندی بدین طریقه اقتدا نمودندی.

[41] О них см. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 40—51; <наст. изд., т. I, стр. 92—100>.

ад-дина, который по своему положению везира был посвящен во все дела государственного управления, о реформах Газан-хана, причем автором подробно описываются злоупотребления предшествующего периода, которыми были вызваны реформы, и приводится подлинный текст целого ряда указов. К сожалению, до сих пор еще не существует полного критического издания и перевода этой части труда Рашид ад-дина [42]. Из других сочинений для нашей цели особенно важен географический труд Хамдаллаха Казвини (*Нузхат ал-кулӯб*), составленный в 1339 г. Автор происходил из рода, представители которого издавна занимали должности по финансовому управлению, и сам посвятил себя той же отрасли государственной службы; поэтому он имел возможность привести по подлинным документам цифры податей как для своего времени, так и для предшествующей (сельджукской) эпохи, как для всего государства, так и для отдельных областей [43]. Из некоторых мест видно, что цифры, относящиеся к податям отдельных областей в монгольский период, заимствованы из списка податей 35-го года [44] учрежденной Газан-ханом «ильханской» эры, т. е. 1336 г. н. э. [45].

Доходы государства и отдельных областей его перечисляются Хамдаллахом Казвини в томанах и динарах. Несмотря на частое употребление слова *томан* в монгольскую эпоху, в европейской литературе, если не ошибаемся, до сих пор не было точного определения этого термина. Автор ученого труда, изданного в 1910 г., посредством фантастических вычислений приходит к выводу, что бюджет государства, основанного в Передней Азии монголами, значительно превышал миллиард франков [46]. В таком случае мы были бы вынуждены признать, что страна никогда

[42] В Horn, *Geschichte Irans*, S. 576 упоминается только перевод законов Газан-хана по сочинению позднейшего компилятора Хондемира (Kirkpatrik в «New Asiatic Miscellanea», I, Calcutta, 1789, p. 149 sq.). Сокращенный пересказ по Рашид ад-дину у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 370—477) и Хаммер-Пургшталя (*Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 155—177). ‹Советскими востоковедами осуществлен перевод этого раздела «Сборника летописей». См. Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. III. Сводный критический текст см. также Рашид ад-дин, изд. Али-заде.›

[43] Часть сочинения, относящаяся к Месопотамии, средней и северо-западной Персии, издана Шефером в приложении к его изданию *Сийāсат-нāме* Низам ал-мулька (Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 141—235).

[44] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 142, 167, 169.

[45] Начало эры ильхана определяется в историческом сочинении того же автора (Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ун-та № 153, л. 330): در عهد اولایعنی غزان خان] تاریخ خانی که اکنون در دیوان حساب بر آن می‌کنند در ثانی عشر رجب سنهٔ احدی وسبعمایه وضع کردند. 12 раджаба 701 г. х. соответствует 13 марта 1302 г. В *Нузхат ал-кулӯб* началом эры назван четверг 13 раджаба 701 г. х., т. е. 15 марта 1302 г. (рук. Аз. муз. 603bbc, л. 29а-б; ср. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 175, 358).

[46] Blochet, *Introduction*, p. 135. Эти фантастические вычисления приведены теперь и на русском языке в статье Зимина *Новые сведения* (стр. 73, прим. 1).

не достигала такого благосостояния, как в монгольскую эпоху [47], и что жалобы всех персидских историков на бедственное положение их родины, опустошенной дикими завоевателями, ни на чем не основаны. Между тем источники дают нам совершенно ясное определение слова *томан*, и это определение приводит нас к совершенно иным выводам.

Слово *томан*, собственно *тӱмен*, заимствованное монголами у турков, турками, по всей вероятности, у более древних жителей нынешнего Китайского Туркестана [48], значит 'десять тысяч'. Как термин для определения денежной суммы это слово, по всей вероятности, имело различное значение в различных монгольских государствах, смотря по тому, какая денежная система господствовала в данной стране. Историк Вассаф уверяет, говоря о Китае, что каждый томан равнялся 10 000 балышей, каждый балыш — 6 динарам [49]. В Персии счета на балыши, насколько можно судить по рассказам историков, в конце XIII и в XIV в. не было; монетной единицей, установленной Газан-ханом, был, как нам известно по многочисленным монетам этого хана, дирхем весом в 2,15 *г*, т. е. около ½ золотника [50]. Можно было бы думать, что в Персии томан равнялся 10 000 таких дирхемов; таково, по-видимому, было мнение д'Оссона, по которому весь годовой доход монгольских властителей Персии составлял 30 миллионов дирхемов [51]. Но Хамдаллах Казвини везде сопоставляет томаны не с дирхемами, а с динарами. Вопреки мнению Блоше, имеются в виду не золотые монеты, которые при Хулагидах, как и при их преемниках Джалаирах, чеканились только в ограниченном количестве, для торжественных случаев [52], но те серебряные динары, о ко-

---

[47] Blochet (*Introduction*, p. 299) указывает, что «déjá, à l'époque sassanide, les revenus de l'Iran atteignaient une somme considérable», но при этом забывает, что в глазах всех мусульманских писателей эпоха Сасанидов была для Ирана эпохой высшего процветания материальной культуры, какого страна впоследствии никогда больше не достигала.

[48] Миронов, *О статье*, стр. XXIII.

[49] Вассаф, бомбейское изд., 506. У Катрмера (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 321) по ошибке «mille balischs», но чтение هزار ٥٠ имеется также в обеих петербургских рукописях (рук. ун-та № 4, л. 328а; рук. Публ. б-ки V, 3, 24, л. 349).

[50] Марков, *Каталог джелаиридских монет*, стр. LXXVIII.

[51] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 543. В источнике, на который сделана ссылка (у продолжателя Рашид ад-дина), этой цифры нет; она, очевидно, выведена д'Оссоном путем таких же вычислений, как вычисления Блоше, на основании того же самого текста.

[52] Ср. слова Рашид ад-дина у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t, IV, p. 464 sq.) и слова византийского автора, приведенные Хаммер-Пургшталем) *Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 159). В другом месте (Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 385б; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 344) Рашид ад-дин, в рассказе о щедрости Газан-хана, говорит о раздаче 300 томанов золотом. Если были такие случаи чеканки большого количества золотых монет для раздачи, то во всяком случае не эти томаны, как показывает приводимое ниже вычисление Хамдаллаха Казвини, имелись в виду при определении величины податей.

торых говорит Рашид ад-дин. Серебряный динар по предписанию Газан-хана должен был весить 3 мискаля, т. е. 3 золотника [53], другими словами, равняться шести дирхемам. О динаре ценностью в 6 дирхемов говорят также авторы XIV в. Нувейри [54] и ал-Омари [55]. Нумизматические данные показывают, что серебряные монеты чеканились при Газан-хане ценностью в ½, 1, 2 и 6 дирхемов [56]. Динар, таким образом, был высшей по ценности серебряной монетой государства. Если томан равнялся 10 000 таких динаров, то ценность томана определяется в 60 000 дирхемов; и действительно, по вычислению Хамдаллаха Казвини, сумма в 128 миллионов дирхемов составляла 2133 томана с лишним [57].

Установленный Газан-ханом вес монет соблюдался недолго; при Абу Са'иде дирхем, подобно золотоордынской деньге, весил всего $^1/_3$ золотника вместо ½, т. е. монеты в 6 дирхемов — 2 золотника вместо 3 [58]. Возможно, что дирхемы последних ильханов сохраняли в качестве кредитной монеты, особенно при расчетах с казной, свою номинальную ценность. Серебряный динар Газан-хана по количеству заключавшегося в нем серебра (3 золотника) может быть приравнен к 75 коп., так что ценность томана определяется в 7500 руб. Покупная ценность денег в Персии монгольского периода была, конечно, гораздо выше, чем в наше время; но определить эту разницу в цифрах едва ли возможно.

По словам Хамдаллаха Казвини, вся сумма поступлений от различных областей, кроме Хорасана, который при монголах в финансовом отношении был отделен от остальной части Персии, но со включением Месопотамии, Малой Азии, Грузии и других закавказских областей при монгольских правителях до Газан-хана составляла 1700 томанов с лишним, т. е. более 12 750 000 руб. Вследствие реформ Газан-хана, под влиянием которых увеличилось благосостояние населения, эта сумма увеличилась до 2100 томанов с лишним (15 750 000 руб.), т. е. почти на 25%; при Хамдаллахе Казвини не удавалось собрать и половины этой суммы, так как население вследствие внутренних неустройств и частого прохождения военных отрядов не обрабатывало своих пашен [59].

---

[53] D'Ohsson, ibid., по Рашид ад-дину (рук. Аз. муз., л. 418а): مى‌فرمود تا نقرهٔ مسكوك نيز بوزن خرج كنند سه مثقال بيك دينار. Хаммер-Пургшталь (*Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 160) ошибочно относит слова Рашид ад-дина о монете в 3 мискаля к золоту. О мискале ср. Марков, *Каталог джелаиридских монет*, стр. LXXX (вес золотой монеты Абу Са'ида с надписью نيم مثقال).

[54] Приведено у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 639).

[55] Извлеч. в пер. Катрмера, 194 и 244. Также СМИЗО, I, 242.

[56] Марков, *Каталог джелаиридских монет*, стр. LXXVIII.

[57] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 142.

[58] Марков, *Каталог джелаиридских монет*, стр. LXXIX. О золотоордынской деньге: Кауфман, *Русский вес*, стр. 129. ‹Новые данные см. Федоров-Давыдов, *К вопросу о денежном курсе золота.*›

[59] Текст Хамдаллаха Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, рук. Аз. муз. 603bbc (старейшая), лл. 183б—184а; рук. ун-та № 171, л. 190б: حقوق ديوانىّ آن پيش ازين

Чтобы показать, насколько упало благосостояние страны со времени сельджукского периода, автор приводит, по *Рисāла-йи Меликшāхī* [60], сумму доходов сельджукского государства — более 21 500 томанов динарами из «красного золота» того времени; так как золотой динар сельджукского периода равнялся $2^1/_3$ монгольского (серебряного) динара (т. е. 14 дирхемам?), то эта сумма составила бы по монгольскому счету более 50 000 томанов (т. е. более 375 000 000 руб.?) [61]. В том же месте указывается, что и сельджукская эпоха была временем упадка по сравнению с эпохой Сасанидов; при исчислении доходов Хосроя Парвиза в 18-й год его царствования (607-08 г. н. э.) приводится та же цифра (420 млн.), как у Ибн Хордадбеха [62] и Табари [63], но при этом вместо дирхемов говорится о «красных динарах», вследствие чего получается гораздо более значительная сумма, чем та, о которой говорят первоисточники. Этот факт заставляет сильно сомневаться в том, насколько правильны сведения автора о доходности государства и его отдельных областей в прежние времена, особенно в тех случаях, когда он не приводит подлинных цифр, указанных в его источниках. О ценности золотых динаров сельджукской эпохи точных сведений нет [64]; возможно, что низкопробный сельджукский динар [65] равнялся $2^1/_3$ монгольского серебряного динара, но трудно допустить, чтобы доход сельджукских государей равнялся 215 млн. таких динаров; эта цифра значительно превышает

فترات بیرون خراسان که آنرا سلطنت علی حده است وحساب انجا در عهد مغول داخل جمع ایران نمی‌کردند وجداکانه نوشتندی بجند نوبت که جامع الحساب ممالك ایران نوشتیم تا اوّل عهد غزان خان تغمّده الله بغفرانه یکهزار وهفتصد وجند تومان بوده است وبعد از ان بسبب عدل غازانی که ولایات روی در ابادانی نهاده بمبلغ دو هزار و صد تومان وکسری می‌رسید واکنون همانا نیمهٔ ان نباشد چه اکثر ولایت ازین تحکّمات (?) و تردّد لشکرها بر افتاد ودست از زرع باز داشتند

[60] Об этом сочинении см. Бартольд, *К истории Мерва*, стр. 131; ‹см. выше, стр. 187›.

[61] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулūб*, рук. ун-та № 171: ودر رسالهٔ ملکشاهی آمده که در عهد سلطان ملکشاه سلجوقی بیست و یك هزار و پانصد و جند تومان زر سرخ بوده و دیناری زر سرخرا دو دینار ودو دانك حساب کردندی بنجاه هزار تومان و کسری بودی خرابی و آبادانیٔ جهان ازین قیاس توان کرد وشکّ نیست خرابی که در ظهور دولت مغول اتّفاق افتاد وقتل عام که در آن زمان رفت اکر تا هزار سال دیکر هیچ واقعه حادث نشدی هنوز تدارك پذیر نبودی و همین تا آن حال نرفتی که پیش ازان واقعه بود علی الخصوص درین زمان از کثرت وقوع حدثان

[62] Ибн Хордадбех, текст, 15, $_6$ и сл.

[63] Табари, I, 1042, $_2$ и сл.

[64] А. К. Марков обратил мое внимание на работу Sauvaire, *Matériaux*, но в этой работе даются только очень краткие и неясные сведения, в том числе и о той сельджукской монете, которая чаще всего упоминается историками, именно о دینار رکنی (ibid., II, p. 453).

[65] Тизенгаузен, *Восточные монеты*, стр. 298.

даже бюджет аббасидского халифата в эпоху его наибольшего процветания [66].

В культурно-историческом отношении было бы интересно сопоставить цифру доходов ильхана с цифрами доходов современных ему европейских государей; но доход главы феодального государства едва ли поддается вполне точному исчислению. Э. Д. Гримм указал мне на данные, приведенные в известном труде Зомбарта о современном капитализме [67]. Из этих данных видно, что во Франции в 1311 г. обыкновенные доходы составляли всего около 3 млн. современных франков, доходы английского короля в 1300 г. — несколько более 4 млн. (вычисления самого Зомбарта не сходятся с приводимыми им цифрами).

При перечислении отдельных областей автор следует тому административному делению, которое существовало при монголах. Ани, как и в домонгольскую эпоху, входил в состав Грузии, главным городом которой оставался Тифлис. Грузия (گرجستان و ابخاز) доставляла в казну ильханов 120 томанов и 2000 динаров, т. е. 901 500 руб.; при прежних (грузинских) царях доход области равнялся 500 монгольским томанам (3 750 000 руб.) [68]. Первая цифра показывает, что Грузия по своей доходности стояла значительно выше большей части других областей монгольского государства, в особенности соседних провинций. Из других частей государства указывается значительно более высокая цифра доходов только для Малой Азии (330 томанов=2 475 000 руб.) [69], Ирака Арабского (более 300 томанов=2 250 000 руб.) [70] и Фарса (287 томанов и 1280 ди-

---

[66] Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 130.

[67] Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, Bd I, S. 241 sq.

[68] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 229.

[69] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 214б. Может показаться невероятным, что именно Малая Азия была такой доходной областью, тем более, что даже при Газан-хане оттуда поступало всего 60 томанов (450 000 руб.; ср.: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 204, и Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0128). M. Th. Houtsma ссылается, как на особенно убедительный пример последствий монгольского владычества, на судьбу Малой Азии, «das vor dem Einfalle der Mongolen eins der reichsten Länder war, von ihren Kriegszügen verhältnismässig wenig zu leiden hatte und dennoch von ihrem Steuersystem vollständig zu Grunde gerichtet wurde» (Houtsma, «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1896, S. 713, вероятно на основании d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 204 sq.). Если цифра Хамдаллаха Казвини действительно извлечена из подлинного документа, то приходится признать, что справедливое управление наместника Тимурташа (1317—1327) в самом деле придало области «совсем другой вид» (ibid., t. IV, p. 688, по продолжателю Рашид ад-дина, ‹*Зайл-и джами' ат-таварӣх*›, рук. Аз. муз., л. 516б: واین ولایت بغایت خرابی رسیده بود وحالا بدولت سلطان بحال عمارت باز رسیده است). Омари (извлеч. в пер. Катрмера, 378) отмечает факт, что даже в эпоху полного расстройства государства ильханов (после смерти Абу Са'ида) монголы не лишились в Малой Азии ни одной из тех областей, которыми владели при Тимурташе.

[70] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 142.

наров=2 153 460 руб.) [71]. Что касается соседних с Грузией областей, то из Ширвана поступало всего 11 томанов и 3000 динаров (84 750 руб.) [72], из Аррана — 30 томанов и 3000 динаров (227 520 руб.) [73], из Великой Армении (столицей ее считался тогда город Ахлат на берегу Ванского озера) — 39 томанов (292 500 руб.) [74]. Из других больших областей Персии Керман вносил в казну 67 томанов и 6500 динаров (около 507 375 руб.) [75], Исфахан — 50 томанов (375 000 руб.) [76], Хузистан — 32½ томана (243 750 руб.) [77]. Что касается цифры дохода Грузии при прежних царях, то едва ли Хамдаллах Казвини в этом случае пользовался какими-либо документальными данными [78], но и тут сравнение с другими областями оказывается в пользу Грузии. По сведениям нашего автора, разница между цифрами доходов, относящимися к домонгольскому и к монгольскому периодам, в других областях была еще гораздо более значительной.

Из рассказа Рашид ад-дина [79] о том состоянии, в котором находился Иран ко времени вступления на престол Газан-хана, ясно видно, что причиной разорения страны была не чрезмерность податей, но способ их взимания и отсутствие всяких гарантий, что уплаченные населением суммы не будут вторично взысканы с тех же плательщиков. Деньги собирались на местах и не отправлялись в казну; правительство причисляло данную местность к тем, из которых подати еще не поступали, и за поставки для казны платило ассигновками на получение соответствующих сумм. Под предлогом уплаты по этим ассигновкам, в действительности не производившейся, снова взимались деньги с обывателей. К таким случаям,

---

[71] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 221б.

[72] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 227.

[73] Там же, 223. Очевидно, سی опечатка вм. سه (так рук. ун-та № 171, л. 213а).

[74] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 231.

[75] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 230б.

[76] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 171.

[77] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 220а.

[78] Князь И. А. Джавахов обратил мое внимание на известие Плано Карпини (изд. Языкова, 190), по которому монголы в первое время после завоевания взимали с грузин и абхазов по 40 и 50 тыс. иперпер (yperperorum sive Byzantiorum). Сопоставление цифр малоазиатской дани, приведенных в *Мусāмарат ал-ахбāр* (Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0128: 20 томанов=200 000 динаров или 1 200 000 дирхемов) и в Speculum historiale (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 83: 1 200 000 иперпер), приводит к выводу, что в Speculum historiale «иперперы», т. е. золотые монеты (ср. Langlois, *Essai de classification*, p. 48 sq.), названы вместо сельджукских дирхемов; дирхемы приблизительно такой же ценности чеканились и в Грузии (ср. о них теперь Пахомов, *Монеты Грузии*, стр. 121 и сл.; ‹также см. Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 73—92›). Если у Плано Карпини также имеются в виду дирхемы, то дань эпохи ильханов значительно превышает ничтожную сумму, взимавшуюся монголами в Грузии в первое время после завоевания.

[79] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 370 sq.

по-видимому, относятся слова надписи о «незаконных ассигновках» [80].

Сравнительно с положением обыкновенного обывателя более выгодно было положение лиц и обществ, отдавшихся под покровительство представителей династии или монгольских вельмож. Такое покровительство приобретали путем небольшой услуги лица, желавшие обманом получить из казны деньги за товары, в действительности не поставленные [81]; чтобы приобрести такое же покровительство, обыватели за небольшое вознаграждение предоставляли в распоряжение принцев, принцесс и вельмож своих сыновей [82]; опираясь на таких покровителей, люди с поддельными документами в руках начинали процессы для отнятия земельных участков у их законных собственников [83]. Вполне естественно, что и для целых обществ, городских и сельских, было выгодно отдать себя под покровительство членов царствующего дома, чтобы избавиться от произвола сборщиков податей. Переход в разряд таких «удельных» имений поэтому рассматривается как «покровительство», оказанное данному месту членом царствующего дома или вельможей [84]. Такие случаи были источником новых злоупотреблений; пользуясь отсутствием точных списков податей, сборщики исключали из доходов дивана (т. е. из тех сумм, которые они должны были представлять в казну) гораздо большую сумму, чем сколько приходилось на долю данного места [85].

Принадлежность территории к удельным имениям и личная зависимость отдельных людей [86] от членов царствующего дома одинаково

---

[80] Словом «assignations» д'Оссон (ibid., t. IV, p. 371 sq.) передает тот же термин حواله, который находится в надписи. Ср. у Рашид ад-дина, рук. Аз. муз., л. 404б: ودر خراسان ازان حوالات ده هشت باق بودی و ایلچیان وارباب حواله براة در دست بدیوان آمدندی. Из этой фразы видно, что самая ассигновка обозначалась словом حواله, документ об ассигновке — словом براة. Термином حواله обозначались также требования, обращавшиеся к отдельным областям и лицам при разверстке каких-нибудь платежей; ср. у Вассафа, бомбейское изд., 317: صد تومان وجوهی‌را که بر تومان عراق حوالت رفته شیراز حوالت فرمود و زر بر اینجوْ и ниже: هر کس‌را که می‌کرفتند بود; у продолжателя Рашид ад-дина (рук. Аз. муз., л. 487а): صد دینار ودویست دینار برو حواله می‌کردند; в Нахчивани (рук. лейден. б-ки, л. 204б): وجوه وبروات وحوالات دیوانی‌را نیکوتر صورتی از رعایا حاصل کرده بمحصّلان دهد.

[81] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 390.

[82] Ibid., p. 398.

[83] Ibid., p. 454; отсюда запрещение членам царствующего дома и вельможам вмешиваться в земельные споры и покупать спорное имение (ibid., p. 447 sq.).

[84] Выражение Рашид ад-дина (рук. Аз. муз., л. 410а): یا از خواتین وشهزاده‌کان وامرا کسی حمایت موضعی کرده باشد.

[85] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 382.

[86] Слова д'Оссона «en servage» (ibid., p. 398) передают выражение Рашид ад-дина بانجویی; соответствующее место (рук. Аз. муз., л. 413б) приведено у Катрмера (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 131).

обозначались термином *инджу* [87]. К числу таких территорий принадлежал и город Ани; в нашей надписи об этом не говорится, но в армянской надписи на городской стене, над главными воротами, сказано, что «столица Ани сделалась *хасинджу*» [88]. Сочетание термина *инджу* с арабским прилагательным *ẖāṣṣ* 'собственный' не явилось на армянской почве, но заимствовано из официальной терминологии того времени и несколько раз встречается у Рашид ад-дина. Кроме слов о «собственном *инджу*» Аргун-хана, приведенных Катрмером [89], мы можем привести еще рассказ о выкупленных Газан-ханом монгольских пленных, которые все сделались его «кэбтэулами (гвардейцами) и собственным *инджу*» [90], и рассказ о том, как для содержания каждой «орды» (т. е. двора каждого царевича или царевны) была определена область из «собственного *инджу*» [91].

О юридическом положении территорий и лиц, причисленных к *инджу*, мы не имеем точных сведений. В постановлениях Газан-хана, приведенных Рашид ад-дином, земли *инджу* противополагаются «землям дивана» и те и другие вместе отличаются от земельных участков, находившихся в частном владении [92]. Из приведенных выше мест видно, что доходы с земель *инджу* не поступали в *диван*, т. е. в государственное казначейство, но шли на содержание двора самого государя, других представителей династии и, может быть, монгольского войска. Для управления землями *инджу* существовал особый *диван* [93]; возможно, что к этому *дивану* в XIV в. прилагали термин «великий *диван*» [94], хотя у Рашид ад-дина

---

[87] Так, по всей вероятности, произносилось это слово персами. Законы турецкой и монгольской фонетики требуют, конечно, иного произношения, но, насколько мне известно, до сих пор не установлено ни этимологическое происхождение этого слова, ни его истинное произношение. Ср. Радлов, *Словарь*, s. v. *ӓнчі* и *інӡӱ* и транскрипцию его же (Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, S. 30) *інчӱ*.

[88] Марр, *Новые материалы*, стр. 77 и сл.

[89] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 130.

[90] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 426а: جمله كبتاول و انجوى خاص كشته ملازم باشند. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 431. О термине *кэбтэул* ср. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 412, прим. 4; ‹наст. изд., т. I, стр. 449, прим. 2›.

[91] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 432а: فرمود كه جهت هر اردوى از مواضعى انجوى خاص ولايتى معيّن كردانيده از ديوان مفروز كنند.

[92] Там же, л. 438а: اين ولايات خراب وديههاى بايير كه ملك پدران ما بوده وازان ماست وسمت ديوانى وانجويى دارد و بعضى نيز ملك مردم است. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 417. Другие примеры у Катрмера: Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 131.

[93] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 130 (по Вассафу).

[94] На это указывает то определение слова اينجو, которое дает Мухаммед Шебангараи, автор сочинения *Маджма' ал-ансаб* (см. о нем *Туркестан*, ч. II, стр. 47; ‹наст. изд. т. I, стр. 94›): اينجو مال خاص پادشاه و املاك ديوان بزرك باشد (Шебангараи, л. 231).

«великим *диваном*» называется только государственная канцелярия и государственное казначейство [95], а не управление уделами [96].

Каковы бы ни были установленные законом привилегии земель и людей *инджу* [97], трудно допустить, чтобы при общих неустройствах монгольского государства, при частых случаях казни принцев и вельмож эти привилегии всегда и везде точно соблюдались. Среди рукописных фрагментов, добытых в Китайском Туркестане, находится, между прочим, любопытная жалоба среднеазиатскому хану Туклук-Тимуру (1348—1362-63) [98], что при всех прежних ханах, начиная с домонгольской эпохи, при распределении *калана* с жалобщиков — садовников (или садовладельцев) *инджу* — *калана* не взимали, а теперь, в тяжелые для них времена, требуют от них уплаты двойной дани [99]. Несомненно, что такие случаи должны были происходить и в других монгольских государствах.

В восточнотуркестанском фрагменте употреблен тот же термин *калан*, который встречается и в нашей надписи, хотя в делопроизводстве монголо-персидского государства этот термин, по-видимому, употреблялся редко. У Рашид ад-дина мы нашли его в двух местах [100]: во-первых, в ярлыке Газан-хана, где говорится об освобождении казиев, ученых и потомков Али, согласно «великому ярлыку», от уплаты *калана* и *копчура* [101]; во-вто-

---

[95] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., лл. 407б, 410а (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 380 sq.) и другие места.

[96] ‹О землях *инджу* см.: Али-заде, *К вопросу об институте инджу*; Петрушевский, *Земледелие*, стр. 240—245.›

[97] ‹И. П. Петрушевский (*Земледелие*, стр. 245) полагает, что «привилегии» для крестьян земель *инджу* практически не имели значения.›

[98] Об этом хане см. мою статью *Очерки истории Семиречья*, стр. 142 и сл.; ‹наст. изд., т. II, ч. I, стр. 79 и сл.›; о его гробнице — мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 65 и сл. ‹см. выше, стр. 79 и сл.›; ЗВОРАО, т. XV, стр. 0132; ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XIV; Дьяков, *Воспоминания*, стр. 277.

[99] Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, № 22, S. 28—32. Настоящая статья написана до выхода в свет книги В. В. Радлова; пользуюсь благодаря любезности автора отпечатанными листами.

[100] ‹Али-заде (*Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*, стр. 226) полагает, что Рашид ад-дин часто употребляет термин *калāн* в значении налога вообще.›

[101] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 446: «ni colan, ni coïtchour» (так везде пишется это слово в 4-м томе; во 2-м томе, стр. 264, тот же термин пишется *countchour*; у Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 170 — *Koitschur*). Текст Рашид ад-дина (рук. Аз. муз., л. 395б): چون حكم يرليغ بزرك آنست كه قضاة ودانشمندان و علويان قلان وقبجور ندهند فرموديم كه بر آن موجب معاف و مسلّم باشد ومال وقبجور ازو نستانند. Любопытна ссылка на «великий ярлык» как на своего рода «конституционный закон», с которым должны были согласоваться отдельные ярлыки. Вассаф употребляет в этом значении термин تنكغال يرليغ, что, по его словам, значило «общее распоряжение» (حكم كلى, Вассаф, бомбейское изд., 470). При этом говорится об издании в начале царствования Улджэйту (1304 г.) تنكغال يرليغ о соблюдении как правил шариата, так и указов прежних монгольских государей. Тогда же прибыли послы великого хана с تنكغال يرليغ,

рых, в рассказе об уничтожении лишних ловчих [102], причем прибавлено, что те, кто были под их покровительством, теперь вошли в число платящих *калан* [103].

В чем первоначально заключалась разница между *каланом* и *копчуром*, об этом мы не имеем сведений [104]; выражения восточнотуркестанского фрагмента заставляют полагать, что под *каланом* понимали подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения [105]. В противоположность этому *копчуром*, как указывает Катрмер [106], называли пастбища и налог с пасущихся стад в размере 1%. Таким образом, *копчур*, по первоначальному значению этого термина, взимался главным образом с кочевников; этим объясняется, что в монголо-персидском государстве *копчур* платили и монголы, составлявшие в государстве военное сословие [107]. Но из текста Джувейни, приведенного Катрмером, видно, что еще до распадения монгольской империи, при Мункэ-хане, *копчуром* называли также подушную подать, взимавшуюся деньгами с покоренного населения. В том же смысле употреблено слово *копчур* в стихе персидского поэта, также приведенном у Катрмера (со слов Даулетшаха). В ярлыке 1304 г.[108] о податях все подати, взимавшиеся на обыкновенных основаниях в непривилегированных местностях [109], разделяются на три категории: 1) *копчур* и поступления с жителей селений, уплачивавшиеся

предлагавшим федерацию монгольских государств (Вассаф, бомбейское изд., 475). В Китае были особые чиновники, которые должны были следить за согласием распоряжений властей с تنكغال يرليغ и приостанавливать исполнение тех распоряжений, которые не удовлетворяли этому условию (там же, 498: اكر حكمى جزئى يا كلى از قانون تنكغال [تيغال] يرليغ منحرف باشد بر آن بازخواه رود و فرماينده‌را منشور عزل دهند).

[102] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 440 sq.

[103] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 436а: وآنان كه در حمايت ايشان بودند داخل قلان شده اند.

[104] Радлов (*Словарь*, s. v. *калан*) приводит для термина *калан* значения 'дань, подать, ясак'; слово *копчур* в его словаре совершенно не приводится (ср. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, S. 9 — *Kiptschur*, в монгольском *хубчир* — Бобровников, *Грамоты*, прилож. ‹табл.› А). У Будагова (s. v. قوبجور) слово объясняется по Катрмеру.

[105] ‹Иногда о *калане* источники говорят как о воинской повинности. Видимо, термин *калан* употреблялся для обозначения разных податей и сборов. См. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 384.›

[106] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 256 и сл.

[107] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 420 (у Рашид ад-дина, рук. Аз. муз., л. 422б).

[108] О нем см. выше, стр. 313.

[109] Дальше упоминается только: 1) *харадж*, взимавшийся в начале года «издревле» (از قديم) в некоторых местностях; 2) *харадж*, взимавшийся в некоторых местностях, как в Багдаде, летом, во время урожая; 3) подати натурой, взимавшиеся в жарких и холодных местах (كرمسير وسردسير), служивших летовками и зимовками (صيفيه وشتويه).

два раза в год [110]; 2) *копчур* и поступления со степняков, уплачивавшиеся один раз в год, именно в начале года [111]; 3) *тамга*, величина которой особо определялась для каждой местности, где взимались такие сборы, и обозначалась на дощечке, которая должна была быть прикреплена к воротам данного места [112]. Из этого текста можно заключить, что под *копчуром* понимали все прямые налоги, как взимавшиеся с земледельцев, так и взимавшиеся с кочевников, в отличие от *тамги*, или косвенных сборов, взимавшихся в городах [113].

Термином *тамга* обозначались не только «droits de douane at de transit», как утверждает д'Оссон [114]. В этом значении *тамга* соответствует персидскому термину *бадж*, который еще в первые века ислама употреблялся и арабскими авторами [115] и с которым в словарях иногда отожествляли слово *тамга* [116]. Слово *бадж* употреблено и в нашей надписи; как видно из армянских надписей, оно употреблялось и местными жителями [117]. Но под *тамгой*, кроме того, понимали все налоги, взимавшиеся в городах с торгово-промышленных заведений до публичных домов включительно [118]. Поэтому с понятием о *тамге* связано не столько понятие о дороге и дорожной пошлине, сколько о городах и городских сборах (взимавшие *тамгу* чиновники назывались *тамгачи*). Поэтому у Рашид ад-дина [119] говорится о «городской *тамге*» и о «*тамгачи* городов»; в сборнике джалаирских ярлыков есть ярлык о назначении нового «заведующего *тамгой*», вызванном тем, что «*тамги* такого-то города» перестали посту-

---

[110] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 411б (ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 385 sq.): قوبجور ومتوجّهات رعایای ده‌نشین که عادت آنست که در سال بدو قسم می‌رسانند.

[111] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 411б: قوبجور ومتوجّهات صحرانشینان که عادت که بیك نوبت در اوّل سال جواب کویند.

[112] Там же: ماخوذات تمغا بموجبی که هر یك علی حده مناسب هر ولایت به ظهر نوشته شد بر لوح نویسند وبر در هر موضعی که بدان تمغا مخصوص باشد بندند.

[113] <Вопрос о *копчуре* как подати с оседлого населения подробно рассмотрен Петрушевским (*Земледелие*, стр. 360—370).>

[114] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 386. Эти слова поставлены в кавычки, но не принадлежат Рашид ад-дину.

[115] Ибн Русте, 168, 3. Приблизительно то же значение имели арабские слова ضريبة (BGA, IV, 285) и المكس (Хорезми, *Mafātīḥ*, 59, 10).

[116] Будагов, s. v. طامغه (باج کیرنده = تمغاچی).

[117] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 11 sq. (в переводе «douane»).

[118] Ср. у Вассафа, бомбейское изд., 521 (приказ султана Улджэйту): وخمار خانه‌ها ومصطبه‌هارا قفل ابطال کلی بر در نهند و تمغای آن از قلم دواوین منحط ومسقط تصوّر کنند.

[119] Рук. Аз. муз., л. 405а تمغای شهر; л. 419а تمغاجیان شهرها (см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 373, 468).

пать вследствие отсутствия способного заведующего и недобросовестности пользовавшихся этим низших чиновников [120].

О подобных городских сборах, конечно, ничего не говорилось в шариате, и потому они в глазах представителей мусульманского права причислялись к несогласным с предписаниями веры поборам, отмена которых была богоугодным делом. Отмена *тамги*, вместе с уничтожением золотых и серебряных сосудов, упоминается среди действий государя, считавшего необходимым перед смертью или ввиду угрожавшей опасности покаяться в своих грехах. Так, Бабур перед войной с могущественным царем Рана-Сангамом издал указ, чтобы впредь не взимали *тамги* «ни в городах, ни в селениях, ни на путях, ни на переправах, ни на переходах, ни в гаванях» [121]. Потомками Бабура в Индии также несколько раз издавались указы об отмене *тамги*; но самый факт постоянного возобновления этой меры показывает, что запрещение соблюдалось недолго [122]. Трудно было отказаться от этих сборов, составлявших один из главных доходов казны. В монголо-персидском государстве *тамга* считалась самой надежной статьей дохода [123].

Текст нашей надписи показывает, что с жителей Ани предписывалось взимать только пошлину и *тамгу* и что взимание с них *калана* и других податей считалось злоупотреблением. Возможно, что город был освобожден от прямых налогов в качестве *инджу*, но возможно также, что правительство этим только распространило на Ани меру, которую оно принимало и в других городах. Хамдаллах Казвини говорит о целом ряде городов, что в них «обязанности перед *диваном* определены *тамгой*» (حقوق ديوانى بتمغا مقرّر است); притом это говорится не только о самых больших городах, как Тебриз, Султания, Исфахан и Шираз, но и о менее значительных, как Хилла (на Евфрате) и Васит (в Месопотамии) [124]. В некоторых случаях приводятся соответствующие цифры. Наиболее значительна была, конечно, *тамга* главного города, Тебриза, доставляв-

---

[120] Нахчивани, рук., л. 197б: در درين وقت جون عرضه داشتند كه تمغاهاى فلان شهر بسبب آنك متصرّفى ضابط وكافى موجود نيست اكثر اموال آن محلّ تلف مى‌افتد وبتيكجيان وعملهٔ خاين بدل خود تصرّفات مى‌نمايند واجب آمد بتدارك آن اهتمام نمودن.

[121] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, 314.

[122] Elliot, *The History of India*, vol. VI, p. 493.

[123] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 401; текст Рашид ад-дина (рук. Аз. муз., л. 414б): تمغاها كه نفذترين اموال ممالك است. ‹Али-заде (*Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*, стр. 218) уточнил чтение Бартольда; он указал, что вместо نفذ 'надежный' следует читать نقد 'наличный', т. е. *тамга* взималась в основном в денежной форме.› Автор прибавляет, что и эти суммы до Газан-хана поступали неаккуратно, так как тратились в городах на содержание многочисленных правительственных гонцов. Требования последних иногда были так велики, что заставляли *тамгачи* искать спасения в бегстве.

[124] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 154 и 166.

шего в казну 115 томанов [125] (862 500 руб.). *Тамги* других городов были значительно меньше; Ширaз платил 450 000 динаров [126] (337 500 руб.), Исфахан — 35 томанов (262 500 руб.) [127], Султания в то время, «когда там были орды», — 30 томанов (225 000 руб.) [128]. *Тамга* Ани, наверное, составляла гораздо меньшую сумму.

Из армянских надписей видно, что заведующий пошлиной считал себя вправе своей властью освобождать от пошлины отдельные учреждения, вероятно, также отдельных лиц [129]. По-видимому, *тамга* отдавалась на откуп определенному лицу, которое обязывалось вносить в казну известную сумму, собирало для себя гораздо больше и потому без ущерба для себя могло предоставлять такие льготы отдельным плательщикам. Так было и до монголов; известен стих Фирдауси о своем освобождении от хараджа благодаря покровительству лица, которое, по Низами Арузи, было сборщиком податей (عامل) в Тусе [130].

Термин نماری, упоминающийся в нашей надписи рядом с термином فلان, до сих пор совершенно не был объяснен. По справке, любезно сообщенной мне А. Д. Рудневым, монгольское слово *немери* по словарю Голстунского [131] значит 'прибавка, прибавление, придача, наддача'. Речь, следовательно, идет о добавочных платежах, взимавшихся с населения в чрезвычайных случаях. И действительно, мне удалось найти в сочинении Вассафа пример употребления слова نماری именно в этом смысле в рассказе о событиях начала 1296 г. В это время отправлялось войско в Хорасан, чтобы отразить набег среднеазиатских монголов; перед этим в течение восьми месяцев престол два раза переходил от одного лица к другому (по Вассафу, «было три царя») и два раза были отправлены в разные стороны многочисленные войска; вследствие этого денег в казне не было; поэтому в большей части областей, особенно в Фарсе, к жителям обратились с требованием «аванса и *немери*», причем у владетелей стад отнимали две головы из десяти [132].

---

[125] Там же, 208.

[126] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ун-та № 171, л. 222б. Так как динары не переведены на томаны, то возможно, что имеются в виду золотые динары; в таком случае сумма, конечно, была гораздо более значительной.

[127] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 169.

[128] Там же, 178: اکر اردوها آنجا بودی. Пребывание в городе высочайшего двора и дворов других царевичей, конечно, должно было привлекать купцов и увеличивать сумму городских сборов.

[129] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, pp. 12, 51.

[130] Низами Арузи, *Чахар макала*, пер. Брауна, 79—80; изд. Казвини, 48.

[131] *Словарь*, I, 13.

[132] Текст по Вассафу, бомбейское изд. (326): چون وجوهی در خزانه نبود چه آن سال در مدّت هشت ماه بر کوشهٔ یك تخت جلوس سه پادشاه اتّفاق افتاد ودو نوبت در چهار سوی مملکت رکوب چریك بزرك دست داد ناچار بر بیشتر اعمال خصوص فارس خطاب تقدمه ونماری رفت ومواشیرا از ده دو کرفتند. В рук. Публ. б-ки V, 3, 24, л. 221а стоит تماری, в рук. ун-та № 4, л. 205б شماری.

Рашид ад-дин в рассказе об этом походе [133] не упоминает об экстраординарных сборах; в других случаях он, по-видимому, переводит слово *немери* соответствующим арабским словом زيادت. Так, в рассказе об учрежденном при Газан-хане фонде для покрытия расходов по содержанию принцесс и их двора он прибавляет: «Всякий раз, как ради потребностей войска окажется необходимость в прибавлении (т. е. в добавочном ассигновании), он повелел из средств их казны (т. е. из указанного фонда) давать войску миллион динаров» (т. е. 100 томанов или 750 000 руб. [134]). Таким образом, от взимания *немери* не было обеспечено даже имущество членов царствующего дома; с другой стороны, в сохранившихся в русском переводе ярлыках об освобождении от податей русского духовенства говорится также о свободе от «запросов», т. е. от *немери* [135]. Предписание ярлыка Абу Са'ида об освобождении на будущее время от *немери* жителей Ани объясняется, по всей вероятности, бедственным положением города.

Труднее всего объяснить, какую подать следует разуметь под словом *тарх* (طرح).

У Рашид ад-дина мы встречаем это слово в различных значениях. В рассказе об основанных Газан-ханом благотворительных и религиозных учреждениях и о средствах, ассигнованных на их содержание, постоянно упоминаются فرش وطرح [136]; по-видимому, второе слово

Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 156) говорит только о взимании денег «par anticipation». Упоминанием «стад», вероятно, объясняется то фантастическое толкование термина نماری, которое мы находим в *фарханге* к Вассафу (бомбейское изд., 704): «Черные и белые точки и черты и места, устраиваемые для охоты на волков, где привязывают баранов» (نماری نقات وخطوط سیاه وسفید وجاهائی که برای صید کرك سازند وکوسفند دران بندند). Едва ли это толкование может быть признано авторитетным, тем более что *фарханг* составлен по поздним книжным источникам (там же, 708). Что касается «черных и белых точек», то это толкование находится в связи со значением арабского корня نمر; кроме словарей см. также Якут, *Му'джам*, IV, 812.

[133] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 358а. Хаммер-Пургшталь (*Geschichte der Ilchane*, Bd II, S. 32) в этом случае пользуется, по-видимому, только рассказом Рашид ад-дина.

[134] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 432а: وهر وقت که جهت مصالح لشکر بزیاده احتیاجی بود فرمود که از وجوه خزانهٔ ایشان مبلغ هزار هزار دینار بلشکر دهند.

[135] Ср. выражения ярлыков в издании Григорьева *Россия и Азия*, стр. 248 («По первому пути которая дань наша будет, или запросы наши накинем») и 251 («ни какова дань, ни которая пошлина, ни корм, ни питие, ни запросы, ни дары»). И. Н. Березин относит сюда арабский термин مرفوع 'надбавка' (Березин, *Ханские ярлыки*, III, стр. 18, и его же *Очерк внутреннего устройства*, стр. 472), ссылаясь на тарханный ярлык Тохтамыша, где по его чтению встречается слово مرفوعلار (Березин, *Ханские ярлыки*, II, стр. 13 и 15), но сам Березин признавал, что «чтение слова مرفوع не совсем бесспорно; значение также сомнительно» (там же, стр. 47).

[136] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 391б и дальше. У д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. IV, p. 273) только «tapis».

означает денежные средства, так как им обозначается кроме отдельной статьи и совокупность ассигнованных средств [137]. Несколько иное значение имеет слово طرح в том месте, где говорится о благосостоянии государства при Газан-хане в противоположность прежнему времени. Прежде сборщики податей не производили никаких платежей по ассигновкам и в то же время в конце года представляли в казну счета (о своих убытках), по которым получали новые суммы. Теперь в областях, где подати уплачиваются в зависимости от урожая [138], за сборщиками податей еще остаются суммы (т. е. после всех расходов от них еще должны поступить деньги в казну); хлеб в деревнях весь остается в амбарах, так что нет надобности посредством *тарха* давать людям; когда хлеб созревает, нет надобности его поскорее продавать. Прежде заранее тратили (продавали) еще не созревший хлеб; теперь в распоряжении дивана постоянно в течение целого года имеется хлеб в амбарах и деньги в казне [139]. В этом случае под *тархом*, очевидно, разумеется выдача пособий нуждающимся жителям по разверстке; но вполне возможно, что тот же термин употреблялся и при разверстке платежей с населения [140]. Так, словом حواله, как мы видели, обозначалась сумма, приходившаяся на долю отдельного лица при чрезвычайных сборах; но тот же термин мы встречаем и в рассказах о щедрости государя для обозначения доли, получавшейся отдельными лицами [141].

Замечательно, что рядом с податями, имевшими общегосударственное значение, упоминается и такая чисто местная подать, как *т-рнагир*. Очевидно, это — персидская транскрипция слова, встречающегося в ар-

---

[137] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз.: و هیات و طرح آن بقاع و کیفیّت مصارف آن خیرات بر این موجبست.

[138] Т. е. в Багдаде и других местностях, см. выше, стр. 331, прим. 109.

[139] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 408б: هر چند متصرّفان جیزی بکس نمیدادند بر حسب بروات در آخر سال محاسبه نوشتندی تمامت متفرّق بودی و مبالغی دیکر متصرّفرا فاضل آمدی و درین وقت که بیمن عاطفت پادشاه اسلام خلّد سلطانه ممالك معمور کشته از ولایات ارتفاعی مبالغی متصرّفان [را] باقیست و غلّه با (sic) دیه جمله در انبار موجود تا بطرح بمردم نباید داد و هر سال که غلّه در رسد بتعجیل نباید فروخت و انچ پیش ازین غلّه نارسیده‌را بتقدمه خرج کردندی این زمان همواره دیوان‌را یکساله غلّه در انبار می‌باشد و اموال در خزانه. Установление текста несколько затрудняется тем, что в рук. Публ. б-ки соответствующего места нет.

[140] <Термин *тарх* не был правильно понят В. В. Бартольдом. Как показало специальное исследование, проведенное А. А. Али-заде (*К истории феодальных отношений*), под этим термином имелась в виду принудительная покупка казенных продуктов по установленным ценам и принудительная продажа населением продуктов по явно заниженным ценам.>

[141] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 385а: وچند خزانه که در اوایل برسید وهر یك دویست وسیصد تومان بود بامرا ونواب حواله فرمود.

мянских надписях, в переводе Броссе drhnagir [142]. Из армянской надписи в 1320 г. видно, что различали *т-рнагир* большой и малый. Как мне сообщил Н. Я. Марр, этимологическое происхождение слова показывает, что речь идет о каком-то сборе, взимавшемся у городских ворот; но в чем заключалось отличие большого *т-рнагира* от малого и отличие *т-рнагира* вообще от *баджа*, остается неизвестным. Точная фонетическая транскрипция термина դռնագիր в древнеармянском чтении dərnagir, в новоармянском — ɔərnaqir.

Надпись отличает от остальной массы населения (رعايا) особую категорию лиц — старост (كذخدا) города и области. Слово كذخدا, или كدخدا, имеет в персидском языке, как известно, различные значения ('муж, домохозяин, сельский староста' и др.) [143]. В надписи оно употреблено, очевидно, в том же значении, как в других ярлыках той же эпохи [144], в которых *кедхуда* также упоминаются отдельно от *райи*, обыкновенно непосредственно вслед за *реисами*, т. е. утвержденными ханом представителями городов и селений. *Реис* в каждом городе и селении мог быть только один [145], *кедхуда*, как видно, между прочим, и из нашей надписи, было несколько. Такое употребление слова كدخدا в ярлыках едва ли позволяет понимать под этим словом простых домохозяев и переводить его, по примеру д'Оссона, словом «cultivateurs» [146] или «propriétaires» [147]. По-видимому, здесь имеются в виду своего рода городские «патриции», стоявшие во главе отдельных кварталов города.

---

[142] Brosset, *Les ruines d'Ani*, pt. I, p. 50.

[143] <Первоначальное значение термина *кедхуда* в раннесредневековой Средней Азии и Иране — глава большесемейной общины. Позднее термин приобрел много значений, в том числе и «староста городского квартала» (*кадхудā-йи маҳалла*), в каком смысле, видимо, и употреблен в надписи, разбираемой В. В. Бартольдом.>

[144] Ср. начало двух ярлыков у Рашид ад-дина: 1) рук. Аз. муз., л. 398а: با سقاق وملوك وقضاة وبتيكچيان ونواب واعيان ومعتبران وكدخدايان وجمهور رعاياء ولايات بدانند 2) рук. Аз. муз., л. 409а: باسقاق وملوك ونواب ومتصرّفان وقضاة وسادات و ايمه و صدور و ارباب واعيان و معتبران ورؤسا وكدخدايان و عموم رعايا واهالئ شهرها ولايات ممالك از آب آمويه تا حدود شام وافرنج بدانند. Также выражение عدد روسا وبعضى كدخدايان ديهها (рук. Аз. муз., л. 415б) в рассказе о соглашениях между жителями и разбойниками (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 470). Ср. также ярлыки, приведенные из Нахчивани, рук. лейден. б-ки у Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 501, 516. Слово «Sachwalter» у Хаммер-Пургшталя едва ли выбрано удачно.

[145] Ср. Нахчивани, рук., л. 204б: جون رئيسى عزّ الدين از مدّتى باز برياست فلان ديه مشغول بوده است و در رعايت رعايا و آبادانى كوشيده و آينده وروندهرا بر احسن وجوه جواب داده و از رسانيدن تعرّض برعايا وضعفا مانع شده بر قرار رياست آنجا بدو تفويض رفت. Перевод у Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 515.

[146] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 378, 470.

[147] Ibid., p. 457.

Дополнение

Статья была уже напечатана, когда я обратил внимание на работу Ле Стрэнджа «Mesopotamia and Persia under the Mongols in the fourteenth century A. D. From the Nuzhat al-Kulūb of Hamd Allah Mustawfi», London, 1903 (Asiatic Society Monographies, vol. V). В этой статье (стр. 6—7), между прочим, приводятся и сообщения Хамдаллаха Казвини о доходности отдельных областей; автор знал, что томан равнялся 10 000 динаров, динар — 6 дирхемам, но все-таки считал динар золотой монетой, хотя, «может быть, только номинальной или только редко чеканившейся»; кроме того, он полагал, что слова о дирхемах относятся только к дирхемам аббасидского периода. Поэтому его предположения о ценности динара (¼ англ. фунта) и, следовательно, томана (2500 фунтов, т. е. более 20 000 руб.) не соответствуют действительности, хотя все-таки гораздо ближе к истине, чем предположения Блоше. Цифры, относящиеся к общей сумме доходов ильхана, у него не приводятся. Ле Стрэндж также полагает, что цифры о доходности областей в домонгольский период, сообщаемые у Хамдаллаха Казвини, не заслуживают доверия.

⟨НАДПИСЬ С КЛАДБИЩА У ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ⟩

Член-корреспондент Академии проф. В. В. Бартольд прислал в Отделение фотографический снимок с камня, найденного священником Д. П. Рождественским, со следующим заключением.

«Исполняя поручение Конференции, переданное мне письмом г-на Непременного Секретаря от 17 октября с. г. за № 2410, имею честь сообщить следующее:

На камне, снимок с которого прислан о. Д. П. Рождественским, имеется надпись на арабском языке. Последние три слова, по-видимому, искажены и не поддаются разбору; текст остальной части надписи следующий:

1) اعوذ بالله من الشيطان
2) بسم الله الرحمن الرحيم
3) شهد الله انه لا اله الا هو والملا
4) ئكه واولوا العلم قائما بالقسط
5) لا اله الا هو العزيز الحكيم ان الدين
6) عند الله الاسلام وصلى الله على
7) محمد النبى.....

„Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемилостивого, всемилосердного. Засвидетельствовал [1] бог, что нет бога, кроме него; и ангелы, и люди знающие, соблюдая справедливость, [исповедуют]: нет бога, кроме него, всемогущего, мудрого; поистине [настоящая] вера перед богом — ислам. Да благословит бог Мухаммеда, пророка. . .“

Уже из статьи покойного Н. Н. Пантусова [2] было известно, что на северном берегу озера Иссык-Куль, в 12 верстах к западу от селения Сазановки есть целое кладбище с подобными надписями, заключающими в себе те же стихи Корана (III, 16—17). Кладбище, судя по датированным камням, относится к VI/XII в. Краткое описание того же кладбища было сделано мною в „Отчете о поездке в Среднюю Азию“ [3]. Присланный снимок мною при сем возвращается».

Надпись на камне с кладбища у озера Иссык-Куль

Положено о заключении проф. В. В. Бартольда довести до сведения о. Д. П. Рождественского, благодарить проф. В. В. Бартольда от имени Академии, а снимок передать в Азиатский музей.

---

[1] Отсюда Коран, III, 16—17.

[2] *Кладбище на р. Кунгей-Аксу*, стр. 5 и сл.

[3] См. выше, стр. 68.

РАЗДЕЛ III

НУМИЗМАТИКА

ИЗ МИНЦ-КАБИНЕТА ПРИ СПБ. УНИВЕРСИТЕТЕ

I

Неизданный самаркандский дирхем

Осенью 1896 г. я был назначен хранителем минц-кабинета и по соглашению с проф. Н. И. Веселовским, которому было поручено заведывание этим учреждением, приступил к работам по приведению в порядок кабинета. Система хранения и каталогизации монет, применявшаяся до тех пор, была признана непрактичной; существующие каталоги, неудовлетворительность которых была доказана компетентными лицами уже в следующие годы после их появления [1], кроме того, не соответствовали наличному составу кабинета, в котором оказалось много поступивших за последние годы монет, никогда не внесенных в инвентарь. В конце 1897 г., еще до приведения в порядок коллекций, пришлось перенести их в новое помещение, так как прежнее было отведено под юридический кабинет [2]; после такого спешного перемещения дело разбора коллекций и составления нового каталога стало еще более сложным и трудным. В настоящее время эти работы еще не закончены.

Ввиду исключительно педагогического назначения кабинета, он по количеству редких и ценных монет не может сравниться с другими петербургскими собраниями (Имп. Эрмитажа и Академии наук); огромное большинство монет уже известно во многих экземплярах, и перечисление их едва ли представляло бы интерес. Составляемый мною инвентарь поэтому предназначается не для печати, а только для справок в самом кабинете; с немногочисленными «unica» собрания и с хорошо сохранившимися экземплярами редких монет, на основании которых можно исправить или дополнить предложенные нумизматами чтения надписей, я предполагаю познакомить ученую публику посредством серии заметок в ЗВОРАО.

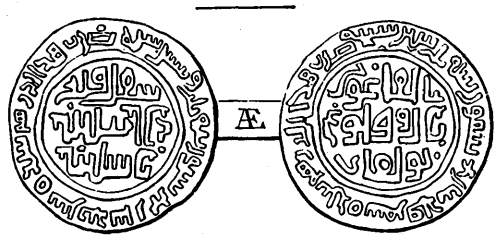
Предлагаемая вниманию читателей самаркандская медная монета [3] (по инвентарю Монг. Ср. Аз. № 13 [4]) относится к 663/1264-65 г., т. е.

[1] Тизенгаузен, *Обзор*, стр. 6—7.

[2] *Годичный акт*, *1897*, стр. 19.

[3] Из пяти экземпляров монеты четыре теперь уступлены Имп. Эрмитажу в обмен на некоторые дублеты.

[4] Вопреки системе, принятой в других каталогах, я нашел нужным отделить монеты, чеканившиеся в эпоху единства монгольской империи, от монет государств, образовавшихся после ее распадения.



ко времени царствования чагатайского хана Алгуя[5], и принадлежит к числу медных дирхемов, введенных Караханидами[6] (очевидно, вследствие экономического упадка страны) и чеканившихся также их преемниками в Средней Азии, именно хорезмшахом Мухаммедом и монголами. Как на большей части этих монет, круговая надпись на обеих сторонах одна и та же: ضرب هذا الدرهم ببلدة سمرقند بتاريخ شهور سنه ثلث و ستّين و ستماية.

В середине на обеих сторонах находятся надписи на тюркском языке; на одной стороне можно прочесть:

يالفاغوجى
پاك قلوغ
بولغاى

Титул يالفاغوجى, вероятно, можно сблизить с монгольским словом *алпагут*, встречающимся и в русских летописях. По мнению покойного проф. Березина[7], «упоминаемые в наших летописях Алпауты или Олпауты, татарские الپاوت الپاغوت (помещики) происходят от монгольского корня *албан*=дань, имеющего производное *албагун*=подданный; *албагут* же есть монгольское множ. число этого имени». Если *алпагу* (или *ялпагу*) значило 'подданный, данник', то *ялпагучи* — поставленный во главе населения монгольский чиновник. Вопреки мнению проф. Томсена[8] с монгольским *алпагу*, кажется, можно сблизить встречающееся в орхонских надписях (Kb 7 × 31) слово *алпагу* (или *йилпагут*). Что касается слова قلوغ, то оно есть или тюркское قولّوغ 'имеющий рабов' (ср. в орхонских надписях K 21 × 18), или неправильная орфография часто встречающегося на монетах монголо-тюркского كولوك (ديمدا) 'могущественный'[9]. Итак, мы предлагаем следующий перевод надписи: «Ялпагучи да будет очень могуществен».

Что касается надписи другой стороны, то она не могла быть прочитана ни мною, ни лицами, любезно согласившимися помочь мне при чте-

---

[5] О хронологии ср. мою статью *Очерк истории Семиречья*, стр. 128; отд. отт., стр. 55; ‹наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 68›.

[6] Древнейшая из монет этого рода, находящаяся в Имп. Эрмитаже, относится к 474/1081-82 г. Ср. Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 273.

[7] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 259.

[8] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 163.

[9] Знак в конце слова پاك, вероятно, принадлежит к букве ك; если видеть в нем букву و, то эта буква употреблена здесь, как во многих тюркских рукописях, в значении нашего твердого знака. Ср. *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 211.

нии надписей (нумизматами бар. В. Г. Тизенгаузеном и А. К. Марковым и тюркологом П. М. Мелиоранским), хотя начертание каждой буквы можно восстановить почти с полной точностью [10]. По-видимому, в надписи не названы те лица, которые в то время, по историческим известиям, управляли Самаркандом и Бухарой. По Вассафу [11], правителями этих городов еще со времени Угэдэя были Чинсан-тайфу и Бука-Буша; первый, судя по его имени, был по происхождению китайцем, так что ему, вероятно, следует приписать относящиеся к той же эпохе бухарские медные дирхемы с китайской надписью [12]. Чагатайский царевич Никпей (будущий хан), заняв страну по поручению своего двоюродного брата Алгуя (1260 г.), утвердил обоих наместников; они упоминаются еще в рассказе о договоре, заключенном в 1268 г. между Хайду и Бораком при посредстве царевича Кипчака [13].

---

[10] Надписи на всех пяти экземплярах совершенно тожественны, но встречаются небольшие варианты в начертании букв, впрочем, преимущественно в круговой надписи. Из надписей в круге хуже всего сохранилась вторая строка оборотной стороны (левой стороны оттиска), которая могла быть восстановлена только по нескольким экземплярам. ‹О чтении легенды реверса см. Бартольд, *Из минц-кабинета*, IV, стр. 035—036 — ниже, стр. 351 и сл.›

[11] Изд. Хаммера, 25.

[12] Fraehn, *Recensio*, p. 423. Подобные монеты есть и в нашем минц-кабинете (Монг. Ср. Аз. № 3 и 4).

[13] Вассаф, изд. Хаммера, 129; D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 429.

О НЕКОТОРЫХ САМАРКАНДСКИХ ДИРХЕМАХ

В. В. Бартольд сделал сообщение: «О некоторых самаркандских дирхемах».

Дирхемы, о которых говорил докладчик, уже были изданы бар. В. Г. Тизенгаузеном [1], но В. В. Бартольд предлагает теперь другое чтение помещенных на них надписей. По его мнению, в них говорится не «о Самарканде и его военачальнике (*тавāджū*)», а «о Самарканде и его окрестностях (*навāхū*)». Термин *таваджи*, насколько известно докладчику, никогда не прилагался к начальнику города. На одном медном дирхеме стоит только سمرقند و نواحى, что означает, что монета должна была обращаться «в Самарканде и окрестностях».

Для надписи медных дирхемов другого типа докладчик предложил два толкования: или 1) «в Самарканде и окрестностях этого города [монета должна обращаться]; кто [ее оттуда] возьмет, преступник»; или 2) «в Самарканде и окрестностях этого города кто [этой монеты] не возьмет [2], преступник».

Итак, мы имеем здесь или запрещение вывоза монеты, предназначенной для местного обращения, или установление принудительного курса [3]. Странная надпись серебряного дирхема: «Всякий, кто этот город Самарканд и окрестности захватит, преступник», вероятно, представляет неудачную переделку надписи медных дирхемов.

К тому же типу медных дирхемов докладчик отнес изданный им раньше дирхем с тюркской надписью [4]. На лицевой стороне монеты докладчик теперь читает в первой строке سمرقند (это чтение еще раньше было предложено А. К. Марковым и бар. В. Г. Тизенгаузеном), в начале второй — ﻟ и после этого два слова с одинаковым окончанием, образованные

---

[1] *Нумизматические новинки*, стр. 252—254.

[2] В конце строки надпись стерта.

[3] ‹Второе предположение следует считать более справедливым, поскольку медные дирхемы с тюркоязычной надписью аналогичного содержания были посеребрены. Это, вероятно, связано с попытками выйти из серебряного кризиса. См. Альхамова, *Клад*, стр. 73.›

[4] Бартольд, *Из минц-кабинета*, I, стр. 02—04; ‹см. выше, стр. 343—345›.

от корней ايچ ('внутри') [5] и تاش ('вне'), т. е. эти дирхемы также были предназначены для обращения в Самарканде и окрестностях.

По поводу этого сообщения П. М. Мелиоранский сделал следующие замечания: в пользу чтения *навāхӣ*, по его мнению, говорит то, что форма *тавāджӣ* (تواجى) в ту эпоху, к которой относятся изданные бар. В. Г. Тизенгаузеном дирхемы (первая половина XIII в.), представляется маловероятной, так как следовало бы ожидать форму توغاجى *тӯғāджӣ*. Слова, начинающиеся на ايچ и تاش, П. М. Мелиоранский предложил читать *ічleін ташлаін* ('как внутри, так и вне').

Чтение П. М. Мелиоранского было принято докладчиком [6].

---

[5] Буква ج на одном из экземпляров монеты видна яснее, чем на ксилографии.

[6] ‹См. Бартольд, *Из минц-кабинета*, IV, стр. 035—036 — ниже, стр. 352›.

ИЗ МИНЦ-КАБИНЕТА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

II

Неизданный саманидский фельс

Предлагаемый вниманию читателей фельс (по инвентарю Сам. № 85), чеканенный в Ахсикете в 303/915-16 г., в царствование Насра б. Ахмеда, приобретен проф. Н. И. Веселовским и любопытен тем, что дает нам имя члена династии Саманидов, которое, насколько нам известно, на монетах до сих пор не встречалось [1]. Очевидно, названный здесь Мухаммед ибн Асад тожествен с упомянутым у Ибн ал-Асира [2] Абу Амром Мухаммедом б. Асадом, усмирившим в 310/922 г. в Фергане восстание царевича Ильяса б. Исхака [3]. Надписи:

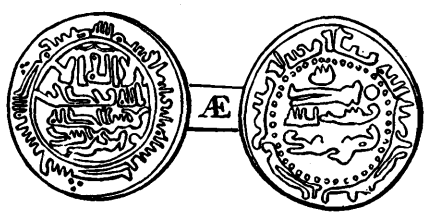
Л. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
محمد بن اسد

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلس بخسكت (=باخسيكت) سنة ثلث و ثلثماية

О. В поле:

لله
محمد
رسول الله
نصر بن احمد



Кругом:

مما امر به الامير محمد بن اسد اعزّه الله

---

[1] ‹В настоящее время известны еще две монеты этого типа, хранящиеся в Музее истории АН УзССР. См. Давидович, *Ферганские Саманиды*, стр. 19.›

[2] Изд. Торнберга, VIII, 97. Ср. Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 237.

[3] ‹Этот Мухаммед ибн Асад был, видимо, сыном Асада ибн Ахмеда, также бывшего правителем Ферганы, которая представляла собой, таким образом, нечто вроде удельного владения, лишь номинально подчинявшегося центральной власти. См. Давидович, *Ферганские Саманиды*, стр. 21.›

III

Фельс Исма'ила ибн Ахмеда

К числу unica или по крайней мере очень редких экземпляров нашего собрания принадлежит фельс Исма'ила (по инвентарю Сам. № 14а), чеканенный в Шаше в 286/899 г. и приобретенный мною при осмотре развалин Шахристан (к югу от Ура-Тюбе), где он был найден [4]. Надписи:

Л. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلس بالشاش سنة ست و ثمانين و مايتين

О. В поле:

لله
محمد
رسول
الله
الامير اسمعيل

Кругом: مما امر به الامير اسمعيل بن احمد اعزّه الله

[4] См. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 76; ‹выше, стр. 90›.

ИЗ МИНЦ-КАБИНЕТА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

IV

Монеты Омейядов

Число омейядских монет нашего собрания в настоящее время гораздо значительнее, чем указано в каталоге Березина, и доходит до 75, не считая дублетов. Среди динаров и дирхемов этого собрания нет сколько-нибудь редких экземпляров, за исключением упомянутого уже проф. Березиным (с неверным обозначением даты) [1] дирхема, чеканенного в Зерендже в 102 г. х. (№ 12 по каталогу Березина, Ом. 9a по новому инвентарю). Более интереса представляют фельсы, среди которых есть экземпляры монет, не имеющихся в собрании Имп. Эрмитажа (по инвентарному каталогу А. К. Маркова и добавлениям к нему); в последнем, как известно, омейядские фельсы вообще представлены крайне скудно. Из датированных фельсов сюда относятся:

1) Фельс 102 г. х., чеканенный в Куфе (Ом. 98b); надписи, как на фельсе 101 г. х., описанном у Лавуа [2], но в нижней строке ясно: سنة اثنين و مية.

2) Фельс 102 г. х., чеканенный в Дамаске (Ом. 9c) [3].

3) Фельс 116 г. х., название города не видно (Ом. 33, два экземпляра). Надписи:

Л. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Круговая надпись стерта.

О. В поле:

الله احد الله
الصمد لم يلد
و لم يولد

Круговая надпись стерта, но на одном экземпляре отчетливо можно различить слова: سنة ست عشرة و مية.

4) Фельс 126 г. х., чеканенный в Дамаске (Ом. 25a) [4].

---

[1] Ср. Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата*, № 500.

[2] *Catalogue des monnaies musulmanes*, № 1501.

[3] Ср. ibid., № 1430.

[4] Ср. Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата*, № 630.

Недатированные фельсы:

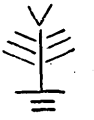
1) Интересный фельс, чеканенный в Химсе Мерваном ибн Беширом, с изображением животного (Ом. 31)[5]. От описанного у Lavoix наш экземпляр отличается тем, что животное обращено в левую, а не в правую сторону.

2) Фельс, чеканенный в Тивериаде (الطبريّة), с изображением пальмы (Ом. 32)[6].

3) То же, следующего вида (Ом. 35).

Л. لااله
الاالله
وحده

О. ضرب
محمد
رسول
الله



4) Фельс с религиозными символами и изображением пальмы (Ом. 34). Вокруг символа лицевой стороны надписи нет, и она заменена кругом из черточек; вокруг символа оборотной стороны (с изображением пальмы) надпись с обозначением города и года, из которой можно прочитать только: بسم الله ضرب هذا ..... مية.

Дополнение к заметке № I

Описанному мною самаркандскому медному дирхему 663 г.[7] теперь посвятил статью В. К. Трутовский [8], отвергающий предложенное мною чтение надписей. Г-н Трутовский читает:

Л. العاغوجى
برك و قتلوغ
بولغاى

т. е. «Алагучи да будет благословен и счастлив».

О. سمرقند
سنة ثلث وستين
و ستمايه

(повторение даты, указанной в круговой надписи).

Имя «Алагучи» г-н Трутовский, «не вдаваясь в корень этого слова», сближает с именем известного онгутского владетеля Алакуш-тегина. Из нумизматов и ориенталистов едва ли кто усомнится в том, что г-н Тру-

[5] Ср.: там же, № 2664; Lavoix, *Catalogue des monnaies musulmanes*, № 1418.

[6] Ср. Lane-Pool, *Oriental coins*, vol. I, p. 183.

[7] Бартольд, *Из минц-кабинета*, I; <см. выше, стр. 343—345>.

[8] *Несколько слов.*

товский не находится на верном пути, что звук *a* в турецком собственном имени, особенно в середине слова, едва ли мог изображаться посредством арабского ع, что имя Алагучи не может иметь отношения к имени Алакуш [9], что слово برك никогда не употребляется в значении прилагательного, что в начале второй строки другой надписи никак нельзя прочитать слова سنة, хотя автор утверждает, будто «такое начертание его далеко не редкость на монетах Средней Азии». Тем не менее считаю долгом выразить автору благодарность за его статью, которая заставила меня вернуться к интересному дирхему и исправить свое первое, несомненно также ошибочное чтение.

Г-н Трутовский не обратил внимания на то, что в том же томе ЗВОРАО, на который он ссылается, мною предложено толкование надписи, которую я прежде оставил неразобранной [10]; я предлагал читать (с поправкой, предложенной П. М. Мелиоранским):

سمرقند
دا ایچلین
تا شلین

т. е. «в Самарканде, как внутри, так и вне [города]»; эта надпись, по моему мнению, является переводом надписи персидских дирхемов, чеканенных в Самарканде в ту же эпоху: بسمرقند ونوحی این شهر или سمرقند و نواحی. Я указал на то, что «буква ج на одном из экземпляров монеты видна яснее, чем на ксилографии». Я показывал экземпляры нашего собрания нескольким лицам (между прочим, бар. В. Р. Розену и П. М. Мелиоранскому), и они вполне согласились со мной; на некоторых экземплярах ясно видно, что знак для ج спускается ниже строки — характерный признак начертания этой буквы на монетах. Естественно ожидать на другой стороне монеты перевода надписи هر که نگیرد(بگیرد) کناه‌کار بود (или). И действительно, с помощью П. М. Мелиоранского [11] мне удалось установить следующее чтение надписи:

آلماغوجی
یاز وقلوغ
بولغای

---

[9] Этимологическое объяснение этого имени, как известно, очень просто (*ала* 'пестрый', *куш* 'птица').

[10] Бартольд, *О некоторых самаркандских дирхемах*, стр. XXVIII; <см. выше, стр. 346—347>.

[11] Точно определить долю участия каждого из нас в деле разбора надписи невозможно: каждый сообщил другому свои догадки, и из этих догадок постепенно получилось чтение, принятое обоими. Буква ـه в первой строке определена П. М. Мелиоранским, буква ز или ر во второй — мною.

«кто не возьмет (т. е. не станет принимать этой монеты), будет преступником» [12].

Такое чтение не только дает вполне удовлетворительный смысл, но также вполне соответствует начертанию букв на монете; правописание слова سمرقند (одинаково прочитанного г-ном Трутовским и мною) показывает, что в первой строке другой надписи буква, в которой я видел غ, а г-н Трутовский ع, есть ع, а во второй строке буква, которую г-н Трутовский, повторяя мою ошибку, принимает за ك, есть ر или ز.

---

[12] ‹На основании новых находок З. А. Альхамовой предложено чтение: «тот, кто не будет брать [эту монету], станет наемником и невольником». См. Альхамова, *Клад*, стр. 72.›

Бәһбуд

به‌بود

На монетах султана Хусейна (1469—1506), потомка Тимура, часто встречается слово به بود, которое обыкновенно переводят словом 'благосостояние', относя это слово как выражение пожелания [1] к названию места чеканки. Такое объяснение было вызвано тем, что рядом со словом به بود в картуше монеты, часто, хотя далеко не всегда, помещено название города. Покойный барон В. Г. Тизенгаузен привел пример «сочетания» (т. е. помещения рядом в картуше монеты) «выражения به بود „добро" или „благополучие" (bonitas, salus) с названием особого рода монеты „ашрефи", тогда как до сих пор слово это на монетах являлось либо отдельно, в виде позднейшей контрмарки به بود, либо в соединении с именем города هراة ,به‌بود استراباد ,به بود и т. д.» [2].

Объяснение этого выражения мы находим в «Записках» Бабура. После рассказа о смерти Хусейна Бабур перечисляет его сыновей и беков; здесь, между прочим, сказано: ينه بهبود بيك ايدى بورونلار جهره چيركاسيدا خدمت قيلور ايدى ميرزانينك قزاق‌ليق‌لاريدا خدمتى باقيب بهبود بيك‌كا بو عنايت‌نى قيلوب ايدى كيم تمغادا وسكه‌دا آنينك اتى ايدى «Еще был Бехбуд-бек. В прежнее время он исполнял службу в шатре пажей; за заслуги во время странствующей жизни [3] мирзы [Хусейна] Бехбуд-беку оказали ту милость, чтобы на печатях и монетах было его имя» [4].

---

[1] Как и в других выражениях этого рода, в слове به‌بود видели также удостоверение доброкачественности монеты; ср. Lane-Poole, *Oriental coins*, vol. VII, p. XXXIII: «به‌بود has been read by Dr. Blau and Prof. Stickel as به‌بود = „it is good" and the interpretation appears sufficiently natural».

[2] Тизенгаузен, *Восточные монеты*, стр. 312.

[3] Как известно, Хусейн в царствование своего предшественника, султана Абу Са'ида, скитался со своим отрядом в степях между Хорезмом и Хорасаном, иногда производя оттуда набеги на пограничные области (ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 70—71).

[4] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 217—218; пер. Лейдена—Эрскина, 187—188. ‹По переводу Салье (*Бабур-наме*, пер. Салье, 202): «Еще был Бехбуд бек. Сначала он служил в отряде телохранителей. В дни казачества услуги его понравились Мирзе, и Мирза оказал Бехбуду беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя».›

Бехбуд-бек как один из военачальников Хусейна упоминается и в других источниках, между прочим в «Шейбаниаде», изданной проф. Березиным [5]. Слова Бабура едва ли допускают сомнение в том, что слово بهبود на монетах Хусейна есть имя бека Бехбуда и не имеет отношения ни к названию города, ни к названию монеты.

---

[5] *Шейбāнӣ-нāме*, изд. Березина, пер., LXI; текст, 68, 69. Имя Бехбуда находится также в источнике автора *Шейбаниады*, именно в *Тавāрӣх-и гузīде-йи нусрат-нāме*, л. 100б.

ИЛЬТУТМЫШ

В OLZ (9. Jahrg., № 6, Sp. 304) Мартин Хартманн опубликовал сообщение Макса ван Бершема [1] о «мамлюкском султане» (в Индии) Насир ад-дине Махмуде и его предшественнике «Алтамише» с замечанием: «Бартольд в переработке „Mussulman Dynasties“ Лэна пишет Ильтутмыш, стр. 251, 258, прим. 3». Исправление «Ильтутмыш» вместо бессмысленного «Алтамиш» имеется не только в моей русской обработке, но уже в английском оригинале (подлинное название — «The Mohammadan Dynasties»). С. Лэн-Пуль считал необходимым сохранить привычную для его английских читателей форму «Altamish», но замечает при этом в скобках: «more correctly Īltutmish» [2]. По отношению к русским читателям не было никаких оснований ставить правильную форму на второе место.

Между прочим, как показывает также примечание Хартманна, чтение, предложенное С. Лэн-Пулем уже в 1884 г.[3], еще не нашло всеобщего признания. На монетах этого правителя имя пишется التتمش и ايلتتمش; поскольку «как в наиболее достоверном арабском, так и в санскритском написании *л* предшествует обоим *т*», то А. Мюллер [4] справедливо называет попытку истолкования этого имени поздним индийским историком Бадауни [5] народной этимологией (на основании этого истолкования Редхауз предположил первоначальную форму ايتتلمش или ايتتلمس). Собственное написание А. Мюллера Altytmysch должно передавать только «наиболее достоверную традицию», «не стремясь способствовать этим объяснению имени»; однако в этой форме начальный звук соответствовал бы только первому, а не второму столь же хорошо засвидетельствованному [6] написанию на монетах. Для второго слога Рьё [7] и Эте [8] приняли гласную *а* — по-видимому, без бóльших оснований, чем принятая А. Мюллером

---

[1] M. Hartmann, *Archäologisches aus Russisch-Turkistan*, III, Sp. 304.

[2] Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties*, p. 295.

[3] Lane-Poole, *The Coins*, p. XXIX.

[4] *Der Islam*, Bd II, S. 188.

[5] Сообщено Э. Томасом (*The Chronicles*, p. 44; здесь же примечание Редхауза).

[6] Особенно отчетливо на монете № 51 (Lane-Poole, *The Coins*, p. 16; изображение на табл. II).

[7] В *Pers. MSS* постоянно Iltatmish (отдельные места приведены в указателе).

[8] *Catalogue Ind. Off.*, p. 89 — Iltatmish; idem, *Neupersische Litteratur*, S. 332: «Altamisch (oder richtiger Iltamisch)».

гласная *и* (соотв. *ы*). Есть ли в каких-нибудь старых рукописях огласовка над первым *т*, по-видимому, до сих пор не было установлено; мне известен только один такой случай: превосходная (829 г. х.) рукопись *Тāдж ал-ма-'āṣир*, написанная при Ильтутмыше Мухаммедом б. Хасаном Низами, в библиотеке С.-Петербургского университета (рук. № 578, л. 218б) имеет отчетливое ايلتتمش (точки над последней буквой отсутствуют). Приемлемое лингвистическое объяснение возможно, по-видимому, только для формы с гласной *у*. С. Лэн-Пуль пытался объяснить это имя как «handgrasper, supporter, upholder»; с тех же пор, как благодаря орхонским надписям [9] выражение *иль* (или *эль*) *тут-* стало известно в значении 'сохранять племенное объединение (государство)' [10], вместо слова *эль* 'рука' (которое редко пишется с ى) лучше, пожалуй, ставить слово *эль*, или *иль*, 'племя, племенное объединение, государство, народ, держава' и т. д.[11] и толковать все имя как 'Хранитель державы'.

---

[9] Отдельные места указаны Радловым в «Глоссарии к кошо-цайдамским памятникам» под словом *äl* (Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 93). С. Лэн-Пуль, по-видимому, не знал этих надписей, так как он еще в своей *Mediaeval India* (p. 70), вышедшей в 1903 г., сохранил свое прежнее объяснение. Также неточно формы «Altamish» и «Altamsh» названы там «the Persian spelling» в противоположность «original Turki name»; как показывает написание ранних персидских рукописей, эти формы так же мало передают персидское, как и тюркское произношение.

[10] Это выражение встречается еще в *Кудатку* (или *Кутадгу*) *билик*, 20_4 (приведено Радловым, *Словарь*, под словом *äl*).

[11] Об употреблении этого слова в надписях см. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 135.

НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ‹АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ›

При учреждении Азиатского музея, или, как он был назван первоначально, Восточного кабинета [1], в состав его вошло, между прочим, собрание восточных монет, хранившееся до тех пор в Кунсткамере Академии наук. Начало этому собранию, как и другим академическим коллекциям, было положено основателем Академии, Петром Великим; как впоследствии было отмечено Х. Д. Френом, персидские монеты собрания доходили только до года смерти Петра (1725) [2]. Описание коллекции было поручено приглашенному в 1731 г. из Германии проф. Керу (ум. в 1740 г.); рукопись Кера в самой Академии считалась утраченной [3]; бар. В. Г. Тизенгаузеном было установлено, что она сохранилась в Московском главном архиве Министерства иностранных дел [4]. Кером было описано более 8000 «арабских и татарских» монет. Из труда Кера, по-видимому, заимствован список монет, вошедший в первый печатный каталог «Museum Petropolitanum», составленный Крузиусом (не обладавшим познаниями в восточной нумизматике) и изданный в 1745 г.[5].

Обогащение собрания в XVIII в. носило более или менее случайный характер. Из таких случайных находок особенно ценной оказалась сделанная в 1785 г. в Смоленской губернии; среди монет, доставленных Академии Палласом, была, между прочим, крайне редкая монета 95 г. х., чеканенная в Кумисе (т. е. в главном городе этого округа, Дамгане) [6]. Но вообще, при случайном характере приобретений, накоплялось много

---

[1] Это название (в немецком переводе: Asiatisches Kabinett) употреблено в предложении президента Академии С. Уварова от 11 ноября 1818 г. и в посланной Френу выписке из журнала Комитета правления 15 ноября; выражение «Азиатский музей» находится только в ответной бумаге Френа (Dorn, *Das Asiatische Museum*, Beilage 6—7 ‹S. 196—201›).

[2] Ibid., S. 4.

[3] Ibid., S. 16.

[4] Тизенгаузен, *Обзор*, стр. 3.

[5] Dorn, *Das Asiatische Museum*, S. 6, Beilage 1 ‹S. 171—181›.

[6] Ibid., Beilage 2 ‹S. 188—189›. В монографии В. Г. Тизенгаузена *Монеты восточного халифата* при упоминании об этой монете (№ 416) указан только академический экземпляр; из указателя видно, что это была также единственная известная халифская монета, чеканенная в Кумисе. В собрании Эрмитажа экземпляров этой монеты не имеется, только среди новых приобретений отмечен дирхем, чеканенный в Кумисе в 91 г. х. (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 875).

дубликатов и много негодных экземпляров. Когда Френ в 1817 г. приступил к разбору собрания, то всех монет оказалось более 19 000; после выделения дубликатов и совершенно негодных экземпляров осталось всего 2264. К этим монетам Френ присоединил некоторое число лучших дубликатов (2031), для облегчения чтения надписей и для того, чтобы наиболее ценные монеты имелись в нескольких экземплярах. Всего, таким образом, в нумизматическое собрание Азиатского музея вошло из старого фонда 4295 монет — 79 золотых, 3484 серебряных и 732 медных [7]. С высочайшего разрешения [8] негодные экземпляры были переданы на монетный двор, причем за них было уплачено 215 р. 82½ к. серебром [9]; из дубликатов были составлены особые коллекции, предназначенные для обмена и передачи [10]; таких коллекций было составлено 12 [11]; потом число их было доведено до 24 [12].

Уже в первые годы после учреждения Азиатского музея и назначения Френа директором Музей наряду с рукописными коллекциями приобрел значительное количество монет, причем эти монеты приобретены со строгим выбором. Френ был убежден, что собрание восточных монет Азиатского музея выдается среди других собраний, «как луна между малыми звездами» [13]. Такое же убеждение разделялось другими ориенталистами-нумизматами; так, П. С. Савельев писал, что изданный Френом в 1826 г. каталог монет Музея «открыл ученому миру богатейшее из существующих собраний восточных монет».

По отзыву специалиста, труд Френа «составляет эпоху в истории восточной нумизматики и сделался настольною книгою и одним из главных пособий для занимающихся изучением мусульманских монет» [14]. Книга не утратила своего значения и до сих пор. Целый ряд восточных монет впервые был описан в «Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scientiar. Petropolitanae»; из этого описания исходили ученые при обсуждении возникавших в науке вопросов, например вопроса о так называемых монетах бухар-худатов [15]. Столь же интересен был установленный

---

[7] Dorn, *Das Asiatische Museum*, Beilage 17 ‹S. 244 sq.›.

[8] О нем ibid., S. 31, Beilage 31 ‹S. 265›.

[9] Ibid., S. 31.

[10] На первую очередь было поставлено собрание Казанского университета (ibid., Beilage 31 ‹S. 266›). Впоследствии часть академических дублетов была передана вновь образованному Археологическо-нумизматическому (ныне Русское археологическое) обществу (Веселовский, *История*, стр. 31).

[11] Dorn, *Das Asiatische Museum*, Beilage 17 ‹S. 245›.

[12] Ibid., Beilage 31 ‹S. 265›.

[13] Уже в первой своей статье о собрании (*De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo*) Френ писал: «Apparatum academicum inter reliquos eminere tamquam luna inter stellas minores».

[14] Тизенгаузен, *Обзор*, стр. 5. Там же цитата из статьи Савельева *О жизни и ученых трудах Френа*.

[15] Ср. исследование Лерха *Монеты бухар-худатов*.

Френом факт чеканки в Бухаре в XIII в. монет с китайскими иероглифами [16]. Некоторые из монет академического собрания остаются редкими и до настоящего времени; так, еще в 1896 г. при описании частной коллекции, оставшейся после хедива Исма'ила, представленная в этой коллекции монета мятежника Себкери (?) [17], владевшего Фарсом в конце III в. х., была названа единственной; между тем экземпляр той же монеты был описан уже в «Recensio» Френа [18]. Из золотоордынских монет только в академическом собрании имеется монета хана Кадыр-Берды (одного из сыновей Тохтамыша), хотя это чтение и вызывает сомнение [19]. При описании коллекции джелаиридских монет, принадлежащей Эрмитажу, академический экземпляр динара 762 г. х., описанный Френом, дал возможность полностью прочитать надпись, отчасти стертую на экземпляре Эрмитажа [20]. Вообще «Recensio» и другие нумизматические труды Френа доставили науке обильный материал, которому были многим обязаны составители монографий по монетам отдельных государств и династий, в том числе, по собственному признанию [21], бар. В. Г. Тизенгаузен, автор едва ли не лучшего труда по мусульманской нумизматике на русском языке — «Монеты восточного халифата». Ссылки на каталог и списки приобретений академического собрания часто встречаются также в капитальном труде А. К. Маркова «Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)».

Помимо мусульманских монет, собрание Азиатского музея заключает в себе некоторое число домусульманских, преимущественно сасанидских [22], описание которых предполагал составить Б. А. Дорн [23], грузинских, армянских и дальневосточных. Если эти отделы Музея меньше привлекали к себе внимание, то это отчасти объясняется тем, что эта часть нумизматики была далека от научных интересов первых директоров Музея, Френа и Дорна. Мусульманскими монетами Музей продолжал обогащаться (были, конечно, случаи приращения Музея и по другим нумизматическим отделам) до смерти Дорна, последовавшей в 1881 г. За последние десятилетия и эти приобретения почти прекратились, что в «Материалах для истории академических учреждений» [24] объяснено «отсутствием специалиста по этой отрасли востоковедения».

---

[16] Бартольд, *Из минц-кабинета*, I, стр. 03; ‹см. выше, стр. 345›.

[17] Чтение сомнительно; на изданном Каэтани факсимиле труда Ибн Мискавейха в некоторых местах виден гласный знак, относящийся к первой или второй букве, вероятно к первой (напр., Ибн Мискавейх, изд. Каэтани, V, 44, 78 и др.).

[18] Марков, ЗВОРАО, т. XI, стр. 406.

[19] Об этом Марков, *Инвентарный каталог*, стр. III—IV.

[20] Марков, *Каталог джелаиридских монет*, стр. LIV и 5 (№ 14).

[21] Тизенгаузен, *Обзор*, стр. 21, прим. 41.

[22] Вопроса о них касается один из докладов Френа Конференции (1828 г.); см. Dorn, *Das Asiatische Museum*, Beilage 50 ‹S. 326—331›.

[23] Ibid., S. 130.

[24] *Материалы*, стр. 234.

Это замечание относится, конечно, к личному составу Академии, но не к русской науке вообще, давшей за тот же период ряд ценных трудов по восточной нумизматике. По тем же причинам собрание восточных монет Азиатского музея, считавшееся при Френе первым в мире, теперь занимает довольно скромное место даже среди петроградских собраний, далеко уступая собранию Эрмитажа. Тем не менее пользование монетами, принадлежащими Азиатскому музею, остается необходимым при составлении монографий по тому или другому отделу или при исследовании отдельных нумизматических вопросов. Еще в 1904 г. О. Ретовским, автором известной монографии о монетах Гиреев, были рассмотрены также экземпляры Азиатского музея [25]. За последние годы собрание, по-видимому, находилось в менее удовлетворительном состоянии. Покойный Н. И. Веселовский в статье о золотоордынском городе Гюлистане по поводу одной из чеканенных в этом городе загадочных монет заметил, что экземпляров Азиатского музея ему «видеть не удалось, так как они не оказались на своем месте» [26]. Можно надеяться, что в ближайшем будущем, после перехода Музея в новое помещение, нумизматическое собрание Музея будет вновь поставлено на прежнюю высоту и вновь будет привлекать к себе всех интересующихся монетными памятниками восточных государств [27].

---

[25] Retowski, *Die Münzen der Gireï*, S. VI.

[26] Веселовский, *Загадочный Гюлистан*, стр. 62.

[27] ‹В настоящее время коллекция Азиатского музея вошла в собрание Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа.›

МОНЕТЫ УЛУГБЕКА

В своей монографии об Улугбеке, вышедшей в свет в 1918 г.[1], я не упомянул о чеканившихся им монетах. В течение большей части его сорокалетнего правления монет с его именем чеканиться не могло. Улугбек фактически вполне самостоятельно управлял Самаркандом и всем Туркестаном, совершал походы, воздвигал великолепные постройки. Как в обращениях к нему писателей и ученых, так и в его собственных надписях, относящихся к этому периоду, употребляются титулы, на которые, собственно, имел право только самостоятельный государь; говорится не только о султанстве, но и о халифате [2]. Тем не менее Улугбек в это время официально был только наместником своего отца Шахруха, и только имя Шахруха мы видим на всех монетах, чеканившихся в это время в Самарканде. От смерти Шахруха (12 марта 1447 г.) до смерти самого Улугбека (25 или 27 октября 1449 г.) прошло всего 2 года и 7 месяцев; все это время Улугбек вел тяжелую борьбу с другими претендентами на престол и фактически гораздо меньше пользовался правами и преимуществами государя, чем прежде, но только в эти годы от его имени как главы династии Тимура чеканились монеты в Самарканде и Герате. Эти монеты, надписи на которых до сих пор еще не вполне были разобраны, представляют большой интерес и вполне подтвердили сказанное в моей монографии об Улугбеке, как правителе, дорожившем, по примеру своего деда Тимура и в противоположность своему отцу Шахруху, в делах двора и войска монгольскими традициями [3].

В каталоге монет Британского музея описываются два типа монет Улугбека, чеканенных в 852 г. х. в Герате [4]; экземпляры монет, чеканенных в том же и в следующем 853 г. х. в Герате и Самарканде, я видел в собрании Эрмитажа и в ташкентских собраниях — Туркестанского народного музея и Туркестанского восточного института. На монетах виден известный герб Тимура, упомянутый в рассказе о посольстве Клавихо [5], —

---

[1] Бартольд, *Улугбек*; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196›.

[2] Там же, стр. 109; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 136›.

[3] Там же, стр. 71; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 97›.

[4] Lane-Poole, *Oriental coins*, vol. VII, p. 38, № 109 (табл. III); add., II, p. 154, № 109a (табл. XXXI).

[5] Клавихо, изд. Срезневского, 235.

три кружка; на монетах Шахруха этого герба нет; кроме имени Улугбека видно имя Тимура; имени Шахруха нет. По чтению надписей, предложенному Лэн-Пулем, автором каталога Британского музея, монеты чеканились от имени Улугбек-гургана, сына Тимур-гургана; слово *гурган*, неправильно, по примеру Вамбери, объясненное Лэн-Пулем [6], значит «зять»; так называли себя Тимур, Улугбек и некоторые другие потомки Тимура, породнившиеся посредством брака с домом Чингиз-хана. Около названия города Герата находится слово, которое Лэн-Пуль читал сначала سورمو, потом سورومرد, очевидно сближая его с загадочным سرمرد, часто встречающимся на монетах, чеканившихся в среднеазиатских городах, особенно при династии Шейбанидов [7]. В эрмитажном экземпляре каталога Лэн-Пуля рукою А. К. Маркова восстановлено правильное чтение سوزوم 'мое слово'; в печати эта поправка была сделана в рецензии бар. В. Г. Тизенгаузена на последнюю часть каталога Лэн-Пуля [8]; Тизенгаузен хотел читать سوزموز, но второе و на монетах находится между первым ز и م, а не после م.

Тизенгаузен справедливо замечает, что слово سوزوم есть «тюркский», т. е. турецкий, перевод монгольского выражения *угэ ману* 'слово наше', употреблявшегося на монетах Тимура. Марковым была еще сделана поправка к слову بن 'сын'; им было отмечено, что под соответствующей буквой имеются две точки, а не одна. Над этим словом находится еще сочетание букв همى, причем, по-видимому, между م и ى есть еще *харакат* без точки; над همى еще ›. Лэн-Пуль читает ›همى и замечает об этом слове только, что оно «могло быть титулом» («may be a title») [9]. Ни исторического, ни даже лингвистического объяснения этого мнимого титула им предложено не было; ничего не сказано о слове ›همى и в рецензии Тизенгаузена.

Слово سوزوم показывает, что надпись турецкая; если в слове, читавшемся Лэн-Пулем بن, буква ب должна быть заменена буквою يـ, то напрашивается сочетание يين — турецкий предлог ‹аффикс› исходного падежа. Остается арабское слово همّ или همّت 'помышление, забота', иногда в смысле «духовное покровительство», например шейха своим поклонникам; так, Тимур, по словам Ибн Арабшаха, объяснял свои победы духовным покровительством (همت) шейха Зейн ад-дина Хавафи [10].

---

[6] *Oriental coins*, vol. VII, p. XXIX.

[7] Ibid., p. XXXIII. ‹О термине *ширмерд* см. Давидович, *По поводу южно-туркменистанского клада*, стр. 154—160.›

[8] Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. VII, стр. 366.

[9] Lane-Poole, *Oriental coins*, vol. VII, p. XXXI.

[10] Ибн Арабшах, каирск. изд., 9; Бартольд, *Улугбек*, стр. 19 и сл; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 40 и сл.›. Ср. ссылку на это место Ибн Арабшаха в словаре Фрейтага (*Lexicon*), s. v. همت; там же объяснение из *Ta'рифāт* (Brockelmann, GAL, Bd II, S. 216, сочинение современника Тимура) об الهمه الروحانية الى جانب الحق لحصول الكمال له او لغيره.

Из истории Улугбека известно, что к нему иногда обращались с просьбами «ради духа великого эмира», т. е. Тимура [11]. При таких условиях, мне кажется возможным предложить чтение: (или همّتی) تیمور کورکان همّت دین الغ‌بیك کورکان سوزوم «Духовным покровительством Тимур-гургана, Улугбек-гурган, мое слово».

Кроме монет Улугбека, мы ни на одной монете, чеканенной после смерти Тимура, имени Тимура не находим; никто из других Тимуридов не проявил такого благоговения к памяти основателя династии.

---

[11] Бартольд, *Улугбек*, стр. 38; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 64>.

РАЗДЕЛ IV

ЭТНОГРАФИЯ

А. А. Диваев, Этнографические материалы. Сказки, басни, пословицы и приметы туземного населения Сыр-Дарьинской области

Отдельные оттиски из «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», изд. 1893 г., Ташкент, 1893 г. 84 стр. 8°. То же, 1895 г. 160 стр. 8°[1]

Издания Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, заключающие в себе много интересного материала, к сожалению, печатаются в ограниченном числе экземпляров и почти совсем не проникают в Петербург. Этим объясняется, что в ежегодных отчетах о новых книгах по востоковедению, помещаемых в ЗВОРАО, только один раз[2] были упомянуты труды Комитета. В рецензии, между прочим, было сказано: «Расширяя несколько программу своей деятельности, комитет обращает внимание также и на этнографию и историю, и благодаря этому обстоятельству „Труды" его обещают представить много интереса для ориенталистов, которым таким образом придется внимательно следить за изданиями комитета».

Комитет и в последующие годы остался верен указанной программе, и в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» мы рядом со статистическими данными всегда находим ценный этнографический материал. Сюда принадлежат и труды г-на Диваева, печатающиеся в «Сборнике» со времени его основания, т. е. с 1891 г. Перед нами два последних выпуска этих трудов. В «Сборнике» за 1893 г. была помещена интересная статья «Аткамнары», в ярких красках изображающая подвиги киргизских[3] мироедов, и 11 киргизских сказок, записанных главным образом в Чимкентском уезде; в заключение автор сообщает несколько народных примет (со слов одного киргиза Казалинского уезда) и пословиц. В 1895 г. г-н Диваев напечатал перевод обширной и интересной киргизской былины о Шура-батыре (былина записана в Чимкентском уезде); кроме того, мы находим здесь 2 сказки, любопытное собрание народных примет, пословиц и загадок, 8 образчиков киргизского животного эпоса и статью, в которой описываются проводы невесты у оседлого населения города Чимкента, причем приводится точный перевод песен, распеваемых по этому случаю парнями и девицами.

[1] ‹Так напечатано в ЗВОРАО, т. IX, стр. 297. В действительности работа опубликована в 3-м томе «Сборника», вышедшем в 1894 г., и в 4-м, вышедшем в 1895 г.›

[2] Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 121—122.

[3] ‹Здесь и далее в этой рецензии речь идет о казахах.›

Некоторые сказки, собранные г-ном Диваевым, уже раньше были известны; такова, например, сказка о «Мужественной девице» [4], вошедшая в «Образцы народной литературы тюркских племен», изданные В. В. Радловым [5]. Несмотря на это, сообщенные г-ном Диваевым образцы народного творчества и черты из жизни киргизов не только чрезвычайно важны для ознакомления местной интеллигенции с нравами кочевников, но и представляют много нового и любопытного как для интересующихся историей Средней Азии, так и для любителей фольклора.

Первые обратят особенное внимание на «приметы», в которых отражаются народные верования и суеверия, сохранившиеся вопреки исламу и иногда приспособившиеся к последнему; так «хлебопашец, прежде чем воспользоваться зерном своим из гумна, прочитывает стих корана во имя „Дикан-ата“ ('Отца хлебопашества')» [6]. Любители фольклора заинтересуются, например, мотивом, дважды повторяющимся в «Материалах» г-на Диваева (1893 г., стр. 76—78 и 1895 г., стр. 106—108) и близко напоминающим средневековую легенду, послужившую темой для стихотворения Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer».

Интересному содержанию «Материалов» г-на Диваева вполне соответствует талантливость изложения. В переводах сказок мы крайне редко встречаем слова и обороты, неуместные при передаче произведений народного творчества [7]; столь же легко читается оригинальная статья «Аткамнары» [8]. Картина «из жизни киргиз» рисуется перед читателем с необыкновенной живостью; полного сочувствия заслуживает отношение автора к вопросам общественной жизни, его искреннее негодование против людей, действующих «в интересах личного благополучия под знаменем общественной пользы», и его горячая симпатия к бедному люду, терпящему от собственной темноты и забитости.

В былине о Шура-батыре одна пословица сообщается также в подлиннике; не можем не пожалеть о том, что этот случай единственный [9]; если бы наиболее характерные изречения, поговорки и т. п. были приведены также в подлиннике (арабским или русским шрифтом), то это значительно увеличило бы научную ценность издания и едва ли бы слишком возвысило цену отдельных выпусков. Заметим еще, что пользование «Материалами» несколько затрудняется отсутствием оглавления. В заключение можем только пожелать продолжения полезного издания.

---

[4] Диваев, *Этнографические материалы*, I, стр. 58—61.

[5] *Образцы народной литературы*, ч. III, стр. 290—296; Radloff, *Proben*, T. III, S. 347—355.

[6] См. Диваев, *Этнографические материалы*, II, стр. 114.

[7] Таково, напр., выражение «по экстренным делам» (там же, стр. 2).

[8] Неприятное впечатление производят, однако, многочисленные корректурные недосмотры, особенно в знаках препинания. Отметим также небольшую ошибку в правописании арабского слова: زيافت вм. ضيافت.

[9] В других местах мы находим только отдельные киргизские слова.

Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги

Издание Сибирского т-ва печатного дела. Томск, 1912. 186 стр. 8° min.

Цель новой книги Г. Н. Потанина — доказать среднеазиатское происхождение всех преданий о Соломоне, не только послебиблейских, но и библейских (ср. особенно стр. 100 и сл.). В основе саги, древнейшая версия которой сохранилась у бурятов (стр. 141 и 170), лежит северноазиатский эпос о звезде Цолмоне, т. е. о Венере; «Соломон — только западное произношение имени Цолмон» (стр. 136).

В своей новой работе маститый автор остается верен тем приемам исследования, которые хорошо известны читателям его книги о «Восточных мотивах в средневековом эпосе». Не обращая внимания ни на хронологию, ни на доказанные исторические связи, он сопоставляет между собою сходные легендарные сюжеты у различных народов, признает наиболее древней ту версию, которая представляется ему наиболее «архаичной», и на основании такого вывода строит гипотезы о переходе сказания от одного народа к другому, об исчезнувших промежуточных звеньях и т. п. Общеизвестный факт, что кочевник приспособляет к своему мировоззрению и быту сказание, заимствованное у более культурных народов, и таким образом придает ему более «архаическую» окраску, не принимается в расчет; выводы получаются большею частью обратные выводам историков. Превращение иранского Ахурамазды в монгольского Хормуста-тенгри мы теперь, после открытия в Восточном Туркестане памятников манихейской литературы, можем проследить вполне отчетливо; Г. Н. Потанину, однако, представляется невероятным, чтобы «монголы и тюрки иранское верховное божество распылили на мелких духов, тогда как естественнее предположить здесь синтетическую работу, из представления о множестве духов курмёс создание представления об одном наиболее могущественном курмёсе, т. е. Хормустен-хане» (стр. 151). Известно, что монгольский Арджи-Борджи есть индийский раджа Бходжа; в монгольской версии, как свидетельствует и рассказ, приводимый самим Г. Н. Потаниным (стр. 124), упоминается индийский царь Викрамадитья; и все-таки оказывается, что сказка об Арджи-Борджи древнее Викрамачаритры (стр. 149), что она перешла из Средней Азии, вероятно из южной Монголии, на юг — в Индию и на запад — в Европу, вследствие чего явились индийский раджа

Бходжа и славянский Арзи-Варзь (в варианте Ариоверзан), упоминаемый в «Александрии» (стр. 79) [1]. Сказание о Едигее буквально повторяет один из библейских рассказов о Соломоне (решение спора двух женщин о ребенке); по определению покойного П. М. Мелиоранского [2], этот рассказ «есть прямо известный суд Соломона в киргизской одежде». Для Г. Н. Потанина, однако, ясно, что сказка, распространенная «главным образом среди кочевых тюрков», возникла независимо от Библии: «Если тюркская сказка вышла из библейского рассказа, то надо бы ее найти у культурных тюрков, потому что преобразование библейского рассказа в народную сказку естественнее предположить делом культурных тюрков и уже от них сказки должны были попасть к кочевникам» (стр. 95). Для историка несомненно, что оседлое население знало рассказы о Соломоне лучше кочевников (известен факт приурочения книжных сказаний о Соломоне к городу Ошу), но не имело никаких причин переносить черты этих рассказов на кочевого богатыря. Для Г. Н. Потанина сказочный Едигей существовал независимо от исторического и до него; уже потом «народ до такой степени отожествлял генерала Золотой Орды со сказочным Идыгеем, что имя Идыге (Едигей русских памятников) в мусульманскую летопись вошло с чертами из сказки» (там же). Путем лингвистических сближений (стр. 96) доказывается, что «форма Тохто до XIV столетия уже стояла в сказке об Идыге-ни»; окончание *мыш* «могло образоваться из мангыш (то же, что монгольское мангыс)», т. е. как в истории борьба велась между Едигеем и Тохтамышем, так и в существовавшей ранее сказке упоминались те же лица под теми же именами.

Едва ли историку нужно подкреплять какими-нибудь доводами свое отрицательное отношение к таким гипотезам. Посвященная грузинскому богатырю Амирану глава «Восточных мотивов» вызвала в свое время со стороны Н. Я. Марра замечание, что «без исторической перспективы, получающейся в результате исследования литературных течений в Грузии и их отслоений на устной живой старине, всякие построения с грузинскими народными сказаниями неизбежно обречены быть карточными» [3]. Все это, конечно, применимо, mutatis mutandis, к сказаниям всех времен и народов.

---

[1] Известно, что Ариобарзан есть исторический сатрап Персии, боровшийся с Александром и упоминаемый еще у Арриана. Ничего общего с «Арджи-Борджи» он, конечно, не имеет.

[2] *Сказание об Едигее*, стр. 14.

[3] Марр, *Возникновение и расцвет*, стр. 246.

Г. Н. Потанин, Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии

Томск, 1916. 129 стр. 8°

В своем новом труде неутомимый исследователь, по обыкновению, сопоставляет среднеазиатские мифы с «западными параллелями» и доказывает, что родиной этих мифов следует признать Среднюю Азию. «В центральной Азии существовал культ сына неба», помогавшего своему отцу при сотворении мира, но тотчас «по окончании творения» вступившего с ним в борьбу; вместе с тем «из наблюдений над жизнью зверей, прячущихся в норы, возникли легенды о сыне неба, убитом на земле», где «сын неба изображается гонимым, невинным страдальцем» (стр. 96 и сл.). Выводы автора, как и в других его трудах, основаны не столько на подлинных словах сказаний, записанных им самим или другими собирателями, сколько на предположениях о первоначальных версиях тех же сказаний и об утраченных подробностях. Ерлик, царь ада, только в «одном варианте легенды о сотворении мира» [1] назван сыном неба; тем не менее эта версия признается первоначальной, так как в других преданиях есть указания на поединок царя неба с собственным сыном (стр. 8). Автор предполагает, что Ерлик-хан носил также другое имя — Ерке или Ерке-Хара, хотя преданий, где бы так назывался царь ада или сын неба, в его распоряжении не было (стр. 2 и сл. и 97).

Автор, как и в прежних своих трудах [2], вслед за о. Палладием утверждает, что Христос у монголов назывался Ерке (по-китайски Е-ли-я) и что отсюда происходит турецко-монгольское название христиан — *еркеун*, или *архаун* (по-китайски *е-ли-кэ-ун*); из этого делается вывод, «что христианство в Китай занесено монголами и турками» (стр. 1). В действи-

[1] Не сказано, какой вариант имеется в виду и где он был приведен. Ср. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, 692 и сл.: «в сказании, помещенном у нас на стр. 220, раздор доходит до битвы между соперниками, отцом и сыном»; в цитованном месте, однако, не говорится о сыне творца, но только о его товарище или о созданном (но не рожденном) им помощнике (ср. там же, стр. 797 и сл. о сказаниях, где иногда, но только у финнов «помощником творца является его сын»).

[2] Ср. возражения Н. Я. Марра (*Арḱаун*, стр. 45, прим. 3), где сделана ссылка на книгу Потанина *Тангутско-Тибетская окраина*, т. II, стр. 346—347; то же самое высказано и в более раннем труде — *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, стр. 917.

тельности, как правильно сказано у о. Палладия [3], христиане были известны в Китае под этим названием только при монголах. Вошедшие в китайский язык названия дней недели [4] и другие термины (известно [5], что даже христианские храмы в Китае первоначально назывались персидскими) ясно показывают, что христианство было принесено в Китай из Персии, первоначально, судя по выражениям надписи 781 г., морским путем (говорится о наблюдении ветров), потом также караванным. В самой Персии распространителями христианства, как известно, были сирийцы; вполне естественно, что они принесли с собой не греческое слово *Христос*, но семитическое *Мессия*, которое мы и находим как в китайских христианских памятниках (*Мишихо*) [6], так и в памятнике средневекового турецкого христианства [7]. Слово *Е-ли-я*, вопреки утверждению Г. Н. Потанина, находится не «на каменной плите, найденной близ города Сианьфу» (стр. 2), но в составленном во второй половине XIV в. труде *Чжэнь-цзянь-чжи*, где приведена надпись об основании в 1281 г. монастыря Дасинь госы; в надписи упоминается как основатель христианской веры «Мар Е-ли-я, оставивший свои чудесные следы назад тому более 1500 лет» [8]. Слово *Мар* показывает, что Е-ли-я — транскрипция сирийского имени; надпись, по словам о. Палладия, составлена не христианином, но учителем конфуцианского училища; вполне возможно, что им по недоразумению основателем христианства назван пророк Илья[9]. Происхождение монгольского названия христиан, *аркаун*, или *эркэун*, остается до сих пор загадочным [10].

Труд Г. Н. Потанина едва ли изменит отношение ориенталистов [11]

---

[3] *Старинные следы христианства*, стр. 27.

[4] Там же, стр. 9; Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, p. 176.

[5] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 14; Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt, II, p. 308.

[6] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 19; Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, p. 329.

[7] F. Müller, *Uigurica*, I, S. 6. Ср. также турецко-сирийскую надпись, приведенную П. К. Коковцовым (*К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, стр. 788).

[8] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 38 и сл.

[9] Ср. ту же китайскую транскрипцию этого имени в *Юань-ши* (Бартольд, *Пиванец Исол*, стр. 329).

[10] Ср. объяснение Н. Я. Марра (ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXVI и сл.; Марр, *Аркаун*), которое трудно привести в согласие с историческими данными. Нет пока никаких известий о том, чтобы слово *аркаун* употреблялось на армянской почве в домонгольский период и чтобы армяне-халкедониты имели в Средней Азии такое значение, что название, относившееся к ним, могло быть перенесено монголами на всех христиан.

[11] Г. Н. Потанин (стр. 11) называет мою рецензию (ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0150 и сл. <см. выше, стр. 369 и сл.>) первым отзывом ориенталиста о его трудах; между тем в той же рецензии приведено мнение другого ориенталиста; ср. теперь также мнение В. А. Гордлевского (*Г. Н. Потанин как народословесник*, стр. 73 и сл.). Мимоходом позволяю себе заметить, что Г. Н. Потанин неточно приводит мои инициалы (Вл. Б. вм. В. Б.) и неверно передает содержание моей рецензии; так, говори-

к его выводам и научным приемам [12], едва ли также побудит их исполнить желание автора и вместо краткой характеристики его «способа обращения с подлежащим материалом» подвергнуть подробному рассмотрению гипотезы, составляющие основу его труда (стр. 113). Автор доказывает, что в Средней Азии были все данные для самостоятельного возникновения преданий о сыне неба и соответствующего культа (стр. 114). Спорить об этом было бы бесцельно; как в области материальной, так и в области духовной культуры народы заимствуют извне многое, до чего они могли бы дойти и самостоятельно, и вообще для науки имеет значение не вопрос о том, что могло и не могло быть, но вопрос о том, что было на самом деле. Для решения научных вопросов есть только один путь — восходить от более известного к менее известному. Вопросы, составляющие предмет исследований Г. Н. Потанина, могут быть выяснены только путем тщательного сопоставления случаев, где с очевидностью может быть доказано влияние Запада на Восток или наоборот (чаще, вероятно, будет доказана зависимость Запада и Востока от общего источника многих сказочных сюжетов — Индии) [13], где хронологически точно может быть установлено время возникновения преданий или по крайней мере определен terminus post или ante quem. Только такие исследования могут быть положены в основу дальнейшего обсуждения вопроса о народных верованиях и сказаниях; попытки объяснить ignotum посредством такого ignotius, как «первобытная религия северной Азии» (стр. 115), заранее осуждены на неудачу.

тся (стр. 111), что «г. Вл. Б. в пользу приоритета индийского сказания о радже Боджа в состоянии был сказать только одно, что раджа Боджа действительное историческое лицо». Читателям «Записок» ‹ЗВОРАО› (но не читателям книги Г. Н. Потанина) легко убедиться, что в моей рецензии ничего подобного нет.

[12] ‹В специальной литературе отмечена также неверность методики Г. Н. Потанина в собирании фольклорного материала — Гребнев, *Тувинский героический эпос*, стр. 4.›

[13] Ср., напр., статью покойного Миллера *Всемирная сказка*.

К СКАЗКЕ О ХИТРОСТИ ДИДОНЫ

В 1893 г. покойным академиком В. Ф. Миллером было напечатано исследование «Всемирная сказка в культурно-историческом освещении» [1], посвященное широко распространенному сказочному сюжету о так называемой «хитрости Дидоны» (выпрашивается кусок земли, который можно покрыть бычьей кожей, кожа разрезается на ремни, и ими обводится обширное пространство). Мнение В. Ф. Миллера о происхождении (из Индии) и первоначальном характере сказки можно признать достаточно обоснованным; но пути распространения популярного сюжета остались невыясненными. Перечисляя различные версии сказки, В. Ф. Миллер переходит непосредственно из Африки [2] в Индию, из Индии в Европу; ни среднеазиатские, ни переднеазиатские области в этом перечне не упоминаются. Географическая разбросанность приведенных в статье данных не могла не показать автору, что имевшийся в его распоряжении материал неполон; он выражает убеждение, что «исследователи фольклора не раз нападут на тот же популярный сюжет со всеми его несложными деталями» [3]. Ожидание В. Ф. Миллера, по-видимому, не оправдалось; в 1916 г. А. В. Марков в статье, посвященной «памяти дорогого учителя», мог дополнить материал, собранный В. Ф. Миллером в 1893 г., только двумя мордовскими легендами [4].

Ни В. Ф. Миллером, ни А. В. Марковым не было замечено, что тот же мотив был приурочен сибирскими татарами к Ермаку и Кучуму и что эта сибирско-татарская версия еще в 1872 г. была обнародована, в подлиннике и в немецком переводе, В. В. Радловым [5]. Сказка настолько распространена, что В. В. Радлов [6] записал ее в трех местах, у двух родов то-

---

[1] «Русская мысль», 1893, кн. XI.

[2] В. Ф. Миллер (там же, стр. 214) замечает, что намек Вергилия (Эн., I, 367) объясняется рассказом Юстина (XVIII, 5). Тот же рассказ мы находим еще у Ливия (XXXIV, 62), по словам которого нумидийцы в 193 г. до н. э. в Риме доказывали, что карфагеняне имеют право только на цитадель Бирсу: «Advenis, quantum secto bovis tergo amplecti loci potuerint, tantum ad urbem communiendam precario datum; quidquid Byrsam sedem suam excesserint, vi atque injuria partum habere».

[3] Миллер, *Всемирная сказка*, стр. 227.

[4] А. В. Марков, *Обзор трудов Миллера*, стр. 98, прим. 1.

[5] *Образцы народной литературы*, ч. IV, текст, стр. 107 и сл.; Radloff, *Proben*, T. IV, S. 139 sq.

[6] *Aus Sibirien*, Bd I, S. 154 sq.; о родах ibid., S. 241—245.

больских татар на Таре и у барабинского рода терене, живущего несколько южнее. Татарская версия не стоит в Сибири совершенно одиноко; известен якутский рассказ о богаче Тыгыне, которого пришельцы русские обманули таким же образом [7].

Так как на русской почве сказка о хитрости Дидоны встречается в нескольких вариантах [8], то можно было бы думать, что сибирские сказания возникли под русским влиянием; но в мусульманской Средней Азии есть вариант сказки, относящийся к гораздо более ранней эпохе. Писавший в начале XIV в. в Кашгаре Джемаль Карши [9] приводит рассказ о распространении в Кашгаре ислама из составленной еще в XI в. «Истории Кашгара» Абд ал-Гаффара Алма'и [10]. Кашгарский владетель Огулчак Кадыр-хан, дядя впоследствии принявшего ислам Сатук Богра-хана, еще был кафиром, но дал у себя убежище мусульманскому царевичу (из династии Саманидов) Насру ибн Мансуру, бежавшему к нему от своего брата Исма'ила ибн Мансура [11]. Наср был назначен правителем местности Артуч (ныне Артыш [12], с мавзолеем Сатук Богра-хана); к нему стали приходить караваны с товарами из Бухары и Самарканда; эти товары очень нравились хану, особенно атлас и сахар, с которыми он раньше не был знаком и к которым быстро привык. Насру, таким образом, удалось приобрести расположение хана; после этого он попросил хана уступить ему пространство земли величиной в коровью кожу, чтобы там построить дом для служения своему господу. Хан согласился; Наср заколол корову, разрезал ее кожу на ремни и обвел этими ремнями пространство земли, где построил мечеть, остающуюся и теперь (при жизни автора) соборной мечетью Артуча. Кафир удивился остроумию его просьбы.

Из всех стран мусульманского мира В. Ф. Миллер нашел сказку о хитрости Дидоны только на Балканском полуострове и вследствие этого полагал, что турки ознакомились с ней только в Константинополе [13];

---

[7] Худяков, *Верхоянский сборник*, стр. 51, 53—54, Текст варианта той же сказки, транскриптированный Э. К. Пекарским, приложен к статье В. В. Радлова (*Die jakutische Sprache*); перевод — Пекарский, *Из преданий*, стр. 152. На якутские версии обратили мое внимание Э. К. Пекарский и Б. Я. Владимирцов.

[8] Приведены В. Ф. Миллером, *Всемирная сказка*, стр. 219 и сл.

[9] Текст приведен в моем труде *Туркестан*, ч. I, стр. 131. Об авторе и его сочинении см. Бартольд, *Мулхакат-ас-Сурах*, стр. 283 и сл.

[10] О нем Джемаль Карши — Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 129. Он умер при жизни своего отца, скончавшегося в 486/1093 г.

[11] Имена Саманидов совершенно не соответствуют времени жизни Сатук Богра-хана, умершего, по словам Джемаля Карши (Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 132), в 344/955-56 г. Еще более произвольно обращается с историческими данными автор новейшей версии легенды о Сатук Богра-хане, относящий смерть своего героя к 429/1037-38 г.; ср. Grenard, *La légende*, p. 10. Отрывки из этой версии сообщил в тексте и переводе Shaw, *A Sketch*.

[12] Петровский, *Ответ консула*, стр. 295.

[13] Миллер, *Всемирная сказка*, стр. 217.

кашгарская версия [14] показывает, что она могла быть известна туркам и раньше. В. Ф. Миллер обращает внимание на особенность сербской (герцеговинской) версии: являющийся жертвой обмана султан находит обман остроумным и ссылается на неотменимость царского слова [15]; эти черты сближают сербскую версию с кашгарской (дань удивления остроумию) и с сибирско-татарской (ссылка на данное обещание).

Замечательно, что в Иране, через который обыкновенно переходили в Переднюю Азию и Европу произведения индийского народного творчества, сказка о хитрости Дидоны до сих пор не была засвидетельствована. В. А. Иванов сообщил мне, что среди персидских дервишей широко распространен рассказ о шейхе Ни'металлахе Вели (XV в. н. э.), основателе ордена ни'металлахи [16], который будто бы путем такой же хитрости приобрел землю для постройки мечети в Махане, где впоследствии был похоронен. В литературе этот рассказ, насколько известно, не встречается, и происхождение его не может быть определено. Во время печатания настоящей статьи В. А. Иванов, кроме того, сообщил мне выписку из «Сада путешествия» (*Бустāн ас-сийāхат*) Зейн ад-дина Ширвани [17], где рассказывается, как Хасан Саббах, основатель секты исмаилитов (XI в.), приобрел крепость Аламут. Начальником крепости от имени султана Меликшаха (1072—1092) был Махди Алеви; Хасан Саббах уговорил его уступить ему за 3000 динаров кусок земли, который можно покрыть бычьей кожей, разрезал кожу на ремни и обвел ими всю крепость. Другая персидская версия сказания о хитрости Дидоны, из составленной в XVIII в. легендарной истории Тимура (*Тāмӣр-нāме*), была приведена в докладе В. А. Жуковского, прочитанном в феврале 1917 г. в Восточном отделении Русского археологического общества.

---

[14] Замечательно, что в новейшей версии легенды о Сатук Богра-хане (см. выше, стр. 375, прим. 11) рассказа о бычьей коже нет.

[15] Миллер, *Всемирная сказка*, стр. 227.

[16] Ср. В. А. Жуковский, *Беседы с дервишами*, стр. XXIII, где, согласно большинству источников, годом смерти святого назван 834/1430-31 г. Даулетшах (изд. Брауна, 336) указывает другую дату — 827/1424 г. ‹Сейчас о Ни'металлахе Вели см. Aubin, *Matériaux.*›

[17] *Бустāн*, 40.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ ТУРКОВ И МОНГОЛОВ

Памятники прошлого, оставленные кочевыми народами в среднеазиатских и черноморских степях, особенно курганы и так называемые «каменные бабы», долгое время были загадкой для ученых. Объяснение этих памятников было связано с теми же трудностями, как вообще решение археологических вопросов, когда исследователь не имеет возможности дополнять археологический материал известиями письменных источников. Не было никаких точных данных для установления абсолютной и относительной хронологии, для приурочения тех или других памятников к определенным народам, известным из истории; столь же мало могло привести к точным выводам изучение быта современных кочевников и сохранившихся в степи преданий о старине.

Благодаря открытию в 1889 г. орхонских памятников и дешифровке в 1893 г. орхонских надписей исследователи среднеазиатской археологии впервые получили в свое распоряжение точно датированный материал, приурочение которого к определенному историческому народу не возбуждает никаких сомнений. Этим открытием, между прочим, как указано в напечатанной в 1915 г. статье Н. И. Веселовского «Современное состояние вопроса о „Каменных бабах“» [1], был окончательно разрешен вопрос об известных под этим именем каменных статуях определенного типа, встречающихся на пространстве от Монголии до черноморских степей, именно мужских и женских фигурах, держащих в руках перед пупком чашу. После открытия орхонских памятников мы знаем, что эти статуи, в надписях названные *балбалами*, ставились турками в память умершего первоначально для изображения убитых им врагов, впоследствии, вероятно, с иной целью, так как рядом с мужскими статуями встречаются и женские; возможно, что в некоторых случаях они изображали самого покойника [2]. Народ, которому принадлежат орхонские памятники, впер-

[1] Отд. отт. из ЗООИД, т. XXXII, 1915.

[2] ‹Видимо, такая формулировка, предложенная В. В. Бартольдом, является наиболее правильной (ср. Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 143). Вместе с тем одни исследователи считают балбалы исключительно изображениями умерших (Евтюхова, *Каменные изваяния*, стр. 116; Кызласов, *Тува*, стр. 57, 60), тогда как другие — только воспроизведением убитых врагов (Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*, стр. 73—83).›

вые выступает в истории в VI в. н. э., который и является terminus post quem для статуй этого типа; из рассказа Рубрука мы знаем, что еще в его время, в половине XIII в., такие статуи ставились тогдашними кочевыми обитателями южнорусских степей, кипчаками, известными у русских под именем половцев, у западных европейцев под именем команов. После XIII в. такие истуканы, насколько известно, больше не ставились.

Из точно датированных орхонских памятников и из «классического», по справедливому замечанию Н. И. Веселовского [3], описания половецкого погребения у Рубрука, вероятно, придется исходить всем будущим исследователям турецких погребальных обрядов. В настоящее время наукой, как видно, между прочим, и из статьи Н. И. Веселовского, для разрешения этого вопроса сделано еще очень мало. Установлено, что «каменные бабы» ставились турками и изображали убитых покойником врагов; но по-прежнему остается невыясненным происхождение этого обычая, установление такого типа статуй, хронологическая последовательность встречающихся разновидностей этого типа, отношение статуй типа каменных баб к другим человеческим изображениям, встречающимся в тех же степях. Не произведена даже предварительная работа, выполнение которой было бы в настоящее время вполне возможно; мы не имеем сравнительного описания орхонских памятников, сооруженных при участии китайских мастеров, и других мест погребения, где встречаются каменные бабы. Такое исследование, вероятно, выяснило бы, какие подробности в этих сооружениях объясняются только участием китайских мастеров и какие связаны со степными обычаями. Известно, что самое слово *балбал*, хотя оно встречается, по-видимому, не только в орхонских, но и в енисейских надписях [4], считается нетурецким и что его пытаются объяснить из китайского языка. Нет также археологических исследований, которые бы выяснили связь каменных баб с определенным типом погребения. В Европейской России, по замечанию Н. И. Веселовского [5], все каменные бабы уже увезены с курганов; в Средней Азии, вероятно, еще достаточно каменных баб, оставшихся in situ, но они, по замечанию А. В. Адрианова, стоят одиноко, отдельно от могил; только в пределах Монголии А. В. Адрианов видел такие изваяния перед могильными насыпями [6]. По замечанию Г. Н. Потанина [7], такие случаи и в Монголии редки. На-

[3] *Современное состояние вопроса*, стр. 17 и сл.

[4] Надпись Tsch M. a (6_4); ср. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 339 sq. Ср. Радлов, *Атлас*, табл. XCIII, где, однако, можно разобрать соответствующие слова только на ретушированном эстампаже.

[5] *Современное состояние вопроса*, стр. 27.

[6] Адрианов, *Путешествие*, стр. 415. У С. Р. Минцлова (*Памятники древностей*, стр. 300) неверная ссылка на т. II ЗИРГО. В последнем труде А. В. Адрианова (*К археологии Западного Алтая*, стр. 45 и 49) говорится о двух каменных бабах, стоявших перед курганами (в местности близ Черного Иртыша); один из этих курганов был раскопан исследователем, но раскопки не дали никаких результатов.

[7] *Очерки северо-западной Монголии*, вып. II, стр. 65.

конец, известия, преимущественно китайские, о погребальных обрядах того народа, которому принадлежат орхонские надписи, еще не сопоставлены с известиями о погребальных обрядах кочевников более ранних и более поздних эпох. В науке по этому вопросу были высказаны только отдельные замечания, без попытки привлечь к исследованию весь относящийся к нему материал.

При таких условиях было бы, конечно, преждевременно ставить вопрос о погребальных обрядах среднеазиатских кочевников во всем его объеме. Цель настоящей статьи — только дополнить статью Н. И. Веселовского некоторыми данными, во-первых, о последнем по времени кочевом народе, ставившем каменные бабы, т. е. о половцах, во-вторых, о народе, который из всех кочевников достиг наибольшего политического могущества и о котором мы поэтому имеем больше всего известий, т. е. о монголах.

Принадлежностью обыкновенного половецкого погребения Рубрук считает, во-первых, холм, насыпанный над покойником, во-вторых, воздвигнутую в честь его статую, обращенную лицом к востоку. Богатые хоронились иначе; для них строились мавзолеи в виде остроконечных домиков или кирпичных башен, иногда в виде каменных домов. Вокруг могилы одного половца, умершего незадолго перед тем, были поставлены жерди по четырем странам света и были развешаны 16 лошадиных шкур, по четыре с каждой стороны; перед могилой были поставлены мясо и кумыс, хотя покойник считался христианином [8]. Описывая половецкое погребение, Рубрук не приводит местных терминов; этот пробел, что до сих пор, кажется, не было замечено писавшими о каменных бабах, отчасти восполняется словарем половецкого языка, сохранившимся в известной венецианской рукописи начала XIV в. В словаре термины, относящиеся к погребению, объяснены по-немецки [9] и принадлежат к материалу, собранному, по словам В. В. Радлова [10], немецкими или венгерскими миссионерами. Прежде всего приводится слово *курган* в значении 'en gihoft grap', т. е. 'насыпной могильный холм'. Слово *курган* в живых и литературных турецких наречиях, начиная с языка орхонских надписей, встречается в значении 'крепость, укрепление'; только это значение приводится в словарях, в том числе и в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова [11], хотя В. В. Радлов в своем исследовании о «Codex Comanicus», вышедшем в свет до начала печатания словаря, приводит значение «Grabhügel», 'могильный холм' [12]. В русский язык оно перешло

[8] Рубрук, пер. Малеина, 80. ‹О половецких погребальных обрядах в свете новых археологических данных см. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы*, стр. 173—182.›

[9] *Codex Cumanicus*, p. 222.

[10] *Das türkische Sprachmaterial*, S. 1.

[11] *Словарь*, II, 570 и 940.

[12] Radloff, *Das türkische Sprachmaterial*, S. 29. Покойный П. М. Мелиоранский (*Заимствованные восточные слова*, стр. 14) считал «приемлемым» мнение, что старое тюркское слово получило новое значение под влиянием персидского كورخانه.

в этом значении, очевидно, из половецкого; в Средней Азии могильный холм называется иначе, обыкновенно *тепе* или *тюбе* [13].

После слова *курган* приводится слово *iv* 'des toden hws', т. е. 'дом мертвого'. Очевидно, имеется в виду общетурецкое слово, в орхонских надписях *äб*, в словаре В. В. Радлова [14] *öi*, *ёi* и *üi* (с диалектическими формами *äб*, *än*, *äw*, *äв*, *еб*, *ӱ*, *ӱг*, *üг*), значащее вообще 'дом'. У половцев так, вероятно, назывались упомянутые Рубруком каменные дома-мавзолеи.

Рядом с *iv* стоит *kesenä* в значении 'der toden huw'. Точное значение среднегерманского слова *huw* мне неизвестно, и получить объяснение от специалистов мне не удалось; издатель словаря граф Кун переводил его словом 'fossa', 'ров' [15], причем ссылался на «altaicum „käzinti“», но в примечаниях [16] предлагал переводить выражение «des toden huv» (sic) словом 'tumulus', по-видимому сближая его с Haufen. В. В. Радлов[17] читал *käзänä* и переводил 'Grabhügel'. У киргизов слово *käсänä* до сих пор значит 'мавзолей', известно, между прочим, здание Кок-Кесене в Перовском уезде Сыр-Дарьинской области, в 4 или 5 верстах от железнодорожной станции Тюмень-арык [18]. Возможно, что мы имеем здесь, как полагал один из местных киргизов [19], переделку персидского كاشانه, которое могло перейти к половцам. Вероятно, так назывались упоминаемые Рубруком кирпичные мавзолеи.

Всего интереснее последний термин *sin* 'des toden bilde', т. е. 'изображение умершего'; очевидно, это слово относится к каменным бабам. По замечанию Г. Н. Потанина, слово *сын* значит по-чувашски и по-татарски 'образ, лицо, изображение' (при этом делается ссылка на «Чувашский словарь» Золотницкого), по-алтайски и по-сойотски — 'олень-самец' [20]. Один из ученых-путешественников XVIII в., Фальк, при описании енисейских писаниц приводит термин *син-таш* в значении 'олений камень' (Hirschfelsen), т. е. камень с изображением оленя, как *ат-таш* — 'камень с изображением коня' [21]. Несомненно, однако, что киргизское слово *сын-тас*, приведенное Г. Н. Потаниным [22], синоним монгольского *кишачило* (*хӧшӧ-чулу*), образовано из слов *сын* в значении 'изображение, фигура' [23] и *тас* (*таш*) 'камень'. Искажение того же слова *сын* мы, по всей

[13] ‹*Тепе* называется не только могильный холм, но и оплывшие руины городищ, а также, в отдельных случаях, естественные возвышенности.›

[14] *Словарь*, I, 1171, 1335 и 1799.

[15] *Codex Cumanicus*, pp. 222, 262.

[16] Ibid., p. 365.

[17] *Das türkische Sprachmaterial*, S. 31; Радлов, *Словарь*, II, 1174.

[18] Каллаур, *Мавзолей Кок-Кесене*, стр. 98 и сл.; Диваев, *О значении названия «Кок-Кесене»*.

[19] Диваев, *О значении названия «Кок-Кесене»*, стр. 12.

[20] Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. II, стр. 20, прим. 4.

[21] Falk, *Beiträge*, Bd I, S. 349. Ср.: Уваров, *Сведения о каменных бабах*, стр. 503; Веселовский, *Современное состояние вопроса*, стр. 4, прим. 1.

[22] *Очерки северо-западной Монголии*, вып. II, стр. 64.

[23] Радлов, *Словарь*, IV, 628.

вероятности, имеем в слове Сим-тюбе, как, по словам В. А. Каллаура, называется курган с каменной бабой близ Мерке, и в слове *сим-таш*, как, по словам того же исследователя, называются эти статуи в Аулиеатинском уезде (автор приводит также термин *сюрет-таш*); название Симташ носит также урочище в низовьях реки Таласа, «получившее это название от стоящего в долине этого урочища камня высотою около 2 аршин» [24]. Из всего этого можно заключить, что последний народ, ставивший каменные бабы, употреблял для обозначения их термин, сохранившийся в степи до сих пор. Трудно сказать, почему это слово, встречающееся во многих наречиях и, по-видимому, чисто турецкое, заменено в древнейшем турецком письменном памятнике словом, которому приписывают китайское происхождение и которое, по-видимому, некогда тоже было широко распространено в степи. В живых наречиях оно в первоначальном значении нигде не сохранилось; по словам В. А. Каллаура, в Аулиеатинском уезде *балбалами* теперь называют небольшие участки с валиками внутри городища [25]; возможно, что эти участки получили такое название по сходству с могильниками, при которых находились каменные бабы. Употреблялось ли слово *балбал* когда-либо кочевниками черноморских степей, пока не выяснено; положительное или отрицательное решение этого вопроса могло бы подтвердить или опровергнуть мнение В. В. Радлова [26] и покойного П. М. Мелиоранского [27] о происхождении русского *болван*, в значении 'идол' встречающегося уже в «Слове о полку Игореве», от турецкого *балбал*. Половецкий словарь приводит к выводу, что во время его составления слова *балбал* у половцев не было, из чего, конечно, не следует, что его не было и в эпоху «Слова о полку Игореве».

Рубрук ничего не говорит о почитании каменных баб; вообще мы не находим у него никаких данных для подтверждения интересного рассказа Низами, приведенного мною в отчете о моей первой поездке в Среднюю Азию, где, между прочим, описывается, как всадник, проезжавший мимо истукана, клал стрелу из своего колчана в его колчан [28]. Последняя подробность имеет для нас большой интерес; мы увидим, что колчаны со стрелами были, по всей вероятности, также на истуканах, ставившихся впоследствии монголами.

В литературе о каменных бабах уже было обращено внимание на факт, что Рубрук ничего не говорит о каменных бабах вне Европейской России [29]. К востоку от страны половцев им упоминаются только могиль-

[24] Каллаур, *Каменные бабы*, стр. 9 и сл.

[25] Каллаур, *Археологическая поездка*, стр. 3. Ср. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 4.

[26] *Die alttürkischen Inschriften*, S. 235.

[27] *Турецкие элементы*, отд. отт., стр. 8 и сл.; его же, *Вторая статья о турецких элементах*, отд. отт., стр. 13 и сл.

[28] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 20, прим. 4; ‹см. выше, стр. 39, прим. 10›.

[29] Мустафин, *Каменные бабы*, стр. 19.

ники в виде больших площадей, вымощенных камнями, причем некоторые площади были круглыми, другие четырехугольными; с каждой из четырех стран света стояло по «длинному камню». Очевидно, имеются в виду *кэрэксуры* [30] разных типов, подробно описанных в «Очерках северо-западной Монголии» Г. Н. Потанина; насколько мне известно, только рассказом Рубрука для этих могильников устанавливается terminus ante quem. Близ некоторых *кэрэксуров* стоят каменные бабы, но это, по словам Г. Н. Потанина, редкое явление [31]. Рубрук таких *кэрэксуров*, очевидно, не встречал.

Рубруком, несмотря на его редкую наблюдательность, не мог, конечно, быть поставлен вопрос о чертах сходства и различия в погребальных обрядах различных народов и о зависимости таких черт от причин этнографического и культурно-исторического характера. Относящиеся к этим вопросам факты только теперь начинают выясняться. Любопытно, между прочим, отсутствие каменных баб около карабалгасунского памятника [32], поставленного в начале IX в. в честь уйгурского кагана. Едва ли можно объяснить этот факт тем влиянием манихейства, о котором свидетельствуют карабалгасунские надписи; манихейство было принято уйгурами недавно и едва ли успело изменить погребальные обычаи, которые у кочевников вообще медленно вытеснялись новой религией, как показывает и рассказ Рубрука о половецком погребении. Если бы у уйгуров до принятия манихейства были каменные бабы, то этот обычай, вероятно, сохранялся бы у них и через полвека после перемены веры [33]. К тому же каменных баб нет и у открытой Рамстедтом могилы более раннего уйгурского кагана, умершего в 759 г., до принятия уйгурами манихейства [34]. Мы пока не знаем ни одного нетурецкого народа, который бы воздвигал статуи этого типа, но не имеем также доказательств, чтобы сооружение каменных баб когда-либо было общетурецким обычаем.

Монголы, выступающие только в XIII в., находились под влиянием своих турецких предшественников, особенно уйгуров; кроме того, мы в ту же эпоху замечаем сильное влияние китайской государственности; кераитский хан, бывший до возвышения Чингиз-хана самым могущественным лицом в восточной Монголии, и его сын носили китайские титулы, со

---

[30] Монголы приписывают могильные насыпи киргизам; отсюда, по-видимому, и название χɪrgɪs-ūɪr. См. Ramstedt, *Zwei uigurische Runeninschriften*, S. 40.

[31] Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. II, стр. 65. Ср. также слова С. Р. Минцлова о многочисленных курганах (Минцлов, *Памятники древностей*, стр. 295) и крайне редких каменных бабах (там же, стр. 300) в Урянхае.

[32] Ср. описание его: Радлов, *Предварительный отчет*, стр. 4 и сл.; Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 283; также Радлов, *Атлас*, табл. XXVIII и XXX.

[33] <Хотя в настоящее время известны каменные статуи, относящиеся к уйгурскому времени (VIII—IX вв.), данных о принадлежности их уйгурам, а не другим народам, вошедшим в уйгурское объединение, нет.>

[34] О дате памятника: Ramstedt, *Zwei uigurische Runeninschriften*, S. 45. О времени принятия уйгурами манихейства: Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, p. 199.

вершенно вытеснившие их личные имена. Те же монголы, однако, находились под влиянием первобытного шаманизма, сохранявшегося в лесах Забайкалья, и потому, несмотря на влияние уйгурской и китайской культуры, при погребении потомков Чингиз-хана совершались обряды, которые, вероятно, всем турецким кочевникам показались бы пережитком отдаленной эпохи.

Представить полную картину монгольского погребения или хотя бы погребения монгольских ханов невозможно, пока мы не имеем критического исследования всех известий первоисточников. Выполнение такого исследования облегчается сравнительным обилием источников, но затрудняется разбросанностью и разнообразием материала. Так, например, в рассказах о погребении ханов в Персии есть такие подробности, которых нет в рассказах о погребении ханов в Монголии, и наоборот; не всегда ясно, имеем ли мы право соединять все эти рассказы в одно целое, предполагая, что обряды ханского погребения были безусловно одни и те же на всем пространстве монгольской империи и что перед нами только факт случайного умолчания отдельных источников о тех или других частях одного и того же церемониала.

Все источники согласны между собою в том, что члены монгольского ханского рода на всем пространстве империи хоронились в труднодоступных местах, преимущественно на высоких горах; ханские кладбища были запретным местом, охранявшимся военными отрядами, даже людям из этой стражи было неизвестно точное местоположение ханской могилы, не обозначавшееся никакими внешними знаками. Ханское кладбище, в качестве запретного места, везде обозначается одним и тем же термином — турецким словом *курук*, причем пишется также *курик* и *гурук* [35]. В домонгольскую эпоху мне удалось найти только один пример употребления слова *курук*, именно в рассказе Нершахи о хане Шемс ал-мульке Насре, правившем в Самарканде и Бухаре с 1068 по 1080 г. Шемс ал-мульк скупил земли к югу от Бухары, где теперь находится намазгах, устроил здесь ханское имение и назвал его *куруком*. Имение было окружено высокой стеной и занимало пространство около мили, т. е. от 2 до 3 верст в окружности; внутри стен находилось пастбище для царских коней, дворец, голубятня и парк для диких зверей [36]. Как показывает турецкий термин, понятие о *куруке* не было заимствовано Караханидами у населения покоренных ими бывших областей халифата, но принесено из восточной части Средней Азии, наравне с уйгурским алфавитом и рядом культурных слов [37],

---

[35] Напр., قوريق у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, текст, 59; غروق, там же, 191; изд. Катрмера, 416; изд. Блоше, 592 и сл.

[36] Нершахи, изд. Шефера, 27 и сл. (غورق). Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 112 и сл.; ‹наст. изд., т. I, стр. 161›.

[37] Любопытно, между прочим, что слово *карши* ('дворец'), которое впоследствии было известно мусульманским авторам только как монгольское, встречается уже в *Кутадгу билик*. Ср. примеры у Радлова, *Словарь*, II, 207 и сл.

встречающихся в поэме *Кудатку* (или *Кутадгу*)-*билик* и впоследствии у монголов, заимствовавших эти термины у того же культурного восточнотурецкого народа — уйгуров.

В монгольскую эпоху словом *курук* обозначалось в мусульманской Средней Азии все заповедное и запрещенное [38], куда был закрыт доступ посторонним: участки земли, составлявшие частную собственность или, чаще, собственность государя; дворец государя, и в особенности его гарем. *Курукчиями*, наравне со стражей ханских кладбищ, назывались также часовые, стоявшие у входа в ханский гарем. В Монголии кладбище с могилами Чингиз-хана и некоторых из его потомков называлось «великим куруком» [39], по-монгольски *ихэ* (*jexe*)-*курук*; употребление монгольского прилагательного показывает, что слово *курук* в значении «ханское кладбище» вошло в язык монгольского народа, хотя в этом значении в нем не удержалось. Теперь, как мне сообщил Б. Я. Владимирцов, слово *курук*, в народном произношении *хуриг*, значит по-монгольски только 'запретное', особенно жилище правителя. Уйгурское слово, проникшее в Туркестан и в Монголию, первоначально, по всей вероятности, служило для обозначения понятия, возникшего под влиянием китайской государственности, хотя впоследствии турки ознакомились с арабским словом, выражавшим то же понятие, возникшее в данном случае под влиянием традиций переднеазиатского деспотизма. Слово *харим*, как назывался, между прочим, аббасидский дворец в Багдаде [40], впоследствии вытеснило в Туркестане слово *курук* как правовой термин [41].

Из рассказов Рашид ад-дина можно заключить, что *куруки* были в Монголии еще до Чингиз-хана; так, говорится о разграблении врагами «части курука» Ван-хана кераитского [42]. Из текста не видно, идет ли речь о ханском пастбище с его стадами, или о «запретных рощах», как полагал русский переводчик Рашид ад-дина, проф. Березин [43], или, наконец, о ханских кладбищах с их обстановкой. Запретным становилось не только место погребения умершего хана, но и его имя, причем в этом случае употребляется термин *курук*; так, говорится, что после смерти Чагатая его имя стало *куруком* и другое лицо, носившее то же самое имя, должно было называться иначе [44]. Пятый сын Угэдэя — Каши получил свое имя потому, что родился в год завоевания Чингиз-ханом Тангута, носившего также название Каши (по-китайски Хэси, т. е. «Страна к западу от боль-

[38] Ср. примеры в словаре Будагова, II, 52 и сл. Текст Бабура о самаркандском куруке: *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 60; изд. Бевериджа, 48, текст с пропусками. ‹О специальном куланьем ханском заповеднике Кулан-куруке или Кулан-камалган см. М. Массон, *О былых охотничьих парках*, стр. 148. — *М. М.*›

[39] يكه قوروق у Рашид ад-дина, изд. Блоше, 336 и сл.

[40] Якут, *Му'джам*, II, 255, 2. Kremer, *Culturgeschichte*, Bd II, S. 57.

[41] Бартольд, *Орошение*, стр. 31; ‹наст. изд., т. III, стр. 120›.

[42] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 126.

[43] Там же, пер., 99.

[44] Там же, пер., 47; текст, 59.

шой реки»); после ранней смерти царевича «его имя сделали куруком» и область стали называть только Тангут [45]. К этому обычаю, вероятно, относятся слова Плано Карпини [46], что «никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем». У турецких кочевников мы, насколько известно, примеров такого запрещения произносить имя умершего не встречаем.

Вообще у монголов культ мертвых и связанные с ним шаманские обряды носили более примитивный и потому более варварский характер, чем у известных нам турецких народностей. Как убедительно доказывает Н. И. Веселовский [47], в основе турецких и монгольских погребальных обычаев лежит одна и та же шаманская идея, что убитые ханом или ради него люди должны служить ему на том свете. У орхонских турков отголоском этой идеи был обычай воздвигать в память умершего статуи убитых им врагов; у монголов та же идея выражалась в обычае убивать всех встречных по пути похоронной процессии от места смерти хана до места погребения, причем им, по словам Марко Поло [48], говорили: «Иди на тот свет служить нашему государю!» Марко Поло уверяет, что после смерти Мункэ-хана таким образом погибло более 20 000 человек. Едва ли это соответствует действительности; монгольский обычай в то время был всем известен; к тому же сами монголы тотчас после смерти хана издавали приказ о закрытии путей, и каждый должен был оставаться там, где его застигал приказ, — в населенном месте или в пустыне [49]. Едва ли поэтому процессия встречала на своем пути много народа.

Монгольским обычаем вполне объясняется, почему мы не находим в мусульманских источниках никаких сведений о составе и внешнем виде процессии; говорится только, что тело клали в ящик (*сандык*) и потом отвозили. О. Палладий [50] по нескольким китайским источникам приводит довольно подробные сведения, но некоторые подробности его рассказа вызывают сомнение. Ящик делали из душистого дерева; покойника одевали и клали с ним в ящик золотые сосуды и другие предметы, в том числе чайник, которого у монголов в эту эпоху, наверное, не было. В мусульманской литературе мы имеем только один рассказ о погребении с монгольским ханом драгоценностей, именно рассказ Вассафа о погребении Хулагу в 1265 г.; с ним будто бы положили в могилу много золота и драгоценных камней [51]. Вопрос был неясен и для современников монгольских ханов; Плано Карпини говорит, что с покойником, особенно с ханом, за-

[45] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 7. О названии страны еще там же, 597, где транскрипция خوشى и неверный перевод: مغرب بزرك روخانهٔ. Ср. Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло*, стр. 703.

[46] Рубрук, пер. Малеина, 11. [47] *Современное состояние вопроса*, стр. 25 и сл.

[48] Пер. Минаева, 87. Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 381) ошибочно объяснял тот же обычай желанием скрыть смерть государя.

[49] Ср. рассказ о смерти Гуюка у Рашид ад-дина, изд. Блоше, 250 и сл.

[50] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 251 и сл.

[51] Вассаф, бомбейское изд., 52. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 407.

рывают много золота и серебра [52]; Рубрук замечает по этому поводу, вероятно имея в виду слова Плано Карпини: «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища» [53].

По данным, собранным у о. Палладия, гроб сколачивался четырьмя золотыми обручами и ставился на катафалк из белого войлока и ковров. Процессия трогалась на третий день после смерти хана; впереди ехала шаманка и вела на поводу лошадь с богато убранным седлом; на пути каждый день приносили в жертву барана. Дальше прямо говорится о прибытии к месту погребения и о зарывании тела; ничего не сказано об обрядах оплакивания в ханских ордах, о чем довольно подробно говорит Рашид ад-дин. У Чингиз-хана, как у других ханов, были четыре главных орды, по числу главных жен; для совершения обряда оплакивания гроб с телом каждый день переносили из одной орды в другую; весь обряд продолжался три месяца [54]. О том же самом говорится при описании погребения Мункэ-хана, причем еще прибавляется подробность, что гроб в орде ставился на трон [55].

О. Палладий приводит «монгольское предание», по которому могилы ханов находились около горы Тас, к северу от Долоннора, на пути к Керулену. Рашид ад-дин указывает совершенно другое место — гору Бурхан-халдун, называвшуюся также Будда-ундур [56]; из монгольского эпического сказания видно, что эта гора находилась на пути от Толы к Онону [57]. Комментатор *Юань-чао би-ши*, Сюй Сун, отожествляет гору Бурхан с горой Тэлэрги (пишется также Тэрэльчжи и Тэлэрцзи) в Гэнтэе, где берет начало Онон [58]. В русской литературе, насколько мне известно, упоминается только одна поездка вверх по Онону до его истоков и оттуда через хребет Гэнтэй к истокам Керулена, именно поездка Доржитарова. Подробного описания этой поездки мы не имеем; издана только съемка пути, причем у верховьев реки упоминаются горячие минеральные воды, еще выше — юрты звероловов [59].

По монгольскому преданию, культ горы Бурхан-халдун возник еще при жизни Чингиз-хана и не имел отношения к его могиле. Во время войн за обладание Монголией Чингиз-хан после одной неудачи скрывался на этой горе; враги три раза объехали кругом, но не нашли его; после сво-

---

[52] Плано Карпини, пер. Малеина, 11 и сл.

[53] Там же, 80.

[54] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 144 и сл.; текст, 191 и сл.

[55] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 336.

[56] Ср. неудачный перевод Блоше (там же): «le grand Bouddha»; это толкование совершенно исключается порядком слов; нет также, насколько известно, примеров употребления монголами слова *Будда* в этой форме. Ср. толкование слова *ундур* как существительного у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, пер., 97; текст, 124.

[57] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 53 и сл.

[58] Там же, 143. Автор *Мэнгу юму цзи* (347) помещает ту же гору на южном берегу Толы.

[59] Ср. Шишмарев, *Поездка*, стр. 148.

его избавления Чингиз-хан принес жертву горе, девять раз преклонил колени, совершил возлияние кумысом и завещал своим потомкам совершать жертвоприношения в память этого события [60]. Говорится о лесе на горе Бурхан-халдун, притом еще до Чингиз-хана [61]; тем не менее в рассказе о смерти Чингиз-хана упоминается отдельно стоявшее дерево, под которым Чингиз-хан желал быть похороненным и вокруг которого после похорон, в тот же самый год, разросся густой лес, так что даже «старые курукчие» не знали, как пройти к первоначальному дереву и к могиле Чингиз-хана [62]. Культом леса и древесных насаждений вообще, по-видимому, определялся выбор места для ханских кладбищ. Плано Карпини и его спутники проезжали мимо куста, посаженного ханом Угэдэем «за упокой своей души»; под страхом строгого наказания было запрещено срезывать в этом месте прутья [63]. Точное местоположение этого куста или рощи, к сожалению, не указывается; очень вероятно, что Плано Карпини проезжал мимо той горы в бассейне верхнего Иртыша, на которой, по Рашид ад-дину, был *курук* Угэдэя [64]. Монгольское название той местности в Персии, где в 1291 г. был похоронен хан Аргун, которое д'Оссон читал Avizé, вероятно надо читать *Оир* ('Лес') [65]. Разведение леса было лучшим средством скрыть место погребения, хотя, как заметил Н. И. Веселовский [66], в китайском описании погребения и у Плано Карпини одинаково говорится только о зарастании могилы травой, после чего ее нельзя было распознать.

По словам Плано Карпини, «тайно в поле» хоронили у монголов не только ханов, но вообще знатных лиц [67]. Трудно, однако, сказать, насколько этот обычай был общемонгольским и насколько его можно считать племенной особенностью монгольского народа. Больше всего расходится с этим обычаем курганное погребение, которое, однако, судя по монгольским преданиям, не было безусловно чуждо монголам; А. М. Позднеев [68] упоминает о круглом кургане, который считается могилой бога-

[60] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 52.

[61] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 66 и сл.; текст, 83 и сл. (особенно 85).

[62] Там же, III, пер., 144 и сл.; текст, 191 и сл.

[63] Плано Карпини, пер. Малеина, 11. Ср. слова Н. И. Веселовского (*О религии татар*, стр. 95).

[64] Соответствующего места нет в издании Блоше; ср. текст рук. Публ. б-ки V, 3, 2, л. 1060 и сл. о горе: آنرا بولداق قاسر کویند وهموازه پر برف باشد واین زمان آنرا ایکه اوایر میخوانند وازان کوه ییسون موران وترکان اوشورنرو(?)می‌آید ودر رودخانهٔ اردش میریزد وازان کوه تا اردیش دوروزه راه باشد وچاپار در حدود آن رودخانه قشلاق میکند. Кладбище, вероятно, называлось Ихэ (Jexe)-оир ('Большой лес'). Ср. другие чтения у Джузджани, изд. Раверти, II, 1143.

[65] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 58; Вассаф, бомбейское изд., 245 اوبَیر.

[66] *Современное состояние вопроса*, стр. 12.

[67] Плано Карпини, пер. Малеина, стр. 10 внизу.

[68] *Монголия и монголы*, т. II, стр. 311.

тыря Манлая, современника Хубилай-хана. С другой стороны, мы не знаем, были ли известны народу могилы турецких ханов и обозначались ли эти могилы какими-нибудь внешними знаками. При раскопках, произведенных орхонской экспедицией около памятника Бильге-хана, могильной ямы нигде не оказалось, и В. В. Радлов пришел к заключению, «что могильные памятники в честь умерших тюркских князей не ставились на самой могиле, но для празднования поминок строились особые памятники в отдалении от самой могилы» [69].

Письменные источники монгольского периода ничего не говорят об обычае, который теперь также соблюдается без различия живущими в лесах шаманистами-турками и монголами, именно об устройстве для мертвых, особенно для шаманов, помостов, или полатей, на деревьях [70]. Возможно, что на этот обычай намекают слова монгольского эпического сказания о «торжественных похоронах» [71], устроенных после казни Джамухе, сопернику Чингиз-хана. Как мне сообщил Б. Я. Владимирцов, в монгольском подлиннике употреблено выражение, буквально значащее «возносить кости».

Замечательно, что мусульманские источники вообще ничего не говорят о принесении в жертву при погребении хана людей и животных; только в рассказе Вассафа [72] о погребении Хулагу сказано, что с ханом опустили в могилу несколько красивых девушек в нарядной одежде и с драгоценностями. Плано Карпини [73] и Марко Поло [74] говорят только о принесении в жертву лошадей, Санан Сэцэн — лошадей и верблюдов, причем последний приводит и название этого обычая — *хоилга* [75]. Исключительный случай человеческого жертвоприношения имел место, по рассказу Санан Сэцэна, еще в конце XVI в., когда ханша Молон-хатун при погребении своего единственного сына велела зарезать сто детей и сто верблю-

---

[69] Радлов — Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники*, стр. 7.

[70] Ср. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, стр. 36—38 (об алтайцах, урянхайцах и бурятах Аларского ведомства); о сойотах (урянхайцах) еще Минцлов, *Памятники древностей*, стр. 294; также слова Гардизи о племени фури в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 87 (текст) и 111 (перевод). О киргизах то же самое говорит (может быть, по литературным данным) еще в XVI в. османский автор Сейфи (Абд ал-Керим Бухари, II, 302). Текст по лейденской рукописи № 917, л. 22: ادملری اولنده طپراغه دفن اتمزلر یوکسك اغاجلر واردر تابوتی ایله اول اغاچلره چقاریب قورلر کموکلری چوریوب توکلنجه طورر.

[71] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 114.

[72] Бомбейское изд., 52; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 407; Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 416.

[73] Пер. Малеина, 11. Ср., однако, там же рассказ о любимом рабе покойника, которого трижды заставляли лежать под трупом так долго, что он начинал «как бы впадать в агонию»; выдержавший эту пытку становился свободным и знатным; невыдержавший, очевидно, зарывался вместе с хозяином.

[74] Пер. Минаева, 87.

[75] Санан Сэцэн, 235.

жат, чтобы они сопровождали на тот свет умершего царевича [76]. Кости жертвенного животного сжигались; Плано Карпини сам видел, как женщины собирались для сожжения костей «за упокой душ людей». По китайскому рассказу, при кладбище, в 5 ли (т. е. около $2^1/_2$ верст [77]) от могилы, оставляли трех чиновников, которые каждый день в продолжение трех лет сжигали жертвы в яме [78]. По рассказу Вассафа [79], после смерти Аргуна эмиры его собственного десятка (употреблен монгольский термин *арбатэн* [80]) в продолжение трех дней присылали пищу к его могиле. Слова Рашид ад-дина о трехмесячном оплакивании Чингиз-хана, китайского рассказа об отправлении процессии на третий день после смерти и о трехлетних жертвоприношениях, Вассафа о доставлении пищи в течение трех дней, Плано Карпини о троекратном истязании любимого раба заставляют полагать, что придавалось значение числу «три».

Представления монголов о власти мертвых над живыми нам мало известны: на существование таких представлений указывает страх перед произнесением имени умершего, перед оставленными им вещами, кроме того, рассказ об убиении Джамухи без пролития крови, после чего он становится духом-покровителем Чингиз-хана [81], и вообще обычай казнить без пролития крови людей ханского происхождения [82]. Страхом перед мертвыми и необходимостью умилостивить их, вероятно, объясняется факт, что охрана ханских кладбищ поручалась людям из лесных урянхитов, племени, за которым вообще признавали известную шаманскую силу. По словам Рашид ад-дина, только лесные урянхиты не боялись грозы и кричали на гром и молнию, тогда как все другие монголы во время грозы сидели по домам [83]. Других примеров такого явления, как вера в шаманскую силу целого племени, мне в истории среднеазиатских кочевников не приходилось встречать.

В состав курука кроме могилы хана входили его ставки, сохранявшиеся после его смерти в прежнем виде. В каждой ставке продолжала жить до своей смерти одна из бывших жен хана. Плано Карпини [84] упоминает об орде Джучи в местности к востоку от Ала-куля (Рашид ад-дин [85] помещает ее на Иртыше); при этом говорится, что татары «дворов князей и вельмож не разрушают, а всегда назначают для управления

---

[76] Там же, 249.

[77] ‹В древности и средневековье ли равнялось примерно $^1/_3$ *км*; см. наст. изд., т. I, стр. 134, прим. 7.›

[78] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 252.

[79] Бомбейское изд., 245; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 58.

[80] В тексте هرباتن; о начальном звуке см. Мелиоранский, *Араб филолог*, стр. 162.

[81] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 114.

[82] Ср. слова Марко Поло (пер. Минаева, 112) о казни Наяна.

[83] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 141; текст, 186 и сл.

[84] Пер. Малеина, 51.

[85] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 131, $_{10}$.

ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам». Несколько южнее, на берегу Эмиля, была орда Гуюка [86]; Рубрук [87] проехал мимо нее и на обратном пути даже видел ее, но проводники, по его словам, «не осмелились пристать к этому двору». После смерти ханских жен в ставках, по-видимому, не было никого из членов ханского рода, но при них оставалось несколько сот человек стражи, причем, по выражению архимандрита Палладия, «служили теням, как живым» [88].

При «великом куруке» сохранялись, по словам Рашид ад-дина [89], девять ставок Чингиз-хана: четыре главных и пять других; в царствование внука Хубилая—Тэмура (1294—1307) этими ставками заведовал старший брат Тэмура — Камала. Кроме Чингиз-хана, на том же кладбище были похоронены Тулуй, Мункэ и Арик-Бука; по словам Рашид ад-дина, «сделав их изображения, постоянно жгли [перед ними] благовония». Там же Камала построил капище для себя.

Из всей литературы монгольского периода только в этом рассказе говорится о статуях, стоявших на ханских кладбищах, вероятно при ханских ставках. Об идолах, находившихся в монгольских юртах, говорят все путешественники; по словам Рубрука [90], войлочная кукла, висевшая над головой хозяина юрты, называлась «братом хозяина», висевшая над постелью хозяйки — братом госпожи. Из слов Плано Карпини [91] и Марко Поло [92] видно, что домашние идолы выделывались женщинами из войлока, шелка и сукна. Плано Карпини [93], кроме того, упоминает об идоле, стоявшем на повозке перед ставкой; из его слов не видно, был ли этот идол сделан из того же материала. Этому идолу, по словам Плано Карпини, поклонялись, как богу, в полдень и заставляли поклоняться покорившихся татарам знатных лиц; убиение князя Михаила Черниговского объясняется его отказом «поклониться на полдень Чингиз-хану». Из этого можно заключить, что изображение, стоявшее у входа, т. е. у южной стороны ставки живого императора, считалось изображением Чингиз-хана. Возможно, что перед ставками мертвых ханов, где стража «служила теням, как живым», ставились их собственные изображения и что монголы под влиянием китайской культуры научились выделывать более совершенные статуи, чем прежние войлочные куклы.

Некоторые известия о дальнейшей судьбе изображений и ставок Чингиз-хана мы находим только у Санан Сэцэна, причем эти известия

[86] Там же, 251, 1.

[87] Плано Карпини, пер. Малеина, 113 и сл.

[88] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 253.

[89] Изд. Блоше, 593; ср.: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 383; Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 20, прим. 3; ‹см. выше, стр. 39, прим. 9›.

[90] Плано Карпини, пер. Малеина, 71.

[91] Там же, 7.

[92] Пер. Минаева, 88.

[93] Пер. Малеина, 8.

очень кратки и частью легендарны. Монгольский народ быстро утратил память как о действительных событиях истории Чингиз-хана, так и о месте его погребения. Гора Бурхан-халдун упоминается у Санан Сэцэна только в рассказах о мифических предках монголов; о ее местоположении говорится только, что она была недалеко от Байкала [94], Гэнтэй упоминается отдельно и не отождествляется с горой Бурхан-халдун, название которой, очевидно, сделалось мифическим. О погребении Чингиз-хана говорится, что повозку с телом привезли в местность Ихэ (Jехе)-Ўтек, «между теневой стороной Алтай-хана и солнечной стороной Гэнтэй-хана»; так как все попытки снять тело с повозки были тщетны, то над повозкой насыпали могилу и тут же построили восемь белых домов для поклонения Чингиз-хану [95]. Из этого можно заключить, что могилу Чингиз-хана помещали к югу от Гэнтэя. Под Алтаем, как замечает и Шмидт, нельзя понимать те горы, которые носят это название теперь. Замечательно, что уже Марко Поло [96] называет «Алтаем» ту гору, где находились ханские кладбища, хотя помещает ее непосредственно к югу от равнины Баргу, или Забайкалья, т. е. на месте Гэнтэя. «Теневая сторона Алтая» упоминается у Санан Сэцэна еще в другом месте, в рассказе о царствовании Хубилая, причем говорится, что Хубилай построил там города Арулун-Цаган-балгасун и Эрчўгин-Лан-тинг-балгасун [97]; из этого можно заключить, что речь идет о горах в южной Монголии, на границе с Китаем.

Девять ставок Чингиз-хана, таким образом, обратились в восемь белых домов или юрт; Санан Сэцэн, как мы видели, помещает их близ могилы Чингиз-хана, хотя в то же время отличает урянхайцев, охранителей останков Чингиз-хана, от ордосцев, охранителей восьми домов, составлявших одну ставку или орду [98] (Шмидт полагает, что отсюда и название племени и местности Ордос [99]).

В первой половине XV в., когда Монголия была завоевана ойратами, хан Адай искал убежища в орде Чингиз-хана, но все-таки был схвачен и убит. Ойратский предводитель Тогон-тайши стал рубить саблей ограду орды и белого дома, хотя потом принес жертву Чингиз-хану. Когда он уходил, то заметили, что большая стрела в золотом колчане Чингиз-хана слегка дрожит; в ту же минуту Тогон-тайши упал и лишился чувств; когда его раздели, то у него между лопатками оказалась рана, как от стрелы; когда осмотрели колчан Чингиз-хана, то на большой

---

[94] Санан Сэцэн, 57 и 59.

[95] Там же, 109.

[96] Пер. Минаева, 87 и 92. Ср. также слова *Мэнгу юму цзи* (347), что от места слияния Толы с Орхоном на северо-запад «главным узлом всех гор служит Алтай».

[97] Санан Сэцэн, 115.

[98] Там же, 191 и прим. Шмидта, стр. 407 и сл.

[99] Там же, 389 и сл.

стреле нашли кровь [100]. В этой легенде, по всей вероятности, идет речь о колчане, прикрепленном или привешенном к статуе Чингиз-хана, подобно тем колчанам на половецких каменных бабах, о которых говорит Низами.

Как заметил уже Рубрук [101], ворота монгольских юрт и ставок всегда были обращены к югу; к югу, очевидно, были обращены и стоявшие у ворот ставок изображения, в отличие от каменных баб, обращенных, как известно, на восток. Культ Юга, в противоположность прежнему культу Востока, резко отличает монголов от турецких народов домонгольского периода, что нашло себе отражение и в языке. Орхонский турок при определении стран света становится лицом к востоку, так что для него южная сторона является правой, северная — левой; в монгольском письменном языке правой стороной называется западная, левой — восточная [102]. Едва ли мы имеем право считать это отличие племенной особенностью монголов сравнительно с турками. Культ Востока, связанный с культом восходящего солнца, был, по-видимому, широко распространен у самых различных народов; мы находим следы его как в индоевропейских, так и в семитических языках [103]; в Средней Азии китайцы отмечают этот культ у древних кочевых народов различного происхождения. Если у хуннов, считавшихся впоследствии предками турков, государь утром выходил из лагеря поклоняться восходящему солнцу [104], то и «восточные варвары» (*дун-ху*), ухуанцы, народ во всяком случае нетурецкий, жили в круглых юртах, из которых выход был обращен к востоку [105]. Обращение к югу при религиозных, и в частности погребальных, обрядах наблюдается, как известно, в Китае и в подчинившихся влиянию Китая культурных областях, например в Корее [106]; отсюда естественно возникает предположение, что и в степи культ Востока был вытеснен культом Юга под влиянием китайской культуры. Из кочевых народов мы встречаем поклонение югу прежде всего у китаев, или, как их называли китайцы, киданей; по «Истории Северных Дворов», составленной задолго до возвышения киданей и образования ими государства китайского типа, кидани при жертвоприношениях в честь предков говорили им: «В продолжение зимних месяцев кушайте, обратясь к югу» [107]. Очень вероятно поэтому, что культ Юга начал распространяться в Монголии в эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чин-

[100] Там же, 151.

[101] Плано Карпини, пер. Малеина, 71.

[102] На это указал и Н. И. Веселовский (*Современное состояние вопроса*, стр. 19).

[103] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, *S*. 11. О семитических словах и сопоставлении их с индийскими см., например, Gesenius, *Handwörterbuch*, s. v. אחדר.

[104] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 16.

[105] Там же, 151.

[106] Ср. *Описание Кореи*, ч. I, стр. 388 и сл.

[107] Бичурин, *Собрание сведений*, II, 91.

гиз-хане этот культ сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам, и в настоящее время едва ли не во всех местностях Средней Азии, входивших некогда в состав монгольской империи, юрты кочевников, как монголов, так и турков, обращены к югу. Неясным остается вопрос, насколько монгольские ханы при этом опирались на религиозные воззрения своего народа. Есть указания, что культ восходящего солнца был свойствен не только турецкому, но и монгольскому шаманизму. Ибн ал-Асир [108] говорит о монголах, что они «поклоняются солнцу при восходе его»; то же самое отметил в своей статье о «Черной вере», т. е. о шаманизме, Банзаров [109]. В настоящее время мы находим следы культа востока как у турецких, так и у монгольских народностей, если они остались в стороне от политических и культурных движений, вызванных образованием монгольской империи. Как у алтайцев, по наблюдению В. В. Радлова, голову жертвенной лошади повертывают на восток [110], как у якутов, по словам Серошевского, в глухих местах сохранился обычай строить жилые помещения непременно дверьми на восток [111], так и у бурят-шаманистов, по словам Б. Э. Петри [112], юрты до сих пор обращены не в южную, а в восточную сторону. Как мне сообщил Б. Я. Владимирцов, монгольские слова, служащие для обозначения стран света, в живых наречиях иногда употребляются в другом значении, чем в письменном языке; слово *барун* 'правый' в письменном языке имеет значение 'западный', в некоторых наречиях — значение 'южный', как в турецких орхонских надписях.

---

[108] Изд. Торнберга, XII, 235, ср. перевод барона В. Г. Тизенгаузена в СМИЗО, I, 3 и сл. То же самое, как мне сообщил кн. И. А. Джавахов, говорит грузинский анонимный историк XIV в.; по этому источнику, монголы «обращались лицом в сторону восхода солнца» и «поутру при восходе солнца» совершали три коленопреклонения (*Картлис цховреба*, стр. 550 и 597). О самом источнике ср. теперь: Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке*; Владимирцов, *Анонимный грузинский историк*.

[109] *Черная вера*, стр. 14. Ср. также интересные, но не вполне ясные замечания японского ученого Ryuzo Torii, *The ancient city of Shang-Ching*, — «Kokka», N. 249, T. I sq., по ссылке Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, Bd II, S. 38.

[110] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 25. Ср. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, стр. 79, прим. Ни у В. В. Радлова, ни у других путешественников я не нашел сведений о том, в какую сторону были обращены примитивные юрты алтайцев, т. е. конические шалаши. Г. Н. Потанин (там же, вып. II, стр. 108) говорит только, что «юрта ставится у монголов дверями всегда на юг». Исследователь Алтая А. В. Адрианов говорит только о бревенчатых юртах, т. е. четырехугольных бревенчатых срубах, что «дверь проделывается в короткой стене, обращенной на юг, ближе к юго-восточному углу» (Адрианов, *Путешествие*, стр. 296). Конических шалашей А. В. Адрианов не встречал (там же, стр. 356).

[111] Серошевский, *Якуты*, т. I, стр. 207.

[112] В докладе, читанном в Этнографическом отделении РГО 5 апреля 1913 г. По сообщению докладчика, прямо по компасу на восток обращен один из четырех столбов, на которые опирается юрта (бревенчатая); дверь по компасу обращена на юго-восток, но сами буряты говорят, что двери обращены у них на восток.

Память о шаманских обычаях, в особенности обрядах погребения, быстро исчезла в Монголии под влиянием буддизма. В XVII в., уже после принятия буддизма, совершилось, по рассказу Санан Сэцэна, перенесение «белого дома» Чингиз-хана (здесь уже упоминается только один дом, т. е. одна юрта) с его обстановкой на новое место, в страну «дружественных князей» [113]; вероятно, это то же место, на берегу речки Чжамнак, впадающей в Улан-морин, приток Хуанхэ [114], где теперь стоят две белые юрты, составляющие «великое эджэн-хоро», культ которого описан Г. Н. Потаниным [115]. При этом говорится также о перенесении «золотой пирамиды»; по замечанию Шмидта [116], неясно, находился ли в этой пирамиде прах Чингиз-хана или какого-нибудь другого властителя. Шмидт при этом напоминает о золотых пирамидах с останками буддийских святых в Тибете, т. е. указывает на буддийский характер обычая. Г. Н. Потанину рассказывали, что кости Чингиз-хана хранятся в задней из двух белых юрт, по одним рассказам в медной, по другим — в серебряной раке. На южной стороне Гэнтэя, может быть там же, где было капище Камалы, теперь находится буддийский монастырь, основанный в 1654 г.[117]. А. М. Позднеев говорит о ежегодном чествовании Гэнтэйских гор и об устройстве по этому случаю почтовых станций [118]; описание этого чествования мне в литературе о Монголии не удалось найти, но едва ли оно связано с памятью о Чингиз-хане и о месте его погребения. Автор *Мэнгу юму цзи* приводит из другого письменного источника рассказ о каменном изваянии, в котором будто бы видели изображение Чингиз-хана и которое находилось в западной Монголии, у подошвы горы Сагари [119], близ реки Кобдо; это была «каменная статуя человека, одетого в монгольское народное платье» [120]. Насколько можно видеть из сведений о человеческих изваяниях (по-монгольски *хӧшӧ-чулу*), собранных Г. Н. Потаниным [121], этого истукана теперь нет (едва ли его можно было бы

[113] Санан Сэцэн, 281.

[114] О местоположении: Баторский, *Монголия*, стр. 132.

[115] *Поминки по Чингис-хане.*

[116] Санан Сэцэн, 420.

[117] Позднеев, *Монголия и монголы*, т. I, стр. 493.

[118] Там же, стр. 463. Ср. также *Мэнгу юму цзи* (347) о «ежегодных весенних и осенних жертвах». К Гэнтэю, может быть, вела та «древняя дорога Чингиз-хана», остатки которой были найдены в 1899 г. русской экспедицией на пути из долины Толы в долину Керулена (ср. печатающуюся в настоящее время в изданиях Географического общества работу А. Д. Руднева, стр. 19). ‹Эта работа в свет не вышла.› О другой «дороге Чингиз-хана» (с Кемчика через Саяны долиной Енисея) ср. сведения С. Р. Минцлова (*Памятники древностей*, стр. 304 и сл., 311).

[119] Такого названия горы, по-видимому, нет в русской литературе о местности близ реки Кобдо; ср. указатели к книгам: Баторского *Монголия*; Грум-Гржимайло *Западная Монголия*.

[120] *Мэнгу юму цзи*, 449.

[121] *Очерки северо-западной Монголии*, вып. II, стр. 64 и сл.; об изваяниях близ Кобдо — стр. 67 и 71.

отожествить с Даин-батыром, стоящим у южного берега озера Даин-гол) [122]. Если он действительно имел отношение к монгольским ханам (что, конечно, очень сомнительно), то он, вероятно, изображал не Чингиз-хана [123], но одного из потомков его сына Угэдэя, владевших этой местностью.

Ханские куруки, устроенные монголами вне пределов Монголии, под влиянием ислама были забыты еще быстрее, чем куруки в Монголии под влиянием буддизма. Сведения крайне скудны; большей частью указывается только на место погребения ханов, без каких-либо сведений об обстановке курука; только Вассаф [124], вероятно ошибочно, говорит об устройстве, по монгольскому обычаю, *дахмы*, т. е. гробницы. Местом погребения золотоордынских ханов считался Сарайчик, на нижнем течении Урала [125]; из слов Абулгази [126] о погребении хана Тохтогу можно заключить, что ханы хоронились здесь еще до принятия татарами ислама. Ибн Баттута, проезжавший здесь в 1333 г., ничего не говорит о ханских гробницах; около 1580 г. Сарайчик был разрушен до основания русскими казаками, причем были извлечены даже мертвецы из могил [127]. В ногайской легенде о Тохтамыше и Едигее, на которую обратил мое внимание П. А. Фалев, говорится о Сарайчике, где погребены ханы, и кости ханов называют заповедными [128]. Впоследствии мусульманские ханы строили мавзолеи мусульманского типа над могилами своих языческих предков [129]; так, при описании похода Абдулла-хана бухарского, в 1582 г., в местности между Сары-су и горой Улутау упоминается *мазар* Джучи-хана [130]. Трудно было бы при таком искажении исторического предания определить точное значение некоторых монгольских терминов, относящихся к обрядам погребения, приведенных в сочинениях мусульманских авторов и неизвестных теперь самим монголам. Таковы, например, слово توكن в значении 'могила' (القبر) у араба-филолога [131] или

---

[122] Там же, стр. 72.

[123] О статуе в Урянхае, которую иногда называли «Чингиз-ханом», ср. Минцлов, *Памятники древностей*, стр. 299 и табл. V, рис. 1. К монголам эта каменная баба обычного тюркского типа, очевидно, никакого отношения не имеет.

[124] Бомбейское изд., 52 и 245. Ошибочно, конечно, переводится слово غروق посредством «tombeau» у Катрмера (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 417).

[125] Ср. Руднев, *Новые данные*, стр. 047.

[126] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 174; II, 183.

[127] Карамзин, *История*, т. IX, стр. 224, прим. 663.

[128] Османов, *Ногайские и кумыкские тексты*, стр. 47: قان سويای كيه ديب قان‌لاردی قويغان سراى‌جق. Ср. кирг. كيەلى в словаре Будагова, II, 183. У Радлова (*Словарь*, II, 1343) *kijä* 'приносящий несчастье; дурное предзнаменование'.

[129] Ср. примеры Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 2; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 424›.

[130] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, л. 334б; также Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. II, стр. 307, 316 и сл.

[131] Мелиоранский, *Араб филолог*, стр. 89 и 110.

слова شنب 'кладбище' (مزارستان) и شنب تای 'кладбищенские сторожа' (مزارجیلر) у Эвлия Челеби [132].

Последним сооружением языческого типа в степи являются так называемые *обо* ('насыпные кучи камней'), которые и теперь еще пользуются некоторым культом, особенно у монголов. Большей частью, как известно, обо не имеют отношения к погребению, служат только дорожными знаками и чаще всего ставятся на вершинах перевалов. Таково было и единственное обо, о сооружении которого мы имеем точное историческое известие: по рассказу Мирхонда, Улугбек в 1425 г., во время похода против среднеазиатских монголов, в месте Буралгу «воздвиг сооружение, которое турки называют обо, высокое и крепкое, чтобы оно служило знаком» [133]. Встречаются, однако, примеры, что слово *обо* связывается с курганным погребением; так, по рассказу Валиханова, курган Идыге-обасы на вершине утеса Идыге, составляющего западную часть горы Улутау, считается могилой Едигея [134]. Возможно, что тот же термин иногда связывали с каменными бабами. В. В. Сапожников при описании своей поездки в местность к востоку от Черного Иртыша упоминает о «двух каменных бабах, которые и дали основание названию этого места Карабобо» [135].

---

[132] *Сийāҳат-нāме*, II, 292, и в хрестоматии В. Д. Смирнова (*Образцовые произведения*, стр. 96). Ср. Бартольд, *К вопросу о кайтаках*, стр. 40. Ср. еще современное монг. *булуш* 'древняя могила'.

[133] Текст Мирхонда будет издан в приложении к моему труду *Улугбек*, печатающемуся в «Записках» Академии наук; ‹наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196›.

[134] Валиханов, *Сочинения*, стр. 224.

[135] Сапожников, *Монгольский Алтай*, стр. 167.

ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ ПОЭЗИИ[1]

Коренное, иранское (по современной терминологии — «таджицкое») население Туркестана, в домусульманскую эпоху говорившее на особом наречии иранского языка и имевшее свою народную поэзию, при исламе быстро подчинилось культурному влиянию Персии и приняло персидский литературный язык. Песни на местных наречиях, о которых говорят некоторые мусульманские авторы, не дошли до нас. Уроженцы Туркестана приняли выдающееся участие в созидании персидской лирики, сделавшейся достоянием всего иранского народа, и их произведения в большом числе вошли в антологии персидской поэзии, поражающей однообразием формы и содержания. За эпохой поэтического творчества последовала эпоха мертвого подражания классическим образцам, по готовым шаблонам воспевались вино и любовь, прославлялись правители и вельможи, часто без всякого отношения к их действительным деяниям. Поэтические произведения, в которых отражались черты местной природы и жизни, на всем пространстве иранского мира, в том числе и в Туркестане [2], были редким исключением.

Одним из таких исключений являются стихи туркестанского поэта конца XII в. дихкана [3] Али Шутрунджи. Автор антологии, где приводятся эти стихи, замечает, что в Туркестане «в тот день, когда солнце вступает в знак рыб (в феврале), прилетают аисты (лякляк); народ радуется их появлению и считает их вестниками весны». Дальше приводятся стихи поэта в честь своего везира, начинающиеся картиной из местной природы:

«Радостную весть о наурузе [4] всегда приносит нам аист; от этой вести становится веселым печальное сердце; очищается поле от снега и воронов, когда среди снега и воронов появляется аист».

Описывается гнездо аиста: «Гнездо подобно школе, детеныши — как ученики, аист сидит среди них, как старик-учитель». Переходя к про-

[1] Перепечатывается из рукописного студенческого журнала «Муштари», издававшегося в 1915 г. членами Туркестанского и Ферганского землячества в Петербурге.

[2] Отурчение страны не закончено и до сих пор, хотя политическое господство окончательно перешло к турецкому элементу еще в X в.

[3] В средние века так назывались не сельские рабочие, как теперь, а представители землевладельческой аристократии.

[4] Персидский новый год, совпадающий с весенним равноденствием.

славлению везира, поэт выражает свои пожелания в образах на европейский вкус, может быть, несколько странных:

«Пусть злоумышляющего против него угощает аист, потому что надо есть змей и лягушек тому, кого угощает аист. Пусть от дома его завистника бежит аист, потому что аист бежит от дома, которому грозит болезнь. Пока из гнезда без веревки спускаются детеныши, пока без лестницы поднимается к небу аист, пусть его завистник будет более жалок, чем детеныши, у которых вырваны перья, пусть враг бежит от него, как аист бежит от осеннего ветра».

Каковы бы ни были поэтические достоинства этих стихов (прозаический перевод, как всегда, производит совершенно иное впечатление, чем подлинник), они любопытны, как один из редких примеров отражения в туркестанской поэзии местной природы и местных народных верований [5].

[5] Только в хивинских владениях отношение к аисту совершенно иное, чем в других областях Туркестана. А. Н. Самойловичу в 1908 г. говорили в Хиве, что «аист — злая птица и если он залетит в Хиву, то его застрелят».

Fr. Machatschek, Landeskunde von Russische Turkestan

Stuttgart, 1921 (Bibliothek länderkundlicher Handbücher hrsg. von Prof. Dr. Albrecht Penck). XIII, 349 стр.

Книга Махачека заслуживает внимания уже по тем восторженным отзывам, которые появились о ней в немецкой ученой литературе, между прочим, и в таком серьезном органе, как «Der Islam» [1]. Рецензент (Arved Schultz), сам писавший о Туркестане, называет труд Махачека «образцом методического изложения» (ein Muster methodischer Darstellung), одним из лучших произведений немецкой географической литературы; благодаря этому труду Туркестан будто бы сразу (mit einem Schlage) вошел в число наиболее известных стран Азии. Рецензенту, конечно, известно существование многочисленных русских работ, известна и попытка В. И. Масальского дать свод того, что до сих пор сделано для изучения природы и человеческой жизни в Туркестане; но эти труды рассматриваются только как подготовительные, и им воздается похвала, что только благодаря им мог появиться труд Махачека. Приблизительно так же смотрит на труды своих русских предшественников сам автор; по его словам, в книге Масальского и в издании Переселенческого управления «Азиатская Россия» разработан наиболее достоверный официальный материал, но эти труды «не могут быть признаны географическими описаниями в смысле предъявляемых в настоящее время требований». Тут же, однако, он признает, что мог посетить лично далеко не все местности Туркестана, что он не был поставлен в благоприятные условия для изучения сложного и чуждого европейцу быта и что его знакомство с литературой предмета, особенно местной (это видно также из приложенной им библиографии, стр. 319 и сл., 500 номеров [2]), также осталось неполным. Он был в Туркестане два раза, в 1911 и 1914 гг.; во второй раз его работы были прерваны войной; как подданный враждебной державы, он был интернирован и отпущен только под условием оставления в Таш-

[1] Schultz, «Der Islam», Bd XIII, 1923.

[2] Это число не соответствует числу использованных книг и статей; некоторые номера обнимают два сочинения (есть 47a, 86a, 90a и др.); так как библиография распределена по отделам, то одно и то же сочинение иногда приводится два или даже три раза, как, например, труд Мерцбахера ‹*Physiographie*› (81, 146, 346) о Тянь-Шане.

кенте всех своих записей. При таких условиях трудно было ожидать, чтобы попытка автора дать, в духе требований современного краеведения, общую картину (Gesamtbild) взаимодействия природы и населения могла бы быть настолько удачной, как кажется его рецензенту и ему самому. По крайней мере те отделы книги, где говорится о населении, его прошлом и настоящем, не обнаруживают в авторе ни умения критически разбираться в наличном материале, ни даже заботы о точной передаче чужих мнений.

Автору известны некоторые статьи об арийской культуре Туркестана, в том числе моя статья в «Средне-Азиатском вестнике» 1896 г. (№ 213 библиографии); тем не менее им не была понята главная черта этой культуры — продолжительное господство землевладельческой аристократии и слабое развитие городов; по его мнению, и в Туркестане в древности были «города-государства» (Stadtstaaten, стр. 108). Ему известна моя статья об оссуариях в «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (библиография, № 231), но ссылкой на эту статью говорится как раз противоположное тому, что в ней сказано; оссуарии относятся «к домусульманскому времени и принадлежат населению, почитавшему огонь, сжигавшему свои трупы (sic), т. е. иранскому» (стр. 114; einer feueranbetenden, ihre Leichen verbrennenden, also gleichfalls iranischen Bevölkerung). Известно, что сжигание трупов находилось бы в полном противоречии с ритуалом маздеизма, на одну из разновидностей которого, по справедливому замечанию Масальского (стр. 319 и сл.), указывают оссуарии. О развалинах (с ссылкой, столь же неосновательной, на статью М. С. Андреева в «Средне-Азиатском вестнике», май, 1896 [3]) говорится, что их археологический интерес вообще незначителен (стр. 114). Курганы и остатки оросительных систем в Семиречье будто бы приводят к заключению, что там когда-то было густое оседлое население неизвестной древности (eine dichte seßhafte Besiedlung unbekannten Alters); признается возможным, что этому же населению принадлежат сохранившиеся на стенах ущелья реки Или тибетские надписи и изображения буддийских божеств (стр. 180). Известно, что надписи и изображения принадлежат очень недавним обитателям долины Или — калмыкам. Вопрос об Узбое признается «окончательно решенным» (стр. 315), хотя и делается разница между впадением Аму-Дарьи в Каспийское море после 1221 г., что признается несомненным (sicher), и тем же явлением в древности до V или VI в. н. э. (такова теория Херманна), которое кажется автору только «вероятным», в действительности оно, как я постарался доказать в другом месте [4], по меньшей мере крайне невероятно. Довольно определенное мнение высказывается и о Келифском Узбое; по нему будто бы направлялась часть вод Аму-Дарьи еще в раннеистори-

[3] ‹Андреев, *Местности Туркестана.*›

[4] Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII; ‹наст. изд., т. III, стр. 297—300›.

ческие времена — по преданию туркмен (в этом вопросе совершенно некомпетентных, так как их предки в домусульманский период не жили на Аму-Дарье) еще в то время, когда в стране жили христиане, т. е. приблизительно между IV и X вв.; вода будто бы направлялась к Репетеку и Уч-аджи и, может быть, доходила до Мургаба (стр. 306). Приблизительно в то же время («в раннем средневековье») еще был «цветущий оазис» в дельте Сыр-Дарьи (стр. 285). Ни одно из этих предположений не могло бы быть доказано. Было бы лучше, если бы автор повторил слова Масальского (стр. 24) о Келифском Узбое как об «одном из старых рукавов Аму-Дарьи, давно высохшем и ныне полузасыпанном песком»; у Масальского (стр. 199) отмечен также факт, что русло Келифского Узбоя отчасти наполнялось водой Балхаба.

В таком же противоречии с действительностью находятся слова автора, что Кашгария входила в состав государства Селевкидов (стр. 110), что с представлением о Фергане с древнейших времен связывалось представление о «прямо сказочном блеске» (стр. 274; известно, что при Бабуре считалось, что доходы Ферганы «при хорошем управлении» достаточны для содержания отряда в 3000 человек), что Шахрихан-сай есть канал, существовавший в глубокой древности и обязанный своим существованием, вероятно, естественному руслу реки (стр. 273; известно, что о таком канале или русле, как и о других больших ферганских каналах, нет ни слова ни у географов X в., ни у Бабура). Деятельность Тимура несколько односторонне рассматривается как «созидательная, а не разрушительная» (стр. 112; стоило бы только вспомнить о разрушении Ургенча), причем это созидание будто бы было прервано «ранней смертью» Тимура (на стр. 112 указан 1404 г., на стр. 114 правильно: 1405); известно, что Тимур прожил почти 70 лет и дошел даже до большей дряхлости, чем обыкновенно доходят люди в этом возрасте. В другом месте (стр. 246) Тимуру, вместо Чингиз-хана, приписывается разрушение Термеза; возможно, что это — одно из тех корректурных недоразумений, которых в книге гораздо больше, чем можно было бы заключить по сравнительно небольшому списку опечаток; так, к государству Саманидов причисляются северо-западные части Ирана (стр. 111, die nordwestlichen Teile) вместо северо-восточных.

Успехи в Туркестане «несторианского и манихейского христианства» (причисление манихеев к христианам, конечно, неправильно) относятся ко времени до XIII в. (стр. 110 и сл.), по-видимому, только потому, что до этого времени была доведена моя статья о христианстве в Средней Азии (№ 217 библиографии); известно, что успехи христианства продолжались и в XIV в. Медресе Мир-Араб (в Бухаре) отнесено к эпохе Тимуридов (стр. 281); в действительности оно построено при Шейбанидах. Неизвестно, почему Карши называется одним из древнейших городов Туркестана (стр. 282); известно, что не только город Нахшеб (у арабов Несеф) географов X в., но и Карши эпохи Тимуридов находились в других ме-

стах; нынешний город построен сравнительно недавно. О новейших узбекских ханствах говорится, что их политическая организация сложилась на основе теократической государственной идеи (стр. 141); в действительности на этой организации традиции монгольской империи сказались не менее сильно, чем традиции мусульманской государственности. Очень кратки и поверхностны отзывы о современных народностях Туркестана. Дунгане за свой китайский язык причисляются к «монголам» «в более тесном смысле» (im engeren Sinne, стр. 122), хотя автор и считает вероятным, что они только окитаившиеся турки; неизвестно, почему китайцы признаются монголами в более тесном смысле, чем турецкие народности. Узбеки умственно ленивы (geistig träge), из сартов полезными тружениками признаются сельские, горожане по своей денежной корысти признаются «опасным элементом»; еще хуже сказались «отрицательные стороны силы денег» (Auswüchse der Geldmacht) на значительной части евреев, как бухарских, так и переселившихся из Европы (стр. 141). В другом месте (стр. 122) о бухарских евреях говорится, что они, может быть, происходят от вавилонских и ассирийских пленников (известно, что это предание, распространенное среди самих евреев, мало соответствует историческим данным) и во всяком случае представляют элемент населения очень древний (uralt), прежде подвергавшийся жестоким притеснениям, теперь имеющий большое хозяйственное значение. В Семиречье будто бы происходит заболачивание земельных участков после поселения там таранчей, не освоившихся с оросительной техникой (стр. 143, mit der Bewässerung nicht vertraut). Трудно было бы сказать, на чем основано такое мнение; как известно и автору (стр. 122), таранчи были переселены в Илийскую долину китайцами из Кашгарии в XVIII в. и как на старой, так и на новой своей родине всегда обрабатывали свои пашни посредством искусственного орошения. О таранчах автору известна (№ 252 библиографии) только работа В. Пайселя [5].

На двух страницах (335—336) приводятся этимологические толкования местных географических названий, частью фантастические; так, названия Ходжент и Коканд толкуются как 'хороший город' (*хуб джент* и *хуб кент*). Ogus будто бы значит Oxus, оттого Узбой — längs des Oxus.

Автор придает особенное значение работам немецких ученых. Если первый период (до завоевания) исследования Тянь-Шаня и Алая является одним из прекраснейших лавровых венков (eines der schönsten Ruhmesblätter) русской науки, то за последние годы наука преимущественно немецким исследователям обязана тем, что Тянь-Шань, Алай и Памир в геологическом и морфологическом отношениях принадлежат к наиболее известным горным системам Азии; социальные и экономические условия Туркестана также были удостоены (gewürdigt) подробного исследования немецкими учеными (стр. 18). Таким же образом, по словам рецензента,

[5] *Материалы для антропологии таранчей*, СПб., 1897.

Туркестан известен на Западе лучше других русских колоний (Kolonialbesitzen), особенно Сибири, преимущественно благодаря обильной немецкой литературе последнего времени. Возможно, что ценность немецких трудов была бы признана несколько менее значительной, если бы западным читателям был более известен русский язык. Приведенных выписок из книги Махачека, кажется, достаточно, чтобы показать, что эта книга во многих отношениях стоит не выше, а ниже русских трудов. В частности, занимающая 30 страниц (стр. 108—138) глава о заселении (Besiedlung) Туркестана в политических образованиях во многом уступает занимающему такое же число страниц (стр. 273—303) «историческому очерку» в книге Масальского, хотя и в последней отделы исторический и этнографический принадлежат к числу более слабых.

«АЗИАТСКАЯ РОСКОШЬ»

В «Путешествии в Арзрум» Пушкина говорится о бессмысленности выражения «азиатская роскошь»: «Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые кинжалы с цветными камешками на рукояти. Ныне можно сказать „азиатская бедность, азиатское свинство“ и пр., но роскошь, конечно, принадлежность Европы» [1].

Пушкин ошибался; выражение «азиатская роскошь» гораздо древнее крестовых походов и встречается уже в латинской литературе (Asiatica luxuria); я встретил его в книге Августина (V в. н. э.) «De civitata Dei» (III, 21); по всей вероятности, оно встречается и в более ранних памятниках. В древности представление об азиатской роскоши неразрывно было связано с представлением об азиатском деспотизме; произвольно распоряжаясь всеми средствами своей страны, деспот может окружать себя роскошью, недоступной даже для самого богатого и высокопоставленного гражданина греческой или итальянской городской республики. «Великий царь», т. е. царь Персии, был для греков символом блаженства в смысле обладания материальными благами. Даже во время Пушкина турецкий султан, несмотря на бедность Турции по сравнению с главными европейскими державами, располагал бóльшими средствами, чем другие европейские государи.

Пушкин как будто не считается с общеизвестным фактом, что бедность не только не исключается роскошью, но, напротив, является ее неразлучным спутником. В Стамбуле и Тегеране Пушкин, вероятно, мог бы до некоторой степени наблюдать азиатскую роскошь рядом с азиатской бедностью; в Эрзеруме и в других местах, отдаленных от путей мировой торговли, например, в Средней Азии, где даже двор бухарского эмира и хивинского хана мало соответствовал представлению о блеске придворной жизни, бросалась в глаза только азиатская бедность — бедность отсталой страны, утратившей свое прежнее место в мировой торговле.

Не обладая большими историческими познаниями, Пушкин своим гениальным чутьем понял, что в средние века Западная Европа была такой же отсталой страной по сравнению с мусульманским миром, как

[1] ‹Пушкин, *Путешествие в Арзрум*, стр. 693.›

в его время мусульманский мир по сравнению с Западной Европой. Пушкин не ставил себе задачей обсудить это явление во всей его широте; то немногое, что у него говорится по этому поводу, облечено в беллетристическую форму; он выдумывает соперничество между Эрзерумом и Стамбулом и сравнивает его с соперничеством, тоже едва ли существовавшим, между Казанью и Москвой. Культурно-исторические проблемы решаются не писателями, хотя бы гениальными, но скромными научными тружениками. Во время печатания «Путешествия в Арзрум» уже начиналась работа казанской научной школы, которая при более широком и рациональном направлении ее деятельности могла бы способствовать разъяснению вопроса о борьбе между влиянием мусульманской культуры и влиянием Европы на берегах Волги, где влияние Бухары и Хорезма только в новейшее время уступило место влиянию принесенной русскими европейской культуры, когда приволжские татары, прежние ученики среднеазиатских мусульман, сделались просветителями, в экономическом отношении отчасти и эксплуататорами, своих среднеазиатских соплеменников. Казанское научное востоковедение, легкомысленно уничтоженное в середине прошлого века, не вполне восстановлено и до сих пор; не исполнилось, если не ошибаюсь, пожелание, высказанное еще в 1925 г. Н. Н. Фирсовым [2], чтобы в Казанский университет могли вернуться гуманитарные науки. Надо надеяться, что когда-нибудь в Поволжье, испытавшем и азиатское, и европейское влияние, будет подвергнут строго научному разбору вопрос об азиатской роскоши и азиатской бедности и о встрече того и другого явления с европейскими явлениями того же порядка.

[2] «Вестник научного общества Татароведения», 1925, стр. 62.

О КОЛЕСНОМ И ВЕРХОВОМ ДВИЖЕНИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Конспект последнего доклада, сделанного 10 мая 1930 г. в ГАИМК)

Внешним поводом для рассмотрения темы, составляющей предмет доклада, были слова книги А. Меца «Die Renaissance des Islâms» [1]: «Der Strassenwirtschaft des Orients konnte die Herrschaft der Araber keinen Aufschwung geben. Sie sind ein Reitervolk ohne Sinn für Heerstrassen und Fuhrverkehr. Der Wagen war man so ungewohnt, dass bei der Herübernahme des Schachspiels aus Indien die Figur des «Wagens» (ratha) nicht verstanden und zum Ruch wurde. Auf Wagen fuhr erst im Norden die tatarische Welt».

Тут же приводится пример заботы Чингиз-хана о мостах и колесных путях. До недавнего времени у кочевников колесных повозок не было; передвижение и перевозка грузов совершались только на животных. Вопрос о том, когда и как произошла эта перемена, еще недостаточно выяснен [2].

О передвигавшихся и даже живших на повозках кочевниках в юго-восточной Европе говорится, как известно, в греческой литературе, — ср., например, выражение у Страбона [3]. Китайцы говорят о повозках в Средней Азии, даже у оседлых народов, как об исключении; так, в *Тан-шу* говорится о Хорезме: «Из всех владений Ху только здесь есть волы с телегами. Торговцы употребляют их в своих путешествиях по разным странам» [4]. В том же сочинении (*Тан-шу*) говорится об одном кочевом народе, получившем прозвание «высокие телеги»; у этих «тилисцев» были одноколки на высоких колесах с множеством спиц; во время сва-

---

[1] *Die Renaissance*, S. 461. «Господство арабов не могло дать дорожному хозяйству Востока никакого подъема. Они — народ всадников, не имеющий понятия о военных дорогах и колесном транспорте. Повозка была им настолько непривычна, что при заимствовании шахмат из Индии фигура колесницы (ратха) не была понята и превратилась в «Рух». На повозках впервые ездил на севере татарский мир».›

[2] ‹Археологические материалы показывают, что двухколесные повозки в степях Восточной Европы появились еще в эпоху зарождения кочевого скотоводства во II тысячелетии до н. э.›

[3] Strabo, 412. ‹Повозки имелись и у среднеазиатских кочевников. Так, Геродот (I, 216) сообщает о повозках у массагетов.›

[4] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 246; Chavannes, *Documents*, p. 145.

деб жениховы родственники отаборивали лошадей телегами и предоставляли каждому родственнику невесты выбирать любую лошадь [5].

Арабское название повозки было عجلة, персидское گردون, турецкое первоначально *qaylî*, слово *араба*, или *арба*, встречается впервые в «Codex Comanicus» и у Ибн Баттуты. Арабское عجلة толкуется в словаре Фрейтага как повозка, запряженная быками [6]; о *канглы* говорится у Махмуда Кашгарского, что это — телега для перевозки грузов; по Рашид ад-дину, она употреблялась для складывания добычи; у Абулгази слово *канглы* объясняется как звукоподражание скрипу телеги. Русское «кибитка» происходит от турецкого *кибит*, что значит 'лавка' (так у Махмуда Кашгарского [7], в *Кутадгу билик* и у Замахшари; очевидно, лавки иногда помещались на повозках).

В Средней Азии теперь известны два главные вида арбы, с одной стороны, хорезмийская или кашгарская, с другой — кокандская [8]; судя по находкам так называемого аму-дарьинского клада, первый тип более древний [9]. В первом случае человек сидит в арбе и правит вожжами, во втором — сидит на загривке лошади, поставив ноги на концы оглоблей, и правит короткой верховой уздечкой. Езду на арбе в монгольский период подробнее всего описывает Ибн Баттута. При описании пути из Керчи в Крым упоминаются четырехколесные телеги, запряженные лошадьми, быками и верблюдами; возница сидел на одной из лошадей. Путь из Сарая в Хорезм был совершен в повозках, запряженных верблюдами; большая повозка для спутников Ибн Баттуты была запряжена тремя верблюдами, причем возница сидел на одном из них.

Арбы часто упоминаются в *Юань-чао би-ши* у Рашид ад-дина, у Чанчуня, у Плано Карпини, у Рубрука и Марко Поло, но нигде не говорится, как у Ибн Баттуты, о четырехколесных арбах; нигде не говорится также, чтобы возница сидел на запряженном в арбу животном. Приводятся слова Чингиз-хана Ван-хану кераитскому: «Мы с тобой что две оглобли у кибитки; когда поломается одна, быку не свезти кибитки; мы с тобой что два колеса у кибитки; сломайся одно, ей не двинуться» [10]. Из этого можно заключить, что арбы были двухколесные. Везде говорится, что арбы были крыты черным войлоком; иногда противополагаются друг другу черные повозки и белые юрты. Повозок в больших ставках было очень много; в ставке брата Чингиз-хана, Отчигиня, черные телеги и войлочные юрты стояли рядом в числе нескольких тысяч. Из 26 жен

[5] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 248 и сл.

[6] ‹Freytag, *Lexicon*, t. III, p. 114.›

[7] Махмуд Кашгарский, I, 298.

[8] Калмыков, *Аму-Дарьинский клад*.

[9] ‹По археологическим данным, двухколесные и четырехколесные повозки появились в Средней Азии, во всяком случае у оседлого населения, еще в III тысячелетии до н. э.›

[10] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 91; ср. Рашид ад-дин, изд. Березина, II, текст, 224.

Батыя у каждой было по большому дому, к каждому из этих домов примыкало по 200 повозок. Во время стоянок в повозках хранились запасы. Упоминается о повозке с овечьей шерстью позади жилья; при разграблении неприятельского стана в кузовах искали кобылье молоко.

В повозках передвигались женщины и дети с домашним скарбом. Только жилые (бедные) юрты перевозились на вьючных животных. Большие юрты ставились на повозки и не разбирались; иногда для перевозки служил один бык, иногда три, четыре и больше. У Рубрука упоминается повозка, которую тащили 22 быка: 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была с мачту корабля; человек, стоя на повозке при входе в дом, погонял быков. Упоминается еще подробность [11], что, когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. В известном исследовании Н. Н. Харузина о развитии жилища у турецких и монгольских кочевников при описании (по Ананьеву) караногайской свадебной арбы говорится, что диаметр поставленного на арбу остова в 1½ раза больше ширины арбы с колесами [12]. В арбу впрягались чаще всего быки, иногда верблюды; управлявшая арбой женщина сидела внутри ее. Только при захвате арбы с женщинами захватчик увозил ее, сидя верхом на лошади, по монгольскому обычаю [13]. Иногда женщин вытаскивали из повозки и сажали на коней; повозки были с дверцами. По мнению Харузина, кибитки на колесах есть «отпрыск, вызванный условиями жизни — большими передвижениями в безлесных местностях». Факты (например, ногайские арбы) показывают, что этот тип жилища дольше всего держался в приволжских и северокавказских степях. В истории Тимура только при описании возвращения из золотоордынского похода 1391 г. [14] говорится о таком жилище, называвшемся كوترمه. Тимуром были увезены телеги с поставленными на них юртами, что дает повод историку говорить в своих стихах об отличии подвигов Тимура от всех других; в других случаях во время набега на страну увозится имущество, дома остаются; Тимуром были увезены и имущество, и дома, и сидевшие в домах (женщины).

Клавихо [15] при описании чагатайских перекочевок в Передней Азии о повозках не упоминает. Женщины ездили верхом и ставили перед собой колыбельки, перевязанные широкими тесьмами, которые они надевали на себя. Бедные везли детей и палатки на верблюдах, «что очень неудобно, так как верблюды идут очень неловко».

Главной причиной исчезновения повозок, по-видимому, должен быть признан экономический упадок среди кочевников после XV в.

---

[11] Рубрук, пер. Малеина, 67.
[12] Харузин, *История развития жилища*, I, стр. 40.
[13] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 33, прим.
[14] Шереф ад-дин Йезди, I, 554.
[15] Изд. Срезневского, 220.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.

Напечатано: ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4, СПб., 1897, 151 стр.+XVII табл.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. I, Abt. 2, 1898, S. 150—151; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 191; Dostojevskij, *Barthold*, S. 93—94.

К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане

Напечатано: ТВ, 1894, № 5—7 (20.I/1.II, 23.I/4.II, 27.I/8.II); то же: отд. отт., стр. 1—34.

По поводу христианского селения Вазкерд

Напечатано: ТВ, 1894, № 21 (24.III/5.IV).

Отчет о командировке в Среднюю Азию

Напечатано: ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 339—344.
Рец.: ТВ, 1894, № 40.

Мечеть Биби-ханым

Напечатано: «Русский Туркестан», 1899, № 34 (24.III/5.IV).

Еще о самаркандских оссуариях

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 099—0104.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. V, Abt. 2, 1902, S. 29.

Рецензия: Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год V, Ташкент, 1900

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0113—0115.

К вопросу об археологических находках

Напечатано: «Самарканд», 1904, № 37 (17/30.VI).

Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года

Напечатано: ИРКСА, № 4, 1904, стр. 21—24.
Французский перевод: BAR, 1905, pp. 7—10.
Рец.: Hartmann, OLZ, Jg. 7, 1905, № 11, Sp. 557—559.

Письмо в редакцию

Напечатано: ТВ, 1904, № 176 (5/18.XII).

К статье г-на д-ра Шмидта

Напечатано: BAR, V, 1905, pp. 23—24. На русском языке печатается впервые.

Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в г. Баку

Напечатано: ИАК, XVI, 1905, стр. 116—119.

Поездка в Самарканд с археологическою целью

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXIV—XXXV.

Рецензия: Explorations in Turkestan. With an account of the Basin of Eastern Persia and Sistan. Washington, 1905

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 083—097.

К вопросу об оссуариях Туркестанского края

Напечатано: ИРКСА, № 8, 1908, стр. 47—69.

К истории Мерва

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138.

Рецензия: Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIV, Ташкент, 1910

Напечатано: ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 067—073.

Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 373—411 (отзыв составлен совместно с Я. И. Смирновым).

Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими

Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XI, 1917, стр. 1229—1230.

Новые данные о самаркандских памятниках

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 83—88.

Отчет о командировке в Туркестан

Напечатано: ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 1—22.

Рец.: Крачковский, «Восток», кн. 3, М.—Пб., 1923, стр. 171; Бороздин, «Новый Восток», кн. 3, М., 1923, стр. 535.

Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры

Напечатано: «Ежегодник Российского института истории искусств», т. I, вып. II, Пб.—М., 1922, стр. 121—125.

Резюме: Крачковский, «Восток», кн. 1, Пб., 1922, стр. 117; Бороздин, «Новый Восток», кн. 1, М., 1922, стр. 431; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 197.

Самовольные раскопки и востоковедение

Напечатано: «Музей», II, Л., 1924, стр. 33—34.

Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.

Напечатано: ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 119—132.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 186; Dostojevskij, *Barthold*, S. 95.
Рец.: Бороздин, «Новый Восток», М., 1926, кн. 13—14, стр. 428—429.

Бухара. Ее памятники и их судьба

Напечатано: «Правда Востока», 1925, № 190 (790).

По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.

Напечатано: «Сообщения ГАИМК», т. I, Л., 1926, стр. 207—216.

Рецензия: В. Л. Вяткин, Городище Афрасиаб

Напечатано: «Иран», т. II, Л., 1928, стр. 181—185.

Рецензия: Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан, Л., 1929

Напечатано: «Иран», III, Л., 1929, стр. 228—236.

Рецензия: A. Godard, Y. Godard, S. Hackin, Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān, Paris, 1928

Напечатано: «Иран», т. III, Л., 1929, стр. 241—246.

‹О двух арабских надписях Аулиеатинского уезда›

Напечатано: ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. IV—VI.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. III, Abt. 2, 1900, S. 224.

Текст первой надписи в Варухском ущелье

Напечатано: ПТКЛА, год IX, 1904, стр. 46—47.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 180.

Перевод надписей на гробнице Термеза

Напечатано: ИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 652—653.

Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче

Напечатано: СПб., 1911 («Анийская серия», № 5), 44 стр.+2 табл.
Турецкий перевод: Ilhanlılar Devrinde Mali Vaziyet (La Situation financière à l'épo-

que des ilkhanides), — «Türk hukuk ve iktisat ta'rihi mecmuası», İstanbul, I, 1931, ss. 135—159.

⟨Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль⟩

Напечатано: ИРАН, сер. VI, № 18, 1913, стр. 1059—1060.

Из минц-кабинета при СПб. Университете. I. Неизданный самаркандский дирхем

Напечатано: ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 01—04.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. III, Abt. 2, 1900, S. 224.

О некоторых самаркандских дирхемах

Напечатано: ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. XXVII—XXVIII.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. IV, Abt. 2, 1901, S. 180.

Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете.

II. Неизданный саманидский фельс. III. Фельс Исма'ила ибн Ахмеда

Напечатано: ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 059—060.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. IV, Abt. 2, 1901, S. 180.

Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете.
IV. Монеты Омейядов

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 033—036.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. VI, Abt. 2, 1903, S. 201.

Бəhбуд

Напечатано: ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 0106—0107.
Резюме: Бартольд, MSOS, Jg. VI, Abt. 2. 1903, S. 204.

Ильтутмыш

Напечатано: ZDMG, Bd LXI, 1907, S. 192—193.
На русском языке печатается впервые.

Нумизматическое отделение

Напечатано: «Азиатский музей РАН 1818—1918. Краткая памятка», Пб., 1920, стр. 107—112.
Резюме: Menzel, «Der Islam», Bd XVII, 1927, S. 79—82.

Монеты Улугбека

Напечатано: ИРАИМК, т. II, Пб., 1922, стр. 190—192.
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 183—184.

Рецензия: А. А. Диваев, Этнографические материалы, Ташкент, 1894—1895

Напечатано: ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 297—299.

Рецензия: Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги, Томск, 1912

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0150—0152.

Рецензия: Г. Н. Потанин, Ерке. Культ сына неба в Северной Азии, Томск, 1916

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 275—277.

К сказке о хитрости Дидоны

Напечатано: «Сборник Музея антропологии и этнографии при РАН», т. V, вып. 1, Пг., 1918, стр. 149—151.

Резюме: Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 313; Findeisen, «Asia Major», vol. II, fasc. 2, 1925, p. 338; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 192.

К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 55—76.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 186.

Из средневековой туркестанской поэзии

Напечатано: «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1, стр. 19.

Рецензия: Fr. Machatschek, Landeskunde von Russische Turkestan, Stuttgart, 1921

Напечатано: «Изв. Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 274—276.

Азиатская роскошь

Напечатано: «Вестник научного общества Татароведения», № 9—10, Казань, 1930, стр. 25—26.

О колесном и верховом движении в Средней Азии

Напечатано: ЗИВАН, VI, М.—Л., 1937, стр. 3—7.

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

Аз. муз. — Азиатский музей.
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР.
«В. В. Бартольду» — «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
Брит. муз. — British Museum, Лондон.
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ДАК — «Доклады (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
«Древности» — «Древности. Труды Императорского московского археологического общества», М.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗВСОИРГО — «Записки Восточно-сибирского отдела Имп. Русского географического общества».
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОРАО — «Записки Классического отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб.
ЗНОРАО — «Записки Нумизматического отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб.
ЗООИД — «Записки Одесского общества истории и древностей».
ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.
ЗРАО — «Записки Русского археологического общества», СПб.
ЗСОИРГО — «Записки Сибирского отдела Имп. Русского географического общества», Иркутск.
ИАК — «Известия (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР.

ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», СПб., Пг., Л.

ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.

ИРГО — Имп. Русское географическое общество.

ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.

«Ал-Искендерийя» — «الاسكندرية. Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923.

ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.

«Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», М., 1910.

КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.

КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

МАР — Материалы по археологии России.

МГУ — Московский государственный университет.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МИИКК — Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана.

«Ал-Музаффарийя» — «المظفّريّة. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.

ОАК — «Отчеты (Имп.) Археологической комиссии».

ОИФ — Отделение истории и филологии.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.

ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.

ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.

ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.

РАО — (Имп.) Русское археологическое общество.

РИЖ — «Русский исторический журнал», М.

СА — «Советская археология», М.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., I—VI (1940—1949); М. (1956—1959).

СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области», Самарканд.

СМИЗО, I — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I, *Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1844.

Тексты — В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I. *Тексты*, СПб., 1898.

СМССДО — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент.

СОН — Серия общественных наук.

Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

ССИА — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949.

СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.

СЭ — «Советская этнография», М.

ТашГУ — Ташкентский государственный университет.

ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.
ТИИ АН КиргССР — «Труды Института истории АН КиргССР».
ТИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии АН УзССР».
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры.
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР.
ХВ — Христианский Восток.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Philologisch-historische Klasse.
AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, (Swecica), Leiden.
AO Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologisch-historische Klasse, Berlin.
BAR — «Bulletin de l'Association Internationale pour l'Exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe», St.-Pbg.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni-Batavorum.
BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.
«Bulletin» — «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg», St.-Pbg.
BZ — «Byzantinische Zeitschrift».
Coll. orient. — Collection orientale. Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale (impériale, nationale), traduits et publiés. . .
CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances», Paris.
DLZ — «Deutsche Literatur-Zeitung», Berlin.
EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden—Leipzig, (1908), 1913—1934. [Страницы указаны везде по немецкому изданию.]
«Festschrift Nöldeke» — «Orientalische Studien. Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburstag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihren Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.
GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.
GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
GMS NS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. New Series.
HS — Works issued by the Hakluyt Society.

JA — «Journal asiatique», Paris.
JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
JRGS — «Journal of the Royal Geographical Society», London.
JSFOu — «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
LZ — «Literarisches Zentralblatt für Deutschland», Leipzig.
MDAFA — «Memoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», Paris, Le Caire.
Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».
Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques Paris.
«Nouveaux mélanges orientaux» — «Nouveaux mélanges orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'Ecole spéciale des langues orientales vivantes á l'occasion du Septième Congrès International des orientalistes réunis à Vienne (septembre 1886)», Paris, 1886.
OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Leipzig.
PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.
Pet. Mitt. — «Dr A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt», Gotha.
PHT — Persian historical text.
RA — «Revue archéologique», Paris.
RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.
SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst».
SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.
SBE — The Sacred Books of the East transl. by various oriental scholars and edited by F. Max Müller.
SPA — Survey of the Persian Art, London—New York.
WI — «Die Welt des Islams», Berlin.
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.

БИБЛИОГРАФИЯ

(цитированная литература) [1]

Абд ал-Керим Бухари. — *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I, Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II, Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).

Абд ал-Керим Кашмири. — *The memories of Khojeh Abdulkurrem a Cashmerian of distinction who accompanied Nadir Shah on his return from Hindostan to Persia. . .* transl. from the original Persian by F. Gladwin, Calcutta, 1788.

Абд ар-Раззак, рук. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Маṭла' ас-са'дайн ва маджма' ал-баҳрайн*, рук. ун-та (ЛГУ) № 157.

Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского. — *Самария*. Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. С предисловием и приложением рисунков, СПб., 1904.

Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина. — Абу Тахир Ходжа, *«Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*. Перевод В. Л. Вяткина, — СКСО, вып. VI, 1899, стр. 153—259.

Абу-л-Фида, *Таḳвӣм*, изд. Рено — де Слэна. — *Géographie* d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le Bon Mac Guckin de Slane, Paris, 1840.

Абу-л-Фида, *Таḳвӣм*, пер. Рено. — *Géographie* d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'eclaircissements par M. Reinaud, t. I, Introduction générale á la géographie des orientaux, Paris, 1848; t. II, pt. 1, Contenant la premiére moitié de la traduction du texte arabe, Paris, 1848; t. II, pt. 2, Contenant la fin de la traduction du texte arabe et l'index générale, Paris, 1883.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. I. Texte, St.-Pbg., 1871; t. II. Traduction, St.-Pbg., 1874.

Адрианов, *К археологии западного Алтая*. — А. В. Адрианов, *К археологии западного Алтая. (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.)*, — ИАК, вып. 62, 1916.

Адрианов, *Путешествие*. — А. В. Адрианов, *Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.*, — ЗИРГО, по общ. геогр., т. XI, 1888, стр. 147—444.

Адыков, *Дорога из Мерва на Мерверуд*. — К. А. Адыков, *Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверуд (к истории изучения средневековых торговых путей Туркменистана)*, — ИАН ТуркмССР, СОН, 1962, № 3, стр. 50—63.

---

[1] В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сносках и в тексте) и в примечаниях составителей. Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоминается в примечаниях.

Айналов, ВВ, т. XIV [стр. 613—614]. — Д. В. Айналов, [рец. на:] Н. Марр, Отчет о работах в Ани летом 1906 г., — ВВ, т. XIV, 1907, стр. 613—614.

Айналов, *Некоторые христианские памятники.* — Д. Айналов, *Некоторые христианские памятники Кавказа*, — «Археологические известия и заметки», № 7—8, М., 1895, стр. 233—243.

Айналов, *Синайские иконы.* — Д. Айналов, *Синайские иконы восковой живописи*, — ВВ, т. IX, 1902, стр. 343—377.

Акишев — Кушаев, *Древняя культура саков и усуней.* — К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*, Алма-Ата, 1963.

Акрамов, *Выдающийся русский востоковед.* — Н. М. Акрамов, *Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк*, Душанбе, 1963.

Али-заде, *К вопросу об институте инджу.* — А. А. Али-заде, *К вопросу об институте инджу в Азербайджане в XIII—XIV вв.*, — «Изв. АзФАН», 1943, № 8, стр. 62—76; то же: ССИА, стр. 95—108.

Али-заде, *К истории феодальных отношений.* — А. А. Али-заде, *К истории феодальдальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв.*, — ССИА, стр. 109—126.

Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана.* — А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.

Алишан, *Ширак.* — Ղ. Ալիշան, Շիրակ. Վենետիկ. 1887.

Альхамова, *Клад.* — З. А. Альхамова, *Клад медных посеребренных Самаркандских дирхемов 663 г. х.*, — «Труды САГУ», н. с., вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 69—74.

Андреев, *Местности Туркестана.* — М. Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 16—28.

Аристов, *Об Афганистане.* — Н. А. Аристов, *Об Афганистане и его прошлом*, — «Живая старина», вып. III—IV, 1898, стр. 247—319.

Археологическая карта Казахстана. — *Археологическая карта Казахстана.* Реестр, Алма-Ата, 1960.

Археологические открытия. — *Археологические открытия в Семиреченской области*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 33—34 (перепеч. из: «Восточное обозрение», 1885, № 44).

Бābур-нāме, извлеч. в пер. Вяткина. — В. Вяткин, *Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию султана Бабура Мирзы.* (Перевод из книги Бабур-намы), — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 30—37.

Бābур-нāме, изд. Беверидж. — *The Bábar-nāma, being the autobiography of the Emperor Bábar, the founder of the Moghul dynasty in India*, written Chaghatáy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálár Jang of Ḥaydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden—London, 1905 (GMS, I).

Бābур-нāме, изд. Ильминского. — *Бабер-намэ или Записки Султана Бабера.* Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857.

Бābур-нāме, пер. Лейдена — Эрскина. — *Memoirs of Zehir-ed-din Muhammed Baber Emperor of Hindustan*, written by himself, in the Jaghatai Turki and transl., partly by the late J. Leyden, partly by W. Erskine, with Notes and a Geographical and Historical Introduction. . ., London, 1826.

Бābур-нāме, пер. Салье. — *Бабур-наме. Записки Бабура*, [пер. М. Салье], Ташкент, 1958.

Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

Банзаров, *Черная вера.* — [Д. Банзаров], *Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи* Дорджи Банзарова. Под ред. Г. Н. Потанина, СПб., 1891.

Бартольд, *Автобиография.* — [В. В. Бартольд], *Автобиография* проф. В. Бартольда, — «Огонек», 1927, № 40 (236), (2.X), стр. [14].

Бартольд, *Анау.* — В. В. Бартольд, *Анау.* (Из письма академика В. Бартольда Институту Туркменской Культуры), — «Туркменоведение», 1928, № 9, стр. 68—69.

Бартольд, *Археологические работы в Самарканде.* — В. В. Бартольд, *Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.*, — ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 119—132. [Наст. изд., т. IV, стр. 269—279.]

Бартольд, *Башня Кабуса.* — В. Бартольд, *Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры*, — «Ежегодник Российского института истории искусств», т. I, вып. 2, Пб., 1922, стр. 121—125. [Наст. изд., т. IV, стр. 262—266.]

Бартольд, *Ближайшие задачи.* — В. В. Бартольд, *Ближайшие задачи изучения Туркестана*, — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 1—10.

Бартольд, *Бухара.* — В. В. Бартольд, *Бухара. Ее памятники и их судьба*, — «Правда Востока», 1925, № 190 [790]. [Наст. изд., т. IV, стр. 280—281.]

Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос.* — В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 361—384. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях.* — В. В. Бартольд, *Еще о самаркандских оссуариях*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 099—0104. [Наст. изд., т. IV, стр. 119—123.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. X [стр. 215—226]. — В. Бартольд, [рец. на:] Mirzá Muhammad Ḥaidar, Dughlát. The Tarikh-i Rashidi. . . An English version. . . by N. Elias. The Translation by E. Dension Ross. London. 1895, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 215—226.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0122—0125]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1898. . . Выпуск VI, Самарканд 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0122—0125.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIV [стр. 053—060]. — В. Бартольд, [рец. на:] Fr. von Schwarz. Turkestan. Die Wiege der indogermanischen Völker. Freiburg im Breisgau 1900, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 053—060.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0131—0137]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Д. Федоров, генерального штаба подполковник. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Под редакциею генерального штаба генерал-майора Тихменева. Часть I. . . Ташкент 1903; Корнилов, генерального штаба подполковник. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Под редакцией начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Сахарова. Ташкент 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0131—0137.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0162—0185]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par. — St.-Pétersbourg 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XX [стр. 067—073]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. (Год четырнадцатый), Ташкент 1910, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 067—073. [Наст. изд., т. IV, стр. 196—201.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0150—0152]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги. . . Томск, 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0150—0152. [Наст. изд., т. IV, стр. 369—370.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 357—361]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Albert Herrmann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin 1914. — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 357—361. [Наст. изд., т. III, стр. 297—300.]

Бартольд, *Из минц-кабинета*, I. — В. Бартольд, *Из минц-кабинета при СПб. Университете*. I. *Неизданный самаркандский дирхем*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 01—04. [Наст. изд., т. IV, стр. 343—345.]

Бартольд, *Из минц-кабинета*, II—III. — В. Бартольд, *Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете*. II. *Неизданный саманидский фельс*. III. *Фельс Исмаила б. Ахмеда*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 059—060. [Наст. изд., т. IV, стр. 348—349.]

Бартольд, *Из минц-кабинета*, IV. — В. Бартольд, *Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете*. IV. *Монеты Омейядов*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 033—036. [Наст. изд., т. IV, стр. 350—353.]

Бартольд, *Из средневековой туркестанской поэзии*. — В. В. Бартольд, *Из средневековой туркестанской поэзии*, — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 1, стр. 19. [Наст. изд., т. IV, стр. 397—398.]

Бартольд, ИИРГО, т. LIII [стр. 182—186]. — В. В. Бартольд. [рец. на:] P. M. Sykes. A History of Persia. 2 vol. London, 1915. — ИИРГО, т. LIII, 1917, стр. 182—186. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, «Иран», т. II [стр. 181—185]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] Вяткин. Городище Афрасиаб, — «Иран», т. II, Л., 1928, стр. 181—185. [Наст. изд., т. IV, стр. 291—292.]

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *История изучения Востока*. — В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, СПб., 1911; изд. 2: Л., 1925. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи*. — В. Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 024—028. [Наст. изд., т. III, стр. 248—251.]

Бартольд, *К вопросу о кайтаках*. — В. В. Бартольд, *К вопросу о происхождении кайтаков*, — «Этнографическое обозрение», 1910, № 1—2, стр. 37—45; № 3—4, стр. 283—284. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах*. — В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 55—76. [Наст. изд., т. IV, стр. 377—396.]

Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях*. — В. В. Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане*, — ТВ, 1894, № 5—7 (20.I/1.II, 23.I/4.II, 27.I/8.II); то же: отд. отт., стр. 1—34. [Наст. изд., т. IV, стр. 95—109.]

Бартольд, *К вопросу об археологических находках*. — В. В. Бартольд, *К вопросу об археологических находках*, — «Самарканд», 1904, № 37 (17/30.VI).

Бартольд, *К вопросу об оссуариях*. — В. Бартольд, *К вопросу об оссуариях Туркестанского края*, — ИРКСА, № 8, 1908, стр. 47—69. [Наст. изд., т. IV, стр. 154—171.]

Бартольд, *К вопросу об языках*. — В. В. Бартольд, *К вопросу об языках согдийском и тохарском*, — «Иран», т. I, Л., 1927, стр. 29—41. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 461—470.]

Бартольд, *К истории Мерва*. — В. Бартольд, *К истории Мерва*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138. [Наст. изд., т. IV, стр. 172—195.]

Бартольд, *К статье г-на д-ра Шмидта*. — W. Barthold, *Zum Artikel von Herrn Dr. Schmidt*, — BAR, V, 1905, pp. 23—24. [Наст. изд., т. IV, стр. 135.]

Бартольд, *Китаби-Коркуд* — см. *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда.

Бартольд, *Мечеть Биби-ханым*. — В. В. Бартольд, *Мечеть Биби-ханым*, — «Русский Туркестан», 1899, № 34 (24.III/5.IV). [Наст. изд., т. IV, стр. 116—118.]

Бартольд, *Мир-Али-Шир*. — В. В. Бартольд, *Мир-Али-Шир и политическая жизнь*, — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 199—260.]

Бартольд, *Монеты Улугбека*. — В. В. Бартольд, *Монеты Улугбека*, — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 190—192. [Наст. изд., т. IV, стр. 362—364.]

Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх*. — В. В. Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх* ملحقات الصراح, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 283—287. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Научная поездка*. — В. В. Бартольд, *Научная поездка в Западную Европу*, — «Анналы», IV, 1924, стр. 8—19.

Бартольд, *Новые данные*. — В. Бартольд, *Новые данные о самаркандских памятниках*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 83—88. [Наст. изд., т. IV, стр. 238—242.]

Бартольд, *Новый труд о половцах*. — В. В. Бартольд, *Новый труд о половцах*: W. Bang и J. Marquart. *Osttürkische Dialektstudien*. Berlin, 1914. — РИЖ, кн. 7, 1921, стр. 138—156. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*. — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 923—930. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*. — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*. (*Отчет о командировке*), — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О некоторых самаркандских дирхемах*. — В. Бартольд, *О некоторых самаркандских дирхемах*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. XXVII—XXVIII. [Наст. изд., т. IV, стр. 346—347.]

Бартольд, *О погребении Тимура*. — В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423—454.]

Бартольд, *О христианстве в Туркестане*. — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период*. (*По поводу семиреченских надписей*), — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302.]

Бартольд, *Об одном историческом вопросе*. — В. Бартольд, *Об одном историческом вопросе*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, ноябрь, стр. 53—59; то же: отд. отт., стр. 1—6. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Об охране земельных участков*. — В. В. Бартольд, *Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими*, — ИРАН, сер. VI, 1917, стр. 1229—1230. [Наст. изд., т. IV, стр. 236—237.]

Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*. — В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Орошение*. — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914. [Наст. изд., т. III, стр. 95—233.]

Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло*. — В. В. Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло*, — ИИРГО, т. XXXV, 1899, стр. 694—710. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*. — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Среднюю Азию*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 339—344. [Наст. изд., т. IV, стр. 111—115.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 1—22. [Наст. изд., т. IV, стр. 243—261.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край*. — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года*, — ИАН, сер. VI, т. X, 1916, стр. 1239—1242. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*. — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года*, — ИРКСА, № 4, 1904, стр. 21—24. [Наст. изд., т. IV, стр. 130—133.]

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV, стр. 21—91.]

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — ПКСОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—106.]

Бартольд, *Персидская надпись.* — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, СПб., 1911 (Анийская серия, № 5). [Наст. изд., т. IV, стр. 313—338.]

Бартольд, *Пизанец Исол.* — В. В. Бартольд, *Пизанец Исол*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 327—329. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Письмо в редакцию*, — В. В. Бартольд, *Письмо в редакцию*, — ТВ, 1904, № 176 (5/18.XII). [Наст. изд., т. IV, стр. 134.]

Бартольд, *По поводу.* — В. В. Бартольд, *По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.*, — «Сообщения ГАИМК», т. I, 1926, стр. 207—216. [Наст. изд., т. IV, стр. 282—290.]

Бартольд, *По поводу христианского селения.* — В. В. Бартольд, *По поводу христианского селения Вазкерд*, — ТВ, 1894, № 21 (24.III/5.IV). [Наст. изд., т. IV, стр. 110.]

Бартольд, *Поездка в Самарканд.* — В. В. Бартольд, *Поездка в Самарканд с археологическою целью* [доклад в заседании РАО 28 октября 1904 г.], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXIV—XXXV. [Наст. изд., т. IV, стр. 139—140.]

Бартольд, *Рыцарство и городская жизнь.* — В. В. Бартольд, *Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах и исламе*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. XXX—XXXII. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Самовольные раскопки и востоковедение.* — В. В. Бартольд, *Самовольные раскопки и востоковедение*, — «Музей», II, Л., 1924, стр. 33—34. [Наст. изд., т. IV, стр. 267—268.]

Бартольд, *Сведения об Аральском море.* — В. В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века*, Ташкент, 1902 (ИТОРГО, т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. II). [Наст. изд., т. III, стр. 13—94.]

Бартольд, *События перед хивинским походом.* — В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка*, — «Кауфманский сборник», стр. 1—19. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 400—413.]

Бартольд, *Султан Синджар.* — В. Бартольд, *Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева)*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 046—049 [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 414—416.]

Бартольд, *Туркестан.* — В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I, Тексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196.]

Бартольд, *Хафизи-Абру.* — В. В. Бартольд, *Хафизи-Абру и его сочинения*, — «Ал-Музаффарийя», стр. 1—28. [Наст. изд., т. VIII.]

Басенов, *Архитектурные памятники.* — Т. К. Басенов, *Архитектурные памятники в районе Сам*, Алма-Ата, 1947.

Баторский, *Монголия.* — А. А. Баторский, *Монголия. Опыт военно-статистического очерка*, ч. I—II, СПб., 1889—1891.

Беленицкий, *Историческая топография Герата.* — А. М. Беленицкий, *Историческая топография Герата XV в.*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 175—202.

Берг, *Аральское море.* — Л. Берг, *Аральское море. Опыт физико-географической монографии*, СПб., 1908 (ИТОРГО, т. V. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 9).

Берг, *Высыхает ли Средняя Азия?* — Л. Берг, *Высыхает ли Средняя Азия?*, — ИИРГО, т. XLI, вып. III, 1905, стр. 507—521.

Берг — Елпатьевский — Игнатов, *О соленых озерах.* — Л. Берг, В. Елпатьевский, П. Игнатов, *О соленых озерах Омского уезда. Предварительный отчет*, — ИИРГО, т. XXXV, 1899, стр. 179—200.

Берг — Игнатов, *О колебаниях уровня озер.* — Л. Берг, П. Игнатов, *О колебаниях уровня озер Средней Азии и Западной Сибири*, — ИИРГО, т. XXXVI, 1900, стр. 111—125.

Березин, *Очерк внутреннего устройства.* — И. Березин, *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*, — ТВОРАО, ч. VIII, 1864, стр. 387—494; то же: отд. отт.

Березин, *Ханские ярлыки.* — *Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу*, Казань, 1850 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки.* I.]); II. *Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея*, с введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные И. Березиным, Казань, 1851 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки.* II]); III. *Внутреннее устройство Золотой Орды. (По Ханским ярлыкам)*, СПб., 1850 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки.* III]).

Бернштам, *Археологический очерк.* — А. Н. Бернштам, *Археологический очерк Северной Киргизии*, Фрунзе, 1941 (МИИКК, вып. IV).

Бернштам, *Историко-археологические очерки.* — А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).

Бернштам, *К исторической топографии.* — А. Бернштам, *К исторической топографии Чуйской долины (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии)*, — ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 191—198.

Бернштам, *Памятники.* — А. Н. Бернштам, *Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк*, Алма-Ата, 1941.

Бернштам, *Памятники старины Алма-Атинской области.* — А. Н. Бернштам, *Памятники старины Алма-Атинской области (По материалам экспедиции 1939 года)*, — ИАН КазССР, № 46, Серия археологическая, вып. 1, 1948, стр. 79—91.

Бернштам, *Проблемы древней истории.* — А. Н. Бернштам, *Проблемы древней истории и этногенеза южного Казахстана*, — ИАН КазССР, № 67, Серия археологическая, вып. 2, 1949, стр. 59—99.

Бернштам, *Прошлое района Алма-Ата.* — А. Н. Бернштам, *Прошлое района Алма-Ата*, Алма-Ата, 1948.

Бжишкян, *Путешествие.* — *Ա. Բժշկեան, Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան և յայլ Կողմանս բնակեալ ի հայկազանց սերելոց ի նախնեաց Անի քաղքին, Վենետիկ, 1830.*

Бичурин, *Собрание сведений.* — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.

Бларамберг, *Статистическое обозрение Персии.* — [И. Ф. Бларамберг], *Статистическое обозрение Персии*, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году, [б. м.], [б. г.].

Бобровников, *Грамоты.* — А. А. Бобровников, *Грамоты вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана, писанные квадратным письмом, с присовокуплением общих замечаний об этом письме и догадок о значении надписи на Мангутской Пещере.* С дополнениями В. В. Григорьева, — ТВОРАО, ч. XVI, 1872, стр. 1—90.

Боде, *Очерки Туркменской земли*, I—II. — Кл. Боде, *Очерки Туркменской земли и юговосточного прибрежья Каспийского моря.* [I], — «Отечественные записки», 1856, т. CVII, кн. VII, стр. 121—194; кн. VIII, стр. 418—472; [II], — «Отечественные записки», т. CVIII, кн. IX, стр. 108—145.

Борисов, *О значении слова «наус»*. — А. Я. Борисов, *О значении слова «наус»*, — ТОВЭ, III, 1940, стр. 301—311.

Бубнова, *К истории средневековой горной промышленности*. — М. А. Бубнова, *К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (Рудничный район Шельджи)*, — СА, 1963, № 2, стр. 85—94.

Будагов. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I—II, СПб., 1869—1871.

Булгаков, *Из арабских источников о Мерве*. — П. Г. Булгаков, *Из арабских источников о Мерве*, — «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 213—224.

Бундари, изд. Хаутсма. — *Histoire des Seljoucides de l'Irâq* par al-Bondârî d'après, Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol. II).

Валиханов, *Сочинения*. — Ч. Ч. Валиханов, *Сочинения*. Под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX).

Валиханов, *О состоянии Алтышара*. — [Валиханов], *О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 году*. Извлечение из отчета штабс-капитана Валиханова, — ЗИРГО, 1861, кн. III, стр. 1—76.

Вассаф, бомбейское изд. — [=1852-53] ۱۲۶۹ بمبئی كتاب مستطاب وصاف الحضرة

Вассаф, изд. Хаммера. — *Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purtgsall, Bd I, Wien, 1856.

Вассаф, рук. — *Та'рӣх-и Ваççāф*, рук. ИНА С 384 (567 bis); рук. ГПБ ПНС 69 (V, 3, 24); рук. ун-та (ЛГУ) № 4.

Вахиди Балхи, *Та'рӣх*. — Вахиди Балхи, *Та'рӣх-и кабӣр тарджамасӣ*, рук. ГПБ Дорн 519.

Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*. — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, ч. I—III, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках*. — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765 г.)*, т. 1—2, Уфа, 1853—1855.

Венюков, *Краткий обзор*. — М. Венюков, *Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851—1860 годах*, — ЗИРГО, 1861, кн. III, стр. 161—186.

Веселовский, *Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов*. — Н. И. Веселовский, *Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов. 1830—1904*, — ЖМНП, ч. CCCLII, 1904, апрель, стр. 197—212; то же: отд. отт., стр. 2—18.

Веселовский, *Дагбид*. — Н. Веселовский, *Дагбид*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 85—95.

Веселовский, *Еще об оссуариях*. — Н. Веселовский, *Еще об оссуариях*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1908, стр. 0176—0180.

Веселовский, *Загадочный Гюлистан*. — Н. Веселовский, *Загадочный Гюлистан Золотой орды*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 53—64.

Веселовский, *Заметка о курганах*. — Н. Веселовский, *Заметка о курганах Туркестанского края*, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 221—226.

Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0181—0184]. — Н. Веселовский, [рец. на:] Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. I, Мечеть Гур-эмир, СПб., 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0181—0184.

Веселовский, *История*. — Н. И. Веселовский, *История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896*, СПб., 1900.

Веселовский, *Мечеть Биби-ханым.* — Н. Веселовский, *Мечеть Биби-ханым*, — ТВ, 1899, № 9 (31.I/12.II).

Веселовский, *Мнимые «каменные бабы».* — Н. Веселовский, *Мнимые] «каменные бабы»*, — «Вестник археологии и истории», вып. XVII, СПб., 1906, стр. 1—25.

Веселовский, *О религии татар.* — Н. И. Веселовский, *О религии татар по русским летописям*, — ЖМНП, ч. LXIV, 1916, июль, отд. IV, стр. 81—101.

Веселовский, *Орхонские открытия.* — Н. [И.] Веселовский, *Орхонские открытия*, — ЖМНП, CCXCII, 1894, апрель, стр. 52—72.

Веселовский, *Очерк историко-географических сведений.* — Н. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего*, СПб., 1877.

Веселовский, *Письмо в редакцию.* — Н. Веселовский, *Письмо в редакцию*, — ТВ, 1889, № 30 (18/30.IV).

Веселовский, *Подделки древностей.* — Н. И. Веселовский, *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 110—114.

Веселовский, *Посольство Унковского.* — *Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы.* Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2).

Веселовский, *Современное состояние вопроса.* — Н. Веселовский, *Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах»*, — ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 408—440.

Веселовский, *Экспедиция.* — Н. Веселовский, *Экспедиция в г. Туркестан для снятия планов и зарисовки в красках местной мечети*, — ИРКСА, № 6, 1906, стр. 23—26.

Вечеслов, *Археологические памятники в Афганистане.* — М. Г. Вечеслов, *Археологические памятники в Афганистане (Предварительное сообщение)*, — сб. «Афганистан», ч. I, М., 1923, стр. 131—204.

Вирский, *Древние глиняные гробы.* — М. М. Вирский, *Древние глиняные гробы (из последней раскопки в Самарканде)*, — ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 154—162.

Витевский, *Неплюев и Оренбургский край.* — В. Н. Витевский, *И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.*, вып. I—V, Казань, 1889—1897.

Владимирцов, *Анонимный грузинский историк.* — Б. Я. Владимирцов, *Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке*, — ИАН, сер. VI, № 17, 1917, стр. 1487—1501.

Воеводский — Грязнов, *У-суньские могильники.* — М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, *У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-сыней)*, ВДИ, 1938, № 3, стр. 162—179.

Воейков, *Орошение.* — А. Воейков, *Орошение Закаспийской области с точки врения географии и климатологии*, — ИИРГО, т. XLIV, вып. III, 1908, стр. 131—160.

Выставка древностей. — *Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической комиссией на воззрение государя императора*, СПб., 1895.

Вязигин, *Стена Антиоха Сотера.* — С. А. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.

Вяткин, *Афрасиаб.* — В. Вяткин, *Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк*, Ташкент, [1927].

Вяткин, *Вакуфный документ Ишратханы.* — В. Л. Вяткин, *Вакуфный документ Ишратханы*, — сб. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 109—136.

Вяткин, *Где искать Визд?* — В. В[яткин], *Где искать Визд?*, — «Русский Туркестан» 1900, № 36; то же: ПТКЛА, год V, 1900, стр. 159—164.

Вяткин, *Материалы.* — В. Л. Вяткин, *Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета*, — СКСО, вып. VII, 1902, стр. 1—83 (разд. паг.).

Вяткин, *Об археологических находках в Самарканде.* — В. В[яткин], *Об археологических находках в Самарканде*, — газ. «Самарканд», 1904, № 29 (8/21.VI).

Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе.* — В. Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году*, — ИРКСА, № 8, 1908, стр. 22—36.

Гарнати, изд. Феррана. — *Le Tuḥfat al-albāb* de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī édité d'après les. Mss. 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque Nationale et le Ms. d'Alger, par G. Ferrand, Paris, 1925 (Extrait du JA, t. CCVII, 1925, pp. 1—148, 193—304).

Гедин, *В сердце Азии.* — [Св. Гедин], *В сердце Азии. Памир. — Тибет. — Восточный Туркестан.* Путешествие Свена Гедина в 1893—1897 годах. Пер. со шведского А. и П. Ганзен, т. I—II, СПб., 1899.

Гельман, *Обводнение старого русла.* — Х. В. Гельман, *Обводнение старого русла р. Аму-Дарьи*, — ИТОРГО, т. II, вып. I, 1900, стр. 120—166.

Годичный акт, 1897. — *Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1897 год*, СПб., 1898.

Голстунский, *Словарь.* — *Монгольско-русский словарь*, составленный профессором К. Ф. Голстунским, СПб., т. I, 1895; т. II, 1894; т. III, 1893.

Голубев, *Отрывок.* — А. Голубев, *Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. — Заилийский край.* — ЗИРГО, кн. III, 1861, стр. 77—130.

Гордлевский, *Г. Н. Потанин как народнословесник.* — Вл. Гордлевский, *Г. Н. Потанин как народнословесник. (По поводу 80-летия со дня рождения)*, — «Этнографическое обозрение», М., 1916, № 3—4, стр. 68—76.

Городецкий, *Остатки древнего поселения.* — В. Д. Городецкий, *Остатки древнего поселения к югу от г. Алматы (бывш. Верный)*, — «В. В. Бартольду», стр. 145—150.

Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы.* — А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг.*, М., 1961.

Гребнев, *Тувинский героический эпос.* — Л. В. Гребнев, *Тувинский героический эпос (Опыт историко-этнографического анализа)*, М., 1960.

Григорьев, *Караханиды.* — *Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунеджим-баши*, в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, — ТВОРАО, ч. XVII, 1874, стр. 189—258.

Григорьев, *Об арабском путешественнике.* — В. В. Григорьев, *Об арабском путешественнике X-го века, Абу-Долефе, и странствовании его по Средней Азии*, — ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, сентябрь, отд. 2, стр. 1—45; то же: отд. отт., СПб., 1872.

Григорьев, *Поход Александра Великого.* — В. В. Григорьев, *Поход Александра Великого в Западный Туркестан*, — ЖМНП, ч. CCXVI, 1881, сентябрь, стр. 24—67; ч. CCXVII, октябрь, стр. 175—208.

Григорьев, *Россия и Азия.* — [В. В. Григорьев], *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии*, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.

Грум-Гржимайло, *Западная Монголия.* — Г. Е. Грум-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. I, 1914.

Гудкова, *Ток-кала.* — А. В. Гудкова, *Ток-кала*, Ташкент, 1964.

Давидович, *По поводу южно-туркменистанского клада.* — Е. А. Давидович, *По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана*, — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 144—172.

Давидович, *Ферганские Саманиды.* — Е. А. Давидович, *Ферганские Саманиды по нумизматическим данным*, — ЭВ, XI, 1956, стр. 14—26.

Давидович — Литвинский, *Археологический очерк.* — Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, *Археологический очерк Исфаринского района*, Сталинабад, 1955 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV).

Дастӯр ал-кāтиб — см. Нахчивани.

Даулетшах, изд. Брауна. — *The Tadhkiratu 'sh-Shu'arā* („*Memoirs of the Poets*") of Dawlatsháh bin 'Alá'u 'd-Dawla Bakhtísháh al-Ghází of Samarqand. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London—Leide, 1901 (PHT, vol. I).

Денике, *Архитектурный орнамент.* — Б. П. Денике, *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.—Л., 1939.

Джавахов, *К вопросу.* — И. Джавахов, *К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам*, — ХВ, т. I, вып. III, 1912, стр. 277—297.

Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке.* — И. А. Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке XIV века*, — ИАН, сер. VI, № 17, 1917, стр. 1483—1486.

Джувейни, изд. Казвини. — *The Ta'rikh-i-Jahán-gushá* of 'Alá'u 'd-Dín 'Aṭá Malik-i-Juwayní (composed in A.H. 658=A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old. MSS. by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his successors, Leyden—London, 1912; pt II, containing the history of the Khwárazmsháh dynasty, Leyden—London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú and the Ismá'ílís, Leyden—London, 1937, (GMS, XVI, 1—3).

Джувейни, рук. — Джувейни, *Та'рӣх-и джахāнгушāй*, рук. ГПБ ПНС 233 (Долгоруковская) (IV, 2, 34); рук. ГПБ Ханыков 71.

Джузджани, изд. Нассау-Лиса. — *The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau-Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.

Джузджани, пер. Раверти. — *Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A.H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām.* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṣmān. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881, (BI, NS, vol. 272—273); Index, Calcutta, 1897.

Диваев, *Мавзолей Кок-Кесене.* — А. Диваев, *Мавзолей Кок-Кесене (историко-археологическая заметка)*, — ПТКЛА, год X, 1905, стр. 40—42.

Диваев, *О значении названия «Кок-Кесене».* — А. Диваев, *О значении названия «Кок-Кесене» (историко-археологическая заметка)*, — ПТКЛА, год XIII, 1909, стр. 11—13.

Диваев, *Этнографические материалы*, I—II. — *Этнографические материалы.* Собраны и переведены А. А. Диваевым. [I], — СМССДО, т. III, 1894 (отд. 2), стр. 1—84 (разд. паг.); [II], — СМССДО, т. IV, 1895 (отд. 2), стр. 1—160 (разд. паг.).

Дигенис Акрит. — *Les explois de Basil Digénis Acritas, épopée byzantine du dixième siècle* publiée pour la première fois d'après le manuscrit unique de Trébizonde par C. Sathas et E. Legrand, Paris, 1875.

Добросмыслов, *К истории сношений.* — А. Добросмыслов, *К истории наших сношений с Хивой*, — ПТКЛА, год XIV, 1910, стр. 69—90.

Дудин, *Отчет о поездке.* — С. Дудин, *Отчет о поездке в Самарканд летом 1908 года*, — ИРКСА, № 10, 1910, стр. 54—60.

Дудин, *Отчет о работах.* — С. Дудин, *Отчет о работах в мавзолеях Шах-Зинде в Самарканде*, — ИРКСА, № 6, 1906, стр. 26—34.

Дьяков, *Воспоминания.* — *Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчин-*

ском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае. [Перевод А. Дьякова], — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 233—282.

Дьяконов, *Древняя Бактрия.* — М. М. Дьяконов, *Древняя Бактрия*, — в кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 305—334.

Дьяконов, *Очерк.* — М. М. Дьяконов, *Очерк истории древнего Ирана*, М., 1961.

Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда.* — М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, — «Труды СТАЭ», т. I, 1950 (МИА, № 15), стр. 147—186.

Дьяконов, *Сложение классового общества.* — М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — СА, XIX, 1954, стр. 121—140.

Евтюхова, *Каменные изваяния.* — Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, М., 1952 (МИА, № 24), стр. 72—120.

Ершов, *Некоторые итоги.* — С. А. Ершов, *Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али*, — ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, 1959, стр. 160—204.

Жизнеописание Сюань Цзана, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Hoeï-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien, Paris, 1853.

Жуковский, *Беседы с дервишами.* — В. А. Жуковский, *Беседы с дервишами современной Персии*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. XXIII—XXIV.

Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан.* — В. [А.] Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан (И'тимад-ал-сальтанэ)*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 187—191.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Зайл джами' ат-таварих. — *Зайл джами' ат-таварих*, — в рук.: Рашид ад-дин *Джами' ат-таварих*, рук. ИНА D 66 (а 566), лл. 424а—509а [вост. паг. 442а—529б].

Залеман, *Легенда про Хаким-Ата.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Зеланд, *Кашгария.* — Н. Зеланд, *Кашгария и перевалы Тянь-шаня. Путевые записки*, Омск, 1888 («Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО», кн. IX) [на обл. 1887].

Зимин, *Новые сведения.* — Л. Зимин, *Новые сведения о Рашид эд-дине*, — «Средняя Азия», Ташкент, 1910, ноябрь, стр. 70—80; декабрь, стр. 24—37.

Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре.* — Л. Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью*, — ПТКЛА, год XX, вып. 2, 1916, стр. 119—156.

Золотницкий, *Чувашско-русский словарь.* — Н. И. Золотницкий, *Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов, тюркского, финского и других племен*, Казань, 1875.

Ибн Арабшах, изд. Мангера. — Ahmedis Arabsidae *Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia.* Latine vertit, et adnotationes adjecit S. H. Manger, t. I—II, Leovardiae, 1767—1772.

Ибн Арабшах, каирск. изд. — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور تاليف شهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه ' القاهرة ' ١٢٨٥ [=1868-69].

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга. — Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscri-*

bitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Джубейр. — *The Travels of Ibn Jubayr* edited from a Ms. in the University Library of Leyden by W. Wrigt. 2-d ed. revised by M. J. de Goeje, Leyden—London, 1907 (GMS, V).

Ибн Мискавейх, изд. Каэтани. — *The Tajârib al-Umam or History* of Ibn Miskawayh (Abu 'Ali Aḥmad b. Muḥammad) ob. A. H. 421. Reproduced in facsimile from the Ms. at Constantinople in the Âyâ Ṣûfiyya library. With a preface and summary by L. Caetani Principe di Teano, vol. I, *to A. H. 37* (=*Tabari I.3300*); vol. V (with a summary and index), *A. H. 284 to 326*; vol. VI, *A. H. 326—369*, Leyden—London, 1909—1917 (GMS, VII, 1, 5, 6).

Ибн Мухаммед-Эмин, изд. Манна. — *Das Muǰmil et-Târîkh-i ba'dnâdirîje* des Ibn Muḥammed Emin Abu'l-Ḥasan aus Gulistâne, [Fasc. I: *Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750*; fasc. II: *Geschichte des Ahmed Ŝâh Durrânî*], nach der Berliner Handschrift hrsg. und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von O. Mann, Leiden, 1891—1896.

Ибн Русте. — *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте — стр. 1—229].

Ибн Тайфур, изд. Келлера. — *Sechster Band des Kitâb Baġdâd* von Aḥmad ibn abî Ṭâhir Ṭaifûr. Hrsg. und übers. von H. Keller, T. I: Arabischer Text; T. II: Deutsche Übersetzung, Leipzig, 1908.

Ибн ал-Факих. — *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

Иванов, *Материалы*. — П. П. Иванов, *Материалы по археологии котловины Иссык-Куля*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 65—107.

Иванов, *Сайрам*. — П. П. Иванов, *Сайрам. Историко-археологический очерк*, — «Ал-Искендерийя», стр. 46—56.

Идриси, пер. Жобера. — *Géographie* d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Иконы Синайской и Афонской коллекций. — Иконы Синайской и Афонской коллекций преосв. Порфирия, СПб., 1902.

Иностранцев, *К изучению оссуариев*. — К. Иностранцев, *К изучению оссуариев*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 064—067.

Иностранцев, *К толкованию*. — К. А. Иностранцев, *К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье*, — «Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при АН СССР», т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 553—556.

Иностранцев, *О древнеиранских погребальных обычаях*. — К. Иностранцев, *О древнеиранских погребальных обычаях и постройках*, — ЖМНП, н. с., ч. XX, 1909, март, стр. 95—121.

Иностранцев, *Туркестанские оссуарии*. — К. Иностранцев, *Туркестанские оссуарии и астоданы*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0166—0171.

Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

История монголов по армянским источникам. — История монголов по армянским источникам. Вып. 1, заключающий в себе *извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конетабля Сембата.* Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1873; вып. 2, заключающий в себе *извлечения из истории Киракоса Гандзакеци.* Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1874.

Каллаур, *Археологическая поездка.* — В. [А.] Каллаур, *Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду,* — ПТКЛА, год II, 1897 [прилож. к проток. засед. ТКЛА от 29 августа 1897 г.], стр. 1—7.

Каллаур, *Каменные бабы.* — В . [А.] Каллаур, *Каменные бабы в Аулияатинском уезде,* — ПТКЛА, год III, 1898, стр. 9—14.

Каллаур, *Мавзолей Кок-Кесене.* — В. А. Каллаур, *Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде,* — ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 98—101.

Каллаур, *О следах древнего города «Дженд».* — В Каллаур, *О следах древнего города «Дженд» в низовьях р. Сыр-Дарьи.* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 78—98.

Каллаур, *По поводу сообщений А. А. Диваева.* — В. Каллаур, *По поводу сообщений А. А. Диваева о древних сооружениях «Тек-Турмас» и «Кок-Кесене»,* — ПТКЛА, год XII, 1908, стр. 32—34.

Калмыков, *Аму-дарьинский клад.* — А. Д. Калмыков, *Аму-дарьинский клад и греко-бактрийское искусство,* — ПТКЛА, год XIII, 1909, стр. 29—45.

Кандийа — см. Несефи.

Капанадзе, *Грузинская нумизматика.* — Д. Г. Капанадзе, *Грузинская нумизматика,* М., 1955.

Карамзин, *История* — Н. М. Карамзин, *История государства Российского.* Печатано под наблюдением проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.

Картлис цховреба. — ქართლის ცხოვრება. მარიამ დედოფლის ვარიანტი, გამოცემული ე. თაყაიშვილის რედაქტორობით, თბილისი, 1906.

Кастальский, *Бия-Найманские оссуарии.* — Б. Н. Кастальский, *Бия-Найманские оссуарии,* — ПТКЛА, год XIII, 1909, стр. 1—36 (приложение).

Кастальский, *Историко-географический обзор,* I—III. — Б. Н. Кастальский, *Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин,* [I]. — «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, № 2, стр. 64—88; [II], — «Вестник ирригации», 1930, № 3, стр. 3—19; [III], — «Вестник ирригации», 1930, № 4, стр. 3—21.

Кауфман, *Русский вес.* — И. И. Кауфман, *Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени,* — ЗНОРАО, т. I, вып. I, 1906, стр. 92—183.

Китāб-и Деде Коркут, изд. Бартольда, I. — В. Бартольд, *Китаби-Коркуд.* I, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 203—218.

Китāб-и Муллā-зāде — см. Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде,* рук.

Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).

Кожемяко, *Раннесредневековые города.* — П. Н. Кожемяко, *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, Фрунзе,* 1959.

Козенкова, *К вопросу о хумах с захоронениями.* — В. И. Козенкова, *К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии,* — СА, 1961, № 3, стр. 251—260.

Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике.* — П. К. Коковцов, *К сиро-турец-*

кой эпиграфике Семиречья, — ИАН, сер. VI, № 11, 1909, стр. 773—796.

Коковцов, *Об еврейских оссуариях*. — П. К. Коковцов, [Сообщение об еврейских оссуариях на заседании ВОРАО 24.II.1900 г.], — ЗВОРАО, т. XIII, 1900, стр. XXI—XXIII.

Колпаковский, *О древних постройках*. — Г. А. Колпаковский, *О древних постройках, найденнных в озере Иссык-Куле*, — ИИРГО, т. VI, № 3, 1870, стр. 101—105.

Кондаков, *Памятники христианского искусства*. — Н. П. Кондаков, *Памятники христианского искусства на Афоне*, СПб., 1902.

Коран, пер. Крачковского. — *Коран*, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963.

Костенко, *Туркестанский край*. — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

Крачковская, *В. В. Бартольд*. — В. А. Крачковская, *В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист*, — ЭВ, VIII, 1953, стр. 10—23.

Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Кудама: текст — стр. 184—266; перевод — стр. 144—208].

Кутадгу билик, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, T. I. Der Text in Transscription, St.-Pbg., 1891; T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, St.-Pbg., 1900—1910.

Кызласов, *Ак-Бешим*. — Л. Р. Кызласов, *Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.*, — «Труды КАЭЭ», т. II, 1959, стр. 155—242.

Кызласов, *Тува*. — Л. Р. Кызласов, *Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.)*, — «Вестник МГУ», сер. IX, Исторические науки, № 1, 1960, стр. 51—75.

Левина, *Позднее городище Анау*. — В. А. Левина, *Позднее городище Анау*, — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 344—378.

Лерх, *Археологическая поездка*. — П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870.

Лерх, *Монеты бухар-худатов*. — П. И. Лерх, *Монеты бухар-худатов*, — ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909, стр. 1—161.

Литвинский, *Отчет о работе V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.* — Б. А. Литвинский, *Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. (Рекогносцировка района Безмеин — Кизыл-Арват)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 253—314.

Литвинский, *Северная надпись*. — Б. А. Литвинский, *Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики)*, — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 114—119.

Лихачев, *Материалы*. — Н. П. Лихачев, *Материалы для истории русского иконописания*, СПб., 1906.

Лунин, *Из истории русского востоковедения*. — Б. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)*, Ташкент, 1958.

Лунин, *Неопубликованный текст*. — Б. В. Лунин, *Неопубликованный текст лекции академика В. В. Бартольда по нумизматике Средней Азии*, — «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 7, стр. 44—47.

Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, I—II. — Н. Лыкошин, *Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии*, [I], — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, июль, стр. 1—33; [II], — «Средне-Азиатский вестник», 1896, сентябрь, стр. 1—26; то же: ПТКЛА, год I, 1896 [прилож. к проток. засед. 28 октября 1896 г., стр. 1—51].

Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*. — С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.

Мавзолей Ишратхана. — *Мавзолей Ишратхана*. Монографический сборник под редакцией проф. М. Е. Массона, Ташкент, 1958.

Макдиси. — *Descriptio imperii moslemici* auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).

Маллицкий, *Несколько страниц*. — Н. Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие*, — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 158—177.

Мандельштам, *О некоторых результатах работ*. — А. М. Мандельштам, *О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане*, — СА, т. XXI, 1954, стр. 415—429.

Марко Поло, изд. Потье. — *Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impérial de Khoubilaï-Khaân*; rédigé en français sous la dictée en 1298 par Rusticien de Pise; publié pour la première fois d'après trois manuscrits inédits de la Bibliothèque impériale de Paris, présentant la rédaction primitive du Livre. . . accompagnée des variantes, de l'explication des mots hors d'usage, et de Commentaires géographiques et historiques, tirés des écrivains orientaux, principalement chinois, avec une carte générale de l'Asie, par M. G. Pauthier, pt. I—II, Paris, 1865.

Марко Поло, изд. Юла. — *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels of the East*. Newly transl. and ed., with notes, maps and other illustrations, by H. Jule, 2d ed., revised, vol. I—II, London, 1875.

Марко Поло, изд. Юла — Кордье, — *The Book of Ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East* transl. and ed., with notes, by Sir H. Yule. . . 3 d ed., revised throughout in the light of recent discoveries by H. Cordier (of Paris). With a memoir of Henry Yule by his daughter A. F. Yule, vol. I—II London, 1903.

Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старо-французского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).

Марков, ЗВОРАО, т. XI [стр. 405—407]. — А. М[арков], [рец. на:] P. Casanova. Inventaire Sommaire de la collection des monnaies musulmanes de S. A. La Princesse Ismail, Paris, 1896, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 405—407.

Марков, *Инвентарный каталог*. — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896.

Марков, *Каталог джелаиридских монет*. — А. Марков, *Каталог джелаиридских монет*, СПб., 1897.

А. В. Марков, *Обзор трудов Миллера*. — А. В. Марков, *Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности*, — ИАН, ОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 1, стр. 71—108.

Марр, *Ани*. — Н. Я. Марр, *Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища*, М.—Л., 1934 («Изв. ГАИМК», вып. 105).

Марр, *Ани, столица древней Армении*. — Н. Я. Марр, *Ани, столица древней Армении (историко-археологический набросок)*, — сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», изд. 2, М., 1898, стр. 197—222.

Марр, *Арḱаун.* — Н. Я. Марр, *Арḱаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах*, — ВВ, т. XII, 1906, стр. 1—68 [реферат этой работы — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXVI—XXXIX].

Марр, *Болгарский ли царь Асень?* — Н. М[арр], *Болгарский ли царь Асень?*, — ХВ, т. II, вып. I, 1913, стр. 151.

Марр, *Василий Владимирович Бартольд.* — Н. Я. Марр, *Василий Владимирович Бартольд* [Вступительное слово к заседанию Академии наук СССР 13 декабря 1930, посвященному памяти В. В. Бартольда], — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 2—12.

Марр, *Возникновение и расцвет.* — Н. Марр, *Возникновение и расцвет древне-грузинской светской литературы*, — ЖМНП, ч. CCCXXVI, 1899, декабрь, стр. 223—252.

Марр, *Восьмая анийская кампания.* — Н. Я. Марр, *Восьмая анийская археологическая кампания (летом 1909 г.)*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. II—III.

Марр, *Двенадцатая археологическая кампания.* — Н. Я. Марр, *XII-ая археологическая кампания в Ани*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. XVII—XIX.

Марр, *Девятая анийская кампания.* — Н. Я. Марр, *IX-я анийская археологическая кампания* [реферат доклада], — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. XXII—XXV.

Марр, *Десятая археологическая кампания.* — Н. Я. Марр, *X археологическая кампания в Ани*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. XLVI—XLVIII.

Марр, *Ереруйская базилика.* — Н. Я. Марр, *Ереруйская базилика, армянский храм V—VI в. (Из летней поездки 1907 г. в Ани)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. XII—XIV.

Марр, *Из летней поездки.* — Н. Марр, *Из летней поездки в Армению*, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 211—241.

Марр, *Иоанн Петрицкий.* — Н. Марр, *Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII века*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 53—113.

Марр, *История Ани.* — Н. Я. Марр, *История Ани и раскопки на месте городища*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. XXV—XXVIII.

Марр, *К вопросу о задачах арменоведения.* — Н. Я. Марр, *К вопросу о задачах арменоведения*, — ЖМНП, ч. CCLXIV, 1899, июль, стр. 241—250.

Марр, *К датировке ктиторской надписи.* — Н. Я. Марр, *К датировке ктиторской надписи Текорского храма*, — ХВ, т. III, вып. I, 1914, стр. 56—71.

Марр, *Кавказ.* — Н. Я. Марр, *Кавказ и памятники духовной культуры*, — ИАН, сер. VI, № 1, 1912, стр. 69—82.

Марр, *Кавказский культурный мир и Армения.* — Н. Я. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, — ЖМНП, н. с., ч. LVII, 1915, июнь, стр. 280—330.

Марр, *Камень с армянской надписью.* — Н. Я. Марр, *Камень с армянской надписью из Ани в Азиатском Музее*, — ИАН, сер. VI, № 14, 1910, стр. 1149—1151.

Марр, *Краткий каталог.* — Н. Марр, *Краткий каталог Анийского музея*, СПб., 1906 («Анийская серия», № 1).

Марр, *Материалы.* — Н. Я. Марр, *Материалы к истории армянского искусства в Шираке. Камсараканский период. Ереруйская базилика*, — ИАН, сер. VI, № 16, 1909, стр. 1091.

Марр, *Надгробный камень.* — Н. Марр, *Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г.*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 344—349.

Марр, *Надпись Епифания, католикоса Грузии.* — Н. Я. Марр, *Надпись Епифания, католикоса Грузии. (Из раскопок в Ани 1910 г.)*, — ИАН, сер. VI, № 17, 1910, стр. 1433—1442.

Марр, *Новые археологические данные.* — Н. Марр, *Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 064—068.

Марр, *Новые материалы.* — Н. Марр, *Новые материалы по армянской эпиграфике.*

Ани. — Аламн. — Мрен. — Багаран. — Ерованд акерт. — В. Талын, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 69—103.

Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 г.* — Н. Марр, *О раскопках и работах в Ани летом 1906 года. (Предварительный отчет)*, СПб., 1907 («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. X).

Марр, *Об армянской иллюстрированной рукописи.* — Н. Я. Марр, *Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды*, — ИАН, сер. VI, № 18, 1911, стр. 1297—1301.

Марр, *Об учреждении.* — Н. Я. Марр, *Об учреждении Анийского Археологического Института*, — ИАН, сер. VI, № 6, 1910, стр. 438—444.

Марр, *Одиннадцатая Анийская археологическая кампания.* — Н. Марр, *XI-я Анийская археологическая кампания.* Приложение к труду «Книжная история Ани и раскопки на месте городища», СПб., 1913.

Марр, *Одиннадцатая археологическая кампания.* — Н. Я. Марр, *XI археологическая кампания в Ани*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. LXIX—LXXI.

Марр, *Памятники армянского искусства. — Памятники армянского искусства*, вып. I. *Ани. — Дворцовая церковь.* Под ред. акад. Н. Я. Марра, по обмерам и чертежам архитектора-художника Н. Г. Буниатова, Пг., 1915.

Марр, *По поводу работы архитектора Тораманяна.* — Н. Марр, *По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма»*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 052—063.

Марр, *Раскопки в Ани.* — Н. Я. Марр, *Раскопки в Ани в последнюю археологическую кампанию*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XXXVI—XXXVIII.

Марр, *Раскопки в Ани в 1904 году.* — Н. Марр, *Раскопки в Ани в 1904 году*, — ИАК, вып. 18, 1906, стр. 73—94.

Марр, *Реестр предметов древности.* — Н. Марр, *Реестр предметов древности из VI-й (1907 г.) археологической кампании в Ани*, СПб., 1908 (Анийская серия, № 2).

Марр — Смирнов, *Вишапы.* — Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, *Вишапы*, — «Труды ГАИМК», т. I, 1931.

Марущенко, *Существенные поправки.* — А. Марущенко, *Существенные поправки (Материалы к исторической географии Туркменистана)*, — «Туркменоведение» 1930, № 12, стр. 13—16.

В. Массон, *Маргиана.* — В. М. Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, М.—Л., 1959 (МИА, № 73).

В. Массон, *Древнейший Афганистан.* — В. М. Массон, *Древнейший Афганистан (Некоторые вопросы первобытной археологии)*, — СА, 1962, № 2, стр. 253—260.

В. Массон, *Историческое место.* — В. М. Массон, *Историческое место среднеазиатской цивилизации*, — СА, 1964, № 1, стр. 12—25.

М. Массон, *Архитектурно-планировочный облик Самарканда.* — М. Е. Массон, *Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои (Краткий историко-топографический очерк)*, — «Труды САГУ», н. с., вып. LXXXI, Исторические науки, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 57—84.

М. Массон, *Ахангеран.* — М. Е. Массон, *Ахангеран. Археолого-топографический очерк*, Ташкент, 1953.

М. Массон, *Городища Нисы.* — М. Е. Массон, *Городища Нисы в селении Багир и их изучение*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 16—105.

М. Массон, *Городища Старого Термеза.* — М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение*, — «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Ташкент, 1940 («Труды УзФАН», сер. I, вып. 2), стр. 5—122.

М. Массон, *Исторический этюд.* — М. Е. Массон, *Исторический этюд по нумизматике джагатаидов (По поводу Таласского клада монет XIV в.)*, —

«Труды САГУ», н. с., вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 41—108.

М. Массон, *К изучению прошлого Старого Мерва.* — М. Е. Массон, *К изучению прошлого Старого Мерва (От редактора)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 7—19.

М. Массон, *К исторической топографии Герата.* — М. Е. Массон, *К исторической топографии Герата XV века*, — «Великий узбекский поэт». Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 120—145.

М. Массон, *К периодизации.* — М. Е. Массон, *К периодизации древней истории Самарканда*, — ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.

М. Массон, *Краткая справка о минаретах.* — М. Е. Массон, *Краткая историческая справка о средне-азиатских минаретах (по поводу выпрямления минарета медресе Улугбека в Самарканде)*, — «Материалы Узкомстариса», вып. 2—3, Ташкент, 1931, стр. 1—10.

М. Массон, *Краткая хроника.* — М. Е. Массон, *Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.*, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 197—249.

М. Массон, *Краткий очерк.* — М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (часть 1-ая; до первой послевоенной пятилетки)*, — «Труды САГУ», н. с., вып. LXXXI, Исторические науки, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент, 1965, стр. 5—40.

М. Массон, *Надписи на штуке.* — М. Е. Массон, *Надписи на штуке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тармизи*, — «Труды ТашГУ», н. с., вып. 172, Исторические науки, кн. 37, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 44—80.

М. Массон, *Народы и области.* — М. Е. Массон, *Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства*, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 7—70.

М. Массон, *Новое в истории Мерва.* — М. Е. Массон, *Новое в истории Мерва по данным работ ЮТАКЭ 1946—1950 гг.*, — «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленума Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.», М., 1951, стр. 84—87.

М. Массон, *Новые данные.* — М. Е. Массон, *Новые данные по древней истории Мерва (Из работ ЮТАКЭ)*, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—101.

М. Массон, *О былых охотничьих парках.* — М. Е. Массон, *О былых охотничьих парках в Средней Азии*, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII), стр. 145—150.

М. Массон, *О колебании климата.* — М. Е. Массон, *О колебании климата Средней Азии в связи с вопросом об изменении режима вод за исторический период*, — «Труды Узбекистанского географического общества», т. II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 3—23.

М. Массон, *Самарканд времени Улугбека.* — М. Е. Массон, *Самарканд времени Улугбека*, — «Звезда Востока», Ташкент, 1948, № 5, стр. 89—101.

М. Массон, *Самаркандский Регистан.* — М. Е. Массон, *Самаркандский Регистан*, — «Труды САГУ», н. с., вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 75—90.

М. Массон, *Силуэты Сумбарского района.* — М. Массон, *Силуэты Сумбарского района (Историко-археологический очерк)*, — «Туркменоведение», 1931, № 3—4, стр. 53—56.

М. Массон, *Старый Сайрам.* — М. Е. Массон, *Старый Сайрам*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 23—42.

М. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника.* — М. Е. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника Тāмӯра,* — ЭВ, II, 1948, стр. 63—75.

М. Массон — Пугаченкова, *Гумбез Манаса.* — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, *Гумбез Манаса,* М., 1950.

Материалы. — *Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг.,* ч. I, Пг., 1917.

Материалы к библиографии. — *Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины,* — ТИИ АН КиргССР, вып. III, Фрунзе, 1957, стр. 117—126.

Маṭла' аш-Шамс. — تاريخ مطلع الشمس ناصرى صنيع الدوله محمد حسن خان وزير انطباعات ودارالترجمه خاصهٔ همايونى، طهران، ۱۳۰۱—۱۳۰۳ [=1884—1886].

Махди-хан, *Та'рӣх-и Нāдирӣ.* — تاريخ نادرى تاليف محمد مهدى خان استرابادى، تبريز، ۱۲۶۵ [=1849].

Махмуд Кашгарский. — كتاب ديوان لغات الترک مؤلفى: محمود بن الحسين بن محمد الكاشغرى تاريخ تاليفى ۴۶۶ سنهٔ هجريه، [مصحح كليسلى معلم رفعت] جلد ۱—۳، استانبول ۱۳۳۳—۱۳۳۵ [=1915—1917].

Мелиоранский, *Араб филолог.* — *Араб филолог о монгольском языке.* Арабский текст издал и снабдил переводом, глоссариями, комментарием П. М. Мелиоранский, СПб., 1903 (отд. отт. из ЗВОРАО, т. XV, стр. 75—172).

Мелиоранский, *Вторая статья о турецких элементах.* — П. Мелиоранский, *Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (Ответ Ф. Б. Коршу),* — ИАН, ОРЯС, т. X, кн. 2, 1905, стр. 66—92; то же: отд. отт., стр. 1—27.

Мелиоранский, *Заимствованные восточные слова.* — П. М. Мелиоранский, *Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени,* — ИАН, ОРЯС, т. X, кн. 4, 1905, стр. 109—134.

Мелиоранский, *О Кудатку Билике.* — П. Мелиоранский, *О Кудатку Билике Чингиз хана,* — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 015—023.

Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина.* — П. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина,* — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 1—144.

Мелиоранский, *Сказание об Едигее* — см. *Сказание об Едигее,* изд. Мелиоранского.

Мелиоранский, *Турецкие элементы.* — П. М. Мелиоранский, *Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»,* — ИАН, ОРЯС, т. VII, кн. 2, 1901, стр. 273—302; то же: отд. отт., стр. 1—30.

Миклухо-Маклай, *О первом томе.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *О первом томе труда Мухаммеда Казима,* — СВ, т. V, 1948, стр. 129—136.

Миклухо-Маклай, *Рукопись.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «'Āламāрā-и-Нāдирӣ»,* — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 176—199.

Миллер, *Всемирная сказка.* — В. Ф. Миллер, *Всемирная сказка в культурно-историческом освещении,* — «Русская мысль», 1893, ноябрь, стр. 207—229.

Минаев, *Сведения.* — И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи,* СПб., 1879.

Минцлов, *Памятники древностей.* — С. Р. Минцлов, *Памятники древностей в Урянхайском крае,* — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 291—312.

Миронов, *О статье.* — Н. Д. Миронов, *О статье Sieg'a и Siegling'a «Tocharisch, die Sprache der Indoskythen»,* — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XXII—XXIII.

Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери. — *Histoire des Samanides* par Mirkhond. Texte persan, traduit et accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par M. Defrémery, Paris, 1845.

Мосхейм. — Lavrentii Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiatica.* Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineato, Helmstadt, 1741.

Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, рук. — Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, рук. ун-та (ЛГУ) 593 c; рук. ун-та (ЛГУ) 947 b. [См. также Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 166—172].

Мунчаев — Смирнов, *Археологические памятники.* — Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, *Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР)*, М.—Л., 1958 (МИА, № 68,) стр. 147—175.

Муравьев, *Грузия и Армения.* — А. Н. Муравьев, *Грузия и Армения*, ч. I—III, СПб., 1848.

Мустафин, *Каменные бабы.* — В. А. Мустафин, *Каменные бабы*, — ПТКЛА, год III, 1898, стр. 17—42.

Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туḥфат ал-ḥāнī.* — Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туḥфат ал-ḥāнī*, рук. ИНА C 523 (c 581b).

Мухаммед-Казим, *Поход Надир-шаха.* — Муḥаммад-Кāẓим, *Поход Надир-шаха в Индию. (Извлечение из Та'рūḥ-и 'аламāрā-йи нāдирī).* Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961 (ПЛНВ, Переводы, I).

Мухаммед-Казим, рук. — Мухаммед-Казим, *[Та'рūḥ-и] 'аламāрā-йи нāдирī*, т. I—III, рук. ИНА D 430.

Мухаммед-Казим, факс. — Муḥаммад-Кāẓим, *Нāме-йи 'аламāрā-йи Нāдирī (Мироукрашающая Надирова книга).* Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, XIII).

Мухаммед Низами. — Мухаммед Низами, *Тадж ал-ма'āṣир*, рук. ун-та (ЛГУ) № 578.

Мухаммед-Хайдер. — *The Tarikh-i-Rashidi* of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version ed., with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by Denison Ross, London, 1895.

Мухаммед-Хайдер, рук. — Мухаммед-Хайдер Дуглат, *Та'рūḥ-и Рашīдī*, рук. ИНА B 648 (aa 568 a); рук. ИНА C 394 (ac 568 a); рук. ИНА C 395 (ab 568 a); рук. ИНА D 71 (a 568 a).

Мэнгу юму цзи. — Мэн-гу-ю-му-цзи, Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова, СПб., 1895.

Нахчивани. — Муḥаммад ибн Хиндūшāх Наḫчивāнī, *Дастūр ал-кāтиб фī та'йīн ал-марāтиб (руководство для писца при определении степеней).* Критический текст, предисловие и указатели А. А. Али-заде, т. I, ч. 1, М., 1962 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, IX).

Нахчивани, рук. — Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани, *Дастūр ал-кāтиб фī та'йīн ал-марāтиб*, рук. Лейденской б-ки № 574.

Негматов, *О работах.* — Н. Н. Негматов, *О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г.*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XLII, 1964, стр. 34—44.

Нершахи, изд. Шефера. — *Description topographique et historique de Boukhara par* Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII).

Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина. — *Кандия Малая*, [пер. В. Вяткина], — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 235—290.

Низам ал-мульк, изд. Шефера. — *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement.* Composé pour le sultan Melik-Châh par le vizir Nizam oul-Moulk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891; *Supplement*, Paris. 1897, *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VII, partie 1—2; vol. VIII).

Низами, *Искандер-нāме*, изд. Шармуа. — *Expédition d'Alexandre le Grand contre les russes:* Extrait de l'Alexandréi ou Iscender-Namé. Traduction entièrement refondue et précédée de celle des biographies de Nizamy par E. B. Charmoy, т. I, St.-Pbg., [1829].

Низами Арузи, *Чахāр маḳāла*, изд. Казвини. — *Chahár Maqála* („*The Four Discourses*") of Aḥmad ibn 'Umar ibn 'Alí an-Niẓámí al-'Arúḍí as-Samarqandí, ed., with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín, Leyden — London, 1910 (GMS, XI, 1).

Низами Арузи, *Чахāр маḳāла*, пер. Брауна. — *Revised translation of the Chahár Maqála („Four Discourses")* of Niẓámi-i-'Arūḍí of Samarqand, followed by an abridged translation of Mírzá Muḥammad's notes to the Persian text by E. G. Browne, London, 1921 (GMS, XI, 2).

Обельченко, *Городища Старого Мерва*. — О. В. Обельченко, *Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г.*, — «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 309—349.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. XII [стр. 027—028]. — С. О [льденбург], [рец. на:] ПТКЛА, год III, 1898, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 027—028.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 062—065]. — С. О[льденбург], [рец. на:] A. Foucher. Sur la frontière Indo-Afghane, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 062—065.

Ольденбург, *Отрывки*. — С. Ольденбург, *Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н. В. Петровского*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 47—67.

Омари, извлеч. в пер. Катрмера. — [E.] Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi memalek alamsar* مسالك الابصار فى ممالك الامصار *Voyages des yeux dans les royaumes des différents contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, № 583)*, — Notices et extraits, t. XIII, partie 1, 1838, pp. 151—384.

Описание Кореи. — *Описание Кореи*. Составлено в канцелярии Министра финансов, ч. 1—3, СПб., 1900.

Орбели, *Армянское искусство*. — И. А. Орбели, *Армянское искусство*, — «Новый энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]», т. III, стлб. 664—674.

Орбели, *Багаванская надпись*. — И. Орбели, *Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в.*, — ХВ, т. II, вып. I, 1913, стр. 105—142.

Орбели, *Каталог Анийского музея*. — И. А. Орбели, *Каталог Анийского музея древностей*, вып. I. *Описание предметов первого отделения*, СПб., 1910 («Анийская серия», № 3).

Орбели, *Колокол*. — И. Орбели, *Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII века*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 023—039.

Орбели, *Краткий путеводитель*. — И. А. Орбели, *Краткий путеводитель по городищу Ани*, СПб., 1910 («Анийская серия», № 4).

Орбели, *Мусульманские изразцы*. — И. А. Орбели, *Мусульманские изразцы*, Пб., 1923.

Орбели, *Развалины Ани*. — И. А. Орбели, *Развалины Ани*, СПб., 1911; то же: отд. отт. из «Невы», № 3, 1911, стр. 1—55.

Орбели, *Шесть армянских надписей*. — И. А. Орбели, *Шесть армянских надписей VII—X вв.*, — ХВ, т. III, вып. I, 1914, стр. 72—91.

Османов, *Ногайские и кумыкские тексты*. — Османов, *Ногайские и кумыкские тексты*, СПб., 1883.

Остроумов, *Новые данные*. — Н. П. Остроумов, *Новые данные о глиняных погребальных урнах*, — ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 32—44.

Открытие древних развалин. — *Открытие древних развалин близ Ходжента*, — ИИРГО, т. III, 1868, стр. 200.

Открытие Туркестанского кружка. — *Открытие Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г.*, Ташкент, 1896.

Пайсель, *Материалы*. — В. Пайсель, *Материалы для антропологии таранчей*, СПб., 1897.

Палладий, *Старинные следы христианства.* — Палладий, архимандрит, *Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам,* — «Восточный сборник», [изд. Мин-ва иностр. дел.], т. I, СПб., 1877, стр. 1—64.

Пантусов, *Кладбище на р. Кунгей-Аксу.* — Н. [Н.] Пантусов, *Кладбище на р. Кунгей-Аксу (Пржевальского уезда, Семиреченской области), близ сел. Сазановки,* — ПТКЛА, год XI, 1907, стр. 5—26.

Пахомов, *Монеты Грузии.* — Е. А. Пахомов, *Монеты Грузии,* — ЗНОРАО, т. I, вып. IV, 1910, стр. 1—129.

Пекарский, Из *преданий.* — *Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими.* Перевел Э. К. Пекарский, — «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина», СПб., 1909 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV), стр. 145—156.

Петров, *Альбом достопримечательностей.* — Н. И. Петров, *Альбом достопримечательностей Церковно-Археологического музея Киевской Духовной Академии,* вып. I, *Коллекция синайских и афонских икон преосвященного Порфирия Успенского,* Киев, 1912.

Петровский, *Башня «Бурана».* — Н. [Ф.] Петровский, *Башня «Бурана» близ Токмака,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354. [Перепечатано из ТВ, № 25 за 1894 г., прим. к стр. 351— В. Розена.]

Петровский, *Еще заметка.* — Н. Петровский, *Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период»,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 354—358.

Петровский, *К статье «О христианстве в Туркестане»,* — Н. Петровский, *К статье «О христианстве в Туркестане»,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 150—151.

Петровский, *Ответ консула.* — [Н. Ф. Петровский], *Ответ консула в Кашгаре, Н. Ф. Петровского, на заявление С. Ф. Ольденбурга,* — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 293—298.

Петрушевский, *Земледелие.* — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков,* М.—Л., 1960.

Пиотровский, *Вишапы.* — Б. Б. Пиотровский, *Вишапы. Каменные статуи в горах Армении,* Л., 1939.

Плано Карпини, изд. Языкова. — *Собрание путешествий к татарам и другим восточным [sic!] народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано Карпини.* II. *Асцелин,* [изд. текста и пер. Д. Языкова], СПб., 1825.

Плано Карпини, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны.* Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Плано Карпини — стр. 1—62].

Плетнева, *Печенеги, торки и половцы.* — С. А. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях,* — «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, М.—Л., 1958 (МИА, № 62), стр. 151—226.

Позднеев, *Монголия и монголы.* — [А. Позднеев], *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг.* А. Позднеевым. Т. I. *Дневник и маршрут 1892 года,* СПб., 1896; т. II. *Дневник и маршрут 1893 года,* СПб., 1898.

Помяловский, *Сборник.* — И. Помяловский, *Сборник греческих и латинских надписей Кавказа,* СПб., 1881.

Пославский, *Из поездки.* — И. Пославский, *Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген (путевой очерк),* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 184—192.

Пославский, *К вопросу о глиняных гробах.* — И. Т. Пославский, *К вопросу о глиняных гробах,* — ПТКЛА, год VIII, 1903, стр. 36—51.

Потанин, *Очерки северо-западной Монголии.* — Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО,* вып. I—IV, СПб., 1881—1883.

Потанин, *Поминки по Чингис-хане.* — Г. Н. Потанин, *Поминки по Чингис-хане*, — ИИРГО, т. XXI, вып. IV, 1885, стр. 303—315.

Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина.* — [Г. Н. Потанин], *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия.* Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1886 гг., т. I—II, СПб., 1893.

Потапов, *Рельефы древней Согдианы.* — А. А. Потапов, *Рельефы древней Согдианы как исторический источник*, — ВДИ, 1938, № 2, стр. 127—137.

Протоколы Подготовительного Комитета. — *Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного Комитета*, изданные под редакцией секретаря Комитета И. Д. Мансветова, М., 1879.

Пугаченкова, *К вопросу о реконструкции.* — Г. А. Пугаченкова, *К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым*, — «Труды САГУ», н. с., вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 99—130.

Пугаченкова, *К проблеме возникновения.* — Г. А. Пугаченкова, *К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана*, — «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 57—77.

Пугаченкова, *Пути развития.* — Г. А. Пугаченкова, *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, М., 1958 («Труды ЮТАКЭ», т. VI).

Пугаченкова, *Элементы согдийской архитектуры.* — Г. А. Пугаченкова, *Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах*,— ТИИА АН УЗССР, II, 1950, стр. 8—57.

Пугаченкова — Ремпель, *Бухара.* — Г. Пугаченкова, Л. Ремпель, *Бухара* (*Узбекистан*), М., 1949.

Пушкин, *Путешествие в Арзрум.* — А. С. Пушкин, *Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года*, — Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VI, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 637—701.

Равенди, извлеч. в изд. Шефера. — *Tableau du règne de Moïzz eddin Aboul Harith, Sultan Sindjar*, par Mohammed ibn Aly Ravendy. Texte persan publié pour la première fois avec la traduction française, par Ch. Schefer, — «Nouveaux mélanges orientaux», pp. 1—47.

Равенди, изд. Икбаля. — *The Ráḥat-uṣ-Ṣudúr wa Áyat-us-Surúr, being a history of the Saljúqs* by Muḥammad ibn 'Alí ibn Sulaymán ar-Ráwandí. Ed. with notes, glossary and indices by Muḥammad Iqbál, Leyden — London, 1921 (GMS NS, II).

Радлов, *Атлас.* — *Атлас древностей Монголии*, изд. по поручению императорской Академии наук В. В. Радловым, вып. I—IV, СПб., 1892—1899 [Труды Орхонской экспедиции].

Радлов, *К вопросу об уйгурах.* — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах.* (*Из предисловия к изданию Кудатку-Билика*), СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).

Радлов, *Образцы народной литературы.* — В. В. Радлов, *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи*, ч. I—IV, СПб., 1866—1872; ч. V, *Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие дикокаменных киргизов*, СПб., 1885.

Радлов, *Предварительный отчет.* — В. В. Радлов, *Предварительный отчет*, СПб., 1892 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. I).

Радлов, *Словарь.* — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

Радлов — Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники.* — В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме*, СПб., 1897 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. IV).

Райт, *Краткий очерк.* — В. Райт, *Краткий очерк истории сирийской литературы.* Пер. с английского К. А. Тураевой. Под ред. и с дополнениями проф. П. К. Коковцова, СПб., 1902.

Рапопорт, *Хорезмийские астоданы.* — Ю. А. Рапопорт, *Хорезмийские астоданы (К истории религии Хорезма)*, — СЭ, 1962, № 4, стр. 67—83.

Ратия, *Мечеть Биби-ханым.* — Ш. Е. Ратия, *Мечеть Биби-ханым в Самарканде. Исследование и опыт реставрации*, М., 1950.

Рашид ад-дин, изд. Али-заде. — Фазлуллах Рашид ад-дин, *Джами-ат-таварих (Сборник летописей)*. Т. III. Составитель научно-критического текста на персидском языке А. А. Али-заде. Перевод с персидского языка А. К. Арендса, Баку, 1957.

Рашид ад-дин, изд. Березина, I—III. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. [1]. *Введение: о турецких и монгольских племенах.* Перевод с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V); [то же] *персидский текст*, с предисловием и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингиз-хана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.* Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский текст с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet. T. II. Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan, Leyden — London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.).

Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова. М. — Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, пер. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.

Рашид ад-дин, рук. — Фазлаллах Рашид ад-дин, *Джāми' ат-тавāрӣх*, рук. ИНА D 66 (а 566); рук. ГПБ Дорн 289; рук. ГПБ ПНС 47 (V, 3, 2).

Реклю, *Земля и люди.* — Э. Реклю, *Земля и люди. Всеобщая география*, кн. 1—10, СПб., 1898—1900.

Ремпель, *Некрополь.* — Л. И. Ремпель, *Некрополь древнего Тараза*, — КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 102—110.

Ризенкампф, *Закаспийская проблема.* — Г. К. Ризенкампф, *Закаспийская проблема. К вопросу о Большом Судоходном и ирригационном канале*, — «Военная мысль», кн. I, сентябрь, Ташкент, 1920, стр. 158—168.

Риттих, *Политико-статистический очерк.* — П. А. Риттих, *Политико-статистический очерк Персии*, СПб., 1896.

Ровнягин, *Описание башни «Бурана».* — Д. Н. Ровнягин, *Описание башни «Бурана» близ Токмака*, — ПТКЛА, год I, 1896, стр. 42—43.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 121—122]. — В. Р[озен], [рец. на:] Труды Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета в 1887—1888 гг. Ташкент, 1888, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 121—122.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 129—150]. — В. Р[озен], [рец. на:] A. Freiherr von Kremer. Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun Al-Raśîd. Nach einer neu aufgefundenen Urkunde. Wien, 1887. (Отд. оттиск из Verhandlungen des VII. internationalen Orientalisten-Congresses). Idem. Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919). Wien, 1887. (Отд. оттиск из Denkschriften der Philos.-histor. Classe der Kaiserl. Akademie der Wissensch. Bd XXXVI). Idem. Ueber die philosophischen Gedichte des Abul 'Alâ Ma'arry. Wien, 1888. (Отд. оттиск из Sitzungsber. der kais. Akademie der Wissensch. in Wien. Philos.-hist. Cl. Bd CXVII),— ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 128—150.

Рубрук, изд. Мишеля — Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk*, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.

Рубрук, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Рубрук — стр. 65—201].

Руднев, *Новые данные*. — А. Руднев, *Новые данные по живой манджурской речи и шаманству*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 047—082.

Рыстенко, *Легенда о св. Георгии и драконе*. — А. В. Рыстенко, *Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах*, Одесса, 1909.

Савельев, *О жизни и ученых трудах Френа*. — П. С. Савельев, *О жизни и ученых трудах Френа*, — ТВОРАО, ч. II, 1856, стр. 1—67.

Сайрām шахрī. — ۱۸۸۴ تاشکنت ' رساله‌چه حصوصیداغی شهری سریام

Сам'ани, изд. Марголиуса. — *The Kitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23, 355 with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Сам'ани, рук. — Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, *Китāб ал-ансāб*, рук. ИНА С 361 (543 а).

Санан Сэцэн. — *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang, Ssetsen Chungtaidschi der Ordus*; aus dem Mongolischen übers. und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus unedirten Originalwerken hrsg. von I. J. Schmidt, St.-Pbg. — Leipzig, 1829.

Сапожников, *Монгольский Алтай*. — В. В. Сапожников, *Монгольский Алтай, В истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905—1909 гг.*, Томск, 1911.

Саркисян, *Топография*. — *Ն. Սարգիսեան, Նկարագրութիւն ի փոքր և ի Մեծ Հայս, Վենետիկ, 1864.*

Северцов, *Путешествия по Туркестанскому краю*. — Н. Северцов, *Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тян-Шаня*, СПб., 1873.

Сейфи. — Сейфи, лейденская рук. № 917.

Семенов, *К вопросу о датировке Рабат-и Малика*. — А. А. Семенов, *К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре*, — «Труды САГУ», н. с., вып. XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4 (история), Ташкент, 1951, стр. 21—27.

Семенов, *Некоторые данные*. — А. А. Семенов, *Некоторые данные к истории мечети в Аннау*, — ИТОРГО, т. XVII, 1924, стр. 209—215.

П. Семенов, *Географическо-статистический словарь*. — [П. Семенов], *Географическо-статистический словарь Российской империи*, составил по поручению ИРГО П. Семенов, т. II, СПб., 1865.

Серошевский, *Якуты*. — В. Л. Серошевский, *Якуты. Опыт этнографического исследования*, т. I, СПб., 1896.

Сизов, *Курганы Смоленской губернии.* — В. И. Сизов, *Курганы Смоленской губернии.* Вып. I. *Гнездовский могильник близ Смоленска*, СПб., 1902 (МАР, № 28).

Сказание об Едигее, изд. Мелиоранского. — *Сказание об Едигее и Токтамыше.* Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал П. М. Мелиоранский, СПб., 1905 (ЗИРГО по отд. этногр., прилож. к т. XXIX).

Скварский, *Несколько слов.* — П. С. Скварский, *Несколько слов о древностях Шахристана*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, октябрь, стр. 47—51; то же: ПТКЛА, год. I, 1896 (прилож. к проток. от 26 августа 1896 г.), стр. 41—45.

В. Смирнов, *Образцовые произведения.* — В. Д. Смирнов, *Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках.* С приложением факсимиле официальных документов разных почерков, СПб., 1891.

Е. Смирнов, *Город Канка.* — Е. [Т.] Смирнов, *Развалины города Канка*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 164—184.

Е. Смирнов, *Древности.* — Е. Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, — ПТКЛА, год I, 1896 (прилож. к проток. от 22 января 1896 г.); то же: «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 111—136.

Я. Смирнов, *Восточное серебро.* — [Я. И. Смирнов], *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи*, СПб., 1909.

Я. Смирнов, *Устюжское изваяние.* — Я. И. Смирнов, *Устюжское изваяние святого Георгия Московского Большого Успенского Собора*, — «Древности», т. XXV, 1916, стр. 131—248.

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингисхане.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, 1896, стр. 3—258.

Ставиский и др., *Пянджикентский некрополь.* — Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, *Пянджикентский некрополь*, — «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950, М.—Л., 1953 (МИА, № 37), стр. 64—98.

Струве, *Родина зороастризма.* — В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — СВ, т. V, 1948, стр. 5—34.

Сычев, *Анийская церковь.* — Н. Сычев, *Анийская церковь, раскопанная в 1892 г.*, — ХВ, т. I, вып. II, 1912, стр. 212—219.

Сюань Цзан, пер. Жюльена.— *Mémoires sur les contrées occidentales*, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages des pélerins bouddhistes. II—III).

Табари. — *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda*, 1901; *Indices*, 1901.

Табари, пер. Нёльдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме. — *Тавāрӣх-и гузӣде-йи нусрат-нāме*, рук. ИНА В 475 (590).

Та'рӣх-и Бейхақ, рук. — Абу-л-Хасан Али Бейхаки (Ибн Фундук), *Та'рӣх-и Бейхақ*, рук. Брит. муз. Or. 3587.

Тартуси. — Тартусӣ, *Қисса-и Абӣ Муслим*, рук. ИНА С 128 (280 ае); рук. ИНА С 129 (280 ае^1 = Sal. 25), рук. ГПБ Ханыков 43.

Тереножкин, *Археологическая разведка.* — А. Т. Тереножкин, *Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.*, — КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 116—121.

Тереножкин, *Вопросы*. — А. Тереножкин, *Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда*, — ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135.

Тереножкин, *Раскопки на городище Афрасиабе*. — А. И. Тереножкин, *Раскопки на городище Афрасиабе*, — КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 136—140.

Тереножкин, *Согд и Чач*. — А. И. Тереножкин, *Согд и Чач*. (Автореф. канд. дисс.), — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 152—169.

Тизенгаузен, *Восточные монеты*. — В. Тизенгаузен, *Восточные монеты Н. П. Линевича*, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 289—320.

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. VII [стр. 365—369]. — В. Т[изенгаузен], [рец. на:] Catalogue of oriental coins in the British Museum. Vol. X. By Stanley Lane-Poole. London, 1890; Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale. Publié par M. Henri Lavoix. Paris, 1891; D. Juan de Dios de la Rada y Delgado. Catálogo de monedas arabigas españolas. . . Madrid, 1892, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 365—369.

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI [стр. 327—333]. — В. Г. Тизенгаузен [рец. на:] В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 327—333.

Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата*. — В. Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата*, СПб., 1873.

Тизенгаузен, *Нумизматические новинки*. — В. А. Тизенгаузен, *Нумизматические новинки*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 229—264.

Тизенгаузен, *Обзор*. — В. Г. Тизенгаузен, *Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике*, — «Труды третьего международного Съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876», т. 1, СПб., 1879—1880, стр. 3—31.

Тизенгаузен, *«Пайзе» с арабской надписью*. — В. Тизенгаузен, *«Пайзе» с арабской надписью*, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 279—280.

Толстов, *Древний Хорезм*. — С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*, М., 1948.

Толстов, *По древним дельтам*. — С. П. Толстов, *По древним дельтам Окса и Яксарта*, М., 1962.

Толстов — Лившиц, *Датированные надписи*. — С. П. Толстов, В. А. Лившиц, *Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала*, — СЭ, 1964, № 2, стр. 50—69.

Тораманян, *История армянской архитектуры*. — Թ. Թորամանեան, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն (ուսումնասիրութիւն) Ա. Տիկոբի Տաթարը, Թիֆլիս, *1911*.

Тораманян, *О древнейших формах Эчмиадзинского храма*. — Т. Тораманян, *О древнейших формах Эчмиадзинского храма*. (*Архитектурно-археологический этюд*), — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 031—052.

«Труды IV Археологического съезда». — «Труды четвертого археологического съезда в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г.», т. I—II, Казань, 1884—1891.

Трутовский, *Несколько слов*. — В. К. Трутовский, *Несколько слов по поводу медного самаркандского дирхема, описанного г. В. В. Бартольдом*, — «Труды Московского нумизматического общества», т. II, вып. 3, М., 1901, стр. 309—316.

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. [Г.] Туманский, [рец. на:] Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского, СПб., 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.

Уваров, *Курганы с расчленением*. — А. С. Уваров, *Курганы с расчленением близ г. Дербента*, — «Труды V Археологического съезда в Тифлисе», М., 1887, стр. 61—75.

Уваров, *Сборник мелких трудов*. — А. С. Уваров, *Сборник мелких трудов*, т. I—III, М., 1910.

Уваров, *Сведения о каменных бабах.* — А. С. Уваров, *Сведения о каменных бабах*, — «Труды первого археологического съезда в Москве. 1869», II, М., 1871, стр. 501—520.

Уварова, *Христианские памятники.* — [П. С.] Уварова, *Христианские памятники*, М., 1894 («Материалы по археологии Кавказа», вып. IV).

Умняков, *Археологическая и ремонтно-реставрационная работа.* — И. И. Умняков, *Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 265—275.

Умняков, *Архитектурные памятники.* — И. И. Умняков, *Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация.* 1920—1928 гг., Ташкент, 1929.

Умняков, *В. В. Бартольд.* — И. И. Умняков, *В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности)*, — «Бюлл. САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.

Усманова, *Эрк-кала.* — З. И. Усманова, *Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.)*, — «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 20—94.

Успенский, *Археологические памятники Сирии.* — Ф. И. Успенский, *Археологические памятники Сирии*, — «Изв. Русского археологического института в Константинополе», т. VII, вып. 2—3, София, 1902, стр. 93—212.

Ухтомский, *От калмыцкой степи до Бухары.* — Э. Ухтомский, *От калмыцкой степи до Бухары*, СПб., 1891.

Фахри, изд. Альвардта. — *Elfachri. Geschichte der islamischen Reiche vom Anfang bis zum Ende des Chalifates* von Ibn etthiqthaqa. Arabisch. Hrsg. nach der Pariser Handschrift von W. Ahlwardt, Gotha, 1860.

Федоров-Давыдов, *К вопросу о денежном курсе золота.* — Г. А. Федоров-Давыдов, *К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.*, — КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 51—58.

Фирсов, «Вестник научного общества Татароведения», 1925 [стр. 61—62]. — Н. Н. Фирсов, [рец. на:] Пермский краеведческий сборник, вып. I, Пермь, 1924, — «Вестник научного общества Татароведения», № 1—2, 1925, стр. 61—62.

Фихрист. — *Kitâb al-Fihrist.* Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger, Leipzig, 1871; Bd II: die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller, Leipzig, 1872.

Фрейман, *Согдийская надпись.* — А. А. Фрейман, *Согдийская надпись из Старого Мерва*, — ЗИВАН, VII, 1939, стр. 296—302.

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. — Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, рук. ИНА С 604 (603 bbc); рук. ун-та (ЛГУ), № 60, 171.

Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. — Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ун-та (ЛГУ) № 153; рук. ИНА С 503 (578).

Хамза Исфахани. — Hamsae Ispahanensis *Annalium libri* X. Ed. J. M. E. Gottwaldt, t. I. Textus arabicus, Petropoli, 1844; t. II. Translatio latina, Lipsiae, 1848 [t. I переизд.: Berlin, «Kaviani», 1340/1921-22].

Ханыков, *Описание Бухарского ханства.* — Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.

Харузин, *История развития жилища*, I—II. — Н. Харузин, *История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России.* [I], — «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, стр. 1—53; [II], — «Этнографическое обозрение», 1896, № 2, стр. 1—71.

Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, — Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, рук. ИНА D 88 (574 age).

Хондемир, тегеран. изд. — كتاب مستطاب حبيب السيّر مرقوم رقم ... غياث الدين بن همام الدين الشهير بخواندامير ...' جلد ۱—۳' طهران' ۱۲۷۰—۱۲۷۱. [= 1853—1855; литогр.]

Хорезми, *Мафатих*. — *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Христианские древности. — *Христианские древности и археология*, издаваемые по высочайшему соизволению под редакцией В. Прохорова, II, 1864, кн. 5.

Худуд ал-'алам. — *Худуд ал-'алем*. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Худуд ал-'алам, пер. Минорского. — *Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold († 1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).

Худяков, *Верхоянский сборник*. — *Верхоянский сборник. — Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе* И. А. Худяковым, — ЗВСОИРГО по этнографии, т. I, вып. 3, Иркутск, 1890.

Чан-чунь, пер. Кафарова. — *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад*. [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, 1866, стр. 259—436.

Чуйская долина. — *Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». 1938—1941*. Сост. под руков. А. Н. Бернштама, М.—Л., 1950 (МИА, № 14)

Шебангараи. — Мухаммед Шебангараи, *Маджма' ал-ансаб*, рук. ИНА 372 (d 566).

Шейбани-наме, изд. Березина. — *Шейбаниада. История монголо-тюрков* на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложением, изданная И. Березиным, Казань, 1849 (Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным, том I).

Шереф ади-дин Йезди. — *The Ẓafarnámah* by Mauláná Sharfuddín [sic] 'Ali of Yazd. Ed. . . by Maulawí Muḥammad Ilāhdád, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.

Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа. — *Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols Tartares*. Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, Auteur contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix. . . Avec des Notes Historiques, & des Cartes Géographiques, t. I—IV, Delf, 1723.

Ширвани, *Бустан*. — زين العابدين شيروانى' بستان السياحه چاپ اوّل' طهران' ۱۳۱۵.

Шишкин, *Архитектурные памятники*. — В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары*, Ташкент, 1936.

Шишкин, *Василий Лаврентьевич Вяткин*. — В. А. Шишкин, *Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти)*, — ИМКУ, вып. 4, 1963, стр. 144—151.

Шишкин, *Полевые работы Узбекской археологической экспедиции*. — В. А. Шишкин, *Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г.*, — ИМКУ, вып. 3, 1962, стр. 5—18.

Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция.* — В. А. Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР. (Полевые работы 1956—1959 гг.)*, — ИМКУ, вып. 2, 1961, стр. 18—50.

Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г.* — В. А. Шишкин, *Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. (Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции)*, — ИМКУ, вып. 4, 1963, стр. 5—22.

Шишмарев, *Поездка.* — Я. Шишмарев, *Поездка от города Урги на реку Онон*, — ЗСОИРГО, кн. VIII, 1865, стр. 138—148.

Шубинский, *Очерки Бухары.* — П. Шубинский, *Очерки Бухары*, СПб., 1892.

Щербина-Крамаренко, *О результатах работ.* — Н. Н. Щербина-Крамаренко, *О результатах работ по исследованию архитектурных памятников Средней Азии*, — ПТКЛА, год I, 1898, стр. 1—3 (отд. паг.).

Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням.* — Н. Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления)*, — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 45—61.

Эварницкий, *Путеводитель.* — Д. И. Эварницкий, *Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении*, Ташкент, 1893.

Эвлия Челеби, *Сийāхат-нāме.* — اولیا چلبی محمد ظلی ابن درویش اولیا چلبی' سیاحتنامه‌سی' استانبول' جلد ۱—۱۳۱۴ ؛ جلد ۲—۱۳۱۴ ؛ جلد ۳—۱۳۱۴ ؛ جلد ۴—۱۳۱۵ ؛ جلد ۵—۱۳۱۵ ؛ جلد ۶—۱۳۱۸ ؛ جلد 7—1927 ؛ جلد 8—1928.

Юань-чао би-ши — см. *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова.

Яворский, *Путешествие.* — [И. Л. Яворский], *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.* Из дневников члена посольства д-ра И. Л. Яворского, т. I—II, СПб., 1882—1883.

Я'куби, *Китāб ал-булдāн — Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldān* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Я'куби — стр. 231—373].

Я'куби, *Та'рūх.* — Ibn Wādhin qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae.* Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.

Якубовский, *Городище Миздахкан.* — А. Якубовский, *Городище Миздахкан*, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 551—581.

Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда.* — А. Ю. Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 285—337.

Якубовский, *Проблема.* — А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда*, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

Якубовский, *Развалины Сыгнака.* — А. Якубовский, *Развалины Сыгнака (Сугнака)*, — «Сообщения ГАИМК», т. II, 1929, стр. 123—159.

Якубовский, *Развалины Ургенча.* — А. Ю. Якубовский, *Развалины Ургенча*, Л., 1930 («Изв. ГАИМК», т. VI, вып. 2).

Якубовский, *Самарканд при Тимуре и Тимуридах.* — А. Ю. Якубовский, *Самарканд при Тимуре и Тимуридах в XIV—XV вв. (Очерк)*, Л., 1933.

Якут, *Му'джам.* — *Yacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. . . hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

Abel-Rémusat, *Khaïsang.* — Abel-Rémusat, *Khaïsang, empereur de la Chine, de la dynastie des Mongols*, — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, t. II, Paris, 1829, pp. 1—3.

Abel-Rémusat, *Mémoires.* — Abel-Rémusat, *Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens, et particulièrement des rois des France, avec les empereurs mongols.* Second mémoire: *Relation diplomatique des princes chrétiens avec les rois de Perse de la race de Thinggis, depuis Houlagou, jusqu'au règne d'Abusaid*, — «Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», vol. VII, Paris, 1824, pp. 335—438.

Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques.* — Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques ou recueil de morceaux de critique et de mémoires relatifs aux réligions, aux sciences aux coutumes, à l'histoire et à la géographie des nations orientales*, t. I—II, Paris, 1829.

Abel-Rémusat, *Recherches.* — Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tartares ou mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibetains*, t. I, Paris, 1820.

Abich, *Aus Kaukasischen Ländern.* — H. Abich, *Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe*, hrsg. von dessen Witwe, Bd I—II, Wien, 1896.

Abich, *Sur les ruines d'Ani.* — *Sur les ruines d'Ani.* Extrait d'une lettre adressée à M. le Président de l'Académie par M. le professeur Abich, — «Bulletin», t. II, 1845, col. 369—372.

Aubin, *Matériaux.* — *Matériaux pour la biographie de Shah Ni'matullah Wali Kermani.* Textes persans publiés avec une introduction par J. Aubin, Teheran — Paris, 1956 (Bibliothèque iranienne. Dir.: H. Gorbin. Vol. 7).

Bailly, *Lettres sur l'Atlantide.* — Bailly, *Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie*, Londres et Paris, 1779.

Barbier de Meynard, *Dictionnaire géographique.* — C. Barbier de Meynard, *Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des Contrées adjacentes*, extrait du Mo'djem el-Bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pour la plupart inédits, Paris, 1861.

Barthold, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—28 (разд. паг.). [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Bāmiyān.* — W. Barthold, *Bāmiyān*, — EI, I, S. 669—670. [Наст. изд., т. III, стр. 363—365.]

Barthold, *Neuere Forschungen in Turkestan.* — W. Barthold, *Neuere Forschungen in Turkestan*, — JSFOu, t. XL, 1924, pp. 1—10.

Barthold, *Russische Arbeiten [1898].* — W. Barthold, *Russische Arbeiten über Westasien. Jahresbericht für 1898*, — MSOS, Jg. I, Abt. II, 1899, S. 150—171.

Barthold, *Šu'ūbīja.*— W. Barthold, *Die persische Šu'ūbīja und die moderne Wissenschaft*, — ZA, Bd XXVI (Festschrift für Ignaz Goldziher), 1912, S. 249—266. [Наст. изд., т. VII].

Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden.* — W. Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, — «Festschrift Nöldeke», Bd I, 1906, S. 171—191. [Наст. изд., т. VII.]

Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch.* — Ch. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904.

van Berchem, *Arabische Inschriften.* — *Arabische Inschriften* bearbeitet von M. van Berchem, — в кн.: *Inschriften aus Syrien, Mesopotamien und Kleinasien gesam-*

melt im Jahre 1899 von Max Freiherrn von Oppenheim, Leipzig, 1909 («Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft», VII, 1).

van Berchem, *Architektur.* — M. van Berchem, *Architektur*, — EI, I, S. 439—442.

van Berchem, *L'architecture musulmane de la Perse.* — M. van Berchem, *L'architecture musulmane de la Perse*, — «Journal des savants», février, 1911, pp. 54—69.

van Berchem, *Die Inschriften der Grabtürme.* — M. van Berchem, *Die Inschriften der Grabtürme*, — в кн.: E. Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, Berlin, 1918 [Arbeiten des Kunsthistorischen Instituts der k.-k. Universität Wien (Lehrkanzlei Strzygowski), Bd 7], S. 87—116.

van Berchem, *Inscriptions arabes.* — M. van Berchem, *Inscriptions mobilières arabes en Russie*, — JA, sér. 10, t. XIV, 1909, pp. 401—413.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din*, Leyden—London, 1910 (GMS, XII).

Boré, *Correspondance.* — *Correspondance et mémoires d'un voyageur en Orient* par E. Boré, t. I—II, Paris, 1840.

Bretschneider, *Researches.* — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.

Brockelmann, GAL. — C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar — Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Brockelmann, LZ, 1909 [Sp. 1110—1111]. — C. Brockelmann, [рец. на:] Ahmad ibn abî Ṭâhir Ṭaifur, Kitâb Baġdâd. Herausgegeben und übersetzt von H. Keller . . ., — LZ, 1909, № 34, Sp. 1110—1111.

Brosset, *Études.* — M. Brosset, *Etudes sur les monuments géorgiens photographiés par M. Iermakof, et sur leurs inscriptions*, — Mél. As., t. VI, livr. 3—4, 1872, pp. 447—523; то же: «Bulletin», vol. XVI, pp. 433—464, 526—540.

Brosset, *Rapport sur la lettre.* — M. F. Brosset, *Rapport sur la lettre précédente*, — «Bulletin», t. II, 1845, col. 373—376.

Brosset, *Rapports.* — M. F. Brosset, *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du prince Vorontzof*, livr. 3, St.-Pbg., 1851.

Brosset, *Les ruines d'Ani.* — M. F. Brosset, *Les ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides, aux Xe et XIe siècles. Histoire et description.* Ire partie. Description, avec un atlas de 24 planches lithographiées, St.-Pbg., 1860; IIe partie. Histoire avec un atlas de 21 planches litographiées, St.-Pbg., 1861.

L. Brosset, *Bibliographie analytique.* — L. Brosset, *Bibliographie analytique des ouvrages de monsieur Marie—Félicité Brosset, membre de l'Académie imp. des Sciences de Saint—Pétersbourg, 1824—1879*, St.-Pbg., 1887.

Burckhardt, *Travels in Arabia.* — J. Burckhardt, *Travels in Arabia, comprehending an account of those territories in Hedjaz which the Mohammedans regard as sacred*, vol. I—II, London, 1829.

Chavannes, *Documents.* — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.* Recueillis et commentés par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI).

Chavannes — Pelliot, *Un traité.* — *Un traité Manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Éd. Chavannes et P. Pelliot, pt. I, — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 449—617; pt. II, — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394. То же: отд. отт., pt. I—II, Paris, 1911—1913 [I — pp. 1—121, II — pp. 123—360].

Christensen, *L'empire des Sassanides.* — A. Christensen, *L'empire des Sassanides. Le*

peuple, l'état, la cour, København, 1907 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter, 7. Raekke, historisk og filosofisk Afdeling, I, № 1).

Christensen, *Die Moschee Māḫ.* — A. Christensen, *Die Moschee* ڤ *in Buḫārā*, — OLZ, 7. Jg., 1904, Sp. 49—52.

Chwolson, *Grabinschriften.* — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*, hrsg. und erklärt von D. Chwolson. Nebst einer Beilage: Über das türkische Sprachmaterial dieser Grabinschriften vom. . . W. Radloff, St.-Pbg., 1890 («Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg», VIIe sér., t. XXXVII, № 8).

Clauson, *Ak Beshim=Suyab.* — G. Clauson, *Ak Beshim=Suyab*, — JRAS, 1961, pp. 1—13.

Codex Cumanicus. — Kuun G., *Codex Cumanicus Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum*, Budapestini, 1880.

Cohn-Wiener, *Die Ruinen.* — E. Cohn-Wiener, *Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars*, — «Jahrbuch der asiatischen Kunst», 1925, S. 114—122.

Cohn-Wiener, *Turan.* — E. Cohn-Wiener, *Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien*, Berlin, [1930].

Collection de tous les voyages. — *Collection de tous les voyages faits autour du Monde, par les différentes Nations de l'Europe*, redigée par M. Berenger, vol. II, Lausanne et Cenève, 1787.

Curzon, *Persia.*— G. N. Curzon, *Persia and the persian question*, vol. I—II, London, 1892.

Deguignes, *Histoire générale des Huns.* — J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux*, t. I—IV, Paris, 1756—1758.

Diez, *Churassanische Baudenkmäler.* — E. Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, Berlin, 1918 [Arbeiten des Kunsthistorischen Instituts der k.-k. Universität Wien (Lehrkanzlei Strzygowski), Bd 7].

Diez, *Die Kunst.* — E. Diez, *Die Kunst der islamischen Völker*, Berlin, 1915 [Handbuch der Kunstwissenschaft hrsg. von Dr. F. Burgen].

Dorn, *Das Asiatische Museum.* — B. Dorn, *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, St.-Pbg., 1846.

Dorn, *Auszüge.* — B. Dorn, *Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder*, — Mél. As., t. VI. 1873, pp. 627—669, 685—716; t. VII, 1876, pp. 19—44, 53—92.

Dorn, *Caspia.* — B. Dorn, *Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan nebst Zugaben über andere von ihnen auf dem Kaspischen Meere und in den anliegenden Ländern ausgeführte Unternehmungen*, St.-Pbg., 1875 («Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg», VIIe sér., t. XXIII, № 1).

Dorn, *Chanykov'sche Sammlung.* — B. Dorn, *Die vordem Chanykov'sche, jetzt der Kaiserl. Öffentlichen Bibliothek zugehörige Sammlung von morgenländischen Handschriften*, — Mél. As., t. V, livr. 1, 1864, pp. 221—277.

Dorn, *Über zwei Arabische Werke.* — B. Dorn, *Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke*, — Mél. As., t. VI, livr. 5, 1872, pp. 671—677.

Dostojevskij, *Barthold.* — M. Dostojevskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik*, — WI, Bd XII, 1931, № 3, S. 89—136.

Elliot, *The History of India.* — H. M. Elliot, *The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period*, vol. I—VIII, London, 1867—1877.

Epistles of Mânûskîhar. — *The Dâdistân-î Dînîk and the Epistles of Mânûskîhar* transl. by E. W. West, Oxford, 1882 (SBE, vol. XVIII, Pahlavi texts, pt II).

Ethé, *Catalogue Ind. Off.* — H. Ethé, *Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office*, vol. I, Oxford, 1903.

Ethé, *Neupersische Litteratur.* — H. Ethé, *Neupersische Litteratur*, — GIPh, Bd II, S. 212—371.

Falk, *Beiträge.* — J. P. Falk, *Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs*, Bd I—III, St.-Pbg., 1785—1786.

Ferdinand, *Ethnographical Notes.* — K. Ferdinand, *Ethnographical Notes on Chahar Aimâq, Hazâra and Moghôl*, — AO, vol. XXVIII, 1964, pp. 175—203.

Forbes, *Metallurgy.* — R. J. Forbes, *Metallurgy in Antiquity*, Leiden, 1950.

Forbiger, *Handbuch.* — *Handbuch der alten Geographie aus den Quellen bearbeitet* von A. Forbiger, Bd I—II, Leipzig, 1842—1844.

Foucher, *La délégation archéologique.* — A. Foucher, *La délégation archéologique française en Afghanistan (octobre 1922—novembre 1925)*, — CRAIBL, 1927, pp. 117—123.

Foucher, *Rapport sur les travaux.* — Foucher, *Rapport sur les travaux de la Mission archéologique en Afghanistan pendant le premier semestre de 1924*, — CRAIBL, 1924, pp. 342—346.

Foucher, *La vieille route.* — A. Foucher, *La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila*, vol. I—II, Paris, 1942—1947 (MDAFA, t. I).

Fraehn, *De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo.* — Fraehnii C. M. *De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo numario muslemico prolusio prior qua dum confiat accurata descriptio ejus copia et praestantia obiter contuenda proponitur.* Particula prima, St.-Pbg., 1818.

Fraehn, *De Il-Chanorum seu Chulaguidarum Numis.* — Ch. M. Fraehn, *De Il-Chanorum seu Chulaguidarum Numis commentationes duae*, — «Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg», VIe sér., Sc. polit. hist.-phil., t. II, 1834, pp. 479—548.

Fraehn, *Recensio.* — Fraenius Ch. M. *Recensio. Numorum Muhammedanorum Academiae imperialis Scientiarum Petropolitanae Asiatico asservantur*, Petropoli, 1826.

Fraehn, *Über ein merkwürdiges Volk.* — Ch. M. Fraehn, *Über ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi*, — «Bulletin scientifique», t. IV, 1838, col. 33—45. 49—53.

Fraser, *Khorasān.* — J. B. Fraser, *Narrative of a journey into Khorasān, in the years 1821 and 1822. Including some account of the countries to the North-East of Persia; with remarks upon the national character, government, and resources of that Kingdom*, London, 1825.

Freytag, *Lexicon.* — G. W. Freytagii *lexicon arabico-latinum* praesertim ex Djeuharii Firuzabadique et aliorum arabum operibus adhibitis Golii quoque et aliorum libris confectum. Accedit index vocum latinarum locupletissimus, t. I—IV, Halis Saxonum, 1830—1837.

Gabelentz, *Geschichte der grossen Liao.* — H. A. Gabelentz, *Geschichte der grossen Liao*, St.-Pbg., 1877.

Gardin, *Céramiques de Bactres.* — J.-C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, Paris, 1957 (MDAFA, t. XV).

Geiger, *Ostīrānische Kultur.* — W. Geiger, *Ostīrānische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882.

Geiger, *Die Sprache der Afghānen.* — W. Geiger, *Die Sprache der Afghānen, das Paṣtō*, — GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 201—230.

Gesenius, *Handwörterbuch.* — W. Gesenius, *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament.* Zehnte verbesserte und vermehrte Auflage bearbeitet von F. Mühalm und W. Volck mit Beiträgen von D. H. Müller, Leipzig, 1886.

Godard, *L'art de l'Iran.* — A. Godard, *L'art de l'Iran*, Paris, 1962.
Godard, *Gunbad-i-Qābūs.* — A. Godard, *Gurgān and the Gunbād-i-Qābūs*, — SPA, vol. II, 1939, pp. 967—974.
Godard — Hackin, *Les antiquités bouddhiques.* — A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān*, Paris, 1928 (MDAFA, t. II).
Grenard, *La légende.* — F. Granard, *La légende de Satok Boghra Khân et l'histoire*, — JA, sér. 9, t. XV, 1900, pp. 5—79.
Grimm, *Monuments d'architecture.* — D. Grimm, *Monuments d'architecture en Géorgie et en Arménie*, St.-Pbg., 1864.

Hackin, *Nouvelles recherches.* — J. Hackin, avec la collaboration de J. Carl, *Nouvelles recherches archéologiques à Bāmiyān*, Paris, 1933 (MDAFA, t. III).
Hackin, *Recherches.* — J. Hackin, *Recherches archéologiques à Bâmiyân en 1933*, MDAFA, t. VIII, 1959, pp. 1—6.
Hamilton, *Researches in Asia Minor.* — W. J. Hamilton, *Researches in Asia Minor; Pontus and Armenia; with some Account of their Antiquities and Geology*, vol. I—II, London, 1842.
Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde.* — J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak das ist: der Mongolen in Russland*, Pesth, 1840.
Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane.* — J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien*, Bd I—II, Darmstadt, 1842—1843.
M. Hartmann, *Archäologisches aus Russisch-Turkistan*, I, III. — M. Hartmann, *Archäologisches aus Russisch-Turkistan*, I, — OLZ, 8. Jg., 1905, № 12, Sp. 557—559, III, — OLZ, 9. Jg., 1906, № 5, Sp. 234—251; № 7, Sp. 367—372; № 8, Sp. 421—431.
M. Hartmann, *Der islamische Orient.* — M. Hartmann, *Der islamische Orient. Berichte und Forschungen*, Bd I—III, Berlin — Leipzig, 1905—1910.
M. Hartmann, *Zur Wirtschaftsgeschichte.* — M. Hartmann, *Zur Wirtschaftsgeschichte des ältesten Islams*, — OLZ, 1904, № 7, Sp. 414—425; 462—468.
R. Hartmann, *Djurdjān.* — R. Hartmann, *Djurdjān*, — EI, I, S. 1112—1113.
Hengstenberg, *Der Drachenkampf des heiligen Theodor.* — W. Hengstenberg, *Der Drachenkampf des heiligen Theodor*, — «Oriens Christianus», N. S., Leipzig, Bd II, 1912, S. 78—106.
Herzfeld, *Erster vorläufiger Bericht.* — E. Herzfeld, *Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra*, Berlin, 1912.
Herzfeld, *Paikuli.* — E. Herzfeld, *Paikuli. Monument and inscription of the early history of Sasanian Empire*, vol. I—II, Berlin, 1924.
Herzfeld, *Der Thron des Khosrô.* — E. Herzfeld, *Der Thron des Khosrô*, — «Jahrbuch der Preußischen Kunstsammlungen», Berlin, 1920, S. 103—147.
Herz-Pacha, *Boiseries fatimites.* — M. Herz-Pacha, *Boiseries fatimites aux sculptures figurales*, — «Orientalisches Archiv», Bd III, Leipzig, 1912/1913, S. 169—174.
Hirth, *Nachworte.* — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 (разд. пар.).
Horn, *Geschichte Irans.* — P. Horn, *Geschichte Irans islamischer Zeit*, — GIPh, Bd II, S. 551—604.
Houtsma, «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1896 [S. 710—718]. — M. Th. Houtsma, [рец. на:] Cahun, L. Introduction à l'Histoire de l'Asie, — «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1896, № 9, S. 710—718.
Howorth, *History of the Mongols.* — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks*, London, 1876;

pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia.* Division I—II, London, 1880; pt III. *The Mongols of Persia*, London, 1888; pt IV. *Supplement*, London, 1927.

Jackson, *Persia Past and Present.* — A. V. W. Jackson, *Persia Past and Present. A book of travel and research*, New York, 1906.

Jovius Paulus, *Elogia.* — Pauli Jovii novocomensis episcopi uvcerini *Elogia virorum bellica virtute illustriun veris imoginbus supposita*, quae apud Musaeum Spectantur, Baisileae, 1575.

Justi, *Geschichte Irans.* — Fr. Justi, *Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis* Ausgang *der Sāsāniden*, — GIPh, Bd II, S. 395—550.

Karabacek, *Das arabische Papier.* — J. Karabacek, *Das arabische Papier. (Eine historisch-antiquarische Untersuchung)*, — «Mutteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Bd II/III, Wien, 1887, S. 87—178; то же: Sonderabar., Wien, 1887.

Ker-Porter, *Travels.* — R. Ker-Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820*, vol. I—II, London, 1821—1822.

Khanikoff, *Mémoire sur les inscriptions.* — M. N. Khanikoff, *Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*, — JA, sér. 5, t. XX, 1862, pp. 57—155.

Khanikov, *Voyage à Ani.* — N. Khanikov, *Voyage à Ani, capitale de l'Arménie, sous les Bagratides*, — RA, XV année, 1859, pt. II, pp. 401—420.

Khanykof, *Quelques inscriptions.* — *Quelques inscriptions musulmanes, d'Ani et des environs de Bakou*; éxtrait d'une lettre de M. Khanykof, — Mél. As., t. I, livr. 1, 1849, pp. 70—78.

Khanykov, *Note sur le yarligh.* — M. N. Khanykov, *Note sur le yarligh d'Abou-Saïd-Khan conservé sur les murs de la mosquée d'Ani*, — Mél. As., t. II, livr. 1, 1856, pp. 61—68.

Klaproth, *Tableaux historiques.* — J. Klaproth, *Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours; accompagnés de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde*, Paris—Londres—Stuttgard—Gotta, 1826.

Klemm, *Indologie.* — K. Klemm, *Indologie*, — ZDMG, Bd LIX, 1905, S. 221—227.

Kremer, *Culturgeschichte.* — A. V. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Bd I—II, Wien, 1875—1877.

Labat, *Manuel.* — R. Labat, *Manuel d'épigraphie Akkadienne*, Paris, 1952.

Lane-Poole, *The Coins.* — S. Lane-Poole, *The Coins of the Sultáns of Dehlí in the British Museum*, London, 1884 (Catalogue of Indian Coins in the British Museum, vol. I).

Lane-Poole, *Medieval India.* — S. Lane-Poole, *Medieval India under Mohammedan Rule (A. D. 712—1764)*, London, 1906.

Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties.* — S. Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties. Chronological and genealogical tables with historical introductions*, London, 1894.

Lane-Poole, *Oriental coins.* — S. Lane-Poole, *Catalogue of oriental coins in the British Museum*, vol. I—X, London, 1875—1890.

Langlès, *Notice.* — [L.] Langlès, *Notice des livres Tatars-Mantchoux de la Bibliothèque Nationale.* Première partie. *Dictionarium Latino Sinico-Mantchou [Dictionnaire Latin, Chinois et Mantchou]; 3 vol. in-fol. (Tatar, № 1)*, — Notices et extraits, t. V, An VII [1798/99], pp. 581—606.

Langlois, *Essai de classification.* — V. Langlois, *Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'à nos jours*, Paris, 1860.

Lansdell, *Chinese Central Asia.* — [H. Lansdell], *Chinese Central Asia. A ride to Little Tibet* by H. Lansdell, vol. I—II, London, 1893.

Lavoix, *Catalogue des monnaies musulmanes.* — H. Lavoix, *Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale*, t. I, Paris, 1887.

Le Blant, *Etude sur les sarcophages.* — E. Le Blant, *Etude sur les sarcophages chrétiens antiques de la ville d'Arles*, Paris, 1878.

Le Blant, *Le sarcophage chrétien.* — E. Le Blant, *Le sarcophage chrétien de lui de Béarn*, — RA, XXI anné, t. XL, 1880, pt. II, pp. 129—134.

Le Strange, *The Lands.* — G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series).

Le Strange, *Mesopotamia and Persia under the Mongols.* — G. Le Strange, *Mesopotamia and Persia under the Mongols in the fourteenth century A. D.* From the Nuzhat al-Kulūb of Hamd Allah Mustawfi, London, 1903.

Leclercq, *Abraham.* — H. Leclercq, *Abraham.* I. *Le sacrifice d'Abraham.* II. *Abraham (littérature sur)*, — в кн.: *Dictionnaire d'archeologie chrétienne et de liturgie* publié par Le R. P. don Fernand Cabrol, t. I, pt. 1, Paris, 1907, col. 111—121.

Ligeti, *Recherches.* — L. Ligeti, *Recherches sur les dialectes mongols et turcs de l'Afghanistan*, — AO Bud., vol. 4, 1954, pp. 93—117.

Lindner, *Weltgeschichte.* — T. Lindner, *Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*, Bd I—IX, Stuttgart und Berlin, 1901—1916.

Mailla, *Histoire.* — *Histoire générale de la China ou Annales de cet empire*; traduites du Tong-kien-kang-mou par le feu Père Joseph-Anne-Marie de Moyriac de de Mailla. Publiées par l'Abbé Grosier et dirigées par m. le Roux des Hautesrayes. Ouvrage enrichi de figures et de nouvelles cartes géographiques de la Chine ancienne et moderne, levées par ordre du feu Empereur Kang-Hi, et gravées pour la première fois, t. I—XII, 1777—1783 [t. I—IV, 1777; t. V—VIII, 1778; t. IX—X, 1779; t. XI, 1780; t. XII, 1783].

Marquart, *Ērānšahr.* — J. Marquart. *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Komanen.* — J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen.* — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Meitzen, *Siedelung.* — A. Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen*, Bd I—III, Berlin, 1895.

Merzbacher, *Die Physiographie.* — G. Merzbacher, *Die Physiographie des Tian-schan*, — «Geographische Zeitschrift», Leipzig, 19. Jg., 1913, S. 1—20.

Mez, *Die Renaissance.* — A. Mez, *Die Renaissance des Islâms*, Heidelberg, 1922.

Minorsky, *Tamīm.* — V. Minorsky, *Tamīm ibn Baḥr's journey to the Uyghurs*, — BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, pp. 275—305.

Modi, *Astôdân.* — J. J. Modi, *Astôdân and recorded instances of Children having been nourished by wolvs and birds of prey*, Bombay, 1889.

Monteith, *Journal of a Tour.* — E. I. C. Monteith, *Journal of a Tour through Azerbdijan and the Shores of the Caspian*, — JRGS, vol. III, 1834, pp. 1—58.

Moritz, *Arabische Schrift.* — B. Moritz, *Arabische Schrift*, — EI, I, S. 399—410.

A. Müller, *Der Islam.* — A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, Bd I—II, Berlin, 1885—1887.

F. Müller, *Uigurica.* — F. W. K. Müller, *Uigurica*, [I], Berlin, 1908 (aus den APAW, 1908); II, Berlin, 1911 (aus den APAW, 1910); III. *Uigurische Avadāna-*

Bruchstücke (I—VIII), Berlin, 1922 (aus den APAW, 1920, № 2); IV, Berlin, 1931 (aus den SBAW Berl., 1931, XXIV).

Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte.* — O. Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, Bd I. *Vorbuddhistische Zeit. Die hohe Kunst*; Bd II. *Die Baukunst. Das Kunstgewerbe*, Esslingen a. N., 1910—1912.

Nöldeke, *Syrische Chronik.* — Th. Nöldeke, *Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik*, — SBAW Wien, Bd CXXVIII, 1893, Abh. IX, S. 1—48.

O'Donovan, *The Merv Oasis.* — E. O'Donovan, *The Merv Oasis. Travels and adventures East of the Caspian during the years 1879—80—81 including five months' residence among the Tekkés of Merv*, vol. I—II, London, 1882.

d'Ohsson, *Histoire des Mongols.* — C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835; éd. 2 : 1852.

Orientalische Bibliographie. — *Orientalische Bibliographie* unter Mitwirkung verschiedener Gelehrten und mit Unterstützung der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft hrsg. von A. Müller, Bd 1—26, Berlin, 1888—1928.

Pantchenko, *Inschriftliches.* — B. Pantchenko, *Inschriftliches zur zwei bekannten byzantinischen Emails*, — BZ, Bd XX, 1911, S. 200—201.

Papyrus Erzherzog Rainer. — *Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung*, Wien, 1894.

Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant.* — Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant*, vol. I—II, Amsterdam 1718.

Pumpelly, *Explorations.* — R. Pumpelly, *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau*, vol. I—II, Washington, 1908.

Pumpelly, *Explorations in Turkestan*, — [R. Pumpelly], *Explorations in Turkestan, with an account of the basin of Eastern Persia and Sistan.* Expedition of 1903, under the Direction of R. Pumpelly, Washington, 1905.

Pumpelly, *The Pumpelly Explorations.* — R. Pumpelly, *The Pumpelly Explorations in Turkestan under the Auspices of the Carnegie Institution*, — BAR, № 5, 1905, pp. 18—19.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Radloff, *Aus Sibirien.* — W. Radloff, *Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten*, Bd I—II, Leipzig, 1884; 2. Ausg.: *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche*, Leipzig, 1893.

Radloff, *Die jakutische Sprache.* —W. W. Radloff, *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen.* [Отд. отт. из ЗИАН по ист.-фил. отдел., т. VIII, № 7, 1908, стр. 1—86].

Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen.* — W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882.

Radloff, *Proben.* — *Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*, gesammelt und übersetzt vom W. Radloff, T. I—IV, St.-Pbg., 1866—1872 (W. Radloff, *Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens* und *der Dsungarischen Steppe.* I. Abth.: *Proben der Volkslitteratur. Übersetzung*).

Radloff, *Das türkische Sprachmaterial.* — W. Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus*, St.-Pbg., 1887 («Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg», VIIe sér, t. XXXV).

Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler.* — W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler.* Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben, Leningrad, 1928.

Ramstedt, *Mogholica.* — G. J. Ramstedt, *Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Mogol-Sprache in Afghanistan,* — JSFOu, t. XXIII, 4, 1906, pp. I—IV, 1—60.

Ramstedt, *Zwei uigurische Runeninschriften.* — *Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.* Aufgefunden und mit Transkription, Übersetzung und Bemerkungen veröffentlicht von G. Ramstedt, — JSFOu, t. XXX, 1913—1918, pp. 1—65 (разд. пат.).

Reclus, *Géographie.* — Élisée Reclus, *Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes.* Tableaux statistiques de tous les Etat Comparés, Paris, 1894.

Reinaud, *Relation.* — *Relation des voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IXe siècle de l'ère chrétienne.* Texte arabe imprimé en 1811 par les soins de feuLanglés, publié avec des corrections et additions et accompagné d'une traduction française et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I. Introduction et traduction; t. II. Texte, Paris, 1845.

Retowski, *Die Münzen der Gireï.* — O. Retowski, *Die Münzen der Gireï,* Moskau, 1905.

Richardson, *Gates of Somnath.* — Letter from C. J. Richardson, Esq. F. S. A. to sir Henry Ellis, K. H., F. R. S., Secretary, accompanying a Drawing, with *Details of the sandal-wood Gates of Somnath,* — «Archaeologia», London, vol. XXX, 1844, pp. 174—175.

Rieu, *Pers. MSS.* — Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum,* vol. I—III, London, 1879—1883.

Sachau — Ethé, *Catalogue.* — [E. Sachau and H. Ethé], *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî, and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library,* begun by Ed. Sachau, continued, completed and ed. by H. Ethé, pt I. *The Persian manuscripts,* Oxford, 1889.

de Sacy, *Le livre des Perles.* — Silvestre de Sacy, كتاب الجمان من مختصر اخبار الزمان *Le livre des Perles, recueillies de l'abrégé de l'histoire des siècles, ou Abrégé de l'histoire universelle.* Par Schéhabeddin Ahmed almokri alfassi, — Notices et extraits, t. II, 1789, pp. 124—163.

Saladin, *Manuel.* — H. Saladin, *Manuel d'art musulman;* I. *L'Architecture,* Paris, 1907.

Salemann, *Das Asiatische Museum.* — C. Salemann, *Das Asiatische Museum im Jare 1890.* Nebst Nachträgen, — Mél. As., t. X, livr. 2, 1892, pp. 271—292.

Sarre, *Denkmäler.* — F. Sarre, unter Mitwirkung von B. Schulz und G. Krecker, *Denkmäler persischer Baukunst. Geschichtliche Untersuchung and Aufnahme muhammedanischer Backsteinbauten in Vorderasien und Persien,* [Atlas], Lief, I—VII, Berlin, 1901; Textband, Berlin, 1910.

Sarre, *Erzeugnisse islamischer Kunst.* — F. Sarre, *Erzeugnisse islamischer Kunst.* Mit epigraphischen Beiträgen von E. Mittwoch, T. I—II, Berlin — Leipzig, 1906—1909.

Sauvaire, *Matériaux,* I—IV. — H. Sauvaire, *Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmannes.* [I], — JA, sér. 7, t. XIV, 1879, pp. 455—533; [II], — JA, sér. 7, t. XV, 1880, pp. 228—277, 421—478; [III], — JA, sér. 7, t. XVIII, 1881, pp. 499—516; [IV], — JA, sér. 7, t. XIX, 1882, pp. 23—77, 97—163, 281—327.

Schefer, *Chrestomathie persane.* — *Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'École, spéciale des langues orientales vivantes,* publiée par Ch. Schefer, t. I—II, Paris, 1883—1885 [PELOV, IIe sér., vol. VI—VII].

Schmidt, *Über Rubruk's Reise.* — F. Schmidt. *Über Rubruk's Reise von 1253—55,* Berlin, 1885.

H. Schmidt, *Expedition Pumpelly in Turkestan.* — H. Schmidt, *Expedition Pumpelly in Turkestan im Jahre 1904, im Auftrage der Carnegie Institution, Washington,* — BAR, № 5, 1905, pp. 19—23.

Schrader, *Reallexicon.* — O. Schrader, *Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas,* Strassburg, 1901.

Schroeder, *The Seljūq Period.* — E. Schroeder, *The Seljūq Period,* — SPA, vol. II, 1939, pp. 981—1045.

Schultz, «Der Islam», Bd XIII [S. 170—180]. — A. Schultz, [рец. на:] Fr. Machatschek, Landeskunde von Russische Turkestan, — «Der Islam», Bd XIII, 1923, S. 170—180.

Schurmann, *The Mongols of Afghanistan.* — H. F. Schurmann, *The Mongols of Afghanistan. An Ethnography of the Moghôls and Related Peoples of Afghanistan,* The Hague, 1962.

Schuyler, *Turkistan.* — E. Schuyler, *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja,* vol. I—II, 5th ed., London, 1876.

Schwarz, *Sintfluth und Völkerwanderungen.* — F. Schwarz, *Sintfluth und Völkerwanderungen,* Stuttgart, 1894.

Schwarz, *Turkestan.* — F. v. Schwarz, *Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker. Nach fünfzehnjährigem Aufenthalt in Turkestan dargestellt,* Freiburg im Breisgau, 1900.

Sédillot, *Prolégomènes.* — *Prolégomènes des Tables astronomiques* d'Oloug-Beg. Publiés avec notes et variantes, et précédés d'une introduction; par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1847; Traduction et commentaire, par L. P. E. A. Sédillot, Paris. 1853 (Chrestomathie persane, publiée sous les auspices de M. le Ministre des l'instruction publique, t. I—II).

Semenow, *Erforschungsreisen in Inner-Asien.* — *P. v. Semenow's Erforschungsreisen in Inner-Asien im Jahre 1857, seine Aufnahme des Alpensee's Issyk Kul und anderer Theile der nordwestlichen Russisch-Chinesischen Grenzländer bis zu den Gletschern des Thianschan-Gebirges,* — Pet. Mitt., 1858, S. 351—369.

Shaw, *A Sketch.* — R. B. Shaw, *A Sketch of the Túrkí language, as spoken in Eastern Túrkistán (Káshghar and Yarkand with a collection of extracts,* pt 1, Lahore, 1875; pt 2, Calcutta, 1880.

Sombart, *Der moderne Kapitalismus.* — W. Sombart, *Der moderne Kapitalismus,* Bd I—II, Leipzig, 1902.

Sykes, *A history of Persia.* — P. M. Sykes, *A history of Persia,* vol. I—II, London, 1915; 2d ed.: 1921.

Sykes, *Ten thousand miles.* — P. M. Sykes, *Ten thousand miles in Persia or eight years in Irán,* London, 1902.

Tarn, *Alexander the Great.* — W. W. Tarn, *Alexander the Great,* vol. I—II, Cambridge, 1948.

Texier, *Description.* — *Description de l'Arménie la Perse et la Mésopotamie* publiée sous les auspieces des ministres de l'intérieur et de l'instruction publique. Première partie. *Géographie, Géologie, Monuments Anciens et Modernes, Mœurs et Coutumes,* par Ch. Texier, Paris, 1842.

Thomas, *The Chronicles.* — E. Thomas, *The Chronicles of the Pathan Kings of Dehli, illustrated by coins, inscriptions and other antiquarian remains,* London, 1871.

Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon.* — [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orkhon* déchiffrées par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, V).

Tomaschek, *Sogdiana.* — W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana,* Wien 1877 (Sonderabdr. aus: SBAW Wien, Bd LXXXVII, 1877, S. 67—184).

Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht.* — W. Tomaschek, *Über die ältesten Nachrichten über den skythischen Norden.* I. *Über das arimaspische Gedicht des Aristeas*, — SBAW Wien, Bd CXVI, XV. Abh., 1888, S. 715—780.

Tomaschek, WZKM, Bd III [S. 103—108]. — W. Tomaschek, [рец. на:] M. J. de Goeje, De Muur van Gog en Magog, bijdrage van. — Amsterdam 1888, — WZKM, Bd III, 1889, S. 103—108; то же: отд. отт.

Tomaschek, *Zur historischen Topographie.* — W. Tomaschek, *Zur historischen Topographie.* [II.] *Die Wege durch die persische Wüste*, — SBAW Wien, Bd CVIII, 1885, S. 561—566.

Trinkler, *Afghanistan.* — E. Trinkler, *Afghanistan*, Gotha, 1928.

Ukert, *Geographie der Griechen und Römer.* — [F. A. Ukert[, *Geographie der Griechen und Römer von den frühesten Zeiten bis auf Ptolomäus* bearbeitet von F. A. Ukert, T. I—III, Weimar, 1816—1846 [T. I—1816; T. II, Abt. 1—1821; T. II, Abt. 2—1832; T. III, Abt. 1—1843; T. III, Abt. 2—1846].

Vullers, *Lexicon.* — J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum. . .*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.

Wellhausen, *Das Arabische Reich.* — J. Wellhausen, *Das Arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902.

Wilber, *The architecture of islamic Iran.* — D. N. Wilber, *The architecture of islamic Iran. The II Khānid Period*, Princeton, 1955 (Princeton monographs in art and archaeology. XXIX. Oriental Studies. XVII).

Yate, *Khurasan and Sistan.* — C. E. Yate, *Khurasan and Sistan*, Edinburgh and London, 1900.

Yate, *Northern Afghanistan.* — C. E. Yate, *Northern Aghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission*, Edinburgh and London, 1888.

Yule, *Cathay.* — H. Yule, *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]); 2d ed.: vol. I—IV, London, 1913—1916 (HS, 2d ser., № XXXIII, XXXVII, XXXVIII, XLI).

Zenker, *Wörterbuch.* — *Türkisch-arabisch-persisches Handwörterbuch* von Dr. J. Th. Zenker, Bd I—II, Leipzig, 1866—1876 [Параллельный титульный лист на французском яз.: *Dictionnaire turc-arabe-persan* par J. Th. Zenker].

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббасиды 178, 182*
Абд ал-Гаффар Алма 'и 375
Абд ал-Керим Кашмири 239, 241*, 242
Абд ар-Раззак б. Наср Харджирди 287
Абдулла-хан 118, 256, 395
Абдуррахман[-хан], афганский 298
Абель-Ремюза (Abel-Rémusat J. P.) 144, 318*
Абих Г. В. 206, 208, 232*
Абу Абдаллах Мухаммед б. Али ал-Хаким Термези 56*, 311
Абу Абдаллах Мухаммед б. Исма'ил ал-Бухари — см. Бухари
Абу Амр Мухаммед б. Асад 348
Абу Бекр Андагани 180, 287
Абу Бекр б. Абд ар-Рахим Андагани — см. Абу Бекр Андагани
Абу Дулеф 39, 47
Абу Муслим 179—185, 186*, 189, 194, 279, 284
Абу Наср Харджирди 287
Абу Нувас 186
Абу Са'ид, Тимурид 253, 354*
Абу Са'ид Бахадур-хан 206*, 233*, 313, 314, 317—319, 324, 326*, 335
Абу Тахир-ходжа 238, 275*
Абу-л-Фейз-хан 240, 242
Абу-л-Фида 35*, 53*
Абу Хамид ал-Андалуси — см. Гарнати
Абу Ханифа 311*
Абу-л-Хасан [Али б. Зейд] Бейхаки 174*
Абу-л-Хасан Мухаммед ан-Нишапури — см. Нишапури
Абулгази 80, 395, 407
Абулгариб 228
Августин 404
Авессалом 223
Авраам 222, 224
Адай 391
Адонц Н. Г. 220
Адрианов А. В. 378, 393*
ал-Азизи 35*
Айналов Д. В. 222, 226*
Акбар-хан 159
Акбуга 319
Акен (Hackin J.) 301
Алагучи 352
Алакуш-тегин 351, 352
Алан-Хазар 37, 38
Алгуй 62, 344, 345
Александр Македонский (Александр, Александр Великий) 39, 42*, 89, 119, 120, 127, 145—147, 150, 151, 175*, 257, 270, 271, 282, 283, 294, 295, 370*
Али, халиф 90, 125, 330
Али-заде А. А. 330*, 333*, 336*
Али-Султан, Чингизид 79
Али Шутрунджи 397
Алишан Л. 207, 230, 314*
Алп-Арслан 182, 232
Альхамова З. А. 353*
Амиран 370
Ананьев 408
Андреев М. С. 89*, 160, 400
Андриянов А. Я. 215
Антиох Сотер 176
Аргун-хан 318*, 329, 387, 389
Ардашир I 303*
Арджи-Борджи 369
Арзамасов И. Л. 40—42
Арзи-Варзь (Ариоверзан) 370; см. также Ариобарзан
Арик-Бука 62, 390
Ариобарзан 370*
Аристов Н. А. 293*
Арриан 89, 146, 370*
Арслан 105
Арслан-хан карлукский 101, 105

[1] Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман 255
Асад б. Ахмед 348*
Атрпет 234*
Аугст 257
Ауфи 251, 274
Афрасиаб 56, 178, 191
Афросимов 158
Ахемениды 119, 149, 270, 295*
Ахмед, ходжа 275
Ахмед б. Абу Тахир Тайфур 195
Ахмед Замчи 190*, 194*
Ахмед-хан б. Юнус 108
Ахмед-эфенди 53*
Ахурамазда 369
Ашот III 209, 231

Баба-Али-бек 239*
Бабур, Захир ад-дин 36, 80, 86, 106, 108, 110, 333, 354, 355, 384*, 401
Багратиды 203, 205*, 223, 224*, 226, 231, 232
Бада'уни 356
Бакиев, Абдукадыр 248
Балазури 121, 186*
Балыг-Булга Улуг-Бильгя Икбал-хан Давуд-бек Исфехсалар 307
Бальи (Bailly) 144
Бамбай 67
Банзаров Д. 393
Барбье де Менар Ш. (Barbier de Meynard Ch. A. C.) 172, 282
Бартольд В. В. 21*, 23*, 24*, 25*, 48*, 57*, 65*, 96*, 97*, 99*, 100*, 102*, 105*, 128*, 139, 144*, 160*, 169*, 176*, 202*, 236*, 261*, 262*, 267*, 271*, 285*, 289*, 307, 312, 333*, 336*, 337*, 339, 340, 347, 356, 377*, 395*
Барщевский Л. С. 91
Батый 86, 408
Баурчик 101
Бейхаки, Абу-л-Хасан 174*
Беленицкий А. М. 308*
Бенешевич В. Н. 227
Берг Л. С. 147, 148, 150*, 196*
Березин И. Н. 24, 335*, 344, 350, 355, 384
Берников А. Ф. 78
Бернс А. (Burnes A.) 295*
Бернштам А. Н. 41*, 49*, 57*, 85*, 99*, 115*
Бершем М. ван (Berchem M. van) 207, 263, 264, 356
Бетгер Е. К. 254
Беха ад-дин Накшбенд 199*
Бехбуд-бек 354, 355
Бехрам Гур (Варахран V) 166*
Бжишкян Минас 206, 224*
Бильге-хан (Бильге-каган) 388
Билькевич С. О. 169*, 171
Бируни 53*, 274
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 22, 96
Бларамберг И. Ф. 264*
Блоше Э. (Blochet E.) 323, 338, 386*
Бобринский А. А. 208
Богра-хан (Богра-хакан) 51—53
Боде 264*—266*
Боджа — см. Бходжа
Борак[-хан] (Барак) 345
Боре Э. (Boré E.) 204
Борисов А. Я. 167*
Бретшнейдер Э. (Bretschneider E.) 23, 54, 55*, 62*
Брокгауз 223
Брокельман К. (Brockelmann C.) 195*
Броссе М. (Brosset M.) 204*, 206, 217, 214*, 219, 221, 230, 231, 234, 235, 314, 318*, 337
Будагов Л. З. 331*, 395*
Будда 303*
Бузар (Озар), Тогрул-хан 79, 101
Бука-Буша 345
Букейр б. Вишах 183, 184
Букинич Д. Д. 299
Буку-хан 51
Буниатов Н. Г. 202, 216, 220, 228
Бурейда ал-Аслами 177, 181
Буркгардт (Burckhardt J.) 264
Буров 258
Бухари, Абу Абдаллах Мухаммед б. Исма'ил 311
Бухарин 156, 170
Бходжа (Боджа) 369, 370, 373*

Вавилов Н. И. 299
Вакх, св. 221, 222
Вали-Ахун Юлдашев 78
Валиханов Ч. Ч. 396
Вамбери Г. (А.) (Vámbéry H.) 33*, 363
Ван-хан, кераитский 384, 407
Василий Селевкийский 222*
Васко да Гама 296
Вассаф 35, 323, 328*, 330*, 334, 335*,

345, 385, 388, 389, 395
Ваулин 157
Вашмгир 264, 265
Вейс-хан 86
Вельхаузен И. (Wellhausen J.) 185*
Вельяминов-Зернов В. В. 25, 36*, 55*, 197, 314
Венюков М. 42, 84
Вергилий 376*
Верховский Ю. П. 55*
Веселовский Н. И. 51*, 116, 119—121, 126, 132, 140, 154—156, 158, 161, 163*, 165*, 168, 170, 171, 238, 239, 248*, 268, 343, 348, 361, 377—379, 385, 387
Вечеслов М. Г. 301, 304
Викрамадитья 369
Вирский М. М. 160—162
Витевский В. Н. 197
Владимирцов Б. Я. 375*, 384, 388, 393
Воейков А. И. 173
Воронов 222
Воронцов М. С. 206
Вуллерс И. А. (Vullers J. A.) 241*
Вэй Цзе 162, 165
Вюстенфельд Ф. (Wüstenfeld F.) 23, 116*
Вяткин В. Л. 110*, 132, 133*, 161, 171, 190*, 238*, 239, 244—246, 251, 253—257, 259, 271, 275*, 290—292
Вяткин Г. Л. 132

Гагик I, Багратид 226, 229, 232
Газан-хан 313, 320, 322—324, 326*, 327, 329, 330, 333*, 335, 336
Гайтон (Хетум) 24, 85, 105
Гардизи 25*, 388*
Гарнати, Абу Хамид ал-Андалуси 121, 122
Гаррицкий А. А. 254
Гедин, Свен (Hedin, Sven) 163*
Гейгер В. (Geiger W.) 139, 165*
Гельман Х. В. 145*
Георгий, св. 220—222
Геродот 406*
Гиреи, династия 361
Гиттеманс 82
Годар А. (Godard A.) 301
Голстунский К. Ф. 334
Голубев А. 66, 78*, 85*
Голубев Г. Я. 41
Гольдберг 269
Гордлевский В. А. 372*
Гоэс Б. 108
Грамеицкий Д. М. 157
Григорьев В. В. 39, 47, 50, 52, 53*, 64*, 66*, 89, 335*
Гримм Д. И. 207
Гримм Э. Д. 326
Гирсон Дж. (Grierson G. A.) 143*
Гродеков Н. И. 157
Грюнведель А. (Grünwedel A.) 276
де Гуе М. Я. (de Goeje M. J.) 23, 91*, 179*
Гукасов П. О. 229
Гуляев 197
Гурдэ П. В. 83, 84
Гуюк 62*, 86, 385*, 390

Даин-батыр 395
Дандич Б. В. 220
Даптахатуна 214
Даулетшах 314, 331, 376*
Дегинь Ж. (Deguignes J.) 22
Джавахов И. А. 211, 327*, 393*
Джаглы-ходжа 308
Джалаиры, династия 319*, 323
Джамуха 388, 389
Джексон А. В. В. (Jackson A.-V.-W.) 167*, 242
Джелаль ад-дин (Мангуберти) 301*
Джемаль Карши 101*, 307, 375
Джемелли-Каррери (Gemelli-Carreri) 233
Дженкши 107
Дженнаби 265*
Джетбысбаев Н. 124, 125
Джувейни 24, 35*, 51, 54, 81, 82, 85, 86*, 173, 181, 186, 188, 292, 302, 321*, 331
Джура-бек 156
Джучи-хан 389, 395
Джэбэ-нойон 102
Диваев А. А. 253, 367, 368
Дигенис Акрит 221*
Дидона 374—376
Дикан-ата 368
Диц (Diez E.) 264*
Добросмыслов А. И. 196, 197
Доржитаров 386
Дорн Б. А. (Dorn B.) 120—122, 265*, 266*, 360
Дудин С. М. 21, 22, 26, 27, 30, 31, 37—43, 45, 46, 61, 64—71, 74, 84, 115

Дэвис В. М. (Davis W. M.) 141, 150—152
Дюрст И. (Duerst J.) 153

Едигей (Идыгей, Идыге) 370, 395, 396
Е-ли-я — см. Ерке
Елпатьевский 148*
Елюй Да-ши 54
Елюй Чу-цай 54, 84
Епифаний 227, 233*
Ерке (Ерке-Хара) 371, 372
Ерлик, миф. 371
Ерлик-хан 371
Ермак 374
Ермолов А. П. 204
Ефрон 223

Жуковский В. А. 23, 135, 139, 172—179, 181*, 182, 187—189, 199*, 239, 266*, 278, 282—286, 288, 376
Жюльен С. (Julien S.) 23

Зайцев 153*
Залеман К. Г. 165
Замахшари 407
Зарре Ф. (Sarre F.) 207, 267
Захариды, династия 319
Захаров 66*
Захир ад-дин Нишапури 287
Зейн ад-дин Абу Бекр ал-Хавафи 363
Зейн ад-дин Ширвани 376
Зеланд Н. Л. 83, 96, 99, 106
Земарх 33, 97, 114
Зимин Л. А. 322*
Зияриды, династия 264
Золотницкий 380
Зомбарт В. (Sombart W.) 326
Зороастр 165

Иакинф — см. Бичурин
Ибн Арабшах 25, 66, 107, 363
Ибн ал-Асир 53, 287, 348, 393
Ибн Баттута 282, 395, 407
Ибн Джубейр 174*
Ибн Мискавейх 360*
Ибн Мухаммед-Эмин 239*
Ибн ал-Факих 50*, 52, 166*, 176*
Ибн Фарис 174*
Ибн Хаукаль 33, 91, 98, 110, 180, 251*
Ибн Хордадбех 23, 26—29, 33, 46, 47, 49, 52, 58, 59, 113, 146, 147*, 149*, 325
Иванов В. А. 376
Иванов М. М. 205*
Иванов Н. А. 165*
Игнатов П. 148*
Игнатович 65
Идриси 49, 52
Идыгей, Идыге — см. Едигей
Иисус Христос 371
Илия, митрополит 186
Иль-Арслан 288
Ильбарс-хан 240
Ильтутмыш 356, 357
Ильчигидай 107
Иль-Чура 253
Илья, пророк 372*
Илья III, несторианский патриарх 101
Ильяс б. Исхак 348
Ильяс-огул-бек 307
Имад ад-дин Исфахани 265
Иностранцев К. А. 154, 161, 162, 165*, 166, 167, 169*, 171, 309*
Иофан Д. М. 244, 248, 249
Исаак 224
Исма'ил I Сефевид 232*
Исма'ил, хедив 360
Исма'ил б. Ахмед — см. Исма'ил Саманид
Исма'ил б. Мансур 375
Исма'ил Саманид 33, 89, 98, 111*, 256, 349
Истахри 28, 33, 37*, 146, 147, 173*, 174—177, 178*, 179, 180, 182—184, 188, 282, 284, 286
Исфахани, Хамза 178
Иусик 233*
Ихшид 132

Йездигерд III 186, 195, 265, 310
Йет Ч. Э. (Yate Ch. E.) 263, 264*, 265

Кабус б. Вашмгир 264, 265
Кадыр-Берды 360
Казаков И. С. 247
Казан 116
Казвини, Мухаммед 301*
Казвини, Хамдаллах 24, 121, 122, 187, 318, 322—324, 326*, 327, 333, 338
Казнаков А. Н. 136, 138
Каллаур В. А. 30, 113, 124, 125, 307, 381
Калмыков А. Д. 129*, 196, 198, 200

Каль Е. Ф. 39
Калюжинский 64
Камала 390, 394
Камсараканы, род 223
Канишка 302
Кара-баш 30, 114
Караханиды 35, 50—52, 54, 57, 100—102, 191, 198*, 344, 383
Карнаухов 37
Карнеги 141
Карпини, Плано 327*, 385, 386—390, 407
Кары-Юлдашев 255
Кастальский Б. Н. 169*, 245, 247, 248
Кастанье И. А. 244, 246
Катрмер Э. (Quatremère E.) 24, 25, 328*, 329, 331, 395*
Каульбарс А. В. 60
Кахкаха 90
Каши, сын Угэдэя 384
Каэтани Л. (Caetani L.) 360*
Каюмарс 191
Кезик-хатун 308
Кенисары 41
Кер 358
Керзон Дж. (Curson G. N.) 266*
Керим ад-дин 214
Кермани 177, 180, 183—186
Кер-Портер Р. (Ker-Porter R.) 204
Кестнер Ю. (Kestner J.) 204*, 206, 207, 218—221, 224
Кипчак 345
Кипчак-Хальфа 111
Киракос Гандзакский 24
Клавихо Р. Г. (Clavijo R. G. de) 117, 362, 408
Клапрот Ю. М. (Klaproth J. M.) 22
Княгницкий П. Е. 216, 219, 220
Ковалев Е. П. 21, 22, 38, 42, 45, 48, 59, 65, 67—69, 77, 79
Кожемяко П. Н. 46*, 57*
Коковцов П. К. 168*, 372*
Колпаковский Г. А. 63, 64*, 65, 67
Колычев Д. С. 79
Комаров А. В. 121, 171
Кон-Винер Э. (Cohn-Wiener E.) 269—279, 282—289
Коншин А. М. 196*
Костенко Л. Ф. 60
Кошой 59
Крапоткин П. А. 148
Кратер 146, 147
Крестовский В. В. 267, 268*
Кристенсен А. (Christensen A.) 164*
Крузиус 358
Ктесий Книдский 295*
Кубави [Ахмед] 33*
Кудама 23, 28, 34, 47, 49, 50, 52, 58—60, 149*
Кузнецов П. Е. 254
Кул-Баба Кукельташ 118
Кун А. Л. 380
Куник А. А. 221
Курмиши 318, 320*
Курций, Квинт 283*, 295*
Курчи 44
Курчин, Сулейман 44
Кутейба б. Муслим 291*
Кутлубай 198
Кутлуг-ага 275
Кучербаев В. Н. 243
Кучлук 101, 102
Кучум 374
Кызласов Л. Р. 46*, 57*
Кызыл-Арслан-хан 57
Кяндарянц О. А. 220

Лавуа А. (Lavoix H.) 350, 351
Лаврентьев В. 124
Лазерсон М. А. 269
Лансдель Г. (Lansdell H.) 44*
Лапин, Сер-Али 239
Латыфбаев, Рахматулла 159*
Ле Кок А. (Le Coq A. von) 276
Ленин В. И. 267*
Лерх П. И. 25, 37, 125*
Ле Стрэндж Г. (Le Strange G.) 172, 175, 179, 284, 338
Ливий, Тит 374*
Литвинов Б. 132, 140
Лич 297
Лонперье 234
Лутф-Али-хан 239—241
Лыкошин Н. С. 89, 157*, 158*
Лэн — см. Лэн-Пуль С.
Лэн-Пуль С. (Lane-Poole S.) 356, 357, 363
Любченко А. А. 173*
Людовик XIV 102
Ляо, династия 54
Ляронд А. (Laronde H.) 220
Ляронд М.

Магомед, турецкий пристав 205
Магомет — см. Мухаммед, пророк

Мадаини, Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед 177
Ма Дуань-линь 162*
Макдиси (Мукаддаси) 23, 28, 33—35, 49, 52, 53, 114, 115, 169*, 173*, 174, 175, 176*, 177, 178*, 179—181
Маллицкий Н. Г. 124, 125
Мамун, халиф 179, 181, 195
Манас 38, 58
Мангыты, династия 292
Манлай 388
Мансур, халиф 303
Манташев А. И. 229
Мар Е-ли-я 372; ср. Ерке
Маркварт И. (Marquart, Markwart J.) 274, 303
Марков А. В. 374
Марков А. К. 325*, 345, 346, 350, 360, 363
Марко Поло — см. Поло, Марко
Марр Н. Я. 202, 208—216, 219*, 220—235, 337, 370, 371*, 372*
Марченко Н. Е. 136
Масальский В. И. 399—401, 403
Массон М. Е. 57*, 115*, 148*, 185*, 251, 308*, 312*
Мас'уди 121
Матфей, апостол 75
Махачек Ф. (Machatschek Fr.) 399, 403
Махди Алеви 376
Мэхди-хан 241*
Махмуд, Газневид 190, 297
Махмуд-Давуд, ходжа 117
Махмуд Кашгарский 50*, 85*, 105*, 274, 407
Мединский В. Ю. 160
Медичи 296
Мейцен А. 160*
Меликшах, Сельджукид 173, 187, 279, 286*, 376
Мелиоранский П. М. 319*, 345, 347, 352, 370, 379*, 381
Менандр Протектор 97*
Мерван б. Бешир 351
Мерцбахер Г. (Merzbacher G.) 399*
Мессон Ч. (Masson Ch.) 302
Мец А. (Mez. A.) 406
Миллер В. Ф. 374—376
Мин, династия 273
Минаев И. П. 24
Минорский В. Ф. 23*, 85*, 105*
Минцлов С. Р. 378*, 382*, 394*, 395*
Мир Али-Шир (Неваи) 286
Мир Керим-Берды 59
Мир Мухаммед-шах 59
Мираншах б. Тимур 253
Мирза Хайдер 106, 107
Мирхонд 238, 396
Михаил Черниговский 390
Михайлов А. А. 64
Моди Д. (Modi J.) 166
Монтейс В. (Monteith W.) 204*
Молон-хатун 388
Мориц Б. (Moritz B.) 263
Музаффар, эмир бухарский 238*
Му'изз ад-дауля Арслан-тегин Абу-л-Фазл Аббас 309
Мукаддаси — см. Макдиси
Мулла-Алим 124, 125
Мунис (Шир-Мухаммед) 240
Мункэ-хан 106, 321, 331, 385, 386, 390
Муравьев А. Н. 206
Муса, эмир 116*
Мусейяб 132
Мухаммед, пророк 265, 303, 309, 340
Мухаммед б. Асад 348
Мухаммед б. Джа'фар — см. Нершахи
Мухаммед б. Тахир 185*, 186*
Мухаммед б. Текеш, хорезмшах 35, 54, 101, 199, 344
Мухаммед б. Хасан Низами 357
Мухаммед б. Хусейн Арсабенди 287
Мухаммед-Вефа Керминеги 239*, 240
Мухаммед-Джельд 117
Мухаммед-Заман б. Ходжа Шереф ад-дин Хасан 200
Мухаммед Казвини — см. Казвини, Мухаммед
Мухаммед Казим 239, 240, 242
Мухаммед-Рахим-хан, бухарский 239*
Мухаммед-факих, баласагунский 55, 56*
Мухаммед-Хайдер 25, 36, 56, 57, 58*, 62, 67, 80, 81, 86
Мухаммед Шебангараи (Мухаммед б. Али аш-Шебангараи) — см. Шебангараи
Мюллер А. (Müller A.) 356

Надир-шах 238—242, 264*
Насир ад-дин Махмуд 356
Насир-и Хусрау 187
Наср, золотых дел мастер 193
Наср — см. Наср б. Сейяр
Наср. б. Ахмед 28, 52, 348

Наср б. Мансур 375
Наср. б. Сейяр 178—180, 182—186, 191, 192
Насыр-хан Шамс-уль-мульк 198*
Науруз-Мухаммед 308
Нахчивани 328*, 337*
Наян 389*
Неарх 146
ан-Недим 97
Нёльдеке Т. (Nöldeke Th.) 51, 165*, 176*
Неплюев И. И. 197
Нерсес Строитель 226
Нершахи 120, 122, 159, 161, 163—166, 173*, 198, 199, 383
Несторий 222*
Нечкин Д. И. 243, 249, 250, 254, 256
Низам ал-мульк Абу Али Хасан б. Али Туси 322*
Низам ал-мульк Мас'уд б. Али 180
Низами 39, 268, 381, 392
Низами Арузи 334
Никифоров Н. М. 157, 158
Никпей 345
Ни'металлах Вели 376
Нишапури, Абу-л-Хасан Абд ар-Рахман б. Мухаммед 33
Норман 90
Нувейри 324
Нушырван 231

Огулчак Кадыр-хан 375
О'Донован (O'Donovan E.) 266, 283
Озар — см. Бузар
Окунев Н. Л. 228
Ольденбург С. Ф. 124, 276
ал-Омари 35*, 324, 326*
Омар-ходжа, кузнец 55
Омейяды 173, 178
Онесикрит 119, 162, 165
Орбели И. А. 204*, 212, 219*, 223, 225*, 229, 233, 275, 276
Осипов М. П. 196, 200
Осман-Али 314
д'Оссон К. (d'Ohsson C.) 24, 35*, 82*, 301*, 322*, 328*, 329*, 332, 335*, 337, 385*, 387
Остроумов Н. П. 111*, 124, 156, 157*, 158—160, 161*, 164*, 166*, 169*, 171
Отчигин 407

Павел Иовий 232*
Пайсель В. (Paissel W.) 402
Палладий (Кафаров), архимандрит 23, 371, 372, 385, 386, 390
Паллас П. С. 358
Пампелли Р. (Pumpelly R.) 128, 135*, 141—143, 145, 150, 153, 171, 279, 283
Пантусов Н. Н. 43, 82, 124, 340
Панченко Б. А. 221*
Пекарский Э. К. 375*
Пельо П. (Pelliot P.) 301
Пероз 303*
Пети де ля Круа Ф. (Petis de la Croix F.) 24
Петр Великий 358
Петри Б. Э. 393
Петровский Н. П. 131, 132, 139
Петровский Н. Ф. 25, 46—49, 51, 52, 56, 57*, 58, 60, 155, 285
Петрушевский И. П. 330*, 332*
Пичугин 60
Плано Карпини — см. Карпини, Плано
Позднеев А. М. 387, 394
Поло, Марко 24, 91*, 385, 388, 390, 391, 407
Половцов А. А. 160, 170
Помяловский И. В. 203, 204*
Пославский И. Т. 166*, 169, 170, 196, 200, 263, 264, 265*, 266*
Потанин Г. Н. 369, 370, 371*, 372, 373, 378, 380, 382, 393*, 394
Потье Ж. (Pauthier G.) 24, 55*
Поярков Ф. В. 43, 44
Пугаченкова Г. А. 264*
Пушкин А. С. 404, 405

Равенди, Мухаммед б. Али 287
Радлов В. В. 38*, 51*, 153*, 275, 329*—331*, 357*, 368, 374, 375*, 379—381, 388, 393, 395*
Раевский 155
Рамстедт Г. И. (Ramstedt G.) 382
Рана-Сангам 333
Рашид ад-дин 24, 39, 55, 59, 62, 81*, 82, 103, 111, 301*, 314, 318, 319*, 321, 322, 323*, 324, 326*, 327, 328*, 329, 330, 332, 335, 384, 385*, 386, 387, 389, 390, 407
Редхауз 356*
Реклю Э. (Reclus E.) 80, 82
Ретовский О. 361
Ризенкампф Г. К. 299*

Риттих П. 149*
Робертсон Дж. С. (Robertson G. S.) 297
Ровнягин В. П. 44, 45, 48, 56
Рождественский Д. П. 339, 340
Розен В. Р. 23, 164, 352
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 25*
Рубрук В. (Rubruk W. de) 24, 35, 36*, 85, 103—105, 378—382, 386, 390, 392, 407, 408
Руднев А. Д. 334, 394*
Руднев Н. В. 124
Рукавкин, Даниил 197
Рьё Ч. (Rieu Ch.) 356

Савельев П. С. 359
Сайкс П. М. (Sykes P. M.) 146, 147, 265
Саладен Г. (Saladin H.) 264*
Салье М. 354*
Сам'ани 23, 28*, 34*, 50, 53, 91*, 174*, 180, 181, 185*, 186—189, 263, 265, 285, 287
Саманиды 33, 34, 98—100, 149*, 163, 169*, 199, 251*, 279, 375, 401
Самойлович А. Н. 398*
Санан-Сэцэн 388, 390, 391, 394
Санджар (Синджар), Сельджукид 100, 279, 287, 288
Санджар, Тимурид 286
Сани' ад-дауля 266
Сапожников В. В. 396
Сарай-Мульк-ханум 116*
Саргис (Сергий), св. 186, 220—222
Саркисян, Нерсес 204*, 206
Сасаниды 97, 98, 149*, 166, 167, 173, 283, 302, 323*, 325
Сатук Богра-хан Абд ал-Керим 57*, 375
Сафи, шейх 274
Саффариды 181
Себкери 360
Северинов Н. М. 77
Северцов Н. А. 26, 113
Сейф ад-дин Ахсикенти 308
Сейфи 388*
Секкаки [Абу Я'куб] 86
Селевкиды 401
Сельджукиды 173, 187, 279
Сельджукиды Рума 213, 227
Сельм б. Ахваз 179
Семенов А. А. 169*, 196, 197, 199*, 200, 243, 278*, 311*
Семенов П. П. (Тян-Шанский) 63, 64*
Семетей (Симей) 38
Сенар Э. 300
Сен-Мартен, Вивьен де (Vivien de St.-Martin) 23
Сергий, св. — см. Саргис, св.
Серошевский В. Л. 393
Ситняковский Н. Ф. 124
Скайлер Э. (Schuyler E.) 31
Скварский П. С. 169*
Смбат II 228, 231, 232
Смирнов В. Д. 396*
Смирнов Е. Т. 157, 158*, 159, 162, 199
Смирнов Я. И. 202*
Соломон 41, 369, 370
Стасов В. В. 234, 235
Стейн А. (Stein A.) 294, 300
Степанов, участковый пристав 89, 90*
Степанов Д. К., художник 244, 249
Столяров М. В. 171
Страбон 119, 120, 146, 176, 406
Стржиговский И. 226, 266
Струве В. В. 119*
Субхан-Кули Бахадур-хан 200
Сулейман б. Кесир 193, 194
Султан-Хусейн 286*, 354, 355
Султан-шах 288
Сун, династия 272
Сычев Н. П. 204*, 228
Сюань Цзан 23, 26, 33, 35, 47, 74, 96, 97, 113, 114, 303, 304
Сюй Сун 65, 66*, 386

Табари 33*, 108, 120, 122, 159, 161, 165—167, 178, 180, 183, 184*, 185, 186*, 288, 289, 304*, 325
Тамерлан — см. Тимур
Тартуси 173, 181, 182, 185*, 187, 189, 190, 191*
Татевосянц (Татевосьян) А. К. 245, 249
Тахир б. Наср б. Сейяр 194
Тевкелев 197
Текеш, хорезмшах 180, 288
Тексье Ш. (Texier Ch.) 205, 207, 211, 233*
Тек-турмасы-Ата 112
Темим б. Бахр ал-Муттавви'и 52
Тереножкин А. И. 257*
Термези — см. Абу Абдаллах Мухаммед б. Али
Тиандер К. Ф. 196
Тигран Хоненц 213, 214
Тизенгаузен В. Г. 31, 83, 89, 178, 189.

345, 346, 347, 354, 358, 360, 363
Тиль-Ахмет 67
Тимур (Тамерлан) 24, 25, 31, 42*, 45*, 62, 66, 75, 81, 82, 85, 91, 99, 106, 107, 116—118, 125*, 130, 139, 151, 199—201, 205, 238, 241, 242, 270, 273—278, 354, 362—364, 376, 401, 408
Тимуриды 118, 198, 274, 277, 285, 364, 401
Тимур-мелик 89
Тимурташ 326*
Тиридат 215
Тихонов Н. Н. 228
Тойма, царица 32
Тогон-тайши 391
Толстов С. П. 120*, 165*
Томашек В. (Tomaschek W.) 33, 48—50, 145
Томас Э. (Thomas E.) 356*
Томсен В. (Thomsen V.) 344
Тораманян Т. 211, 216, 232*
Тохтамыш 335*, 360, 370
Тохтогу 395
Троцкая Н. И. 243
Трутовский В. К. 351—355
Тува 57
Тугшаде 159
Туклук-Тимур 80, 81, 107, 330
Тулуй 39, 189, 390
Туман-ага 116, 275*
Туманский А. Г. 23, 49
де-Турнефор Ж. (Pitton de Tournefort J.) 203
Тыгын 375
Тэмур, каан 390
Тюлькю-баш-Ата 112

Уваров А. С. 121, 122, 202, 203, 208, 209, 235
Уваров С. 358*
Уварова П. С. 222*
Угэдэй 106, 345, 384, 387, 395
Удаленков А. П. 261*
Укерт Ф. (Ukert F. A.) 120
Улджэйту 318*, 330*
Улугбек 53*, 239, 253, 270, 276, 362—364, 396
Улуг-Бильгя Икбал-хан — см. Балыг-Булга Улуг-Бильгя
Умейя — см. Умейя б. Абдаллах
Умейя б. Абдаллах 183, 184
Унковский И. 80, 87, 107
Урус-хан 125*
Успенский В. М. 38, 80, 83
Ухтомский Э. 108

Фавицкий 88
Фалев П. А. 395
Фальк И. П. (Falk J. P.) 380
Фарси 53*
Фатимиды 213
Фахр ад-дин 214
Феодор, св. 220, 221
Феодор Вафириакит 221
Феодор Стратилат 221
Феодор Тирон 221
Фетисов А. М. 43
Фирдауси 334
Фирсов Н. Н. 405
Фрезер Дж. (Fraser J. B.) 263
Фрейтаг Г. (Freytag G. N.) 363*, 407
Френ Х. Д. 120, 121, 319, 358—361
Фридрих Барбаросса 164
Фузаилов, Баба-Максум 160, 161
Фуртвенглер А. 234
Фуше А. (Foucher A.) 294, 300, 302—304

Хаджжадж 186*
Хаджи Халифа 53*
Хайдер, эмир 117*, 238, 292
Хайду 55, 57, 106, 345
Хаким-аталык 240
Хакк-Берды Бекичек 66
Халид б. Ахмед 185, 186*
Халиль б. Кусам б. Аббас 86
Хамдаллах Казвини — см. Казвини
Хамза Исфахани (Исфаханский) — см. Исфахани
Хаммер-Пургшталь И. (Hammer-Purgstall J. von) 24, 321*, 322*, 324*, 337*
Ханыков Н. В. 190*, 206, 238, 293*, 314, 317—319
Хара-Хулагу 62
Харис б. Сурейдж 178, 179, 183—186
Хартман М. (Hartmann M.) 163*, 356
Харузин Н. Н. 160, 408
Хасан Арсабенди 287
Хасан Саббах 376
Хаутсма М. (Houtsma M. Th.) 326*
Хафиз-и Абру 117*, 173, 175, 176, 181, 200, 286, 288, 292

Хафиз-и Таныш 118
Хвольсон Д. А. 75*
Хенгстенберг 221*
Хентингтон Э. (Huntington E.) 142, 145, 149, 153
Херманн 400
Херцфельд Э. (Herzfeld E.) 266*, 301, 303*
Хетум — см. Гайтон
Хизр-хан — см. Хизр-Ходжа-хан
Хизр-Ходжа-хан 81*, 107
Ховорс Г. (Howorth H. H.) 42
Ходжа Махмуд-Давуд — см. Махмуд-Давуд
Хондемир 322*
Хормуста-тенгри 369
Хормустен-хан 369
Хосрой II Парвиз 325
Хоцадег 211*
Христос — см. Иисус Христос
Хубилай-хан (Хубилай, каан) 39, 388, 390, 391
Хулагиды 319*, 323
Хулагу 39, 320*, 385, 388
Хусейн, внук Казагана 116*
Хусейн, султан — см. Султан-Хусейн
Хусейн, эмир 273
Хусейн б. Тахир 183
Хутулун 55

Цэван-Рабтэн 80

Чагатаиды 81, 82, 87, 104, 111
Чагатай 62, 82, 87, 103, 384
Чайковский А. П. 196
Чан-чунь 37, 45, 54, 79, 82, 84, 85*, 103, 104, 407
Чернышев Ф. Н. 153*
Чернявский 89
Черняев М. Г. 236, 267
Чингизиды 106, 246
Чингиз-хан 24, 35, 39, 79, 84, 95, 101—103, 106, 147, 189, 242, 304, 363, 382—384, 386—395, 401, 406, 407
Чинсан-тайфу 345
Чучалов 197

Шаванн Э. (Chavannes E.) 163*
Шайкин 78
Шах-Аббас 308
Шаханшах II 319
Шаханшах III 319
Шахрух 285, 286, 362, 363
Шварц Ф. (Schwarz F.) 145, 148*
Шебангараи, Мухаммед б. Али 329*
Шейбаниды 249, 363, 401
Шемс ал-мульк Наср 383
Шереф ад-дин Али Йезди 24, 116, 117
Шефер Ш. (Schefer Ch.) 181*, 322*
Шиллер Ф. 368
Шир-Али б. Туклук-Тимур 81*
Ширдак-бек 42, 60
Шир-ильхан 81
Шихаб ад-дин — см. ал-Омари
Шмидт А. Э. 254, 283, 309*
Шмидт Г. (Schmidt H.) 152, 153, 172
Шмидт Ф. (Schmidt F.) 24*, 85, 391, 394
Шубинский П. П. 108
Шульц А. (Schultz A.) 399
Шура-батыр 367, 368

Щербина-Крамаренко Н. Н. 117*, 273*
Щукин 171

Эварницкий Д. И. 116*, 117*
Эвлия Челеби 233, 396
Эмин Н. О. 206
Эргэнэ-хатун (Оркына) 62, 105
Эсен-Бука 76
д'Эсте 296
Эте Г. (Ethé H.) 190, 356

Юдин М. Д. 200, 201
Юл Г. (Jule H.) 24, 25, 86*
Юлдашев, Вали-Ахун — см. Вали-Ахун Юлдашев
Юнус-хан 107, 108
Юсти Ф. (Justi F.) 166*
Юстин 120, 374*
Юсупов М. Г. 77

Яворский И. Л. 301
Ягелло И. Д. 200
Я'куб б. Лейс 303
Я'куби 176*, 291*, 303

Якут 23, 28, 34*, 47, 49, 52, 53, 172, 173, 174*, 176, 179*, 180—182, 186—188, 195, 282, 285, 287
Ямшуд 57
Ясевич 258

ابو الحسن كيانى 191*
بادملدای 190*
بنو ماهان 178*
كيومرث 192*
ماهان بن بهرام 178*
ملكزاد 190*
محمد بن داود بن قيصر بن مامون بن اسمعيل بن اسحق بن الياس 191*
يزدجرد 195*
ملكزاد بن محمد بن حسين بن قزل ارسلان خاقان 191*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абарджадж 26, 28, 113
Абдуджалиль-баб 157*
Абдулла-ханы городище 283, 286
Абдуррахман разв. 27
Абиверд 188, 189, 241
Аб-и нау 278*
Абу Джахма ограда 183
Абу Муслима мечеть — см. мечеть Абу Муслима
Абхазия 222
Агбатский монастырь 232
Азербайджан 116, 149, 204, 242
Азербайджанская республика 268
Азия 226, 399, 402
Азия Восточная 153*, 237, 247, 251
Азия Западная 102
Азия Малая — см. Малая Азия
Азия Передняя — см. Передняя Азия
Азия Северная 373
Азия Средняя — см. Средняя Азия
Азия Центральная — см. Центральная Азия
Айша-биби — см. мазар Айша-биби
Ак-арык 125
Ак-Бешим — см. Ак-Пишин
Аккент разв. 83
Ак-курган разв. 82, 104
Ак-Пишин разв. 44, 45, 46*, 48*, 56, 57
Аксай р. 74
Ак-сарай, дворец в Шахрисябзе 277
Ак-сарай мавзолей — см. мавзолей Ак-сарай
Аксу р. (в р-не Иссык-Куля) 69
Аксу р. (в Семиречье) 26, 41, 42, 108
Аксу р. (в Чимкентском уезде) 112
Ак-тепе разв. (в р-не Аулие-Ата) 31, 114
Ак-тепе разв. (в р-не Сукулука) 41, 42
Ак-Терек р. 71, 74
Ак-тюбе холмы 74
Алабуга р. 58—60, 66
Алай горы 402
Ала-куль (Ит-Ичмес) оз. 105, 389
Аламедин 43, 49
Аламедин разв. 49
Аламут кр. 376
Алатау горы 83, 86*
Александрия 168*
Александрия «в Азии» 299*
Александровский пос. (Александровка) 113
Александровский хр. (совр. Киргизский хр.) 42*, 47, 48, 104, 114
Александрополь 234*
Алжир 168*
Алимту 81, 103, 107
Алимту р. 80, 87
Алин 185
Алма-Ата 103*; см. также Алматы, Верный
Алмалык 79—85, 101, 103, 104, 107
Алмалык (к югу от Или) 85, 86, 103*, 104
Алматы (поздн. Верный, совр. Алма-Ата) 85, 86, 106
Алтай 96, 391, 393*
Алтын-Эмель перевал 83, 85
Альгамбра 277
Америка 128*, 143
Амра мечеть — см. мечеть Амра
Аму-Дарья (Окс, Оксос) р. 33, 38, 48*, 97, 100, 143, 145*, 150, 173, 196, 198, 199, 270, 288, 299, 400, 401
Амуль (поздн. Чарджуй и Ленинск, совр. Чарджоу) 288
Амур р. 102
Анау 135, 151, 152, 169, 260, 269, 274, 278, 279
Ангрен р. 169
Андижан 57, 59
Ани 203, 204*, 205—210, 212—216, 224—233, 235, 313, 318, 319, 320*, 326, 329, 333—335
Ани ж.-д. ст. 227

Анийский собор 212, 226
Антиохия маргианская 284*
Антиохия сирийская 164
Аральское море 141
Ардебиль 274
Ария 299*
Арль 222*
Армавир разв. 208
Армения 203, 204, 205*, 206, 208, 212—214, 224, 226, 227, 229, 232—234, 263, 276, 327
Арпа 59, 62, 100
Арпачай р. 205*, 210
Арран 327
Арслан-хана мечеть — см. мечеть Арслан-хана
Артуч (поздн. Артыш) 375
Арулун-Цаган-балгасун 391
Арыс р. 26
Ас'ади ал-Хорасани кан. 178
Асанас разв. 125; см. также Ашнас
Аспара — см. Ашпара
Аспаринское ущ. 41, 42
Ассирия 207
Ассур 196
Астрабад 266*
Асфизар — см. квартал Асфизар
Асхабад — см. Ашхабад
Атбаш 58—60, 62, 99, 105
Атбаш р. 58, 61, 66, 99
Атбаши 58, 61, 99
Атенский храм 211
Атлантида 144
Атлах 33—35
Аулие-Ата (совр. Джамбул) 21, 22, 27, 28, 30, 31, 35, 37, 38, 40, 42, 47, 48, 97, 99, 113—115, 124, 169, 170, 307
Аулиеатинский уезд 307, 381
Афганистан 142*, 293, 294, 296—303, 304*
Афон г. 165*
Афрасиаб городище 126, 127, 128*, 130, 131, 134, 139, 140, 151, 152, 155, 163, 199, 236, 237, 246, 251—253, 257*, 260, 267, 268, 271, 278, 285, 290—292
Африка 296, 374
Ахлат 232, 327
Ахсикет 49, 151, 152, 268, 348
Ахсы 268; см. Ахсикет
Ахтамарский храм 221
Ахыр-Таш 32, 37—39, 104
Ашнас 125; см. также Асанас
Ашпара (Аспара) 47—49
Ашхабад (Асхабад) 141, 169, 189

Багабад 278*
Багдад 195, 240, 272, 295*, 297*, 303, 384
Баг-и болды дворец — см. дворец Баг-и болды
Бадахшан 102
«Базар кетменщиков» (в Мерве) 194
Базар Мах-руз (в Бухаре) 163
Байкал оз. 237, 391
Байкуль г. 87
Байрам-Али 128*, 283
Бактриана, Бактрия 162, 294, 295, 300, 302
Бактры (поздн. Балх) 142*, 165
Баку 136, 268
Баласагун 42, 50—57, 100, 101*, 102, 104
Балин 185
Балканский п-ов 375
Балканы горы 202
Балх 173*, 176*, 178, 185, 191, 200, 295, 302, 303
Балхаб р. 295, 401
Балхаш оз. 42, 104
Бамиан 301—304
Бамиан р. 304
Бамианская дол. 297*, 302, 304
Бан 226
Баргу равн. 391
Бари 296*
Барскаунское ущ. 50, 60
Барсхан 34, 35, 49, 50, 100*
Барсхан Нижний — см. Нушджан
Башан — см. Пашан
Баш-Шурагел 228
Бащинская ст. 83
Бейхак 174*
Беловодская ст. 26, 41, 43, 112
Белуджистан 146
Бену-Махан мечеть — см. мечеть Бену-Махан
Бер-Казан ст. 125
Бехлу 34, 35
Бештер (Пишаверан) разв. 147
Биби-ханым гробница — см. гробница Биби-ханым
Биби-ханым мечеть — см. мечеть Биби-ханым

Биень р. 105
Бирса 374*
Бишбалык 52, 79, 82*
Бия-Найман 245
Блур холм 208
Богуты горы 85, 104
Богушты ущ. 61
Болгар 237
Большая Алматинка р. 83
Большая Урюхты — см. Чон-Урюхты
Большой Кебин р. 46
Боротал р. 105
Борохудзир 78, 82, 83
Буамское (Боамское) ущ. 46, 67
Будахкет 28
Бука-булун 76
Бурана р. 44
Бурана разв. 44, 45, 49, 56, 57, 101, 253, 254
Буралгу 396
Бурное 27, 43
Бурхан-халдун г. 386, 387, 391
Буттам-Буйнак горы 37
Буттем горы 37*
Бухара 23, 97, 98, 106, 125*, 139, 159, 163, 164, 166, 173*, 176*, 178, 185, 190*, 197*, 198—200, 238, 240, 242, 254, 255—257, 260, 273, 279—281, 288, 345, 360, 375, 383, 401, 405
Бухарская обл. 119
Бухарская республика 255, 257, 260
Бухарское ханство 97, 254, 260, 301
Бушир 167*

Вавилон 207
Вавилония 262
Вазд (Визд) 91*
Вазкерд (Вазгерд) 91*, 99, 110
Ван (Ванское) оз. 232, 234, 327
Васит 186*, 333
Ватикан 221*
Великий океан 96
Венеция 296
Верный (совр. Алма-Ата) 39, 42, 43, 46, 66, 82—85, 115, 254; см. также Алматы
Верхний Барсхан — см. Нушджан Верхний
Византия 149, 212
Визд — см. Вазд
Вогезы горы 44
Волга р. 237, 405

Ворота Балин (в Мерве) 178*, 179, 184, 185*
— Бухарские (в Самарканде) 140
— внутреннего города (в Мерве) 188
— железные (к северу от Шаша) 27
— знаменосца (в Мерве) 181, 182, 189, 192, 286
— Карские (в Ани) 216
— Каршинские (в Бухаре) 256
— Кешские (в Самарканде) 140, 291*
— Китайские, или Син (в Самарканде) 140, 291*
— Кушмейхенские (в Мерве) 181, 288
— Мазарские (в Бухаре) 199*, 256
— Масерджесан (в Мерве) 186
— Мерверрудские (в Мерве) 178
— мечети Маха (в Бухаре) 164*
— Наубехарские (в Бухаре) 199*
— Наубехарские (в Самарканде) 140, 198
— Ник (в Мерве) 178, 179
— площади Йезида (в Мерве) 184
— Салляхане (в Бухаре) 256
— седельников (в Мерве) 181*
— Синджан (в Мерве) 178, 184, 186*
— у головы Маджана (в Мерве) 181, 284
— у конца Маджана (в Мерве) 181, 182, 189, 192—194, 284, 288
— Фирузи (в Мерве) 182, 188, 189, 192—194
— шахристана (шахристанские) (в Мерве) 182, 188, 189, 191, 192, 194

Гэдже 71
Газна 297
Гаккы 50
Галлия 320*
Гандхара 302
Гарни 227
Гатфер квартал — см. квартал Гатфер
Гедросия 146
Генуя 296
Герат 191, 293, 295—297, 362, 363
Герируд р. 299
Германия 169, 271, 321, 358
Гехамские горы 228, 234
Гешуанна (Цзешуанна) 97; см. Сагаиан
Гилякин-Чильбурч вал 176, 289
Гиндукуш хр. 302, 304
Гиренг (Джирендж) 184, 185*

Гиссарская обл. 97
Гобалык 102, 104: см. также Баласагун
Гоби пустыня 100
Год-и зерре оз. 147
Головачевка ст. 27*
Головачевская вол. 125
Греческая церковь — см. церковь св. Григория
Гробница Биби-ханым 139
— Данияр-Ата 140
— Мауляна Секкаки 86
— султана Санджара — см. мавзолей султана Санджара
— Термези 311
— Туклук-Тимур-хана 64, 79, 80, 86, 107
— Худабенде 276, 278
— шейха Ахмеда 249
— шейха Сафи 274
Грузия 206, 211, 212, 226, 232, 318, 324, 326, 327, 370
Гульбог ущ. 258
Гумбез-и Кабус (Башня Кабуса) 263—266
Гунъюе 49*
Гурджмин квартал — см. квартал Гурджмин
Гуссалик 297
Гэнтей 386, 391, 394
Гюлистан 361
Гюрген р. 264
Гянджа (поздн. Елисаветполь, совр. Кировабад 268
Гяур-кала городище 135, 151, 153, 172, 173, 176—178, 185, 188, 189, 199*, 279, 283, 284, 288

Давдава г. 115
Дагестан 120
Даин-гол оз. 395
Далосе 48; см. Талас
Дамаск 174*, 350
Дамган 358
Дандан-Шикан перевал 298
Дасинь госы монастырь 372
Дахбид 238*
Дворец Баг-и болды (около Самарканда) 277
— Мамуна (в Мерве) 179
— Тамгач-хана (в Самарканде) 251
Дербент 120—122, 240
Дерегез 241, 242
Джаджерм 191*
Джалиш 108
Джамбул 115*
Джамукет — см. Хамукет
Джан-кала разв. 125*
Джаргалан р. 66, 77
Джаргес 71
Джаркент 64, 79, 83, 151
Джаркентский уезд 76, 78
Джассин квартал — см. квартал Джассин
Дженаты р. 70
Джепд разв. 125
Джеты-огуз ущ. 70
Джеты-тепе 32, 37, 39, 104
Джикиль 34, 35
Джиль-Арык ст. 46, 99
Джирендж — см. Гиренг
Джу 55
Джувикат 28
Джуль 49*
Джуль-Шуб 47, 49*
Джумгал (Юмгал) р. 86*
Джумушлагу 28
Джунгария 100, 105—107
Джурджан 264
Джуука р. 71
Диарбекир 227
Дмитриевское 308
Долгое оз. — см. Кара-куль
Долоннор 386
Долоноту р. 68
Долоноту ущ. 68
Дом мервского коменданта 193, 194
Дунай р. 102, 202
Дуньцзянь 49*
Духтар-и Нушырван 301, 302

Европа 100, 143, 205, 226, 264, 296*, 320, 369, 374, 376, 402, 404—406
Европа Восточная 406*
Европа Западная 150, 320, 404, 405
Евфрат р. 196, 202, 333
Египет 148, 262, 272, 294, 296
Еилан-су (Или) р. 85
Елисаветполь — см. Гянджа
Ени-Ани дер. 229, 233*
Енисей р. 98, 394*
Ереруйская базилика — см. церковь Ереруйская
Ереруйская церковь — см. церковь Ереруйская

Железные ворота (севернее Шаша) — см. ворота железные

Забайкалье 383, 391
Зайцевка 85*
Закавказье 203
Закаспийская обл. 129*, 152, 169, 171, 172, 260
Замок Кусейр Амра 227
— Магазберда 203, 207
— Насра 193, 194
— Тахира 193, 194
Замч проток 194*
Звартноц 226
Зенги-Ата 170
Зендеруд р. 265
Зеравшан р. 128*, 150, 151, 257, 258 270
Зере оз. 146, 147*
Зерендж 350

Ибришем р. 191
Иду 55
Идыге утес 396
Идыге-обасы курган 396
Иерусалим 168*
Ики-огуз 85*, 105*; ср. Эквиус
Илабали — см. Илибали
Иламиш дол. 35
Илан-балех — см. Илибали
Илан-бозган холм 26, 111, 112*
Или р. 22, 54, 55, 58, 77, 82, 84—87, 104, 400
Илибали (Илибалык) 85, 86
Илийская дол. 21, 64, 75, 78, 80, 84—87, 95, 103, 111, 402
Илийский выселок 104
Инд р. 301*
Индия 116, 143, 147, 239, 240, 270, 295, 296, 298, 302, 333, 356, 369, 373, 374, 406*
Иншань — см. Тянь-Шань
Ирак 80, 314, 326
Иран 12, 100, 262, 263*, 294, 302, 323*, 327, 337*, 376; см. также Персия
Иртыш р. 107, 387, 389
Искандер-кала городище 279, 283
Искер городище 237
Исма'ила Саманида мавзолей — см. мавзолей Исма'ила Саманида
Иссык-Куль 75
Иссык-Куль оз. 21, 22, 31, 47, 49, 50, 60, 62—64, 66, 67, 74—77, 84, 96, 106, 115, 151, 152, 196, 340
Истахр 168
Исфара 307
Исфахан 150, 181, 265, 327, 333, 334
Исфиджаб 27, 28, 34, 35, 49, 53, 111
Исфиджабский округ 53
Исыгатинское ущ. 44
Исыгаты р. 44
Исыгаты ст. 45
Италия 169
Ит-Ичмес — см. Ала-куль
Ит-кичу разв. 42
Ихэ-оир кладб. 387*
Ихэ-утек 391
Ишрат-хана — см. мавзолей Ишрат-хана
Иштихан 140

Кабал-булак разв. 26, 29, 112
Кабул 293, 295*, 297, 298, 302, 304*
Кабуса башня — см. Гумбез-и Кабус
Кавказ 61*, 156, 203, 204, 206*, 207, 234, 240, 263
Казалинский уезд 367
Казань 202, 405
Казахстан 100
Казна-тас 84
Каир 227, 297*
Кайлак — см. Каялык
Калаи-кухна 292; см. также Хисари-кухна
Калба р. 308
Калу р. 304
Калькутта 25
Камалык ущ. 55
Кандагар 146, 240, 293
Кан-и гиль равн. 117
Кантагайская теснина 105
Капкинское ущ. 31, 35, 68, 100, 113, 114
Карабаг 320*
Карабалты р. 41
Карабалты ст. 40, 41
Карабулак 46, 49
Карабура р. 114
Каракара р. 77
Кара-коин р. 58, 59, 61
Каракол (поздн. Пржевальск) 60
Каракол перевал 49
Каракол р. 70

Кара-куль (Долгое) оз. 65
Каракунуз 49
Каралыг — см. Баласагун
Кара-обо 396
Каратал 85
Кара-тюбе 110
Карашар 108
Кара-Ялык 55*
Каргалинка р. 66, 84
Каркара р. 77
Карс 203, 266
Карши 401; см. также Несеф
Касан 308
Каспийское море 141, 152, 264, 400
Касра-Бас 47
Кастек перевал 46, 54, 84, 104
Катта-Курган 167, 169*, 257
Катта-Курганский уезд 245, 270, 271
Кафиристан 293, 297, 298
Кахкаха кр. 90
Кашан-Ата 257
Кашгар 37, 53, 97, 100, 101, 108, 289, 375
Кашгария 57, 100—102, 107, 141, 142, 401, 402
Каши 384
Каялык 86, 101, 104, 105
Квартал Асфизар (в Самарканде) 251*
— Гатфер (в Самарканде) 174*
— «голова площади» — см. квартал Рас ал-Мейдан
— Гурджмин (Керджумин) (в Самарканде) 251
— Джассин (Джиссин) (в Мерве) 285, 286
«Квартал кожевников» (в Мерве) 193
Квартал Рас ал-Мейдан (в Мерве) 183, 184
— Рас аш-Шабай (в Мерве) 183
— Сасан (в Мерве) 188
«Квартал шахристана» (в Мерве) 191
Кеген р. 77, 78
Келат 241, 242
Келифский Узбой 173, 400, 401
Кемчик 394*
Кенджек 35
Керкуя (Керкук) 147
Керман 146, 147*, 149*, 178*, 327
Керулен р. 386, 394*
Керчь 127, 407
Кесенэкуль мавзолей — см. мавзолей Кок-Кесене
Кзыл-Орда 125*
Кингир 110*
Киргизия 169*
Киргизский хр. 104; см. также Александровский хр.
Китай 21*, 38, 52, 82, 99, 100, 103, 104, 143, 150, 270, 272, 295, 302, 331*, 371, 372, 391, 392
Китим р. 87
Кобдо р. 394
Козельцы 70*
Койсаринский зал. 65
Койсары 63—65
Койсу о-в 106
Койсу р. 63, 65, 67, 106
Кой-Суй 67
Кок горы 82
Коканд 280, 402
Кокандское ханство 149*
Кок-гумбез 256
Кок-Кесене мавзолей — см. мавзолей Кок-Кесене
Кок-муйнак ст. 50
Кокшин-Орхон р. 61
Кония 274
Константинополь 375
Копал 85, 105
Кордова 273
Корея 392
Кочкар р. 46
Кошой-курган разв. 59, 61
Краснореченское городище 49*
Крым 407
Кувикат (Кавакат) 35
Кулан 47, 48, 99
Кулан-курук 384*
Куль 35
Кульджа 64, 80, 81—83, 107, 151
Кульджинский край 79, 87, 101, 106
Куль-Шуб (Куль) 47, 114*
Куляб 47
Кум-арык ст. 39
Кумис 358
Кумуштаг р. 31
Куналяк разв. 58—60
Купрюк — см. Нарынское укрепл.
Курагаты р. 42
Курдай 42
Курдистан 297*
Курин 147*
Курмектинское ущ. 70
Курмекты р. 70
Кусейр Амра замок 227
Кутемалды ст. 67, 99
Кутлуг 82*
Кутумиш разв. 30, 114

Кутурга р. 70
Кууртлы-депе 183*; ср. Пашан
Куфэ 350
Куча 98
Кучан 265
Кушания 257
Кушка р. 299
Кушмейхен (Кишман) 183, 194*, 288
Куюк р. 113
Куюкское ущ. 27
Куяш 81
Кызыл-кия перевал 77
Кызыл-су р. 70
Кылыг 82
Кыс-кала (Гыш-кала) разв. 125
Кяфир-мури 124

Ленинград 269, 294; см. также Петербург, Петроград
Лехистан — см. Польша
Лидда 168*
Лин 185*
Лондон 25*, 205
Луговое 48*
Ляйли-су р. 60

Мава р. 28*
Мавераннахр 35, 80, 169*, 183, 191
Мавзолей Ак-сарай 253
— Гур-эмир 81, 245, 253, 278
— Исма'ила Саманида 260, 276
— Ишрат-хана 253, 277
— Кок-Кесене (Кесенэкуль) 200, 380
— Махмуда Газневи 213
— Сатук Богра-хана 375
— султана Санджара 181, 182, 273, 278, 282, 284, 285, 289
— Туман-ага 275*
— Ходжа Абди-Дарун — см. мазар Ходжа Абди-Дарун
— Ходжи Ахмеда 275
— Шах-и зинде 137, 249, 253, 273, 274
— Эмир-Хусейна 275
Магазбердский замок — см. замок Магазберда
Маджан кан. 175, 176, 180, 181—183, 186, 284, 287, 288
Мазандеран 147
Мазар Айша-биби 27*
— Беха ад-дина Накшбенда 124
— Кишка-улие 307
Мазар Манаса — см. Манас-гумбез
— Ходжа Абди Дарун 91, 253, 277
— Чакпак-Ата 113
Мазари-Шериф 295, 298
Малая Азия 164, 227, 276, 324, 326
Малая Урюхта — см. Орта-Урюхты
Манас 103
Манас-гумбез (Манас-мазар) 38, 308
Мануче — см. мечеть Мануче
Мараканда 151, 257, 270; см. также Самарканд
Маргиана 283*
Мариинский 70
Масейли перевал 61
Махан (Махуван) 185, 376
Мах-руз — см. базар Мах-руз
Машат 115
Медина 265
Медресе Мадер-и хан (в Бухаре) 256
— Мир-и араб (в Бухаре) 401
— Сарай-Мульк-ханум (в Самарканде) — см. медресе Ханум
— Тилля-кари (в Самарканде) 253
— Тимура (в Самарканде) 239
— Улугбека (в Самарканде) 244—249, 253
— Ханум (в Самарканде) 116, 117
— Ходжа-Ахрар (в Самарканде) 253
— Ширдар (в Самарканде) 151, 247, 253, 274
Меймене 295
Мекка 81, 265
Мекран 146
Менакельды 60
Мерага 242
Мераузик-Ила 82
Мерв 135, 150—153, 167, 172, 173, 175, 176, 178—189, 191—195, 199, 240, 241 260, 269, 273, 278, 279, 282—288
Мерверруд 178, 185
Мерке (Мирки) 39, 40, 47, 48, 99, 381
Меркинское ущ. 41, 42
Месопотамия 144, 148, 167*, 234, 270, 271, 294, 295, 322*, 324, 333
Мечеть Абу Муслима (в Мерве) 181
— Амра (в Ширазе) 181
— Арслан-хана (в Бухаре) 278
— Бену-Махан (в Мерве) 178, 179
— Биби-ханым (Ханым) (в Самарканде) 117*, 238, 241, 245, 246, 248, 253, 273, 274—277
— Магоки-Аттари (в Бухаре) 280*
— Мануче (в Ани) 226, 229

Мечеть Маха (в Бухаре) 164*
— Намазгах (в Бухаре) 280*
— Хазрет-и Хизр (в Самарканде) 131, 140
— Ханым — см. мечеть Биби-ханым
— Ширдар — см. медресе Ширдар
Мешхед 200, 239, 241, 242, 265
Минарет Арслан-хана 278
— Улугбека — см. медресе Улугбека
Минусинский уезд 237
Мирки — см. Мерке
Моголистан 55, 59, 80, 86, 107
Могол-тау горы 88, 89
Молдабаевская ст. 39, 48
Монара разв. 56
Монголия 321, 369, 377, 378, 382—384, 386, 391, 392, 394, 395
Москва 171, 208, 243*, 269, 281, 301, 405
Мургаб р. 172, 184, 194*, 286, 288, 299, 401
Муюн-кум пустыня 114
Мын-булак (около Аулие-Ата) 26, 119

Наманганский уезд 308
Нар 272
Нармашир 146, 147
Нарын 60, 99
Нарын р. 22, 37, 47, 58, 60, 62, 68, 86*
Нарын-кол 78*
Нарынское укрепл. (Купрюк) 60, 99
Насра замок — см. замок Насра
Нау 89
Наут-булак р. 61
Нахшеб (Несеф) 401; см. также Карши
Неаполь 165*
Невакет 49, 50, 99, 101
Нейзар оз. 147*
Неса (Ниса) 188
Нехавенд 234*
Ниазбаш ст. 157
Николаевка 41
Никольское 157
Нишапур 186*, 191, 194
Новгород 228
Нузкет 41*, 49
Нушджан (Барсхан Нижний) 34*, 50, 60
Нушджан Верхний 49, 52, 60, 100

Оир лес 387
Оксфорд 25*
Окум разв. 31
Он-арча р. 60
Онон р. 386
Оргонум (Orgonum) 105
Ордос 391
Орду 49*, 53
Орловка (в Чуйской долине) 99*
Орловка (Орлов, Орловское) (в дол. Таласа) 114
Орта-Урюхты (Средняя Урюхты, Малая Урюхта) р. 69
Орхон р. 52, 391*
Османская империя 203
Осуболай (Ашибулай) 48
Отрар 36
Оттук р. 60
Ош 370

Па-и Бабан 186
Палестина 164
Памир 141, 142, 402
Париж 25*, 294
Парфия 149, 161
Пашан (Башан) 183; ср. Кууртлы-депе
Пейкенд 97, 150—152
Пенджикент 251
Передний Восток 233
Передняя Азия 144*, 229, 230, 234, 262, 289, 320—322, 376, 408
Перовск (совр. Кзыл-Орда) 125
Перовский уезд 307, 380
Персия 98, 103, 106, 107, 143, 145—147, 149, 150, 167, 168, 171, 190, 192, 205, 207, 211, 231*, 240, 262—265, 270, 271, 275, 276, 294, 296, 300, 313, 320, 322—324, 327, 370*, 372, 383, 387, 397, 404; см. также Иран
Персия Восточная 142
Петербург 25*, 95, 108, 130, 267, 367, 397*; см. также Петроград, Ленинград
Петроград 220, 239*, 250, 257; см. также Петербург, Ленинград
Пешавер 295*
Пишпек (совр. Фрунзе) 42, 43, 49, 84, 237, 257
Пишпек-Ата укрепл. 43
Площадь Йезида (в Мерве) 183, 184
Поволжье 405
Покровское 67, 70, 71
Польша (Лехистан) 206

Преображенское 64—66, 70
Пржевальск 42*, 60, 67, 70, 71; см. также Каракол
Пулад (Фулад) 105
«Пять мостов» 178

Рабат-и Мелик 199, 257
Радкан 265, 266*
Разик кан. 175—177, 179, 180, 184, 185, 285
ар-Рай стена 176, 184
Рамджен городище 257
Рас ал-Мейдан — см. квартал Рас ал-Мейдан
Рас аш-Шабай — см. квартал Рас аш-Шабай
Ребинджан 167, 257
Рей 271
Репетек 401
Ригистан (в Бухаре) 255, 256, 280, 281
Ригистан (в Самарканде) 126, 244—246, 248, 275
Рим 281, 372*
Римская империя 203, 302, 320
Российская империя 229
Россия 21, 150, 156, 202, 203, 207, 230, 235, 267, 272, 298, 299
Россия Европейская 281, 378, 381

Савдар — см. Шавдар
Саганак — см. Сугнак
Саганиан 97; см. также Чаганиан
Сагари г. 394
Сад Баг-и Фируза 277
— Махиабад 181
Садад 222
Садыр-курган разв 30—32, 100, 113—115
Сайрам 27, 28, 29*, 36, 66, 104, 111, 112; ср. Исфиджаб
Сайрам оз. 103
Сазановка 69, 152, 340
Самарканд 35, 38, 55, 88, 90, 91, 97—99, 107, 110, 112, 116—118, 124, 127, 129, 130, 132, 134, 136, 137, 139, 140, 147, 151, 152, 155, 156, 159, 161, 162, 165, 166, 168—171, 176*, 198—200, 236, 238—242, 244, 249—251, 253, 254, 257, 261*, 267, 269, 270—274, 276, 277, 279, 280, 285, 289—292, 345, 346, 352, 362, 375, 383
Самаркандская обл. 131, 257, 258, 292
Самаркандский уезд 89
Самарра 227, 271, 272, 278, 289
С.-Петербург — см. Петербург
Сан-таш возв. 77
Сарай 407
Сарайчик 395
Сарыг 49
Сарыкол 102*
Сары-су р. 395
Сасан квартал — см. квартал Сасан
Саянские горы 394*
Себзевар 191
Сеистан 141, 142, 146, 147
Семипалатинская обл. 21*
Семиреченская обл. 21*, 237, 253
Семиречье 23, 25, 31, 35, 38, 39, 41, 45, 54, 57, 59, 62, 64, 75*, 87, 95—97, 99—103, 105—107, 141, 142, 160*, 239, 258, 400, 402
Сенгресан кладб. 140
Серахс 175, 189, 241
Сианьфу 372
Сибирское царство 237
Сибирь 237, 282, 375, 403
Сибирь Западная 148
Сикандендж 185
Сикуль — см. Иссык-Куль
Сим-таш 381
Сим-тюбе 381
Син — см. Китай
Синай 222
Синджаб 191*; см. Исфиджаб
Синоп 235
Сирия 211, 262, 270
Сихун р. 53; см. также Сыр-Дарья
Сливкина 67, 70
Смоленская губ. 358
Согд, Согдиана 99, 132, 160*, 163*, 170*, 275*, 258, 279*
Средняя Азия 21—23, 25*, 32, 35, 42*, 50, 78, 81, 95, 103, 106—108, 111, 118, 126, 129, 131, 139, 140*, 141—144, 147, 148, 153, 157*, 159, 165, 172, 186*, 190, 192, 198, 199, 237, 240, 247, 251, 267, 269—271, 275, 276, 280, 281*, 299, 337*, 352, 368, 369, 371, 372*, 373, 375, 378, 380, 381, 383, 384, 392, 393, 401, 404, 406, 407; см. также Туркестан
СССР 299
Стамбул 404, 405
Степное 41

Сугнак (Сыгнак, Саганак) 124, 125*
Сугур 53
Сузы 294
Суй-е (Суй-ше) — см. Суяб
Суй-е (Суйшэ) р. 47, 48, 97; см. также Чу
Суй-е-чуань 49*
Сукулук р. 41—43
Сули 97
Султан-бенд плотина 286, 288
Султания (в Иране) 276, 278, 320, 333, 334
Султан-кала (Султан-Санджар) городище 173, 176, 177, 180—182, 186—189, 191, 192, 199*, 279, 282—288
Сумбинский пост 78
Сунак-курган разв. 201; см. также Сугнак
Сус 34, 35
Сусамыр 48
Суфиян 258
Суяб 47, 48*, 50, 60, 97, 99
Сыр-Дарьинская обл. 21*, 25, 31, 38, 39, 95, 102, 367, 380
Сыр-Дарья р. 89, 95, 97, 102, 125, 143, 151, 191*, 196, 241, 401
Сюткент разв. 124

Таджикистан 292
Талайхан-Ата разв. 197
Талас — см. Тараз
Талас р. 21—23, 25, 27, 30—38, 46, 53, 54, 58, 95, 97, 100, 104, 113, 115, 258, 308, 381
Талды-су (Талды-булак) ключ 61
Талки перевал 79, 87, 103
Тальхиза 75
Тамга р. 71
Тамгач-хана дворец — см. дворец Тамгач-хана
Тамтадж 28, 29
Тангут 384, 385
Тара р. 375
Тараз (Талас) 28, 29*, 32—36, 48, 80, 97, 99, 104, 105, 114, 115
Тарсакент 55*
Тарты ст. (поздн. Луговое) 39, 40, 48, 99
Тас г. 386
Тахира замок — см. замок Тахира
Таш-рабат 37, 59
Ташкент 21, 27, 75, 83, 89, 99, 122, 141, 155—157, 158*, 159, 169, 197, 243, 244, 247, 249, 250, 254, 280, 307
Ташкентский район 157*
Ташкентский уезд 170, 258
Тебриз 150, 240, 320, 333
Тегеран 150, 295*, 404
Текабкет 35
Теке оз. 148*
Теке р. 86
Текес р. 78, 82, 104
Текорская церковь — см. церковь Текорская
Тек-турмас 38
Темерлик р. 78
Термез 56, 288, 401
Терс р. 27, 28, 113
Терсакест ущ. 55
Тибет 394
Тивериада 351
Тигр р. 196
Тифлис 136, 203, 206*, 326
Тишкан 79
Тли 297
Тобольск 237
Тоймакент разв. 31, 32, 35, 114
Токмак 44—46, 49, 101, 253
Тола р. 386, 393*, 394*
Тон 75
Тон р. 71, 72, 74
Топчи 304*
Тохаристан 303
Трансоксиана (Трансоксания) 88, 95, 97, 99—102, 106, 107, 111
Трапезунд 149*
Тузар 71
Тумар-уткуль 125
Тумгал 86
Турайгыр ст. 67, 68, 151
Турбат 27
Туркестан 66, 100, 103, 108, 143, 145, 147, 150*, 153, 157, 159, 162, 166—169, 199, 201, 236, 237, 240, 243—245, 250, 254, 255, 257, 258, 260, 261, 264, 267—270, 272, 273, 279—281, 284, 362, 372, 384, 399, 398*, 399—403, см. также Средняя Азия
Туркестан Восточный (Китайский) 47—49, 53, 54, 57, 59, 81, 96, 99, 100, 108, 114, 143, 163, 294, 323
Туркестан Западный (Русский) 38, 95, 96, 114, 154, 155, 163
Туркестан Китайский 330
Туркестанская Республика 243, 254, 269

Туркестанский край 154, 155, 201, 236
Турфан 52, 97, 108, 163
Турция 190, 240
Тус р. 78, 200, 334
Тэлэрги (Тэрэльчжи, Тэлэрцзы) г. 386
Тюлькю-баш 112, 113
Тюлькю-баш г. 112, 113
Тюлькю-баш разв. 26, 29, 112—114
Тюмень-арык ст. 201, 380
Тюп р. 31, 63, 65, 66, 70*, 77
Тюя-куйрук 61
Тянь-Шань хр. 51, 52, 108, 399*, 402

Узбой 150, 196, 197, 400, 402
Узбой Келифский — см. Келифский Узбой
Узгенд (совр. Узген) 58, 59, 99, 273, 289
Узун-Агач 84
Узунтам разв. 78
Уйгурия 82*, 97
Уйтал р. 74
Уйтал ст. 69
Уку-тас зимовка 38
Улан-морин р. 394
«Улица кожевников» (в Мерве) 193
«Улица Сельма» (в Мерве) 193
Улугбека обсерватория 253
Улуг-Иф (Ик) 80, 104
Улутау горы 394, 396
Улькун-тау горы 71
Урал р. 395
Ура-Тюбе 88—90, 169, 349
Урга 87
Ургенч 401
Ургут 91, 110, 258
Урмия оз. 167*
Ур-мурал — см. Уюрл-мурал
Урумчи 103
Урянхай 395*
Уч-аджи 401
Уч-Турфан 100
Уюрл-мурал р. 114

Фараб 53, 150
Фарс 50*, 116, 326, 334, 360
Фергана 34*, 57, 59, 60, 95, 96, 99, 149*, 151, 268, 307, 308, 348, 401
Ферганская обл. 141, 268
Феррара 296
Флоренция 296
Франция 244, 326
Фрунзе 49*; см. также Пишпек
Фулади р. 304*

Хамадан 166, 174*
Хамукет (Джамукет) 33—35
Хамун оз. 147
Хан 125
Хан-тюбе горы 72
Харекан кан. 185
Харран 53
Хауз-и Хан 241
Хива 197, 198, 240, 398*
Хиваабад (Хивакабад) 242*
Хивинская республика 260
Хивинское ханство 197, 260
Хилла 333
Хильменд р. 146, 147
Химс 351
Хисари-кухна 292; см. также Калаи-кухна
Хитай — см. Китай
Ходжент 88, 89, 402
Хомс (Эмеса) 222
Хорасан 141, 149, 183, 191, 194, 295, 303*, 314, 324, 334, 354*
Хоргос кр. 79, 80, 83
Хоргос р. 87
Хорезм 120*, 125*, 157*, 175, 176, 183, 354*, 405—407
Хорин-мазар 81
Хосун-орду — см. Хусы-волудо
Хошаванк монастырь 205*, 206
Храм св. Ильи 91*
Ху 406
Хуанхэ р. 394
Хузистан 327
Хульм р. 301
Хурмузферра 184*
Хурмузферра кан. 175, 183
Хусы-волудо (Хосун-орду) 54
Хусы-орду 54
Хэси 384

Царим р. 87
Церковь Апостолов 210, 227
— св. Григория Абугамренца 228
— св. Григория («Греческая церковь») 204, 213, 215, 219—224, 232

Церковь Дворцовая 215, 216, 233
— Ереруйская 223, 227, 229, 232
— св. Сергия в Сададе 222
— Спасителя 215
— Текорская 211, 216, 223
Цебельда р. 222
Центральная Азия 302, 371
Цзедань г. 49
Цзюйлань 47, 48

Чаганиан 274; см. также Саганиан
Чаган-Усун р. 87
Чакпак ключи 26, 113
Чалдавар ст. 40, 41, 43, 47
Чарвак-тепе 111
Чаш-тюбе курган 58, 59
Черганак р. 77
Черное море 96, 141
Черный Иртыш р. 378*, 396
Чжамнак р. 396
Чжимуэр 82
Чилик (Зайцевка) 85*, 104
Чилик р. 85*
Чиль-Духтеран (усыпальница Шейбанидов) 249, 253
Чильхуджра 90
Чимкент 21, 27, 95, 111, 367
Чимкентский уезд 27, 112, 367
Чингильдинский пост 85
Чинпанцзы кр. 81
Чичхан р. 71
Чоктал ст. 65, 66, 68
Чок-тепе курган 42
Чола-казак разв. 43*
Чолпан-Ата (Чолпан) ст. 65, 67, 68
Чон-турткуль кр. 42
Чон-Урюхты (Большая Урюхты) р. 69
Чу р. 22, 23, 25, 27, 30, 41, 42, 45, 46, 48—50, 54—56, 58, 95, 97, 99, 101, 104, 152, 196
Чугучак 100
Чуйская дол. 21, 22, 44, 46, 47, 53—55, 57, 95, 111, 258
Чуль-тепе курган 31
Чунжи 78

Шавгар горы 28
Шавдар (Савдар) г. 28, 91*, 98, 99, 110
Шаим-кала городище 189*
Шамси перевал 57
Шамси р. 44
Шаповаловка 31
Шараб 28, 29
Шах-и зинде — см. мавзолей Шах-и зинде
Шахр-и гольгола разв. 304
Шахр-и Зохак разв. 304
Шахристан (в Ахале) 189
Шахристан (в р-не Ура-Тюбе) 89, 90, 169, 349
Шахрисябз 169, 253, 277
Шахрихан-сай кан. 401
Шахрияр-арк 191*
Шаш 27, 53, 307, 349
Шельджи 34, 35, 100, 115
Ши 122
Шила 147
Шираз 333, 334
Ширак 209
Ширакская обл. 223
Ширван 327
Ширдар — см. медресе Ширдар
Ширкент 308
Шихо 103
Шиш-тепе 41, 43

Эгейское море 169
Эквиус (Equius) 85, 105*, ср. Ики-огуз
Эмиль 100, 391
Эмюрсах курган 47
Эрдек р. 70
Эрчӱгин-Лан-тинг-балгасун 391
Эрзерум 266, 404, 405
Эрк-кала 191*
Этрурия 234
Эчмиадзин 225, 226
Эчмиадзинский собор 211

Юлдуз 107
Юмгал р. — см. Джумгал
Юран р. 28*

Яны 35, 36
Яныбалык 35
Яны-Дарья р. 196
Япония 273, 300
Ясы перевал 59, 99

Alactac (Aladagh) — см. Алатау
Equius 104

J-tu — см. Иду
Yssicol 75
Oxus 402; см. Аму-Дарья

جوبان 184*

چار دولاب 194
ربع السقادم 184*
کویان 191*
ماهان 178*
میر ماهان 178*

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

абхазы 327*
алтайцы 388*, 393
американцы 128*
англичане 299
арабы 33, 51, 53, 60, 97, 98, 166, 173, 174*, 180, 184, 214, 265, 279, 283, 291, 297, 303, 304*, 406*
арахоты 146
арийцы 122
армяне 205, 208, 213, 214, 220, 231, 233*
армяне-халкедониты 212, 372*
афганцы 142

бактрийцы 119, 120
болгары 53
болгары камские 100
буряты 369, 388*, 393

византийцы 232

германцы 320, 321
греки 89, 126, 270, 404
греко-бактрийцы 270
грузины 214, 327*
гузы 180, 287, 288

джикили 75
дунгане 42, 82, 402
дуглат 62

евреи 168, 169*, 313, 402
евреи бухарские 402
европейцы 68, 142*, 378

зарапги 146
зирихгеран 120—122

индо-скифы 270
иранцы 119, 143, 297
итальянцы 126
ихтиофаги 146

йеменцы 180

казахи 22*, 367
кай 274
кайи (кайиг) 274
калмыки 31, 39, 45, 65, 81, 85*, 86, 87, 96, 400
канглы 96
кангюй, кангюйцы (канцзюй) 95
кара-китаи 35, 54, 100, 101, 106
карлуки (халлухи) 39, 75
каспийцы 119
кафиры 297
кашгарцы 57
кидани 100, 392
кимаки 47
кипчаки 39*, 378
киргиз-казаки (ошибочное название казахов) 38*, 57
киргизы (ошибочное название казахов) 22, 31, 37, 38, 40, 45, 47, 56, 77, 84, 85*, 201, 368, 380, 382*, 388*
киргизы (тяньшаньские) 58, 61, 63, 64*, 65, 66, 68, 69, 74, 75
китайцы 33, 37, 38, 47, 49, 51, 59, 64, 81, 86, 96, 100, 321, 392, 402, 406
команы 378
копты 213
кубачи 120, 121
кумыки 121
курды 233

маньчжуры 100
массагеты 406*
моголы 297, 298
монголы 36, 54, 55, 79, 86, 89, 101—103, 107, 108, 182, 188, 189, 190*

274, 288, 292, 301, 307, 320—324, 326, 327*, 331, 334, 344, 369, 371, 372, 379, 381—385, 386*, 387—393, 395, 396, 402

монголы персидские 232

найманы 101, 102
нумидийцы 374*

огузы 51
ойраты 391
ориты 146
османцы 274

парсы 166
парфяне 120
персы 120, 174*, 214, 241, 321
половцы 378—381
португальцы 296

римляне 265
русские 39, 40, 65, 69, 115, 142*, 299, 375, 378

«сарацины» 85, 104
сарты 31, 41, 49, 115, 402
сельджуки 232
сирийцы 97, 213, 372
скифы европейские 143*
согдийцы 119, 291
сойоты (урянхайцы) 388*

таджики 298
тангуты 321
таранчи (таранчинцы) 80—82, 402
татары 51, 389, 390; см. также монголы
татары приволжские 405
татары сибирские 374, 375
терене 375
тибетцы 97, 321
«тилисцы» 406
токуз-огузы (тугузгузы) 50—52
токуз-уйгуры 50
тукюе (туцзюе) 51; см. турки
турки 185, 214, 297, 323, 371, 375—378, 384, 385, 388, 392, 393, 396, 402; см. также тюрки
туркмены 105, 283, 297, 298
ту-цзи-ши — см. тюргеш
тюргеш 49*
тюрки 33, 38, 39, 51, 53, 84, 96—98, 100, 113, 264*, 369, 370; см. также турки

узбеки 36, 241, 297, 298, 402
уйгуры 51, 52, 144, 321, 382, 384
урянхайцы 389, 391
усунь, усуни 64, 95, 96
ухуанцы 392

финны 371*
франки 320*
фури 388*

хазарийцы 297
халкедониты 212
халлухи — см. карлуки
хой-ху 51
хунны 392

шато 51

юз 240

якуты 393

Kangha — см. кангюй
Tughzghuz 51

كوسه احمدلو 239*

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

аксакал 80
албан 344
алпагу (йилпагут) 344
алпагу (ялпагу, албагун) 344
алпагут (алпаут) 344
арба (*'арабā*) 192, 407, 408
арбатэн 389
арк 255, 280, 281
аркаун, архаун 371, 372
астодан 166, 167
āташ-параст 90
ат-таш 380

бадж (*бāдж*) 319, 332, 337
балбал 38, 377, 378, 381
балыш 323
барāт 328*
бахадур (*бахāдур*) 318, 319
бек 205, 354, 355
белед (*балад*) 174, 175, 182
берид (*барīд*) 28
бухар-худат (*буχāр-χудāт*) 120, 159, 166, 185, 359

вардапет 222
везир (*вазīр*) 52, 180, 240, 321, 397
вихара 199
вишап 228, 234*

ғанīма 183
гумбез (*гунбад, гунбаз*) 265
гурган (*гӯргāн*) 363
гурук — см. курук
гурхан (*гурχāн*) 54, 56, 100, 101
гяз (*газ*) 117
гяур (*гāвур*) 111*

дамулла *(дāмуллā)* 308
дāрӯға 190
дахма (*даχма*) 119, 120, 132, 165—168, 395
дервиш (*дарвēш*) 376
дергах (*даргāх*) 117*
джамук 33*; см. также хамук
джизйа 183
диван (*дīвāн*) 329—331, 334
динар (*дīнāр*) 322—325, 334*, 335, 350, 360
дирхем (*дирхам*) 33, 164, 323—325, 327, 338, 344—347, 351, 352, 358*
дихкан (*дихқāн*) 199

зиярет (*зийāрат*) 304*

ильхан (*īлχāн*) 319, 322*, 324, 326, 327*, 328
имам (*имāм*) 55*, 56, 193, 311
инджу (*īнджӯ*) 329, 330, 333
иперпер 327*
ислам (*ислāм*) 80, 98, 100, 107, 111, 112, 149, 163, 165, 173, 198, 205, 237. 257, 260, 262, 269—273, 280, 284, 291, 297, 303, 304*, 332, 340, 368, 375, 395, 397
ихшид (*иχшīд*) 132, 140
ихэ-курук 382

каган 384; см. также хакан
казий (*қāзӣ*) 287, 330

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения (в том числе и тех, которые в тексте приведены только в арабской графике); когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках, после транскрипции Бартольда.

кал'а (*қал'а*) 173
калан (*қалāн*) 318, 330, 331, 333
канглы 407
караван-сарай (*карвāн-сарāй*) 199, 227
карас 211
қаср 193, 265
кафир (*кāфир*) 375
кед, кеде (*кад*, *каде*) 33
кедхуда (*кадхудā*) 337
кадхудā-йи маҳалла 337
кибит 407
кишачило (*хӧшӧ-чулу*) 380
копчур 330—332
коша 87
кубба 265
курган 379
курганча 69, 74
курмӧс 369
курук (*қурӯқ*) 383—385, 389, 390, 395
курукчий (*қурӯқчī*) 384, 387
куруптай 35
қӯрчī 190, 193
кухендиз (*кухандīз*) 173
кӯшк 193
кэбтэул 329
кэрэксур 382
кяриз (*карīз*) 124

ли 33

мазар (*мазāр*) 27, 80—82, 91, 111, 113, 124, 137, 277, 395
максура (*мақсӯра*) 188
манзал 28
марзбан (*марзбāн*) 178
махалля (*маҳалла*) 174*
медина (*мадина*) 173, 174, 182—184, 186; см. также шахристан
медресе (*мадраса*) 36, 116, 117, 182, 198, 239, 244—247, 249, 253, 256, 274, 275, 287, 297*, 401
мечеть (*масджид*) 34, 79, 80, 81, 98, 111, 116, 117, 128, 131, 132, 140, 151, 173, 176—182, 188, 191, 193, 198, 199, 205, 213, 228, 238, 241, 246, 248*, 252—254, 274, 275, 278, 279, 284, 288, 292, 313, 314, 318*, 375, 376
минарет (*манāра*) 36, 56, 117, 132, 193, 244, 247, 255, 278, 380, 287, 313
минбар (*минбар*) 193
мирза (*мīрзā*) 354
мискаль (*миҫқāл*) 324
михраб (*миҳрāб*) 79
мулла (*муллā*) 42
муҫаллā 188
мутеваллий (*мутавалли*) 252
муфтий (*муфтī*) 238*

намазгах (*намāзгāх*) 192, 383
насх (*насҳ*) 55
науруз (*наурӯз*) 397
наус (*на'ӯс*) 166, 167, 186, 198
невахи (*навāҳī*, мн. ч. от *нāҳийа*) 346, 347
немери (*намāрī*) 318, 334, 335

обо 396
оссуарий (ossuarium) 119, 154—158, 160*, 161—165, 166*, 167—171, 200, 245, 257, 258, 268, 271, 400
остодан — см. астодан

парон 232*

рабад (*рабад*) 173—176, 178, 179, 184, 199*
рабат (*рибāт*) 296*
раджа 369, 373*
райя (*ра'āйā*) 337
ратха 406
реис (*ра'īс*) 337
руб' 174*, 175*
рустак (*рустāқ*) 34, 174, 176

санджари (*санджарī*) 199
синташ (сим-таш) 380, 381
султан (*султāн*) 81, 180, 283, 284, 286—288, 320*, 376
сумбе 78
сын, сын-тас 380
сюрет-таш 380

таваджи (*тавāджī*) 346, 347
тамга (*тамғā*) 318, 332—334, 354
тамгачи (*тамғāчī*) 332, 333*
танур (*танӯр*) 233, 285
тарх (*тарҳ*) 318, 335, 336
тархан (*тарҳāн*) 191*
тепе (тюбе) 380

тернагир (drhnagir, ϑərnaqir, ḍernagir) 318, 336, 337
тираз (*ṭирāз*) 232
томан (*тӯмāн*) 322—325, 334*
тугаджи (*тӯгāджӣ*) 347
турткуль 31, 41, 60, 70, 72
тюмень 110

улус 80, 105, 108
урга 87

фай' 183
факих (*фақīх*) 55, 180, 311
фарсах (*фарсаχ*) 34*
фельс (*фалс*) 186*, 350, 351
фикх (*фиқх*) 180, 311

χавāла 328*
хакан (*χāқāн*) 49, 52, 54
халиф (*χалīфа*) 90, 227, 303
хамук (*джамӯк*) 33
хан (*χāн*) 57, 76, 79, 80, 86, 100, 105, 107, 108, 113, 114, 118, 190*, 200, 240, 272, 280, 289, 317*, 318*, 323, 329, 344, 375, 382—391, 393, 395, 404
ханака (*χāнқāх*) 36, 116
харадж (*χарāдж*) 183, 321*, 334
χарақат 363
харим (*χарīм*) 384
хасинджу (*χāсс-ӣнджӯ*) 329
хауз (*χауз*) 177, 190
хедив (*χидīв*) 360
ходжа (*хᵇāджа*) 117
хоилга 388
хорезмшах (*хᵇāризм-шāх*) 101, 102, 173, 180, 191, 288, 344

хун-тайчжи 31

чакир (*чāкир*) 166
чарсу (*чахāрсӯ, чāрсӯ*) 192—194

ша'рбаф (*ша'рбāф*) 80
шариат (*шарī'ат*)
шафииты 179
шах (*шāх*) 200, 240—242
шаханшах (*шāхāншāх*) 241, 307
шахристан (*шахристāн*) 130, 131, 134, 139, 140, 173, 174*, 189, 191—193, 246, 251*, 256, 280, 284, 285, 288, 289, 291, 292; см. также медина
шейх (*шайχ*) 55, 81, 87, 164, 238*, 249, 274, 308, 311, 363
ширмерд (*ширмард*) 249, 274
шури

эмир (*амāр*) 59, 66, 81, 90, 107, 118, 194, 238, 280, 298, 308, 364, 389, 404

яйлак 35
ялпагучи 344

huw
sin 380; см. также сын

ενῖαφιαῖαί 119

كوترمه 408

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

Авеста 96, 165

Бабур-наме Захир ад-дина Бабура 354
Бустан ас-сийах Зейн ад-дина Ширвани 376
Бэй-ши 122, 168*, 392

Вендидад 166*

«Границы мира» — см. *Худуд ал-'алам*

Дастур ал-катиб 319*, 321*
ал-Джами' ас-сахих Абу Абдаллаха Бухари 311
Джами' ат-таварих Рашид ад-дина 24, 313*
Джами' ат-таварих Сейф ад-дина Ахсикети 308
Джихан-нума Хаджи Халифы 53*

Замчи-наме 190*
«Записки» Бабура — см. *Бабур-наме*
Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди 24, 59

«История династии Суй» — см. *Суй-ши*
«История династии Тан» — см. *Тан-шу*
«История династии Юань» — см. *Юань-ши*
«История завоевателя мира» Джувейни — см. *Та'рих-и джахангушай*
«История Кашгара» — см. *Та'рих-и Кашгар*
«История Северных дворов» — см. *Бэй-ши*

Кандийа — см. *Китаб ал-канд фи та'рих Самарканд*
Китаб ал-ансаб Сам'ани 23
Китаб ал-булдан Я'куби 176*
Китаб ал-канд фи та'рих Самарканд Несефи 190*
Китаб-и Молла-заде Му'ин ал-фукара 198*
Китаб-и Надири — см. *Наме-йи 'аламара-йи Надири*
Коран 278, 317*, 340
Кутадгу билик Юсуфа Баласагунского 357*, 384, 407

Маджма' ал-ансаб Шебангараи 329*
Мифтах Абу Я'куба ас-Секкаки 86
Муджмал ал-луга (*ал-Муджмал фи-л-луга*) 174*
Мусамарат ал-ахбар 327*

Надир-наме — см. *Наме-йи 'аламара-йи Надири*
Наме-йи 'аламара-йи Надири Мухаммед-Казима 240*
Нузхат ал-кулуб Хамдаллаха Казвини 24, 322

Рисала-йи Меликшахи 325

«Сад путешествий» — см. *Бустан ас-сийах*
Самарийа Абу Тахир-ходжи 238*
«Сборник летописей» Рашид ад-дина — см. *Джами' ат-таварих*
Сельджук-наме Захир ад-дина Нишапури 287
Сийасат-наме Низам ал-мулька 322*
«Слово о полку Игореве» 381
«Сокровищницы знаний» Абу-л Хасана Нишапури 33
Суй-ши 122, 168
Сурах-уль-люгат [*Сурах ал-луга*т] 56

Тавāрӣх-и гузīде-йи нусрат-нāме 355*
Тāдж ал-ма'āсир Мухаммеда Низами 357
Тан-шу 22, 48, 97, 406
Та'рӣх-и Бейхак Абу-л-Хасана Бейхаки 174*
Та'рӣх-и Вассāф Вассафа 24
Та'рӣх-и джахāнгушāй Джувейни 24
Та'рӣх-и Кāшгар Абд ал-Гаффара Алма'и 375
Та'рӣх-и Рашīдӣ Мухаммед-Хайдера 25, 55, 56, 58—60, 76, 80, 81, 86
Тīмӯр-нāме 376
Туҳфат ал-ҳāнӣ Мухаммед-Вефа Керминеги 238, 239

Ҳудӯд ал-'ālам 23

Чжэнь-цзянь-чжи 372

Фāтиҳа 241

Шейбāнӣ-нāме («Шейбаниада») 355

Юань-чао би-ши 386, 407
Юань-ши 345*

Фихрист ан-Недима 198*, 303*

«Codex Comanicus» 379, 407
«De civitata Dei» 404

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Раздел I

Археология

Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.

Предисловие 21
I. От Чимкента до Аулие-Ата 26
II. Берега Таласа 30
III. Путь от Таласа к Чу и Чуйская долина 37
IV. Бассейн Нарына 58
V. Озеро Иссык-Куль 63
VI. Илийская долина 77
VII. Некоторые сведения о памятниках древности в Мавераннахре 88

Статьи и рецензии

К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане 95
По поводу христианского селения Вазкерд 110
Отчет о командировке в Среднюю Азию 111
Мечеть Биби-ханым 116
Еще о самаркандских оссуариях 119
Рецензия на книгу: ПТКЛА, год V, 1900 124
К вопросу об археологических находках 126
Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. 130
Письмо в редакцию 134
К статье г-па д-ра Шмидта 135
Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в г. Баку 136
Поездка в Самарканд с археологическою целью 139
Рецензия на книгу: Explorations in Turkestan (1905) 141
К вопросу об оссуариях Туркестанского края 154
К истории Мерва 172
Рецензия на книгу: ПТКЛА, год XIV, 1910 196
Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани 202
Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими 236
Новые данные о самаркандских памятниках 238
Отчет о командировке в Туркестан 243
Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры 262
Самовольные раскопки и востоковедение 267
Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. 269
Бухара. Ее памятники и их судьба 280

По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. 282
Рецензия на книгу: В. Л. Вяткин, Городище Афрасиаб (1928) 290
Рецензия на книгу: Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан (1929) 293
Рецензия на книгу: A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān (1928) 300

Раздел II

Эпиграфика

Статьи

‹О двух арабских надписях Аулиеатинского уезда› 307
Текст первой надписи в Варухском ущелье 309
Перевод надписей на гробнице Термеза 311
Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче 313
‹Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль› 339

Раздел III

Нумизматика

Статьи

Из минц-кабинета при СПб. Университете. I. Неизданный самаркандский дирхем 343
О некоторых самаркандских дирхемах 346
Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете 348
II. Неизданный саманидский фельс 348
III. Фельс Исма'ила ибн Ахмеда 349
Из минц-кабинета при СПб. Университете. IV. Монеты Омейядов 350
Бəhбуд 354
Ильтутмыш 356
Нумизматическое отделение «Азиатского музея» 358
Монеты Улугбека 362

Раздел IV

Этнография

Статьи и рецензии

Рецензия на книгу: А. А. Диваев, Этнографические материалы (1894—1895) 367
Рецензия на книгу: Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне (1912) 369
Рецензия на книгу: Г. Н. Потанин, Ерке (1916) 371
К сказке о хитрости Дидоны 374
К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов 377
Из средневековой туркестанской поэзии 397
Рецензия на книгу: Fr. Machatschek, Landeskunde von Russische Turkestan (1921) 399
«Азиатская роскошь» 404
О колесном и верховом движении в Средней Азии 406

Приложения

Библиографическая справка 411
Сокращения 416
Библиография (цитированная литература) 420
Указатель имен 462
Указатель географических и топографических названий 473
Указатель этнических названий 486
Указатель терминов 488
Указатель названий сочинений 491

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ

Том IV

РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, НУМИЗМАТИКЕ, ЭПИГРАФИКЕ И ЭТНОГРАФИИ

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

*

Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректор *Л. М. Каменецкий*

*

Сдано в набор 8/IX 1965 г.
Подписано к печати 20/VIII 1966 г.
А-01534. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 31. Усл. печ. л. 43,4. Уч.-изд. л. 35,58
Тираж 4600 экз. Индекс $\frac{1\text{-}6\text{-}2}{\text{подписное}}$

Цена 2 р. 43 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград В-34, 9 линия, 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
241	13 сн.	*Фāтиҳу*	*Фāтиҳу*
263	1 св.	Бершему	Бершем
445	16 сн.	Խեղպրութիւն	Տեղպիւրթիւն
»	»	փոքք	փոքր
447	19 сн.	Թոթամանեան, Գափամական	Թոթամանեան, Գաւամական
»	18 сн.	Տաթարը	Տաճարը
481	прав. кол., 27 сн.	Сиканденж	Сикаденж
490	прав. кол., 4 сн.	huw	huw 380
492	прав. кол., 2 св.	*Фāтиҳа*	*Фāтиҳа*

Зак. 480